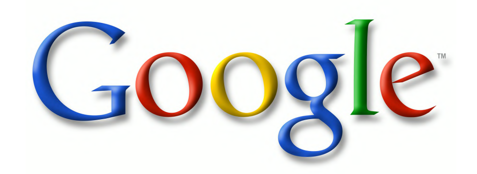


Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

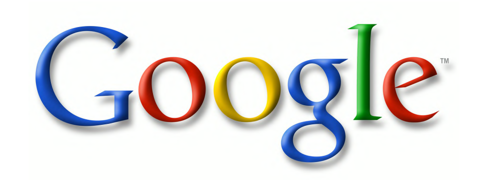
Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.



Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

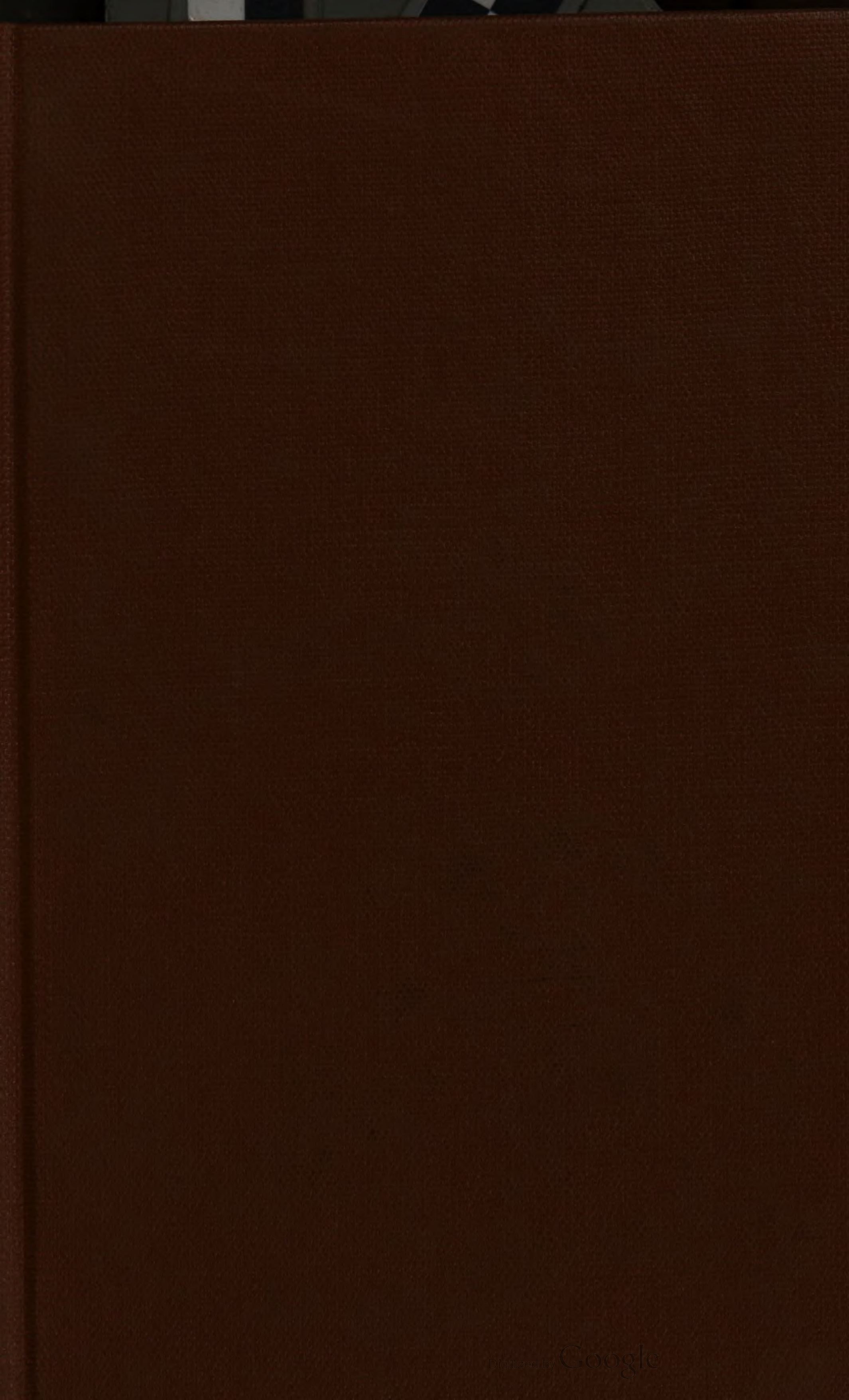
В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.


Digitized by Google

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

05(Р.Б.)„1899"
16(8)

НОЯБРЬ. 1899.

Russkoe bogatstvo.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

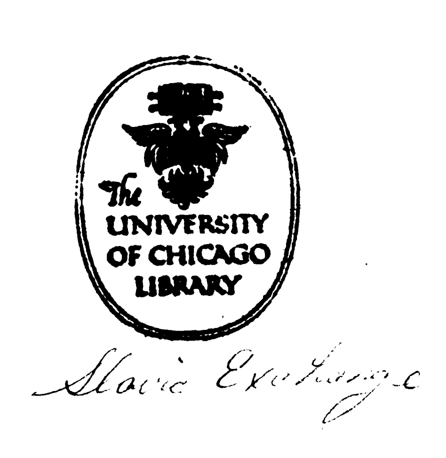


№ 8 (11).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1899.

Digitized by Google

HP50
.R94
November
1899



Slavic Exchange

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 24 ноября 1899 года

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ:

Digitized by Google

Открыта подписка на 1900 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой.	**9** р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . .	**8** р.
За границу	**12** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается **разсрочка:**

при подпискѣ . . . . **5** р.	или	при подпискѣ . . . **3** р.
		къ 1-му апрѣля. . **3** р.
и къ 1-му іюля . . . **4** р.		и къ 1-му іюля . . **3** р.

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ **безъ доставки** допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку **отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.**

Digitized by Google

Изданія редакціи журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»:

СКЛАДЫ: *въ* С.-Петербургѣ—*контора редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*
въ **Москвѣ**—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

С. А. АН—СКІЙ. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
Н. ГАРИНЪ. Дѣтство Тёмы. *Третье* изд. Ц. 1 р. 25 к.
ЕГО ЖЕ. Гимназисты. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.
ЕГО ЖЕ. Студенты. Ц. 1 р. 25 к.
ЕГО ЖЕ. Деревенскія панорамы. Ц. 1 р.
С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКІЙ. Очерки Сибири. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.
ЕГО ЖЕ. Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
ВЛ. КОРОЛЕНКО. Очерки и разсказы. Кн. 1-ая. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 50 к.
ЕГО ЖЕ. Въ голодный годъ. Изд. 3-ье. Ц. 1 р.
ЕГО ЖЕ. Слѣпой музыкантъ. Изд. шестое. Ц. 75 к.
Л. МЕЛЬШИНЪ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. *Два тома.* Ц. 3 р.
Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Сочиненія въ шести томахъ. Удешевленное изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.
А. О. НЕМИРОВСКІЙ. Напасть. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.
С. Н. ЮЖАКОВЪ. Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. *Третье,* вновь исправленное и дополненное, *изданіе.* Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства“, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 г. Цѣна за годъ 8 р.

Пересылка журнала за эти года за счетъ заказчика наложеннымъ платежомъ—товаромъ большой скорости или бандеролью.

Digitized by Google

ШЕСТЬ ТОМОВЪ СОЧИНЕНІЙ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, **съ портретомъ автора.**

Цѣна 12 руб.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его „новая наука". 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV. Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ".

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ «Русскаго Богатства» цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежемъ* — товаромъ большой скорости или заказной бандеролью.

Digitized by Google

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) Непринятыя рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г., если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ съ 1-го ноября, будутъ уничтожены.


Digitized by Google

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

VIII.

На слѣдующій день Николай Ивановичъ объявленъ женихомъ, а черезъ мѣсяцъ состоялась и свадьба. Свадьба была отпразднована весело и торжественно: съ шитьемъ приданаго, съ дѣвичникомъ, съ пѣснями, съ шаферами, съ музыкой и танцами. Все это время Николай Ивановичъ жилъ, какъ въ чаду, среди непрестанной сутолоки, шума и суеты. Иногда онъ пробовалъ протестовать противъ излишнихъ затѣй, но безъ всякаго результата.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, не ворчи,—возражала Лидочка:—все это надо, надо... Свадьба на всю жизнь, и все это надо непремѣнно... Нѣтъ, милый, ужъ ты, пожалуйста, не вмѣшивайся, ты ничего не понимаешь, и я такъ хочу.

Послѣ свадьбы наступило, впрочемъ, для Николая Ивановича еще болѣе тревожное время. Прошелъ слухъ, что съ новаго года вводится въ губерніи судебно-административная реформа. Слухъ этотъ встревожилъ, взбудоражилъ весь чиновничій міръ. Одни воспрянули духомъ и окрылились надеждами, другіе пріуныли. Когда слухъ подтвердился, начались лихорадочные, тревожные хлопоты и поголовное паломничество въ губернскій городъ. Кандидатовъ на новыя должности оказалось такое множество, что ихъ хватило бы на нѣсколько губерній. Упраздняемые мировые судьи и непремѣнные члены крестьянскихъ присутствій, состоящіе на дѣйствительной службѣ и отставные офицеры, становые пристава изъ дворянъ, учителя гимназій и городскихъ училищъ, заброшенные въ нашу недворянскую губернію дворяне безъ предѣленныхъ занятій, ветеринарные врачи, секретари и дѣлопроизводители упраздняемыхъ присутствій—всѣ волновались, надѣялись, предъявляли свои права, просили, хлопотали, искали протекціи, писали прошенія и докладныя записки. Лидочка всполошилась и стала настойчиво посылать мужа въ губернскій городъ.

Digitized by Google

— У тебя всѣ права: губернаторскій племянникъ, съ высшимъ образованіемъ,—говорила она:—помилуй! чего еще надо? надо торопиться... Поѣзжай какъ можно скорѣе, а то опять упустишь время: ты такой, право, байбакъ.

— Милая моя!—возражалъ Николай Ивановичъ:—во-первыхъ, быть земскимъ начальникомъ я не желаю, во-вторыхъ, просить дядю теперь мнѣ было бы уже и неловко: чуть не два года онъ у насъ въ губерніи, а я у него не бывалъ. Совѣстно на глаза показаться.

— Но почему ты не желаешь быть земскимъ начальникомъ?

Николай Ивановичъ началъ подробно, но весьма сбивчиво объяснять.

— Ахъ, какія глупости!—перебила его Лидочка:—ну, можно ли говорить такія глупости?

— Что глупаго въ томъ, что я говорю?

— Да все. Противно слушать. Эка, тебя не спросились, какъ все это устроить. То-то было-бы хорошо.

Вскорѣ Николай Ивановичъ убѣдился, что Лидочка не только не хочетъ, но и не можетъ его понять, что она его нисколько не уважаетъ и не придаетъ никакой цѣны тому, что онъ считалъ своими убѣжденіями. Это его и удивило, и огорчило. Онъ пересталъ говорить, тяжело вздыхалъ, сидѣлъ, уткнувшись въ книгу, или уходилъ изъ дому. Но атака не прекращалась.

— Съ новаго года ты, значитъ, безъ должности останешься?—спрашивала Лидочка.

— Должно быть.

— Тогда какъ же мы жить будемъ? Ты думаешь объ этомъ или нѣтъ?

— Не безпокойся, не пропадемъ. Какъ-нибудь проживемъ.

— Коля, милый, вѣдь, все это... я не знаю... что ты говоришь, вѣдь, это такія глупости, что я не знаю... курамъ на смѣхъ!..

Хуже всего было то, что Николай Ивановичъ и самъ начиналъ сознавать, что, съ извѣстной точки зрѣнія, всѣ его доводы не болѣе, какъ глупыя слова, что ни жену, ни тестя ему не разубѣдить и что рано или поздно ему придется согласиться на все. Онъ пересталъ спорить, терпѣливо, безъ возраженій выслушивалъ все, что ему ни говорили, и какъ-то печально замолкалъ. Лидочка плакала, считая себя глубоко несчастной; его молчаніе приводило ее въ отчаяніе, однако она не унималась, будучи глубоко убѣждена, что мучитъ его для его же пользы.

Однажды Николай Ивановичъ, съ покорнымъ и несчастнымъ

Digitized by Google

видомъ выслушивая безконечные упреки и жалобы, вдругъ, неожиданно для самаго себя, пришелъ въ ярость, затопалъ ногами, закричалъ и въ дребезги разбилъ дорогую лампу, хвативъ ее объ полъ. Разыгралась дикая, безобразная сцена. Лидочка въ истерикѣ билась на кровати; Николай Ивановичъ, подавленный раскаяніемъ и стыдомъ, цѣловалъ ея руки, умоляя о прощеніи. Къ вечеру этого дня онъ долженъ былъ признать свое полное пораженіе. Миръ былъ возстановленъ, и черезъ два дня молодые супруги, дружелюбно бесѣдуя, ѣхали въ губернскій городъ.

Не безъ душевнаго трепета и нѣкоторой неловкости подходилъ Николай Ивановичъ утромъ слѣдующаго дня къ губернаторскому дому. Раздѣвшись въ передней, онъ вошелъ въ пріемную, гдѣ былъ записанъ въ книгу дежурнымъ чиновникомъ. На мягкихъ диванахъ сидѣло нѣсколько человѣкъ во фракахъ и мундирахъ. Одни изъ нихъ имѣли измученный и скучающій видъ и сидѣли молча; другіе разговаривали шепотомъ и беззвучно смѣялись. При входѣ, у самыхъ дверей стояла старушка вся въ черномъ, держа въ рукахъ сложенную бумагу, и полицейскій чиновникъ въ мундирѣ. Всѣ оглянулись на Николая Ивановича, когда онъ вошелъ, и пристально на него посмотрѣли. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и увидѣвъ въ зеркалѣ свое напряженное, поблѣднѣвшее лицо, онъ повертѣлся въ нерѣшительности и сѣлъ. Сквозь двери изъ губернаторскаго кабинета глухо доносились голоса. Такъ прошло около четверти часа. Вдругъ дверь кабинета отворилась, и какой-то господинъ во фракѣ, съ взволнованнымъ и краснымъ лицомъ, напряженно и неестественно улыбаясь, вышелъ изъ кабинета, остановился на мгновеніе, утерся платкомъ и быстро прошелъ въ переднюю. Въ то же время изъ кабинета послышался нетерпѣливый звонокъ, на который опрометью бросился дежурный чиновникъ. Вернувшись въ пріемную, чиновникъ на ходу сказалъ что-то одиноко сидѣвшему бѣлокурому господину. Тотъ съ испуганнымъ лицомъ безпокойно задвигался, вскочилъ, пригладилъ волосы на головѣ и, ощупавъ пуговицы сюртука, нырнулъ въ дверь. Минуты три спустя изъ кабинета послышался громкій и сердитый голосъ... Всѣ находившіеся въ пріемной вздрогнули, притихли и стали напряженно прислушиваться. Полицейскій чиновникъ вытянулся, опустилъ руки по швамъ и началъ постепенно багровѣть. Старушка съ бумагой въ рукахъ безпокойно задвигалась и принялась охорашиваться. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Голосъ въ кабинетѣ то опускался до нѣжнаго рокота, то совсѣмъ замолкалъ, то снова поднимался до крика.

— Кто тамъ? кого онъ такъ?—вполголоса спросилъ толстый господинъ во фракѣ другого въ вицъ-мундирѣ, повидимому, чиновника особыхъ порученій.

Digitized by Google

— Предсѣдателя N—ской земской управы,—отвѣтилъ тотъ и неодобрительно покачалъ головой.

— Предсѣдателя управы?.. какъ же такъ?.. Странно!..

Чиновникъ пожалъ плечами и неопредѣленно улыбнулся.

— Но въ чемъ дѣло? за что?..

— Голодъ у нихъ тамъ, кажется...

— Да, да, да... въ самомъ дѣлѣ... но, вѣдь, онъ же не виноватъ?

— Ну, знаете, всетаки непріятно.

Господинъ во фракѣ, удовлетворившись, повидимому, этимъ отвѣтомъ, сказалъ: «положимъ», потомъ зѣвнулъ и, наклонившись къ уху чиновника, сталъ ему что-то тихо говорить. Вдругъ дверь кабинета отворилась и оттуда явственно долетѣлъ голосъ губернатора:

— Передайте всѣмъ, что такъ нельзя-съ... Это-съ... это... безобразіе-съ... Я не позволю-съ... слышите? Не забывайте, что теперь не тѣ времена-съ... теперь я могу требовать-съ...

Вслѣдъ затѣмъ выскочилъ, какъ изъ бани, предсѣдатель N—ской управы, красный, взволнованный, съ трясущейся челюстью, и, ни на кого не глядя, почти бѣгомъ устремился къ выходу. Въ кабинетъ позвали толстаго господина во фракѣ, онъ также изобразилъ на лицѣ испугъ, засуетился, растерянно посмотрѣлъ кругомъ, оглядѣлъ себя, поправилъ орденъ на шеѣ и мелкими шажками подошелъ къ двери. Стрѣлка часовъ приближалась къ двумъ, дверь отворялась и затворялась, черезъ нее вошли и вышли еще нѣсколько человѣкъ, а Николай Ивановичъ все сидѣлъ и ждалъ. Вначалѣ онъ развлекался, наблюдая присутствующихъ и прислушиваясь къ разговорамъ, потомъ сталъ зѣвать и впалъ въ какое-то отупѣніе. Нѣсколько разъ порывался онъ встать и уйти, но, вспомнивъ, что результатовъ его свиданія съ губернаторомъ съ страстнымъ нетерпѣніемъ дожидается Лидочка, что онъ для этого проѣхалъ болѣе ста верстъ, оставался.

Въ пріемной уже почти никого не было, только чиновникъ въ полицейской формѣ по прежнему стоялъ навытяжку у дверей, да старушка съ прошеніемъ что-то шептала высохшими губами и всякій разъ вздрагивала и приходила въ безпокойство, когда изъ губернаторскаго кабинета доносился какой нибудь звукъ. Николай Ивановичъ перешелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу, гдѣ по панелямъ шли люди. Какъ онъ завидовалъ имъ, что они свободны и независимы и не имѣютъ нужды подвергать себя унизительному ожиданію въ пріемной начальника! «Зачѣмъ я здѣсь? чего мнѣ надо?»—думалъ онъ: «зачѣмъ я унижаюсь въ роли просителя? вѣдь, это вовсе не нужно, совсѣмъ не нужно... Надо встать и уйти какъ можно скорѣе...» Онъ вздрогнулъ отъ топота ногъ и какого-то шепота позади

Digitized by Google

него и оглянулся. Въ пріемную входили три мужика въ сопровожденіи швейцара, который тыкалъ ихъ, дергалъ за рукава и что-то говорилъ сердитымъ шепотомъ. Вглядѣвшись, Николай Ивановичъ узналъ неволинскихъ ходоковъ. Онъ хотѣлъ было подойти къ нимъ, но въ это время съ шумомъ распахнулась дверь кабинета, и оттуда вышелъ губернаторъ въ сопровожденіи правителя канцеляріи.

Николай Ивановичъ не сразу узналъ дядю: онъ посѣдѣлъ, постарѣлъ, поблекъ, осунулся; знакомое Николаю Ивановичу выраженіе постоянной озабоченности приняло характеръ скорби, проложившей глубокія складки около носа и морщины на лбу; тощія бакенбарды его сильно посѣдѣли, а остатки волосъ на затылкѣ и на вискахъ были тщательно зачесаны на лобъ и на темя тонкими прядями, сквозь которыя просвѣчивала бѣлизна черепа. Правитель канцеляріи, здоровый, видный и крѣпкій мужчина, съ великолѣпнѣйшею русою бородой и веселыми, бойкими глазами, быстрымъ орлинымъ взглядомъ осмотрѣлъ пріемную и что-то шепнулъ дежурному чиновнику, послѣ чего тотъ вышелъ. Губернаторъ подошелъ прямо къ мужикамъ.

— Что такое? что такое?—спросилъ онъ, нахмурившись, и складки скорбной озабоченности на лицѣ выступили еще рѣзче.

Мужики низко въ поясъ поклонились.

— Что такое?—уже съ нетерпѣніемъ въ голосѣ еще разъ спросилъ губернаторъ.

Черный мужикъ выступилъ впередъ и опять поклонился.

— Будьте милостивы, ваше превосходительство,—проговорилъ онъ, старательно выговаривая слова.

— Въ чемъ дѣло? въ чемъ дѣло, я спрашиваю?

— Такое дѣло, ваше превосходительство, что остались мы безъ земли, безъ пристанища, безъ пропитанія... раззорены въ конецъ съ малыми дѣтьми и со всѣмъ семействомъ...

Мужики повалились въ ноги.

— Что такое? что такое? — растерянно заговорилъ губернаторъ, оглядываясь по сторонамъ.—Что такое? въ чемъ дѣло?—обратился онъ къ правителю канцеляріи.

Правитель канцеляріи, слегка наклонивъ голову, сталъ что-то въ полголоса говорить мягкимъ и сочнымъ баскомъ. Николай Ивановичъ разслышалъ только: «Тѣ самые... неволинскіе мужики... башкирскіе припущенники... потеряли право... извѣстный процессъ... покушеніе на убійство?»...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо губернатора принимало гнѣвное выраженіе.

— Сенатъ въ нашу пользу рѣшилъ, — произнесъ черный мужикъ, видимо, возражая правителю канцеляріи: — въ нашу пользу... у насъ указъ... какъ можно!..

Digitized by Google

— Это вы все путаете,—бросилъ въ сторону мужика правитель канцеляріи.

— Ничего мы не путаемъ... у насъ указъ...

Губернаторъ вдругъ покраснѣлъ...

— Вонъ!—крикнулъ онъ высокимъ тонкимъ голосомъ.—Вы еще смѣете на глаза показываться... Вонъ!

Испуганные мужики отшатнулись, но не двинулись съ мѣста.

— Уходите, уходите!—мягко сказалъ правителъ канцеляріи, положивъ руку на плечо чернаго мужика.

Изъ передней показались швейцаръ и лакей и потащили мужиковъ за рукава. Въ выдвореніи мужиковъ принялъ участіе и полицейскій чиновникъ-проситель.

— Вамъ что-съ?—обратился къ нему губернаторъ, когда онъ, вернувшись на мѣсто, опять вытянулся у дверей.

— Честь имѣю представиться вашему превосходительству околодочный надзиратель Мархоленко,—заговорилъ тотъ, отчеканивая слова и багровѣя:—подавалъ вашему превосходительству прошеніе о пособіи...

— Ну-съ? Знаю-съ. Что вы лѣзете? Обратитесь къ полицеймейстеру.

— Такъ точно, обращался, ваше превосходительство. Препятствій не имѣетъ.

— Это все равно-съ, это все равно-съ. Должны къ нему обращаться. Поняли?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Идите.

— Слушаю-съ.

Когда дошла очередь до старушки, она вся всполошилась и что-то быстро-быстро заговорила, безпрестанно кланяясь и улыбаясь.

— Что у васъ? прошеніе? Дайте!—перебилъ ее губернаторъ, взялъ изъ ея рукъ бумагу, передалъ ее чиновнику и отошелъ.

Старушка продолжала улыбаться, но, видимо, была ошеломлена.

— Идите, — сказалъ ей правитель канцеляріи и махнулъ рукой.

Старушка подошла къ нему и стала что-то быстро шептать.

— Да, да... хорошо, хорошо... вы идите, — сказалъ опять правитель канцеляріи и отвернулся.

Старушка постояла, посмотрѣла на всѣхъ съ недоумѣніемъ и вышла. Губернаторъ между тѣмъ подходилъ къ Николаю Ивановичу.

— Ну-съ?—спросилъ онъ съ угрюмымъ и скучающимъ видомъ, но, всмотрѣвшись, сдѣлалъ удивленное лицо и сказалъ:— а! это ты?.. пожаловалъ, наконецъ?.. вотъ оно... Ну, что?

Digitized by Google

— Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству.

— А! вотъ какъ!.. А гдѣ-же ты былъ до сихъ поръ?

— Въ Обуховскѣ.

— Знаю, знаю... Опомнился, наконецъ?.. Ну, хорошо, хорошо. Иди туда, вонъ туда... подожди тамъ... Ну, кто еще?— обратился губернаторъ къ правителю канцеляріи.

Но просителей больше не оказалось, и онъ, круто повернувшись, пошелъ въ дверь налѣво въ залу.

IX.

— Ну, садись, садись, — говорилъ Николаю Ивановичу дядя, когда они очутились въ гостиной. — Ну что? ну какъ? разсказывай. Фанаберіи оставилъ? а?

— Какія фанаберіи?

— Ну, эти... завиральныя идеи тамъ и прочее... Помнится, ты, вѣдь, того... придерживался этихъ разныхъ... сознайся, а?.. Хорошо, что оставилъ... Мнѣ говорили, впрочемъ, что ты и здѣсь не того... предосудительныя знакомства и прочее... а?

— Право, не знаю, о чемъ вы говорите.

— Ну, этотъ... былъ тамъ у васъ какой-то... корреспондентъ или Богъ его знаетъ... возмущалъ крестьянъ и тому подобное...

— Если вы о Чагинѣ, то онъ никогда не возмущалъ крестьянъ, могу васъ увѣрить... Это превосходнѣйшій человѣкъ.

— Ну, вотъ видишь... какъ ты странно выражаешься!.. Какъ онъ можетъ быть превосходнѣйшимъ человѣкомъ?.. Впрочемъ, можетъ быть, это не тотъ... не знаю, не могу утверждать, но слышалъ, слышалъ и, признаться, скорбѣлъ...

Съ минуту они молчали. Губернаторъ, видимо, начиналъ скучать, взоръ его разсѣянно блуждалъ, а на лицѣ опять появилось скорбящее выраженіе.

— Да, да... такъ вотъ ты того... это хорошо,—проговорилъ онъ и, помолчавъ, тяжело вздохнулъ, потомъ спросилъ: — ну, какъ же ты? что?..—и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:— усталъ я страшно... тяжелыя времена-съ... тяжелая губернія-съ... Людей нѣту-съ! нѣтъ людей-съ!.. И при такихъ условіяхъ управлять краемъ!.. Нѣтъ исполнителей, нѣтъ надежныхъ, преданныхъ и разумныхъ истолкователей... Мудрено, мудрено-съ... Вонъ голодъ выдумали! имъ легко говорить: голодъ! они съ легкимъ сердцемъ кричатъ: голодъ!.. Они неотвѣтственны, имъ все равно, голодъ или не голодъ... Между тѣмъ, все это вздоръ: никакого голода нѣтъ... Вздоръ, вздоръ!.. Я произвелъ спеціальное разслѣдованіе черезъ особаго чинов-

Digitized by Google

ника, и что же оказалось? Мыльный пузырь, праздная болтовня, ерунда!..

— Но, вѣдь, дѣйствительно, голодъ...—началъ было Николай Ивановичъ, но дядя не далъ ему договорить...

— Гдѣ-съ?—спросилъ онъ раздраженно.

— По крайней мѣрѣ, говорятъ, что въ двухъ уѣздахъ.

— Говорятъ-съ?.. но кто говоритъ-съ?.. Мужики ѣдятъ чистый пшеничный хлѣбъ, мужики ѣдятъ соленую рыбу, мясо, ватрушки—это онъ собственными глазами видѣлъ-съ... это фактъ-съ!.. И это голодъ? соленую рыбу, мясо, ватрушки—это голодъ-съ? Говорятъ... то-то, что очень много говорятъ и очень мало дѣлаютъ-съ... Раздуть все можно-съ... Наконецъ, допустимъ, что, дѣйствительно, обнаружены нѣкоторыя неправильности въ продовольствіи, но къ чему же кричать? зачѣмъ бить тревогу? зачѣмъ меня подводить подъ непріятность?.. зачѣмъ? къ чему это?.. У меня и безъ того теперь—вотъ! по самое горло!.. А тутъ еще реформа... Положеніе хуже губернаторскаго...

Губернаторъ горько улыбнулся, махнулъ рукой и умолкъ. Николай Ивановичъ счелъ настоящій моментъ самымъ удобнымъ, чтобы изложить свою просьбу. Выслушавъ его, губернаторъ почему-то выразилъ на лицѣ крайнее изумленіе.

— Тебѣ сколько лѣтъ?—спросилъ онъ.

— Двадцать восемь.

— Да... двадцать восемь... Но вѣдь ты того... ты не того... Намъ нужны люди преданные и убѣжденные... и, вообще, я не знаю...

— Мнѣ казалось,—перебилъ его Николай Ивановичъ,—что за меня всѣ данныя: я состою на государственной службѣ, получилъ высшее образованіе, дворянинъ...

— Да, дворянинъ... конечно, это весьма важно... это большое преимущество... Ну, что жъ? съ Богомъ!.. Само собой, что и высшее образованіе... Ты гдѣ хотѣлъ бы утвердиться?

— Да ужъ тамъ же, гдѣ живу, въ Обуховскѣ.

— Въ городѣ или въ уѣздѣ?

— Въ городѣ лучше.

— Что же? Очень хорошо. Въ городѣ, кажется, уже обѣщано кому-то, но это можно устроить... Благословляю.

Полчаса спустя Николай Ивановичъ возвращался въ свой номеръ въ такомъ радостномъ настроеніи, какого уже давно не испытывалъ. «Довольно спать, киснуть, сидѣть сложа руки», говорилъ онъ себѣ дорогою: «пора приняться за дѣло,—открывается широкая дорога, обширное поле дѣятельности. Великое дѣло власть, когда она въ добрыхъ рукахъ, а сколько можно сдѣлать добра! какая открывается перспектива!.. И какъ этого я раньше не видѣлъ, не понималъ? Власть можно съ одинако-

Digitized by Google

вымъ удобствомъ направить на добро и на зло. Я употреблю ее исключительно на добро. Это такъ очевидно, такъ просто. Какъ я этого не понималъ? Я мудрствовалъ лукаво и не понималъ простыхъ вещей, а вотъ Лидочка своимъ безхитростнымъ умомъ поняла... Молодецъ Лидочка! и какъ я счастливъ, что все такъ случилось».

Истомившаяся ожиданіемъ Лидочка выбѣжала ему навстрѣчу. Засмѣявшись отъ радости, онъ схватилъ ее въ охапку и пошелъ съ нею кружиться по комнатѣ.

Возвращеніе домой было самое веселое, но радость ихъ продолжалась не долго. Вскорѣ распространился слухъ, что губернаторъ Насѣдкинъ получилъ четырехъ-мѣсячный отпускъ, уѣхалъ въ Петербургъ и больше не вернется. Говорили, что онъ признанъ неспособнымъ осуществить реформу во всей ея полнотѣ, что его дѣйствія по вопросу о народномъ продовольствіи не одобрены, и что онъ выходитъ въ отставку. Извѣстіе это произвело страшный переполохъ. Счастливые избранники впали въ уныніе, отвергнутые кандидаты снова возгорѣлись надеждой. Черезъ два мѣсяца пріѣхалъ новый губернаторъ Распутинъ. Опять со всѣхъ концевъ губерніи началось тревожное паломничество въ губернскій городъ. Тревога увеличилась еще больше, когда новый губернаторъ заявилъ, что, въ виду почти совершеннаго отсутствія въ губерніи дворянскаго элемента, имъ приглашены изъ другихъ мѣстъ до пятидесяти лицъ на новыя должности, преимущественно изъ дворянскаго и военнаго сословія. Въ утѣшеніе онъ прибавлялъ, что во всякомъ случаѣ мѣстнымъ людямъ отдано будетъ предпочтеніе и что списокъ, составленный его предшественникомъ, будетъ по возможности сохраненъ. Обѣщаніе это, однако, не было выполнено: пришельцы постепенно вытѣсняли мѣстныхъ людей на всѣхъ позиціяхъ. На должностяхъ исправниковъ, становыхъ приставовъ, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ появлялись господа съ странными фамиліями, съ страннымъ произношеніемъ, съ странными взглядами на свои права и обязанности, какіе-то Сангайло-Серебрянскіе, Козыревичъ-Дашкевичи, Сандригайло-Перемоловы, Бунчъ-Кучинскіе, Брамьянцъ-Свиридовы... Изъ прежнихъ кандидатовъ на должности земскихъ начальниковъ получили обѣщаніе не болѣе двѣнадцати человѣкъ. Въ числѣ этихъ счастливцевъ оказался и Николай Ивановичъ, вѣроятно, какъ племянникъ бывшаго губернатора. Мировые судьи всѣ безъ исключенія были забракованы. Нѣсколько кандидатовъ, повидимому, изъ самыхъ безнадежныхъ, неожиданно для всѣхъ попали въ списокъ и были представлены къ утвержденію. Въ числѣ таковыхъ оказался и Петръ Петровичъ Смолинъ, которому было обѣщано мѣсто предсѣдателя обуховскаго уѣзднаго съѣзда.

Въ декабрѣ всѣ будущіе дѣятели, въ числѣ ста двадцати

Digitized by Google

человѣкъ, собрались въ губернскомъ городѣ и заполонили собою клубы, театръ, гостиницы и увеселительныя заведенія. Городъ оживился и принялъ какой-то особенный видъ, видъ не то ликующаго, не то побѣжденнаго города.

Николай Ивановичъ, совершенно измотавшійся за это время, сбитый съ толку, пришибленный и оторопѣлый, съ недоумѣніемъ и нѣкоторымъ страхомъ смотрѣлъ на толпу своихъ будущихъ коллегъ въ фуражкахъ съ красными околышами, на половину въ военныхъ мундирахъ, прислушивался къ ихъ разговорамъ и удивлялся. Его поразило прежде всего, что громадное изъ нихъ большинство, будучи совершенно незнакомо съ законами о новой реформѣ, считало это дѣломъ неважнымъ, имѣющимъ интересъ лишь для письмоводителей, и имѣло самое превратное, большею частію преувеличенное представленіе о предѣлахъ своей власти; затѣмъ его поразило обиліе проектовъ упорядоченія деревенской жизни; нѣкоторые изъ нихъ были столь легкомысленны, что Николай Ивановичъ не зналъ, что и подумать. Господствовало всюду то особенное, приподнятое и радостное настроеніе, какое бываетъ передъ выступленіемъ въ походъ. Только Николай Ивановичъ да еще два-три человѣка чувствовали себя придавленными, сконфуженными и словно въ чемъ-то виноватыми, почти не говорили и робко озирались кругомъ.

Начался рядъ торжествъ. Сначала былъ обѣдъ у губернатора, на которомъ были всѣ власти, потомъ балъ, потомъ товарищескій обѣдъ по подпискѣ и, наконецъ, балъ въ благородномъ собраніи.

Прежде чѣмъ отпустить новыхъ начальниковъ по своимъ участкамъ, губернаторъ обратился къ нимъ съ пространной рѣчью, въ которой назвалъ ихъ солью Русской земли и указалъ, что отъ нихъ зависитъ все будущее Россіи. Начальникамъ горнозаводскихъ участковъ была назначена особая аудіенція, на которой губернаторъ тоже держалъ къ нимъ рѣчь, хотя далеко не столь краснорѣчивую; она касалась, главнымъ образомъ, практическаго примѣненія реформы къ заводскому населенію.

Отуманенный, ошеломленный, съ тяжелымъ камнемъ въ душѣ, уѣхалъ Николай Ивановичъ на мѣсто своего служенія.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Прошло около семи лѣтъ. Удушливо жаркій іюльскій день клонился къ вечеру. Знойный воздухъ былъ пропитанъ дымомъ. Безоблачное небо желтовато-молочнаго цвѣта тяжело нависло надъ землею; вмѣсто солнца, висѣлъ тусклый, кроваво-красный дискъ безъ лучей. Гдѣ-то горѣли лѣса, пахло гарью, отчего тяжелый, удушливый зной казался еще удушливѣй. Тянувшій упорно съ утра крѣпкій юго-восточный вѣтеръ не разгонялъ дымной пелены, окутавшей небо и землю, и не приносилъ съ собою прохлады. Что-то жуткое и зловѣщее было въ его знойномъ дыханіи.

Въ тѣни, подъ навѣсомъ небольшой желѣзно-дорожной станціи скорыми шагами ходилъ взадъ и впередъ полный, красивый мужчина лѣтъ тридцати шести въ бѣломъ кителѣ и форменной фуражкѣ съ кокардой. Отпыхиваясь и обливаясь потомъ, онъ то вынималъ изъ кармана часы, то смотрѣлъ вдаль, гдѣ рельсовый путь, огибая гору, скрывался въ лѣсу, и откуда долженъ былъ показаться поѣздъ. Станція находилась на самомъ хребтѣ возвышенности, и съ нея открывался видъ на далекое разстояніе. По одну сторону росъ тощій пихтовый лѣсокъ, по другую узкая зеленая поляна крутымъ обрывомъ спускалась въ глубокую долину, на днѣ которой, сквозь сизую мглу, застилавшую окрестности, извивалась и блестѣла какая-то рѣчка. Дальше смутно виднѣлись тяжело нагроможденныя другъ на друга горы.

На платформѣ появились жандармъ, начальникъ станціи и нѣсколько служащихъ. Начальникъ станціи, почтительно снявъ фуражку съ краснымъ верхомъ, подошелъ къ господину въ кителѣ.

— Встрѣчаете кого нибудь, Николай Ивановичъ, или сами изволите ѣхать?—спросилъ онъ, пріятельски улыбаясь.

— Да, встрѣчаю, встрѣчаю. Одного стариннаго знакомаго, можно сказать, друга, Петра Филипповича Чагина. Вамъ, можетъ быть, знакомо это имя?

— Нѣтъ-съ. Признаться, не имѣлъ этого удовольствія...

— Я потому васъ спросилъ, что это имя пріобрѣтаетъ теперь довольно обширную извѣстность: Чагина, можно сказать, читаетъ вся Россія.

— А-а!.. вотъ какъ! скажите!..

— Онъ мой старинный пріятель, когда-то друзьями были. Почти десять лѣтъ не видались... Ѣдетъ ко мнѣ погостить...

Digitized by Google

— Да, вотъ какъ... весьма пріятно... весьма, можно сказать, лестно... И на долго изволятъ они къ намъ?

— Не знаю, не могу сказать... Пишетъ только, что намѣренъ потомъ за границу. Здоровье у него что-то не того... разстройство нервной системы или вродѣ того... Доктора совѣтуютъ отдыхъ и перемѣну образа жизни...

— Да, да, да...

— И удивительно! прежде несокрушимаго здоровья былъ человѣкъ, именно несокрушимаго, а вотъ подите!.. что значитъ столичная жизнь...

— Да, столичная жизнь... она не то чтобы... Да, такъ вотъ какого гостя вы встрѣчаете... весьма интересно... А вонъ и поѣздъ...

— Гдѣ? уже?.. Вотъ неожиданно!..

Николай Ивановичъ заторопился, хотя поѣздъ былъ еще далеко.

Когда изъ вагона вышелъ элегантно одѣтый, высокій и очень худой человѣкъ съ черной бородой, Николай Ивановичъ не узналъ въ немъ Чагина и, скользнувъ по немъ взглядомъ, побѣжалъ въ другой конецъ поѣзда.

— Николай Ивановичъ!—догоняя его, крикнулъ Чагинъ:—кого ищешь? не меня ли?

— Ахъ, Боже мой!.. неужели это ты?—воскликнулъ Николай Ивановичъ, останавливаясь въ недоумѣніи.

Пріятели обнялись, троекратно облобызались и, взявшись за руки, посмотрѣли другъ на друга. Каждый въ глазахъ другого сильно перемѣнился. Николай Ивановичъ растолстѣлъ, утратилъ щегольскую внѣшность и свѣжесть красокъ въ лицѣ, подурнѣлъ и пріобрѣлъ солидную мѣшковатость. Чагинъ сильно похудѣлъ и какъ будто выросъ, лицо его стало еще выразительнѣе, опредѣленнѣе и строже, хотя глаза пріобрѣли болѣе мягкое и доброе выраженіе, и въ глубинѣ ихъ проглядывала усталость и затаенная грусть.

— Какъ это я не узналъ тебя?—говорилъ Николай Ивановичъ:—вѣдь, ты совсѣмъ, совсѣмъ такой же, не перемѣнился нисколько, только бородой обросъ.

— А я тебя сразу узналъ, хоть и нельзя сказать, чтобъ ты не перемѣнился,—отвѣчалъ Чагинъ.

— Что дѣлать! вѣдь, десять лѣтъ... цѣлыхъ десять лѣтъ! страшно вымолвить... Но гдѣ твои вещи?

— А вотъ несутъ. Признаться, я не ждалъ, что ты меня встрѣтишь.

— Господи! какъ же ты не ждалъ? какъ же не встрѣтить?.. Да я чуть съ ума не сошелъ отъ радости, когда получилъ, наконецъ, отъ тебя телеграмму... да и жена тоже.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, ты женатъ.

Digitized by Google

— Восьмой годъ, другъ мой, восьмой годъ.

— И дѣти есть?

— Дѣтей, слава Богу, нѣту. Ну, ѣдемъ, ѣдемъ!

Черезъ минуту они сидѣли въ экипажѣ. Отъѣхавъ отъ станціи съ полверсты, они очутились передъ старымъ разрушеннымъ мостомъ какой-то странной конструкціи, на каменныхъ устояхъ, съ чугунными тумбами.

— Прямикомъ поѣдемъ, баринъ, али въ объѣздъ?—спросилъ ямщикъ.

— А не навалишь?

— Богъ дастъ, проѣдемъ какъ нибудь, благословясь.

— Ну, валяй!

Ямщикъ круто повернулъ лошадей направо, мимо моста и сталъ осторожно спускаться съ крутого глинистаго берега.

— Тише!.. тише!.. осторожнѣй!..—подавшись впередъ и держась руками за передокъ экипажа, кричалъ Николай Ивановичъ?

Экипажъ сильно накренился сначала на одинъ бокъ, потомъ на другой, потомъ стремглавъ скатился внизъ и съ размаху завязъ въ трясинѣ. Лошади, барахтаясь выше колѣнъ въ грязи, стали отчаянно биться. Ямщикъ, привставъ на козлахъ, принялся изо всей мочи хлестать ихъ кнутомъ. Тройка рванулась, подвинула повозку на полъ-аршина впередъ и опять увязла въ болотѣ; правая пристяжная, запутавшись въ постромкахъ, упала. Ямщикъ разразился бранью, опять засвистѣлъ кнутъ, кони дернули и, наконецъ, съ величайшимъ усиліемъ вытащили экипажъ на противоположный почти отвѣсный берегъ.

— Слава Богу!.. Вотъ наказанье-то!..—проговорилъ Николай Ивановичъ.—Вотъ у насъ, братъ, какая цивилизація!

Поѣхали дальше, но не по дорогѣ, которая оказалась непроѣзжею, а рядомъ, по лѣсу, пробираясь между стволами деревьевъ и задѣвая колесами за пни и колоды.

— Отчего здѣсь такая дорога?—спросилъ Чагинъ.

— Отчего?—съ раздраженіемъ переспросилъ Николай Ивановичъ.—Оттого, что проходитъ заводскими владѣніями, должна содержаться на ихъ счетъ — вотъ отчего!.. Черти!.. проклятые скареды!.. Отчего? Да оттого, что никто ее не чинитъ.

— Но почему же?

— То-то вотъ, почему?.. Такова заводская политика, такова заводская экономія!.. Иногда становой сгоняетъ мужиковъ на дорогу съ окрестныхъ селеній — только этимъ и держится, а то бы, я и не знаю, что было... Теперь лѣто, а посмотрѣлъ бы ты, что осенью дѣлается—вѣдь, это уму непостижимо!.. А теперь и мужиковъ не заставишь дорогу чинить, потому что, вопервыхъ, въ самомъ дѣлѣ, они не обязаны, а во-вторыхъ...

Digitized by Google

во-вторыхъ, въ прошломъ году заводоуправленіе на весь лѣсъ, вырубленный для починки дороги, составило протоколы и привлекло мужиковъ къ отвѣтственности по суду.

— Что ужъ это такое! какъ же такъ?

— А такъ. Мужики поплатились огромнымъ штрафомъ. Ну, за то теперь ужъ и становой больше не безпокоитъ ихъ.

— Но развѣ дорога не нужна заводу?

— Какъ не нужна? Необходима. Единственная дорога, соединяющая насъ съ внѣшнимъ міромъ, другой нѣту. По ней перевозятся всѣ заводскіе грузы... Но она нужна, конечно, также и населенію, а этого достаточно, чтобъ заводы отказались ее ремонтировать.

— Казалось бы, прямая выгода для завода содержать дорогу въ исправности...

— Да, это по обыкновенному человѣческому смыслу, а у горнозаводчиковъ свой смыслъ и свои разсчеты.

— Но какіе же могутъ быть разсчеты—ѣздить по отвратительнымъ дорогамъ?

— Разсчеты гоголевской Коробочки. Заводскіе грузы и тяжести возитъ, конечно, населеніе, а заводъ только деньги платитъ.. Какое дѣло заводской администраціи, по худой или по хорошей дорогѣ везутъ тяжести мужики?.. Но главное здѣсь, конечно, политика. Починить дорогу, видишь-ли, значитъ оказать населенію благодѣяніе, а политика ихъ такова: никакихъ поблажекъ, никакихъ благодѣяній!..

— Но, вѣдь, ты сказалъ, кажется, что заводоуправленіе по закону обязано содержать дорогу.

— Обязано, да. Натуральная повинность.

— Тогда почему же оно не исполняетъ этой повинности?

Николай Ивановичъ пожалъ плечами.

— Какой ты наивный человѣкъ!—сказалъ онъ. — Законъ, обязанности! развѣ они для горнозаводскихъ магнатовъ существуютъ?.. Законъ! а кто заставитъ ихъ исполнять его? По крайней мѣрѣ, никто до сихъ поръ не могъ или не хотѣлъ этого.

— А ты? вѣдь, ты земскій начальникъ.

Николай Ивановичъ засмѣялся и махнулъ рукой.

— Ну, братъ! велика птица земскій начальникъ для князя Амалатбекъ-Подкорытова! да ему и губернаторъ нисколько не страшенъ... Дорога, братъ, что!—мелочь, пустяки, есть вещи гораздо серьезнѣе... Да вотъ поживешь, самъ увидишь... Тебѣ это даже не мѣшаетъ знать, какъ литератору, а мнѣ, признаться, надоѣло... то есть, такъ надоѣло, что не глядѣли бы мои глаза... Ну ихъ къ дьяволу!.. Скажи-ка лучше что-нибудь о себѣ,—какъ живешь? что дѣлаешь? Ты боленъ былъ? что съ тобой было?

Digitized by Google

— Такъ... разстройство нервной системы... общій упадокъ духа... Теперь ничего.

— Можетъ быть, переутомленіе?

— Можетъ быть.

— Само собой, переутомленіе: вѣдь ты, я полагаю, работалъ, какъ волъ—что же мудренаго?

— Да... но кажется, что вся эта работа ни къ чему и вообще... хотя не стоитъ теперь объ этомъ говорить... Скажи, пожалуйста, отчего такой дымъ?

— Лѣса горятъ, лѣсные пожары. Каждое лѣто глотаемъ мы эту гадость.

— А пожары отчего?

— Господь ихъ вѣдаетъ! это никому неизвѣстно. Сваливаютъ все, по обыкновенію, на мужиковъ, будто бы они изъ мести поджигаютъ, но это, разумѣется, вздоръ. Мужики сами себя наказывать не станутъ, а лѣсные пожары для нихъ сущее наказаніе: сгоняютъ ихъ на пожарище въ непроходимыя дебри со всѣхъ окрестныхъ селеній на мѣсяцъ и больше, а это весьма тяжелая, опасная и разорительная повинность... Нѣтъ, я думаю, что главная причина здѣсь — полнѣйшая безхозяйственность. Лѣсу много, его не берегутъ и не жалѣютъ. Всѣ заботы о лѣсѣ сводятся къ преслѣдованію населенія за самовольныя порубки и уничтоженію кустарныхъ огнедѣйствующихъ заведеній. Есть такія статьи въ горномъ уставѣ, на основаніи которыхъ заводоуправленія преслѣдуютъ кустарей безпощадно, какъ браконьеровъ или контрабандистовъ. Получить разрѣшеніе на устройство самой простой крестьянской кузницы здѣсь дѣло прямо невозможное, выпросить позволеніе на починку или возобновленіе старой, пришедшей въ ветхость, стоитъ огромныхъ хлопотъ и большихъ денегъ. Вотъ къ чему сводятся здѣсь лѣсохранительныя мѣры. Я заваленъ тысячами протоколовъ о самовольныхъ порубкахъ. Мастеровой не можетъ вырубить ни одного прута даже на своемъ собственномъ покосѣ: существуетъ фикція, что лѣсъ, гдѣ бы онъ ни росъ, принадлежитъ заводу. Крестьянскіе покосы, находясь подъ особой охраной, постепенно заростаютъ лѣсомъ, чего, собственно, и добивается заводоуправленіе. Не взирая на запрещеніе, мастеровые вырубаютъ молодую поросль на покосахъ,—отсюда та масса дѣлъ о нарушеніи лѣснаго устава, о которой я говорилъ. И все это та же политика, проистекающая изъ застарѣлой, непримиримой ненависти къ населенію.

— Откуда же эта ненависть?

— Не могу тебѣ объяснить. Повидимому, она не имѣетъ никакихъ разумныхъ основаній, однако это не просто эксплуатація, это, именно, ненависть, вражда. Можетъ быть, эта взаимная закоренѣлая вражда сохранилась отъ временъ крѣ-

Digitized by Google

постнаго быта... Въ глазахъ заводоуправленія каждый мастеровой природный врагъ его, вредить которому не упускается ни одного случая.

— Удивительныя ты вещи разсказываешь.

— Да вотъ, увидишь, самъ увидишь.

Когда стали подъѣзжать къ заводу, солнце почти уже закатилось, золотя послѣдними красными лучами верхушки сосенъ. Хвойный лѣсъ сталъ постепенно рѣдѣть, мѣшаясь съ березнякомъ и осиной, появились прогалины, лоскутки засѣянныхъ рожью пашенъ, и вдругъ изъ-за кустовъ шиповника и дикой малины открылось великолѣпное зрѣлище. Огромный прудъ, раскинувшійся на нѣсколько верстъ въ долинѣ, между горами, какъ расплавленное золото, горѣлъ и сверкалъ багрянцемъ заката. Справа, прижавшись къ плотинѣ, чернѣли трубы заводскихъ сооруженій; отъ нихъ тянулись кверху прямые, черные столбы дыма. Въ долинѣ и по склонамъ горъ, по берегамъ рѣчки и пруда расположилось большое селеніе, дворовъ до тысячи, съ темными, сѣрыми, красными и зелеными крышами, съ двумя церквями и каланчей. Золотые куполы колоколенъ и окна домовъ по холмамъ ярко сверкали на солнцѣ. Котловина, гдѣ находился центръ селенія, была въ глубокой тѣни, и надъ нею висѣло облако красновато-золотистой пыли.

По мѣрѣ того, какъ экипажъ спускался съ горы, отдаленная, лучшая часть селенія постепенно скрывалась изъ глазъ, словно проваливаясь въ пропасть, прудъ становился все уже и меньше; наконецъ, совсѣмъ исчезъ изъ вида. Когда спустились съ горы, передъ глазами торчали только ряды черныхъ, какъ сажа, угольныхъ сараевъ да нѣсколько жалкихъ, такихъ же черныхъ караульныхъ лачужекъ. Обогнувъ сараи, экипажъ покатился по широкой плотинѣ, и отсюда еще разъ открылась гладкая, сверкающая поверхность пруда. Миновали огромный заводскій дворъ, откуда несся стукъ и лязгъ машинъ, гулъ, шипѣнье пара, валилъ густой черный дымъ, пахло гарью, копотью и смазочнымъ масломъ, летѣли искры, а черезъ просвѣты оконъ и дверей фабричныхъ строеній виднѣлся ослѣпительно яркій огонь; наконецъ, очутились передъ большимъ, стариннымъ каменнымъ домомъ съ фронтономъ, съ колоннами и балкономъ, съ массивными кирпичными воротами, съ крыльцомъ изъ мраморныхъ плитъ, по бокамъ котораго лежали чугунные львы, выкрашенные въ желтую краску. Къ правой сторонѣ дома примыкалъ старый, тѣнистый, густой садъ, протянувшійся вплоть до самаго пруда.

— Вотъ мы и пріѣхали,—сказалъ Николай Ивановичъ.

— Неужели ты занимаешь эту хоромину?—спросилъ Чагинъ.

— Дѣйствительно, братъ, хоромина. Это заводскій домъ и

Digitized by Google

даже вся обстановка заводская. Квартиръ здѣсь нѣту, поневолѣ приходится одолжаться заводоуправленію... Но, впрочемъ, здѣсь цѣлая исторія. Домъ этотъ былъ спеціально для меня отдѣланъ еще до моего пріѣзда, но я отказался поселиться въ немъ наотрѣзъ и нанялъ квартиру у одного обывателя. Заводскіе заправилы разобидѣлись на меня—ужасъ! Поведеніе мое истолковано было, какъ начало явно враждебныхъ съ моей стороны дѣйствій противъ заводскихъ властей, сообщили въ главное управленіе, доложили князю... однимъ словомъ, начался такой переполохъ, точно заводамъ угрожала и не вѣсть какая опасность. Меня нѣсколько разъ вызывали для объясненій въ губернію, обвиняли въ безтактности, читали нотаціи и прочее и прочее... Вопросъ о моей квартирѣ начиналъ пріобрѣтать чрезвычайно важное, такъ сказать, принципіальное значеніе, тѣмъ болѣе, что даже и заводское населеніе видѣло въ этомъ что-то такое... однимъ словомъ, тоже интересовалось, чѣмъ эти пререканія кончатся... Тянулась эта канитель больше года. Наконецъ, мнѣ настойчиво посовѣтовали уступить...

— И ты уступилъ?—спросилъ Чагинъ...

— Что же мнѣ было дѣлать? Оставалось одно изъ двухъ: или покориться, или выходить въ отставку. Я разсудилъ, что даровая квартира еще ровно ни къ чему не обязываетъ, что все остальное, братецъ ты мой, можно того... Гдѣ барыня?—спросилъ Николай Ивановичъ горничную, которая встрѣтила ихъ въ передней.

— Барыня на террасѣ. У нихъ гости.

— Кто?

— Господинъ Сопѣгинъ, лѣсничій, управитель да слѣдователь.

— Сопѣгинъ, ты говоришь? и давно онъ сидитъ?

— Да ужъ съ часъ, пожалуй, васъ дожидаются.

— Кто этотъ Сопѣгинъ?—спросилъ Чагинъ.

— Главный управляющій заводами. Чортъ его не кстати принесъ! эдакая досада!..

— А что?

— Такъ... не люблю его... непріятный человѣкъ... и, навѣрное, опять что нибудь такое... какая нибудь каверза... Знаешь, не худо бы намъ сначала умыться, пріодѣться и вообще привести себя въ порядокъ, какъ ты думаешь? Пыли набилось и въ носъ, и въ ротъ... Кстати, я тебѣ твою комнату покажу. Комнатка — прелесть! окнами въ садъ. Утромъ ты можешь прямо черезъ окно и въ купальню: у насъ своя купальня въ саду.

Комната, въ самомъ дѣлѣ, оказалась чистенькой и нарядной, какъ игрушечка, просторной и удобной. Кровать съ бѣлоснѣжнымъ покрываломъ, письменный столъ, шагреневый мяг-

Digitized by Google

кій диванъ, два кресла и нѣсколько стульевъ, коммодъ, шкафъ для книгъ и умывальникъ—все было новое, все блистало свѣжестью красокъ и лакировки, придавая комнатѣ веселый, жизнерадостный видъ. Черезъ раскрытыя окна были видны цвѣточныя клумбы, кусты акацій, березовая аллея, погруженная въ вечерній сумракъ, далекая свѣтлая полоса пруда и блѣдно-голубое небо съ розовыми облаками. Комната была наполнена прохладой и пахучей свѣжестью стараго сада.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо!—воскликнулъ Чагинъ.

— Не правда ли? Очень радъ, что тебѣ угодилъ. Умывайся, прихорашивайся, а я сейчасъ.

Чагинъ подошелъ къ окну, которое было не выше аршина надъ землею, и еще разъ сказалъ про себя: «Въ самомъ дѣлѣ, какая прелесть!»

II.

Огромная терраса во всю длину дома съ массивными колоннами, чугунными перилами, красиво декорированная растеніями и цвѣтами, оканчивалась широкой лѣстницей въ садъ. У стола, покрытаго бѣлой скатертью, передъ кипящимъ самоваромъ сидѣла пополнѣвшая и похорошѣвшая Лидочка, красивыми и быстрыми движеніями разставляя чайную посуду. Неподалеку отъ нея, небрежно развалившись въ качалкѣ и закинувъ одну ногу на другую, помѣщался блѣдный и худощавый господинъ лѣтъ сорока пяти, лысый, съ жидкой бураго цвѣта бородкой, съ нервнымъ лицомъ и холодными сѣрыми глазами, горный инженеръ Сопѣгинъ. Противъ него, въ спокойной и удобной позѣ, расположился въ мягкомъ креслѣ плотный и крѣпкій пожилой человѣкъ съ великолѣпною сѣдою бородой, судебный слѣдователь Разсохинъ. На другомъ концѣ стола сидѣли рядомъ управитель завода Тохтуевъ, тусклый, невзрачнаго вида человѣкъ съ маленькими свиными глазками, и лѣсничій казенной посессіонной дачи, молодой парень, съ голубыми глазами на выкатѣ, по фамиліи Бессель.

— Заграничный рабочій и нашъ—это небо и земля,—говорилъ Сопѣгинъ, обращаясь главнымъ образомъ къ слѣдователю.—Заграничный рабочій прежде всего культурный человѣкъ, онъ вѣжливъ, почтителенъ, свѣдущъ, неутомимъ, а что важнѣе всего — онъ до педантичности честенъ. Онъ не украдетъ, не обманетъ, не станетъ отлынивать отъ работы; вы можете довѣриться ему вполнѣ, надъ нимъ не нужно семьдесятъ семь надзирателей, какъ надъ нашими пошехонцами. Я возненавидѣлъ нашихъ полу-мужиковъ, полу-рабочихъ съ тѣхъ поръ какъ побывалъ заграницей. Мнѣ противно смотрѣть на

Digitized by Google

эти чумазыя, дурацкія физіономіи, противно видѣть эту медлительность и вялость движеній, неосмысленность рѣчи, лѣность, нечистоплотность, хитрость, предательство!.. Воля ваша, а это еще дикари, особая низшая порода людей. Они должны еще пройти хорошую школу, однимъ словомъ, намъ нужно еще создать рабочаго, потому что его нѣтъ.

Слѣдователь, уже не въ первый разъ слышавшій эти рѣчи, слегка вздохнулъ, перемѣнилъ положеніе и равнодушно промолвилъ:

— Все это преувеличеніе, конечно.

— Преувеличеніе?—переспросилъ Сопѣгинъ и спустилъ ноги.—Нѣтъ-съ, почтеннѣйшій Сократъ Пантелеичъ, это не преувеличеніе. Нашъ заводскій рабочій еще не далеко ушелъ отъ деревенскаго мужика! Это существо неразумное, безъ логики, безъ здраваго смысла, не понимающее своихъ собственныхъ интересовъ. Они упрямы и неосмысленно упорны, разумное слово на нихъ не дѣйствуетъ. Да вотъ вамъ хотя бы такой примѣръ: вамъ извѣстно, что, благодаря излишку рабочихъ рукъ, у насъ работаютъ на три смѣны...

— То-есть, что это значитъ?

— Это значитъ, что каждый рабочій одну недѣлю работаетъ, а двѣ недѣли гуляетъ.

— Отчего это?

— Ахъ, Боже мой! отъ того, что рабочихъ много, а работы мало, нужно сто человѣкъ, а приходитъ триста—вотъ зачѣмъ! О чемъ же я и говорю. Чтобы работы хватило на всѣхъ, изъ трехъ недѣль каждый рабочій работаетъ на заводѣ только одну недѣлю...

— А остальныя двѣ что онъ дѣлаетъ?

— Ну, на печи лежитъ, отдыхаетъ, пьянствуетъ—не все ли равно? Я хочу обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство. При настоящемъ положеніи дѣла, когда работа дается имъ въ видѣ особаго снисхожденія, казалось бы, не трудно понять, что хозяевами положенія являются не они, а мы, т. е. заводская администрація, не такъ ли? Если я откажу отъ работы, вѣдь, ему, мерзавцу, прямо голодная смерть! Казалось бы поэтому, что они должны дорожить заработкомъ, не фордыбачить, не требовать Богъ знаетъ чего. Но въ томъ-то и дѣло, что это люди безъ логики, они не умѣютъ сообразить обстоятельствъ, простыхъ, какъ дважды два четыре. «Вы, говорятъ, слишкомъ много бракуете желѣза, мы несогласны».—А-а! несогласны? и не нужно: вонъ!.. Нѣтъ-съ, уважаемый Сократъ Пантелеичъ, прежде всего это народъ недисциплинированный, упрямый, ожесточенный и безнравственный. Имъ нужна продолжительная выучка, хорошая фабричная школа, дисциплина, хорошія ежовыя рукавицы. Попробуйте-ка дать имъ волю, по-

Digitized by Google

отпустите возжи!.. А главное, они, и какъ рабочіе, плохи: невѣжественны, ненаходчивы и не аккуратны... Я долженъ былъ принять цѣлый рядъ особыхъ мѣръ, чтобъ ввести ихъ въ оглобли...

— А именно?

— Во-первыхъ, штрафы... а главное—лѣсныя порубки!.. Они воображали, что имѣютъ какія-то права на льготное пользованіе лѣсомъ, ссылаясь на уставную грамоту и обычай... Я доказалъ, что право ихъ мыльный пузырь, я доказалъ, что могу, если захочу, все населеніе оставить безъ топлива... Они принялись было за воровство, но и это обошлось имъ не дешево. Наконецъ, они убѣдились, кажется, что куда ни кинь, все клинъ. Особенно въ дѣлахъ о самовольномъ сѣнокошеніи... У меня теперь по этимъ дѣламъ до семисотъ исполнительныхъ листовъ, отъ двадцати до трехъ сотъ рублей каждый. По этимъ листамъ я могу во всякую минуту описать у нихъ все: домъ, лошадь, корову, домашнюю рухлядь. Разумѣется, мнѣ этихъ денегъ не нужно, я не буду описывать ни лошадей, ни коровъ, мнѣ только нужно было доказать имъ, что они пользуются покосами не по праву, а изъ милости, что они находятся у меня въ рукахъ и чувствовали бы это. Вы понимаете?

— Такъ-то такъ, но, вѣдь, покосы-то ихняя собственность.

— Это вы о законѣ 15 мая 1893 года!.. но, слава Богу, этого, кажется, не будетъ... Я употреблю всѣ усилія... Рабочій, у котораго есть своя земля, не рабочій. Рано или поздно онъ долженъ сдѣлаться—употребляю модное слово—пролетаріемъ и только тогда станетъ настоящимъ рабочимъ.

Слѣдователь слушалъ съ грустнымъ утомленіемъ. Сопѣгинъ начиналъ горячиться.

— Фабричнаго рабочаго надѣлять землей—какая глупость! есть ли въ этомъ какой нибудь смыслъ? вѣдь, это значитъ задержать экономическій ростъ цѣлаго края по крайней мѣрѣ на полстолѣтіе!.. Но я увѣренъ, что на практикѣ примѣненіе его сведется къ нулю.

— Угодно вамъ чаю, господа?—спросила хозяйка.

— Пожалуйста, будьте добры,—отозвался Сопѣгинъ, наклонивъ голову и придавъ лицу любезно слащавое выраженіе. Затѣмъ онъ продолжалъ:—Иначе и быть не можетъ, потому что иначе... я не знаю, что это будетъ такое?.. Ужъ что нибудь одно изъ двухъ: или собственникъ, или рабочій. Надѣляйте ихъ землей—я ничего не имѣю, но тогда уберите ихъ отъ насъ въ Сибирь, на Амуръ, на островъ Сахалинъ—куда вамъ угодно! Мы добудемъ себѣ рабочихъ изъ Англіи, изъ Бельгіи, изъ Америки, изъ Китая, только уберите отъ насъ это безполезное населеніе...

Слѣдователь вдругъ широко и сладко зѣвнулъ, немного

Digitized by Google

сконфузился, придвинулъ кресло ближе къ столу, взялъ въ руки стаканъ съ чаемъ и приговорилъ:—Да-съ, оно не того...—потомъ потянулся, смахнулъ со стола крошки хлѣба, помѣшалъ ложечкой въ стаканѣ и прибавилъ:

— А всетаки населеніе вами недовольно, весьма недовольно... Обижаются православные.

Сопѣгинъ посмотрѣлъ на слѣдователя, приподнялъ брови, пожалъ плечами и отвѣтилъ презрительно:

— Это меня мало интересуетъ. Я не филантропіей занимаюсь, а веду большое, серьезное дѣло, имѣющее, смѣю думать, общегосударственное значеніе. Я веду его неуклонно, и филантропіей меня не собьешь. Я уже имѣлъ удовольствіе докладывать вамъ, что никакая крупная промышленность невозможна безъ настоящаго рабочаго, а такого рабочаго у насъ нѣтъ, его надо создать, и я создамъ его. Вотъ въ чемъ заключается моя задача. Еслибы всѣ съ такою же отчетливостью усвоили себѣ задачи современности, я увѣренъ, что Россія не только догнала бы Европу, но и оставила бы ее далеко позади.

— Да-съ,—сказалъ слѣдователь,—отъ Европы мы точно отстали,—и посмотрѣлъ на часы.—Долго не ѣдетъ нашъ почтеннѣйшій хозяинъ,—обратился онъ затѣмъ къ Лидочкѣ:—кажется, пора бы.

— Дорога, говорятъ, очень плохая.

— Дорога отвратительная,—подхватилъ слѣдователь.—Вотъ вы, Иванъ Петровичъ, все говорите: Европа, Европа, а хоть бы дорогу-то починили.

— Какую дорогу?

— Да вотъ, ту самую, которая соединяетъ насъ съ Европой или, по крайней мѣрѣ, съ желѣзнодорожной станціей.

Сопѣгинъ приподнялся. Глаза его сверкнули, на лицѣ появилось непріятное выраженіе, онъ даже слегка поблѣднѣлъ.

— Это почему же я-съ?—спросилъ онъ, сдерживая раздраженіе:—почему я долженъ чинить эту дорогу?

— Потому, что это ваша дорога!

— Моя-съ? почему же моя-съ?

— Ну, не ваша, заводская—не все ли равно?

— Не все ли равно? по вашему, это все равно? Но, во-первыхъ, она не моя,. во-вторыхъ, она и не заводская. По ней всѣ ѣздятъ, почему же она заводская?

— Потому что проходитъ черезъ заводскую дачу, я полагаю.

— Да, вонъ что! очень хорошо. Но чѣмъ же мы виноваты, что она проходитъ черезъ нашу дачу?

— Ничѣмъ, но, вѣдь, чинятъ же мужики свои дороги, должны чинить и вы.

— Позвольте-съ! при чемъ тутъ мужики? Что въ томъ

Digitized by Google

удивительнаго, что мужики чинятъ дороги? Ихъ заставляютъ чинить, они и чинятъ.

— Ихъ заставляютъ, потому что они обязаны, но, вѣдь, обязаны также и вы.

— Кѣмъ? чѣмъ?

— Закономъ.

— Закономъ? Не знаю, я не силенъ въ законахъ, но весьма можетъ быть... Положимъ, я допускаю, что такой законъ существуетъ... но что же изъ этого? гдѣ этотъ законъ? почему онъ не приводится въ исполненіе?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло...

— Нѣтъ, не въ томъ-то и дѣло, а потому что этотъ законъ несправедливъ, мы исполнять его не желаемъ, и заставить насъ никто не можетъ. Еще бы! вѣдь, это нелѣпость какая-то...

— Значитъ, это протестъ противъ несправедливости?

— Полагаю, что такъ.

— Ахъ, Иванъ Петровичъ! перестаньте! вѣдь, это же смѣшно. Ужъ кому-кому, а вамъ плакаться на несправедливость стыдно. Цѣлое королевство отдано вамъ въ безвозмездное пользованіе, съ лѣсами, съ нѣдрами, со всѣми богатствами края. Ради вашихъ невѣроятныхъ дивидендовъ русскій потребитель платитъ дикую пошлину, и за всю эту благодать вы не хотите выполнить чуть ли не единственную повинность, не хотите починить дорогу... Вѣдь, это смѣшно! срамъ! дорогу, которая вамъ самимъ нужна до зарѣзу!

Сопѣгинъ поблѣднѣлъ и принужденно, неестественно засмѣялся.

— Очень хорошо... Оставимъ эти пустяки. Но что касается общаго вопроса, то ужъ это позвольте... Здѣсь я буду спорить. Я полагаю, что съ государственной точки зрѣнія интересы мѣстнаго населенія нуль, безконечно малая величина, а интересы промышленности все, они имѣютъ рѣшающее значеніе...

— Ого! вотъ какъ!

— Да-съ! И знаете, что меня въ особенности удивляетъ въ русскомъ человѣкѣ? Говоришь ему что-нибудь, ну хоть о движеніи земного шара, доказываешь, толкуешь, переворачиваешь и такъ и эдакъ, онъ все слушаетъ и со всѣмъ соглашается. А потомъ возьметъ да и скажетъ: а всетаки, молъ, земля на четырехъ китахъ стоитъ.

— Что дѣлать!—промолвилъ слѣдователь уже по прежнему равнодушнымъ тономъ:—таковъ ужъ, видно, русскій человѣкъ: не скоро его уломаешь. Вотъ хоть бы и вы: ужъ на что, кажется, проще, что дороги починки требуютъ, а попробуйте-ка въ этомъ васъ убѣдить.

— Не остроумно, Сократъ Пантелеичъ, совсѣмъ не остро-

Digitized by Google

умно. А я вамъ вотъ что скажу: снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Безъ жертвъ ничего никогда не достигается, прогрессъ идетъ впередъ путемъ борьбы за существованіе, и путь его усѣянъ не розами, а страданіями. Смѣшно говорить, что населеніе обижается. Пусть его обижается! Пострадавшіе на войнѣ, я думаю, тоже обижаются, на то и война. Представьте себѣ, что главнокомандующій передъ сраженіемъ отдаетъ распоряженіе: этотъ полкъ двинуть туда-то, кавалерію туда-то, пѣхоту туда-то. Является проповѣдникъ и говоритъ: «что вы дѣлаете? вы убиваете людей! Переходы по пятидесяти верстъ въ день невозможны, вредны для здоровья солдатъ! Употреблять живыхъ людей для прикрытія артиллеріи, посылать ихъ на вѣрную смерть — это безчеловѣчно», и прочее. Какъ вы думаете, умѣстна ли эта проповѣдь? Главнокомандующій и безъ проповѣдника знаетъ, что война зло, что распоряженія его противны христіанской морали, но онъ знаетъ также, что онъ начальникъ дѣйствующей арміи, а не философъ, что провозглашеніемъ высокихъ и гуманныхъ истинъ войны не избѣгнешь и государства не спасешь, поэтому, оставивши въ сторонѣ проповѣдника, онъ будетъ продолжать свои безчеловѣчныя распоряженія, памятуя, что тѣмъ исполняетъ свой долгъ.

Вошла горничная и сказала:

— Баринъ пріѣхали.

— Съ гостемъ?—спросила Лидочка.

— Да-съ, съ гостемъ.

— Гдѣ же они?

— Пошли умываться. Велѣли сказать, что сейчасъ будутъ.

— Ахъ, это тотъ самый?—промолвилъ Сопѣгинъ: — интересно взглянуть на этого субъекта,—мнѣ извѣстно кое-что изъ его похожденій.

— Смотрите, кабы онъ васъ въ газетахъ не прописалъ: матеріалъ здѣсь богатѣйшій.

— А пусть его. Я совершенно равнодушенъ къ газетной болтовнѣ.

— Едва ли, что-то не вѣрится...

— Увѣряю васъ, я свободенъ отъ этого предразсудка. Бояться печати? Да что такое печать? Такая же промышленность, какъ и всякая другая, да еще подъ надзоромъ полиціи.

— Печать огромная общественная сила,—заикаясь и краснѣя, проговорилъ молодой лѣсничій.

— Какъ-съ?—переспросилъ Сопѣгинъ, прищуривъ глаза.

— Я говорю, что печать всетаки сила... до нѣкоторой степени,—еще больше волнуясь и робѣя, повторилъ лѣсничій.

— Можетъ быть, но только не у насъ. Прежде всего это продажная сила, но у насъ ее даже и покупать не стоитъ. Изъ обезьянства, конечно, и мы ухаживаемъ за прессой,—

Digitized by Google

обратился снова Сопѣгинъ къ слѣдователю,—но это ужъ такъ, именно, изъ обезьянства. Наши хотѣли было основать свой собственный печатный органъ, и для чего, вы думаете? Для защиты интересовъ горнопромышленности. Какая глупость! Я сказалъ, что это обезьянство и больше ничего.

— Но почему же?

— Да помилуйте! Защищать интересы горнопромышленности—передъ кѣмъ? передъ чѣмъ? Передъ обществомъ? передъ публикой? Но что они могутъ? зачѣмъ это?

— Однако съ печатью, съ общественнымъ мнѣніемъ считаются даже и государственные люди,—по прежнему волнуясь, замѣтилъ лѣсничій.

— Съ какихъ это поръ, позвольте узнать?

— Да ужъ давно. Кажется, съ 60-хъ годовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Не слыхалъ. Признаться, я полагалъ какъ разъ наоборотъ. Что дѣлать! видно, я ошибался. Теперь буду знать, что къ печати надо относиться съ уваженіемъ.

Лѣсничій густо покраснѣлъ и хотѣлъ что-то возразить, но въ это время вошелъ Николай Ивановичъ съ Чагинымъ. Николай Ивановичъ съ улыбкой удовольствія на лицѣ устремился къ Сопѣгину.

— Очень радъ, очень радъ васъ видѣть,—заговорилъ онъ, дружески потрясая его руку, потомъ обратился къ женѣ:— позволь представить тебѣ, Лидочка, стариннаго моего друга, Петра Филипповича Чагина.

— Очень пріятно,—церемонно сказала Лидочка и протянула руку.

Чагинъ былъ по порядку представленъ затѣмъ Сопѣгину, слѣдователю, управителю и лѣсничему. Онъ молча раскланялся со всѣми и сѣлъ на свободный стулъ, не подалеку отъ хозяйки.

— Что новаго въ Петербургѣ?—обратился къ нему Сопѣгинъ.

— Право, не знаю... Васъ что собственно интересуетъ?

— Да такъ, вообще. Можетъ быть, новыя вѣянія или реформы?

— Кажется, ничего такого. Вѣянія все тѣ же.

— Я потому спросилъ, что русскіе люди всегда, вѣдь, реформъ ждутъ.

Чагинъ ничего не отвѣтилъ и сталъ пить чай. Сопѣгинъ, наклонившись въ сторону Николая Ивановича, сказалъ ему вполголоса:

— А мнѣ надо сказать вамъ два слова.

— Что такое?—также тихо, но съ тревогой въ голосѣ спросилъ тотъ.

— Два—три слова... Не здѣсь, конечно.

Digitized by Google

— Тогда прошу ко мнѣ, въ кабинетъ.
— Пойдемте.

III.

— Я вами, Николай Ивановичъ, не совсѣмъ доволенъ,— игриво и ласково началъ Сопѣгинъ, усаживаясь въ кресло, когда они перешли въ кабинетъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ тревожно Николай Ивановичъ, садясь противъ него въ другое кресло.

— До сихъ поръ мы были въ ладахъ, но дальше, кажется, не поладимъ. Вообще, мнѣ не хотѣлось бы заводить дрязги, но это вполнѣ будетъ зависѣть отъ васъ...

— Но въ чемъ дѣло? въ чемъ дѣло?

— Вамъ угодно всетаки держаться половинчатой политики, а эта двойственность вредно отражается на нашихъ интересахъ... Лично я считаю ее даже не безопасной... Во всякомъ случаѣ я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ, прежде чѣмъ... прежде чѣмъ прибѣгать къ другимъ средствамъ...

— Ради Бога, говорите по человѣчески, что такое случилось?

— А вотъ сейчасъ. Пока еще ничего, но можетъ случиться. Выслушайте меня внимательно.

Сопѣгинъ, умышленно не торопясь, досталъ сигару, обсосалъ ее, вставилъ въ янтарный мундштукъ, закурилъ и, нѣсколько понизивъ голосъ, сталъ говорить. Николай Ивановичъ напряженно слушалъ, потупивъ глаза.

— Но вы требуете невозможнаго,—наконецъ, сказалъ онъ съ страдальческимъ видомъ:—я уже говорилъ вамъ, что на это я никогда не пойду... Я не могу, понимаете? не могу... моя совѣсть, мой долгъ мнѣ этого не позволяютъ... Это невозможно.

— Не понимаю вашего упрямства. Совѣсть, долгъ... конечно, это вы для красоты слога. Я не требую отъ васъ ничего недобросовѣстнаго... Все зависитъ отъ точки зрѣнія... Я бесѣдовалъ и съ его превосходительствомъ, и съ господиномъ Назаретскимъ... Они вполнѣ раздѣляютъ мой взглядъ... Воззрѣнія главнаго начальника вамъ хорошо извѣстны... Чего же вамъ еще?

— Но, вѣдь, это было бы равносильно отмѣнѣ закона?

— Ахъ, Боже мой! да хотя бы и такъ. Вотъ оно, чиновничье буквоѣдство! вамъ-то что? Редакція на столько не ясна, что можно повернуть и такъ, и эдакъ. Почемъ вы знаете, можетъ быть, это даже не безъ намѣренія... По крайней мѣрѣ, у меня есть нѣкоторыя указанія... наконецъ, это доказываетъ сама инструкція...

Digitized by Google

— Воля ваша, а я не вижу никакой неясности, и предлагаемое вами толкованіе явная натяжка.

— Эхъ, Господи! тяжелая вещь вести съ вами переговоры... мнѣ легче было убѣдить его превосходительство... Какая же натяжка? Ничего подобнаго. Могу васъ увѣрить...

— Нѣтъ, я не согласенъ, какъ вамъ будетъ угодно, а я не согласенъ.

— Послушайте, Николай Ивановичъ... Я и безъ того слишкомъ много употребилъ стараній, чтобъ убѣдить васъ, но такъ и быть... Я переписываюсь съ самимъ княземъ. Князь вообще не занимается дѣлами, но въ данномъ случаѣ онъ страшно заинтересованъ... Я вамъ скажу, что тамъ уже пущены въ ходъ всѣ пружины... Да вотъ, если угодно, прочтите.

Николай Ивановичъ взялъ письмо и долго читалъ его. Когда онъ возвращалъ Сопѣгину толстый пергаментный лоскутокъ бумаги, руки его замѣтно дрожали.

— Ну что?—спросилъ Сопѣгинъ.

— Я подумаю,—глухо проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Некогда думать, милѣйшій.

— Всетаки я подумаю...—Николай Ивановичъ потеръ себѣ лобъ и прибавилъ съ усиліемъ: — а пока я ничего не могу обѣщать.

Сопѣгинъ всталъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ холодно и строго:—подумать вы можете, но не забывайте, что ссориться съ нами невыгодно... Впрочемъ, я надѣюсь на ваше благоразуміе.

Николай Ивановичъ вернулся на террасу, словно пришибленный. Сопѣгинъ тотчасъ же сталъ прощаться...

— Ахъ, что это? вы уходите?—вскричала Лидочка:—нѣтъ, я васъ не пущу: сейчасъ подадутъ закусить.

— Очень благодаренъ, никакъ не могу, — холодно и небрежно отвѣчалъ Сопѣгинъ.

Лидочка съ тревогой посмотрѣла на мужа. Николай Ивановичъ молчалъ. Вслѣдъ за Сопѣгинымъ стали прощаться управитель и лѣсничій. Николай Ивановичъ пошелъ провожать гостей.

— Пойду-ка и я,—сказалъ слѣдователь:—признаться, въ глубинѣ души я разсчитывалъ на партію винта, но ужъ видно отложимъ сіе до другого раза. Будьте здоровы, Лидія Павловна. Мое почтеніе, милостивый государь.

— Почему они ушли? что случилось? о чемъ ты говорилъ съ Сопѣгинымъ? — забросала мужа вопросами встревоженная Лидочка, когда тотъ вернулся, проводивъ гостей.

— Я почемъ знаю! Ушли и только.

— Ахъ, навѣрное, какая-нибудь опять непріятность! Право, я удивляюсь тебѣ, Коля: какъ ты не умѣешь съ ними ладить...

Digitized by Google

я удивляюсь... вѣдь, ужъ надо бы, кажется... Вѣчно непріятности!..

— Ну, полно, перестань, Лида... ты не понимаешь... ты ничего не понимаешь въ дѣлахъ...

— Я очень хорошо понимаю, что у васъ опять несогласіе... Сопѣгинъ недоволенъ—я это вижу... Петръ Филипповичъ, вы умный человѣкъ, разсудите: можно ли не ладить съ управляющимъ?

— Отчего же?—серьезно отвѣчалъ Чагинъ:—въ нѣкоторыхъ случаяхъ, я думаю, не только можно, но и должно.

— Ахъ, нѣтъ! вы не знаете... вѣдь они все могутъ, они все могутъ...

— Не думаю. Что же, напримѣръ?

— Они могутъ такъ сдѣлать, что Колю уволятъ отъ должности.

— Сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, что вы ошибаетесь. Но, допустимъ. За то ужъ больше этого они ничего не могутъ?

— Чего же еще! какъ это вы говорите? вѣдь, тогда Коля безъ мѣста останется.

— Что за бѣда? другое найдетъ.

— Что вы! что вы! какъ это можно!.. Ахъ, Петръ Филиппычъ, я не понимаю, какъ это вы говорите...

— Но, вѣдь, какъ же иначе, Лидія Павловна? Николай Ивановичъ судья, а судья долженъ быть справедливъ и нелицепріятенъ. Онъ служитъ государству, а не заводоуправленію, и долженъ руководиться закономъ, а не указаніями управляющаго заводами.

— Ахъ, я все это понимаю, но все это хорошо говорить... Я знаю, что вы хорошій человѣкъ и слова ваши справедливы, но вѣдь надо же принять въ разсчетъ и условія... Чуть-чуть только сдѣлай что-нибудь не по ихнему, сейчасъ же жалобы, интриги, непріятности... развѣ такъ можно?.. Вы говорите: законъ, справедливость... ну, и пусть... я вѣдь не говорю, что бы несправедливо тамъ или незаконно... Я только говорю, чтобы Коля съ ними не ссорился.

— Ссориться, конечно, зачѣмъ же!

— То-то и есть. Вотъ и не надо дѣлать того, что имъ непріятно... Неужели этого нельзя?

— Этого, дѣйствительно, кажется, нельзя.

— Но другіе же умѣютъ какъ-то? Умѣютъ такъ, что и по закону, и безъ непріятностей.

— Ну, довольно, Лида,—вступился Николай Ивановичъ:—ты только волнуешься, а въ дѣлахъ ровно ничего не смыслишь, такъ ужъ лучше отложи попеченіе.

— Странное дѣло! да, вѣдь, я тебѣ не чужая, кажется,

Digitized by Google

вѣдь, я тебѣ жена, какъ же не волноваться? Ты не умѣешь себя держать, и меня это всегда волнуетъ.

— Ну, полно, полно. Повѣрь, что ничего особеннаго не случилось, и успокойся. А вонъ и твой кавалеръ идетъ,—прибавилъ Николай Ивановичъ, замѣтивъ въ дверяхъ весело улыбающееся лицо молодого человѣка въ студенческомъ мундирѣ.— Гдѣ ты пропадалъ?—обратился онъ къ нему.

Студентъ еще шире улыбнулся и вышелъ на террасу.

— У Емелиныхъ сидѣлъ, въ карты играли,—отвѣтилъ онъ пріятнымъ молодымъ баритономъ.

— Не узнаешь, Петръ Филипычъ? Это Яковъ Захарычъ Салминъ, помнишь? Захара Иваныча сынъ, бывшій ученикъ Березина, а теперь студентъ горнаго института. У насъ гоститъ на каникулахъ.

«А, Яшка,—подумалъ Чагинъ:—любопытно, что-то изъ него вышло».

Студентъ съ необыкновенной силой пожалъ протянутую Чагинымъ руку и сказалъ:

— Весьма пріятно познакомиться. Я нарочно пораньше ушелъ, думаю себѣ: ужъ навѣрно пріѣхали. Вы, положимъ, другого направленія, но это все равно...

— Вашъ батюшка живъ?—спросилъ его Чагинъ.

— Живъ, живъ, да ужъ старъ сталъ... Ахъ, да! Лидія Павловна, мы завтра на островъ, поѣдете съ нами?

— Ахъ, непремѣнно. Кто ѣдетъ?

— Да всѣ... Емелины, Братчиковы, Катя Сопѣгина...

— На пароходѣ?

— Кто на пароходѣ, кто на лодкѣ. Мы на лодкѣ.

— Ахъ, и я на лодкѣ. На пароходѣ скучно, а на лодкѣ прелесть!

— Совершенно вѣрно. А вы на долго сюда, Петръ Филиппычъ?

— Недѣли двѣ проживу.

— Только?—удивился Николай Ивановичъ.—Но почему такъ мало? Вотъ тебѣ на!

— Можетъ быть, и дольше проживу.

— Ну, конечно, разумѣется! куда и зачѣмъ торопиться?

Подали ужинъ. Николай Ивановичъ выпилъ три рюмки водки и оживился.

— Быть земскимъ начальникомъ,—говорилъ онъ,—въ особенности въ заводскомъ утасткѣ интересно. Правда, дѣла и хлопотъ тьма, за то ты, такъ сказать, всѣмъ своимъ существомъ сознаешь, чувствуешь, осязаешь, что дѣятельность твоя не безполезна. Мы, дѣйствительно, стоимъ на стражѣ интересовъ мѣстнаго населенія, отстаивая каждый шагъ чуть не съ опасностью жизни противъ мѣстныхъ башибузуковъ. Лидочка, ко-

Digitized by Google

нечно, преувеличиваетъ, но и на самомъ дѣлѣ это огромная сила, которой можно противопоставить только твердую и непреклонную власть. Само собой разумѣется, что ты не очень жалуешь нашего брата и, можетъ быть, думаешь, что намъ дано слишкомъ много власти. Не спорю, вообще ты, можетъ быть, правъ, но примѣнительно къ данному случаю ты глубоко заблуждаешься. Нашу власть здѣсь слѣдовало бы увеличить вдвое, втрое, въ десять разъ, чтобы сломить исторически сложившійся произволъ и беззаконіе здѣшнихъ монополистовъ. Мы связаны по рукамъ и по ногамъ разными формальностями, должны хитрить, играть въ дипломатію, дѣлать уступки, считаться съ посторонними вліяніями, съ воззрѣніями губернскихъ властей и такъ далѣе, и такъ далѣе. Все это вредно отражается на дѣлѣ. Нѣтъ, а дай-ка намъ настоящую, дѣйствительно, твердую власть, а не какую-то половинчатую...

— Но чего же еще ты хочешь?—удивился Чагинъ.

— Погоди, выслушай меня. По отношенію къ крестьянскому населенію власть наша болѣе чѣмъ достаточна, а вотъ что можемъ мы сдѣлать съ заводскими заправилами? Какъ есть ничего. Тутъ мы безсильны, тутъ нашей власти конецъ.

— Ну, такъ чего ты хочешь? Ты, можетъ быть, хотѣлъ бы распространить ту власть, что дана вамъ надъ мужиками, и на другія сословія? ты хотѣлъ бы имѣть право штрафовать, подвергать аресту не только любого мужика, но и любого инженера, напримѣръ, господина Сопѣгина?

— А что жъ? именно, это было бы весьма полезно.

— Можетъ быть, только ты его всетаки въ темную не посадилъ бы.

— Нѣтъ, посадилъ бы.

— Едва ли.

— Да ужъ перестань, пожалуйста! — съ неудовольствіемъ вступилась Лидочка, которой рѣчи Николая Ивановича показались черезъчуръ либеральными.—Мелешь ты вздоръ, слушать досадно! Ты и съ мужиками-то справиться не можешь. «Ахъ, розги! ахъ, какъ можно тѣлесное наказаніе!..» Ужъ молчалъ бы... До того распустилъ народъ, что скоро тебѣ на шею сядутъ. Одинъ только разъ и распорядился было построже, да и то не выдержалъ характера: простилъ всѣхъ.

— Ахъ, Лидочка!—слегка краснѣя, сказалъ Николай Ивановичъ:—я стыжусь этого случая, а ты... какая ты право!..

— Что это за случай?

— Ей-богу, стыдно разсказывать. Это было въ третьемъ году: я велѣлъ весь сходъ арестовать на три дня.

— Весь сходъ? неужели? но какъ ты могъ это сдѣлать?

— А вотъ какъ: приказалъ старшинѣ въ теченіе мѣсяца привести этотъ приговоръ въ исполненіе. Старшина ежедневно

Digitized by Google

сажалъ въ арестантскую по двадцати человѣкъ, но черезъ два дня я отмѣнилъ свое распоряженіе. Вообще, я увлекся, сдѣлалъ глупость и каюсь...

— За что же ты ихъ такъ?

— Тутъ цѣлая исторія. Потомъ я тебѣ разскажу... хотѣлъ поставить на своемъ, а они на своемъ... Такъ вотъ я и говорю: будь у насъ больше власти, мы могли бы открыто взять сторону населенія, взять его подъ свою защиту. Борьба идетъ не на животъ, а на смерть. Заводы не обезпечиваютъ населенія, экономическое положеніе его ужасно, худо оплачиваемая работа дается, какъ милость, половина работоспособнаго населенія бродитъ неизвѣстно гдѣ въ поискахъ за заработками... Изъ этого положенія нуженъ какой либо выходъ. Такихъ выходовъ два: земледѣліе и кустарная промышленность. Но кустарная промышленность преслѣдуется всѣми способами. Я уже говорилъ тебѣ объ огнедѣйствующихъ кустарныхъ заведеніяхъ. На моихъ глазахъ здѣсь были закрыты сотни кузницъ, по настоянію Сопѣгина. Затѣмъ кустари нуждаются въ желѣзѣ, а взять его негдѣ.

— Какъ негдѣ?

— А такъ. Вотъ разрѣши-ка загадку: живемъ мы въ самомъ центрѣ желѣзодѣлательной промышленности, можно сказать, кругомъ обложены желѣзомъ и испытываемъ желѣзный голодъ. Какъ это? А дѣло въ томъ, что торговля желѣзомъ здѣсь также до нѣкоторой степени дѣло запрещенное. Желѣзо можно пріобрѣтать только изъ заводскихъ складовъ за высокую, почти двойную цѣну. Кустарямъ отпускается бракъ да и то въ видѣ особой милости. Здѣсь производится отпускъ желѣза по пятницамъ по особымъ разрѣшительнымъ вѣдомостямъ управителя. Обрати вниманіе, какъ иной Христомъ-Богомъ, какъ нищій, проситъ, чтобъ ему разрѣшили купить лишнихъ два-три пуда. Если кто-нибудь провинится, его вычеркиваютъ изъ списковъ, и можете быть увѣрены, что онъ нигдѣ не пріобрѣтетъ желѣза ни за какія деньги.

— А на другихъ заводахъ?

— Не отпустятъ ни одного золотника.

— Почему же?

— Вездѣ одинъ и тотъ же порядокъ. Ужъ если своимъ отпускаютъ съ такими затрудненіями, чужому не отпустятъ совсѣмъ.

— Но для чего все это дѣлается?

— Будто бы для того, чтобы предупредить кражу желѣза на заводахъ. Они ведутъ строгій учетъ обращающемуся въ населеніи желѣзу, и если у тебя, напримѣръ, окажется нѣсколько желѣзныхъ листовъ, и ты не представишь доказательствъ законности ихъ пріобрѣтенія, желѣзо считается краденымъ...

Digitized by Google

Теперь второй выходъ: земледѣліе. Населеніе хватается за землю, какъ за послѣдній якорь спасенія, но земля отъ него ускользаетъ...

— Я опять таки скажу вамъ, Николай Иванычъ, — вмѣшался въ разговоръ студентъ, — что ни земледѣліе, ни кустарные промыслы не могутъ спасти населенія. Все это вздоръ, паллiативы... Рано или поздно населеніе будетъ обезземелено, если вы даже и надѣлите его землей, кустарные промыслы погибнутъ въ борьбѣ съ капиталомъ, сколько вы ихъ ни поощряйте—таковъ общій законъ. Борьба за мелкое землевладѣніе, за мелкіе промыслы явленіе реакціонное. Смѣшно поддерживать то, что силою вещей обречено на гибель, смѣшно обращаться назадъ, къ архаическимъ временамъ.

Николай Ивановичъ внезапно разсердился.

— Ахъ, отстань ты съ своими теоріями!—вскричалъ онъ съ раздраженіемъ.—Ей-богу, ужъ это чортъ знаетъ что!.. Должно быть, ты тутъ что нибудь перевираешь. Земля реакціонное явленіе!.. Богъ знаетъ, что ты мелешь!.. А знаешь ли ты, что половина здѣшняго населенія перекочевываетъ на цѣлое лѣто въ сосѣднюю губернію на полевыя работы изъ-за куска хлѣба, съ женами, съ дѣтьми, за сотни верстъ... Цѣлый таборъ, цѣлое переселеніе народовъ... Они могли бы здѣсь работать на своей землѣ, которая теперь пустуетъ...

— Они работаютъ тамъ, какъ батраки, у богатыхъ мужиковъ. Это доказываетъ, что мелкое землевладѣніе не устраняетъ дѣленія людей на покупающихъ и продающихъ человѣческій трудъ, на эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ.

— Работаютъ батраками, потому что у нихъ земли нѣтъ. Будь земля, они работали бы на себя.

— И сами нанимали бы батраковъ.

— Можетъ быть, и нанимали бы.

— Ну, то-то и есть.

— Что то-то и есть?

— Значитъ, это будутъ уже не рабочіе, а мелкіе буржуа— классъ, который не имѣетъ будущаго.

— Чортъ знаетъ что!

— Спасеніе заключается въ расширеніи производства, въ крупной промышленности.

— Это же и Сопѣгинъ говоритъ.

— И онъ совершенно правъ.

— Это говорятъ и всѣ горнозаводчики и клянчатъ у государства новыхъ льготъ и пособій, какъ нищіе, хотя сами богаты, какъ крезы.

Возгорѣлся горячій споръ, который становился все ожесточеннѣе. Лидочка ушла спать. На востокѣ занялась заря, гдѣ-то запѣли пѣтухи, въ саду чирикнула какая-то птичка, когда со-

Digitized by Google

бесѣдники, охрипнувъ отъ крика, утомившись отъ напряженія, хватились, что уже утро, и разошлись по своимъ комнатамъ.

IV.

Чагинъ гостилъ у Николая Ивановича уже вторую недѣлю и велъ весьма дѣятельный образъ жизни. Просыпаясь, обыкновенно, часовъ въ шесть утра, когда въ домѣ еще всѣ спали, онъ черезъ окно выходилъ въ садъ, шелъ къ пруду, купался прямо съ берега, потомъ садился за работу или шелъ бродить по окрестностямъ. Онъ успѣлъ побывать на всѣхъ заводскихъ работахъ, спускался въ рудничныя шахты, уходилъ за нѣсколько верстъ и бродилъ по промывкамъ старателей, знакомился съ рабочими, съ рудокопами, съ кустарями, гостилъ въ воскресенье у пудлинговаго мастера, побывалъ у скупщика кустарныхъ издѣлій, купца Сунгурова... Иногда онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ, что всякій разъ очень безпокоило Николая Ивановича.

— Вотъ что, братъ... ты бы того... по осторожнѣе,—сказалъ онъ ему однажды:—не разговаривай много съ рабочими... и вообще я совѣтовалъ бы подальше отъ нихъ... Въ выраженіяхъ поосторожнѣе...

— Почему это?

— Потому что, братъ, каждый твой шагъ на счету. У завода своя тайная полиція. Ты, можетъ быть, этого не знаешь, такъ я тебя предупреждаю. У нихъ это дѣло такъ организовано, какъ ни въ одномъ государствѣ. Третьяго дня, напримѣръ, ты бесѣдовалъ съ безрукимъ сторожемъ на Медвѣдкѣ, давалъ ему совѣты, а вчера ужъ его прогнали. «Если, говорятъ, ты о пенсіи мечтаешь, такъ убирайся вонъ!» Ты всетаки это имѣй въ виду. И совѣты свои брось, они только вредъ приносятъ...

— Почему ты думаешь?

— А потому, что вчера вотъ у меня мужикъ былъ, бывшій кричный подмастерье... Въ третьемъ году ногу ему раздавило горячей болванкой... какъ-то тамъ мостки провалились, что ли... Ну, однимъ словомъ, ногу ему отняли въ больницѣ... Во вниманіе къ его тридцатилѣтней службѣ дали ему мѣсто ночного караульщика на два рубля въ мѣсяцъ... Сынъ у него на домнѣ работалъ, ну и жили кое-какъ, переколачивались, да на бѣду нашелся добрый человѣкъ, вотъ какъ ты же, посовѣтовалъ ему судомъ требовать съ нихъ вознагражденія, написалъ ему прошеніе,—безплатно, разумѣется... Ну, и что же изъ этого вышло? Старика изъ караульныхъ, конечно, вонъ, сына тоже, да примѣнили къ нему еще «циркуляръ»... Ты не знаешь, что это за штучка?.. Существуетъ, видишь ли, особое соглашеніе между заводами. Рабочихъ увольняютъ просто и по циркуляру. Это

мѣстный терминъ, нѣчто въ родѣ волчьяго паспорта. О рабочемъ, уволенномъ по циркуляру, немедленно сообщается во всѣ заводы, и несчастный въ районѣ трехъ губерній лишается навсегда привычнаго заработка... Такъ вотъ... Но этого мало. Добродѣтельный человѣкъ, написавши прошеніе, уѣхалъ и больше мужикомъ не интересовался. Неизвѣстно, какъ и почему—этого и самъ мужикъ не знаетъ—только дѣло онъ проигралъ, въ искѣ ему было отказано. Тогда заводоуправленіе предъявило искъ къ мужику о возмѣщеніи судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ, опредѣливъ его въ двѣсти рублей. Разумѣется, искъ этотъ былъ выигранъ, у несчастнаго было описано и продано съ молотка рѣшительно все: домъ, корова, вся домашняя рухлядь... Приходитъ ко мнѣ, а что я могу?.. Обѣщалъ попросить Сопѣгина, хотя напередъ знаю, что изъ этого ничего не выйдетъ...

Чагинъ былъ блѣденъ и молчалъ.

Жизнь въ домѣ Николая Ивановича начиналась съ десяти часовъ утра. Къ этому времени вносился въ столовую кипящій, ярко вычищенный самоваръ, затѣмъ появлялась заспанная, хмурая и чѣмъ-то недовольная Лидочка. Она съ холодной любезностью привѣтствовала Чагина, если онъ былъ тутъ, справлялась о его здоровьѣ и наливала ему стаканъ крѣпкаго чая. Въ халатѣ и туфляхъ выходилъ изъ спальни только что проснувшійся Николай Ивановичъ, зѣвая и потягиваясь, садился къ столу и заводилъ о чемъ нибудь разговоръ. Позже всѣхъ являлся студентъ Салминъ. Свѣжій, румяный и жизнерадостный, съ ясной улыбкой на лицѣ, весело смотря своими наивными, слегка припухшими отъ сна глазами, онъ шумно здоровался со всѣми и съ необыкновеннымъ аппетитомъ принимался за чай и за булки. Хмурое личико Лидочки свѣтлѣло и принимало обычное выраженіе веселой привѣтливости. Они тотчасъ же начинали оживленно болтать о множествѣ разныхъ веселыхъ пустяковъ и громко смѣяться.

Выпивъ стакана три чаю и вяло поговоривъ съ Чагинымъ о томъ, о семъ, Николай Ивановичъ удалялся въ свою канцелярію. Вслѣдъ за нимъ уходилъ и Чагинъ. Слѣдуетъ замѣтить, что между пріятелями, повидимому, безъ всякой причины установились въ послѣднее время довольно странныя отношенія. Прежняя близость исчезла и смѣнилась натянутостью. Хотя они говорили другъ другу «ты», дружески здоровались, дружески разговаривали, шутили и, вообще, сохраняли наружныя пріятельскія отношенія, но внутренняя связь, соединявшая ихъ прежде, порвалась, и между ними легла какая-то преграда. Въ тайнѣ они, кажется, даже не совсѣмъ довѣряли другъ другу. Николай Ивановичъ, впрочемъ, былъ все это время страшно занятъ, встревоженъ и озабоченъ. Съ утра до вечера у него

Digitized by Google

и въ камерѣ, и въ корридорахъ, и во дворѣ у дверей канцеляріи толпился народъ. Тутъ были и мужики, терпѣливо дожидавшіеся чего-то цѣлыми сутками, и сельскія власти съ мѣдными бляхами на груди, и толстые, отъѣвшіеся, въ суконныхъ поддевкахъ, не то купцы, не то деревенскіе кулаки, съ лоснящимися красными лицами и жирными волосами, и закоптѣлые, обожженные огнемъ, выпачканные углемъ и сажей заводскіе рабочіе. То и дѣло появлялись и исчезали какіе-то странные субъекты въ сюртукахъ, въ засаленныхъ фуражкахъ съ кокардами, развязно и смѣло входившіе въ канцелярію, требовавшіе отъ письмоводителя какихъ-то справокъ. Большею частію возбужденные и взволнованные, они врывались иногда и къ Николаю Ивановичу въ кабинетъ, что-то доказывали, на что-то жаловались, настаивали, чтобы онъ ѣхалъ съ ними въ лѣсъ, гдѣ производились межевыя работы. Николай Ивановичъ сердился, говорилъ съ ними съ явнымъ неудовольствіемъ, морщился, нервничалъ, раздражался, но большею частію уступалъ, приказывалъ закладывать лошадь и ѣхалъ.

— Что это за странные люди?—спросилъ однажды Чагинъ.

Николай Ивановичъ сморщился, какъ отъ физической боли, и махнулъ рукой.

— Ахъ!—сказалъ онъ:—они жизнь мою отравили, эти проходимцы... Крючкотворы, путаники, въ дѣлѣ ни уха, ни рыла... кричатъ, вездѣ суются, мутятъ... Охъ, не глядѣли бы мои глаза!.. Это, видишь ли, уполномоченные отъ заводовъ по земельному устройству мастеровыхъ... Да, впрочемъ, имъ такихъ и надо... Набраны все изъ отставныхъ приказныхъ: чиновниковъ горнаго правленія, какихъ-то съемщиковъ и межевщиковъ... Этой сволочи до сорока человѣкъ,—къ каждому землемѣру приставлено по полдюжины... Вся ихъ обязанность въ томъ, чтобы производить шумъ, вносить путаницу... Съ ними сладу нѣтъ, потому что ихъ къ тому поощряютъ. Я одного изъ этихъ нахаловъ оштрафовалъ на три рубля за неприличное поведеніе въ присутственномъ мѣстѣ: вбѣжалъ онъ ко мнѣ въ камеру во время судебнаго разбирательства и началъ кричать и жаловаться... И что же? Сопѣгинъ заплатилъ за него штрафъ и еще награду ему далъ двадцать рублей... Ты не повѣришь: мнѣ кажется иногда, что я въ домѣ умалишенныхъ.

Однажды Чагинъ и Николай Ивановичъ сидѣли и о чемъ-то говорили, когда въ комнату влетѣлъ дѣтина средних лѣтъ, сильно навеселѣ, красный, запыхавшійся и взволнованный.

— Господинъ земскій начальникъ!—заговорилъ онъ громко, съ азартомъ, размахивая руками:—вы, пожалуйста, запретите землемѣру мужикамъ совѣты давать!.. что это такое?.. Это, наконецъ, безобразіе!

Digitized by Google

— Что такое? что такое?—возвышая голосъ, спросилъ Николай Ивановичъ и сильно покраснѣлъ.

— Это безобразіе!.. Землемѣръ Петровскій мужикамъ совѣты даетъ!

— Прежде всего, какъ вы смѣете безъ доклада врываться ко мнѣ и кричать?!—взвизгнулъ Николай Ивановичъ, побагровѣвъ.—Извольте выйти вонъ!!

— Позвольте, какъ это вонъ?.. Я вамъ жалуюсь, вы земскій начальникъ.

— Вонъ!!..—закричалъ Николай Ивановичъ и схватилъ со стола чугунное прессъ-папье.—Или я вамъ въ вашу нахальную рожу...

Дѣтина моментально съежился, притихъ и, словно захлебнувшись, юркнулъ въ дверь.

— Это можетъ Богъ знаетъ до чего дойти!.. Они меня измучили, дьяволы!..—говорилъ негодующій и страшно взволнованный Николай Ивановичъ.—Понимаешь, измучили... у меня голова кругомъ идетъ, я не знаю, что дѣлать... Вся надежда на новаго губернатора... Ты думаешь, этимъ и кончится? Погоди, сейчасъ прибѣжитъ главныйповѣренный, юрисконсультъ, Платошка Кувалдинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не прошло и двадцати минутъ, какъ пришелъ письмоводитель и доложилъ:

— Господинъ Кувалдинъ пріѣхали, просятъ принять.

— Чортъ бы его дралъ! Зови. Вотъ видишь? я говорилъ, что придетъ. Я всѣ ихнія повадки знаю.

Черезъ минуту вошелъ безукоризненно одѣтый господинъ лѣтъ сорока, съ французскою бородкой, съ большими задумчивыми глазами, нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ благородной осанкой, необыкновенно красивый и изящный брюнетъ. Онъ изысканно и чуть-чуть иронически поклонился.

— Извиняюсь за безпокойство,—сказалъ онъ.—Безъ доклада войти я не смѣлъ. Очень вамъ благодаренъ за разрѣшенную мнѣ аудіенцію.

— Садитесь, пожалуйста. Сдѣлайте одолженіе, оставьте вашъ торжественный тонъ и говорите, что вамъ угодно?

— А вы не догадываетесь?

— Это все равно. Прошу васъ говорить коротко и ясно,

— Вы не въ духѣ. Очень хорошо, я приступаю прямо къ дѣлу. Полчаса тому назадъ здѣсь былъ одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ. Онъ имѣлъ сдѣлать вамъ одно важное заявленіе, но, къ сожалѣнію, вамъ не угодно было выслушать его. Поэтому я принужденъ покорнѣйше просить васъ принять это заявленіе отъ меня.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я уже имѣлъ честь неоднократно докладывать вамъ, что



землемѣръ Петровскій ведетъ себя вообще невозможно: онъ позволяетъ себѣ критиковать наши заявленія въ присутствіи мастеровыхъ, пускается съ послѣдними въ разговоры о предметахъ, не имѣющихъ къ дѣлу никакого отношенія, позволяетъ себѣ выражать сомнѣніе въ подлинности документовъ, хотя входить въ оцѣнку таковыхъ совсѣмъ не его дѣло, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Но теперь онъ перешелъ уже всякія границы: онъ учитъ мастеровыхъ, онъ даетъ имъ совѣты. Вы понимаете, что такой порядокъ вещей терпимъ быть не можетъ. Обращаясь къ вамъ, какъ къ начальнику, я покорнѣйше прошу васъ возстановить правильный и законный порядокъ межевыхъ дѣйствій.

— Потрудитесь опредѣленнѣе изложить ваши требованія.

— Я прошу воспретить Петровскому давать мужикамъ совѣты.

— Какого рода эти совѣты?

— Онъ учитъ ихъ, напримѣръ, какъ и что писать въ книгу заявленій, даже самъ пишетъ будто бы со словъ мужиковъ.

— Но онъ обязанъ писать, если они неграмотные, если они сами не могутъ.

— Совершенно вѣрно, но онъ долженъ при этомъ писать только то, что ему говорятъ, а не свои соображенія, онъ не долженъ употреблять книжнаго языка и такихъ оборотовъ рѣчи, которые мужикамъ несвойственны. А онъ не только это, онъ позволяетъ себѣ даже ссылки на статьи закона...

— И, по вашему, это что же? преступленіе? злоупотребленіе?

— Я полагаю-съ, еще бы? вѣдь, онъ обязанъ писать буквально только то, что ему говорятъ.

— Нѣтъ, онъ обязанъ записать существо заявленія, и чѣмъ толковѣе, грамотнѣе, литературнѣе, тѣмъ лучше.

— Одно могу сказать: странныя у васъ воззрѣнія... Слѣдовательно, вы отказываете въ исполненіи моей просьбы?

— Меня удивляетъ, что вы юристъ и объ этомъ просите. Подумайте, о чемъ вы просите?.. Отказываю положительно.

— Очень хорошо. Я, точно, юристъ и найду другіе пути. Имѣю честь кланяться.

— Мое почтеніе.

Но едва удалился юрисконсультъ, какъ въ комнату вошелъ, весь въ поту и въ пыли, молодой человѣкъ въ форменной суконной фуражкѣ. Онъ былъ блѣденъ и до того взволнованъ, что руки у него дрожали и судорожно запрыгалъ подбородокъ, когда онъ сталъ говорить.

— Извините, пожалуйста,—началъ онъ прерывающимся голосомъ, едва выговаривая слова отъ спазмъ, сжимавшихъ его горло.—Извините, что безпокою... но я, право, не знаю, что дѣлать... Я пришелъ просить вашей помощи и совѣта...

Digitized by Google

— Присядьте, г. Петровскій, и успокойтесь. Вы очень взволнованы.

Посмотрѣвъ на Николая Ивановича быстрымъ благодарнымъ взглядомъ, молодой человѣкъ сѣлъ, откашлялся, размазалъ платкомъ по лицу потъ вмѣстѣ съ пылью, отчего на щекахъ и на лбу образовались грязныя полосы, и промолвилъ, уже значительно болѣе спокойнымъ тономъ:

— На васъ вся надежда, Николай Иванычъ... не откажите, примите участіе...

— Въ чемъ дѣло, г. Петровскій?

— Да что, вѣдь, ей-богу, житья не стало, Николай Иванычъ... хоть волкомъ вой!—сказалъ онъ и вдругъ неожиданно весело и по дѣтски заразительно разсмѣялся.—И смѣхъ, и горе... Человѣкъ я неизбалованный, но, ей-богу же, здѣсь измотался, какъ тряпка.

Онъ снова утерся платкомъ, отчего грязныя полосы на лбу приняли горизонтальное направленіе, и продолжалъ уже совершенно спокойно:

— Ужъ одно то, что я и днемъ, и ночью нахожусь подъ неослабнымъ надзоромъ... Каждый мой шагъ, каждое мое движеніе на учетѣ: что ѣмъ, что пью, съ кѣмъ вижусь, съ кѣмъ говорю, у кого бываю, что читаю, кому письма пишу — все имъ извѣстно. Сами же и похваляются: «намъ, говорятъ, рѣшительно все извѣстно... вчера вы дьякону крючковъ аглицкихъ обѣщали, а ужъ мы знаемъ...» У меня даже домашніе обыски производятся, ей-богу!.. роются въ моихъ книгахъ, читаютъ мои письма... Одинъ разъ я выписки изъ уставной грамоты сдѣлалъ, такъ мнѣ на другой же день говорятъ: «А вы зачѣмъ уставную грамоту переписываете? вы этого не дѣлайте...» Теперь я на пушечный выстрѣлъ не подпускаю къ себѣ мужика, если не на работахъ, а то бѣда!.. И все новыя каверзы выдумываютъ, новыя придирки, новыя требованія — замучили меня совсѣмъ.

— А вы не обращайте вниманія, дѣлайте свое дѣло.

— Такъ-то такъ, да, вѣдь они мѣшаютъ: кричатъ, галдятъ... народъ пьяный, нахальный... во всё путаются, лѣзутъ съ совѣтами, распоряжаются моими рабочими... какъ я могу не обращать вниманія? А, главное, Кувалдинъ постоянно жалуется на меня, пишетъ письма, доносы...

— Ну, и пусть его пишетъ... Что можетъ онъ написать?

— Помилуйте, Николай Иванычъ! меня уже три раза вызывалъ къ себѣ главный начальникъ... вѣдь, это для меня разореніе.

— Почему разореніе?

— А какъ-же! туда триста верстъ да обратно столько же— вѣдь, это все я долженъ на свой собственный счетъ: прогоновъ

Digitized by Google

мнѣ не выдаютъ. Туда пріѣдешь, надо за номеръ платить... Все деньги, все расходы, а жалованье, сами знаете, всего шестьсотъ рублей въ годъ. Пріѣдешь—въ правленіи надъ тобой смѣются: «Что, говорятъ, опять для увѣщанія пожаловали? Погодите, обратятъ васъ въ истинную вѣру»! День живешь, два живешь, недѣлю, приходишь въ правленіе въ девять, уходишь въ три,—все ждешь, не позоветъ ли тебя главный начальникъ. Дѣла никакого, тоска... Вотъ, наконецъ, къ начальнику требуютъ.. Накричитъ, нашумитъ, слова сказать не дастъ, не выслушаетъ и велитъ ѣхать обратно. Вѣдь это обида. А все изъ-за чего? Изъ-за того, что я отъ ихняго жалованья, стало быть, отъ взятки отказался... Что же, если я не могу, совѣсть мнѣ не позволяетъ?.. Все равно, и безъ того все дѣлается по ихнему... вѣдь, я... что же?.. ни въ чемъ имъ не перечу, такъ же какъ и другіе... Но они придираются, стараются мнѣ повредить... за что?.. Сегодня, напримѣръ, сталъ я записывать заявленіе непремѣннаго работника Касьянова, а они подняли шумъ, закричали, чтобы я записывалъ буквально... Хохотъ, гвалтъ... мужики на смѣхъ подняли, стали передразнивать его слова... потомъ заявили формальный протестъ и уѣхали... Ну, что же?.. Я распустилъ рабочихъ и прекратилъ работу... Я не знаю, что дѣлать... я раньше не жаловался, не безпокоилъ васъ... Посовѣтуйте, ради-Христа.

— Гмъ, какая мерзость!право, не знаю, какъ вамъ пособить...

— Въ отставку выходить, что ли?.. Я хотѣлъ попросить васъ, Николай Ивановичъ, заступиться за меня... написать главному начальнику... обратить его вниманіе... не переведетъ ли онъ меня хоть въ другое мѣсто?..

— Отчего же? съ удовольствіемъ... только какъ это сдѣлать? Лично я съ нимъ не знакомъ, оффиціально писать не удобно, да и едва ли онъ меня послушаетъ. Все одна шайка!

— Въ отставку бы я хоть сейчасъ, да семья у меня—вотъ бѣда! пока найдешь другую службу, пока что...

— Выходите въ отставку,—сказалъ Чагинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? вы совѣтуете?

— Если вы не очень заинтересованы государственной службой, я могу васъ устроить на частной и гораздо выгоднѣе, чѣмъ здѣсь. Гдѣ вы получили образованіе?

— Въ реальномъ училищѣ, потомъ въ землемѣрномъ.

— Отлично. Тогда мы это дѣло устроимъ.

Глаза Петровскаго радостно засверкали.

— Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ!.. Если бы это устроилось, въ самомъ дѣлѣ!.. ей-богу!.. вотъ-то бы... какъ изъ плѣна вавилонскаго...

— Я думаю, черезъ недѣлю, самое большее—черезъ десять дней мы получимъ отвѣтъ.

Digitized by Google

Когда Петровскій проходилъ обратно черезъ канцелярію, у него былъ такой сіяющій и побѣдоносный видъ, что письмоводитель, мрачный и молчаливый субъектъ, корпѣвшій у стола, проводивъ его изумленными глазами, промолвилъ съ недоумѣніемъ: «ишь ты!» и покачалъ головой.

— Вотъ какія дѣла, другъ ты мой!—сказалъ Николай Ивановичъ.—Но я радъ за Петровскаго... Ты въ самомъ дѣлѣ его устроишь?

— Навѣрное. У меня къ тебѣ просьба, Николай Иванычъ: разрѣши мнѣ доступъ къ дѣламъ въ твоей канцеляріи.

— Сдѣлай одолженіе. Кстати, ты найдешь у меня часть волостного архива и кой что изъ заводскаго.

— Спасибо.

— Валяй, братъ, валяй!

V.

Чагинъ тотчасъ же принялся за дѣло. Съ обычной своей неутомимостью онъ просиживалъ въ канцеляріи съ ранняго утра до ночи.

Письмоводитель, придя въ канцелярію въ семь часовъ утра, очень удивился, заставши тамъ Чагина. Косо и недовѣрчиво посмотрѣвъ на него, онъ угрюмо поклонился, сѣлъ передъ столомъ у окна и сталъ свертывать папиросу.

— Здравствуйте,—сказалъ Чагинъ.—Неужели и сегодня заниматься? вѣдь воскресенье.

Письмоводитель ничего не отвѣтилъ и лизнулъ языкомъ папиросу.

— Вѣроятно, работы много?—продолжалъ Чагинъ, наблюдая за выраженіемъ его угрюмаго, неподвижнаго лица.

Письмоводитель, не торопясь, вставилъ папиросу въ мундштукъ, чиркнулъ спичкой, затянулся два раза и отвѣтилъ:

— Работа! какая теперь работа? работа теперь пустяки! зимой—вотъ работа... А что праздникъ сегодня, то собственно потому, что нечего дома дѣлать. Скука. Въ церковь ходить я не хожу, а здѣсь, по крайности, къ понедѣльнику я всѣ рѣшенія напишу.

— Какія рѣшенія?

— Да всякія: о порубкахъ, о сѣнокосахъ, мало ли.

— Развѣ рѣшенія у васъ заранѣе пишутся?

— А какъ же? Завсегда. Неужели въ то самое время? когда же?

— Ну, а если написанное рѣшеніе не подойдетъ? на судѣ окажутся другія обстоятельства?

— Тогда перепишемъ. Да только что-то не оказывается. Какъ ни верти, все едино. И при мировомъ тоже было,

Digitized by Google

— А вы давно служите?

— Я-то? Да еще при посредникѣ, когда посредники были. Потомъ у мирового судьи.

— Когда же, по вашему, лучше было: при мировомъ судьѣ или теперь?

— Все едино.

— Никакой разницы нѣтъ?

— Все едино.

Послѣ этого оба, молча, не отрываясь, работали часа полтора.

— Пожалуйста, объясните мнѣ, что это за документъ?— спросилъ Чагинъ, показывая письмоводителю пришитый къ дѣлу лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано: «Удостовѣреніе сіе выдано мастеровому Ивану Филатову Безматерныхъ въ томъ, что сего числа, по его обоюдному согласію дадено ему, Безматерныхъ, въ моемъ присутствіи двадцать пять розогъ, что и удостовѣряю приложеніемъ казенной печати. Неграмотный волостной старшина Шестаковъ».

Письмоводитель, взглянувъ на бумагу, по обыкновенію, нѣсколько секундъ молчалъ.

— Удостовѣреніе—тутъ написано,—промолвилъ онъ, наконецъ.

— Я вижу, но для чего? что это такое?

— Для конторы.

— Для какой конторы?

— Для какой? Извѣстно, для какой: для заводской. Только одна контора у насъ и есть.

— Но для чего? вы объясните подробнѣе.

— Чего объяснять? Нечего объяснять. Слѣдовательно, придетъ мужикъ въ волость, весь въ сажѣ, какъ дьяволъ, и учнетъ старшину просить, записку ему подаетъ, а въ запискѣ сказано: «дать такому-то, скажемъ, Ивану Тараканову, двадцать или тридцать розогъ». Старшина само собой: «Убирайся вонъ! не до тебя, некогда намъ теперь»... Проситъ тотъ, проситъ, видитъ—безъ гривенника не обойдешься, жертвуетъ старшинѣ гривенникъ. И сейчасъ это десятскіе разложатъ мужика на полу и отсчитаютъ, сколько по запискѣ показано. Потомъ зачнутъ писать удостовѣреніе. За удостовѣреніе да за приложеніе печати писарю еще пятачекъ, да десятскимъ за то, что не больно драли, ну хоть три копѣйки, итого-восемнадцать копѣекъ. Какъ получилъ удостовѣреніе, опять его на работу принимаютъ, а безъ удостовѣренія не ходи. Вотъ къ чему эта бумага. Нынче этого нѣту, Николай Иванычъ отмѣнили, да и управляющій другой; а прежде это весьма соблюдалось.

Чагинъ смотрѣлъ на письмоводителя и удивлялся: ни по

Digitized by Google

лицу, ни по голосу нельзя было узнать, какъ онъ относился къ своему разсказу.

— Что же, по вашему, хорошо это или худо, что отмѣнили?—спросилъ Чагинъ.

— Порядокъ такой былъ, — уклончиво отвѣтилъ письмоводитель.

— Ну, однако, какъ вы думаете?

— А мнѣ чего думать? не меня драли. Я къ мѣщанскому сословію приписанъ, на заводѣ не роблю, мнѣ что?

— Ну, а если-бы?..

— Чего если бы?.. Порядокъ такой былъ...

— Теперь вонъ другой порядокъ, а развѣ лучше? Тоже ничего хорошаго.

Письмоводитель махнулъ рукой, нагнулъ голову на бокъ и сталъ писать. Черезъ полчаса онъ положилъ перо и исподлобья посмотрѣлъ на Чагина.

— Вы, сказываютъ, въ газетахъ пишете? — спросилъ онъ.

— Пишу.

— Гмъ... вотъ бы описать одинъ случай.

— Какой?

— Описать бы одного человѣчка... фельдшера здѣшняго... какъ онъ меня ловко надулъ... Продалъ мнѣ корову, а она черезъ недѣлю издохла... Я писалъ въ газету «Свѣтъ»—не приняли. Не знаете, отчего?

— Не знаю. Вѣроятно, оттого, что неинтересно.

— Я пятнадцать рублей заплатилъ, а она издохла... стало быть, хворая была... мошенничество какое!.. Въ другихъ газетахъ не напечатаютъ, какъ вы полагаете?

— Едва ли.

— Почему же? цензура не пропуститъ?

— Нѣтъ, цензура пропуститъ, да никому это неинтересно.

— Гмъ!.. а надо бы описать его, мерзавца... Нашему брату нигдѣ ходу нѣтъ... Случись съ именитымъ лицомъ, сейчасъ же бы напечатали.

— Нѣтъ, все равно, не напечатали бы...

— Ну, какъ же! толкуйте! развѣ я не знаю? Вездѣ рука руку моетъ... Кто тамъ распоряжается въ редакціяхъ? не вы?

— Нѣтъ, не я.

— А то вотъ еще здѣшняго доктора описать... До того разъѣлся, что едва дышетъ, и цѣлый день лежитъ на боку, какъ скотина... въ больницу не ходитъ, приходящихъ на дому лѣчитъ... Придутъ къ нему, а онъ лежитъ и, хоть какая болѣзнь, ни за что не встанетъ, а только ругается: «лѣнтяи вы, говоритъ, лежебоки... пьянствуете, водку лопаете — оттого... Федотычъ! посмотри, что у него, у подлеца?».. Двѣнадцать тысячъ жалованья получаетъ за это, за лежанье-то...

Digitized by Google

— Неужели двѣнадцать тысячъ?

— Ей-Богу, двѣнадцать тысячъ. Потому что зять онъ главнаго начальника, съ шести заводовъ ему по двѣ тысячи платятъ, оно и составится двѣнадцать... Не житье, а масляннница! до того излѣнился, что ужъ, кажется, и лѣниться-то лѣнь... Вотъ это житье!.. Нашъ братъ за триста рублей въ годъ трубитъ-трубитъ, корпитъ-корпитъ, а тамъ все тысячи: главному управляющему двадцать четыре тысячи, помощнику двѣнадцать тысячъ, управителю шесть тысячъ!.. Куда и деньги дѣваютъ—оказія!.. Съ заводовъ только лѣнивый не беретъ—всѣмъ платятъ, да и есть изъ чего: одинъ нашъ заводъ далъ въ прошломъ году триста семьдесятъ четыре тысячи дивиденту!.. Николай Иванычъ — чудакъ, смиренъ больно, а то могъ бы большія деньги нажить... Чего имъ стоитъ тысячекъ пять-шесть въ годъ? а человѣкъ онъ нужный: дали бы съ удовольствіемъ. Такъ нѣтъ, не беретъ, жалѣетъ ихъ, что ли?... Чудакъ, ей-Богу!.. Вы смотрите, не наябедничайте на меня, что я такъ говорю...

— А что?

— Да нехорошо... Я наболталъ вамъ нивѣсть чего, а вы разскажете,—мало ли что можетъ выйти?.. Вы Николаю Иванычу пріятели, съ вами осторожно надо... Вонъ они идутъ, съ лѣстницы спускаются, такъ вы смотрите не того... мало ли какіе разговоры бываютъ... — прибавилъ письмоводитель, заслышавъ шаги, и снова уткнулся въ работу.

— Мы тебя потеряли,—сказалъ Чагину вошедшій Николай Ивановичъ.—Бросай все, пойдемъ завтракать.

— Сейчасъ, погоди немного.

— Одна барышня желаетъ съ тобой познакомиться. Очень тобой заинтересована, красавица, умница—прелесть!

— Кто такая?—спросилъ Чагинъ, приводя бумаги въ порядокъ.

— M-lle Сопѣгина.

— А! дочь этого господина?

— Ну, да.. Да ты чего? На папеньку она не похожа... Стремленія, идеи, братецъ ты мой, и все прочее.

Когда пришли въ столовую, Чагинъ увидѣлъ молодую, черноволосую дѣвушку лѣтъ двадцати, но красавицей ее не нашелъ. Не замѣтилъ онъ также, чтобъ она выказала къ нему какой-либо интересъ. Кивнувъ головой на его поклонъ и почти не взглянувъ на него, она спокойно обратилась къ студенту Салмину, очевидно, продолжая прерванный разговоръ:

— Итакъ, вы утверждаете, что обезземеленіе народа, гибель общины неизбѣжны, и воспрепятствовать этому невозможно?

Салминъ, вызывающе посмотрѣвъ на Николая Ивановича, отвѣчалъ:

Digitized by Google

— Разъ Россія ступила на путь капитализма, разумѣется, это неизбѣжно — таковъ общій законъ. А класть заплаты на то, что гнило, заниматься починкою ветхаго зданія, обреченнаго на разрушеніе, само собой, неразумно. Хлопотать объ обезпеченіи землей населенія, да еще заводскаго населенія, препятствовать накопленію и концентраціи капитала—значитъ прать противъ рожна, идти противъ законовъ исторіи, бороться съ вѣтренными мельницами, и для чего? къ чему? во имя какихъ идеаловъ? ради какой будущности?

— Это не ваше личное мнѣніе? это мнѣніе другихъ... болѣе... то-есть, это мнѣніе ученыхъ?

— Да, конечно. Васъ необходимо, Екатерина Ивановна, ознакомить съ литературой...

— Я читала кой-что, но тамъ этого, что вы говорите, нѣту...

— Да вы не вѣрьте ему, барышня, сказалъ Николай Ивановичъ: —онъ, навѣрное, что-нибудь перевираетъ. По его словамъ, такъ и голодающихъ вонъ не слѣдуетъ кормить: пусть издыхаютъ.

— Ну это вы врете!—запальчиво, весь вспыхнувъ, вскричалъ студентъ.

— Позволь! ты говорилъ это.

— Я этого никогда не говорилъ! Я говорилъ, что помогать голодающимъ—все равно, что лить воду въ дырявую кадку: сколько ни лей, полна не будетъ. Вотъ что я говорилъ! Сколько ни помогайте голодающему мужику, хоть милліарды раздайте, ему не поможешь, потому что примитивное крестьянское хозяйство погибаетъ, недоѣданіе въ деревняхъ уже теперь стало хроническимъ. Надо поднять технику земледѣлія, надо увеличить производительныя силы страны, а это станетъ возможнымъ только тогда, когда сельское хозяйство изъ полуденежнаго, полунатуральнаго станетъ вполнѣ капиталистическимъ, когда разовьется обработывающая промышленность и поглотитъ излишнія рабочія руки, подниметъ производительность труда... Вотъ что я говорилъ... А голодающихъ вы можете кормить сколько угодно, да только не думайте при этомъ, что вы, въ самомъ дѣлѣ, занимаетесь настоящимъ дѣломъ, исцѣляете народныя язвы. Можете также хлопотать и о надѣленіи землей горнозаводскаго населенія, да только, вѣдь, изъ этого ровно ничего не выйдетъ.

— Почему бы это, однако?

— Да все потому же. Сколько ни старайтесь, рано или поздно земля уйдетъ изъ рукъ населенія. Это дважды два четыре, непреложный законъ. Да и теперь, если правду сказать, вы только воображаете, что хлопочете о земельномъ устройствѣ мастеровыхъ, на самомъ же дѣлѣ вы больше способствуете ихъ


Digitized by Google

обезземеленію. Сознательная половина вашей дѣятельности безрезультатна, а безсознательная огромна по своему значенію. Вы сами, не замѣчая того, дѣйствуете, какъ слѣпое орудіе экономической необходимости.

— Что ты врешь? какое слѣпое орудіе? какая экономическая необходимость? Чортъ знаетъ что ты мелешь! при чемъ тутъ экономическая необходимость?

— Очень причемъ. Она-то и составляетъ, можно сказать, самый гвоздь, самую суть, а всѣ ваши идеальныя стремленія, дѣйствительно, не причемъ. Вѣдь, вотъ, напримѣръ, сами же вы три-четыре года тому назадъ силой заставляли мастеровыхъ отказываться отъ своихъ правъ на землю, не смотря на ваши идеи и прочее. А почему? Потому что такова сила вещей и таково безсиліе вашихъ идей, не имѣющихъ подъ собой экономической почвы...

Николай Ивановичъ поблѣднѣлъ и тяжело поднялся съ мѣста. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но, вмѣсто того, вдругъ повернулся и молча вышелъ изъ комнаты. Студентъ осѣкся на полусловѣ и съ испугомъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Съ минуту длилось тягостное молчаніе.

— Повидимому, вы не остановитесь ни передъ какой жертвой Молоху,—обратился къ нему Чагинъ :— разумѣется, это такъ и должно быть, если признать, что другого бога не существуетъ... Но точно ли нѣтъ другихъ боговъ? и не преувеличиваете ли вы значеніе и могущество вашего кумира? Вѣдь, надо имѣть слишкомъ крѣпкую вѣру, чтобъ рѣшиться на человѣческія жертвоприношенія...

Студентъ что-то хотѣлъ возразить, но въ это время вернулся въ комнату Николай Ивановичъ и, весь блѣдный, остановился у стола. Съ минуту онъ молчалъ, опустивъ глаза, потомъ, заикаясь, съ усиліемъ заговорилъ, ни на кого не глядя и держась обѣими руками за спинку стула.

— Я разскажу вамъ все... — началъ онъ низкимъ и безцвѣтнымъ голосомъ.—Это была подлость, и я не стану оправдываться... но я даю вамъ честное слово, что я самъ не понималъ того, какъ это важно и какое имѣетъ значеніе...

— Ты это послѣ разскажешь,—сказалъ было Чагинъ, но Николай Ивановичъ нетерпѣливо перебилъ его:

— Нѣтъ, нѣтъ... разъ объ этомъ упомянули, я разскажу... Я не оправдываюсь, но ты увидишь и всѣ увидятъ, что это не такъ... Дѣло въ томъ, что я не зналъ, а они знали... Однимъ словомъ, я разскажу все по порядку. Здѣшніе мастеровые, какъ и вездѣ на заводахъ, не получили земельныхъ надѣловъ, хотя имѣли на то право по закону... Правда, были составлены уставныя грамоты, но онѣ ни съ духомъ закона, ни съ прямымъ его смысломъ ничего общаго не имѣли, онѣ

Digitized by Google

заключали въ себѣ стремленіе, такъ сказать, вторично закрѣпостить населеніе, и потому приняты не были. Такъ было вездѣ... Ну-съ. Такимъ образомъ, формально мастеровые не получили ничего, кромѣ усадебныхъ мѣстъ, но фактически они съ давнихъ временъ пользовались выгономъ, покосами и росчистями. Заводоуправленіе не препятствовало владѣть и пользоваться мастеровымъ этими угодьями, а не припятствовало потому, что боялось, не смѣло нарушить право этого стариннаго владѣнія.

Николай Ивановичъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— Такъ тянулось десятки лѣтъ. Вдругъ стали требовать отъ мастеровыхъ, чтобы они брали изъ конторы билеты на право пользованія этими угодьями за установленную плату... Плата же была назначена баснословно ничтожная, почти невѣроятная: по десяти копѣекъ съ десятины въ годъ... Это-то меня и ввело въ заблужденіе... Населеніе, которое привыкло быть всегда на сторожѣ, уперлось съ непонятнымъ для меня упорствомъ... Началась цѣлая, въ высшей степени непріятная исторія... Начались преслѣдованія, тяжбы, судебныя дѣла, лишенія работъ... Съ той и съ другой стороны обнаружилось столько настойчивости и упорства, что я недоумѣвалъ и удивлялся... А былъ я тогда неопытенъ и несвѣдущъ... Формальное право было на сторонѣ заводоуправленія... Мнѣ говорили: вотъ до чего испорченъ, избалованъ заводскій народъ, вотъ до чего привыкъ онъ не уважать требованія закона и права собственности... Я сталъ на сторону заводоуправленія... Но, видитъ Богъ, я не подозрѣвалъ, къ чему все это клонилось!..

— А къ чему же это клонилось?

— Къ чему? Къ тому, чтобы обезземелить мастеровыхъ на законномъ основаніи. Заводы бываютъ всегда хорошо освѣдомлены на счетъ теченій въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Имъ стало извѣстно, что черезъ годъ, черезъ два долженъ выйти законъ, по которому поссессіонные заводскіе мастеровые получатъ въ надѣлъ все, чѣмъ они фактически пользовались не по найму отъ заводоуправленія. Надо было заручиться доказательствами, что фактическими владѣльцами росчистей и покосовъ были заводы, а не мастеровые, что эти послѣдніе пользовались ими на правахъ аренды отъ заводоуправленія. Вотъ для чего нужны были билеты! Цѣна имъ была грошъ, но не въ ней было дѣло. Скажу вамъ откровенно, я чувствовалъ, что тутъ кроется какой-то обманъ, что дѣло не чисто и не такъ просто, какъ казалось, и первое время колебался... Но вскорѣ меня, что называется, огрѣли обухомъ по головѣ. На меня пожаловались, меня вызвали въ губернію... Тамъ приняли меня скверно... Я скажу все: меня приняли, какъ лакея, мнѣ угрожали, на меня кричали, меня обвиняли въ соціализмѣ... Я

Digitized by Google

все это вынесъ и даже оправдывался... Я обѣщалъ сдѣлать все, что отъ меня требовали... И я исполнилъ свое обѣщаніе... Я употребилъ власть, данную мнѣ закономъ, на то, чтобы помочь заводоуправленію привести въ исполненіе его безчеловѣчный замыселъ... Тутъ я убѣдился, между прочимъ, до какой степени наша власть, о которой такъ много говорятъ, ничтожна въ сравненіи съ той огромной властью, какую имѣетъ надъ населеніемъ заводоуправленіе. Я могъ посадить мужика на три дня подъ арестъ, оштрафовать его на нѣсколько рублей, а они могли разорить его въ конецъ, продать съ торговъ его домишко, его корову, лошадь, все его имущество, лишить его работы, обречь на всѣ муки голоднаго существованія... При томъ я дѣйствовалъ робко, перемогая свою совѣсть, а они съ полнымъ сознаніемъ своей правоты... Къ счастію, всѣ наши старанія увѣнлись весьма малымъ успѣхомъ... Масса населенія, что называется, стала стѣной... Люди разорялись, лишались работы, бросали навсегда свои насиженныя мѣста, несли убытки, въ десять разъ превосходившіе стоимость тѣхъ клочковъ земли, изъ-за которыхъ возникало дѣло, но твердо стояли на своемъ: не брать билетовъ... Здѣсь опять таки идея, а не матеріальныя выгоды... а идеи двигаютъ горами... Борьба оказалась неравная: нельзя было поголовно разорить все населеніе... Въ концѣ концовъ, все осталось по прежнему...

— Надо сказать еще о томъ, что вы систематически не утверждали уполномоченныхъ для веденія судебныхъ дѣлъ, избираемыхъ сходами,—сказалъ студентъ.

— Да, и это было... Было, было... Послѣ, когда я узналъ всю подкладку дѣла, всю эту механику, мнѣ стало и горько, и стыдно. Когда я уразумѣлъ, что, вѣдь, въ сущности, здѣсь рѣшалась судьба всего заводскаго населенія и его будущихъ поколѣній, я пришелъ въ ужасъ... Тутъ только я понялъ, чѣмъ я рисковалъ, и чѣмъ рисковали мастеровые... Я рисковалъ благорасположеніемъ начальства, самое большее—службой, и какіе это пустяки сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ рисковали они!..

— У тебя все пустяки...—начала было Лидочка, но Николай Ивановичъ съ внезапнымъ раздраженіемъ перебилъ ее:

— Молчи! ужъ ты-то молчи, ради Бога!

— Что я такое сказала?

— Ничего! но, я прошу тебя, не говори пока ни слова... теперь, именно теперь... Да, такъ о чемъ это я?.. Да, да... Я все разсказалъ, все какъ было, не скрылъ ничего, не пощадилъ себя... Все это ужасно, но что это значитъ? при чемъ тутъ экономическая необходимость? Подлость это, беззаконіе, произволъ, насиліе, а не экономическая необходимость!.. политика, а не политическая экономія...

Digitized by Google

— Но политика вытекаетъ изъ экономической необходимости—это аксіома,—возразилъ студентъ.

— Ну, хорошо, пусть... тогда всякая политика должна быть хороша, потому что она вытекаетъ изъ необходимости... Какая тутъ необходимость? Просто, человѣческая недобросовѣстность...

— Это-то и есть экономическая необходимость, желѣзные законы экономическаго развитія... Положимъ, что вы оказались недостаточно тверды, но будь вы самостоятельнѣе, васъ немедленно бы смѣстили и назначили на ваше мѣсто человѣка болѣе податливаго, не правда ли? Я думаю, вы не станете этого отрицать?

— Нѣтъ, нѣтъ! и, вообще, я не расположенъ сегодня слушать твои разглагольствованія.

Катя Сопѣгина, про которую всѣ позабыли, стала прощаться. Она была блѣдна, какъ платокъ, и дрожала.

— Ахъ, Господи Боже мой! вы здѣсь?—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Я упустилъ изъ виду... Ахъ, ты Господи!.. забылъ о вашемъ присутствіи...

Катя, отвернувшись, торопливо выбѣжала въ прихожую, откуда вскорѣ послышались рыданія. Съ ней сдѣлалась истерика, Лидочка увела ее къ себѣ въ спальню.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Погорѣловъ.

---

* * *

На чужбинѣ далекой тоскуя вдвоемъ,
Мы, какъ дѣти, однажды тихонько болтали
Въ полумракѣ вечернемъ о горькомъ быломъ
(Нашей старой но все еще свѣжей печали!).

«Нѣтъ, тѣхъ дней я забыть не могу никогда,
Никогда не прощу!—ты, блѣднѣя, шептала:
Ни одна впереди не мерцала звѣзда,
Умъ мѣшался, душа замирала.

«Днемъ и ночью шумѣла рѣка подъ окномъ
Шевелясь, точно лапы чудовищъ враждебныхъ.
Рѣкъ такихъ мы въ краю не видали родномъ—
Развѣ въ грезахъ иль сказкахъ волшебныхъ.

Digitized by Google

«Величавый, холодный, безлюдный просторъ...
Наша лодка, да влажныя, черныя бездны,
Да по берегу стѣны отвѣсныя горъ...
О возвратѣ мечты безполезны!

«За утесомъ-громадой вздымался утесъ,
Все безмолвнѣй, угрюмѣй, печальнѣй...
Все на сѣверъ потокъ насъ безжалостный несъ
Дальше, дальше отъ родины дальней!

«Разъ, я помню, подъ гнетомъ безумной тоски,
Вся пропитана влагой холодной,
Я заснула, подъ мѣрные всплески рѣки;
И приснилось мнѣ: вновь я свободна...

«Я лечу, будто птица,—мелькаютъ вокругъ
Занесенныя снѣгомъ равнины...
Я лечу на желанный сверкающій югъ
Изъ холоднаго мрака чужбины.

«Ближе, ближе родная страна—
Небо блещетъ лазурью и свѣтомъ...
Сердце чуетъ: весна, золотая весна!
Пахнетъ бѣлой акаціи цвѣтомъ.

«Вотъ и Днѣпръ, утонувшій въ вишневыхъ садахъ,
Засверкалъ бирюзою... Я вся задрожала
И, на берегъ родимый упавши въ слезахъ,
Долго, жадно его цѣловала!..

«Я очнулась на мрачной, холодной рѣкѣ—
Волны съ грознымъ нахлынули плескомъ.
Сердце билось въ груди, точно птица въ силкѣ,
Еще полное радостнымъ блескомъ.

«И казалось въ тотъ мигъ: если бъ родину я
Не во снѣ—на яву увидала,
Я упала-бъ на землю и, слезъ не тая,
Цѣловала ее, цѣловала!..»

Милый голосъ во тьмѣ, какъ струна зазвенѣлъ—
Ты внезапно замолкла угрюмо.
И утѣшить тебя я, мой другъ, не умѣлъ,
Полонъ той же мучительной думой!..

П. Я.

1899.

Digitized by Google

Земскія ходатайства.

По вопросамъ общественнаго призрѣнія.—По вопросамъ земской медицины.

XIII. По вопросамъ общественнаго призрѣнія.

Въ этой группѣ встрѣчаемъ не особенно много ходатайствъ (155), изъ которыхъ отклонено всего 35 (22,6%)—менѣе всѣхъ остальныхъ группъ, хотя весьма многія удовлетворялись далеко не во всемъ ихъ объемѣ.

Самая многочисленная часть ходатайствъ по вопросамъ общественнаго призрѣнія касалась урегулированія денежныхъ отношеній казны къ земствамъ по богоугоднымъ и т. п. заведеніямъ. Поводы къ ихъ возбужденію были въ значительной мѣрѣ однообразны и заключались въ условіяхъ, болѣе или менѣе общихъ для всѣхъ земствъ. При введеніи земскихъ учрежденій, въ ихъ вѣдѣніе, какъ извѣстно, переходили, между прочимъ, отъ прежнихъ приказовъ общественнаго призрѣнія обязанности по призрѣнію умалишенныхъ. Заведенія, имѣвшіяся въ то время для этой цѣли, „открывались по мѣрѣ учрежденія приказовъ (читаемъ въ представленіи бывшаго министра, статсъ-секретаря Макова, въ комитетъ министровъ отъ 16 августа 1879 года) въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, т. е. въ то время, когда на умалишенныхъ смотрѣли не какъ на больныхъ, нуждающихся въ правильномъ леченіи, а какъ на людей опасныхъ, которыхъ надлежало лишь сдѣлать безвредными для общества". Поэтому устройство такихъ больницъ оставляло желать весьма многаго: онѣ „не были приспособлены къ цѣли пользованія умалишенныхъ и вскорѣ обратились въ пріюты для неизлѣчимыхъ и мѣста содержанія испытуемыхъ въ судебно-медицинскомъ порядкѣ".— „*Въ такомъ видѣ*, говорится далѣе въ упомянутомъ представленіи министра, *заведенія эти*, за немногими исключеніями, *существуютъ и донынѣ* (1879) и, не смотря на неудовлетворительное ихъ положеніе, всѣ переполнены призрѣваемыми, по причинѣ крайней несоразмѣрности числа кроватей съ числомъ умалишенныхъ, требующихъ призрѣнія, въ ущербъ самымъ важнымъ интересамъ больничной гигіены".—Еще въ 40-хъ годахъ было замѣ-

Digitized by Google

чено печальное состояніе домовъ для умалишенныхъ, и явилось предположеніе учредить 8 центральныхъ такихъ домовъ, по одному на нѣсколько губерній, а существовавшіе тогда въ каждой губерніи упразднить. Однако, послѣ основанія одного центральнаго дома въ Казани, опытъ былъ оставленъ, въ виду тѣхъ огромныхъ средствъ, которыя онъ требовалъ отъ казны. Съ передачею земскимъ учрежденіямъ благотворительныхъ заведеній упраздненныхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, забота объ этихъ заведеніяхъ возложена была на земства. „Между тѣмъ, сказано въ томъ же представленіи статсъ-секретаря Макова, не смотря на вопіющую потребность привести дома для умалишенныхъ въ положеніе благоустроенныхъ заведеній, мѣра эта безъ пособія земствамъ осуществиться не можетъ, по значительности предстоящаго расхода, для покрытія котораго земства не обладаютъ какими либо особыми капиталами. Собрать-же необходимую сумму посредствомъ земской раскладки на предметы обложенія едва-ли было-бы исполнимо на практикѣ, потому что земскіе бюджеты и безъ того уже обременены большими расходами, и земства вообще признаютъ увеличеніе сборовъ съ предметовъ земскаго обложенія невозможнымъ. При этомъ нельзя не принять во вниманіе, что *предоставленныя отъ правительства земствамъ средства* на общественное призрѣніе *крайне недостаточны на покрытіе даже обязательныхъ расходовъ*, и, какъ видно изъ имѣющихся свѣдѣній, земства въ послѣднемъ трехлѣтіи расходовали на означенный предметъ изъ своихъ средствъ среднимъ числомъ въ годъ болѣе 1 милл. руб. Независимо отъ сего, относить на земскія средства улучшеніе помѣщеній для умалишенныхъ было-бы не вполнѣ справедливо, такъ какъ, въ виду существовавшаго предположенія для устройства въ имперіи центральныхъ домовъ для умалишенныхъ, *никакихъ улучшеній* въ губернскихъ заведеніяхъ не *производилось, и они были переданы въ вѣдѣніе земства въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи*. При такомъ положеніи дѣла представлялось бы необходимымъ и справедливымъ, чтобы въ дѣлѣ улучшенія домовъ для умалишенныхъ правительство пришло на помощь денежными средствами не только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дома эти подчинены приказамъ общественнаго призрѣнія, но и въ тѣхъ, гдѣ сказанныя заведенія, за упраздненіемъ приказовъ, переданы въ вѣдѣніе земства“.

Этотъ важный документъ, стало быть, устанавливаетъ фактъ крайней неудовлетворительности во всѣхъ отношеніяхъ домовъ для умалишенныхъ въ моментъ передачи ихъ въ вѣдѣніе земствъ и фактъ отсутствія средствъ у послѣднихъ для приведенія этихъ домовъ въ надлежащее положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ приведенный документъ подтверждаетъ необходимость для государства оказать денежную поддержку земствамъ въ этомъ случаѣ, для чего въ министерствѣ имѣлся на лицо (1879) капиталъ въ количествѣ

Digitized by Google

около 3,3 милл. рублей.—Результатомъ этого представленія было высочайшее повелѣніе 24 октября 1879 года объ оказаніи такой денежной поддержки земствамъ отъ казны въ размѣрѣ 50°/о дѣйствительно употребленныхъ на улучшеніе названныхъ заведеній земствами суммъ, на извѣстныхъ условіяхъ.

До такого разрѣшенія этого больного вопроса, земству пришлось бороться не мало для выясненія истиннаго положенія дѣла и для того, чтобы получить какую нибудь возможность улучшать полученныя отъ приказовъ общественнаго призрѣнія заведенія, хотя бы и въ весьма слабой степени.

Длинный рядъ ходатайствъ этой серіи начался еще въ 1866 г. просьбой новгородскаго губернскаго земства: 1) о скорѣйшемъ разсчетѣ новгородскаго приказа общественнаго призрѣнія государственнымъ банкомъ и о доставленіи тому земству возможности знать опредѣленно свои средства на предметъ общественнаго призрѣнія; 2) объ опредѣленіи размѣра постояннаго пособія изъ государственнаго казначейства, слѣдующаго взамѣнъ прибылей,—по случаю уничтоженія кредитной части приказа; 3) о сообщеніи, будутъ ли устроены центральные дома для умалишенныхъ и другія богоугодныя заведенія, какое вліяніе могутъ произвести эти перемѣны на колмовскія заведенія *) и не придется-ли земству, по принятіи ихъ, въ скоромъ времени сдавать другому управленію и 4) объ отпускѣ правительствомъ (если оно найдетъ необходимымъ сохранить колмовскія заведенія и передать ихъ въ вѣдѣніе земства) необходимаго капитала на приведеніе ихъ въ требуемый порядокъ и въ силу того, что отъ прежнихъ прибылей приказовъ по всей Россіи образовался значительный капиталъ. Ходатайство это вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что названныя заведенія, при передачѣ ихъ казною земству, „требовали такихъ исправленій, на которыя земство не имѣло достаточно средствъ“, почему и принятіе колмовскихъ заведеній земствомъ „встрѣчало большія затрудненія“. Отвѣтъ по первымъ пунктамъ ходатайства послѣдовалъ весьма неопредѣленный: „необходимыя на содержаніе богоугодныхъ заведеній средства предполагается предоставить земству въ весьма непродолжительномъ времени передачею въ распоряженіе онаго потребной доли фондовъ, принадлежащихъ приказамъ общественнаго призрѣнія, и доассигнованіемъ, въ случаѣ надобности, особаго пособія изъ казны. Но количество такихъ фондовъ и размѣръ пособій еще не могутъ быть опредѣлены съ надлежащей точностью“. По 3-му пункту ходатайства заявлено, что „когда послѣдуетъ устройство въ С.-Петербургѣ (куда причислена Новгородская губ.) окруж-

*) Дома умалишенныхъ и богадѣльни, которые—пока состояли въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія—пользовались пособіемъ изъ государственнаго казначейства.


Digitized by Google

наго дома для умалишенныхъ—положительно опредѣлить нельзя". Наконецъ, по 4-му пункту—„министерство должно замѣтить, что оно вообще можетъ предоставить земству средства *только къ поддержанію благотворительныхъ заведеній въ настоящемъ ихъ состояніи*; изысканіе-же способовъ для различнаго рода усовершенствованій и улучшеній ихъ будетъ зависѣть уже отъ усмотрѣнія самого земства".—Земство, однако, какъ выше сказано, заявило, что „настоящее состояніе" колмовскихъ заведеній въ то время было таково, что требовало совершенно непосильныхъ для него тратъ на исправленіе ихъ. Получая при этомъ совершенно неопредѣленныя обѣщанія относительно размѣра казенной субсидіи въ будущемъ („что не должно останавливать новгородскія земскія учрежденія въ принятія богоугодныхъ заведеній"), земство, очевидно, поставлено было въ данномъ случаѣ въ весьма затруднительное положеніе, изъ котораго не легко было подыскать выходъ, при которомъ названныя заведенія могли-бы быть приведены въ сколько-нибудь удовлетворительное положеніе.

Черезъ четыре мѣсяца—въ маѣ того же 1866 г.—поступаетъ отъ того-же земства новое ходатайство объ ассигнованіи ему отъ казны пособія въ размѣрѣ 30.744 руб. 22 коп. „на дополнительныя работы по колмовскимъ богоугоднымъ заведеніямъ, уже перешедшимъ въ вѣдѣніе земства, и на приспособленіе рабоче-смирительнаго дома подъ помѣщеніе страдающихъ душевными болѣзнями". Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ „изложенное ходатайство заслуживающимъ уваженія", въ чемъ нельзя было не видѣть отказа отъ поставленнаго выше принципа—оказывать содѣйствіе земству лишь „въ поддержаніи благотворительныхъ заведеній только въ настоящемъ ихъ видѣ". Это обстоятельство оказалось, однако, практически благопріятнымъ земству далеко не въ той мѣрѣ, въ какой это можно бы ожидать. Отпущено было земству не 30.744 р. 22 к., а всего 18.000 рублей. Вслѣдствіе новаго ходатайства новгородской губ. управы, выдано было черезъ мѣсяцъ на тотъ-же предметъ еще 2.000 руб.—итого 20.000 руб. Земство тѣмъ не менѣе не переставало энергично хлопотать о томъ-же. Четвертое его ходатайство объ ассигнованіи 6470 р. 9¾ коп. „на уплату долговъ по перестройкѣ губернской земской больницы" послѣдовало въ слѣдующемъ 1867 году. Но „министръ внутреннихъ дѣлъ, въ виду значительности отпущенныхъ изъ министерства въ пособіе земству суммъ и въ виду того, что испрашиваемый расходъ не былъ разрѣшенъ министерствомъ, не призналъ возможнымъ удовлетворить таковое ходатайство". Нашъ матеріалъ не даетъ намъ ключа къ разрѣшенію вопроса о томъ, какъ согласить этотъ отказъ министерства въ 1867 году (послѣ выдачи только 20 т.) съ признаніемъ имъ-же въ 1866 году ходатайства новгородскаго земства о пособіи въ 30.744 руб. 22 коп. „заслуживающимъ уваженія". Наконецъ, че-

Digitized by Google

резъ 14 лѣтъ, то-же земство ходатайствовало (1881) „о возвратѣ земству, на основаніи высоч. утв. 24 октября 1879 г. положенія комитета министровъ, 27.555 руб., составляющихъ *половину* суммы, израсходованной земствомъ на улучшеніе земскаго дома для умалишенныхъ“; въ томъ-же году хозяйственный департаментъ просилъ губернатора сообщить по этому дѣлу „дополнительныя свѣдѣнія“, но таковыя въ 1884 г. доставлены еще не были и, слѣдовательно, черезъ три года земство еще не получило слѣдуемой ему по закону столь значительной суммы.

Нѣсколько счастливѣе было тверское губ. земство, которому, по его пяти ходатайствамъ (1866—69), отпускались пособія на необходимыя исправленія и улучшенія богоугодныхъ заведеній въ г. Твери, принятыхъ имъ отъ упраздненнаго приказа общественнаго призрѣнія. Матеріалъ нашъ не упоминаетъ, однако, о размѣрахъ суммъ, которыя просило земство, вслѣдствіе чего мы лишены возможности судить, въ какой мѣрѣ удовлетворялись упомянутыя ходатайства тверского земства. Иной результатъ имѣло ходатайство его-же (1870) о пособіи на устройство психіатрическаго заведенія въ г. Твери — въ размѣрѣ 63 тыс. руб. Мотивировалось послѣднее тѣмъ, что имѣющееся тамъ при благотворительныхъ заведеніяхъ отдѣленіе для умалишенныхъ имѣетъ по своему устройству характеръ дома заключенія, а не правильнаго лѣчебнаго заведенія. Вслѣдствіе этого, при помощи проф. Балинскаго, земство составило проектъ новаго психіатрическаго заведенія, на осуществленіе котораго и просило указанное пособіе, но получило отказъ, мотивированный отсутствіемъ достаточныхъ на то средствъ у министерства внутреннихъ дѣлъ. Повторенное въ 1872 г. такое-же ходатайство имѣло не лучшій результатъ. Хотя на отпущенныя ранѣе министерствомъ деньги домъ для умалишенныхъ и исправленъ, говорило земство, „но за всѣмъ тѣмъ онъ такъ тѣсенъ, что рѣшительно не дозволяетъ не только вести какіе нибудь раціональные способы лѣченія, но даже принимать больныхъ по требованію полиціи и друг. правительственныхъ учрежденій, не говоря о частныхъ лицахъ, обращающихся ежедневно съ просьбами о помѣщеніи въ этомъ домѣ ихъ душевно-больныхъ родственниковъ; земскій-же бюджетъ достигъ огромныхъ размѣровъ и не допускаетъ никакихъ новыхъ расходовъ“. Хотя министръ внутреннихъ дѣлъ и „призналъ ходатайство это заслуживающимъ уваженія“, но земству все-же было отказано по указанному выше мотиву. Вопросъ, однако, не могъ оставаться въ такомъ положеніи. Подобно новгородскому земству, тверское также воспользовалось приведеннымъ высоч. повелѣніемъ 24 октября 1879 г. и ходатайствовало (1880) объ ассигнованіи ему половины суммы, дѣйствительно израсходованной имъ на покупку усадьбы с. Бурашева и на устройство тамъ помѣщенія для 400 умалишенныхъ, что и было удовлетворено послѣ

Digitized by Google

того, какъ всѣ громадныя затраты на этотъ предметъ были уже произведены изъ земской казны.

Псковское губ. земство (1870) ходатайствовало о пособіи ему въ 104.297 руб. „на приведеніе въ надлежащее устройство зданій богоугодныхъ заведеній“; министерство согласилось съ тѣмъ, что земствомъ приняты эти заведенія „въ неудовлетворительномъ состояніи и что имѣющіяся у него средства оказываются недостаточными для приведенія указанныхъ заведеній въ надлежащій видъ“ и потому признало „ходатайство это заслуживающимъ уваженія“—но, „въ виду ограниченной суммы, ассигнованной въ его распоряженіе на подкрѣпленіе средствъ общественнаго призрѣнія въ имперіи“, ассигновало псковскому земству всего 50 т. рублей. Этого, очевидно, было болѣе чѣмъ недостаточно, и потому оно возбуждаетъ черезъ два года (1872) новое ходатайство „о раздѣленіи находящихся въ г. Псковѣ больницы и богадѣльни между уѣздами губерніи, объ увеличеніи отдѣленнаго псковскому земству благотворительнаго капитала на содержаніе губернскихъ заведеній и объ оказаніи пособія на покрытіе передержки на содержаніе этихъ заведеній въ послѣдніе три года“. Мотивомъ служила недостаточность отпущенныхъ на этотъ предметъ средствъ: псковское земство при пріемѣ отъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія богоугодныхъ заведеній получило на содержаніе послѣднихъ капиталъ въ 160 тыс. руб., процентами котораго (до 3 тыс. руб. въ годъ) далеко не покрываются расходы по содержанію заведеній, отчего ежегодно образуется дефицитъ; на пополненіе его нужно было внести въ смѣту губернскихъ земскихъ повинностей на 1872 г. до 76 тыс. руб. Выходъ изъ этого затруднительнаго положенія земство и нашло въ приведенномъ ходатайствѣ.—Ходатайство это, однако, было отклонено во всѣхъ частяхъ; раздѣленіе больницы и богадѣльни между уѣздами было воспрещено по формальнымъ мотивамъ, основный капиталъ увеличенъ не былъ и въ субсидіи было отказано. Но въ самомъ текстѣ отвѣта указано было, что „поддержаніе этихъ заведеній въ прежнихъ размѣрахъ имѣлось въ виду правительства при отдѣленіи земству необходимаго на содержаніе ихъ капитала“; земство-же получило на содержаніи ихъ убытокъ—до 76 тыс. за три года; казалось-бы, что упомянутый капиталъ оказался дѣйствительно недостаточнымъ для своей цѣли. Однако, земству рекомендовалось установить (на основаніи ст. 79 временн. правилъ) спеціальный сборъ, который такимъ образомъ долженъ служить „поддержанію этихъ заведеній въ прежнихъ размѣрахъ“... Дѣло на этомъ еще не кончилось. Еще черезъ два года то же земство ходатайствовало (1874) о безвозвратномъ отпускѣ ему 15 тыс. для возведенія и отдѣлки особаго зданія или бараковъ для умалишенныхъ, въ виду „полнѣйшаго неудобства состоящаго при псковской губернской больницѣ помѣщенія“ для такихъ боль-

Digitized by Google

ныхъ. Не смотря, однако, на то, что еще четыре года назадъ, какъ выше указано, эта настоятельная потребность земства была признана министерствомъ, удовлетвореніе настоящаго ходатайства было отложено до представленія псковскимъ губернаторомъ соображеній о возможномъ улучшеніи нынѣ существующихъ помѣщеній для умалишенныхъ. Нашъ матеріалъ (1884) не даетъ никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла.

Въ 1870 году самарское губ. собраніе просило объ оказаніи ему пособія на постройку новыхъ зданій для помѣщенія больницы въ г. Самарѣ, перешедшей въ вѣдѣніе земства изъ самарскаго приказа общественнаго призрѣнія—въ размѣрѣ 306.106 руб. $76^1/_2$ коп. — Справедливость этого ходатайства была признана вполнѣ. Самарская больница приказа общественнаго призрѣнія помѣщалась въ наемныхъ зданіяхъ, которыя, „не смотря на значительныя затраты суммъ на ихъ наемъ и ремонтъ, не представляли никакихъ удобствъ"; еще въ 1856 году „возникло предположеніе о постройкѣ для больницы новыхъ зданій, но такое предположеніе не было приведено въ исполненіе". Послѣ этого больница просуществовала въ томъ-же помѣщеніи еще 14 лѣтъ. Казалось бы, что приведенное ходатайство должно быть удовлетворено во всей его полнотѣ. Однако, ассигновано было вмѣсто 306 тыс. руб. всего 75 тыс. руб., при чемъ цифра эта снова была мотивирована недостаточностью средствъ, которыя могутъ быть ассигнованы на этотъ предметъ.

Мы не будемъ, далѣе, излагать ходатайства этой серіи. Ихъ еще очень много—около 40; почти каждое губернское земство возбуждало ихъ и нѣкоторыя уѣздныя. Иныя возобновляли ихъ по нѣскольку разъ. Всѣ эти ходатайства съ небольшими варьянтами повторяютъ одно и то же: богоугодныя заведенія получены въ самомъ плачевномъ видѣ отъ приказовъ общественнаго призрѣнія, необходимы весьма крупныя суммы для приведенія ихъ въ сколько-нибудь сносный видъ; у земства такихъ денегъ нѣтъ и быть не можетъ, требуется казенная субсидія не малыхъ размѣровъ для ремонта, перестройки, улучшенія домовъ существующихъ, или для постройки новаго психіатрическаго заведенія, согласно требованіямъ науки, согласно планамъ, выработаннымъ извѣстными спеціалистами. Но эти хлопоты обыкновенно увѣнчиваются успѣхомъ лишь въ слабой степени. Въ рѣдкихъ случаяхъ просьба земства удовлетворяется полностью или почти полностью. Чаще всего субсидируется сумма гораздо меньшая той, о которой ходатайствуетъ земство, не смотря на то, что справедливость земской просьбы признается въ принципѣ почти всегда. Начиная съ 1880 г., ходатайства этого рода получаютъ новую опредѣленную форму: основываясь на законѣ 24 октября 1879 г., земства домогаются получить лишь $50^0/_0$ своихъ затратъ на постройку или перестройку богоугодныхъ заведеній. Но и въ

Digitized by Google

этомъ случаѣ дѣло затягивается многочисленными формальностями, связанными съ ассигнованіемъ этихъ денегъ. Иногда земство получало даже отказъ въ такой просьбѣ, ибо, по мнѣнію мѣстнаго губернатора, произведенныя на земскій счетъ работы носятъ характеръ лишь обыкновеннаго ремонта (это испытало, напр., казанское губ. земство въ 1880 г.).

Далѣе, передъ нами ходатайства 16 губ. земствъ *), имѣющія ближайшую связь съ предшествующими. Въ нихъ рѣчь идетъ объ увеличеніи тѣхъ капиталовъ общественнаго призрѣнія, которые переданы были земствамъ на содержаніе богоугодныхъ заведеній. Размѣры этихъ капиталовъ были исчислены на основаніи свѣдѣній о доходахъ и расходахъ по общественному призрѣнію въ среднемъ за послѣднее пятилѣтіе или трехлѣтіе; при этомъ земствамъ тѣхъ губерній, въ которыхъ въ приходорасходномъ бюджетѣ дефицита не оказалось (Костромской, Олонецкой и Пермской), никакого фонда выдѣлено не было. Упомянутыя ходатайства мотивируются земствами неправильностями, вкравшимися, по ихъ мнѣнію, въ разсчеты этихъ бюджетовъ, вліявшими на уменьшеніе размѣровъ причитающихся земствамъ капиталовъ общественнаго призрѣнія. Этимъ разсчетамъ земства противопоставляли свои, также основанные на данныхъ бывшихъ приказовъ и, основываясь на этихъ разсчетахъ, просили о дополнительныхъ ассигновкахъ сказаннаго фонда. По словамъ, напр., нижегородскаго земства, „разсчетъ, послужившій основаніемъ къ отдѣленію ему благотворительнаго капитала, оказывается несправедливымъ, такъ какъ трехлѣтній срокъ времени (1863—65), по которому составленъ былъ средній итогъ по богоугоднымъ заведеніямъ, былъ самый счастливый по отношенію къ симъ доходамъ (въ силу нѣкоторыхъ спеціальныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ) и ни до этого періода времени, ни впослѣдствіи такихъ доходовъ заведенія не получали, да и едва-ли когда-либо будутъ получать“. Тверское земство просило „о предоставленіи ему капитала общественнаго призрѣнія въ полномъ размѣрѣ“ въ виду того, что съ отдѣленіемъ ему указанной въ высоч. повелѣніи 1 іюля 1868 г. суммы ему „не будетъ доставать болѣе 4600 руб. на покрытіе расходовъ по общественному призрѣнію“.—Такое-же ходатайство было возбуждено и екатеринославскимъ губ. земствомъ, на что министерство отвѣчало, что оно „признало-бы себя обязаннымъ войти съ представленіемъ въ установленномъ порядкѣ объ увеличеніи отдѣленнаго земству Екатеринославской губ. капитала лишь въ томъ случаѣ, если-бы принятыя имъ въ соображеніе свѣдѣнія

*) Вятскаго (1867), костромского (1868); тверского (1868), саратовскаго (1869), владимірскаго (1869), ярославскаго (1869), пензенскаго (1869), полтавскаго (1869), нижегородскаго (1870), екатеринославскаго (1870), пермскаго (1870), вологодскаго (1871), новгородскаго (1872), воронежскаго (1872), смоленскаго (1872) и бессарабскаго обл. (1876).



о доходахъ и расходахъ по общественному призрѣнію этой губерніи оказались, по ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ земствомъ, неправильными и неточными". „Вслѣдствіе сего, читаемъ мы далѣе, екатеринославское губернское земское собраніе, разсмотрѣвъ, по книгамъ и дѣламъ бывшаго приказа, статьи доходовъ и расходовъ по общественному призрѣнію и находя, что упомянутыя выше свѣдѣнія о доходахъ приказа на содержаніе богоугодныхъ заведеній за періодъ времени съ 1861 по 1865 гг. неправильны и неточны, такъ какъ въ число доходовъ, принятыхъ въ разсчетъ, включены такія суммы, которыя не должны были бы туда входить, вновь возбудило ходатайство объ отдѣленіи земству дополнительнаго благотворительнаго капитала въ облигаціяхъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 140 тыс. руб. съ процентами на нихъ съ 1869 года на усиленіе средствъ общественнаго призрѣнія по содержанію богоугодныхъ заведеній".—Аналогичное ходатайство пензенскаго губ. земства заканчивалось пожеланіемъ, чтобы богоугодныя заведенія были вновь переданы обратно въ завѣдываніе и распоряженіе правительства, если-бы капиталъ общественнаго призрѣнія не былъ увеличенъ. И т. п. Лишь немногія земства достигли цѣли. Только нижегородское, екатеринославское и вологодское получили дополнительные фонды для капиталовъ общественнаго призрѣнія (60 тыс., 120 тыс. и 54 тыс.); во всѣхъ-же остальныхъ случаяхъ ходатайства были отклонены.

Къ этому ряду ходатайствъ, имѣющихъ назначеніемъ регулировать имущественныя отношенія казны съ земствомъ въ данной области, слѣдуетъ отнести и ходатайства торопецкаго уѣзднаго земскаго собранія (1875) и казанской городской думы (1876) объ освобожденіи отъ крѣпостныхъ пошлинъ актовъ закрѣпленія за просителями недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ ими для благотворительныхъ заведеній. Оба ходатайства были удовлетворены. Результатомъ перваго была общая законодательная мѣра въ этомъ смыслѣ (высоч. повел. 2 янв. 1876 г.) для земствъ, распространенная затѣмъ и на города (выс. пов. 18 апрѣля 1877 г.).

Не мало недоразумѣній возникало по вопросу о содержаніи больницъ въ городахъ между земскимъ и городскимъ самоупраправленіемъ. Это—одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которыхъ возгоралась и возгорается борьба между городомъ и земствомъ, при чемъ первый далеко не всегда охотно соглашается нести свою долю общеземскихъ затратъ. Еще въ 1868 г. тверское губ. сораніе ходатайствовало о разъясненіи правъ земства на больничныя зданія въ городахъ. „Ходатайство это возбуждено по поводу пререканій, возникшихъ между нѣкоторыми уѣздными земскими управами и городскими думами при передачѣ въ вѣдѣніе земства городскихъ больницъ, при чемъ городскія общества, считая больничныя зданія своею собственностью, не желали пере-

Digitized by Google

давать ихъ безусловно въ завѣдываніе земства“. На это послѣдовало разъясненіе: 1) что правилами о земскихъ учрежденіяхъ не отмѣняются существующія постановленія объ общественномъ призрѣніи, а слѣдовательно не отмѣняется и обязанность городовъ отвода и ремонта больничныхъ зданій, и 2) что затѣмъ уже отъ соглашенія городскихъ обществъ съ земскими управами будетъ зависѣть помѣщеніе больницъ въ зданіяхъ городскихъ, „которыя черезъ это не переходятъ въ собственность земства“, или нанимаемыхъ на счетъ города. Таковы были принципіальныя условія задачи земства и такое разрѣшеніе сначала получила послѣдняя.

Но уже въ 1869 г. ходатайство елисаветградскаго земства получило менѣе удачное разрѣшеніе. Названное собраніе просило о передачѣ въ его вѣдѣніе мѣстной больницы, находившейся въ вѣдѣніи города, мотивируя свою просьбу неудовлетворительнымъ состояніемъ больницы и ея необходимостью для цѣлей земства. Однако, ходатайство было отклонено, вслѣдствіе настояній елисаветградскаго городского управленія. Аналогичное ходатайство сызранскаго собранія (1875), имѣвшее основаніемъ „несвоевременное и неохотное со стороны городской думы ремонтированіе зданія больницы и отказъ думы въ устройствѣ необходимыхъ службъ при больницѣ“, было столь же безрезультатно: разрѣшеніе вопроса предоставлено взаимному соглашенію земства съ городомъ. Изъ такого положенія дѣла естественно вытекалъ запросъ елабужской земской управы (1876), обязательно ли для земства содержаніе въ уѣздныхъ городахъ больницъ и лѣченіе въ нихъ воинскихъ чиновъ, когда въ городѣ имѣются больницы, состоящія въ вѣдѣніи городского управленія, и—если лѣченіе воинскихъ чиновъ и арестантовъ обязательно для городскихъ больницъ—можетъ ли земство перевести свою больницу въ центръ уѣзда? Разъясненіе запроса было совсѣмъ неблагопріятно для земства: лѣченіе воинскихъ чиновъ и арестантовъ признано обязанностью земства, и послѣднее не въ правѣ выносить свою больницу изъ города, если городъ „не приметъ на себя поименованныхъ обязанностей“. Такимъ образомъ создавалось неравное положеніе сторонъ. Въ случаѣ неаккуратнаго отношенія города къ своимъ обязанностямъ по больницѣ, земство не могло заставить его передать послѣднюю въ свое вѣдѣніе; съ другой стороны, не могло оно также и вывести больницу изъ города, если думѣ не угодно будетъ принять на себя обязанности по лѣченію воинскихъ чиновъ и арестантовъ. Наконецъ, даже о возникающихъ между земствомъ и городомъ недоразумѣніяхъ относительно правъ на зданія земскихъ больницъ, сказано въ отвѣтъ на послѣднее ходатайство (гораздо менѣе опредѣленно, чѣмъ въ приведенномъ выше отвѣтѣ тверскому земству), что недоразумѣнія эти „должны быть разрѣшаемы по взаимному между

Digitized by Google

ними соглашенію и, при невозможности достигнуть такого соглашенія, общимъ гражданскимъ порядкомъ". По городовому положенію 1870 г., продолженіе выдачи пособій отъ города земству на содержаніе благотворительныхъ и иныхъ общеполезныхъ заведеній стало обязательно для перваго лишь въ теченіе трехъ лѣтъ со времени приведенія въ дѣйствіе названнаго положенія. Поэтому всѣ прочія ходатайства, касающіяся того же вопроса (кашинской въ 1867 г. и прилукской въ 1872 г. городскихъ думъ о сложеніи съ городовъ обязанности давать пособія больницѣ и— въ противоположномъ смыслѣ — земствъ вятскаго губ. въ 1867 и 1869 г., зыбковскаго въ 1868 г. и 1875 г. и переяславскаго въ 1875 г.) разрѣшались въ томъ смыслѣ, что города *обязаны* выдавать пособія земскимъ больницамъ лишь *до* указаннаго срока, хотя и въ этотъ періодъ размѣръ пособія опредѣлялся взаимнымъ соглашеніемъ земствъ съ городами; самое же ассигнованіе такихъ пособій въ какой-бы то ни было формѣ *послѣ* указаннаго срока поставлено въ полную зависимость отъ наличности такого-же соглашенія. Едва ли что либо можно было-бы возразить противъ этого принципа, если-бы условія, въ которыхъ находятся обѣ договаривающіяся стороны, были одинаковы. Но только что было указано, что обязанности, налагаемыя закономъ на земство въ данномъ случаѣ, создаютъ для города положеніе, значительно болѣе привилегированное, чѣмъ для земства, при достиженіи упомянутаго соглашенія. Въ виду этого обстоятельства, городу фактически облегчается возможность пользоваться земской больницей, не неся на ея учрежденіе и содержаніе соотвѣтственныхъ затратъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сама городская дума, или уѣздное земство, или оба учрежденія по взаимному соглашенію ходатайствовали о возвратѣ больницъ изъ вѣдѣнія земствъ въ вѣдѣніе городского самоуправленія по тѣмъ или другимъ мѣстнымъ причинамъ, то даже и тогда указывалось на то, что это обстоятельство не слагаетъ съ земства обязанностей по призрѣнію больныхъ (ходатайства — козелецкой думы 1872 г., борисоглѣбскаго собранія 1872 г.. вольской думы и вольскаго собранія 1872 г., пирятинскаго собранія 1866 г.; кинешемской думы 1877 г., царицынскаго собранія 1877 г., переяславскаго собранія 1877 г.).

Опускаемъ 13 ходатайствъ разныхъ земствъ, имѣющихъ второстепенное значеніе. Одни изъ нихъ стремятся выяснить чисто формальныя права земствъ при заключеніи контрактовъ на подряды, въ другихъ заключается просьба о разрѣшеніи закрыть лѣчебницы и друг. благотворительныя заведенія въ однихъ мѣстахъ и перенести ихъ въ другія и т. п. Заслуживаетъ упоминанія лишь одно ходатайство тверской губ. управы (1866) объ открытіи при тверской станціи николаевской ж. д. „на счетъ доходовъ оной" особой больницы для безплатнаго пользованія

Digitized by Google

заболѣвающихъ пассажировъ. Мотивировалось оно тѣмъ, что упомянутая станція служитъ разсадникомъ болѣзней въ городѣ и его окрестностяхъ, такъ какъ туда „нерѣдко прибываютъ рабочіе въ больномъ состояніи; единственнымъ средствомъ къ предупрежденію развитія болѣзни является открытіе при станціи больницы“. Ходатайство отклонено, согласно донесенію губернатора, въ которомъ сказано, что, съ одной стороны—заболѣвающіе пассажиры „безъ всякаго затрудненія“ могутъ быть помѣщены въ городскую больницу, а съ другой — что „ходатайство земской управы объ открытіи больницы не на средства земства, а на счетъ доходовъ желѣзной дороги, не относится къ кругу дѣлъ, ввѣренныхъ земскимъ учрежденіямъ“. Послѣдній мотивъ бросается въ глаза потому, что николаевская жел. дор. можетъ перевозить больныхъ пассажировъ не одной тверской губ., и потому земству дозволительно предлагать мѣры къ тому, чтобы его больницы не переполнялись больными иногородними или заразившимися отъ иногороднихъ.

Наконецъ, мы имѣемъ десять ходатайствъ, возбужденныхъ разными земствами по вопросамъ призрѣнія нижнихъ чиновъ и семействъ чиновъ запаса и ратниковъ ополченія. Въ основѣ почти всѣхъ такихъ ходатайствъ можно замѣтить стремленіе земствъ облегчить возможно болѣе свой бюджетъ отъ затратъ, которыя имъ приходится нести и въ этой формѣ, въ связи съ повинностью строго государственнаго характера. Но такое стремленіе, какъ-бы обосновано оно ни было, какъ мы уже видѣли въ одномъ изъ предшествующихъ очерковъ, систематически не получало удовлетворенія. — Такъ, херсонская губ. управа (1867) просила разъяснить, слѣдуетъ ли принимать въ богадѣльни приказовъ обществ. призрѣнія съ платой увѣчныхъ кантонистовъ и солдатскихъ сыновей *послѣ* обращенія ихъ въ сельскія и городскія податныя сословія. Отвѣтъ получился утвердительный. Въ слѣдующемъ же (1868) году полтавская губ. управа ходатайствовала о томъ, чтобы нижніе чины, уволенные въ отставку или безсрочный отпускъ до 1867 г. и „не могущіе поступить въ богадѣльни, по неимѣнію въ нихъ вакансій“, получили право на полученіе изъ казны пособія наравнѣ съ тѣми, „кои увольняются изъ богадѣленъ на попеченіе родственниковъ“. Въ отвѣтъ указано, что законы должны быть исполняемы „по точному и буквальному смыслу оныхъ“, и потому такимъ нижнимъ чинамъ, которые не были зачислены въ богадѣльни, не могутъ быть выдаваемы деньги на провіантъ и инвалидное содержаніе. Но вѣдь объ измѣненіи этого толкованія закона или самаго закона и было возбуждено ходатайство... Въ 1873 году таврическое губ. собраніе просило, чтобы „плата за содержаніе въ земской богадѣльнѣ отставныхъ нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ производилась отъ казны не за одинъ только паекъ, т. е. муку и крупу, но и за

Digitized by Google

тѣ припасы, которые входятъ въ составъ пищи призрѣваемыхъ (хлѣбъ, говядина и пр.) по существующимъ справочнымъ цѣнамъ; въ противномъ случаѣ значительно сокращается доходъ, получаемый за призрѣніе лицъ военнаго вѣдомства, составляющихъ въ настоящее время большинство призрѣваемыхъ". Ходатайство отклонено, такъ какъ нормы платы за содержаніе въ богадѣльняхъ упомянутыхъ лицъ, какъ видно, не соображены со стоимостью ихъ содержанія, а выработаны на другихъ основаніяхъ.— Калужское собраніе (1877) просило разрѣшить вопросъ, возникавшій при толкованіи ст. 35 уст. о воин. пов., которая возлагаетъ призрѣніе семействъ тѣхъ чиновъ запаса, которые призваны въ военное время, на населеніе, т. е. на земства вмѣстѣ съ городскими и сельскими обществами. Вопросъ состоялъ въ томъ, какъ должна распредѣляться эта обязанность между земствами и названными обществами. Земство ставило вопросъ этотъ, „какъ по его неотложности, такъ и потому, что призрѣніе семействъ запаса, принятое исключительно на счетъ земства, можетъ поставить его, по громадности потребныхъ для того средствъ, въ крайнее затрудненіе". Разъяснено, что впредь до составленія окончательнаго проекта законоположенія о призрѣніи семействъ чиновъ запаса, ратниковъ и нижнихъ чиновъ выступившихъ въ походъ—общества даютъ помѣщеніе и отопленіе, а все-же „продовольствіе идетъ отъ земства". — Слѣдуя буквальному смыслу закона (ст. 41 уст. о воин. пов. въ гл. V уст. о государств. ополчен.), саратовское губ. собраніе (1878) полагало, что на обязанности земства лежитъ призрѣніе семействъ только тѣхъ ратниковъ, которые поступятъ въ государственное ополченіе, созванное высоч. манифестомъ, а не тѣхъ, которые поступили на службу для усиленія и пополненія постоянныхъ войскъ. Въ отвѣтѣ указано, что Высочайшимъ повелѣніемъ 12 ноября 1877 г. (т. е. состоявшимся почти одновременно съ возбужденіемъ ходатайства) соотвѣтственныя врем. правила 25 іюня 1877 г. распространены на всѣхъ безъ исключенія нижнихъ чиновъ, выступившихъ въ походъ. Упомянемъ, наконецъ, еще объ одномъ ходатайствѣ псковскаго уѣзднаго земства (1879) о томъ, чтобы, въ виду малочисленности и бѣдности многихъ сельскихъ обществъ, обязанность призрѣнія семействъ нижнихъ чиновъ въ военное время была съ нихъ снята и возложена на общества волостныя. Разрѣшеніе этого ходатайства отложено до выработки общаго закона, взамѣнъ временныхъ правилъ 25 іюня 1877 года.

Очевидно, и въ области общественнаго призрѣнія земства перваго двадцатилѣтія находились не въ легкомъ положеніи, надъ улучшеніемъ котораго они и старались посильно работать. Богоугодныя учрежденія они приняли отъ упраздненныхъ при-

Digitized by Google

казовъ общественнаго призрѣнія въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ. Съ самой компетентной стороны было засвидѣтельствовано (какъ мы видѣли въ представленіи статсъ-секретаря Макова), что такимъ состояніе ихъ было признано еще за два десятка лѣтъ до открытія земскихъ учрежденій, а затѣмъ — въ теченіе болѣе десятка послѣднихъ лѣтъ, заведенія не подвергались никакимъ передѣлкамъ и улучшеніямъ, такъ какъ намѣчено было ихъ упразднить и замѣнить центральными домами для умалишенныхъ. Но это не состоялось и въ такомъ видѣ они переданы были земству. Непосредственная задача послѣдняго въ этомъ случаѣ была ему непосильна. Тотъ-же компетентный документъ свидѣтельствуетъ, что земство рѣшительно не обладаетъ тѣми средствами, которыя необходимы для приведенія названныхъ заведеній въ должный видъ. Очевидно, дѣло можно было наладить исключительно при помощи соотвѣтственныхъ ассигновокъ изъ казны. Это можно было фактически исполнить тѣмъ легче, что мысль объ устройствѣ центральныхъ домовъ была вскорѣ оставлена, и въ распоряженіе земствъ можно было передавать тѣ средства, которыя были предназначены для осуществленія упомянутаго проекта. Однако, такія ассигновки производились гораздо скромнѣе, чѣмъ того требовало существо дѣла. Подавляющая часть весьма многочисленной серіи земскихъ ходатайствъ этого рода признается въ принципѣ справедливой и основательной, но въ результатѣ ассигновывается сумма, гораздо меньшая просимой, выдача ея затягивается. Иногда, какъ выше указано, земству даже заявляется, что казенная субсидія можетъ быть дана лишь для поддержанія заведеній въ ихъ прежнемъ видѣ, а не для ихъ улучшеній и усовершенствованій. Конечно, такой принципъ не могъ долго продержаться, такъ какъ „прежній“ видъ заведеній не выдерживалъ самой снисходительной критики, и такъ какъ вопросъ ставился именно о ихъ возможномъ улучшеніи. Въ представленіи статсъ-секретаря Макова, какъ мы видѣли, съ такимъ возраженіемъ было уже покончено. — И такъ дѣло продолжало идти, жизнь предъявляла свои требованія въ этой области все болѣе и болѣе настойчиво, земства продолжали усиленно ходатайствовать, но получали сравнительно небольшое удовлетвореніе и принуждались значительно обременять свои бюджеты на цѣли общественнаго призрѣнія: въ приведенномъ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ, какъ уже упомянуто, сказано, что земства тратили тогда на этотъ предметъ изъ своихъ средствъ ежегодно болѣе 1 милл. руб.! — Только въ самомъ концѣ 70 годовъ отношенія эти были регулированы законодательнымъ порядкомъ. Но и въ этомъ случаѣ на земство возложена была цѣлая половина всѣхъ огромныхъ затратъ на этотъ предметъ.

На ряду съ расходами на капитальныя улучшенія благотворительныхъ заведеній, возрастали расходы земства и на еже-

Digitized by Google

годное содержаніе ихъ. На этотъ предметъ предназначались прежде всего проценты съ тѣхъ фондовъ, которые получены были земствами изъ капиталовъ общественнаго призрѣнія. Размѣры такихъ фондовъ, доставшихся на долю каждой губерніи, опредѣлялись путемъ извѣстнаго учета доходности или дефицита богоугодныхъ заведеній за послѣдніе годы до-реформеннаго періода. Но пріемы такого учета оказались далеко несовершенными и представляли собой предметъ жалобъ со стороны многихъ земствъ. Рядъ ходатайствъ направленъ былъ на исправленіе такихъ учетовъ, результатомъ которыхъ было искусственное уменьшеніе означенныхъ фондовъ; мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ учеты подверглись передѣлкѣ, и хлопоты земствъ были признаны заслуживающими уваженія, но—только въ *нѣкоторыхъ*.

Земству приходилось вести въ этой области борьбу и съ другого фронта — съ городами. При неполнотѣ и недостаточной ясности законоположеній, регулировавшихъ до изданія городового положенія 1870 г. ихъ взаимныя отношенія въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія, нерѣдко замѣчалось со стороны городскихъ управленій стремленіе извлечь наибольшую сумму выгодъ отъ заведеній, содержимыхъ земствомъ, производя на нихъ наименьшую сумму затратъ. Выше мы видѣли случаи, когда города плохо исполняли свои обязанности по отношенію къ помѣщенію и ремонту больницъ, и когда въ то же время земства не имѣли средствъ понудить ихъ сдѣлать необходимыя траты. Самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ въ рукахъ земскихъ собраній было-бы, конечно, упраздненіе больницъ въ городахъ и переводъ ихъ въ села; но и это оказывалось невозможнымъ, если городу не угодно было на себя взять обязанность лѣчить нижнихъ чиновъ и арестантовъ. Наконецъ, городовое положеніе 1870 г. создало для земства въ этомъ вопросѣ положеніе еще менѣе благопріятное: черезъ 3 года послѣ введенія положенія, городъ могъ прекратить всякое свое участіе въ дѣлѣ призрѣнія больныхъ и имѣть у себя больницы цѣною одной уплаты земскихъ сборовъ.

Наконецъ, земству не удавалось путемъ ходатайствъ оградить свой бюджетъ и отъ такихъ затратъ на призрѣніе, которыя вытекали изъ исполненія обывателями обще-государственной воинской повинности, той повинности, регулированія которой, какъ мы видѣли выше, оно не смѣло касаться даже путемъ скромныхъ просьбъ и ходатайствъ.

Не трудно замѣтить, такимъ образомъ, что всѣ указанныя условія не могли создать почву, достаточно благопріятную для развитія дѣятельности земства въ области общественнаго призрѣнія, и что его борьба въ этой области, борьба, внѣшнимъ выраженіемъ которой служатъ его ходатайства, служила гораздо болѣе къ характеристикѣ земскихъ настроеній и стремленій, чѣмъ къ созданію обстановки, болѣе удобной для развитія дѣла.

Digitized by Google

XIV. По земской медицинѣ.

Ходатайствъ этого рода передъ нами весьма немного—всего 77; изъ нихъ отклонена, однако, почти половина (46,7%).

Остановимся прежде всего на тѣхъ, которыя касаются взиманія платы за лѣченіе въ земскихъ больницахъ разныхъ разрядовъ лицъ. Тверское губ. собраніе (1871) просило разъяснить вопросъ о томъ, обязаны-ли земскія больницы одного уѣзда лечить безплатно больныхъ сифилисомъ, приходящихъ изъ другихъ уѣздовъ. Отвѣтъ получился утвердительный. Однако, черезъ два года (1873) то-же земство нашло нужнымъ ходатайствовать, чтобы плата за лѣченіе сифилитиковъ лежала на обязанности тѣхъ уѣздныхъ земствъ, къ которымъ принадлежатъ сифилитики. Мотивомъ служило то соображеніе, что средствъ общественнаго призрѣнія не хватаетъ даже на содержаніе губернскихъ больницъ, что всѣ уѣздныя больницы содержатся на средства уѣздныхъ земствъ, „причемъ тѣ уѣзды, въ которыхъ больше больницъ, а слѣдовательно и больше сифилитиковъ, участвуютъ въ расходахъ на содержаніе ихъ неравномѣрно и совершенно несоотвѣтственно съ числомъ лицъ своего уѣзда, пользующихся безплатно, вслѣдствіе того, что, кромѣ сифилитиковъ своего уѣзда, пользуются также сифилитики другихъ уѣздовъ и губерній“. Ходатайство признано „заслуживающимъ уваженія“, но разрѣшеніе его отложено до пересмотра законоположеній объ общественномъ призрѣніи. Рядомъ съ этимъ находятся ходатайства нѣсколькихъ земствъ (сарапульскаго 1868 г., екатеринославскаго губ. 1876 г., днѣпровскаго и таврическаго губ. 1877 г.) о вмѣненіи въ обязанность уѣзднымъ или губернскимъ земскимъ управамъ другихъ уѣздовъ или губерній платить въ больницы за лѣченіе лицъ, принадлежащихъ къ населенію ихъ уѣздовъ, съ тѣмъ, чтобы сами управы эти взыскивали съ этихъ лицъ, если нужно и возможно, указанныя деньги. Поводомъ къ возбужденію этихъ ходатайствъ служило то, что плата, слѣдуемая за лѣченіе въ земскихъ больницахъ чужихъ лицъ, не мѣстныхъ земскихъ плательщиковъ, часто остается не взысканною; „отказывать-же въ принятіи въ больницу лицъ, не принадлежащихъ къ мѣстному населенію, невозможно, а безвозмездное ихъ лѣченіе представляется обременительнымъ для земства“. Всѣ эти ходатайства были отклонены по формальнымъ соображеніямъ. Тогда таврическое собраніе постановило (1878) ходатайствовать о передачѣ этого вопроса на разсмотрѣніе другихъ земскихъ собраній. Оказалось, что 20 губернскихъ собраній согласились съ желаніемъ таврическаго земства „съ нѣкоторыми лишь измѣненіями его“. „Дальнѣйшаго движенія дѣло это не получило“. Нѣсколько шире поставило вопросъ симбирское губ. земство (1870), просившее объ отнесеніи издержекъ по призрѣ-

Digitized by Google

нію въ мѣстныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ не-мѣстныхъ жителей „на средства каждой губерніи по принадлежности, какъ это установлено въ отношеніи несостоятельныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, пользующихся въ военныхъ, морскихъ и горныхъ госпиталяхъ“. Ходатайство отклонено по формальнымъ мотивамъ. Наконецъ, новоторжское собраніе (1881) желало полнаго освобожденія сельскихъ обществъ отъ платежа больничныхъ денегъ за несостоятельныхъ своихъ членовъ, лѣчившихся въ больницахъ столичныхъ и другихъ. „Принято въ соображеніе при разсмотрѣніи возникшаго общаго вопроса“. Дальнѣйшихъ свѣдѣній по этому вопросу мы въ нашемъ матеріалѣ не встрѣчаемъ.

Въ ближайшей связи съ предшествующими находятся шесть ходатайствъ земствъ (нижегородскаго губ. 1866 г., шуйскаго 1867 г., владимірскаго губ. 1868 г., ростовскаго на Дону 1873 г., серпуховскаго 1876 г. и царицынскаго 1876 и 1881 гг.) объ установленіи особаго больничнаго сбора съ пришлыхъ рабочихъ, съ предоставленіемъ за то имъ права безплатнаго пользованія въ земскихъ больницахъ. Основаніемъ служило отсутствіе больницъ на фабрикахъ и заводахъ и скопленіе въ тѣхъ мѣстностяхъ большихъ массъ пришлыхъ рабочихъ, которымъ лѣченіе въ больницахъ на общихъ основаніяхъ съ лицами гражданскаго вѣдомства, какъ предполагало министерство, является не по средствамъ. Эти ходатайства возбудили большую переписку и подвергались не разъ новому пересмотру въ тѣхъ собраніяхъ, но непосредственныхъ результатовъ не имѣли, такъ какъ всѣ были отклонены.

Таврическое губ. (1870) и нижегородское губ. (1872) собранія возбуждали ходатайство о принятіи на счетъ казны или объ иномъ разъясненіи закона о платѣ за лѣченіе въ богоугодныхъ заведеніяхъ неимущихъ мѣщанъ и лицъ, приписанныхъ къ обществамъ безъ ихъ согласія. По этому поводу возбужденъ былъ общій вопросъ, разрѣшенія котораго мы не находимъ въ нашемъ матеріалѣ (до 1884 г.). Устюженское собраніе (1870) просило объ увеличеніи платы за лѣченіе въ земской больницѣ лицъ офицерскаго званія, такъ какъ „издержки на требуемое по § 99 уст. лѣчебн. завед. улучшенное содержаніе таковыхъ лицъ превышаютъ установленную за пользованіе ихъ плату“. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что „министерство затрудняется сдѣлать какое либо распоряженіе къ удовлетворенію означеннаго ходатайства, тѣмъ болѣе, что таковаго ни отъ одной изъ земскихъ управъ до настоящаго времени въ министерство не поступало“. Такимъ образомъ, вопросъ остался открытымъ по существу. Харьковская губ. управа (1871) просила разрѣшить вопросъ о томъ, съ кого должны быть требуемы деньги за лѣченіе и погребеніе неимущихъ иностранцевъ, пользуемыхъ въ земскихъ больницахъ. Въ отвѣтъ было заявлено, что это составляетъ „безвозвратный расходъ больницъ“. Новгородская губ. управа (1872) желала знать, изъ какихъ суммъ

Digitized by Google

должны быть покрываемы расходы на *погребеніе* лицъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи, не имѣвшихъ собственныхъ средствъ къ жизни и пользовавшихся въ земскихъ больницахъ. Поводомъ къ ходатайству послужилъ отказъ казенной палаты въ отпускѣ денегъ на погребеніе такихъ лицъ, полагавшей, что ей разрѣшено производить плату больницамъ только за *лѣченіе* ихъ. Въ результатѣ соотвѣтственная статья закона (ст. 612 уст. общ. призр. т. XIII св. зак.) была измѣнена согласно желанію земства. Яранское собраніе (1875) просило выдавать ему за содержаніе въ земской больницѣ арестантовъ узаконенныя деньги взамѣнъ получаемыхъ больницею изъ московскаго военно-аптечнаго магазина медикаментовъ въ натурѣ. Ходатайство удовлерено.—Владимірское губ. (1878) и задонское (1880) собранія просили разъяснить, что безденежное содержаніе въ богоугодныхъ заведеніяхъ испытуемыхъ тамъ по постановленіямъ судебной власти начинается лишь съ момента признанія ихъ умалишенными, а до того времени должно быть относимо на счетъ казны, что было отрицаемо владимірскими губернскимъ правленіемъ и контрольной палатой, вступившими въ пререканіе съ владимірской губернской земской управой. Сенатъ (указъ 22 іюня 1882 г.) разъяснилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимала губернская владимірская и уѣздная задонская управы. Рязанское губ. собраніе (1867) ходатайствовало о томъ, чтобы право безплатнаго пользованія въ больницахъ бывш. приказовъ общественнаго призрѣнія и земства не распространялось на канцелярскихъ чиновниковъ и служителей, получающихъ болѣе 300 руб. жалованія и содержанія, какъ это предписывалось и для этой категоріи чиновниковъ статьею 586 уст. общ. призр. Статья эта была измѣнена въ желательномъ для земства смыслѣ. Однако, губ. земства владимірское (1873) и новгородское (1875) пошли далѣе и ходатайствовали объ уничтоженіи такой привилегіи для чиновниковъ, даже получающихъ и менѣе 300 руб., и о привлеченіи и ихъ къ платѣ за лѣченіе въ полномъ или половинномъ размѣрѣ, съ правомъ освобожденія отдѣльныхъ лицъ этого класса отъ причитающагося съ нихъ платежа по бѣдности, на общихъ основаніяхъ. Ходатайства эти были вызваны стремленіемъ земства уменьшить ежегодные дефициты по губернской земской больницѣ и возбуждены были въ виду того соображенія (новгородское земство), что мѣсячная плата въ 7 р. 50 к. представляется посильною для лица, получающаго содержаніе въ 300 руб. въ годъ. Не смотря, однако, на это и на то, что канцелярскіе чиновники и служители находятся на службѣ государства и никакого отношенія къ земству не имѣютъ, — оба ходатайства отклонены. Рядомъ съ этимъ симбирское губ. собраніе просило о распространеніи дѣйствія вышеупомянутой ст. 586 уст. общ. призр. въ ея новой редакціи на всѣхъ народныхъ учителей имперіи, т. е.

Digitized by Google

объ освобожденіи отъ платы за пользованіе въ больницахъ тѣхъ изъ нихъ, которые получаютъ *менѣе* 300 руб. въ годъ. Въ полномъ несоотвѣтствіи съ отклоненіемъ предшествующихъ двухъ ходатайствъ — настоящее также было отклонено. Министерство нашло, что „ходатайство объ обязательномъ распространеніи дѣйствія п. 1 ст. 586 уст. общ. призр. на учителей народныхъ школъ не можетъ подлежать удовлетворенію". Трудно понять мотивы этого отказа, если право безплатнаго пользованія въ больницахъ сохранено за канцелярскими чиновниками и служителями. Конечно, этотъ отказъ не могъ касаться права земскихъ собраній и городскихъ думъ освобождать своихъ народныхъ учителей отъ платы за пользованіе своими больницами (ст. 81 времен. прав. для зем. учрежд. и ст. 2 п. 2 город. полож. 1870 г.). С.-Петербургское губ. собраніе ходатайствовало (1873) о томъ, чтобы уѣзднымъ земскимъ собраніямъ было предоставлено безусловное право опредѣлять размѣръ платы за лѣченіе больныхъ въ земскихъ больницахъ и порядокъ ея взиманія. Министръ призналъ, что „вопросъ этотъ имѣетъ общее значеніе, и разрѣшеніе онаго въ томъ или другомъ смыслѣ должно имѣть примѣненіе ко всѣмъ губерніямъ, гдѣ введены земскія учрежденія" и потому ходатайство было отклонено, хотя земству, конечно, было бы только желательно, чтобы вопросъ былъ разсмотрѣнъ и рѣшенъ въ общей формѣ. Затѣмъ, нѣсколько ходатайствъ *) объ увеличеніи таксы за пользованіе въ земскихъ больницахъ лицъ гражданскаго вѣдомства—было удовлетворено.

Новгородское губ. земство (1873) просило объ измѣненіи закона 15-го декабря 1867 года о безплатномъ пользованіи больныхъ сифилисомъ въ томъ смыслѣ, чтобы право безплатнаго пользованія въ больницахъ было предоставлено только *дѣйствительно неимущимъ*. Если же это признано будетъ невозможнымъ, то земство ходатайствовало ассигновать ему изъ казны пособіе въ размѣрѣ 7.000 руб. ежегодно на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ пользовались пособіемъ приказы общественнаго призрѣнія. Мотивомъ служило, „что земству не по силамъ нести необходимыя издержки на лѣченіе всѣхъ больныхъ сифилисомъ, при существующемъ все возростающемъ дефицитѣ по больницѣ, вслѣдствіе вздорожанія всѣхъ вообще припасовъ". Въ 1874 г. холмское собраніе просило объ отпускѣ ему безвозвратно 5.000 руб. на расходы по искорененію сифилиса; въ 1878 г. осташковское земство ходатайствовало объ ассигнованіи ему пособія на тотъ же предметъ, въ размѣрѣ 1.000 р. Всѣ три ходатайства отклонены.

---

*) Земствъ лодейнопольскаго (1876), ахтырскаго (1877), симбирскаго (1877), тверского губ. (1877), сумскаго (1878), новоторжскаго (1879), серпуховскаго (1880), лебединскаго (1881), пермскаго губ. (1881), и калязинскаго (1882).


Digitized by Google

Рязанское губ. собраніе (1870) просило, „въ видахъ сокращенія расходовъ, права не содержать запасныхъ кроватей для воинскихъ чиновъ и принимать таковыхъ чиновъ на попеченіе лишь при имѣніи въ больницахъ свободныхъ кроватей изъ числа положенныхъ по комплекту". Ходатайство отклонено главнымъ образомъ потому, что „ограниченіе земствомъ пріема больныхъ военнаго вѣдомства въ земскія больницы имѣло-бы послѣдствіемъ открытіе новыхъ и расширеніе существующихъ военныхъ лазаретовъ, для которыхъ потребовалось-бы помѣщеніе въ большемъ размѣрѣ противъ нормы, опредѣленной нынѣшнимъ штатнымъ ихъ положеніемъ". Какъ легко видѣть, эти мотивы, быть можетъ важные для военнаго вѣдомства, не имѣютъ никакого отношенія къ земскому хозяйству и не парализуютъ значенія того факта, что запасныя кровати для военныхъ чиновъ стѣсняютъ земскія больницы. Было отказано также въ ходатайствахъ четыремъ губ. земствамъ (новгородскому 1869, калужскому 1870, черниговскому 1874 и смоленскому 1875 г.) о сложеніи съ земства обязанности уплачивать изъ суммъ общественнаго призрѣнія за лѣченіе въ военныхъ госпиталяхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, въ виду недостаточности въ вѣдѣніи земства означенныхъ суммъ на удовлетвореніе даже смѣтныхъ расходовъ. Отказъ этотъ послѣдовалъ, даже не смотря на то, что, какъ выше указано, само министерство признавало недостатокъ средствъ у земства на покрытіе нуждъ общественнаго призрѣнія. Даже не разрѣшено было освободить отъ платы за лѣченіе въ военныхъ госпиталяхъ несостоятельныхъ сифилитиковъ изъ лицъ гражданскаго вѣдомства, которые пользуются правомъ безплатнаго лѣченія въ больницахъ земства и приказовъ общественнаго призрѣнія, какъ о томъ ходатайствовало тверское губ. земство (1871).

Опуская нѣсколько второстепенныхъ ходатайствъ этой группы, приведенными исчерпываются всѣ тѣ, которыя касаются платы за лѣченіе тѣхъ или другихъ разрядовъ лицъ. Затѣмъ намъ остается упомянуть лишь о нѣсколькихъ ходатайствахъ по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ.

Въ разныхъ земствахъ возникалъ вопросъ о томъ, можетъ-ли быть избранъ попечитель больницы изъ того или другого класса, или разряда лицъ. Курское (1867) губ. собраніе ходатайствовало о разрѣшеніи выбирать на эту должность неслужащихъ дворянъ, что и было разрѣшено. Чистопольское собраніе (1869) предлагало тотъ же вопросъ о лицахъ, не попавшихъ въ число гласныхъ при новыхъ выборахъ—отвѣтъ получился благопріятный. Семеновское (1869) просило о допущеніи къ занятію названной должности „лицъ свободнаго податного состоянія"—отклонено ссылкой на § 40 уст. лѣчебн. зав. гражд. вѣдом.—Владимірское губ. (1870) просило утвердить попечительницей больницы жену купца 1-й гильдіи „съ обязательствомъ производить

Digitized by Google

изъ собственныхъ ея средствъ“ напередъ указанныхъ пожертвованій—что и было допущено на сказанномъ условіи съ высочайшаго соизволенія. Корочанское (1868) и Галичское (1870) собранія желали имѣть до 5 попечителей въ своихъ больницахъ для усиленія денежныхъ средствъ послѣднихъ—отклонено по формальнымъ мотивамъ. Нѣсколько земствъ (7) хлопотали о сохраненіи правъ государственной службы для попечителей больницъ, не только состоявшихъ при благотворительныхъ заведеніяхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, но и вновь избранныхъ, что и было удовлетворено.

Наконецъ, представляетъ принципіальный интересъ послѣдняя группа ходатайствъ этого рода, предметомъ которыхъ было удешевленіе медикаментовъ для населенія. Орловская губ. управа (1868) просила разрѣшить ей открыть при орловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ аптеку съ вольною продажею лѣкарствъ. Въ отвѣтъ было заявлено, что „такъ какъ ни постоянное число жителей г. Орла (43½ тыс.), ни количество рецептовъ, ни оборотъ аптекъ, существующихъ не допускаютъ, по правиламъ медицинскаго совѣта, открытія въ г. Орлѣ еще новой аптеки, то не представляется возможности удовлетворить настоящее ходатайство“. Въ томъ-же году, тверская губ. управа также желала открыть земскую аптеку съ вольной продажей медикаментовъ „по пониженнымъ цѣнамъ“. Это ходатайство было также отклонено. Будучи возобновлено въ 1872 году, оно снова представлено было министромъ внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ министровъ, для отклоненія; но комитетъ находилъ, что „было-бы весьма желательно“ (не нарушая, однако, существующей системы постановки фармацевтической части) „предоставить земству возможность оказывать медицинское пособіе большему числу лицъ изъ среды недостаточной части населенія“. Въ результатѣ—земскимъ аптекамъ, не имѣющимъ права вольной продажи лѣкарствъ, было разрѣшено (циркуляромъ 8 декабря 1872 г.) отпускать по заготовительнымъ цѣнамъ тѣ только медикаменты, „въ составъ коихъ не входятъ вещества, отмѣченныя въ таксѣ знакомъ + “, т. е. отпускъ которыхъ разрѣшается *безъ* рецептовъ врачей.—Въ 1874 г. слободское собраніе возбудило ходатайство объ отмѣнѣ послѣдняго ограниченія. Приведенное разрѣшеніе, говорило земство, „не составляетъ вновь пріобрѣтеннаго права, такъ какъ медикаменты эти продаются въ частныхъ лавкахъ“, а запрещеніе продажи медикаментовъ, отмѣченныхъ знакомъ +, „составляетъ затрудненіе для бѣдныхъ больныхъ, заставляя ихъ обращаться въ вольныя аптеки, такса которыхъ чрезвычайно высока“. Въ отвѣтѣ было сказано, что „удовлетвореніе ходатайства слободского земства должно имѣть неминуемымъ слѣдствіемъ закрытіе въ г. Слободскомъ вольной аптеки“, а „ссылка земства на бѣдныхъ больныхъ не имѣетъ основанія“, такъ какъ законъ не за-

Digitized by Google

прещаетъ отпускъ такимъ лицамъ медикаментовъ даже безплатно изъ земскихъ больницъ. Послѣдняя оговорка, однако, имѣла въ то время весьма небольшое практическое значеніе, такъ какъ, по разъясненію сената (ст. 73 временн. прав. для зем. учр. и ст. 586 и 587, т. XIII, уст. общ. призр.), земство могло производить безплатный отпускъ лѣкарствъ только тѣмъ бѣднымъ больнымъ, „которые представятъ полицейское свидѣтельство о бѣдности". Процедура добыванія такого свидѣтельства въ ту минуту, когда необходимо лѣкарство больному, конечно, не способствовала увеличенію числа случаевъ выдачи даровыхъ медикаментовъ, и земства были болѣе, чѣмъ правы, настоятельно желая оградить интересы населенія ограниченіемъ монополіи аптекарей и организаціей продажи всѣхъ медикаментовъ по доступнымъ для потребителей цѣнамъ.—Нѣсколько позднѣе (1879) гороховецкое собраніе ходатайствовало объ отмѣнѣ представленія вышеупомянутаго полицейскаго свидѣтельства о бѣдности для безплатнаго отпуска лѣкарствъ мѣстнымъ жителямъ изъ сельскихъ больницъ, лѣчебницъ и пріемныхъ покоевъ; это было частью удовлетворено, въ виду разъясненія сената (указъ 20 сентября 1876 г.), что въ данномъ случаѣ полицейское свидѣтельство можетъ быть замѣнено удостовѣреніемъ земскаго врача. Этимъ разъясненіемъ, конечно, дѣло рѣшительно мѣняло свой видъ. Только послѣ такой интерпретаціи закона могла быть осуществлена главная часть желанія земствъ, выраженнаго въ приведенныхъ ходатайствахъ, такъ какъ земскій врачъ получилъ фактическую возможность отпускать безплатно лѣкарства каждому несостоятельному больному.

Не считая нѣсколькихъ третьестепенныхъ ходатайствъ мѣстнаго характера, выше исчерпаны всѣ, имѣющія отношеніе къ земской медицинѣ.

Эта область земскаго хозяйства, какъ извѣстно, получила широкое развитіе по сравненію со многими другими; на нее затрачивались земствами весьма крупныя суммы. Это, конечно, и должно было такъ быть по существу дѣла, но въ силу именно этого обстоятельства земства имѣли полное основаніе наблюдать за тѣмъ, чтобы не производить затратъ, которыхъ можно-бы и избѣжать. Интересы мѣстнаго населенія требовали, чтобы каждая новая ассигновка на земскую медицину и служила нуждамъ именно этого населенія. Огромное большинство приведенныхъ ходатайствъ поэтому и имѣло цѣлью оградить сказанные интересы, оградить мѣстное населеніе отъ такихъ затратъ, которыми пользуется не оно, а кто нибудь другой — населеніе другихъ мѣстностей, казна или слои болѣе состоятельные, въ ущербъ менѣе состоятельнымъ. Выше намъ пришлось, однако, видѣть, что это земствамъ рѣшительно не удавалось въ подавляющемъ числѣ случаевъ.

Digitized by Google

Во избѣжаніе накопленія недоимокъ за больными, пришлыми изъ другихъ мѣстностей, земства хотѣли разсчитываться не съ лицами, не съ сельскими обществами, а съ мѣстными земствами-же, знакомыми съ уровнемъ благосостоянія недоимщиковъ. Желая организовать въ мѣстахъ весьма большого скопленія пришлыхъ рабочихъ достаточную медицинскую помощь, которая подчасъ была непосильна въ такомъ масштабѣ для мѣстныхъ уѣздныхъ земствъ и въ которой отказывали фабрики и заводы, земства возбуждали ходатайства о способахъ полученія нужныхъ для того средствъ. Производя, согласно требованію закона, нѣсколько большія затраты на одну группу больныхъ (на лицъ „офицерскаго званія"), земства желали окупить эти затраты и для этого взимать съ такихъ больныхъ повышенную плату. Находя, что масса земскихъ плательщиковъ находится въ гораздо болѣе стѣсненномъ положеніи, чѣмъ чиновники, получающіе даже менѣе 300 руб., нѣкоторыя земства находили неудобнымъ право послѣднихъ на безплатное пользованіе земскими больницами. Полагая, что стоимость и мѣстныя условія содержанія больныхъ въ больницахъ лучше всего извѣстны мѣстнымъ-же жителямъ, одно земство просило для себя права нормировать больничную плату. Желая привлечь состоятельныхъ лицъ къ частнымъ пожертвованіямъ на больницы, земства желали получить право избирать по нѣскольку попечителей, что казалось тѣмъ болѣе дозволительнымъ, что, какъ выше упомянуто, былъ даже случай утвержденія въ этомъ званіи женщины, подъ условіемъ ея опредѣленныхъ ежегодныхъ пожертвованій на больницу, для чего было даже испрошено особое высочайшее повелѣніе.—*Всѣ* эти ходатайства, какъ сказано, были отклонены. Ни одной изъ перечисленныхъ мѣръ земству перваго двадцатилѣтія провести въ жизнь не удалось. Удовлетворена была лишь просьба объ отмѣнѣ права безплатнаго лѣченія въ больницахъ чиновниковъ съ содержаніемъ болѣе 300 руб. Не разрѣшено было даже избирать попечителями больницъ лицъ „свободнаго податного состоянія", которыя, однако, могли занимать болѣе отвѣтственныя должности въ земскихъ управахъ.

Рядомъ съ этимъ, всѣ ходатайства, касающіяся такихъ вопросовъ, въ которыхъ земскій денежный интересъ сталкивается съ фискальнымъ, всегда почему-то разрѣшались не въ пользу земства. Такъ, вопросъ о томъ, кто долженъ платить за лѣченіе мѣщанъ, приписанныхъ къ городскимъ обществамъ, помимо желанія послѣднихъ, оставленъ былъ надолго открытымъ, а до его рѣшенія казна не принимала на себя этого расхода, и мѣщане продолжали лѣчиться на земскій счетъ. По аналогичному вопросу объ иностранцахъ было даже объяснено, что потраченныя на ихъ лѣченіе деньги составляютъ расходъ больницъ, т. е. земства. Даже за погребеніе поднадзорныхъ одна казенная палата отка-

Digitized by Google

залась было пополнить земству его расходы. Всякія попытки получить субсидію на борьбу съ развитіемъ въ угрожающихъ размѣрахъ сифилиса, борьбу непосильную для нѣкоторыхъ земствъ съ небольшими бюджетами—не имѣли результатовъ. Просьба объ освобожденіи отъ платы за лѣченіе сифилитиковъ въ лазаретахъ военнаго вѣдомства, какъ это обязательно для больницъ вѣдомства гражданскаго, уважена не была. Та-же судьба постигла и ходатайство объ освобожденіи земства отъ обязанности имѣть запасныя кровати для военныхъ чиновъ въ своихъ больницахъ.

Такимъ образомъ, ни одно изъ перечисленныхъ ходатайствъ, цѣлью которыхъ было сберечь бюджетъ земской медицины, когда это представлялось возможнымъ, не имѣло успѣха. Тѣмъ характернѣе, что при этихъ условіяхъ намъ удалось встрѣтить и такія ходатайства, которыя направлены къ увеличенію доступности земской медицины наименѣе состоятельнымъ слоямъ населенія, и которыя возбуждались въ тѣхъ случаяхъ, когда земства не могли сами сдѣлать желательнаго шага въ этомъ направленіи. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о желаніи одного земства, чтобы несостоятельныя сельскія общества освобождались отъ уплаты за лѣченіе ихъ членовъ и въ больницахъ другихъ земствъ. Сюда-же относится и просьба другого земства о дарованіи закономъ права безплатнаго лѣченія въ больницахъ народнымъ учителямъ, получающимъ менѣе 300 рублей. Сюда-же принадлежатъ, наконецъ, и всѣ только-что приведенныя любопытныя ходатайства, боровшіяся съ аптекарской таксой, съ вопіющей монополіей аптекарей, во имя жизни и здоровья населенія.

Н. Карышевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

ОБОРОТЪ.

Разсказъ матроса.

(Изъ далекаго прошлаго).

Посвящается Д. А. Клеменцу.

I.

Былъ первый часъ жаркой ночи. Стоялъ мертвый штиль.

Имѣя курсъ на островъ Яву, клиперъ «Нырокъ» шелъ полнымъ ходомъ, по одиннадцати узловъ въ часъ, съ тихимъ гуломъ разрѣзая своимъ острымъ носомъ притихшую океанскую гладь и оставляя за груглой кормой слѣдъ въ видѣ широкой серебристой ленты, сверкавшей подъ свѣтомъ полной луны.

Вокругъ и на палубѣ царила тишина.

Только мѣрно и однообразно постукивала машина, да каждые полчаса раздавались на бакѣ удары колокола, отбивавшіе склянки.

Разбившись маленькими бѣлыми кучками по всей палубѣ, вахтенные матросы дремали, притулившись у бортовъ, у мачтъ и орудій. Нѣкоторые вполголоса лясничали, коротая предстоящую долгую ночную вахту,—молодые матросы—сказками и свѣжими еще воспоминаніями о своихъ мѣстахъ, а старые—разсказами о прежней службѣ и о капитанахъ и офицерахъ, основательно «спускавшихъ шкуры».

Темы эти были неистощимы.

Весь въ бѣломъ, съ разстегнутымъ воротомъ ночной сорочки, молодой лейтенантъ, вступившій съ полуночи на вахту, шагалъ взадъ и впередъ по мостику, стараясь разгулять сонъ. Онъ остерегался прислониться къ поручнямъ, хорошо зная, что его немедленно охватитъ дрема, и, чего добраго, выйдетъ на верхъ капитанъ и увидитъ заснувшаго вахтеннаго начальника—позоръ!

И при мысли о такомъ позорѣ лейтенантъ шагалъ рѣшительнѣе, посматривая сонными глазами на горизонтъ: не ви-

Digitized by Google

дать ли сѣраго шквалистаго облачка или огоньковъ встрѣчныхъ судовъ, и по временамъ останавливаясь у компаса, чтобы взглянуть: по румбу ли правятъ рулевые.

Совершенно равнодушный къ красотѣ этой волшебной южной ночи съ томной луной и миріадами ярко мигавшихъ звѣздъ, лейтенантъ въ эти минуты думалъ, что высшее на свѣтѣ счастье: лечь въ койку и заснуть.

Приблизительно о томъ же думалъ и старый боцманъ Даниловъ, безшумно ступая своими большими, слегка искривленными, босыми ногами по палубѣ, отъ бугшприта до гротъ-мачты и обратно.

Уставшій послѣ дня обычной служебной суеты и осипшій послѣ неустаннаго сквернословія, онъ притихъ и, чуть слышно окликая по временамъ часовыхъ, смотрѣвшихъ впередъ, прибавлялъ какое-нибудь короткое ругательное привѣтствіе лѣнивымъ, соннымъ голосомъ, безъ малѣйшаго одушевленія, словно бы лишь по чувству долга и не желая обижать часовыхъ.

Изрѣдка онъ, въ качествѣ исправнаго вахтеннаго боцмана, перегибался черезъ борты, у крамболъ, удостовѣриться—въ исправности ли отличительные красный и зеленый огни, частенько подходилъ къ кадкѣ съ водой, чтобъ выкурить трубчонку острой махорки и стоялъ минуту, другую у кучки матросовъ, пріютившейся у станка бомбическаго носоваго орудія. Стоялъ и слушалъ, что разсказывалъ Егоръ Дудкинъ, пожилой, коренастый матросъ съ волосатымъ лицомъ, основательный пьяница на берегу и любимый разсказчикъ на ночныхъ вахтахъ.

— И откуда только у тебя, у трезваго дьявола, слова берутся!..—не безъ зависти говорилъ боцманъ, у котораго, вмѣсто словъ, «брались» только однѣ ругательства.

И не безъ сожалѣнія, что обязанности вахтеннаго боцмана не позволяютъ ему слушать Дудкина, отходилъ и снова шагалъ по палубѣ, разгоняя сонъ пріятными думами о томъ, что дня черезъ два онъ покажетъ въ Бавіи, какъ напиваются порядочные боцмана.

II.

— ...То-то я и обсказываю, братцы!.. Семнадцать лѣтъ околачиваюсь на флотѣ, всякаго, можно сказать, боя видалъ, а такихъ оборотовъ, чтобы озвѣрѣлый человѣкъ да вдругъ по своей волѣ сталъ доберъ къ нашему брату,—не видалъ и отъ людей не слыхалъ... Никакъ это невозможно... Другіе обороты видалъ!—значительно и не безъ ироніи прибавилъ Дудкинъ, слегка повышая свой пріятный, немного сиповатый, какъ у пьяницъ, голосъ.

Digitized by Google



— Какіе такіе другіе обороты?—спросилъ кто-то изъ слушателей.

— А такіе, что поступитъ на корабь какой-нибудь перво-тодокъ мичманъ, ни усовъ, ни бакенбартовъ еще нѣтъ и званія, и не то, что вдарить, а даже изругать по настоящему стыдится и воротитъ морду, когда при немъ полируютъ на бакѣ матроса,—а черезъ мѣсяцъ, другой, смотришь, ужъ въ понятіе вошелъ: лѣзетъ въ зубы и поросенкомъ визжитъ: «запорю молъ»! Потому стыдно ему отъ другихъ отстать. Видитъ: прочіе всѣ мордобойничаютъ, и онъ. Видитъ: прочіе велятъ снять шкуру, и онъ. Вотъ, молъ, какой я форменный сталъ флотскій мичманъ. Живо въ себѣ жалость покорилъ. Такихъ оборотовъ я много видалъ... И легкіе они были... И только разъ въ жизни этотъ самый оборотъ трудный видѣлъ... На моихъ глазахъ онъ и вышелъ съ однимъ мичманомъ... Я у его въ вѣстовыхъ служилъ... Душа его не принимала обороту... Ну да ужъ и доберъ былъ Леванидъ Николаичъ Кудрявцевъ и на чужую бѣду обидчистъ. Другого такого я послѣ и не видалъ. Не водъ былъ такимъ на флотѣ... Однако и онъ сдрейфилъ... И изъ за эстого самого и пропалъ. Изъ-за совѣсти, значитъ... Не осилилъ... И прямо таки довели его анафемы до потерянности...

Дудкинъ примолкъ и, залитый серебристымъ свѣтомъ, строго глядѣлъ на усѣянное звѣздами темносинее небо, повидимому, не имѣя намѣренія продолжать.

Такъ прошла минута, другая.

— Кто довелъ, Иванычъ? Ты разскажи про мичмана... уважь!—нетерпѣливо и почти умоляюще прошепталъ самый внимательный слушатель, молодой, худощавый, чернявый и маленькій матросъ Снѣтковъ, землякъ Дудкина, пользовавшійся его расположеніемъ и покровительствомъ и всегда сопровождавшій Дудкина на берегъ спеціально для того, чтобы удержать его отъ пропоя казенныхъ вещей и въ цѣлости доставить на шлюпку.

На клиперѣ такъ и звали его—нянькой Дудкина.

— Кто довелъ?—переспросилъ Дудкинъ.—Извѣстно кто! Свои... офицеры! Прежде имъ воля была куражиться надъ матросами, не нонѣшняя... И у всѣхъ, значитъ, одно понятіе было... И всѣ смѣялись надъ мичманомъ за то, что у него другое понятіе... «Какой, молъ, изъ тебя выйдетъ форменный офицеръ, ежели, говорятъ, ты не можешь отполировать матроса... Ты, говорятъ, не мичманъ, а вродѣ бытто пужливой бабы!» Каждый день, бывало, стыдили его въ каютъ-компаніи Покоя не давали, мордобои!

— А онъ что... молчалъ?—спросилъ Снѣтковъ.

— Не бойсь, не молчалъ... Обсказывалъ имъ, что матросъ не животная. И животную надо, молъ, жалѣть, а человѣка и

Digitized by Google

подавно. И законъ-положенья, молъ, нѣтъ такого, чтобы его запарывать... Бывало, горячится, весь дрожжитъ, на глазахъ слезы, а они ровно жеребцы ржутъ... «Ты бы, говорятъ, замѣсто флотской службы въ стракулисты вышелъ, а то въ монахи!» И капитанъ устыживалъ—барышней звалъ... И старшій офицеръ, бывало, ввернетъ ехидное слово—недаромъ его на фрегатѣ аспидомъ звали. И разъ запустилъ: «нашъ мичманъ, говоритъ, зря мелетъ... форситъ молъ... Дайте, говоритъ, сроку, и онъ въ лучшемъ видѣ будетъ спускать шкуры». Однако, мой мичманъ все свое. «Вы, говоритъ, какъ вгодно, я вамъ не указчикъ, но только я ни въ жисть пороть людей не буду и извергомъ не сдѣлаюсь... Я, говоритъ, присяги не давалъ палачомъ быть!» Сказалъ это и самъ весь бѣлый сталъ, и глаза, какъ у волчонка—такъ и горятъ... А старшій офицеръ въ злобу вошелъ, видитъ, что не переспоритъ, такъ онъ начальникомъ обернулся. «Вы, шипитъ, мичманъ Кудрявцевъ, забываетесь и не понимаете, что говорите. Мы не изверги и не утѣсняемъ матросовъ. Мы, говоритъ, ихъ только учимъ и наказываемъ, если они того стоютъ». Осадилъ, значитъ, моего Леванида Николаича при всѣхъ... А ему и конфузно... Онъ совсѣмъ еще вродѣ желторотаго галченка оказывалъ, двадцати годовъ не было полныхъ. Всего второй мѣсяцъ, что вышелъ въ офицеры и поступилъ къ намъ на фрегатъ «Отважный». А я къ ему назначенъ былъ вѣстовымъ—тоже молодой былъ матросъ. И легко было съ имъ. Простой. Никогда дурного слова не скажетъ. Завсегда, бывало, лясничалъ со мною, какъ съ ровней, и никакой въ емъ гордости, даромъ, что самъ графскаго рода, но только лишенный званія изъ-за отца. Отца-то разжаловали изъ графовъ и рѣшили всѣхъ имѣніевъ.

— За что?—спросилъ кто-то.

— Бунтовалъ съ другими господами, когда покойный императоръ Николай вступалъ на царство. Ихъ всѣхъ и раскасировали по Сибири. А по какимъ такимъ причинамъ господа бунтовали, Леванидъ Николаичъ въ точности не объяснялъ. Только и сказалъ, что папенька за бунтъ пострадалъ и находится въ Сибири. И очень онъ своего отца обожалъ. Два его патрета завсегда въ каютѣ висѣли надъ койкой. Видный такой и въ полковницкомъ мундирѣ. И разъ какъ-то показываетъ Леванидъ Николаичъ на патретъ и говоритъ: «Еслибъ ты зналъ, Дудкинъ, какой у меня хорошій родитель и какъ я, говоритъ, его почитаю... Это онъ, когда я еще былъ мальченокъ при емъ въ Сибири, училъ меня добру и потомъ, говоритъ, въ письмахъ наказывалъ быть добрымъ и справедливымъ начальникомъ... И я, говоритъ, оправдаю отца. Не осрамлюсь передъ имъ!» И оправдывалъ! За то и любили его матросы на фрегатѣ. Знали, не бойсь, какъ онъ одинъ противъ всѣхъ стоялъ за

Digitized by Google

нашего брата. А разъ и подъ арестомъ отсидѣлъ — капитанъ посадилъ да еще лепортъ на него подалъ, чтобъ мичмана подъ судъ...

— За что?—спросилъ чернявый матросикъ.

— За эту самую жалостливость... Искоренить ее хотѣлъ... Однако, пойти покурить!

Вслѣдъ за Дудкинымъ поднялись и слушатели и перешли къ кадкѣ съ водой, у которой стоялъ мѣдный ящикъ съ тлѣвшимъ фитилемъ.

Всѣ закурили короткія трубочки, и на бакѣ потянуло пріятнымъ запахомъ махорки.

— Скуснѣе, братцы, нѣтъ табаку!—проговорилъ Дудкинъ, затягиваясь съ наслажденіемъ.

— Изъ-за чего же вышло, что мичмана подъ арестъ, Иванычъ?—задалъ вопросъ Снѣтковъ, необыкновенно заинтересованный продолженіемъ разсказа.

— Ишь присталъ!.. Дай покурить... Обскажу все въ подробности...

— Ты это, Дудкинъ, на счетъ чего обсказываешь?—спросилъ, подходя, боцманъ.

— На счетъ мичмана Кудрявцева... На «Отважномъ» въ сорокъ восьмомъ году служилъ...

— Какъ не помнить... Чудной мичманъ былъ. Вродѣ бытто умомъ тронутый...

— Что онъ тебѣ зубовъ не чистилъ и шкуры не спустилъ, такъ онъ, по твоему разсудку, и тронутый?.. Давно ли ты сталъ такъ полагать, Захарычъ? Не бойсь, какъ въ боцманы вышелъ?—насмѣшливо и сердито прибавилъ Дудкинъ.

— А ты полегче... Нонче вы всѣ бытто тронутые стали, идолы, какъ прежней строгости на васъ нѣтъ...

— А тебѣ видно жалко ее?.. Мало тебѣ всыпано было линьковъ... Или память отшибло?

И Дудкинъ сунулъ въ карманъ штановъ трубку и пошелъ къ орудію.

Боцманъ пустилъ вслѣдъ лѣнивое ругательство.

Черезъ минуту разсказчикъ и слушатели усѣлись на прежнія мѣста, и Дудкинъ продолжалъ:

III.

— А вышло, братцы, такое дѣло. Стоялъ это Леванидъ Николаичъ подвахтеннымъ съ восьми до полудня, какъ капитанъ, послѣ перемѣны марселей, вскрикнулъ двухъ гротъ-марсовыхъ на бакъ, на шлифовку значитъ. На «Отважномъ» отшлифовывали безо всякой жалости. И командиръ, прямо сказать,

Digitized by Google

живодеръ былъ. Ему и кличка была дадена: «Живодеръ». И тую-жъ минуту зоветъ къ себѣ мичмана. Прибѣжалъ. Руку подъ козырекъ. А капитанъ ему препорученіе: «Спустить этимъ двумъ подлецамъ шкуры. По сту линьковъ! И имѣйте, говоритъ, присмотръ, чтобы форменно драли... Потачки не извольте, говоритъ, допускать». Выслушалъ этто Леванидъ Николаичъ и бѣлѣе сорочки сталъ. Я въ тѣ поры на верху былъ и видѣлъ, какъ онъ стоитъ ни живъ, ни мертвъ передъ капитаномъ, и какъ пальцы его у козырька дрожатъ.

— Испугался, значитъ, капитана?—небрежно кинулъ одинъ изъ слушателей, бѣлобрысый, полнотѣлый матросъ изъ кантонистовъ.

— Ты не перебивай, а слушай и тогда поймешь—испугался ли мичманъ капитана или препорученія!—строго замѣтилъ Дудкинъ.

И затѣмъ продолжалъ:

— А капитанъ былъ нравный и скорый. И видитъ, что мичманъ стоитъ — взбѣсился: «Что вы, кричитъ, какъ статуй стоите. Или не слышали приказанія? Идите и чтобы исполнить сей же секундъ!» А мичманъ ему на это громко такъ отчекрыжилъ: «Покорно, говоритъ, прошу увольнить меня отъ такого препорученія. Я его исполнить никакъ не согласенъ!»

— Ишь-ты!—вырвалось у черняваго матросика радостное восклицаніе, и онъ, взволнованный и умиленный, впился своими большими черными глазами въ лицо Дудкина.

— Всѣ, братцы, такъ и ахнули. И самъ Живодеръ вытаращилъ глаза—не ждалъ, значитъ, такой отчаянности. А очнувшись, заревѣлъ, ровно зарѣзанный быкъ, что уконопатитъ онъ мичмана подъ судъ за непокорность, и тую-жъ минуту велѣлъ подъ арестъ, чтобы часового у каюты съ ружьемъ... Пять денъ отсидѣлъ мичманъ. Только меня къ ему и допускали... Я и кушанье носилъ ему изъ каютъ-компаніи... А онъ на отсидкѣ все книжки читалъ и вовсе былъ спокойный. И какъ я ему сказалъ, что всѣ матросы очень даже его жалѣютъ, обрадовался.—«Пущай, говоритъ, отдадутъ меня подъ судъ и дѣлаютъ, что хотятъ, а я, говоритъ, не могу вродѣ бытто палачомъ себя понимать. И то, говоритъ, одна тоска слышать, какъ люди подъ линьками кричатъ, и нѣтъ силы воли имъ помочь, а чтобы еще смотрѣть... не принимаетъ, говоритъ, этого моя душа»... Слушаю я это, братцы, и бытто лестно... И знаешь, что помочь онъ не можетъ, а все лестно. Потому такіе люди отъ отчаянности тебя спасаютъ. Въ правду Божію заставляютъ вѣрить. Вотъ въ чемъ причина. И всѣ матросы послѣ этого случая стали еще приверженнѣй къ мичману, и ужъ какъ старались, когда онъ стоялъ подвахтеннымъ, чтобы на бакѣ все

Digitized by Google

было въ полной исправкѣ, чтобы Живодеръ не могъ придраться... Берегли мичмана.

— За такого, куда вгодно!—восторженно замѣтилъ Снѣтковъ.

— А судомъ судили?—раздался чей-то голосъ.

— То-то нѣтъ, хучь капитанъ и подалъ лепортъ на мичмана главному командиру, какъ мы вернулись въ Кронштадтъ изъ клейсерства по Балтинскому морю. А разговоръ былъ съ главнымъ командиромъ! Вскорости, какъ мы съ мичманомъ, по окончаніи кампаніи, перебрались на берегъ, вечеромъ—кульеръ. «Требуетъ, молъ, завтра въ восемь утра главный командиръ!» Я, какъ слѣдуетъ, разбудилъ утромъ пораньше Леванида Николаича, напоилъ чаемъ, обрядилъ въ мундиръ и гайда за извозчикомъ. Уѣхалъ, а я жду въ тревогѣ. Думаю, какая будетъ ему раздѣлка... Потому ежели судить мичмана, то была-бъ ему крышка, вродѣ какъ отцу. Тогда за непокорство и офицеровъ засуживали... За такія дѣла не давали пощады. Очень большая была строгость! Хорошо. Жду я мичмана, а онъ вскорѣ и вернулся. «Не бойся за меня, Егоръ; ничего мнѣ за капитана не будетъ!» Говоритъ этто, а самъ вовсе не веселый и, въ раздумчивости бытто, прибавилъ: «Облестила меня старая шельма!» И какъ амуницію свою всю снялъ и переодѣлся, такъ и обсказалъ мнѣ въ подробности, какой лукавый разговоръ имѣлъ съ имъ главный командиръ... И—что-бы вы думали?—онъ не только не оконфузилъ Леванида Николаича, какъ полагалось, крикомъ, а позвалъ въ кабинетъ, заперъ двери и, честь честью, велѣлъ садиться. Даромъ, что ему на томъ свѣтѣ давно паекъ шелъ и высохъ вродѣ бытто египетской муми, а бѣда, какой шельмоватый былъ! Умѣлъ какъ и съ кѣмъ. Кого въ страхъ вогнать, кого облестить. Понялъ, что Леванида Николаича страхомъ не обезкуражишь и по своей шельмоватости перво на перво похвалилъ. «Очень, говоритъ, на рѣдкость ваше чувствительное сердце. Я, говоритъ, самъ чувствительный. Но какъ есть, говоритъ, вашъ начальникъ, долженъ сказать, что вы никакъ не смѣли ослушаться капитанскаго приказанія. И ежели, говоритъ, дать лепорту полный ходъ, то будутъ васъ судить по всей строгости флотскихъ законовъ и присудятъ матросскую куртку, а я, говоритъ, не хочу васъ губить и огорчать Государя Императора, какъ онъ узнаетъ, какіе на флотѣ есть непокорные офицеры».—Понимаете, братцы, какую загвоздку пустилъ старый дьяволъ?

— Въ чемъ загвоздка-то, Иванычъ?—спросилъ молодой чернявый матросикъ, не понявшій ея.

— А въ томъ, Вась, что адмиралъ боялся, что до Императора Николая Павловича дойдетъ, какъ на «Отважномъ» закатывали царскихъ матросовъ. И могла вытти разборка.

Digitized by Google

«Почему, молъ, порятъ сверхъ положенія?» Не бойсь, Леванидъ Николаичъ показалъ бы на судѣ, что и по положенію-то матросу чистая каторга, а ежели, какъ на «Отважномъ», сверхъ положенія да по триста линьковъ всыпали, и двое матросиковъ въ госпиталѣ померли на другой день послѣ порки, то выходитъ бытто вродѣ живодерни и жизнь наша мука-мученская! На что я здоровый, братцы, а какъ одинъ старшій офицеръ на «Копчикѣ» закатилъ мнѣ съ пьяну, подлецъ, такую же пленорцію, такъ и я только черезъ два мѣсяца на поправку пошелъ. Фершалъ въ госпиталѣ тогда сказывалъ, что нутренность у меня, братцы, крѣпкая, а другой не вынесъ бы... Отъ чахотки бы померъ, говоритъ. Такъ вотъ, по той самой причинѣ, чтобы все было шито да крыто, старый дьяволъ и прикинулся, бытто жалѣетъ мичмана... Не очень-то онъ былъ жалостливый, а тоже: «чувствительный». Въ Кронштадтѣ помнили, какой онъ былъ капитаномъ чувствительный. Не даромъ душегубомъ звали! И какъ слукавилъ старый хрычъ эту самую загвоздку, онъ и обсказываетъ мичману, что лучше, молъ, все дѣло прикончить въ секретѣ. «Я, говоритъ, велю командиру взять лепортъ обратно, а вы, говоритъ, сходите къ ему и повинитесь хучь для виду... Уважьте, говоритъ, стараго адмирала. А я, говоритъ, такъ и быть, попрошу капитана, чтобы васъ не назначали наказывать матросиковъ... А вы, всетаки, говоритъ, привыкайте... Для службы, говоритъ, надо стараться, а когда и отодрать матросика... Отъ этого его не убудетъ и ему же на пользу». Такимъ родомъ онъ и облестилъ Леванида Николаича.

Дудкинъ на минуту примолкъ.

— Повинился мичманъ передъ Живодеромъ? — спросилъ кто-то.

— Не бойсь, матросская куртка не шуба. Поѣхалъ на другой день! Тѣмъ дѣло и кончилось, а для Леванида Николаича только началось!—Заскучалъ онъ съ той поры! — значительно проговорилъ Дудкинъ.—Отъ своей совѣсти заскучалъ. А главная причина: совѣсти ему отпущено было много, а характеру мало. Онъ и терзался, что ходилъ къ капитану, вродѣ бытто виниться, и что за труса могутъ его считать. «Слабый я есть человѣкъ, Егоръ!» Скажетъ онъ это мнѣ, махнетъ въ отчаянности рукой, да и айда въ клубъ. А вернется поздно домой— выпимши. А раньше въ ротъ не бралъ, вовсе брезговалъ. И какъ-то я даже доложилъ ему, что это нехорошо. Въ тѣ поры я еще не занимался виномъ!..—счелъ долгомъ пояснить Дудкинъ. «Вѣрно, Егоръ. Не хорошо, говоритъ».—Не по вашему званію, Леванидъ Николаичъ, – докладываю.—Молчитъ. Стыдно, значитъ. Но только не сердится. Понималъ, что я изъ приверженности къ ему. Бывало, цѣлую недѣлю дома сидитъ—обѣдъ я ему готовилъ—и книжки читаетъ. Вижу, скучитъ. Одинъ да

Digitized by Google

одинъ.—«Вы, Леванидъ Николаичъ, въ Питеръ бы прокатились!»—скажешь ему.—«И тамъ, Егоръ, одно и то же».—У знакомыхъ говорю, побывали бы.—«Нѣтъ, говоритъ, у меня такихъ знакомыхъ, чтобы меня настоящимъ человѣкомъ сдѣлали, вродѣ отца. Не бойсь, онъ съ волками жилъ, а по волчьи не вылъ».

— Поди-жъ ты!—воскликнулъ чернявый матросикъ.

Въ этомъ невольномъ восклицаніи были и изумленіе, и любовь, и жалость къ мичману.

IV.

— Такимъ родомъ, дожили мы съ Леванидомъ Николаичемъ до лѣта. А лѣтомъ опять пошли въ плаваніе на «Отважномъ». И опять моего Леванида Николаича стали стыдить въ каютъ-кампаніи... Онъ огрызался, спорилъ. Можно, молъ, быть форменнымъ офицеромъ безъ всякаго боя; а послѣ и спорить бросилъ... Ну—васъ! И тогда стали чураться отъ его. «Что, молъ, ты, такой-сякой, много о себѣ полагаешь и нами брезгуешь! И все лѣто мой мичманъ скучалъ. Съѣдетъ на берегъ одинъ и на фрегатѣ одинъ. Только со мной, бывало, и лясничаетъ... Въ охоту съ кѣмъ нибудь поговорить... А службу старательно сполнялъ и лестно было ему, чтобы его почитали за форменнаго офицера. И флотскую часть очень даже любилъ, изъ-за эстого самого онъ и на флотѣ служилъ. И море любилъ, не боялся его. Бывало, въ свѣжую погоду возьметъ шлюпку и айда подъ парусами кататься. Лихо управлялся. Противъ его никто на «Отважномъ» не могъ управиться. А катеръ, за коимъ онъ доглядывалъ, былъ игрушкой и на гонкахъ всегда призы бралъ. Глазъ у его былъ зоркій, что у ястребка. И до всего Леванидъ Николаичъ доходилъ. Первый, можно сказать, по усердію былъ... одно слово, лихой и отчаянный мичманъ. Изъ себя молодчикъ, небольшой, сухощавенькій, аккуратный такой, кудрявый и пригожій, лестно было на его глядѣть... Бывало, придетъ на бакъ и матросиковъ обнадежитъ ласковымъ словомъ... И бытто легче станетъ на нашей живодернѣ. А ужъ старался какъ по службѣ! Изъ кожи лѣзъ, чтобы доказать капитану, какой онъ есть офицеръ, и чтобы ему дали править вахтой... А живодеръ нашъ—надо правду сказать—былъ дока по морской части и форменный капитанъ, такъ отличиться передъ имъ, значитъ, и лестно Леваниду Николаичу... Однако капитанъ только обезкураживалъ мичмана. Не прощалъ ему, что главный командиръ не далъ ходу его лепорту, никакого взыску не сдѣлалъ и непокорнаго мичмана оставилъ на фрегатѣ. Да еще велѣлъ, сказывали, не огорчать высшихъ на-

Digitized by Google

чальниковъ, не драть сверхъ положенія, до чахотки. И зналъ живодеръ, чѣмъ обезкуражить мичмана. Понималъ, собака, какъ онъ обидчистъ по флотской части.

— Видно придирался?—спросилъ бѣлобрысый.

— За всякую малость. Увидитъ ежели—когда Леванидъ Николаичъ подвахтеннымъ—что снасть не до мѣста или кливеръ чуточку заполощетъ, тую-жъ минуту на бакъ во всю глотку кричитъ: «А еще полагаете о себѣ, бытто хорошій морской офицеръ... А у васъ подъ носомъ кливеръ шлепаетъ!» Эти выговоры пуще всего донимали мичмана. Молодой былъ и, какъ самъ справедливый, не понималъ сгоряча, что капитанъ его утѣснялъ за то, что онъ о себѣ по своему полагалъ. Думалъ, взаправду за флотскую часть. И прибѣжитъ, бывало, послѣ вахты въ свою каюту, бросится на койку и лежитъ ничкомъ. Обидно, что капитанъ то и дѣло конфузилъ его при всѣхъ. Не бойсь, въ тоску войдешь!

— Еще бы не войти!—сочувственно вымолвилъ Снѣтковъ.

— По настоящему, такому башковатому да старательному вахту бы препоручить, а замѣсто того его всячески изводили. А Леванидъ Николаичъ отъ этого пуще въ задоръ входилъ. Доказать, значитъ, хотѣлъ, что знаетъ флотскую часть. А просить, чтобы препоручили ему вахту, не желалъ. Гордъ былъ.— «Ежели, говоритъ, не даютъ вахты, значитъ, я не достоинъ». Ужъ я, бывало, всячески обнадеживаю Леванида Николаича. Матросы, молъ, видятъ, какой онъ есть понимающій и отважный офицеръ. А онъ въ отвѣтъ: «Это, говоритъ, мнѣ лестно, коли матросы видятъ, но капитанъ всетаки этого не видитъ. А онъ, говоритъ, хучь и извергъ, а морякъ отличный. Дѣло, говоритъ, въ тонкости знаетъ!» И не было, братцы, у Леванида Николаича въ умѣ, что Живодеръ въ отместку, со зла, не видитъ его старанія... Объ евоной справедливости зря полагалъ.

— Такъ ему и не препоручили вахты?—спросилъ кто-то.

— Въ концѣ лѣта препоручили. Заболѣлъ одинъ лейтенантъ, такъ временно назначили Леванида Николаича. Онъ старшимъ мичманомъ былъ. Тутъ-то онъ и оправдалъ себя. Увидали всѣ, какой начальникъ пятой вахты. Лихость и задоръ его поняли... Но только изъ-за эвтого самаго, прямо-таки, погубили человѣка. Чтобъ имъ, подлецамъ...

И Дудкинъ прибавилъ по адресу «подлецовъ» такія проклятія, на какія только способенъ былъ старый матросъ, прошедшій основательную выучку прежняго времени, и примолкъ.

Серебристый свѣтъ мѣсяца освѣщалъ напряженныя лица кучки слушателей и неказистое, заросшее волосами лицо разсказчика, полное негодующаго выраженія. Онъ словно бы вновь переживалъ далекое прошлое.

Digitized by Google

Всѣ притихли, и нѣсколько минутъ царило молчанiе среди торжественнаго безмолвiя чудной южной ночи.

— Раззодорить безпремѣнно хотѣли Леванида Николаича, чтобы онъ сталъ, какъ они всѣ, анафемы!—заговорилъ, наконецъ, Дудкинъ взволнованнымъ отъ озлобленiя голосомъ.— Непереносно было, видишь ли, сучьимъ дѣтямъ, что онъ въ полной исправкѣ вахтой правитъ, и ни порки, ни боя, ни ругани, и у его на вахтѣ матросы изъ кожи лѣзутъ вонъ, стараются. И опять же злились, что вся команда, прямо-таки сказать, обожала мичмана, а ихъ, подлецовъ, только боялась и ненавидѣла. И пуще всѣхъ втравливалъ капитанъ, понимая его флотскiй задоръ. И втравилъ-таки подлюга. Обрадовался Живодеръ, будь ему въ пеклѣ форменная шлифовка... Не бойсь, черти его отшлифуютъ!.— прибавилъ Дудкинъ, полагавшiй, повидимому, что на томъ свѣтѣ тѣлесныя наказанiя еще не отмѣнены и что тамъ «шлифуютъ» не хуже, чѣмъ на корабляхъ.

И, нѣсколько облегчивъ свое возмущенное чувство этими пожеланiями, Дудкинъ продолжалъ:

V.

— А втравили его, братцы, изъ-за шквала... Шли мы подъ всѣми парусами въ Ревель мимо Гогланъ-острова, и на вахтѣ стоялъ съ полуденъ Леванидъ Николаичъ. И вдругъ налетѣлъ подъ самымъ островомъ шквалъ съ подвѣтра. Скомандовалъ, значитъ, мичманъ фокъ и гротъ на штовы, марса-фалы и брамъ-фалы отдать и кливера долой, и паруса летомъ убрали, а гротъ-брамъ-фалъ не отдали... Матросъ, дуракъ, прозѣвалъ, и гротъ брамсель въ лоскутья! А Живодеръ уже гнуситъ поскуднымъ голосомъ: «Превосходно. Ай-да вахтенный начальникъ, у коего брамсель въ клочки. Поцѣлуйте теперь того подлеца, что не отдалъ брамъ-фала!» И такъ накалилъ мичмана, что онъ ровно ополоумѣлъ и самъ не свой прилетѣлъ на бакъ и не своимъ голосомъ крикнулъ боцману, чтобъ тую-жъ минуту дать виноватому двадцать пять линьковъ. А самъ весь трясется, словно лихорадка бьетъ. На бакѣ всѣ только ахнули... Заступникъ нашъ, голубь и поди-жъ ты!.. Очень огорчились матросы. «Вотъ, молъ, тебѣ и голубь!..» Но только его пожалѣть надо было!— раздумчиво прибавилъ Дудкинъ.

— И вчужѣ да жалко!—проронилъ Снѣтковъ.

— И пожалѣли, какъ узнали, что сталъ онъ мучиться совѣстью... На моихъ глазахъ это было. Какъ смѣнился съ вахты, такъ скрылся въ каюту, заперся и никого не допускалъ. Только къ вечеру меня допустилъ. Гляжу: сидитъ это на койкѣ, словно потерянный, и глаза красные. Я ему насчетъ ужинать и чаю


Digitized by Google

докладываю: «Покушайте, ваше благородіе!» А онъ только замахалъ головой и говоритъ: «Послѣдній я теперь подлецъ сталъ, Егоръ. Что про меня отецъ-то скажетъ? Какъ я его оправдалъ, а?» И какъ зальется, братцы, слезами. И жалко мнѣ его стало, и охота мнѣ его обнадежить... «Напрасно вы, Леванидъ Николаичъ, убиваетесь. Это вы, говорю, наказали съ пылу».—А отчего же, говоритъ, я матроса приказалъ наказать съ пылу, а капитана или старшаго офицера съ пылу не вдарю?» Вижу не дается въ обманъ, не таковскій. Тогда я докладываю: «За вину, молъ, отодрали матроса и за эвто нельзя обиждаться». Такъ выгналъ меня вонъ. «Не утѣшай, говоритъ. Нѣтъ мнѣ оправданія!»

— Обидчистая въ немъ была совѣсть!..—вставилъ молодой матросикъ дрогнувшимъ, растроганнымъ голосомъ.

— То-то совѣсти много. Другому ежели отпороть—наплевать. Отпоролъ и забылъ, а Леванидъ Николаичъ нѣсколько денъ находился бытто въ потерянности. На матросовъ не глядѣлъ — стыдился. И въ каютъ-компаніи словно виноватый за обѣдомъ сидѣлъ. А его всѣ еще проздравляютъ. «Наконецъ, говорятъ, въ понятіе вошли, бросили свое бабство». А долговязый аспидъ, старшій офицеръ, зубы скалитъ. «Я, говоритъ, не сумлѣвался, что Леванидъ Николаичъ форцъ свой броситъ. Зарекался, что не будетъ пороть, а какъ брамсель въ клочки, такъ молодцомъ поступилъ!» И всѣ хвалили и пили за его оборотъ. А бѣдный мичманъ сидитъ, какъ пригвожденный, чуть не плачетъ и, какъ отобѣдалъ, скорѣй въ каюту. И какъ пришли мы въ Ревель, закатился онъ на берегъ, а къ вечеру пріѣхалъ вовсе пьяный. Я раздѣлъ, уложилъ въ койку, а онъ бунтуетъ и кричитъ: «Пропащій я человѣкъ сталъ!» И такимъ родомъ тосковалъ онъ до самаго Кронштадта и сталъ виномъ заниматься, какъ съѣзжалъ на берегъ. А какъ пришли мы въ Кронштадтъ, вышло Леваниду Николаичу назначенье въ дальнюю, вахтеннымъ начальникомъ на транспортъ «Байкалъ». Онъ съ грузомъ въ Камчатку шелъ.

VI.

— А какъ на «Байкалѣ» твой мичманъ, не бойсь, наказывалъ? Вошелъ въ скусъ?—спросилъ бѣлобрысый, полнотѣлый матросъ небрежно-легкомысленнымъ тономъ.

— Ну такъ что-жъ, ежели и наказывалъ?—раздраженно отвѣтилъ Дудкинъ, сурово взглядывая на бѣлобрысаго матроса.

— Я такъ... спрашиваю...

Digitized by Google

— Можетъ, и слѣдовало наказывать... Тоже и нашъ братъ всякій бываетъ...

И, помолчавъ, прибавилъ, обращаясь къ чернявому матросику:

— Я съ Леванидомъ Николаичемъ на «Байкалѣ» не ходилъ. Просилъ онъ, чтобъ меня взять, да разрѣшенія не вышло, и меня обернули въ экипажъ. А ребята, что съ имъ ходили, сказывали, что наказывалъ онъ рѣдко и легко и то, когда былъ выпимши. Зашибалъ у себя въ каютѣ одинъ на одинъ и, сказывали, очень скучалъ. А какъ пришли въ Камчатку, Леванидъ Николаичъ списался съ транспорта и не пожелалъ въ Кронштадтъ. Перевелся въ сибирскую флотилію и остался въ Камчаткѣ. Тамъ и вовсе затосковалъ и запилъ. И когда въ скорости императоръ Александръ Николаичъ простилъ бунтовщиковъ противъ родителя и вернулъ имъ всѣ званія и помѣстья, то отецъ Леванида Николаича звалъ сына вернуться. Но только не довелось повидать отца. Денъ черезъ пять, какъ объявили Леванида Николаевича графомъ, онъ померъ, отъ скорой чахотки сказывали... А я такъ полагаю, что отъ совѣсти. А жить бы да жить голубчику. Царство ему небесное!

И съ этими словами Дудкинъ обнажилъ свою коротко-остриженную, начинавшую сѣдѣть, голову и медленно осѣнилъ себя крестомъ. Перекрестились и другіе.

Чернявый молодой матросикъ глоталъ слезы.

Въ эту самую минуту блеснула яркимъ снопикомъ падающая звѣзда, словно бы напоминая о молодомъ мичманѣ.

К. Станюковичъ.

Digitized by Google

Истинное горе, вѣчная печаль.

Слабый лучъ надежды, ясной вѣры,—
Замираетъ въ сердцѣ черныхъ думъ змѣя.
Капля счастья въ морѣ горькихъ слезъ — и снова
Въ сердцѣ человѣка—радость бытія.
Лямку трудовую—краткій отдыхъ смѣнитъ,
Отдохнутъ на волѣ и спина, и грудь.
Милая разлюбитъ, милая измѣнитъ,—
Такъ найдешь другую ты когда нибудь.
Недугъ ли томящій станетъ къ изголовью,
Иль отдашь неволѣ рядъ цвѣтущихъ лѣтъ,—
Будешь радъ, какъ встанешь, новому здоровью,
Будешь радъ, какъ выйдешь, видѣть вольный свѣтъ.
Смерть ли милыхъ сердцу унесетъ въ могилу,—
Скорбь утраты тяжкой сердце изживетъ;
Въ жизни и забвеньи будешь черпать силу
И съ годами снова грудь легко вздохнетъ...
Лишь одно я знаю истинное горе,
Лишь одну я знаю вѣчную печаль,—
Если лучъ надежды не блеститъ во взорѣ,
Если сердцу больше ничего не жаль...

А. М. Вербовъ.

1898 г.

Digitized by Google

Судебно-психіатрическія экспертизы, какъ бытовыя данныя.

Дѣло г. Б—ва.

(Гражданскій искъ).

„Въ Орловскій Окружный Судъ

Б.

Прошеніе.

„При крушеніи поѣзда 2-го декабря 1896 г. на линіи Юго-Восточныхъ дорогъ я сидѣлъ одинъ въ вагонѣ I класса. Когда вагонъ этотъ полетѣлъ съ 7 саженной насыпи внизъ, то перевернулся, и чѣмъ-то задавило меня... Собравъ послѣднія силы, я проползъ въ разбитое окно... былъ поднятъ и одѣтъ... Въ настоящее время, кромѣ того что съ трудомъ двигаюсь, не могу спать, потерялъ память, постоянно вздрагиваю и не могу заниматься ни хозяйствомъ, ни коннымъ заводомъ, дававшимъ мнѣ дохода отъ 6,500 до 9—10,000 р. Въ подтвержденіе этого прошу вызвать и допросить врачей... и свидѣтелей“...

Протоколы. „Орловскій Окружный Судъ по Гражданскому Отдѣленію допрашивалъ... свидѣтелей, которые подъ присягою показали:

К. врачъ, 65 лѣтъ. „Б. я знаю давно: передъ катастрофой я съ нимъ видѣлся мѣсяца за два: въ то время онъ былъ на видъ вполнѣ здоровый человѣкъ... послѣ катастрофы я видѣлся съ нимъ случайно и былъ пораженъ тѣмъ рѣзкимъ контрастомъ, который бросился мнѣ въ глаза: я зналъ его за человѣка веселаго, очень остроумнаго, подвижного; тутъ же я засталъ его въ крайне нервномъ возбужденіи: разсказывая мнѣ о катастрофѣ, онъ то плакалъ, то смѣялся и дѣлалъ усилія вскочить. Желая успокоить его, я старался отвлечь его отъ мысли о катастрофѣ, но онъ возвращался мысленно къ тому же, и *лицо его выражало ужасъ, глаза выпячивались...* Б. былъ человѣкъ нервный, впечатлительный... *Опухоли шеи, руки и лица,* обнаруженныя при первомъ посѣщеніи, *были несомнѣнно нервнаго происхожденія*“.


Digitized by Google

О. земскій врачъ. „Б — а я знаю лѣтъ шесть, такъ какъ встрѣчался съ нимъ въ обществѣ раза 3 — 4 въ годъ. До катастрофы я видѣлся съ нимъ года за два: онъ въ то время приглашалъ меня къ себѣ и жаловался на кашель, сильно его безпокоившій... Раньше рѣзкихъ перемѣнъ въ его характерѣ я не наблюдалъ. Домашнимъ его врачомъ я сдѣлался лишь послѣ катастрофы.

Тотъ же свидѣтель:... „до катастрофы 2-го декабря я былъ у Б. всего одинъ разъ, приблизительно въ 1894 или въ 1895 году". (Протоколъ 7 окт. 1898 г.)

С. землевладѣлецъ. „Первая моя встрѣча съ Б — мъ была, когда мнѣ было лѣтъ 12 — 13. Сознательно я знаю Б — а лѣтъ 15 — 16. Б—а я зналъ за человѣка здороваго, крѣпкаго тѣлосложенія. Характера онъ былъ живого, общительнаго, отличался остроуміемъ. Особой нервности я въ немъ не замѣчалъ. О пожарѣ въ его имѣніи мнѣ съ нимъ говорить не приходилось. Встрѣчаться мнѣ съ Б. приходится часто, хотя въ домѣ у него я не бываю" *).

К. (см. выше). „Б—а я знаю лѣтъ 25. Я лѣчилъ его дѣтей, и съ этого у насъ началось знакомство. Когда дѣти его выросли и уѣхали, то знакомство наше продолжалось, поддерживаемое преимущественно общею нашею страстью къ лошадямъ. Зналъ его я за человѣка здороваго, за совѣтами о здоровьѣ онъ ко мнѣ, какъ къ врачу, никогда не обращался... По характеру Б. былъ человѣкъ живой и остроумный, завзятый хлѣбосолъ. Образъ жизни онъ велъ самый правильный... Нервныхъ болѣзней я у него не замѣчалъ... По моему мнѣнію онъ былъ человѣкъ правдивый, хотя иногда случалось, что онъ говорилъ про другихъ въ невыгодномъ смыслѣ, но это я объяснялъ его остроуміемъ. Повидимому, Б. былъ работящъ, что я заключилъ изъ такихъ актовъ, какъ напр. объѣздъ его поля верхомъ, наблюденіе за работами и т. п. Не помню, говорилъ ли я съ нимъ про пожаръ на конномъ заводѣ... Въ первый разъ послѣ катастрофы я посѣтилъ его черезъ недѣлю или немного менѣе... Я замѣчалъ, что глаза его выпячивались; употребляю это выраженіе не въ смыслѣ медицинскаго термина... Вообще Б. былъ человѣкъ мнительный, благодаря чему при всякой болѣзни дѣтей онъ пугался, пожалуй, сильнѣе чѣмъ обыкновенный человѣкъ... *опухоли* на шеѣ, рукѣ и лицѣ *были травматическаго происхож-*

---

*) Протоколъ не передаетъ физіономіи показанія: свидѣтель показалъ сначала, что онъ, можно сказать, воспитывался на глазахъ Б—а; но при передопросѣ выяснилось, что онъ въ домѣ Б—а ни разу не былъ, и въ сущности съ нимъ не знакомъ, а все сказанное выше о всѣхъ близкихъ отношеніяхъ къ Б. онъ взялъ назадъ.


Digitized by Google

денія, но *ощущенія* болевыя, на которыя онъ жаловался, *носили*, можетъ быть, *нервный характеръ*" *)...

С. „Имѣніе Б — а сравнительно съ прежнимъ временемъ теперь неузнаваемо... Въ настоящее время оно представляетъ картину совершеннаго разоренія: земля истощена, крыши и стѣны построекъ разрушились. Б. всегда хозяйничалъ самъ; послѣ же случившагося съ нимъ несчастія имѣніе его осталось такимъ образомъ безъ присмотра. Вслѣдствіе отсутствія присмотра имѣніе Б—а и разорилось. Будучи у Б—а въ имѣніи лѣтомъ 1897 г., я самъ видѣлъ это разореніе и отношу его къ тому обстоятельству именно, что хозяинъ имѣнія заболѣлъ зимою" **)...

Р. 36 лѣтъ, земскій начальникъ... „Имѣніе Б — а находится не въ особенно образцовомъ порядкѣ, да оно и всегда считалось однимъ изъ плохихъ, и во всякомъ случаѣ не выходящимъ вонъ изъ ряда обыкновенныхъ имѣній. Правда, угодія и земля въ имѣніи хороши, но хозяйство въ немъ велось плохое. Способъ хозяйства въ имѣніи самый обыкновенный... Разсчетъ съ рабочими онъ производилъ плохо, и многіе крестьяне приходили ко мнѣ жаловаться именно на неплатежъ имъ со стороны

---

*) И здѣсь протоколъ не передаетъ дѣйствительной рѣчи свидѣтеля, такъ какъ записанное показаніе есть синтезисъ всѣхъ отвѣтовъ свидѣтеля на задаваемые ему вопросы, и притомъ самъ свидѣтель исправляетъ свое показаніе въ концѣ засѣданія, причемъ онъ, естественно, принимаетъ въ соображеніе все сказанное и всѣ возраженія. Здѣсь свидѣтель сначала очень настойчиво утверждалъ, что *лицо* у Б—а было *блѣдно и выражало ужасъ, а глаза выпячивались*. Это подало поводъ къ долгому разговору между свидѣтелемъ и экспертизою. Такъ какъ спеціальнаго аппарата для выпячиванія глаза изъ орбиты нѣтъ, то свидѣтель сначала, вслѣдствіе разспроса экспертизы, предположилъ увеличеніе давленія внутри черепа вслѣдствіе прилива крови, но такъ какъ этому противорѣчили другіе факты, то онъ предположилъ застой и даже водяную мозга, но отказался и отъ этой гипотезы и допустилъ предположеніе молніеноснаго приступа Базедовой болѣзни; но и эту гипотезу ему, конечно, пришлось отложить, и онъ кончилъ тѣмъ, что взялъ назадъ свое прежнее утвержденіе о *выпячиваніи глазъ*. Точно также и опухоли шеи, руки и лица, которыя „*были несомнѣнно нервнаго происхожденія*" по прежнему его показанію, теперь стали простыми опухолями отъ ушибовъ, и только боль въ нихъ осталась нервною, „какъ и всякая боль".

**) Показаніе свидѣтеля С. такъ характеризуется судомъ въ его резолюціи: „Показанію С. (л. 78) нельзя придавать никакой вѣры, такъ какъ свидѣтель этотъ, восхваляя хозяйство Б — а до катастрофы и удостовѣряя, что послѣ катастрофы, наоборотъ, подъ вліяніемъ болѣзненнаго состоянія Б—а, имѣніе пришло въ разореніе, именно постройки разрушились, земля истощилась,—на вопросъ судей отвѣчалъ, что замѣтилъ онъ впервые указанныя имъ разрушеніе построекъ и истощенность земли въ іюнѣ 1897 года и, слѣдовательно, приписывая обозначенныя явленія болѣзненному состоянію Б—а, вызванному катастрофою, удостовѣрилъ совершенно невѣроятный фактъ, что земля могла истощиться и постройки изъ хорошихъ и исправныхъ обратиться въ разрушенныя за одну зиму, съ 2-го декабря по іюнь".



Б—а заработанныхъ денегъ. Въ моемъ производствѣ за послѣдній годъ до октября числилось изъ 140 вообще уголовныхъ дѣлъ 12 Б—скихъ, и нѣсколько, кромѣ сего, гражданскихъ. Дѣлъ было бы и еще больше... Б. человѣкъ умный, развитой, много читающій, но крайне нервный, и притомъ несдержанный, и многія его сужденія прямо таки циничны. Общая черта его характера та, что сегодня онъ съ человѣкомъ очень хорошъ, а завтра на него же подаетъ жалобу. Вообще Б. съ нравственной стороны, какъ я его понимаю, не особенно щепетиленъ... онъ меня упрекалъ, что я, не смотря на мое близкое знакомство съ нимъ, ни одного дѣла не рѣшилъ въ его пользу. Я съ нимъ послѣ этого случая разошелся и пересталъ больше у него бывать. Послѣ этого на меня посыпались со стороны Б. жалобы губернатору... Сосѣди-помѣщики къ Б. относятся вообще весьма осторожно и побаиваются его. Въ 1897 году появилась въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ корреспонденція за подписью Б—а, въ которой онъ обвинялъ меня прямо въ бездѣйствіи власти и потачкахъ мѣстнымъ крестьянамъ въ ущербъ помѣщикамъ - землевладѣльцамъ... Въ настоящее время Б., какъ говорятъ крестьяне, „погасъ“; онъ давно уже въ плохомъ матеріальномъ положеніи... Теперешнее его худое положеніе, по моему, не стоитъ въ связи съ катастрофою. Въ 1894 г. у него сгорѣлъ конскій заводъ, и въ настоящее время у него, кажется, завода нѣтъ“...

Т. 58 лѣтъ, подпоручикъ въ отставкѣ. „Я живу въ сосѣдствѣ съ Б. и знаю его лѣтъ 16. Онъ былъ здоровъ всегда и крѣпкаго тѣлосложенія; особенной нервности я въ немъ не замѣчалъ, а просто это былъ человѣкъ сангвиническаго темперамента. По поводу пожара у него нынче онъ очень волновался... Вообще онъ послѣ катастрофы сталъ очень нервенъ и впечатлителенъ. *Отношенія его къ пожару на конномъ заводѣ я не помню.* По поводу отношенія его къ катастрофѣ на пароходѣ, на которомъ былъ его сынъ, я ничего показать не могу.

Т. крестьянинъ, 57 лѣтъ. Я давно уже знаю Б. и могу удостовѣрить, что онъ остается и теперь такимъ же хозяиномъ, какимъ былъ раньше: живемъ мы съ нимъ мирно... Мы ходимъ къ Б. работать и работаемъ у него кругами, за что получаемъ по 5 р. съ десятины,—цѣна такая же, какъ у всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ, а что касается разсчетовъ съ рабочими, то на счетъ этого у Б. плохо: ходишь, ходишь за своими деньгами, что получишь—такъ, а то такъ тамъ и присохнетъ. Тамъ и мой рубль остался. Хозяйство у Б. такое же, какимъ было съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, и хозяйство у него неважное... Рабочихъ для уборки у Б. всегда хватаетъ, но только онъ не разсчитываетъ ихъ какъ надо“...

К. крестьянинъ. „Хозяйство Б. ведется плохо... не всегда имѣются рабочія руки, такъ какъ крестьяне идутъ на работу не-

Digitized by Google

охотно... хозяйство Б. послѣ катастрофы идетъ такъ же (какъ шло) и самъ онъ управляетъ имѣніемъ, и иногда даже самъ загоняетъ лошадей. Я однажды видѣлъ въ этомъ году, какъ Б. слѣзъ съ лошади и повелъ съ луга крестьянскую лошадь, которая зашла на лугъ съ пара".

Д. уѣздный членъ Окружнаго Суда... „живу въ своемъ имѣніи... въ 7 верстахъ отъ имѣнія Б — а... Выраженія „Б—скій овесъ" у насъ совсѣмъ не существуетъ *)... ведетъ Б. хозяйство по той же системѣ, по которой велъ его отецъ. Съ 1896 года по настоящее время я не замѣчаю особой разницы въ смыслѣ ухудшенія или улучшенія въ веденіи хозяйства. Б. и послѣ катастрофы, по его словамъ, такъ же занимается хозяйствомъ, какъ и прежде".

. . . .

(Свидѣтельскія показанія, цитируемыя въ заключеніяхъ экспертизъ и въ резолюціи суда здѣсь выпускаются, такъ какъ они приводятся въ текстѣ заключеній).

Судъ потребовалъ медицинскую экспертизу и экспертизу сельско-хозяйственную для выясненія, понесъ ли г. Б. денежныя потери, какъ непосредственно, въ своихъ дѣлахъ, и именно въ имѣніи, такъ и посредственно, вслѣдствіе потери или пониженія его работоспособности. Для сельско-хозяйственной экспертизы судъ обратился къ члену губернской земской управы г. Т., къ посреднику при полюбовномъ размежеваніи г. П. и къ непремѣнному члену отъ земства при крестьянскомъ банкѣ г. Д. Эти эксперты пришли къ слѣдующему заключенію.

Заключеніе сельскохозяйственной экспертизы по дѣлу г. Б. съ обществомъ Юго-Восточныхъ ж. д.

На разрѣшеніе экспертовъ судомъ было поставлено два вопроса: 1) во что обойдется наемъ и содержаніе управляющаго имѣніемъ г. Б. и 2) насколько понизится доходность такого имѣнія, какъ имѣніе г. Б., въ случаѣ замѣны управляющимъ такого хозяина, какъ г. Б.

Прежде всего экспертиза сочла нужнымъ остановиться на разсмотрѣніи самаго хозяйства г. Б., способа эксплоатаціи имъ земли, большей или меньшей интенсивности хозяйства и т. п. Фактическія данныя, заключающіяся въ дѣлѣ, настолько ясны, что позволяютъ высказаться объ этомъ совершенно опредѣленно. Изъ описанія имѣнія видно, что въ имѣніи лѣтомъ находится до 5 человѣкъ

*) Свидѣтель С. въ своемъ показаніи говоритъ о превосходномъ, исключительномъ хозяйствѣ г. Б., и между прочимъ утверждаетъ, что въ уѣздѣ установилась формула высшей похвалы овсу: „не хуже Б—скаго".


Digitized by Google

рабочихъ, чтобы запахивать удобреніе и часть поднимать плугами; вся-же обработка и уборка хлѣба производится заработками. Еще категоричнѣе говоритъ свидѣтель Д., что вся работа производится сдѣльно, кругами, а рабочихъ сроковыхъ нѣтъ совсѣмъ. Перечисляя инвентарь (6 плуговъ, 6 сохъ и т. д.) очевидно, слишкомъ незначительный для такого имѣнія, какъ Б., членъ-оцѣнщикъ прибавляетъ, что его достаточно потому, что почти все поле обрабатывается заработками. Переходя къ другому виду угодій, имѣющему существенную цѣнность въ имѣніи Б.,—лугамъ, мы видимъ изъ описанія имѣнія, что большая часть ихъ (80%) сдается прямо въ аренду и только пятая часть снимается владѣльцемъ. Все сѣно, снимаемое владѣльцемъ, идетъ на скотоводство, которое, по исчисленію члена-оцѣнщика, *даетъ 220 руб. убытка* (sic!). *Такой способъ веденія полевого хозяйства, до сихъ поръ господствующій въ нашихъ владѣльческихъ имѣніяхъ, ничѣмъ не отличается отъ хозяйства крестьянскаго. Тѣ-же способы обработки, тѣ-же орудія и даже, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, то-же время производства работъ.* Хозяинъ, ведущій свое хозяйство такимъ способомъ, даже и при всемъ своемъ желаніи не могъ-бы поставить хозяйство лучше крестьянскаго. Работая крестьянскимъ скотомъ, онъ, напр., никакъ не добьется глубокой вспашки, ибо крестьянскія лошади не вынесутъ. Въ средней черноземной полосѣ ранній посѣвъ овса считается безусловно болѣе выгоднымъ, но опять, очень ранній посѣвъ при такомъ хозяйствѣ не возможенъ. Крестьянскія лошади весной иногда съ трудомъ стоятъ на ногахъ и, очевидно, не смогутъ одолѣть очень сырой пашни, что неизбѣжно при раннемъ сѣвѣ. Если мы обратимъ вниманіе на другія стороны хозяйства г-на Б., то и тутъ увидимъ тоже самое, именно, что его хозяйство ничѣмъ не отличается отъ крестьянскаго. По описанію члена-оцѣнщика значится, что ежегодно въ имѣніи г. Б. удобряется отъ 30 до 35 десятинъ. Изъ статистическихъ свѣдѣній по Орловскому уѣзду видно, что въ крестьянской надѣльной пашнѣ въ черноземной части, одинаковой приблизительно по условіямъ съ Новосильскимъ уѣздомъ, удобряется въ нѣкоторыхъ раіонахъ въ среднемъ до 2,7% пашни, а по нѣкоторымъ отдѣльнымъ селеніямъ даже до 5 и 6%. Согласно этому разсчету въ имѣніи въ 668 десятинъ, изъ коихъ пашни 468 д., должно было-бы удобряться отъ 12,6 д. (2,7%) до 28 д. (6%), т. е. по количеству удобряемой земли имѣніе г. Б. почти не отличается отъ земель лучшихъ крестьянскихъ селеній, причемъ еще надо принять во вниманіе, что большая часть навоза крестьянами вывозится на коноплянники. По тѣмъ-же статистическимъ свѣдѣніямъ оказывается, что у крестьянъ Орловскаго уѣзда на 100 д. удобной земли приходится 15,1 головъ крупнаго и рогатаго скота. По этому разсчету въ имѣніи г. Б. должно-бы быть 100 головъ круп-

Digitized by Google

наго рогатаго скота, а ихъ 70. Лошадей, которыхъ у крестьянъ на 100 дес. 16,6 надо-бы имѣть 110, а ихъ 60. Подобное хозяйство, очевидно, не можетъ быть названо хорошимъ. Слѣдовало-бы ввести болѣе тщательную обработку земли, имѣть большее количество скота и т. п. Но въ данномъ случаѣ вопросъ о томъ, насколько хорошо или дурно такое хозяйство, не является существеннымъ. Важно только установить тотъ фактъ, что *такое хозяйство, совершенно рутинное, ничѣмъ не отличается отъ огромнаго большинства владѣльческихъ хозяйствъ, и даже крестьянскаго. Такое хозяйство велось давно и повсюду.* Оно настолько общеизвѣстно, настолько, если можно такъ выразиться, въѣлось въ плоть и кровь каждаго человѣка, живущаго въ деревнѣ, что не требуетъ ни спеціальности, ни даже какой либо подготовки, ни знаній, ни, наконецъ, особой энергіи... Въ хозяйствахъ, настолько нуждающихся въ средствахъ, какъ хозяйство г. Б. (а объ этомъ можно заключить изъ того, что у Б. на десятинѣ около 100 р. долга дворянскому банку) время продажи хлѣба регулируется не наиболѣе выгоднымъ моментомъ продажи, а нуждой въ деньгахъ, или срокомъ уплаты въ банкъ

„На основаніи всего вышеизложеннаго, экспертиза приходитъ къ заключенію, что для такого обыкновеннаго хозяйства, какъ г. Б., чтобы вести его съ такимъ успѣхомъ и съ такими-же результатами, какъ Б. (оговариваемся, впрочемъ, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу) нуженъ, приказчикъ, которому надо заплатить рублей 30—35 въ мѣсяцъ, или 400—420 рублей въ годъ“.

Медицинская экспертиза высказалась, что данныя дѣла и кратковременное изслѣдованіе г. Б. въ отдѣльной комнатѣ въ помѣщеніи суда недостаточны для выясненія болѣзненнаго состоянія Б. и связи его съ желѣзнодорожнымъ крушеніемъ, и просила судъ дать ей возможность болѣе подробно изслѣдовать Б., подвергнувъ его болѣе или менѣе продолжительному клиническому наблюденію. Для этого Б. былъ помѣщенъ въ больницу Краснаго Креста, гдѣ и наблюдался въ теченіе шести недѣль, Экспертиза представила слѣдующее заключеніе:

Заключеніе судебно-медицинской экспертизы.

Приступая къ наблюденію надъ г. Б. въ ноябрѣ 1897 г., врачи-эксперты, въ виду пародоксальности нѣкоторыхъ явленій, представляемыхъ испытуемымъ въ соматической и особенно въ психической сферѣ, сочли необходимымъ имѣть свѣдѣнія о прошедшемъ г. Б. и для этого просили судъ дать имъ возможность получить ихъ отъ свидѣтелей. Къ сожалѣнію, засѣданіе 14 января 1898 г., имѣвшее задачею доставить экспертамъ эти свѣдѣнія, не вполнѣ достигло своей цѣли, что эксперты считаютъ нужнымъ отмѣтить, когда имъ придется въ заключеніи сопоста-

Digitized by Google

вить свои наблюденія и факты съ нѣкоторыми свидѣтельскими показаніями.

Врачи-эксперты видѣли г. Б. въ іюлѣ 1897 г. и тогда признали у него страданіе нервной системы, именно неврастенію, и, насколько можно было судить при кратковременномъ осмотрѣ въ отдѣльной комнатѣ суда, неврастенія, но истерической формы. Одинъ изъ экспертовъ, къ которому г. Б. пріѣзжалъ на дачу, дня 2 или 3 послѣ засѣданія суда, бесѣдовалъ съ Б. часа 3 и тогда же констатировалъ замѣченныя имъ явленія: быструю и усиленную возбудительность, несоотвѣтствующую по своей интенсивности силѣ впечатлѣнія, отсутствіе мѣры въ выраженіяхъ, но совершенно ясное сознаніе. Б. зналъ, что просить эксперта о содѣйствіи ему въ дѣлѣ нельзя и потому рѣчь его только очень осторожно касалась этого предмета; но онъ считалъ полезнымъ captare benevolentiam эксперта, котораго никогда не видѣлъ раньше, и говорилъ ему совершенно неумѣренные комплименты; говоря о своихъ денежныхъ дѣлахъ, и именно о долгѣ дворянскому банку, онъ и въ этотъ разъ, такъ-же какъ и на судѣ, очень волновался, просилъ выпить воды, но воспоминаніе и даже подробное описаніе желѣзно-дорожной катастрофы не вызывало у него никакого волненія. Вообще, въ это время у него констатировалось несомнѣнное нервное разстройство, но безъ той специфической окраски, которая дѣйствительно очень часто встрѣчается при такъ называемомъ травматическомъ неврозѣ, не будучи, однако, его интегральною составною частью. Совершенно другую картину представлялъ г. Б. въ ноябрѣ того-же года; несомнѣнно, это былъ уже человѣкъ не только въ высшей степени неуравновѣшенный, но, повидимому, даже мало способный давать вѣрную оцѣнку обычнымъ словамъ и дѣйствіямъ лицъ, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе,—а приходилъ онъ въ соприкосновеніе съ очень многими; онъ всюду ѣздилъ, вездѣ протестуя, жалуясь на обиды, возводя обвиненія, разсказывая одному о рѣчахъ и дѣйствіяхъ другого, причемъ его разсказы имѣли мало общаго съ дѣйствительностью. Истерическій характеръ неврастеніи г. Б. очень рѣзко усилился въ это время, помимо весьма сильнаго и систематическаго отклоненія отъ истины, и при томъ отклоненія, имѣвшаго всегда цѣлью возвести на другого какое-нибудь унижающее обвиненіе. Г. Б. старался въ продолжительномъ разговорѣ извѣстить слушающаго, что тотъ или другой говорили о немъ дурно, но что онъ, Б., высоко цѣнитъ слушающаго и весьма низко тѣхъ, отъ которыхъ слышалъ ему нареканія. Но усиленные и недостаточно тонкіе — комплименты смѣнялись иногда вспышками неожиданнаго гнѣва, объясненіе котораго имѣло временами почти параноическій характеръ; тогда г. Б. уже не сдерживался и сыпалъ обвиненіями лично, но затѣмъ спохватывался и просилъ униженно прощенія, объясняя

Digitized by Google

свою вспышку болѣзнію. Но и въ этихъ вспышкахъ должно отмѣтить присутствіе несомнѣнно сознательнаго элемента спекуляціи. Г. Б. былъ очень недоволенъ ходомъ своего дѣла; онъ ожидалъ, что экспертиза тотчасъ выскажется въ его пользу, тѣмъ болѣе, что онъ надѣялся и повліять на нее, и необычный, какъ ему казалось, — онъ приводилъ въ примѣръ другія подобныя дѣла—оборотъ его процесса возбуждалъ въ немъ опасеніе и гнѣвъ Но гнѣву своему онъ давалъ въ значительной степени сознательно. усиленное выраженіе, такъ что здѣсь несдержанность сливалась съ симуляціею, какъ это часто бываетъ въ легкихъ истерическихъ приступахъ.

Наблюденіе и изслѣдованіе въ больницѣ Краснаго Креста подтвердили первое впечатлѣніе объ истерическомъ характерѣ нервной болѣзни г. Б. и спеціально психической формѣ. Соматическое изслѣдованіе не дало характерныхъ явленій, можно было констатировать анестезическую плаку 3 цен. длины и 1 цен. ширины снаружи праваго бедра; болѣзненность при давленіи plexus brachialis и по ходу нерва, точно также какъ и по n. ischiaticus съ обѣихъ сторонъ, усиленные колѣнные рефлексы. Болевыя точки отсутствуютъ, но, какъ было указано Бенедиктомъ и др., это не имѣетъ дифференціальнаго діагностическаго значенія. Точно также не имѣло бы такого значенія и изслѣдованіе поля зрѣнія, такъ какъ вопросъ поставленъ не о присутствіи или отсутствіи нервной болѣзни, а о дифференціальномъ діагнозѣ.

Присутствія вазомоторныхъ явленій, фибрилярныхъ подергиваній или дрожаній, измѣненіе ритма сердца при болевыхъ явленіяхъ давленій,—словомъ ни одного изъ многочисленныхъ явленій, указанныхъ авторомъ, эксперты у г. Б. констатировать не могли, но ихъ отсутствіе не исключаетъ травматическаго невроза въ смыслѣ этіологическаго объясненія несомнѣнно существующаго у г. Б. нервнаго страданія. Изслѣдованія мочи на сахаръ дали отрицательные результаты, хотя въ это время г. Б. злоупотреблялъ сладкимъ.

Въ больницѣ Краснаго Креста у г. Б. было нѣсколько приступовъ плача съ рыданіями по довольно несущественнымъ поводамъ; затѣмъ надо отмѣтить, что онъ раздражался по поводу ничтожныхъ сами по себѣ фактовъ, по которымъ онъ давалъ совершенно неправильное толкованіе, и опять съ параноическимъ оттѣнкомъ. Соматически г. Б. тоже измѣнился: у него замѣтно похудѣли ноги, онъ весь постарѣлъ за періодъ времени отъ іюля до ноября.

Итакъ, мы имѣемъ несомнѣнное ухудшеніе, и ухудшеніе довольно быстрое, что вполнѣ входитъ въ программу травматическаго невроза и указываетъ тогда на тяжелую его форму. Но въ больницѣ, обставленной хорошо съ внѣшней стороны, вырванный изъ сферы волнующихъ его интересовъ, г. Б. сталъ скоро по-

Digitized by Google

правляться, и менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ вернулся къ тому состоянію, которое мы видимъ у него въ іюлѣ.

Хотя колебанія и были при травматическомъ неврозѣ, но несомнѣнно, что такое быстрое улучшеніе, которое дало ему возможность участвовать въ бѣгахъ и принимать участіе въ такомъ шумномъ удовольствіи, говоритъ скорѣе противъ такого діагноза нежели за него. Отмѣтимъ, что и во время наблюденія г. Б. совершенно не волновался, разсказывая о желѣзно-дорожномъ крушеніи, и входилъ въ весьма замѣтное волненіе, говоря о долгѣ Дворянскому банку,—и въ особенности о пожарѣ, происшедшемъ въ его имѣніи въ промежутокъ времени между іюлемъ и ноябремъ, пожарѣ, къ которому онъ отнесся неумѣренно страстно, обвинивъ по его поводу власти въ бездѣйствіи и вызывая крайне настоятельно судебное слѣдствіе. Такимъ образомъ, является вопросъ, не произошло ли констатированное нами въ началѣ ноября ухудшеніе подъ вліяніемъ нервнаго шока вслѣдствіе пожара? Чтобы это предположеніе могло получить извѣстную степень вѣроятія, нужно предположить еще, что г. Б представлялъ и раньше недостаточное сопротивленіе психо-патологическимъ вліяніямъ. Физическое изслѣдованіе констатировало у него асиметрію лицевого скелета, отклоненіе носа, несиметричное положеніе глазъ, исключительно высокое, стрѣльчатое, съ очень выдающимся въ полость рта margo int. mandibulae, и наконецъ torus palatinus—дегенеративные признаки, имѣющіе, конечно, не рѣшающее, но и не маловажное значеніе. Психическая картина г. Б. тоже трудно укладывается въ рамку невроза недавняго происхожденія, настолько именно психическія явленія у него и значительны, и стойки, — именно: отклоненіе отъ строгой фактичности, въ особенности относительно людей, ихъ репутацій и ихъ оцѣнки, отъ строгой точности въ передачѣ ихъ словъ и дѣйствій; льстивость съ враждебнымъ отношеніемъ къ лицамъ, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе; хвастливость, и притомъ самыми разнообразными свойствами, желаніе показаться, блеснуть, удивить, однимъ словомъ всѣ особенности, составляющія психическую характеристику истерика.

Такимъ образомъ, экспертизѣ становится задача—не только опредѣлить, было ли здоровье г. Б. потрясено желѣзно-дорожной катастрофой, но и вопросъ—въ высшей степени важный въ данномъ случаѣ, — былъ ли г. Б. прежде человѣкомъ здоровымъ, и нынѣшнее его положеніе не есть ли непосредственный результатъ исключительно этой именно психической травмы? Свидѣтельскія показанія должны были бы дать матеріалы дли рѣшенія, но, къ сожалѣнію, они мало доказательны, если ихъ брать непосредственно, и экспертамъ приходится выискивать изъ нихъ данныя относительно здоровья г. Б. въ прошломъ. Свидѣтели рѣзко распадаются на двѣ группы: одни говорятъ, что г. Б. былъ человѣкъ

Digitized by Google

живой, остроумный, пріятный собесѣдникъ, вполнѣ работоспособный, здоровый, и что онъ не представлялъ ни одной изъ тѣхъ психическихъ особенностей, которыя характеризуютъ его въ глазахъ экспертовъ, какъ страдающаго истерической формой неврастеніи. Другіе, напротивъ, представляютъ его, какъ человѣка крайне нервнаго, несдержаннаго, и одинъ изъ свидѣтелей отмѣчаетъ у него „вздорный, ссорливый и сутяжническій характеръ", что безусловно отвергается свидѣтелями первой группы.

Самыми важными показаніями являются, конечно, показанія врачей, и потому мы должны прежде всего остановиться на нихъ.

Д-ръ *О.* говоритъ, что „до катастрофы Б. производилъ впечатлѣніе *очень впечатлительнаго, но чтобы онъ былъ нервный—сказать нельзя. Никогда онъ не производилъ на меня впечатлѣнія неврастеника или истерика*".

Но д-ръ *О.* былъ у г. Б. *одинъ разъ, по случаю бронхита*, и *это за два года* до несчастнаго случая.

Д-ръ *Л.* совсѣмъ не былъ знакомъ съ г. Б. до несчастія и видѣлъ его только случайно на вокзалѣ, но этихъ случайныхъ встрѣчъ было, однако, достаточно, чтобы убѣдить свидѣтеля, что г. Б. „*человѣкъ отъ природы съ повышенною нервною возбудимостью*". Свидѣтель *приводитъ* „*его поведеніе въ залѣ 1-го класса, черезчуръ аффектированную дикцію, громкіе разговоры, особенныя встрѣчи съ знакомыми, самый костюмъ, все это отдавало извѣстною особенностью и бросалось въ глаза*". Свидѣтель имѣлъ случай наблюдать г. Б. по крайней мѣрѣ лѣтъ шесть, но,— еще разъ—онъ лично его не зналъ.

Д-ръ *Р.* знаетъ Б. уже давно, съ 70-хъ годовъ, когда онъ лѣчилъ его дѣтей. Для него „здоровье Б. было вообще хорошее; *умственныя способности г. Б. въ то время были вполнѣ нормальныя*, и дѣти его признаковъ вырожденія не имѣли, и также не страдали никакими нервными припадками. Я зналъ Б. за человѣка остроумнаго, веселаго, *вспыльчивости въ немъ не замѣчалъ*.—Я не замѣчалъ за нимъ щепетильности. Неврастеникомъ онъ *отнюдь не былъ*... Неврастеніи и также явленія petit-mal за нимъ тогда (въ 70-хъ годахъ) я не замѣчалъ".

Эти утвержденія, весьма точныя, теряютъ, однако, въ значительной степени свою доказательность, если мы сопоставимъ ихъ съ нѣкоторыми данными, которыя мы находимъ въ показаніяхъ того-же свидѣтеля. Д-ръ Р. не имѣлъ съ Б. отношеній въ послѣднія *15 лѣтъ*, и потому его утвержденія относятся къ давно прошедшему. Но даже и въ этомъ давно прошедшемъ мы должны отмѣтить изъ показанія д-ра Р. слѣдующіе факты: „за нимъ всетаки замѣчалась *нервность*, и я помню, какъ съ нимъ случился однажды *истерическій припадокъ*. Этотъ припадокъ былъ у него *послѣ какой-то домашней непріятности*, причемъ Б. тогда *рыдалъ, былъ въ отчаяніи*... вообще *припадокъ, при кото-*

Digitized by Google

ромъ я присутствовалъ лично, носилъ вполнѣ характеръ женской истеріи... Онъ *долго лѣчился* въ Москвѣ у Захарьина, между прочимъ, *отъ нервовъ...* Въ 70-хъ годахъ Б., *хотя и прибѣгалъ къ врачебной помощи даже изъ-за пустяковъ...* Онъ, какъ *человѣкъ мнительный.*—По поводу-же болѣзни своихъ дѣтей Б., правда, *всегда очень волновался, и иногда даже преувеличивалъ опасность*".

Д-ръ *К.* знаетъ г. Б. 25 лѣтъ. „Тогда онъ былъ вполнѣ здоровый человѣкъ... *Я зналъ его за человѣка здороваго... Образъ жизни онъ велъ самый правильный...* Нервныхъ болѣзней я у него не замѣчалъ"... Но онъ-же говоритъ и слѣдующее: „По моему онъ былъ человѣкъ *правдивый, хотя иногда случалось, что онъ говорилъ о другихъ въ невыгодномъ смыслѣ*, но я это *объяснялъ остроуміемъ* (sic!)... Вообще Б. былъ *мнительный...* до катастрофы, по моему, Б *не былъ особенно нервенъ, но иногда нервничалъ.* За дѣтей онъ пугался, пожалуй, *сильнѣе чѣмъ обыкновенный человѣкъ...* Б. былъ *мнительный* не только въ отношеніи дѣтскаго здоровья, *но и самого себя.* Иногда онъ и прежде былъ подверженъ *паническому страху*" (sic!). Значеніе 1-й части этого показанія еще уменьшается, если мы сравнимъ его съ яркимъ и извѣстнымъ показаніемъ того-же свидѣтеля отъ 16 мая 1897 г. Въ немъ д-ръ С. говоритъ такъ: „лицо его (Б.) *выражало ужасъ, глаза выпячивались*", и опухоли шеи, рукъ и лица... были *несомнѣнно нервнаго происхожденія*". Между тѣмъ въ своемъ показаніи 14 января 1898 г. д-ръ С. объяснилъ, что „*выпячиваніе глазъ*" надо понимать въ фигуральномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ медицинскаго описанія, а что опухоли были обыкновеннымъ слѣдствіемъ ушиба.

Прибавимъ къ этому, что одинъ изъ экспертовъ тоже зналъ г. Б., какъ истеричнаго, въ 1880 году.

Въ виду разногласій, встрѣчаемыхъ нами, намъ приходится въ значительной степени отказаться отъ очень важнаго для экспертизы мнѣнія—или впечатлѣнія—врачей относительно прежняго нервнаго и психическаго здоровья г. Б., и ограничиться только и исключительно фактическими указаніями, находящимися въ дѣлѣ, въ свидѣтельскихъ показаніяхъ—въ томъ числѣ и врачебныхъ—или добытыми экспертами.

Въ 70-хъ годахъ г. Б. былъ человѣкъ нервный, впечатлительный, мнительный—и за дѣтей, и за самого себя, былъ подверженъ приступамъ *паническаго страха*, имѣлъ истерическіе приступы и долго лѣчился у д-ра Захарьина, „*между прочимъ, отъ нервовъ*"; онъ былъ истериченъ въ 1880 г. „Генеалогія, сообщенная г. Б. экспертизѣ, не даетъ никакихъ указаній, кромѣ одной скоропостижной смерти, и то въ молодости, одного бездѣтнаго члена семейства, и одного поступившаго въ полицію. Надо отмѣтить, что родъ Б-хъ, повидимому, не принадлежитъ къ категоріи интеллигентныхъ и культурныхъ семействъ.

Digitized by Google

Curriculum vitae г-на Б. уже болѣе характерно. Женившись, онъ не былъ счастливъ въ семейной жизни. Къ этому періоду его жизни относится въ высшей степени странный его разсказъ одному изъ экспертовъ...

Г. Б. началъ свою жизнь при рѣдко благопріятныхъ обстоятельствахъ: онъ получилъ очень большое состояніе; родители его и среда не предъявляли ему высокихъ образовательныхъ требованій—всѣ Б-ы традиціонно воспитывались въ юнкерской школѣ—такъ что онъ не прошелъ черезъ школьное переутомленіе, этотъ источникъ дальнѣйшей „нервности". Насколько воспользовался онъ этими счастливыми условіями?

Неудачная служба смѣнилась еще болѣе неудачною женитьбою. Затѣмъ идетъ хозяйственная дѣятельность, еще менѣе счастливая; на ней намъ приходится остановиться, какъ ни мало, казалось-бы, сельско-хозяйственнное дѣло можетъ быть объектомъ судебно-медицинской экспертизы.

Г. Б., какъ мы знаемъ, былъ человѣкъ богатый; онъ получилъ отъ родителей свыше 10,000 десятинъ земли, изъ которыхъ 2700 лѣса, и 150,000 руб. деньгами. Какъ онъ жилъ—свыше-ли своихъ средствъ, кутилъ-ли онъ,—мы съ точностью не знаемъ. Первая группа свидѣтелей говоритъ, что нѣтъ, самъ онъ и свидѣтель Быковъ говорятъ, что *да*, и даже оба употребляютъ одно и тоже выраженіе—онъ „*прожигалъ жизнь*". То же разногласіе должно отмѣтить и относительно картъ, вина и женщинъ; всѣ свидѣтели, кромѣ г. Быкова, ничего не знаютъ объ его склонностяхъ ко всему этому или отрицаютъ ихъ, а д-ръ Сл. утверждаетъ, что „*онъ велъ жизнь самую правильную*"; съ другой стороны, экспертиза имѣетъ многократное утвержденіе самого г. Б. о существованіи у него этихъ склонностей не только въ прошедшемъ, но и въ настоящемъ, и, судя по его словамъ, уступку этимъ склонностямъ онъ цѣнилъ выше побѣды надъ ними. Должно однако, прибавить, что эти утвержденія и соотвѣтственныя указанія сопровождались фразами и мимикой, несомнѣнно дающими имъ характеръ нѣкотораго щегольства и хвастливости, что значительно уменьшаетъ доказательность этихъ утвержденій.

Въ 60-хъ годахъ, какъ мы сказали, г. Б. былъ очень богатый человѣкъ; въ началѣ 70-хъ онъ располагалъ еще очень хорошими средствами, жилъ какъ человѣкъ совершенно достаточный, „проживалъ онъ приблизительно не менѣе тысячъ 5-ти въ годъ", что, конечно, далеко не соотвѣтствуетъ первоначальному его финансовому положенію. Экспертизѣ г. Б. говорилъ, что въ началѣ 70-хъ годовъ, и именно въ 1873 г., состояніе его уже было очень подорвано. Онъ даже выражался: „*я былъ нищій*", но это, конечно, только фигурально и соотвѣтствуетъ вообще той превосходной степени, которую онъ обыкновенно употребляетъ, говоря о себѣ. Это утвержденіе мало согласуется съ утвержденіями боль-

Digitized by Google

шинства свидѣтелей, говорящихъ объ его хорошемъ экономическомъ положенiи, но, съ одной стороны, надо замѣтить, что они всѣ болѣе или менѣе оговариваются, что судятъ по видимости, не зная дѣйствительнаго положенiя дѣла г. Б., а съ другой стороны—свидѣтель г. Б. показываетъ, что, „въ настоящее время г. Б., какъ крестьяне говорятъ, *погасъ*; онъ давно уже въ плохомъ матерiальномъ положенiи"... и т. д.

Г. Б. отличался остроумiемъ — это подтверждаютъ большинство свидѣтелей, подтверждалъ многократно экспертамъ и онъ самъ; такое настойчивое указанiе на это свойство заставляетъ думать, что оно было у него въ исключительно сильной степени и составляло какъ бы его спецiальность въ кружкѣ его знакомыхъ. Принимая въ соображенiе отсутствiе проявленiя производительности ума г. Б. и держась строго смысла, связаннаго съ терминомъ *„остроумiе"*, мы должны заключить, что оно состояло, какъ это обыкновенно бываетъ, въ неожиданномъ сопоставленiи одинаково звучащихъ, но рѣзко различающихся по смыслу словъ, и вообще въ ассоцiацiяхъ по формѣ, что такъ часто отмѣчается при истерическомъ или, вообще, при дегенеративномъ характерѣ.

Неуравновѣшенность г. Б., его ненормально сильное реагированiе на впечатлѣнiя, несдержанность едва ли могутъ быть подвержены сомнѣнiю; недостаточно строгое согласованiе съ истиною было не однажды констатировано экспертами. Экспертиза не можетъ допустить, чтобы эти психическiя особенности могли развиться у г. Б. въ такой степени со времени желѣзнодорожнаго крушенiя; надо прибавить, что особенности эти входятъ составною частью въ извѣстное хроническое болѣзненное состоянiе, которое невозможно отрицать у г. Б. за много лѣтъ до перенесеннаго имъ крушенiя.

Уклоненiе отъ реальной точности, если оно проявляется, какъ болѣзненный симптомъ, носитъ обыкновенно двойственный характеръ. Съ одной стороны—возвышенiе надъ общимъ уровнемъ своей личности, которая изображается очень блестящею, отличающеюся большими и очень разнообразными преимуществами—выборъ ихъ не всегда строгъ—и становится центромъ ложныхъ приключенiй. Эту особенность экспертиза отмѣчаетъ у г. Б., причемъ поводомъ къ самодовольствiю являются весьма различные факты и свойства.

Вторая особенность спецiальнаго для даннаго случая патологическаго отклоненiя отъ фактической дѣйствительности есть стремленiе сообщить сужденiя и очень подробно обставленные факты, представляющiе личность другихъ въ возможно невыгодномъ свѣтѣ, и нарушить при этомъ хорошiя отношенiя людей между собою. Это было констатировано, какъ рѣзкая особенность, экспертизою у г. Б. Было-ли это у него и раньше? Всѣ свидѣ-

Digitized by Google

тели, спрошенные объ этомъ, кромѣ г. Б. говорятъ, что ничего подобнаго они не имѣли случая замѣтить у Б., и только д-ръ Сл. слегка отмѣчаетъ эту наклонность, объясняя ее *остроуміемъ*. Но г. Б. приводитъ факты, указывающіе на эту особенность психической жизни испытуемаго, факты, касающіеся самого г. Б., и особенно характерный случай по отношенію къ нему статьи г. Б. въ „Моск. Вѣд.", съ намеками на его служебную—и даже болѣе—неблагонадежность. „Сосѣди помѣщики относятся къ нему вообще *осторожно* и *побаиваются;* въ настоящее время, на сколько мнѣ извѣстно, *никто изъ помѣщиковъ у него не бываетъ*", говоритъ г. Б.

Была-ли у г. Б. та особенность, которую въ медицинѣ обозначаютъ терминомъ *сутяжничества?* Не переходящее въ тѣ усиленныя формы, когда оно составляетъ уже характеристику тяжелаго психическаго страданія, и тогда въ большинствѣ случаевъ связанное съ извѣстною степенью *debilitas mentis*, оно есть одинъ изъ весьма нерѣдкихъ симптомовъ значительной дегенераціи. Свидѣтели, и что особенно важно—врачи, и притомъ близко знающіе его, ни въ чемъ не могли замѣтить у г. Б. сутяжничества; но точныя данныя, сообщенныя г. Б. черезъ руки котораго проходили судебныя дѣла г. Б., едва-ли позволяютъ сомнѣваться, что оно появилось у г. Б., по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, предшествовавшіе желѣзнодорожному крушенію.

Соединяя въ одно цѣлое все, что мы знаемъ о г. Б., какъ данныя экспертизы, такъ и факты, установленные свидѣтельскими показаніями, мы должны охарактеризовать г. Б. какъ дегенеранта, на что указываютъ и анатомическіе, и психическіе симптомы, какъ человѣка неуравновѣшаннаго, несдержаннаго, страдавшаго въ прошедшемъ нервною болѣзнью и представляющаго характерныя явленія истеріи въ ея психической формѣ, такъ какъ отсутствіе достаточныхъ соматическихъ данныхъ не даетъ намъ права утверждать существованіе у него истеріи, какъ патологической entité.

Свидѣтели врачи Р. и С. констатировали у него въ прошедшемъ „истерическій припадокъ съ рыданіями, приступъ паническаго страха" (sic! была-ли это фобія?—мы не знаемъ) и затѣмъ экспертиза отмѣтила у него рядъ психическихъ особенностей, указанныхъ выше.

Понятно, что всякій психическій шокъ выводитъ дегенеранта изъ равновѣсія гораздо легче и гораздо далѣе, нежели человѣка нормальнаго; но, если отклоненія дегенеранта имѣютъ болѣе амплитуды, они въ то-же время часто менѣе стойки, и возвращеніе къ равновѣсію — конечно, въ высшей степени неустойчивому — происходитъ тогда полнѣе, — это тотъ фактъ, который Шарко образно характеризовалъ „вакцинаціей" дегенерантовъ къ психическимъ заболѣваніямъ. Бывали-ли такіе нравственные шоки, такія психическія траумы въ жизни г. Б. раньше?

Digitized by Google

Мы мало знаемъ вообще фактическую часть ея, и еще менѣе знаемъ, какъ онъ реагировалъ. По несчастной для экспертизы случайности, никто изъ свидѣтелей, близко знавшихъ его въ теченіе десятковъ лѣтъ, не могъ дать никакихъ свѣдѣній по этому вопросу; между тѣмъ экспертиза имѣетъ нѣкоторыя указанія на такіе психическіе шоки.

Сынъ г. Б. попалъ въ крушеніе парохода; къ этой катастрофѣ г. Б. отнесся „какъ всякій любящій отецъ, и никакого особеннаго отчаянія по этому поводу (свидѣтель) у него не замѣчалъ". Но онъ видѣлъ его нѣкоторое время послѣ катастрофы, хотя не можетъ опредѣлить, сколько именно прошло времени. Одинъ изъ экспертовъ случайно встрѣтилъ г. Б. послѣ этого несчастія,— очевидно спустя меньшее время — и замѣтилъ у него крайнее возбужденіе, слезливость и всхлипыванія. Несчастный случай подѣйствовалъ на г. Б. сильно, далъ, повидимому, картину психической траумы, но состояніе это не было стойкимъ, что замѣчается, какъ мы уже говорили выше, у дегенеранта.

Г. Б. страстный любитель лошадей и имѣлъ у себя заводъ, по его словамъ славившійся въ свое время. Заводъ этотъ сгорѣлъ, причемъ погибли матки и заводчикъ (жеребецъ), и осталось только нѣкоторое число жеребятъ. Д-ръ С. старый и близкій знакомый г. Б., связанный съ нимъ именно общею страстью къ лошадямъ, могъ-бы дать, какъ врачъ, драгоцѣнныя для экспертизы указанія: къ сожалѣнію, онъ не помнитъ, говорилъ-ли съ нимъ про пожаръ на конномъ заводѣ. Но самъ г. Б. разсказывалъ экспертизѣ, что этотъ случай его глубоко потрясъ, „хотя денежной потери при этомъ не произошло, такъ какъ спроса на лошадей тогда не было, да, по правдѣ сказать, конный заводъ былъ въ убытокъ". Экспертиза могла также неоднократно отмѣтить, какъ сильно его удручали денежныя дѣла и какъ страстно онъ реагированъ на финансовыя неудачи.

Выше было отмѣчено, что нервное состояніе г. Б., и спеціально психическая сторона, значительно ухудшились между іюлемъ, когда экспертиза видѣла его въ V-ый разъ, и ноябремъ, когда началось наблюденіе надъ нимъ въ больницѣ Кр. Кр. Ухудшеніе это, однако, тоже не было стойкимъ и общее состояніе вскорѣ опять значительно улучшилось. Такой ходъ болѣзни былъ бы довольно парадоксаленъ, если предположить ухудшеніе слѣдствіемъ естественнаго поступательнаго хода травматическаго невроза, вслѣдствіе ж. д. крушенія; но онъ совершенно объясняется, если предположить, что въ промежуткѣ между іюлемъ и ноябремъ у него была новая психическая траума, давшая новое, но тоже не стойкое ухудшеніе. Такая траума у него была дѣйствительно,—это пожаръ въ его имѣніи, фактъ, къ которому онъ отнесся очень страстно, какъ это было сказано выше, и что могла отмѣтить и экспертиза.

Digitized by Google

Какое непосредственное вліяніе имѣла ж. д. катастрофа на здоровье г. Б.? Несомнѣнно сильное. Всѣ свидѣтели единогласно признають, что въ немъ произошла огромная перемѣна: онъ постарѣлъ, одряхлѣлъ, сдѣлался настолько *„нервнѣе“*, что всякая дѣятельность становится для него затруднительною. Это согласуется и вообще съ тѣмъ, что мы знаемъ о дальнѣйшемъ психическомъ положеніи спеціально людей, получившимъ railway spire; ихъ работоспособность всегда очень значительно понижается, если не пропадаетъ совершенно. Конечно, можно замѣтить, что вообще человѣкъ старѣетъ скачками по большей части, и что неблагопріятныя случайности—болѣзнь, усиленная работа, горе, лишенія, утомленіе отъ путешествія, и т. д.—производятъ разомъ значительное остарѣніе, которое затѣмъ держится нѣкоторое время in statu quo до нового толчка; что если г. Б. значительно постарѣлъ послѣ крушенія, то въ общемъ его наружность соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе его годамъ. Но, помимо этого болѣе старческаго habitus'а, надо отмѣтить у него измѣненія, имѣющія специфическій характеръ: у него похудѣли ноги, что замѣчается при railway spire.

Но надо остановиться на вопросѣ о другихъ психическихъ шокахъ, бывшихъ въ его жизни, помимо ж. д. крушенія. Мы сказали, что г. Б. дегенерантъ, страдающій давно уже нервною болѣзнью, и потому внѣшнія событія, которыя вывели-бы другого до нѣкоторой степени изъ душевнаго равновѣсія, составляли для него уже психическія траумы, отъ которыхъ ему приходилось оправляться. Конечно, мы отъ свидѣтелей ничего не знаемъ о томъ, какъ онъ ихъ переносилъ и насколько трудно отъ нихъ оправлялся; но едва-ли возможно предположить, чтобы эти психическіе травматизмы могли быть сравниваемы съ ж. д. крушеніемъ, и совершенно невозможно, если-бы они имѣли такое дѣйствіе,—чтобы оно могло пройти незамѣченнымъ. Послѣ жел дор. крушенія у г. Б. было еще психическое потрясеніе—пожаръ, которое онъ перенесъ очень трудно. Но оно послѣдовало за крушеніемъ поѣзда, и если отразилось на г. Б. такъ тяжело, тяжелѣе другихъ психическихъ травматизмовъ, то потому, что онъ представлялъ теперь еще меньшее сопротивленіе, еще большую неустойчивость,—другими словами, что его состояніе ухудшилось. Это ухудшеніе должно предположить уже a priori, и оно дѣйствительно доказывается a posteriori свидѣтельскими показаніями. Можетъ быть, оно и не было такъ велико, какъ г. Б. это высказывалъ—это возможно и вѣроятно; у него нѣтъ обычнаго страха передъ поѣздками ж. д., онъ проявляетъ непосредственно послѣ катастрофы весьма естественную, конечно, но не вполнѣ соотвѣтствующую тяжелому шоку заботу обставить печальное будущее свое требованіемъ вознагражденія; онъ усиленно отмѣчаетъ соматическіе инсульты, при одномъ врачебномъ осмотрѣ

Digitized by Google

не можетъ лежать, при другомъ сидѣть; жалуется на недержаніе мочи, въ другой разъ на затрудненіое мочеиспусканіе, а затѣмъ совершенно забываетъ эти явленія. Пріѣхавъ на разборъ своего дѣла у земскаго начальника, онъ держитъ руку на перевязи и проситъ разрѣшенія говорить сидя, а затѣмъ увлекается, „бѣгаетъ по камерѣ, и повязки на рукѣ уже не существуетъ". Такое-же представленіе въ усиленномъ видѣ болѣзненныхъ явленій и нѣкоторая симуляція были отмѣчены и экспертизою. Но все это факты обычные, составляющіе почти норму при процессахъ о вознагражденіи вслѣдствіе травматическаго невроза, когда знаніе объ его существованіи и возможность вознагражденія сдѣлались достояніемъ публики.

Нѣкоторая симуляція—вѣрнѣе экзажерація—частью сознательная, конечно, но частью и безсознательная, такъ называемый истерическій пассимизмъ травматическаго невроза, не только не доказываетъ отсутствіе болѣзни, но скорѣе подтверждаетъ ее. Затѣмъ то обстоятельство, что нѣкоторая симуляція или по крайней мѣрѣ экзажерація, обыкновенно встрѣчающаяся при гражданскихъ искахъ, замѣтна даже для непривычнаго глаза, указываетъ уже на психическую несостоятельность и невыдержанность.

Изъ всего предъидущаго ясно выводится заключеніе экспертизы: 1. Потерпѣлъ-ли г. Б—въ отъ желѣзно-дорожной катастрофы 2 декабря 1896 года?

Да, потерпѣлъ; здоровье его пострадало, ему нужны были лѣченіе и покой. Въ какой степени другіе психическіе шоки, о которыхъ было уже говорено выше, входятъ факторами въ его нынѣшнее патологическое состояіе,—сказать трудно, такъ какъ для этого нѣтъ точныхъ фактическихъ данныхъ, но что и они имѣли значеніе,—этого отрицать нельзя, тѣмъ болѣе, что и помимо ихъ г. Б—въ, какъ нервно-больной человѣкъ, представляетъ большую неустойчивость. Сравнительно быстрое возвращеніе его ноябрьскаго состоянія къ менѣе ненормальному указываетъ, что состояніе это не было исключительно результатомъ ж. д. крушенія, но нѣтъ сомнѣнія, что это крушеніе играетъ существенную роль въ его нынѣшней болѣзненности.

2. Потеряна-ли или ослаблена значительно работоспособность г-на Б—ва?

Для рѣшенія этого вопроса нужно было-бы возстановить размѣры этой работоспособности въ прошедшемъ, для чего свидѣтельскія показанія даютъ крайне мало фактическаго матеріала. Д-ръ С. близко знавшій его въ теченіе 25 лѣтъ, говоритъ объ этомъ слѣдующее: *повидимому*, Б—въ работящъ, что я заключаю зъ такихъ фактовъ, какъ, напр., объѣздъ его поля верхомъ, наблюденіе за работами и т. п. *).

*) F. 71 v.


Digitized by Google

Но, мы знаемъ, что верховая ѣзда составляла одно изъ любимѣйшихъ занятій г. Б--ва, и онъ былъ даже произведенъ въ офицеры противъ всѣхъ правилъ — не въ примѣръ прочимъ — именно за верховую ѣзду.

Д-ръ Р. показываетъ: „человѣкъ онъ былъ безусловно трудоспособный, но въ трудѣ, имѣя хорошія средства, не нуждался“ *). Впрочемъ, онъ тутъ-же прибавляетъ, что онъ не имѣлъ съ Б—мъ отношеній лѣтъ уже 15“ **). Вся жизнь Б—ва сопоставленіе тѣхъ условій, въ какихъ онъ началъ свою дѣятельность и въ какихъ кончаетъ ее, но особенно—и экспертиза спеціально настаиваетъ на этомъ—рядъ болѣзненныхъ явленій, отмѣченныхъ въ его прошедшемъ, его психика, какъ она выясняется изъ данныхъ экспертизы и свидѣтельскихъ показаній, приводятъ къ заключенію, что его работоспособность была въ прошломъ крайне неудовлетворительна и очень ограничена. Въ своемъ исковомъ прошеніи г. Б—въ указываетъ, что ему дѣятельность какъ коннозаводчика сдѣлалась невозможною послѣ крушенія, но въ настоящее время эта сторона вопроса потеряла значеніе, такъ какъ оказалось, что заводъ сгорѣлъ за нѣсколько лѣтъ до ж. д. катастрофы, и самъ г. Б—въ отказался отъ этого мотива своего требованія вознагражденія. Работоспособность его, какъ сельскаго хозяина, недостаточно доказывается показаніемъ свидѣтеля К. ***). Если принимать его за истину, пониженіе работоспособности г. Б—ва несомнѣнно должно быть отнесено къ времени до 2 декабря 1896 года, и съ этимъ согласуются какъ показанія свид. Б. такъ и медицинскія данныя, приведенныя выше.

На основаніи всего вышесказаннаго, врачи эксперты пришли къ слѣдующему заключенію:

1) Г. Б—въ былъ уже давно человѣкомъ нервно-больнымъ, но состояніе его здоровья значительно ухудшилось вслѣдствіе желѣзно-дорожнаго несчастія 2 декабря 1896 года; оно потребовало нѣкотораго лѣченія и въ особенности покоя, и требуетъ этого и теперь.

2) Нѣтъ основанія думать, чтобы работоспособность г. Б—ва потерпѣла значительное пониженіе; если можно a priori заключить, что она должна понизиться, то доказать это въ данномъ случаѣ, и тѣмъ болѣе оцѣнить размѣры дѣйствительнаго, не теоретически выведеннаго, а фактически доказаннаго пониженія,—экспертиза не видитъ возможности.

На засѣданіи суда повѣренный г. Б. настаивалъ, чтобы экспертиза признала г. Б. нетрудоспособнымъ, съ чѣмъ экспертиза вполнѣ согласилась, но прибавила, что онъ и прежде былъ

---

*) F. 76 v.
**) Ibid.
**) 73 r.

Digitized by Google

крайне мало трудоспособенъ, что его трудоспособность была, вѣроятно, давно уже настолько незначительна, что на ней нельзя основывать благосостоянія семьи.

Допрошенный на судѣ послѣ экспертизы, постоянно лѣчащій г. Б — а врачъ высказалъ мнѣніе, что здоровье г. Б. требуетъ, чтобы онъ прожилъ въ Ниццѣ по крайней мѣрѣ годъ безвыѣздно, зиму и лѣто; самъ г. Б. черезъ своего повѣреннаго настаивалъ на необходимости для него прожить въ Ниццѣ безвыѣздно три года. Спрошенная объ этомъ, экспертиза, совершенно уклонившись отъ всякаго указанія относительно лѣченія, высказала однако сомнѣніе, чтобы Ницца, куда избѣгаютъ посылать при нервныхъ разстройствахъ даже чахоточныхъ, была пригодна въ данномъ случаѣ. Экспертиза замѣтила сверхъ того, что Ницца лѣтомъ совершенно пуста, отели всѣ закрыты, дома заперты и цѣлыя улицы остаются совершенно безлюдными, такъ какъ даже мѣстные жители при малѣйшей возможности уѣзжаютъ въ горы, убѣгая отъ нестерпимыхъ жаровъ, и что вообще лѣтомъ въ Ниццѣ мало кто живетъ, и никто не лѣчится. Затѣмъ экспертиза прибавила, что, въ виду вкусовъ и наклонностей г. Б., ему вообще должно избѣгать модныхъ и веселыхъ курортовъ.

Повѣренный г. Б. подалъ въ судъ слѣдующее прошеніе:

„Данное по настоящему дѣлу заключеніе врачей-экспертовъ о полезности, если не необходимости, для здоровья моего довѣрителя провести текущую зиму въ болѣе тепломъ климатѣ, вдали отъ домашнихъ заботъ и хлопотъ, не могло осуществиться, благодаря затяжкѣ процесса и отсутствію у него матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для осуществленія означеннаго заключенія. Въ виду этого оно *), какъ программа лѣченія и критерій для опредѣленія расходовъ, необходимыхъ для ея осуществленія, совершенно падаетъ; между тѣмъ здоровье г. Б. постоянно ухудшается, требуя настойчиваго и серьезнаго лѣченія. Такое положеніе вещей само собою *вызываетъ необходимость новаго освидѣтельствованія потерпѣвшаго и новаго врачебнаго заключенія; но, къ сожалѣнію, состояніе здоровья его таково, что безъ еще большаго разстройства его, онъ, по крайней мѣрѣ, на болѣе или менѣе продолжительное время не можетъ оставить мѣста своего жительства.* Въ силу изложеннаго, я покорнѣйше прошу окружный Судъ постановить опредѣленіе объ освидѣтельствованіи г. Б. въ состояніи его здоровья въ городѣ NN **) черезъ мѣстныхъ врачей“.

Судъ не счелъ нужнымъ согласиться на новое освидѣтельствованіе въ этихъ условіяхъ, повидимому, принимая въ сообра-

*) Заключеніе экспертизы.

**) Уѣздный городъ.


Digitized by Google

женіе слѣдующее свидѣтельское показаніе сосѣда по имѣнію г. Б., члена окружнаго суда г. Д.

„5 февраля я разбиралъ у себя два дѣла о кражахъ у него, на которое являлся самъ Б. и было много свидѣтелей. Наканунѣ мы съ Б. были въ NN, встрѣчали губернатора, который долженъ былъ пріѣхать туда 2-го вечеромъ, но пріѣхалъ 3-го. Мы съ Б. были тамъ со 2-го. Б. эти дни былъ совершенно здоровъ, такъ что о возможности его пріѣзда въ Орелъ, какъ мнѣ кажется, не могло быть и вопроса".

Резолюція суда начинается изложеніемъ фактовъ крушенія и данныхъ требованія г. Б., „слагающагося изъ суммъ: 1) за расходы, понесенные уже Б. по лѣченію со дня катастрофы по настоящее время—5,500 р.; 2) за предстоящее лѣченіе въ курортѣ по 6,400 р. въ годъ, а считая время такого лѣченія въ три года—19,200 р.; 3) за упущеніе въ хозяйствѣ, заключающееся въ томъ, что въ 1897 г. остались незасѣянными 40 десятинъ подъ овесъ—2,800 р.; 4) вслѣдствіе уменьшенія въ доходности имѣнія и за наемъ управляющаго въ теченіе протекшихъ двухъ лѣтъ—4,000 р.; и 5) по тѣмъ-же статьямъ за протекшіе три года... — 6,000 р., т. е. всего 34,700 р.".

„Окружный Судъ прежде всего считаетъ нужнымъ установить, что въ основаніи своемъ искъ Б. долженъ быть признанъ правильнымъ, ибо фактъ нахожденія въ поѣздѣ, потерпѣвшемъ крушеніе, и притомъ въ вагонѣ, упавшемъ съ рельсъ, представляется по дѣлу безспорнымъ, а то обстоятельство, что при паденіи вагона Б. получилъ извѣстныя поврежденія, установлено какъ показаніемъ врача Л., подавшаго первую помощь, такъ равно и медицинскою экспертизою; при наличности же означенныхъ обстоятельствъ, въ силу 683 ст. т. X, І-й ч., онъ имѣетъ право требовать съ Общества желѣзной дороги вознагражденіе за всѣ убытки, понесенные имъ вслѣдствіе поврежденія здоровья, въ томъ числѣ и вознагражденіе за расходы по лѣченію (ст. 660 тѣхъ-же закон.).

I.

„Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію иска Б. по отдѣльнымъ онаго статьямъ въ томъ видѣ, какъ онѣ опредѣлены его повѣреннымъ", судъ подвергаетъ подробному анализу каждую статью, провѣряя требованіе свидѣтельскими показаніями и самыя показанія одно другимъ. При этомъ судъ разъясняетъ, что вознагражденіе Б—ву должно быть возмѣщеніемъ убытковъ и потерь, но не средствомъ обогащенія. Затѣмъ судъ обсуждаетъ не только правильность, но и размѣры требованія по каждой статьѣ отдѣльно, и наконецъ заключаетъ: „такимъ образомъ въ общей

Digitized by Google

сложности по всѣмъ статьямъ иска, судъ находитъ, что Б — ву подлежитъ присужденію, вмѣсто отыскиваемыхъ имъ 34,700 р., сумма 5,810 р.".

„Въ заключеніе судъ не можетъ не указать, что означенная сумма представляется соотвѣтственною и тому вознагражденію, которое присуждено уже судомъ и палатою *) другимъ лицамъ, потерпѣвшимъ при крушеніи 2 декабря 1896 г., и получившимъ, такъ-же какъ и Б. потрясеніе въ сферѣ нервной системы".

Д-ръ П. Якобій.

---

*) Харьковскою.

Digitized by Google

ПАТРІОТЫ.

(Изъ временъ франко-прусской войны).

Жоржа Дарьена.

Переводъ съ французскаго *С. А. Брагинской.*

XII.

Пруссаки сдѣлались хозяевами Версаля. Городъ сталъ главной квартирой арміи, которая должна начать осаду Парижа. Каждый день прибываютъ все новые полки: синіе и зеленые драгуны, сѣрые саперы, гусары всѣхъ цвѣтовъ, жандармы, кирасиры, баварцы въ огромныхъ каскахъ. Ужасно хотѣлось бы видѣть всѣхъ этихъ солдатъ. Но мнѣ строжайшимъ образомъ запрещено выходить на улицу. Послѣ моего приключенія, отецъ объявилъ мнѣ, что, если я сдѣлаю хоть шагъ изъ дому безъ его позволенія, онъ запретъ меня въ мою комнату на хлѣбъ и на воду; и я принужденъ, такимъ образомъ, довольствоваться лишь разсказами разныхъ поставщиковъ, которые приносятъ намъ новости вмѣстѣ съ провизіей.

Кажется, до сихъ поръ нѣмцы ведутъ себя довольно сносно. Они уважаютъ личность и собственность и ограничиваются одною реквизиціей. Прежде всего они потребовали, чтобы все находящееся въ городѣ оружіе было представлено въ мэрію, и господа національные гвардейцы не заставили повторить себѣ это требованіе. Вчера утромъ отецъ мой вышелъ изъ дому, весь нагруженный экипировкой; на полпути его догналъ Легро, который, какъ офицеръ Мальбруга, съ грустью несъ подъ мышкой свою прекрасную серебряную драгунскую саблю. Но эти легкія жертвы не удовлетворяли пруссаковъ: они ежечасно, безъ устали, требовали то провизіи для людей, то фуража, то одѣялъ, вѣниковъ, матрацовъ, то подметокъ, крахмалу, кабаньихъ шкуръ, то бандажей для грыжъ. Видно было, что пруссаки, которыхъ намъ рисовали настоящими варварами, очень цивилизованные люди и вполнѣ освѣдомлены насчетъ необходимыхъ условій современной жизни.

Digitized by Google

— Ну, если они просятъ, а не берутъ сами,—говорила сестра,—то съ этимъ еще можно мириться.

— Конечно,—соглашался дѣдъ,—а если бъ имъ отказать въ томъ, что они просятъ?—насмѣшливо спросилъ онъ.

Но отказывать остерегались. Остерегались также не открывать дверей, когда они въ нихъ стучались, какъ это случилось у насъ.

Отворить пришлось мнѣ, удостовѣрившись предварительно изъ форточки въ несомнѣнномъ ихъ приходѣ. Я сильно дрожалъ. Ихъ было трое: двое большихъ и одинъ маленькій. У маленькаго на головѣ обыкновенная фуражка и сбоку шпага. Это не офицеръ, и не солдатъ. Какой у него чинъ,—онъ самъ тотчасъ же сообщилъ, какъ только вошелъ въ столовую, гдѣ, стоя, дожидались его отецъ, дѣдъ и сестра.

— Здравствуйте, сударыня,—сказалъ онъ,—здравствуйте, господа. Вотъ мой билетъ на постой; я портупейный юнкеръ 58-го пѣхотнаго полка; со мною двое людей.

Моя сестра съ удивленіемъ слушала, какъ пруссакъ говоритъ по французски; къ тому же онъ былъ вовсе не дуренъ со своими маленькими усиками и съ темными интеллигентными глазами. Что касается сопровождавшихъ его солдатъ, то они походили на звѣрей и своимъ тупымъ взглядомъ, которымъ обводили всю комнату и остановились на мнѣ, навели на меня страхъ.

Юнкеръ обернулся къ нимъ и сказалъ что-то по-нѣмецки. Они взяли свои мѣшки и ружья, которыя опустили было на полъ, войдя въ столовую, и послѣдовали за моимъ отцомъ въ большую пустую комнату, гдѣ для нихъ хотѣли приготовить постели.

— Не надо,—отказался юнкеръ,—принесутъ соломы. Солома для солдата лучше.

Отецъ настаивалъ. Онъ хотѣлъ устроить ихъ, какъ слѣдуетъ. Юнкера же помѣстить въ *комнатѣ для друзей.*

— Здѣсь, въ самомъ концѣ корридора,—сказалъ онъ.

Въ корридорѣ мы встрѣтили Катерину, спускавшуюся изъ своей комнаты. Она кинула на пруссака сердитый взглядъ, котораго тотъ, къ счастью, не замѣтилъ, но отецъ сталъ бѣлѣе полотна.

— Жанъ,—сказалъ онъ мнѣ тихо, послѣ того, какъ мы устроили нѣмца въ его комнатѣ,—иди сейчасъ-же въ кухню, забери оттуда всѣ ножи и отдай ихъ сестрѣ, чтобъ она заперла ихъ въ буфетъ на ключъ... Не забудь захватить и вертелъ.

Я спустился въ кухню и сталъ собирать ножи. Вертела достать не могъ.

— Катерина, снимите мнѣ, пожалуйста, вертелъ?—попросилъ я.

— Зачѣмъ это, г. Жанъ?

Digitized by Google

— Я его унесу.
— Унесете, куда?
— Чортъ возьми! унесу, запру...
— Вы съ ума сошли, г. Жанъ?
— Ну да, по вашему: съ ума сошли, потому что не желаемъ оставлять въ вашихъ рукахъ ножей? потому что не хотимъ допустить васъ убить пруссаковъ? Мы знаемъ, что вы одного собираетесь убить. Но мы этому помѣшаемъ.

Катерина глядѣла на меня съ презрѣніемъ. Она пожала плечами и схватила мою руку.

— Помѣшать мнѣ вы не можете,—сказала она,—я сдѣлаю, что мнѣ вздумается. Вѣдь я рискую только своей шкурой... А что тогда говорили ваши родные, вашъ Легро, г-жа Арналь? а? Мщеніе! патріотизмъ! Вы забыли, что у меня въ жилахъ течетъ кровь? вы думаете, что я могу спокойно смотрѣть на этихъ разбойниковъ пруссаковъ?

Она трясла меня, какъ грушу, толкая при каждомъ вопросѣ, пока, наконецъ, ни притиснула къ стеклянной двери, которую я чуть не разбилъ. Вдругъ дверь отворилась, и я едва не упалъ. На порогѣ стоялъ отецъ, позеленѣвшій отъ бѣшенства.

— Катерина!..—еле выговорилъ онъ,—я слышалъ все, что вы говорили этому ребенку. Это я послалъ забрать ножи... чтобы помѣшать вамъ, несчастная, совершить преступленіе!.. Вы не думаете о послѣдствіяхъ вашихъ дѣяній. Знаете-ли вы, что насъ всѣхъ разстрѣляютъ, всѣхъ, до послѣдняго?.. О, вы не можете покойно смотрѣть на пруссаковъ?.. Не можете? Такъ я помогу вамъ. Отправляйтесь сейчасъ-же въ вашу комнату!.. Тамъ я запру васъ на ключъ... и сидите, пока я не рѣшу, что съ вами дѣлать...

Катерина бѣгомъ пустилась вверхъ по лѣстницѣ, плача отъ безсильной злобы. Отецъ послѣдовалъ за ней, и я слышалъ, какъ ключъ повернулся въ замкѣ.

Весь день прошелъ въ страхѣ. Свояченица колбасника согласилась замѣнить Катерину на нѣсколько дней. Она приготовила намъ обѣдъ и огромное блюдо рагу изъ свиного сала и картофеля для двухъ нѣмецкихъ солдатъ. Портупейный юнкеръ обѣдалъ съ нами. Онъ, повидимому, хорошо воспитанъ, относится съ галантностью къ сестрѣ и затѣялъ съ дѣдушкой длинный разговоръ о французскомъ языкѣ, на которомъ, между прочимъ, говоритъ очень недурно. Онъ попросилъ объяснить себѣ нѣкоторыя выраженія, какіе-то идіотизмы. Старый Туссенъ давалъ ему весьма пространныя объясненія, украшая свои угловатыя фразы сравненіями и эпитетами, лестными для побѣдителя. Въ его рѣчи встрѣчались фразы:

8*

Digitized by Google

«Ваша прекрасная Германія... Эта кампанія, столь славная для вашего оружія... Вашъ великодушный король... Война, проведенная такъ быстро... Бисмаркъ—это Ришелье... Поразительное дѣйствіе вашихъ крупповскихъ пушекъ»...

Пруссакъ былъ въ восторгѣ. Послѣ обѣда онъ подсѣлъ къ роялю и сыгралъ два или три нѣмецкихъ вальса. Передъ тѣмъ, какъ уйти въ свою комнату, онъ очень вѣжливо пожелалъ всѣмъ намъ спокойной ночи.

— Отличный парень,—сказалъ отецъ.

— Превосходный музыкантъ,—замѣтила сестра.—Правда, Жанъ?

— О, да... Жаль только, что онъ пруссакъ.

— Это не его вина,—философски заключилъ дѣдъ.—Въ концѣ концовъ, нѣмцы вовсе не такъ жестоки, какъ о нихъ болтаютъ... Но меня безпокоитъ эта проклятая Катерина.

Отецъ казался тоже очень встревоженнымъ. Я увѣренъ, что онъ глазъ не сомкнулъ всю ночь. На утро его безпокойство смѣнилось страшной тревогой, когда онъ увидѣлъ, что юнкеръ направляется въ садъ.

— У васъ прекрасные цвѣты,—сказалъ онъ.—Не будете ли вы добры объяснить, какъ они называются. Я совсѣмъ ихъ не знаю.

— О, съ удовольствіемъ...

Дѣдушка и я послѣдовали за отцомъ.

— Какъ называется этотъ красный цвѣтокъ?—спрашивалъ нѣмецъ.

— Это гераніумъ.

— А этотъ?

— Это индѣйская гвоздика.

— А вотъ тотъ, вдали? Ни одного-то цвѣтка я не знаю.

И пруссакъ направился къ клумбѣ возлѣ дома. Отецъ въ великомъ ужасѣ поднялъ руки къ небу и сталъ дѣлать отчаянные знаки дѣду. Что такое?

Но я сразу понялъ: эта клумба какъ разъ подъ окномъ Катерины, и сквозь стекла виднѣлся ея неподвижный силуэтъ.

— Лишь бы она его не замѣтила,—шепнулъ мнѣ дѣдъ, съ дрожью въ голосѣ.—А твой отецъ забылъ еще убрать цвѣточные горшки съ оконъ! Какая неосторожность! Что, если ей придетъ въ голову сбросить какой нибудь! О, я бы это предвидѣлъ! я бы отнялъ у нея все, до ночного горшка включительно, и заперъ бы окно. Жанъ, послѣди-ка за нимъ, за этимъ окномъ.

— Хорошо, дѣдушка.

— А я пойду, попробую заманить пруссака въ комнаты.

Пруссакъ, склонился, между тѣмъ, надъ клумбой и погрузился въ созерцаніе розовыхъ кустовъ.

Digitized by Google

— Какъ называются эти розы?—спросилъ онъ отца.

— Это бенгальскія... Но не находите-ли вы, сударь, что... утренній воздухъ нѣсколько свѣжъ...

— Нѣтъ, нѣтъ. Утро прекрасное. А этотъ цвѣтокъ какъ называется?

— Это шпажникъ... Виноватъ, я, кажется, забылъ предложить вамъ вина... Если вы...

— Очень благодаренъ. Я пилъ кофе, и этого вполнѣ для меня достаточно.

Пруссакъ не двигался съ мѣста, а на верху по прежнему—страшный силуэтъ. Отецъ ломалъ руки.

Вдругъ раздался звонокъ, и мы всѣ вздрогнули. Я было бросился къ двери, но дѣдъ меня остановилъ. У него мелькнула мысль. Онъ снялъ шляпу и почтительно приблизился къ нѣмцу.

— Что вамъ угодно?—спросилъ тотъ.

— Милостивый государь, — отвѣтилъ дѣдъ, — позвонила вѣроятно дама, которую мы ждемъ. Она очень нервная, и я боюсь, какъ бы съ ней, при видѣ вашего мундира, не сдѣлался припадокъ... Мнѣ хорошо извѣстны рыцарскія чувства вашей націи...

— О, въ такомъ случаѣ я скроюсь въ домъ, уйду тотчасъ-же,—сказалъ пруссакъ, покручивая усы.

Позвонила не дама, а женщина—кухарка Жермена.

— Здѣсь хозяинъ?—спросила она.

— Здѣсь.

— Мнѣ сейчасъ-же надо его видѣть.

— Знаете, у насъ пруссаки?

— А мнѣ что за дѣло? Ужъ цѣлую недѣлю я только и вижу на улицахъ, что нѣмцевъ да собакъ.

Жермена объяснила дѣду причину своего визита.

По ея словамъ, нѣмцы заняли Мусси, и всякій домъ, въ которомъ никого не находятъ, кромѣ прислуги, считаютъ необитаемымъ и объявляютъ, что онъ принадлежитъ солдатамъ.

— Можете себѣ представить, какъ они отдѣлаютъ эти дома,—добавила Жермена. — Вѣдь они, эти скоты, только и думаютъ, что о ссорахъ и дракахъ.

— Развѣ уже испортили что нибудь въ домѣ? — спросилъ дѣдъ съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, но со вчерашняго дня у насъ квартируютъ пятеро. И какъ жрутъ, если-бъ вы знали! Деньги такъ и плывутъ. Дайте мнѣ на расходы, если вы не вернетесь со мной вмѣстѣ... Лучше-бы вернулись.

— А какъ въ павильонѣ?—спросила сестра.

Digitized by Google

— Въ павильонѣ настоящій кавардакъ: тамъ ихъ, по крайней мѣрѣ, штукъ пятнадцать-двадцать; тамъ живетъ командиръ.

— Ахъ, Боже мой!—вскричала Луиза.—Вотъ бѣдная тетя Моро! Какъ она вѣрно боится.

— По правдѣ сказать,—возразила Жермена,—они не жестоки; да и мэръ Дюбуа сильно сдерживаетъ ихъ. Всѣ въ общинѣ говорятъ, что мэръ ведетъ себя отлично.

— Этакая каналья!—проворчалъ дѣдъ,—навѣрно не спроста. Онъ наловитъ рыбки въ мутной водѣ; какъ собака, любитъ кусать исподтишка.

— Да отвѣтите-ли вы мнѣ, наконецъ?—нетерпѣливо вскричала Жермена.—Неужели мнѣ возвращаться одной? Если что случится—я умываю руки.

Дѣдъ сидѣлъ въ раздумьи, опершись подбородкомъ на руки. Кухарка пристально смотрѣла на него своими черными глазами. Наконецъ, онъ рѣшился и всталъ.

— Ну, будь, что будетъ! Пойду-ка я домой.

Мы пробовали отговорить его, но старикъ рѣшилъ твердо. Растроганный, онъ сталъ прощаться съ нами.

— Я скоро зайду къ вамъ, надняхъ,—сказалъ онъ.

Но прежде чѣмъ уйти, онъ постарался убѣдить отца отдѣлаться отъ Катерины.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—прибавилъ онъ.—Отошлите ее на родину. При нѣкоторой протекціи вы навѣрно раздобудете ей охранный листъ. Если она останется, попомните мое слово, не миновать вамъ несчастія.

— Вы правы,—сказалъ отецъ.—Я займусь этимъ.

И онъ дѣйствительно занялся. Послѣ завтрака онъ вышелъ изъ дому и около четырехъ часовъ вернулся въ сопровожденіи какого-то господина. Я столкнулся съ незнакомцемъ въ сѣняхъ, и онъ съ улыбкой раскланялся со мной. Я узналъ его: онъ стоялъ рядомъ со мной на Королевскомъ бульварѣ въ день вступленія прусскихъ войскъ и сообщилъ мнѣ, что проходилъ 5-й прусскій корпусъ.

У этого субъекта препротивное лицо: маленькіе сѣрые глазки скрываются за золотыми очками, изъ беззубаго рта виденъ кончикъ языка фіолетоваго цвѣта, а огромный носъ, расщепленный на концѣ, напоминаетъ клювъ и исколотъ, какъ наперстокъ.

Этотъ носъ всегда поражалъ меня, когда я встрѣчался съ этимъ господиномъ въ золотыхъ очкахъ; я считалъ его слѣдствіемъ какого-нибудь несчастнаго случая, предполагалъ, что онъ сунулъ его какъ-нибудь, нечаянно въ осиное гнѣздо. Между тѣмъ оказывается, что носъ хотя и странный, но естественный.

Digitized by Google

Въ природѣ много забавныхъ вещей.

— Это еврейскій носъ, — сказалъ мнѣ вечеромъ отецъ.— Г. Завулонъ Гоффнеръ—еврей.

— А, жидъ?

— Еврей! Никогда не слѣдуетъ говорить: жидъ. Это очень невѣжливо.

— У него нѣмецкое имя?

— Возможно,—отвѣтилъ отецъ,—но онъ не нѣмецъ, а люксембуржецъ. Это не одно и тоже. Я мало его знаю, но онъ очень любезенъ и взялся добыть охранный листъ для Катерины. У него имѣются кой-какія связи въ бюро... онъ говоритъ по-нѣмецки... Въ концѣ концовъ, я въ восторгѣ, что познакомился съ нимъ... Это олицетвореніе снисходительности и прямоты...

XIII.

Катерина уѣхала. Я помогъ ей уложиться и собрать фотографіи бѣднаго кирасира, котораго она больше никогда не увидитъ. Она удалилась безъ малѣйшаго гнѣва, говоря, что *она все понимаетъ*, и пожелала намъ всякихъ благополучій. И только на улицѣ она разразилась рыданіями, которыя раньше старалась сдерживать. Я провожалъ ее глазами изъ окна моей комнаты до тѣхъ поръ, пока могъ видѣть; она шла печально, спотыкаясь на каждомъ шагу, съ глазами, полными слезъ, рядомъ съ человѣкомъ, который везъ на телѣжкѣ ея сундукъ. Плечи ея вздрагивали отъ жалобныхъ всхлипываній, и ей приходилось останавливаться, чтобы вытащить изъ кармана чернаго платья носовой платокъ, съ синей каемкой.

Я ревѣлъ, какъ теленокъ.

Бѣдная дѣвушка! Я презиралъ ея невѣжество, я пренебрегалъ ея расположеніемъ, причинялъ ей много обидъ. А теперь, когда ея нѣтъ больше, мнѣ кажется, что вездѣ пусто, что отъ меня что-то оторвали, что я потерялъ того, кто меня сильно любилъ. Я былъ неутѣшенъ.

Къ счастью, у меня явились развлеченія. Мнѣ позволено теперь выходить на улицу. Я пользуюсь и злоупотребляю этимъ правомъ. Я вѣчно внѣ дома. Я вижу столько любопытнаго!

Я теперь знаю всѣ роды формъ нѣмецкой арміи, пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи. Онѣ гораздо хуже французскихъ. Одни только баварцы еще не дурны въ своихъ большихъ каскахъ, похожихъ на каски карабинеровъ; но, къ несчастью, они грязны, какъ свиньи. Они сморкаются въ носовой платокъ праотца Адама и вытираютъ пальцы о панталоны и мундиры. Когда я былъ маленькимъ, я тоже прибѣгалъ къ пальцамъ вмѣсто но

Digitized by Google

сового платка, но баварцы вѣдь взрослые. Они должны быть чистоплотными.

Пруссаки менѣе отвратительны, но остроконечныя каски дѣлаютъ ихъ смѣшными. Когда они не въ парадной формѣ, а въ простыхъ фуражкахъ безъ козырьковъ, то еще ничего. Кивера у ландвера почти такіе же, какъ у нашей національной гвардіи, только гораздо больше: курица смѣло могла бы въ теченіе полугода нести въ него яйца безъ перерыва. Панталоны кавалеристовъ приводили меня въ изумленіе: они почти цѣликомъ сшиты изъ кожи: гораздо больше кожи, чѣмъ сукна. Въ общемъ одѣяніе довольно мрачное, изящества ни на грошъ; ни одной золотой полоски, нѣтъ ни погоновъ, ни эполетъ, ни мишуры, ни султановъ.

Даже офицеры одѣты очень просто; на головѣ они носятъ фуражки съ козырькомъ, а на правой рукѣ почти у всѣхъ перевязь. У нихъ отвратительная привычка: они никогда не поднимаютъ своихъ сабель, а тащатъ ихъ по мостовой съ оглушительнымъ шумомъ: слѣпые могутъ подумать, что къ хвостамъ всѣхъ имѣющихся въ городѣ собакъ привязаны мѣдныя кастрюли.

Я видѣлъ знаменитыя игольчатыя ружья, пушки Круппа, страшныя телѣги съ лѣстницами для осады; видѣлъ бойню для скота, устроенную на станціи желѣзной дороги; видѣлъ почти всюду разставленные полицейскіе посты, французскія пушки на обширномъ дворѣ королевскаго дворца, вокругъ статуи Людовика XIV. Однажды съ Оружейной площади я видѣлъ, какъ одинъ генералъ,—говорятъ, изъ королевскихъ принцевъ,—раздавалъ солдатамъ медали у подножія этой статуи. Дворецъ обращенъ въ походный госпиталь—голландскій лазаретъ—и на крышѣ его развѣвается нидерландскій флагъ. Флаги, впрочемъ, почти всюду: на окнахъ иностранцевъ національныя знамена, а на домахъ тѣхъ, которые добыли позволеніе пріютить у себя раненыхъ,—флагъ женевской конвенціи.

Г-жа Арналь изъ этихъ послѣднихъ. Она помѣстила у себя раненаго нѣмецкаго капитана, большого весельчака съ русой бородой, и ухаживаетъ за нимъ съ безпримѣрной преданностью. Она надѣется, что раньше двухъ недѣль ея раненый встанетъ на ноги, и очень гордится комплиментами, которые, по ея увѣренію, выслушиваетъ ежедневно отъ нѣмецкаго хирурга. Она увѣряетъ, что, если-бы слѣдовала своему призванію, то сдѣлалась бы сестрою милосердія. Она, дѣйствительно, стала на нее похожа: стала заботлива, сострадательна, нѣжна. У нея всегда наготовѣ разныя соболѣзнованія, подходящія утѣшенія и слезы въ мѣру. Ея время все занято. Она почти не

Digitized by Google

выходитъ изъ дому, потому что каждую минуту можетъ понадобиться своему больному. Представьте, что ему взбредетъ въ голову сдѣлать то или другое, запрещенное докторомъ.

— Вотъ и надо быть при немъ,—говоритъ она.—Больные тѣ-же дѣти. Я боюсь только одного,—прибавляетъ она,— и боюсь страшно: какъ-бы не слишкомъ привязаться къ своему паціенту. Видя людскія страданія, невольно располагаешься къ людямъ, перестаешь смотрѣть на нихъ, какъ на враговъ... Ахъ, согласовать обязанности сидѣлки съ долгомъ француженки!.. есть отъ чего потерять голову!.. Гуманность!.. родина!.. Однако, прощайте, до скораго свиданія...

Г. Завулонъ Гоффнеръ, который теперь часто бываетъ у насъ, утверждаетъ, что война довольно непріятная исторія.

— Дороги совершенно разбиты,—говоритъ онъ.—Нельзя даже дойти до Бука, не измазавшись въ грязи до колѣнъ.

Легро находитъ, что изъ-за этого не стоитъ портить себѣ настроеніе.

— Къ чему?—спрашиваетъ онъ.—Что должно быть, то и будетъ. Я, знаете-ли, фаталистъ.

Однако, со времени вступленія пруссаковъ, онъ что-то подозрительно растолстѣлъ. Моя сестра, заинтригованная его внезапной тучностью, стала выпытывать исподтишка у г-жи Легро, и та съ довѣрчивой наивностью разболтала секретъ излишней полноты своего супруга: у него на груди и спинѣ подушки. Увѣряли даже, что съ пяти часовъ вечера онъ не иначе поворачиваетъ на улицѣ за уголъ, какъ заранѣе крикнувъ во все горло: «другъ, другъ!»

Что тутъ правда?

— Все!—воскликнулъ Бодренъ.—И Легро совершенно правъ. Нечего смѣяться надъ нимъ. Всякая осторожность не лишняя... О, если-бы Ахиллъ весь былъ погруженъ въ волны Стикса, то троянская стрѣла не поразила-бы его на смерть...

И пошелъ, и пошелъ. Бодренъ ни живъ ни мертвъ отъ страха и даже отказался отъ преподаванія мнѣ уроковъ. За занятіями онъ только и дѣлалъ, что произносилъ одни и тѣ-же слова:

— Лишь бы пруссаки не вздумали того-то, лишь бы они не сдѣлали этого...

Онъ выдумывалъ всякія невѣроятныя вещи. Такъ, въ одинъ прекрасный день онъ вообразилъ, что Версалъ взлетитъ на воздухъ.

— Сточныя трубы минированы!—увѣрялъ онъ.—Я въ этомъ убѣжденъ. Пришелъ нашъ послѣдній часъ.

Съ этого дня у него измѣнился голосъ, и только голосъ, по-

Digitized by Google

тому что желтый цвѣтъ его лица ужъ измѣниться не можетъ.— Онъ перешелъ всю гамму желтыхъ оттѣнковъ: былъ желтъ, какъ тыква, желтъ, какъ перезрѣлая айва, желтъ, какъ хлѣбная похлебка, желтъ, какъ лимонъ. Въ настоящее время трудно опредѣлить его желтизну: нѣчто вродѣ яичницы въ смятку. Я жду, что онъ еще будетъ шафраннаго цвѣта.

— И подумать только,—вскричалъ однажды утромъ отецъ, когда почти всѣ наши друзья были въ саду,—подумать, что есть люди, которые мирятся съ присутствіемъ непріятеля! Такъ, не дальше, какъ вчера... Иди-ка играть, Жанъ...

Я отошелъ, но не далеко, и слышалъ все отлично.

— Вчера вечеромъ,—продолжалъ отецъ,—я пошелъ пройтись въ сторону Бетюнской заставы. Представьте, кого я встрѣтилъ выходившимъ изъ нѣмецкаго караула!

— Ахъ, Боже мой, кого же?—спросилъ заинтригованный Мерленъ.

— Женщину! француженку, сударь!

— О!—воскликнула сестра.

— Да, если такую тварь можно назвать француженкой. Я встрѣтилъ ту потаскушку, которую почему-то зовутъ Марья-бутылочное дно; эта шлюха все свое время до войны проводила въ казармахъ, когда наши войска были здѣсь, и солдаты кормили ее остатками изъ своего бака.

— Въ благодарность за хорошую службу,—со смѣхомъ сказалъ Мерленъ.—Какъ видите, она француженка.

— Была ею, была; теперь она утратила національность. Какъ! спуститься до того, чтобы отдаться врагу своего отечества! Я не могу этого переварить. Не смотря на все отвращеніе, какое внушала мнѣ эта тварь, я подошелъ къ ней и высказалъ ей свое мнѣніе. И знаете-ли, что она мнѣ отвѣтила? Она мнѣ сказала, что въ данномъ случаѣ пруссаки не хуже французовъ. Тутъ я не могъ болѣе сдержаться и обругалъ ее, какъ она того заслуживала...

— Ахъ, г. Барбье, какъ вы неосторожны!—вскричалъ Бодренъ.—Ну, что, если бъ васъ услыхали пруссаки! Не дѣлайте больше этого, умоляю васъ!

— Не дѣлать этого!—вскричала съ негодованіемъ г-жа Арналь.—Оставлять безъ протеста такого рода низости! Такіе проступки! Такія... такія гнусности!.. Въ какомъ-же вѣкѣ мы живемъ?

— Это подло!—сказала сестра.

— Надо полагать, по крайней мѣрѣ,—продолжала г-жа Арналь,—что въ караулѣ не было ни одного офицера. Былъ офицеръ на посту?

— Я не видѣлъ ни одного,—отвѣтилъ отецъ.

— Я такъ и думала. Офицеры люди вполнѣ воспитанные

Digitized by Google

и не допустили-бы подобныхъ низостей. Къ тому-же дисциплина не разрѣшаетъ, чтобы подобныя... созданія посѣщали караулы... Мой больной говорилъ мнѣ вчера... Дисциплина на этотъ счетъ прямо желѣзная...

— Дѣйствительно, — замѣтилъ Бодренъ, — дисциплина въ прусской арміи удивительная.

— Удивительная, вотъ настоящее выраженіе,— подтвердилъ Мерленъ.

— Дисциплина, — продолжалъ профессоръ, — прекрасная вещь. Она охраняетъ безопасность жителей отъ солдатскаго произвола.

— Да и безъ дисциплины нѣтъ арміи,—сказалъ отецъ.— Только дисциплинѣ пруссаки и обязаны своими побѣдами.

— Кстати о дисциплинѣ,—воскликнулъ Мерленъ,—сейчасъ изъ своего окна я видѣлъ интересную сцену.

— Какую? — спросили въ одинъ голосъ сестра и г-жа Арналь.

— Я сидѣлъ... да вѣрно занавѣсъ еще не опущенъ. Лучше посмотрѣть собственными глазами. Не желаете-ли пройти ко мнѣ?

— О, съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ. Жанъ, пойдешь?

Мы послѣдовали за Мерленомъ въ его кабинетъ, въ первомъ этажѣ дома. Окно было широко раскрыто и выходило на огромное пустопорожнее мѣсто, гдѣ нѣмцы сваливали дрова и уголь. Пять или шесть солдатъ сторожили обыкновенно эти запасы. Что же могло быть здѣсь? Мы подошли къ окну.

Спиною къ намъ, передъ кучей хвороста, стоялъ прусскій солдатъ безъ ружья, руки по швамъ, голова прямо, пятки вмѣстѣ. За нимъ взадъ и впередъ шагалъ офицеръ, читалъ газету и курилъ толстую, какъ палка, сигару. Каждый разъ, какъ онъ проходилъ мимо солдата, онъ изо всей силы ударялъ его ногой ниже поясницы. Намъ ясно слышались звуки ударовъ, которыми приблизительно каждую минуту офицеръ надѣлялъ солдата. При каждомъ ударѣ солдатъ слегка вздрагивалъ, но не трогался съ мѣста. Каблуки его сапогъ глубоко вошли въ землю, руки не сжимались и оставались вытянутыми по швамъ. Казалось, онъ не спускалъ глазъ съ часового въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

— До моего ухода къ вамъ, Барбье,—сказалъ Мерленъ,— это длилось уже съ добрую четверть часа. Теперь прошло ровно пятьдесятъ минутъ.

— Чортъ возьми! пятьдесятъ пинковъ!—воскликнулъ отецъ.— Какое повиновеніе, какая покорность!

Старый Мерленъ хотѣлъ закрыть окно.

— Нѣтъ, подождемъ до конца!—взмолилась сестра въ восхищеніи отъ этого зрѣлища.


Digitized by Google

Мерленъ посмотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ и заперъ окно на задвижку.

— Развѣ вы находите, барышня, что это очень интересно?— спросилъ онъ.

— Да, очень любопытно. Воображаю, какое смѣшное лицо у солдата! Какъ жаль, что его нельзя видѣть,—отвѣчала сестра.

— Ахъ, если бы Фридрихъ II былъ еще живъ! — воскликнулъ Бодренъ.—Великій человѣкъ, ты можешь встать изъ могилы: твои сыны достойны тебя!

— Здоровы ли вы, г. Бодренъ?—спросилъ Мерленъ.—Что съ вами?

— Ничего, но эта дисциплина, это пассивное повиновеніе... поистинѣ поразительно.

— Фактъ тотъ, что дисциплина незамѣнима! — сказалъ отецъ.—А насъ погубило именно отсутствіе дисциплины.

— Будемъ надѣяться, что это послужитъ намъ урокомъ!— сказала Луиза.

— Теперь мы можемъ успокоиться, — сказала г-жа Арналь.— Нѣмецкая армія такъ хорошо организована, что нечего бояться серьезныхъ безпорядковъ. Такая дисциплина!..

Мы спустились съ лѣстницы.

— Да, дисциплина незамѣнима,—сказалъ отецъ. — Пусть говорятъ, что хотятъ, а незамѣнима. Я желаю только одного: чтобы и у французовъ когда нибудь было то-же.

— Аминь! — сказалъ Мерленъ.

XIV.

Пришелъ дѣдушка Туссенъ. Въ праздничномъ нарядѣ, робкой походкой вошелъ онъ въ столовую, усѣлся въ уголъ и, спросивъ отца, не бродятъ ли гдѣ по близости пруссаки, не услышитъ ли его кто нибудь, разсказалъ ужасную исторію.

— Вотъ, какимъ вы видите меня, я прямо отъ главнокомандующаго,—началъ онъ, указавъ на свой черный сюртукъ и бѣлый галстукъ. Высокую черную шляпу онъ поставилъ на столъ. Мы насторожились въ сильномъ волненіи.

— Вчера въ Мусси,—продолжалъ онъ,—стрѣляли въ нѣмецкій патруль... Вчера, вечеромъ, часовъ въ восемь...

— Ахъ!—вскричала сестра, всплеснувъ руками, — какое несчастіе! Какая ужасная катастрофа!

— Страшное несчастіе!—подтвердилъ дѣдъ, качая головой.— Пруссаки, не открывъ настоящихъ виновниковъ, арестовали въ качествѣ заложниковъ шестерыхъ обывателей и мэра.

— Неужели они ихъ разстрѣляютъ? — спросила Луиза.—Но вѣдь это невозможно! Плѣнныхъ не разстрѣливаютъ! Это канибализмъ!

Digitized by Google

— Шш!—сказалъ отецъ, приложивъ палецъ къ губамъ и указывая глазами на открытую въ переднюю дверь.—Развѣ въ самомъ дѣлѣ разстрѣляютъ?—съ ужасомъ спросилъ онъ.

— Когда я уходилъ сегодня утромъ, вопросъ былъ рѣшенъ.

— Какъ мы хорошо сдѣлали,—что выпроводили Катерину!—перебила Луиза.—Кто знаетъ, что бы она натворила.

— Пруссаки,—продолжалъ дѣдъ,—заковали въ кандалы этихъ несчастныхъ и заперли въ церковь. Цѣлую ночь ихъ стерегли часовые, которые грозили стрѣлять въ каждаго, кто подойдетъ близко, а на слезы женъ и дѣтей отвѣчали ружейными прикладами. Было ужасно. Въ деревнѣ никто въ эту ночь не сомкнулъ глазъ. Только и слышались стоны да рыданія...

У дѣдушки въ голосѣ были слезы, и мы также съ трудомъ удерживались, чтобъ не расплакаться.

— Но кто же тотъ негодяй, который стрѣлялъ въ пруссаковъ?—спросилъ отецъ.

— Кто?.. Развѣ узнаешь?.. Вольные стрѣлки! Эти подлые парижане только и умѣютъ, что накликать бѣду на безобидныхъ людей... Сущіе негодяи!.. Словомъ, въ концѣ концовъ, сегодня утромъ человѣкъ двѣнадцать обывателей пришли ко мнѣ и говорятъ: «г. Туссенъ, надо спасти заключенныхъ. Надо идти въ Версаль къ генералу и добиться помилованія, сказать, что стрѣлявшіе не принадлежатъ къ общинѣ, что сами мы даже неспособны на подобныя дѣянія и, напротивъ, помѣшали бы преступленію, если бы имѣли возможность; сказать то, другое, третье, словомъ, правду! Намъ васъ не учить, сами все знаете»... Ну, наговорили цѣлую кучу комплиментовъ... Спрашиваютъ: пойдете? Ну, какъ сказать было: нѣтъ. Ну, какъ, я васъ спрашиваю?

— Невозможно,—подтвердилъ отецъ...—И вы были у генерала?

— Сейчасъ оттуда. И получилъ...

Старикъ вытащилъ изъ кармана большой конвертъ, завернутый, въ свою очередь, въ листъ синей бумаги.

— Получилъ помилованіе.

— Всѣ заключенные освобождены?

— Всѣ. Ихъ должны выпустить немедленно... кромѣ мэра.

— Какъ, мэра не освободятъ? Надѣюсь, не разстрѣляютъ?

— Нѣтъ, нѣтъ; его только оставятъ на виду. Это все, чего я могъ добиться...

— Бѣдный Дюбуа!—сказала сестра.

— Да, большое несчастіе!—жалобно проговорилъ дѣдъ,—особенно для меня. Мы вѣдь съ нимъ не ладили, и, пожалуй, найдутся злые языки, которые станутъ утверждать, будто я не сдѣлалъ для него всего возможнаго... Но Богъ свидѣтель, какъ

Digitized by Google

я распинался за него... Я подходилъ къ генералу со всѣхъ сторонъ, со слезами бросался передъ нимъ на колѣни... Я бы все отдалъ, чтобы добиться полнаго прощенія... Въ такія минуты всякія обиды вылетаютъ изъ головы; враги исчезаютъ... помнишь только французовъ...

Луиза бросилась къ дѣду на шею, а мы съ отцомъ, сильно растроганные и взволнованные, пожимали его морщинистыя руки.

— Настоящіе бандиты эти вольные стрѣлки,—заговорилъ опять дѣдъ, освободившись отъ объятій сестры.—Ахъ, канальи! Они могутъ гордиться, что надѣлали больше зла, чѣмъ пруссаки. Стрѣлять въ патруль! Ну, есть ли тутъ хоть капля здраваго амысла, спрашиваю васъ? Хорошо еще, что никого не убили! А если бы они убили одного или двухъ нѣмцевъ, что бы тогда было?.. Но, однако, я заболтался, а меня ждутъ...

— Воображаю, какая сцена произойдетъ, когда ты объявишь, что несчастные свободны!—воскликнула сестра.—Какъ бы я хотѣла пойти съ тобой!

— Сумасшедшая идея!—возразилъ отецъ.—Женщинѣ тамъ вовсе не мѣсто.

Это правда. Но я вѣдь мальчикъ и отчего бы мнѣ не пойти въ Мусси? Почему бы нѣтъ? Я осмѣлился высказаться въ этомъ смыслѣ,—отецъ отказалъ, но дѣдъ поддержалъ меня.—Между ними завязался споръ, и старикъ побѣдилъ. Сестра чуть не лопнула отъ злости и досады.

— Не оставляй, по крайней мѣрѣ, долго у себя Жана,— не утерпѣла она.—Уже нѣсколько дней, какъ онъ запускаетъ уроки... совсѣмъ не учится и все перезабылъ.

— Я его приведу послѣзавтра,—отвѣтилъ, смѣясь, дѣдъ.

Мы приближались къ Мусси. Возвращенія дѣда поджидалъ какой-то крестьянинъ. Увидѣвъ насъ, онъ со всѣхъ ногъ пустился въ деревню, чтобы предупредить обывателей. Всѣ сбѣжались и закидали дѣда вопросами.

— Ну, ну, что?

— Получилъ! Бумага у меня, у меня!

— О! а! о!

Мы прошли деревню быстрыми шагами. Женщины высовывались изъ оконъ, а нѣмецкіе солдаты провожали насъ равнодушнымъ взглядомъ. Командира мы нашли на площади; дѣдъ вручилъ ему приказъ генерала.

Командиръ—звѣрь, настоящій звѣрь. Я смотрѣлъ на его профиль, пока онъ читалъ письмо. Настоящій буйволъ.

Digitized by Google

— Очень радъ, что вамъ удалось все уладить,—сказалъ онъ дѣду на прекраснѣйшемъ французскомъ языкѣ, когда кончилъ чтеніе.—Радъ за вась, но не за себя, потому что, по моему мнѣнію, примѣръ былъ бы необходимъ. Можете сообщить пріятную новость заключеннымъ; я дамъ приказаніе, чтобы ихъ немедленно освободили... исключая г. мэра, именуемаго Дюбуа. Вамъ извѣстно—онъ остается нашимъ плѣнникомъ?

Дѣдъ утвердительно кивнулъ головой.

Мы вошли въ церковь. Узники, со связанными руками и ногами, сидѣли, скорчившись, на каменномъ полу; передъ каждымъ стояла кружка воды и лежалъ кусокъ чернаго хлѣба. Нѣмецкій офицеръ игралъ на церковномъ органѣ какой-то вальсъ.

По приказу командира солдаты подошли къ арестантамъ и развязали ихъ. Дѣдъ приблизился къ Дюбуа и что-то шепнулъ ему. Дюбуа ничего не отвѣтилъ и отвернулся.

Мы вышли; на площади всѣ обыватели и освобожденные окружили и поздравляли стараго Туссена, со слезами на глазахъ жали ему руку, благодарили. Женщины цѣловали его. Ему устроили овацію.

Группы разсѣялись, наконецъ, жители разошлись. Забилъ барабанъ, и солдаты поспѣшно выстроились на площади. По словамъ одного крестьянина, они идутъ въ лѣсъ, на охоту. Бѣда вольнымъ стрѣлкамъ, если они не успѣютъ скрыться!

— Право, было бы подѣломъ,—сказалъ другой.—Этихъ разбойниковъ парижанъ нужно бы угостить, какъ слѣдуетъ. Вѣдь этакіе канальи. Если бы пруссаки нуждались въ помощи, я охотно предложилъ бы имъ свои услуги.

Всѣ одобрили такой взглядъ. Отрядъ, между тѣмъ, съ командиромъ во главѣ, направился къ лѣсу.

Въ четыре часа вечера нѣмцы еще не вернулись, когда я отправился въ гости къ теткѣ Моро. Видъ ея похудѣвшаго лица и высохшихъ рукъ произвелъ на меня ужасное впечатлѣніе. Она это замѣтила.

— Въ моемъ возрастѣ подобныя событія дѣйствуютъ разрушающимъ образомъ,—сказала она.

Тѣмъ не менѣе, она увѣряетъ, что нѣмцы довольны деликатны. Даже самъ командиръ, не смотря на свой звѣрскій видъ, держитъ себя очень вѣжливо.

Въ эту минуту онъ какъ разъ вернулся со своими людьми, и стукъ его сапогъ послышался на каменномъ полу въ сѣняхъ. Онъ полуоткрылъ дверь комнаты, гдѣ мы сидѣли, и просунулъ голову въ щель.

— Не пугайтесь, сударыня, выстрѣловъ, которые вы, вѣ-

Digitized by Google

роятно, слышали,—сказалъ онъ теткѣ,—они не серьезны.— Это мы разстрѣляли дровосѣка, въ шалашѣ котораго нашли старое ружье.

Онъ поклонился и вышелъ. Тетка вздрогнула, страшно поблѣднѣла, закрыла глаза, и голова ея упала на спинку кресла. Ей сдѣлалось дурно.

— Жюстина! Жюстина!—закричалъ я.

Прибѣжала горничная съ кухаркой и Жермена, которая пришла за мной въ эту минуту. Всѣ три женщины принялись ухаживать за теткой. Она была такъ слаба, когда пришла въ себя, что ее пришлось отнести и уложить въ постель. Обморокъ привелъ ее въ отчаяніе.

— И какъ разъ, когда ко мнѣ пришелъ мой милый Жанъ,— повторяла она.—Это исторія съ дровосѣкомъ меня такъ встревожила...

Она все еще не успокоилась, когда я съ ней прощался.

Мы вышли, но Жермена попросила меня подождать, чтобы, по порученію дѣда, сказать два слова командиру. Офицеръ расхаживалъ взадъ и впередъ подъ липой и покуривалъ трубку; я слышалъ, какъ онъ грубымъ голосомъ отвѣтилъ Жерменѣ:

— Скажите вашему барину, что буду дома и жду его здѣсь.

О чемъ идетъ рѣчь? Я сейчасъ спрошу дѣда. И, какъ только мы пришли домой, я взялся уже за ручку двери въ столовую, гдѣ обыкновенно сидѣлъ старикъ, но Жермена удержала меня.

— Не мѣшайте барину. Онъ съ кѣмъ-то разговариваетъ,— сказала она.

Кто-то имѣлъ видъ крестьянина, хотя и не похожъ былъ на него. Старая шляпа была слишкомъ къ лицу, блуза подозрительно поношена, а лицо слишкомъ нѣжное. Не офицеръ ли онъ вольныхъ стрѣлковъ? Или французскій шпіонъ? Что, если дѣдъ съ нимъ сговаривается? Что, если онъ даетъ ему необходимыя указанія, какъ захватить пруссаковъ? Что если...

Я сталъ разспрашивать Жермену. Она, повидимому, очень удивилась моимъ настойчивымъ разспросамъ.

— Этотъ человѣкъ? Да онъ былъ у Дюбуа. Ему нужно, говоритъ, повидаться съ мэромъ. Ну, а Дюбуа сидитъ, вотъ конюхъ мэра и привелъ его къ барину. Не знаю, что ему нужно. Видно, пустяки.

Раздался стукъ затворившейся двери. Незнакомецъ ушелъ, дѣдъ вышелъ къ намъ.

— Ну, какъ поживаетъ тетка?—спросилъ онъ.

Я разсказалъ объ ужасномъ сообщеніи офицера, объ обморокѣ.

— Ахъ, какая досада, какая досада!—восклицалъ дѣдъ.— Непремѣнно схожу, навѣщу ее. Жермена, дай-ка мнѣ пальто. Обморокъ...

Digitized by Google

— Пойти мнѣ съ тобой, дѣдушка?
— Нѣтъ, нѣтъ, не стоитъ. Черезъ полчаса я вернусь.
Но онъ уже былъ дома черезъ двадцать пять минутъ.
— Видишь, я сдержалъ слово. Скоро вернулся?
— А тетѣ лучше?
— Тетѣ... да... то есть... гораздо лучше.
Мы сѣли за столъ.

— Жанъ,—сказалъ дѣдъ послѣ обѣда,—я долженъ былъ отвести тебя домой послѣзавтра; но завтра утромъ у меня какъ разъ дѣло въ Версалѣ, и я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы проводить тебя. Тебѣ это не особенно нравится?

— Да, не очень.

— Ну, придешь ко мнѣ въ другой разъ. Я скажу отцу, чтобъ отпустилъ тебя на нѣсколько дней... ты еще напропускаешь уроковъ... А Луиза еще позлится...

Я засмѣялся. Очевидно, мои догадки ложны. Человѣкъ, только что сидѣвшій на моемъ мѣстѣ, конечно, крестьянинъ. Дѣдъ не былъ бы такъ веселъ, если бы къ вечеру въ Мусси готовилась битва, а ночью ожидались бы ружейные выстрѣлы. Однако, прежде чѣмъ лечь спать, я внимательно всматривался черезъ окно въ деревню и въ кровати чутко прислушивался къ звукамъ. Вскорѣ я заснулъ.

Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за плечо. Я съ крикомъ внезапно проснулся. Жермена, улыбаясь, стояла надо мною.

— Что съ вами, г. Жанъ? Вамъ что нибудь приснилось?—спросила она.

Я со страхомъ оглядывался кругомъ. Было уже совсѣмъ свѣтло.

— Одѣвайтесь поскорѣе. Шоколадъ на столѣ, и баринъ васъ ждетъ.

Черезъ полчаса мы съ дѣдомъ отправились. Мы были уже въ концѣ улицы, выходящей на Версальскую дорогу, какъ навстрѣчу намъ показался взводъ прусскихъ солдатъ. Дѣдъ вдругъ сильно схватилъ меня за плечо и толкнулъ за изгородь. Я сталъ смотрѣть въ щель. Нѣмцы приближались большими шагами, въ срединѣ шелъ человѣкъ со связанными назади руками. Я узналъ большую старую шляпу, блѣдное лицо и старую синюю блузу. Это вчерашній...

— Дѣдушка, это тотъ самый...

— Да нѣтъ! Это бродяга, котораго прусскій патруль подо-

Digitized by Google

бралъ гдѣ нибудь въ канавѣ. Пруссаки очень строги къ этимъ... къ бродягамъ... Его подобрали... Только лучше, чтобъ насъ не замѣтили... въ такихъ дѣлахъ... лучше, лучше...

Дѣдъ лжетъ, я въ этомъ увѣренъ. Зачѣмъ онъ лжетъ? Куда ведутъ этого связаннаго человѣка? Зачѣмъ мы спрятались?

Мы снова пустились въ путь и вскорѣ вошли въ лѣсъ, примыкающій къ Версалю. Вдругъ я обѣими руками схватился за руку дѣда: тамъ, за деревней грянулъ зловѣщій залпъ.

— Дѣдушка, дѣдушка! ты слышалъ?!..

Старикъ страшно поблѣднѣлъ.

— Это стрѣляютъ пруссаки... они упражняются въ стрѣльбѣ... Утромъ... по обыкновенію... по утрамъ...

Зубы его стучали.

XV.

Отецъ уже нѣсколько дней находится въ несноснѣйшемъ расположеніи духа. Война затягивается, пруссаки все тѣснѣе и тѣснѣе окружаютъ кольцомъ Парижъ, и осада столицы, приготовившейся, повидимому, къ упорной защитѣ, можетъ продлиться довольно долго. Это страшно отражается на всѣхъ дѣлахъ.

Съ 15 сентября работы на нашемъ лѣсномъ дворѣ прекратились, и отецъ съ утра до ночи жалуется, что принужденъ сидѣть сложа руки и не выручать ни гроша. Сестра пытается порою утѣшать его, говоря о доходахъ, которые навѣрно приноситъ парижскій складъ. Правда, мы о немъ ничего не знаемъ, управляющій не имѣетъ возможности переписываться съ отцомъ, но тамъ должно быть совершаются большія сдѣлки! Осажденному городу необходимы лѣсные матеріалы: доски для бараковъ, бревна и пр.—для всего нуженъ лѣсъ. Но отецъ все въ отчаяніи.

— Хоть бы получить письмо!—говоритъ онъ.—Вѣдь вотъ ерунда: точно воюющимъ сторонамъ можетъ помѣшать какое нибудь письмо, коммерческое сообщеніе?.. Нѣтъ, можешь говорить, что угодно, Луиза, а если-бы дѣла дѣйствительно шли хорошо, то управляющій нашелъ-бы ужъ случай дать мнѣ знать объ этомъ...

— Но какимъ же образомъ, папа?

— Какъ-нибудь... Нѣтъ извѣстій, значитъ плохо.

Отецъ выходитъ изъ себя. Гнѣвъ лишаетъ его благоразумія. Нѣкоторые друзья и знакомые пытаются его журить за это. Но Бодренъ и супруги Легро терпятъ полное пораженіе, а г-жа Арналь достигаетъ весьма ничтожныхъ результатовъ. Что

Digitized by Google

касается Мерлена, то онъ утверждаетъ, что народъ, объявившій войну другому народу и не одержавшій побѣды, долженъ нести всевозможныя жертвы.

— Да чортъ ихъ возьми!—кричитъ отецъ,—развѣ *я* объявилъ войну нѣмцамъ? Развѣ правительство—*я*?

— Несомнѣнно. Вы одна изъ правящихъ единицъ, вы участвуете во всеобщемъ голосованіи, вы можете избирать уполномоченныхъ...

— А если эти уполномоченные меня надуваютъ?

— Тогда надо вытолкать ихъ вонъ.

— Это легко сказать.

— И сдѣлать также.

— А если они объявляютъ войну безъ моего согласія?

— Тогда не слѣдуетъ кричать: «въ Берлинъ!» Надо кричать: «да здравствуетъ миръ».

— Я не соціалистъ.

— Тѣмъ хуже для васъ.

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ!—съ гнѣвомъ кончалъ отецъ.

И онъ волновался весь вечеръ, если не приходилъ въ гости Завулонъ Гоффнеръ. Этотъ люксембуржецъ пріобрѣтаетъ все большее и большее вліяніе на отца. Часто они ведутъ между собою длинные разговоры въ полголоса. Иногда я улавливаю кое-что.

— Зарабатывать деньги можно только съ французами...— говоритъ Гоффнеръ.—Но люди остаются людьми... Можетъ быть, и съ пруссаками можно кое-что сдѣлать... Деньги всюду деньги, и монета въ сто су вездѣ стоитъ пять франковъ...

Иногда, казалось, отецъ побуждалъ къ чему-то Гоффнера, задавалъ ему щекотливые вопросы, а тотъ какъ бы скрывалъ что-то. Онъ говорилъ туманными фразами, сильно жестикулируя, какъ бы увѣряя въ своей правдивости. Я замѣтилъ, что въ этихъ разговорахъ часто упоминалось имя прусскаго префекта Браухича.

Департаментъ Сены и Уазы теперь организованъ на прусскій манеръ. У насъ прусскій префектъ, прусскіе чиновники; нѣкоторые французы остались на мѣстахъ, другіе замѣнены. Вмѣсто французской администраціи учреждена прусская,—это главное. Объявленія гласили, что «всѣ французскіе законы остаются въ силѣ, *пока обстоятельства войны не потребуютъ ихъ отмѣны*». Появились инструкціи, преобразовывавшія администрацію департамента въ самой основѣ: мэръ главнаго города кантона, облеченный полною властью, отвѣтственъ лишь передъ центральной властью, завѣдуетъ почтой, взимаетъ подати и пр. Отношенія нѣмцевъ къ жителямъ были опредѣлены, и мэры должны были ежемѣсячно вносить въ кассу префектуры двѣнадцатую часть налоговъ, опредѣленныхъ на 1870 годъ.

Digitized by Google

Сейчасъ видно, что прусскій префектъ понимаетъ суть, хотя по внѣшности этого сказать нельзя. Я видѣлъ его нѣсколько разъ: онъ похожъ на Донъ-Кихота—только съ бородой, напоминающей бумажный змѣй, цвѣта лакрицы.

Я видѣлъ также наслѣднаго саксонскаго и наслѣднаго принца прусскаго—«нашего Фрица».—Никогда не скажешь, что это наслѣдникъ престола: онъ ходитъ по улицамъ пѣшкомъ, безъ конвоя, очень просто одѣтый. Онъ имѣетъ видъ превосходнаго человѣка. Видѣлъ я также и Мольтке. Это старикъ съ ужасными глазами: глазами холодной и мрачной энергіи, блестящими и жесткими, какъ сталь, сверкающими на блѣдной, суровой маскѣ. Бисмаркъ прогуливается часто верхомъ на высокой лошади по аллеямъ парка. Странное, но захватывающее впечатлѣніе производитъ этотъ колоссъ: съ угрюмо подвижнымъ лицомъ, онъ ѣдетъ спокойно верхомъ по газону зеленыхъ ковровъ, одѣтый въ гражданское платье, но въ широкой бѣлой фуражкѣ съ желтымъ околышемъ на головѣ—въ фуражкѣ бѣлыхъ кирасиръ.

5 октября я видѣлъ въѣздъ прусскаго короля. Въ ту минуту, какъ коляска въѣхала во дворъ префектуры, гдѣ онъ долженъ былъ жить, онъ поднялся во весь ростъ и отвѣтилъ поклономъ на привѣтствіе толпы. Нѣмецкіе солдаты грянули ура, а версальцы, собравшіеся громадной толпой подъ деревьями Парижскаго проспекта, закричали: «Да здравствуетъ король!» Среди манифестантовъ я увидѣлъ Завулона Гоффнера.

Вернувшись домой, я разсказалъ объ этомъ отцу.

— Ну, что-жъ? Что-жъ тутъ такого?—отвѣчалъ онъ.—Ты маленькій дурачекъ. Г. Гоффнеръ знаетъ, что дѣлаетъ. Ты воображаешь, что его погладили-бы по головкѣ, если-бы онъ закричалъ: «долой Вильгельма!» Уже одно то очень похвально со стороны иностранца, каковъ этотъ люксембуржецъ, что онъ дѣйствуетъ въ пользу нашихъ интересовъ. Онъ оказалъ намъ не мало услугъ и сообщилъ много важныхъ извѣстій.

Да, извѣстій онъ сообщилъ много. Такъ, разсказалъ, что прежній мэръ Мусси на Мозѣ, Дюуба, выселенъ въ Германію, а на его мѣсто назначенъ дѣдушка Туссенъ.

— Неужели?—вскричала Луиза.—Не потому ли мы и не видимъ дѣдушку!

— Дѣйствительно, — отвѣчалъ Гоффнеръ, — у мэра очень много дѣла. Одинъ сборъ податей и реквизиція отнимаютъ массу времени. За то они получаютъ огромное жалованье.

— Какъ такъ?—спросилъ отецъ.

— Какъ-же? Г. Браухичъ рѣшилъ для вознагражденія мэровъ отчислять одинъ процентъ сборовъ съ кантона и три процента съ суммы, взысканной ими съ общины.

Digitized by Google

— Вотъ такъ штука!—воскликнулъ отецъ.—Да вѣдь быть прусскимъ мэромъ—выгодное ремесло, чортъ возьми!

Завулонъ Гоффнеръ многозначительно улыбнулся. Онъ всегда такъ улыбается въ тѣхъ случаяхъ, когда сообщаетъ намъ какую нибудь эффектную новость. За послѣднее время онъ часто достигаетъ эффектовъ.

Изъ его разсказовъ можно заключить, что нѣмцы далеко не спокойны. Предстоятъ серьезныя событія. Возможно, что съ минуты на минуту...

— Гдѣ? Когда? Какъ? — бросились къ нему сильно заинтригованныя сестра и г-жа Арналь.

Гоффнеръ отнѣкивался, заставлялъ себя просить, но мало по малу разсказалъ все подробно.

Прусаки опасаются маневра со стороны мецской арміи. Они отлично понимаютъ,—да и мы, какъ ни мало проницательны, должны знать, что маршалъ Базенъ не даромъ засѣлъ въ этомъ укрѣпленномъ мѣстѣ. Онъ выжидаетъ только момента.

— И этотъ моментъ насталъ? — умоляюще спросила сестра.—О, скажите намъ все, г. Завулонъ!

— Шш!..—люксембуржецъ приложилъ палецъ къ губамъ.—Я еще не знаю, по крайней мѣрѣ, не знаю ничего опредѣленнаго. На этихъ дняхъ...

День этотъ насталъ. Гоффнеръ, заперевъ на ключъ всѣ двери, вытащилъ изъ своего жилета листъ шелковой бумаги, исписанной микроскопическими буквами. Это была депеша, полученная на воздушномъ шарѣ изъ Меца.

— На воздушномъ шарѣ! — вскричала г-жа Арналь:—онъ прилетѣлъ въ Версаль? Онъ...

— Сударыня,—прервалъ ее Гоффнеръ съ большимъ достоинствомъ,—прошу васъ, безъ разспросовъ. Я поклялся сохранить тайну. Малѣйшая нескромность...

— Въ такомъ случаѣ—молчаніе,—сказала сестра, обводя всѣхъ глазами. Люксембуржецъ прочиталъ депешу. Она была коротка, но выразительна: «Ночью совершилась большая вылазка. Маршалъ Базенъ приказалъ обернуть ноги лошадей полотномъ и фланелью, а колеса фуръ—соломой. Пруссаки, сонные, застигнуты врасплохъ и терпятъ полное пораженіе. Рѣзня страшная. Взято сто пятьдесятъ пушекъ, десять знаменъ. Нѣмцы въ самомъ критическомъ положеніи, имъ отрѣзаны всѣ сношенія. Маршалъ, оставивъ въ Мецѣ лишь необходимое число людей для защиты укрѣпленій, самъ преслѣдуетъ непріятеля по пятамъ. Имѣются припасы, одежда, но не хватаетъ бѣлья, перевязокъ, корпіи. Да здравствуетъ Франція!»

— Наконецъ-то!—вскрикнула сестра,—наконецъ-то.



— У нихъ нѣтъ бѣлья и корпіи,—задумчиво сказала г-жа Арналь.

— Весьма возможно, сударыня,—сказалъ Гоффнеръ,—весьма возможно. Но теперь эта депеша пришла во всѣ города, не занятые нѣмцами, и я не сомнѣваюсь, что скоро всевозможные запасы направятся въ Мецъ, потому что дороги не сегоднязавтра будутъ свободны, если уже не свободны... Изъ маленькихъ ручейковъ образуется большая рѣка. Хорошо бы и у насъ устроить дамскій комитетъ. Я,—или вѣрнѣе мы, такъ какъ я не одинъ,—приняли-бы мѣры для доставленія маршалу необходимыхъ вещей для его арміи.

— Но какими же путями?—спросила г-жа Арналь.

— Сударыня, умоляю васъ, безъ разспросовъ.

Комитетъ былъ устроенъ.—Сестра работала съ утра до вечера, какъ поденщица. Многія дамы слѣдовали ея примѣру. Г-жа Арналь стала даже меньше удѣлять вниманія своему капитану, который, къ тому-же, былъ уже на ногахъ.

— Въ концѣ концовъ, иначе и нельзя,—говорила она, вздыхая.—Долгъ прежде всего... Долгъ патріотизма, конечно... Вообще, такъ много обязанностей...

— Что можно растеряться, неправда-ли?—спросилъ, улыбаясь, Мерленъ, который пришелъ къ намъ и очень удивился, при видѣ нашей гостиной, превратившейся въ швейную мастерскую.—Надѣюсь, сударыни, съ моей стороны не будетъ нескромностью спросить, для кого вы шьете столько бѣлья?

Сестра дала уклончивый отвѣтъ. Она не довѣряетъ ему. Онъ плохой патріотъ.

А я меньше довѣряю Завулону Гоффнеру. Онъ мнѣ не нравится. Разъ онъ замѣтилъ, что я также могъ-бы принимать участіе въ общей работѣ и это доставило-бы мнѣ удовольствіе. Съ тѣхъ поръ меня засадили щипать корпію, и мнѣ ужасно скучно.

Каждый вечеръ, съ большими предосторожностями, относятъ люксембуржцу толстые пакеты. На другое утро онъ приходитъ и, хитро улыбаясь и потирая руки, точно въ восторгѣ отъ каверзы, которую устроилъ пруссакамъ, говоритъ:

— Отправлено!

Куда?

XVI.

Завулонъ Гоффнеръ зашелъ переговорить съ отцомъ относительно двухъ своихъ друзей, живущихъ въ Сенъ-Клу и принужденныхъ покинуть городъ, оставленный на жертву непріятельскимъ выстрѣламъ. Большинство жителей уже выселилось

Digitized by Google

съ 5-го октября, но Германъ и Мюллеръ,—друзья, о которыхъ идетъ рѣчь,—рѣшились на это только въ послѣднюю минуту. Имъ самимъ предложили убѣжище въ версальской семинаріи, но они не знаютъ, куда дѣвать свою мебель, которую хотятъ увезти съ собой. Не будетъ-ли г. Барьбе такъ добръ и не уступитъ ли имъ одинъ изъ своихъ навѣсовъ, которые ему пока не нужны...

— Ну, что за вопросъ?!—отвѣтилъ отецъ,—конечно!

— Къ тому же,—сказалъ Гоффнеръ,—вы не раскаетесь въ томъ, что оказали имъ услугу. Это въ высшей степени честные люди и еще лучшіе патріоты. Въ этомъ я вамъ ручаюсь. Они эльзасцы, а этимъ все сказано.

— Эльзасцы!—вскричала Луиза.—Пусть идутъ, пусть привозятъ все, что угодно! Не такъ-ли, папа?

— Ну, конечно; можете сказать своимъ друзьямъ, г. Гоффнеръ, что навѣсъ въ полномъ ихъ распоряженіи. Пусть пріѣзжаютъ.

Они пріѣхали. Германнъ длинный и тонкій, какъ жердь, сухой, какъ щепка; Мюллеръ—короткій и толстый; первый тянется къ небу, второй—къ землѣ.

Они привезли съ собой четыре огромныхъ фуры, нагруженныя мебелью. Послѣ кучи благодарностей и признательности, въ которыхъ они разсыпались передъ отцомъ добрые четверть часа, они принялись разгружать свои возы. Навѣсъ былъ заполненъ мебелью на половину.

— Какъ видите, мѣсто еще осталось,—сказалъ отецъ, съ которымъ мы вмѣстѣ присутствовали при разгрузкѣ возовъ.

— На наше счастье,—отвѣтилъ Мюллеръ.

— Развѣ вы еще привезете?—спросилъ съ удивленіемъ отецъ.

— Да, еще мебель. Почти столько-же, если не больше.

— Развѣ у васъ было большое заведеніе?

— Очень большое.

— А Гоффнеръ мнѣ сказалъ, что вы ламповщики.

— Да, ламповщики,—отвѣтилъ Мюллеръ.

— Ламповщики и обойщики,—прибавилъ поспѣшно Германъ.—Торгуемъ и мебелью.

— Вотъ, вотъ,—подтвердилъ Мюллеръ,—продаемъ мебель такъ, между прочимъ, время отъ времени... У насъ хранится мебель и друзей, оставившихъ ее намъ передъ отъѣздомъ. Мы ни подъ какимъ видомъ не хотимъ оставлять ее въ Сенъ-Клу; ее могутъ раскрасть и перепортить... Съ той минуты, какъ друзья положились на насъ...

— Это вполнѣ понятно,—сказалъ отецъ.—Но отчего же вы не привезли своихъ лампъ?

— Нашихъ лампъ?—переспросилъ Германнъ, нѣсколько

Digitized by Google

сконфуженно.—Мы раздумали. Мы ихъ оставили въ Сенъ-Клу. Лампы такія хрупкія! Да и что пруссаки могутъ съ ними сдѣлать? Вотъ, если-бы то были стѣнные часы...

Онъ расхохотался и заразилъ насъ своимъ смѣхомъ. У насъ въ это время какъ разъ не было на постоѣ нѣмцевъ, и мы пригласили обоихъ товарищей обѣдать.

Ахъ, какъ они не любятъ пруссаковъ, эти ламповщики-обойщики! Мы не успѣли еще приняться за второе блюдо, какъ они уже взвели на Вильгельма и Бисмарка больше преступленій, чѣмъ могъ-бы вынести козелъ отпущенія. Они доказали ясно, какъ день, что дворецъ въ Сенъ-Клу былъ сожженъ прусскими отрядами. Они видѣли, собственными глазами видѣли, какъ солдаты раздували огонь и грабили.

— И если-бы они ограничивались хоть императорскими или національными памятниками,—продолжали они.—Такъ нѣтъ, они набрасываются на частную собственность, опустошаютъ обывательскіе дома! Недѣлю тому назадъ одинъ полковникъ переправилъ въ Германію восемь роялей.

— Какая низость!—воскликнула сестра.

— Прямо подлость,—замѣтилъ отецъ.

—Тевтонская раса съ древнѣйшихъ временъ извѣстна, какъ воровская раса,—резюмировалъ Мюллеръ.

— И подумать только,—прибавилъ Германнъ,—что эти разбойники мечтаютъ о присоединеніи Эльзаса, дорогого, благороднаго, честнаго, нашего французскаго Эльзаса!

— Наиболѣе французскую изъ всѣхъ провинцій,—сказалъ со слезами на глазахъ Мюллеръ.

Друзья-ламповщики разстались съ нами очень поздно, извиняясь за безпокойство и разсыпаясь въ безконечныхъ благодарностяхъ.

На утро они снова явились съ извиненіями и благодарностями. На этотъ разъ они привезли съ собой не четыре, а пять фуръ съ мебелью. Навѣсъ наполнился до крыши.

— Дай Богъ, чтобъ мы не долго обременяли васъ!—вздохнулъ Германнъ, произнося французскія слова съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.—Съумѣемъ-ли мы когда нибудь отблагодарить васъ за вашу любезность?

А Мюллеръ на прощанье, отряхая приставшую къ платью солому, прибавилъ съ умиленіемъ, немилосердно коверкая французскія слова:

— Ужасно тяжело по неволѣ покидать свое пепелище.

— Какіе прекрасные люди!—восторгалась сестра, когда они ушли.—Ихъ скорбь разрываетъ сердце!

Мнѣ-же разрываетъ уши ихъ французскій языкъ. Когда они говорятъ, мнѣ кажется, что они полощутъ горло старымъ

Digitized by Google

желѣзомъ, переворачиваютъ въ глоткѣ кучу гвоздей. И потомъ, они уже черезчуръ вѣжливы.

— Вѣжливость никогда не мѣшаетъ,—замѣтилъ отецъ.—Посмотри на пруссаковъ: какъ они ни грубы, а когда прибылъ сюда французскій генералъ Бойеръ, какъ они были вѣжливы съ нимъ!..

Правда, пруссаки были очень вѣжливы. Они водили нѣсколько разъ генерала изъ префектуры, гдѣ находился Вильгельмъ, на улицу Кланьи, къ Бисмарку, со всѣмя почестями, приличными его званію. У этого дома, украшеннаго трехцвѣтнымъ знаменемъ германской конфедераціи, мы съ отцомъ отстояли себѣ ноги, дожидаясь французскаго генерала, чтобы посмотрѣть на него.

Наконецъ, онъ показался въ коляскѣ, въ сопровожденіи двухъ прусскихъ генераловъ и подъ эскортомъ бѣлыхъ кирасиръ.

— Да здравствуетъ Франція!—крикнулъ я.

Пруссаки не обратили на меня вниманія, а отецъ закатилъ мнѣ пощечину.

— Ты что же, негодяй,—крикнулъ онъ,—хочешь подвести насъ подъ разстрѣлъ?

Зачѣмъ пріѣхалъ въ Версаль генералъ Бойеръ — вотъ вопросъ, который каждый задавалъ себѣ и не находилъ отвѣта. Даже Завулонъ Гоффнеръ не могъ дать никакихъ объясненій. Онъ зналъ только, что генералъ прибылъ изъ Меца; зналъ также, но говорилъ по секрету, что маршалъ Базенъ одержалъ большія побѣды, поставившія пруссаковъ въ прескверное положеніе. Нѣсколько французскихъ полковъ прикрываютъ линію Эры, а генералъ Трошю комбинируетъ замысловатый маневръ необычайной важности.

— Возможно даже,—заявилъ Гоффнеръ,—но, пожалуйста, держите это въ секретѣ,—что прусскій король сидитъ въ Версалѣ, потому что запертъ со всѣхъ сторонъ, и ему отрѣзанъ путь въ Германію. О, пруссаки въ опасномъ положеніи!

Сестра, тщательно наблюдавшая за мельчайшими движеніями солдатъ, которые квартировали у насъ, слѣдившая за ихъ занятіями, за выраженіемъ радости или огорченія на ихъ лицахъ, также увѣряла, что они погружены въ самое глубокое отчаяніе.

Но почему же въ такомъ случаѣ ихъ широкія рожи жирны, какъ скуфья церковнаго привратника, и красны, какъ яблоко?

Однажды, мы съ Легро видѣли, какъ везли на кладбище нѣмецкаго покойника.

— Пруссаки мрутъ, какъ мухи,—сказалъ бакалейщикъ.— Да и по всему видно, что всѣ они больны.

Digitized by Google

Пожалуй, если такая болѣзнь продлится, то они скоро всѣ перемрутъ.

Во всемъ городѣ только и разговоровъ, что о нашемъ близкомъ и окончательномъ успѣхѣ: г-жа Арналь совершенно забросила своего больного, и онъ теперь меланхолически прогуливается одинъ, опираясь на палку, и своимъ видомъ напоминаетъ пастора безъ прихода. Дома мы каждый вечеръ занимаемся самыми смѣлыми стратегическими комбинаціями. Заставшій насъ среди этихъ фантастическихъ занятій Мерленъ поднялъ насъ прямо на смѣхъ. Сестра такъ взбѣсилась, что стала увѣрять, будто Мерленъ никогда не былъ французомъ, и что его очень легко могли бы купить пруссаки.

— Бывали и почуднѣе вещи,—сказалъ Завулонъ Гоффнеръ, мотая головою.

— Старый хитрецъ,—замѣтила г-жа Арналь.

Иногда, когда домъ нашъ свободенъ отъ постоя, Луиза садится за рояль и подъ сурдинку напѣваетъ марсельезу. Гоффнеръ подхватываетъ и поетъ, какъ немазанное колесо.

Вдругъ разнеслась вѣсть о сдачѣ Меца. Нѣмцы утверждаютъ, что Базенъ сдался на капитуляцію 28-го октября и сложилъ оружіе вмѣстѣ съ 170,000 войска. Они иллюминовали префектуру, а вечеромъ устроили по городу факельное шествіе. Газета, которая издается пруссаками на французскомъ языкѣ, и гдѣ, говорятъ, сотрудничаетъ самъ канцлеръ, передаетъ обстоятельнѣйшія подробности капитуляціи. Не смотря на это, никто не хочетъ вѣрить пораженію.

Легро увѣряетъ, что надо быть сумасшедшимъ, чтобы придавать значеніе тому, что говоритъ «Оффиціальный указатель Сены и Уазы». Это гнусный капустный листъ, который, по приказанію прусскаго короля, развѣшивается по стѣнамъ домовъ и не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ ужаснѣйшей лжи. Никто не долженъ читать этой подлой бумаги.

— Я вполнѣ съ вами согласенъ,—говоритъ отецъ; но это не мѣшаетъ ему посылать меня каждый день прочитывать «Оффиціальный указатель», наклеенный на стѣнѣ богадѣльни. По возвращеніи, я обязанъ подробно передавать ему все содержаніе листка.

Чаще всего содержаніе «Указателя» довольно забавно. Онъ, напримѣръ, утверждаетъ, что борьба безполезна, что у насъ нѣтъ больше солдатъ, нѣтъ генераловъ, а тѣ, которые остались, попали въ подозрѣніе, благодаря адвокатамъ и журналистамъ, мечтающимъ замѣстить ихъ. Франція будто бы раздѣлилась на два лагеря: буйное и опасное меньшинство скорѣе готово воевать съ попами, чѣмъ съ пруссаками, на подобіе бунтовщи-

Digitized by Google

ковъ въ Ліонѣ, которые приступомъ взяли семинаріи и кармелитскіе монастыри; а большинство націи, устрашенное грозящей соціальной революціей, требуетъ мира во чтобы то ни стало. Ему нѣтъ дѣла до Эльзаса и Лотарингіи. Уже издавна всѣ французы лелѣютъ только одну мечту: возможно дороже продавать свои продукты и жить въ полномъ довольствѣ, наслаждаясь доходами.

Однажды статья о Гамбеттѣ, который настаивалъ на войнѣ до послѣдней капли крови, возмутила всѣхъ. «Гамбетта, гласилъ листокъ, не болѣе, какъ случайный трибунъ, декламаторъ кафе «Мадридъ», который, подъ предлогомъ національной обороны, добивается партійной побѣды. Франція управляется актерами маленькихъ театровъ, не имѣющихъ опредѣленнаго ангажемента».

— Это ужасно!—вскричалъ Легро.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Мерленъ,—но, по моему, похоже на правду.

У Легро вырвался было жестъ негодованія, но онъ удержался. Мерлена не удостоивали уже больше отвѣтомъ. Къ чему?

Не смотря на бахвальство нѣмцевъ, добрыя вѣсти не прекращались. Уже нѣсколько дней въ непріятельскомъ лагерѣ замѣчается непривычное оживленіе. Пруссаки повсюду воздвигаютъ огромные окопы. Они сняли всѣ желѣзнодорожные рельсы и увезли ихъ на телѣгахъ, Что они замышляютъ? Говорятъ таинственно о блиндированныхъ локомотивахъ, которые должны ночью привезти французскія войска въ самый центръ Версаля; говорятъ о томъ, о семъ...

Тѣмъ не менѣе, нельзя было сомнѣваться, слѣдовало признать фактъ: Мецъ сдался. Опять поднялся цѣлый вопль проклятій. Базена разносили на всевозможные лады.

— Предатель! разбойникъ! продажная тварь!

И вновь прозвучало великое слово, которымъ резюмировались всѣ катастрофы: «это подло!»

— Для Версаля его измѣна тяжкій ударъ,—сказалъ Легро.— Онъ погубилъ честь города: вѣдь главнокомандующій мецской арміи увидѣлъ здѣсь свѣтъ. Но,—прибавилъ онъ,—не надо отчаяваться. Мы поклялись облагородить наши сердца, и да будетъ нашимъ девизомъ, вмѣстѣ съ правительствомъ національной обороны: до послѣдней капли крови!

Табачному торговцу зааплодировали. Я хотѣлъ было похлопать ему вмѣстѣ съ другими, но что-то меня удержало.

Какъ-то на дняхъ передъ его домомъ остановилась партія плѣнныхъ французовъ. Несчастные умирали отъ жажды.

Digitized by Google

— Дайте же напиться этимъ молодцамъ!—закричалъ бакалейщику прусскій офицеръ, сопровождавшій отрядъ.

И я увидѣлъ, какъ Легро вышелъ, дрожа, изъ своей лавки съ ведромъ воды и съ кружкой, и какъ плѣнники поочередно стали пить.

Мнѣ казалось, что отъ своего избытка Легро могъ бы вынести вина или, по крайней мѣрѣ, подкрасить воду виномъ. Но, поклявшись облагородить сердце, онъ, очевидно, разсчитываетъ сохранить свое вино для себя: хорошее вино, должно быть, облагораживаетъ сердце...

Завулонъ Гоффнеръ принесъ намъ очень утѣшительныя извѣстія о дипломатическомъ путешествіи Тьера, за которымъ мы слѣдили уже нѣсколько времени съ большимъ волненіемъ. Теперь это уже не тотъ Тьеръ — старый гуляка, который еще въ іюлѣ противился объявленію войны; этого уже не отправляютъ больше въ Кобленцъ, напротивъ — продли судьба его жизнь,—ему найдется мѣсто въ Пантеонѣ. Онъ великій человѣкъ, знаменитый гражданинъ, быть можетъ, спаситель.

— Если Тьеръ будетъ имѣть успѣхъ, то пруссакамъ придется плохо,—утверждаетъ Легро. — Попомните мое слово, плохо!

XVII.

Съ нѣкоторыхъ поръ мы не видимъ Бодрена. Намъ извѣстно, что онъ заболѣлъ отъ страха. 25-го октября, въ день вылазки подъ Жоншерой, когда французскія пушки приблизились почти къ Версалю, съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ. Съ большимъ трудомъ удалось вытащить его изъ погреба, куда онъ спрятался, и полумертваго перенести на квартиру.

Онъ прислалъ намъ записку и сообщилъ, что всталъ съ постели и выхлопоталъ себѣ отъ прусскихъ властей охранный листъ, который поможетъ ему добраться въ Канъ, къ родственникамъ. Онъ извинялся, что не можетъ придти проститься съ нами, потому что боится сдѣлаться жертвою какой нибудь случайности, когда будетъ проходить по городу. Онъ знаетъ, что пруссаки злятся на него, и прочее, и прочее.

— А не сходить ли намъ къ нему?—предложилъ мой отецъ.—Тебѣ, по крайней мѣрѣ, Жанъ, слѣдуетъ пожать на прощаніе руку своему учителю.

Мы пошли. Легро, которому какъ разъ нечего было дѣлать, пошелъ съ нами. Что касается г-жи Арналь, то она, къ своему великому сожалѣнію, принуждена была отказаться: ея больной пошелъ прогуляться въ паркъ, и она обѣщала придти за нимъ часа въ четыре, чтобы отвести домой.

Digitized by Google

— Онъ, видите ли, разсердится,—сказала она,—больные, знаете, очень нервны! Малѣйшій пустякъ вліяетъ на ихъ выздоровленіе. Самый вздоръ, ничтожнѣйшее противорѣчіе...

Но она дала письмо къ своему мужу въ Парижъ, поручивъ намъ просить Бодрена, чтобы онъ во что бы то ни стало постарался доставить его въ осажденную столицу.

— Бѣдный Адольфъ!—сказала она.—Ему будетъ такъ пріятно получить отъ меня вѣсточку!

Профессоръ жилъ въ домѣ, смежномъ съ лицеемъ. Главный подъѣздъ выходилъ на проспектъ Сенъ-Клу, но Бодренъ пользовался отдѣльнымъ ходомъ съ чернаго двора и очень этимъ гордился.

Гордиться было нечѣмъ. Дворъ маленькій, грязный, вонючій. Во всѣхъ углахъ валяется нечищенная кухонная посуда: замазанные жиромъ котлы, нелуженныя кострюли. Пучки старыхъ бобовъ и чечевицы, обглоданныя кости, гніющіе обрѣзки овощей валяются вокругъ бочекъ и ушатовъ съ помоями. Въ этой водѣ плаваютъ куски хлѣба, кружочки моркови, порей, похожій на водоросли, капустные листья и время отъ времени вырисовывается неясный силуэтъ живого существа. Отвратительный смрадъ наполнялъ весь дворъ, проникалъ въ *отдѣльный ходъ* и преслѣдовалъ насъ на лѣстницѣ.

Мы застали профессора за укладкой вещей. Онъ объяснилъ намъ, что торопится, потому что боится, какъ бы нѣмцы не одумались и не отняли у него охраннаго листа. Мнѣ было ужасно жаль Бодрена; онъ походилъ на какую-то тѣнь, былъ взволнованъ до невѣроятности и самъ не зналъ, что дѣлаетъ. Чернильницу онъ опрокинулъ въ картонку со шляпой, а въ чистое бѣлье засунулъ грязные носки и старые бумажные воротнички. Продолжая укладываться, онъ бѣгалъ по комнатѣ, бормоча какія-то непонятныя фразы. Письмо г-жи Арналь привело его въ большое замѣшательство; онъ не зналъ, куда его спрятать. Что, если оно попадется пруссакамъ! И рѣшилъ для большей безопасности спрятать его въ сапоги.

Мы простились, пожелавъ ему благополучнаго пути.

Мы прошли черезъ вонючій дворъ и выходили уже на улицу, какъ швейцаръ лицея преградилъ намъ путь. Въ зданіе училища, обращеннаго въ походный лазаретъ, привезли партію раненыхъ. Видъ этихъ парусиновыхъ повозокъ, съ краснымъ крестомъ, стоны, доносившіеся изъ глубины ихъ, леденили кровь въ моихъ жилахъ.

— Это все пруссаки,—пробормоталъ швейцаръ,—французовъ сюда не возятъ.

— Ахъ!—воскликнулъ вполголоса Легро,—хорошо бы ихъ всѣхъ прикончить!

Швейцаръ сталъ объяснять подробности. По его словамъ,

Digitized by Google

каждую ночь выносятъ по полсотни гробовъ. Пруссаки хоронятъ своихъ покойниковъ ночью, чтобы никто не зналъ объ ихъ потеряхъ.

— Видите, я говорилъ, что они дохнутъ, какъ мухи!— прошепталъ табачный торговецъ.—Хотите, Барбье,—прибавилъ онъ,—пройдемтесь до дворца. Я привыкъ каждую недѣлю жертвовать кое-что въ пользу раненыхъ французовъ. Этого требуетъ моя жена. Чисто женская фантазія! Она хочетъ, чтобъ я давалъ десять франковъ, а по моему—достаточно и сто су.

— Развѣ васъ впускаютъ въ дворцовый госпиталь?—спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я прохожу только мимо, дѣлаю знакъ священнику, аббату Кретьенъ, который всегда въ это время тамъ сидитъ, онъ подходитъ и беретъ мои деньги. Нечего опасаться, что онъ дастъ хоть одно су нѣмцамъ! Все для нашихъ. Ему можно довѣриться. Это всѣ знаютъ. Вы знакомы съ аббатомъ Кретьенъ?

— Да, видалъ, такой грязный.

— Не замѣтилъ. Онъ очень честный человѣкъ и патріотъ! Увѣряю васъ.

Мы приблизились къ дворцу и прошли вдоль галлереи маршаловъ, гдѣ устроенъ лазаретъ. Ходили взадъ и впередъ, Легро заглядывалъ во всѣ окна, но аббатъ Кретьенъ не показывался.

— Его нѣтъ, видно не пришелъ еще,—сказалъ Легро.— А! вотъ сестра милосердія.

Онъ сдѣлалъ ей знакъ. Черезъ минуту дверь отворилась, и сестра подошла къ намъ. Изъ бѣлаго чепчика выглядывало прекрасное, печальное и блѣдное лицо.

— Сестрица,—сказалъ табачный торговецъ,—я хотѣлъ бы передать вамъ небольшую лепту... немного денегъ для раненыхъ. Обыкновенно каждую недѣлю я передаю такую сумму аббату Кретьену.—И, протягивая монету въ сто су сестрѣ, которая подставила руку, прибавилъ:

— Но съ условіемъ, чтобы эти деньги пошли только нашимъ, а никакъ не пруссакамъ... только для нашихъ...

Сестра отвела руку и, указывая по направленію къ галлереѣ, гдѣ лежали страдальцы, сказала:

— Для всѣхъ!

Легро былъ изумленъ.

— Но послушайте, сестрица... я не могу... для пруссаковъ...

— Въ такомъ случаѣ, оставьте деньги у себя, братъ мой. Я ихъ не приму.

И сестра спокойно и твердо удалилась въ госпиталь и тихо затворила за собою дверь.

Digitized by Google

Легро и отецъ пришли въ ярость.

— Ханжа, негодница, подлая ханжа! Гдѣ это видано? Ни на грошъ патріотизма! Ни капли сердца! Прямо позоръ!

И табачный торговецъ, потрясая монетой, опустилъ ее въ жилетный карманъ.

— Я скорѣе выброшу эти деньги въ воду, чѣмъ отдамъ на пруссаковъ!

— Вы совершенно правы,—сказалъ отецъ.—Подлая тварь! Еще называется сестрой милосердія!..

Вернувшись домой, мы застали у себя Жюстину, горничную тетки Моро. Она пришла отъ имени тетки просить отца придти какъ можно скорѣй въ Мусси.

— Какъ это не во время!—воскликнулъ отецъ.—Какъ разъ сегодня вечеромъ у меня будетъ Завулонъ Гоффнеръ, по поводу одного спѣшнаго дѣла... насчетъ машины... Да и вообще эти дни я буду очень занятъ.

Отецъ задумался.

— Не послать-ли Жана?—предложила сестра.—По словамъ Жюстины, тетя жалуется главнымъ образомъ на одиночество. Жанъ развлечетъ ее.

Мнѣ кажется, Луиза распоряжается мной уже слишкомъ безцеремонно. Подожди, болтушка... Однако, отецъ одобрилъ мысль, которую она изрекла, и меня попросили,—не особенно вѣжливо,—идти одѣваться.

— Ты останешься въ Мусси два-три дня, а можетъ и недѣлю,—сказалъ отецъ,—тамъ видно будетъ. Къ тому же въ Мусси тебѣ не будетъ скучнѣе, чѣмъ въ Версалѣ.

Часъ спустя, я отправился вмѣстѣ съ Жюстиной.

XVIII.

— Дитя мое, меня хотятъ извести!

Я никогда не забуду этого возгласа, которымъ меня встрѣтила тетка, лишь только я вошелъ въ гостиную павильона; кресло ея было придвинуто къ камину.

— Меня хотятъ извести! Хотятъ убить! Я окружена убійцами! Жанъ, поди сюда, мой маленькій Жанъ, подойди какъ можно ближе...

Я приблизился, сильно взволнованный. Тетка навела на меня страхъ. Она походила на призракъ. Помимо воли я подставилъ ей лицо и съ дрожью ощутилъ на щекѣ поцѣлуй ея холодныхъ губъ. Она держала мои руки въ своихъ, совершенно ледяныхъ рукахъ, и я чувствовалъ, какъ ногти ея впивались

Digitized by Google

въ мое тѣло, въ то время какъ холодный взоръ ея страшныхъ потухшихъ зрачковъ впился въ мои глаза.

Меня охватила мысль, что тетка лишилась разсудка. Я попытался высвободиться. Я не хотѣлъ оставаться съ сумасшедшей!

— Не уходи, мой милый Жанъ! Умоляю тебя... Сядь тутъ, подлѣ меня поближе...

Голосъ былъ жалобный, ласковый, какъ у умирающей.

— Возьми стулъ... Сядь у камина... Я такъ счастлива, что вижу тебя...

И вдругъ она хрипло прибавила:

— Твой отецъ пришелъ съ тобой?

— Нѣтъ, тетя. Онъ сейчасъ очень занятъ, но надняхъ... непремѣнно... онъ къ вамъ придетъ. И Луиза тоже.

Старуха приложила руку къ сердцу.

— А... Ну, тѣмъ лучше... тѣмъ лучше... надняхъ... Лишь бы меня больше не было на свѣтѣ...

И она горько заплакала.

— Жанъ, прости меня, прости! – вдругъ вскричала она, протянувъ ко мнѣ высохшія руки.—Скажи, что ты меня прощаешь... что ты всетаки будешь меня любить... что ты никогда не упрекнешь меня... когда я умру... что... О, Боже мой, Боже мой!..

Я бросился къ ея колѣнямъ.

— Тетя, не плачьте, умоляю васъ, не плачьте!

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ надо плакать... какой стыдъ! какая гадость!.. ахъ, какимъ трусомъ становишься въ старости... Оставь, дай мнѣ выплакаться... мнѣ не стоило жить...

— Тетя, прошу васъ...

Я подыскивалъ слова и не находилъ: надо было позвать кого-нибудь.

— Жюстина!—крикнулъ я.

Но при этомъ имени тетка вздрогнула на своемъ креслѣ и схватила меня за руки.

— Не зови!.. Я запрещаю... Эта дѣвка больше не слушается меня... Она повинуется *ему*. *Онъ* подкупилъ ее... Я убѣждена въ этомъ...

Я глядѣлъ на нее во всѣ глаза. Она не выпускала моей руки и тянула къ себѣ.

— Жанъ, ты ужъ большой, разсудительный, ты почти мужчина. Ну, такъ слушай. Я буду говорить съ тобой, какъ говорила-бы съ твоимъ отцомъ, если-бы онъ былъ здѣсь. Я скажу тебѣ все. Слушай внимательно. Впослѣдствіи, когда я умру и меня станутъ поносить, какъ старую негодницу, ты сможешь...

И она опять начала плакать и сквозь рыданія повѣдала мнѣ свою ужасную тайну.

Digitized by Google

Уже около мѣсяца, какъ въ ея домѣ происходятъ страшныя сцены: пруссаки избрали ея павильонъ для всевозможныхъ буйствъ, кутежей и оргій.

— Нельзя передать всего, что они продѣлываютъ, дитя мое,—говорила тетка.—Часто происходитъ то, чего я не могла бы разсказать ни за что на свѣтѣ; я чуть не умерла отъ стыда и страха. Ты не повѣришь, но они наняты, чтобы вытворять все это...

— Наняты! тетя! Но кѣмъ-же?

Она грустно посмотрѣла на меня.

— Бѣдное, бѣдное дитя!

И, собравшись съ силами, обрывая слова и фразы глубокими вздохами, продолжала:

— Тотъ, кто ихъ нанялъ, пришелъ разъ, когда увидѣлъ, что я почти умираю... что у меня уже нѣтъ силъ. Онъ обѣщалъ прекратить все это... все... заставить пруссаковъ уйти изъ моего дома, но съ условіемъ... чтобы я... чтобы я ограбила васъ, мои бѣдныя дѣти... лишила наслѣдства... А я, подлая трусиха, для сохраненія своей несчастной жизни, которая уходила отъ меня... я согласилась... согласилась... А они опять пришли вчера, опять вернулись и начали все снова... *Онъ* подкупилъ всѣхъ. *Онъ* хочетъ, чтобъ меня не было... чтобъ я умерла... Но я хочу жить! Жанъ, прости меня, умоляю, защити, защити меня! Жанъ!..

Но вдругъ ея руки, обвивавшія мою шею, ослабѣли и опустились; бѣдная старуха, блѣдная, безъ чувствъ откинулась на спинку кресла.

На этотъ разъ я закричалъ во все горло. Прибѣжала Жюстина.

— Боже мой! Барынѣ дурно! Какое несчастіе!

Она засуетилась. Прошло четверть часа, а тетка все не приходила въ чувство. Пульсъ былъ слабый, едва замѣтный. Она дышала съ трудомъ.

— Господинъ Жанъ, я пошлю за врачемъ,—сказала горничная.—У насъ докторомъ нѣмецкій маіоръ. Другой уѣхалъ. На всякій случай... мало-ли, что можетъ быть... не сходите-ли вы за г. Туссеномъ?

— Сейчасъ.

Я пустился бѣгомъ и миновалъ уже ферму Дюбуа, прежняго мэра, какъ услышалъ, что меня кто-то зоветъ:

— Пст!.. пст!.. мальчикъ! Эй, слушай!

Я оглянулся. Какая-то крестьянка дѣлала мнѣ знаки, стоя на порогѣ фермы. Я узналъ жену Дюбуа и подошелъ.

Digitized by Google

— Что вамъ угодно, сударыня?

— Куда ты бѣжишь? Не къ дѣду-ли?

— Да.

Она стала противъ меня и, насмѣшливо подмигнувъ, спросила:

— Значитъ, старуха того?

— Какая старуха?

— Да твоя тетка, дама изъ павильона! Ишь-ты, маленькій хитрецъ! Вѣдь ваши дѣла всѣмъ извѣстны!

Я былъ изумленъ. Очевидно, эта женщина надо мной глумилась.

— Не очень-то вы вѣжливы, сударыня, — сказалъ я. — Если-же вы такъ интересуетесь моей семьей, то могу сообщить вамъ, что моя тетя жива.

— Если интересуетесь!.. У! змѣнышъ!..—И съ этими словами жена Дюбуа подскочила ко мнѣ и уцѣпилась за мой галстукъ,—совершенно новый, красивый голубой галстукъ.

— Ну, такъ вотъ,—вскричала она,—когда старуха умретъ, можешь попросить своего дѣда, эту старую свинью, купить тебѣ другой галстукъ, красивѣе этого. Расходъ не обременитъ его: у него будутъ денежки старухи, которую онъ постепенно изводитъ, въ придачу къ тѣмъ, что получилъ съ пруссаковъ за ссылку моего мужа въ Пруссію и за выдачу офицера вольныхъ стрѣлковъ, котораго они разстрѣляли въ полѣ. Слышишь, соплякъ? А вотъ и отъ меня подарокъ!

Она выпустила мой галстукъ и дала мнѣ двѣ пощечины.

— Разбойничье сѣмя! внукъ убійцы!

Она заперла дверь на задвижку. Я оцѣпенѣлъ, ничего не видѣлъ и не понималъ... Изъ глазъ моихъ полились слезы, я убѣжалъ и бросился ничкомъ въ кусты, гдѣ, плача, пролежалъ, не смотря на холодъ, до глубокой ночи. Наконецъ, мнѣ стало страшно и, весь дрожа, я направился къ павильону, оглядываясь на каждомъ шагу, не идетъ-ли кто за мной.

— Вы развѣ не были у дѣдушки? — спросила меня Жюстина.

— Нѣтъ... я замѣшкался дорогой... А потомъ стало уже темно...

— Хорошо, что онъ самъ скоро пришелъ. Теперь его уже здѣсь нѣтъ. Завтра я отведу васъ къ нему.

Изъ гостиной до меня доносился какой-то шумъ: точно стрѣляли изъ пистолетовъ.

— Что тамъ такое, Жюстина?

— Такъ, пустяки, г. Жанъ. Это обычная забава пруссаковъ: они вынимаютъ изъ патроновъ пули, а патроны кидаютъ

Digitized by Google

въ каминъ. Очень интересно, точно фейерверкъ. Опасности никакой: пули всѣ вынуты.

Выстрѣлы не прекращались. Я заглянулъ въ гостиную. Передъ горящимъ каминомъ сидѣла тетка, съ лицомъ землистаго цвѣта, съ закрытыми глазами и съ безсильно опущенными руками. По бокамъ кресла стояли прусскіе унтеръ-офицеры и, покачивая пьяными, повидимому, головами, бросали патроны въ огонь. На полу валялась куча пуль. При каждомъ выстрѣлѣ старуха только вздрагивала. Она даже не открывала глазъ.

— Жюстина! Жюстина!—закричалъ я.—Надо сказать пруссакамъ, чтобъ они перестали.

— Ну, да! Попытайтесь, увидите, что тогда будетъ,—какъ они васъ примутъ!

— Такъ уведите тетю въ спальню.

— Да это ее забавляетъ, г. Жанъ!

— Сію минуту уведите! слышите?

— Сейчасъ, г. Жанъ, сейчасъ, не сердитесь. Ужъ если вы настаиваете...

Жюстина позвала кухарку, и мы втроемъ перенесли несчастную старуху въ спальню. Она открыла глаза, взглянула на меня, но не произнесла ни слова.

— Ну вотъ,—сказала Жюстина.—Я сейчасъ ее раздѣну и уложу. А вы идите обѣдать, г. Жанъ. Вамъ подано внизу въ столовой. Идите, а то я не могу раздѣть барыню.

Я сошелъ внизъ, пообѣдалъ въ одну минуту и спросилъ, можно ли опять войти къ теткѣ.

— Она теперь спитъ, и докторъ запретилъ ее безпокоить,—отвѣчала горничная.—Вы ее завтра увидите, г. Жанъ. Ахъ, бѣдная барыня, какъ она больна! Мы дѣлаемъ для нее все, что можемъ... Иногда ей лучше, вотъ какъ эти послѣдніе два дня. А передъ этимъ она пролежала цѣлыхъ четыре дня въ постели. Сегодня-же мы думали, что уже конецъ.

Жюстина говорила долго. Я ее не слушалъ, ничего больше не понималъ, ни о чемъ не думалъ. Голова моя была точно налита свинцомъ.

— Хотите спать, г. Жанъ?

— Да... да...

Она провела меня въ комнату перваго этажа, въ концѣ дома. Обыкновенно я спалъ внизу, рядомъ съ теткой.

— Тамъ я сплю теперь,—сказала горничная,—ближе къ барынѣ. Иногда ей можетъ что нибудь понадобиться ночью...

Моя голова, какъ въ огнѣ и, совершенно обезсиленный, я засыпаю тяжелымъ сномъ. Мнѣ снятся пруссаки, которые ве-

Digitized by Google

дутъ разстрѣливать того переодѣтаго крестьянина; я присутствую на казни; потомъ, вслѣдъ за оглушительнымъ ружейнымъ залпомъ, я долго, очень долго слышу ужасные крики, какія-то завыванія, страшный шумъ... Но вотъ все утихло... я бѣгу въ Версаль, бѣгу черезъ лѣсъ, а по пятамъ за мной гонится дѣдъ и хочетъ схватить меня длинными окровавленными руками...

Звукъ ключа въ замкѣ заставилъ меня мигомъ проснуться. Весь въ поту и съ ужасомъ я открылъ глаза: надо мной стояла Жюстина.

— Одѣвайтесь скорѣй, г. Жанъ... Семь часовъ... Ваша тетя... ваша бѣдная тетя...

Ужасная мысль молніей пронеслась у меня въ головѣ. Я вздрогнулъ съ головы до ногъ.

— Умерла?—вскричалъ я.

— Нѣтъ... нѣтъ... но...

— Скажите правду, Жюстина!

— Идите скорѣе, г. Жанъ!..

Минуту спустя я былъ внизу. Въ комнатѣ тетки горѣли свѣчи. Въ глубинѣ ея, скрестивъ ноги, сидѣлъ на низенькомъ стулѣ нѣмецкій хирургъ. Возлѣ кровати стоялъ столикъ, на которомъ лежало распятіе; кухарка, прижимая къ глазамъ носовой платокъ, стояла на колѣняхъ и молилась. На бѣлой подушкѣ лежала высоко приподнятая голова, съ разсыпавшимися прядями сѣдыхъ волосъ вокругъ мертваго лица. Руки съ длинными худыми пальцами крѣпко вцѣпились въ простыню. Но вотъ вѣки слабо дрогнули, руки будто разжались и пальцы, подергиваясь, вытянулись. Огромное глазное яблоко, казалось, выкатилось изъ орбиты...

Кухарка перекрестилась, а я облокотился о каминъ, чтобъ не упасть.

Кто-то позвонилъ.

— Это г. Туссенъ,—сказала Жюстина, которая заливалась горючими слезами.—Пойду отворю.

Я послѣдовалъ за ней, но не прошелъ черезъ гостиную. Какъ только горничная скрылась, я осторожно открылъ окно, перелѣзъ черезъ подоконникъ и соскочилъ на землю.

Я пустился бѣжать. Бѣжалъ черезъ поле, черезъ лѣсъ, бѣжалъ, какъ въ моемъ снѣ, къ Версалю, бѣжалъ, что было силъ...

Разбойничье сѣмя! Внукъ убійцы!

О, какъ страшно! Какъ стыдно!..

Не хочу больше видѣть дѣда!...

Никогда!.. никогда!...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Аграрный вопросъ въ европейской литературѣ.

Кто слѣдитъ за направленіемъ современной научной и въ частности экономической мысли, тому не можетъ не броситься въ глаза тотъ безспорный фактъ, что въ области такъ называемаго научнаго марксизма далеко не все обстоитъ благополучно. Не то, чтобы на марксизмъ теперь нападали чаще или болѣе энергично, нежели прежде,—въ нападкахъ со стороны буржуазныхъ сферъ марксизмъ никогда недостатка не ощущалъ, — нѣтъ, въ средѣ самихъ марксистовъ начинаетъ возникать серьезное разногласіе по самымъ основнымъ вопросамъ исповѣдуемой ими системы. Возьмемъ ли мы наиболѣе широкую, хотя и наименѣе выработанную историко-философскую теорію экономическаго матеріализма, мы встрѣтимся здѣсь со спорами не только о степени правильности теоріи, но и о самомъ ея содержаніи, о ея значеніи, наконецъ, о томъ, въ какую научную терминологію ее необходимо облечь. Коснемся ли мы, далѣе, болѣе частныхъ и, казалось до сихъ поръ, прочно установленныхъ элементовъ марксизма: трудовой теоріи цѣнности и прибавочной цѣнности, законовъ цѣны, прибыли и ренты, ученія о кризисахъ и т. д., и здѣсь мы натолкнемся на существенныя разногласія. Наконецъ, направимъ наши взоры на самую драгоцѣнную часть доктрины: ученіе о внутреннихъ тенденціяхъ экономической и общественной эволюціи—увы! и тутъ царитъ въ послѣднее время тотъ же хаосъ мнѣній, толкованій, предположеній, догадокъ. Однимъ словомъ, по всей линіи научнаго марксизма открытъ жестокій критическій и полемическій огонь, пущенный въ ходъ убѣжденными защитниками этого самаго марксизма. И этотъ горячій обмѣнъ мысли—эти жестокіе споры, этотъ рѣзкій, становящійся подчасъ враждебнымъ тонъ полемики между представителями одного и того же направленія,—все это создало странную атмосферу, на которой съ интересомъ остановится будущій историкъ европейской общественной мысли.

Смѣшно, конечно, на основаніи всего этого, спѣшить провозглашеніемъ „конца марксизма“, какъ это сдѣлалъ недавно Вей-

Digitized by Google

зенгрюнъ [1]). Но несомнѣнно правильно заключеніе другого буржуазнаго мыслителя — пражскаго профессора Мазарика о томъ, что наступилъ „научный и философскій кризисъ марксизма“ [2]).

О такомъ „кризисѣ“ говоритъ не только Мазарикъ; его признаютъ многіе, критически, но сочувственно относящіеся къ марксизму, напр., Штадингеръ [3]), Симховичъ [4]); наконецъ, въ наличности такого кризиса легко убѣдиться путемъ чтенія новѣйшей марксистской (или однородной съ нею) литературы. Все чаще здѣсь встрѣчаются выраженія: „марксистская ортодоксія“, „догма марксизма“, „старый строгій марксизмъ“, противопоставляемый „марксизму новѣйшему“ [5]), все громче раздаются новые голоса писателей, пытающихся покончить съ рядомъ застарѣлыхъ предразсудковъ марксизма, и смѣло, во всеуслышаніе провозглашающихъ то, за что лѣтъ 10 назадъ ихъ подвергли бы анаѳемѣ въ кругу единомышленниковъ.

Пунктомъ, вокругъ котораго вращаются наиболѣе важные и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе острые споры, несомнѣнно является вопросъ, избранный мною темою настоящей работы—вопросъ аграрный.

И понятно почему. Какъ ни богата система Маркса своимъ теоретическимъ содержаніемъ, теоретическою мыслью, ее проникающею; какъ ни важны и ни интересны въ ней конечныя перспективы, носящія до извѣстной степени гадательный характеръ; какъ ни абстрактна, наконецъ, самая форма, въ какую облечена данная система,—внимательный взглядъ безъ труда замѣтитъ, что въ сущности ни одинъ изъ выводовъ Маркса не виситъ въ воздухѣ голой абстракціи, но, будучи полученъ путемъ тщательнаго изученія фактовъ, тѣсно связанъ съ послѣдними, въ нихъ, въ этихъ фактахъ находя опору и мѣру своей силы, своего научнаго значенія. Словомъ, система Маркса находится въ неразрывной внутренней связи съ историческимъ матеріаломъ, послужившимъ для нея основою. Однако, дѣло историческаго изслѣдованія съ тѣхъ поръ значительно шагнуло впередъ. Научная практика не разъ имѣла случай обнаружить наличность ничѣмъ не обоснованной гипотезы, простого историческаго предразсудка тамъ, гдѣ ученымъ долго мерещились установленные факты, клавшіеся въ

---

[1]) *Dr. Paul Weisengrün.* Das Ende des Marxismus. Leipzig. 1899.

[2]) *Th. Masaryk.* Die philosophischen und soziologischen Grundlagen der Marxismus. Wien 1899, s. 586—592. Ср. его-же брошюру: Die wissenschaftliche und philosophische Krise innerhalb des gegenwärtigen Marxismus. Wien. 1898.

[3]) *F. Standinger.* Ethik und Politik. Berlin 1899, s. 152—6.

[4]) См. Conrad's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1899 B. 17. III F., H. 6, S. 721—781.

[5]) См., напр., *Ladislaus Gumplowicz,* ст. о кн. Бернштейна въ „S. Monatshefte“, 1899, № 4, S. 153; *Franz Oppenheimer.* Bernstein. — Kautsky, ibidem, 1899, № 5, S. 204, и мн. др.

Digitized by Google

основу важнѣйшихъ выводовъ. И эта историческая критика не могла не затронуть и системы Маркса. Я не хочу говорить о той многочисленной буржуазной литературѣ, для которой перетасовка фактовъ казалась удобнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ несимпатичными ей выводами изъ ученія Маркса. Помимо этого, имѣется уже вполнѣ объективная критика, стремящаяся доказать, на основаніи новѣйшаго матеріала, неправильность или необоснованность нѣкоторыхъ положеній интересующей насъ системы. Можно сказать, что ядъ критики, исходившій первоначально несомнѣнно изъ буржуазныхъ сферъ, все болѣе начинаетъ проникать и въ ряды сочувствующихъ и даже въ ряды убѣжденныхъ сторонниковъ нѣмецкаго ученаго. Для примѣра назову Бернштейна [1]), Оппенгеймера, автора цѣлаго ряда журнальныхъ статей и двухъ большихъ трудовъ, направленныхъ къ критической оцѣнкѣ историческаго матеріала и теоретическихъ обобщеній Маркса [2]), Зомбарта [3]) и др.

Можно различно смотрѣть на степень важности и правильности этихъ историческихъ экскурсій, но лишь ослѣпленный узко-партійнымъ воззрѣніемъ человѣкъ могъ бы признать безусловно безплодными всѣ эти попытки. Кое-какіе результаты несомнѣнно получились, и одинъ изъ нихъ, непосредственно относящійся къ предмету моей работы, можетъ считаться вполнѣ установленнымъ. Онъ сводится къ слѣдующему.

Какъ всѣмъ извѣстно, матеріаломъ для „Капитала", въ которомъ Марксъ стремился, говоря его собственными словами, открыть „законъ экономическаго развитія современнаго общества" [4]), послужила хозяйственная исторія единственной страны—Англіи. Нельзя ставить по этому поводу никакого упрека нѣмецкому ученому. *Въ свое время* послѣдній иначе поступить не могъ. Единственною страною, гдѣ капитализмъ къ тому времени получилъ болѣе или менѣе полное развитіе, была Англія, и естественно, что въ экономической исторіи только этой страны можно было найти матеріалъ для построенія законовъ капиталистическаго развитія. Но такое ограниченіе фактическаго матеріала не могло не отразиться на выводахъ, на немъ построенныхъ. Дѣло не только въ томъ, что Марксъ установилъ свои законы

---

[1]) *Ed. Bernstein.* Voraussetzungen и т. д. Stuttgard 1899. S. 46—82.

[2]) *Franz Oppenheimer.* Die Siedlunggenossenschaft, Versuch einer positiven Ueberwindung des Kommunismus durch Lösung des Genossenschaftsproblems und der Agrarfrage. Leipzig. 1896. *Его-же.* Grossgrundeigenthum und soziale Frage, Versuch einer neuen Grundlegung der Gesellschaftswissenschaft. Berlin 1898.—Къ удивленію, эти два основательныхъ изслѣдованія прошли совершенно незамѣченными въ русской литературѣ.

[3]) См. его еще не оконченную работу: *Werner Sombart.* Die gewerblihe Arbeit und ihre organisation, Braun's Archiv f. soziale Gesetzgebung und Statistik. B. XIV (1899) H. 1—4.

[4]) Das Kapital, B. I, 4-te Auflage, Vorv. S. VIII.

Digitized by Google

путемъ изученія *одной* лишь Англіи; нельзя не пожалѣть также о томъ, что эти законы явились результатомъ изслѣдованія хозяйственной жизни *именно* Англіи. Въ дѣйствительности Англія менѣе всего способна служить образцомъ, типомъ европейской капиталистической страны, „Правда, Англія классическая страна капитализма, но она совершенно *исключительная* (курс. мой, какъ и ниже) страна... Благодаря ея исторіи, ея островному положенію, мы видимъ тамъ большое государство безъ арміи, безъ бюрократіи, *безъ класса крестьянъ, совершенно минимальное сельское хозяйство*—сельско-хозяйственное населеніе составляетъ тамъ 10% всего населенія. Мы видимъ, что въ Англіи противоположность между капиталомъ и трудомъ менѣе значительна, нежели гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, не смотря на то, что англійскій капиталъ сдѣлалъ экономическіе успѣхи даже слишкомъ большіе для того, чтобы найти примѣненіе въ одной англійской промышленности“ [1]). Это сказалъ не кто иной, какъ Карлъ Каутскій,—тотъ самый Каутскій, который всюду выставляется какъ наиболѣе ревностный хранитель старой „догмы“, выдерживающей въ настоящее время столько нападокъ. Естественно, поэтому, спросить: насколько примѣнимы ко всѣмъ европейскимъ странамъ обобщенія Маркса, разъ они получены съ помощью не разнообразнаго и не типическаго даже, а совершенно „исключительнаго“, носящаго явный индивидуалистическій характеръ матеріала?

Этотъ вопросъ и задается нынѣ не только противниками Маркса, но и многими изъ его послѣдователей. При этомъ онъ задается съ особенною настойчивостью, когда дѣло касается аграрныхъ отношеній, законовъ развитія сельско-хозяйственной жизни. И въ самомъ дѣлѣ, очевидно—и это признаетъ въ сущности самъ Каутскій въ подчеркнутыхъ много словахъ приведенной выше цитаты,—что, поскольку рѣчь идетъ объ экономическихъ условіяхъ страны, отличія Англіи выразились рѣзче всего въ специфическомъ складѣ сельско-хозяйственнаго быта, въ особомъ строѣ аграрныхъ отношеній, не повторяющемся нигдѣ на континентѣ. Понятно, поэтому, скептическое отношеніе къ взглядамъ Маркса по аграрному вопросу со стороны не только буржуазныхъ писателей, вродѣ Мазарика, Вейзенгрюна, Вагнера и др. [2]), но и болѣе лѣвыхъ экономистовъ. Зомбартъ, напримѣръ, полагаетъ, что „дедукціи Маркса нельзя примѣнить въ полной мѣрѣ къ аграрной области... Марксъ высказалъ важ-

---

1) Protokoll über die Verhandlungen der Parteitags zu Stuftgart (1898), Berlin, 1898, S. 128.

2) *Masaryk*. Die philos und sociol. Grundlagen d. Marxismus, S. 30—6; *Weisengrün*, Das Ende des Marxismus. s. 18—20; *Ad. Wagner*. Das neue soz. Programm. Berlin 1892, s. 32—3.

Digitized by Google

ныя мысли и по аграрному вопросу, но его теорія развитія... несомнѣнна лишь въ примѣненіи къ индустріи, а не къ аграрнымъ отношеніямъ, и... только научное изслѣдованіе сможетъ заполнить пробѣлъ, который во всякомъ случаѣ существуетъ“ [1]). Въ томъ же направленіи высказывался не разъ Оппенгеймеръ. Марксистская школа, говоритъ онъ, „вводится въ заблужденіе ложнымъ обобщеніемъ, когда она правильно открытые законы индустріи пытается примѣнить и къ земледѣлію“ [2]); „основнымъ недостаткомъ всей экономической теоріи со времени Адама Смита до Маркса включительно“,—является, по его мнѣнію,— „воззрѣніе, ставящее въ центръ всего индустрію (industriezentrische Auffassung)“ [3]).

Однако, и Зомбартъ, и Оппенгеймеръ—писатели, лишь одною ногою стоящіе въ предѣлахъ того, что принято называть марксизмомъ. Какъ же смотрятъ на дѣло оффиціальные, такъ сказать, представители ученія Маркса? На это нельзя дать категорическаго отвѣта, такъ какъ какой нибудь одной, общей хотя бы въ основныхъ чертахъ точки зрѣнія по аграрному вопросу среди представителей марксизма въ настоящее время не существуетъ. Совершенно наоборотъ. Болѣе, чѣмъ какой либо иной пунктъ данной системы, аграрный вопросъ вызываетъ здѣсь крупныя разногласія.

Чтобы выяснить, насколько это возможно въ журнальной статьѣ, содержаніе, сущность и значеніе этого интереснаго во многихъ отношеніяхъ спора, я и хочу заняться въ настоящей работѣ критическимъ пересмотромъ важнѣйшихъ моментовъ эволюціи теоретической мысли въ области аграрнаго вопроса среди послѣдователей Маркса.

II.

Въ трудѣ, послужившемъ основаніемъ теоріи капиталистическаго развитія, мы, къ сожалѣнію, не находимъ ни изслѣдованія, ни даже освѣщенія аграрнаго вопроса, какъ самостоятельной проблемы. О явленіяхъ сельско-хозяйственной жизни въ 1-мъ томѣ „Капитала“ говорится лишь мимоходомъ, съ точки зрѣнія вліянія ихъ на ходъ индустріальнаго капитализма или, наоборотъ, воздѣйствія на нихъ со стороны этого послѣдняго. Такой именно характеръ носятъ §§ 2—5 главы „Такъ называемое первоначальное накопленіе“, гдѣ изслѣдованъ процессъ экспропріаціи сель-

---

[1]) *Werner Sombart.* Soc. und sociale Bewegung im 19-ten Iahrhundert, Iena 1897, S. 69.

[2]) *Dr. Fr. Oppenheimer.* Die Siedlungsgenossenschaft, S. 10, ср. стр. 553, 556 и др.

[3]) *Его же.* Die soziale Bedeutung der Genossenschaft, Berlin 1899, S. 5.

Digitized by Google

скаго населенія подъ давленіемъ создававшагося въ Англіи капитализма. Отдѣльныя мысли, разбросанныя Марксомъ, какъ въ данныхъ параграфахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія, даютъ право предполагать, что Марксъ какъ будто не предвидѣлъ въ это время отличій для процесса развитія сельскохозяйственнаго производства, которое должно идти обычнымъ путемъ концентраціи и обобществленія, нарисованнымъ въ 1 томѣ „Капитала". Я могу, напримѣръ, указать на слѣдующее характерное мѣсто этого сочиненія: „Мелкій способъ производства предполагаетъ раздробленіе земли и остальныхъ средствъ производства. Онъ исключаетъ какъ концентрацію послѣднихъ, такъ и кооперацію, раздѣленіе труда внутри даннаго процесса производства, господство общества надъ природою и примѣненія ея силъ къ производству, свободное развитіе общественныхъ производительныхъ силъ. Онъ уживается только съ тѣсными, первобытными предѣлами производства и общественнаго развитія. Увѣковѣчить его — значитъ, какъ справедливо говоритъ Perqucur'а „декретировать всеобщую посредственность". На опредѣленной ступени развитія онъ приноситъ матеріальныя условія своего собственнаго уничтоженія. Съ этого момента развиваются внутри общества силы и страсти, чувствующія себя скованными имъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ, онъ уничтожается. Его уничтоженіе, превращеніе индивидуальныхъ и разрозненныхъ средствъ производства въ общественно-концентрированныя, т. е.—превращеніе карликовой собственности многихъ въ массовую собственность немногихъ, экспропріація орудій труда у земли, средствъ существованія и эта ужасная и трудная экспропріація народныхъ массъ образуетъ историческое преддверье капитала" [1]). Во всей этой краснорѣчивой тирадѣ отмѣченъ рядъ существенныхъ недостатковъ мелкаго способа производства и его не только исторически-преходящей характеръ вообще, но именно неизбѣжность смѣны его формою капиталистическою. При этомъ все время здѣсь говорится о землѣ въ числѣ прочихъ „орудій производства" и не устанавливается никакихъ въ данномъ отношеніи отличій мелкой земледѣльческой промышленности отъ соотвѣтствующей формы индустріи. Далѣе, въ другомъ мѣстѣ той же главы, Марксъ цитируетъ слѣдующія слова, написанныя имъ въ сотрудничествѣ съ Энгельсомъ, еще въ 1847 году: „Средніе классы, мелкіе промышленники, мелкіе торговцы, ремесленники, крестьяне, — всѣ они борются противъ буржуазіи, чтобы обезпечить отъ гибели свое существованіе въ качествѣ среднихъ классовъ... всѣ они реакціонны, такъ какъ стремятся повернуть назадъ колесо исторіи" [2]). Въ этихъ сло-

[1]) Das Kapital, B. I, 4-te Auflage, S. 727.

[2]) Ibidem, S. 723, No. 252. Cp. Das kom. Man. 6-te autorisirte deutsche Ausgabe. Berlin, 1899 S. 16.

Digitized by Google

вахъ Маркса, нашедшихъ отголосокъ въ цѣломъ рядѣ его брошюръ и статей, „крестьянинъ“ фигурируетъ рядомъ съ мелкими ремесленниками и прочими членами реакціонныхъ „среднихъ классовъ“, которымъ суждено погибнуть подъ напоромъ капиталистическаго теченія.

Такова, несомнѣнно, основная мысль 1-го тома „Капитала“ въ области аграрнаго вопроса, и эта мысль долгое время безраздѣльно господствовала среди послѣдователей Маркса.

Еще знаменитая „Эрфуртская программа“ 1891 года насквозь проникнута этимъ взглядомъ. Она начинается слѣдующими рѣшительными словами: „Экономическое развитіе буржуазнаго общества ведетъ съ естественною необходимостью къ гибели мелкаго производства, основу котораго составляетъ частная собственность работника на средства производства“ [1]).

Относится ли это, по мысли составителей программы, и къ земледѣлію? Несомнѣнно. Это видно уже изъ того, что на слѣдущей страницѣ къ „средствамъ производства“, на ряду съ ручными инструментами, машинами, средствами обращенія и сырымъ матеріаломъ, отнесены также „земля, копи и рудники“ [2]). Далѣе, въ той же программѣ, „крестьянинъ“ рядомъ съ „мелкимъ буржуа“ отнесенъ къ „погибающимъ среднимъ классамъ“ [3]). Нетрудно видѣть, что все это служитъ лишь повтореніемъ приведенныхъ выше разсужденій 1-го тома „Капитала“.

Еще болѣе опредѣленное впечатлѣніе въ томъ же направленіи получается отъ чтенія составленнаго Каутскимъ комментарія къ только что цитированному изданію [4]). Первый отдѣлъ этого комментарія носитъ заголовокъ „Гибель мелкаго производства“, причемъ Каутскій въ слѣдующей категорической формѣ выражаетъ мысль даннаго отдѣла: „Кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, не нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ для того, чтобы понять, какъ важно положеніе, утверждающее, что экономическое развитіе буржуазнаго общества ведетъ съ естественною необходимостью къ гибели мелкаго производства“ [5]). Опять-таки Каутскій не дѣлаетъ при этомъ никакихъ оговорокъ насчетъ земледѣлія, опять-таки онъ не разъ сопоставляетъ судьбу „крестьянина“ съ судьбою „ремесленника“ [6]). Наконецъ, мы наталкиваемся на слѣдующее опредѣленное заявленіе насчетъ мелкаго земледѣлія: „Фабрика господствуетъ, и дни ремесла сочтены... И то, что ска-

---

1) Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Erfurt (1891), Berlin 1893, S. 3.

2) Ibidem, S. 4.

3) Ibidem, S. 3.

4) *K. Kautsky.* Das Erfurter Programm in seinem grundsätzlichen Theil, Stuttgart, 1892.

5) Ibidem, S. 23.

6) Ibidem. S. 152, 180 и др.

Digitized by Google

зано о ремеслѣ, имѣетъ значенiе и по отношенiю къ крестьянскому мелкому производству“ [1]).

Въ этихъ словахъ Каутскаго, написанныхъ въ 1892-мъ году, заключается до прозрачности ясное пониманiе аграрнаго вопроса въ смыслѣ полнаго отождествленiя законовъ развитiя сельско-хозяйственныхъ отношенiй съ тѣми-же законами въ области индустрiи.

Этой точкѣ зрѣнiя пришлось очень скоро однако, испытать длинную эволюцiю, и отъ приведеннаго упрощеннаго пониманiя столь сложнаго аграрнаго вопроса не осталось и слѣда. Первыя возраженiя противъ законности распространенiя и на область аграрныхъ отношенiй схемы экономическаго развитiя, нарисованной Марксомъ, исходили отъ лицъ, руководствовавшихся болѣе соображенiями практической цѣлесообразности, нежели доводами экономической теорiи.

Энергически выступилъ въ новаторской роли тотъ послѣдователь нѣмецкаго ученаго, который впослѣдствiи сталъ во главѣ цѣлой группы такъ называемыхъ „juugen Marxisten“—Фольмаръ. Въ качествѣ „результата своихъ теоретическихъ изученiй и практическихъ опытовъ“ онъ высказалъ слѣдующiя соображенiя на франкфуртскомъ партейтагѣ въ 1894-мъ году. Экономическая жизнь не складывается изъ одной только индустрiи, и непосредственно производящимъ классомъ являются не только промышленные рабочiе; существуютъ еще производители, занятые въ добывающей промышленности, въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ, число которыхъ въ Германiи почти равно числу лицъ, занятыхъ въ промышленности, торговлѣ и транспортѣ вмѣстѣ, а въ нѣкоторыхъ государствахъ, напр. въ Баварiи, сельское хозяйство имѣетъ еще большее значенiе. При такомъ значенiи земледѣлiя, нельзя отдѣлываться нѣсколькими, вскользь брошенными замѣчанiями по аграрному вопросу. Между тѣмъ въ дѣйствительности, по словамъ Фольмара, имѣло мѣсто именно послѣднее. „Аграрный вопросъ затрогивался мало и лишь мимоходомъ, причемъ рѣшительно преобладало воззрѣнiе, что наблюденные въ индустрiи законы экономическаго развитiя находятъ безусловно аналогичное примѣненiе въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ что аграрный вопросъ уже долженъ считаться рѣшеннымъ“. Цитируя далѣе слова Маркса, написанныя въ 1864 году: „*если* уменьшенiе числа землевладѣльцевъ въ *Англiи* и концентрацiя земли въ немногихъ рукахъ пойдетъ впередъ подобнымъ образомъ, то въ силу этого аграрный вопросъ (Grund-und Boden-Frage) во всякомъ случаѣ очень упростится“, и отношенiя сложатся такъ, какъ они сложились въ древнемъ Римѣ, гдѣ въ концѣ концовъ половина всѣхъ африканскихъ провинцiй оказа

[1]) Ibidem, S. 21, Cp. S. 22, 153 и др.


Digitized by Google

лась въ рукахъ шести собственниковъ,—Фольмаръ по этому поводу замѣчаетъ: „это касающееся англійскихъ отношеній условное положеніе было истолковано въ положительномъ смыслѣ и обобщено по отношенію ко всѣмъ странамъ. Благодаря этому, судьба крестьянина, естественно, казалась рѣшенною; его гибель казалась неминуемою и непосредственно предстоящею; эта гибель должна была-бы при этомъ разсматриваться, какъ прогрессъ, такъ какъ крупное производство разсматривалось, какъ единственно раціональное“. Прошло, однако,—продолжаетъ нашъ авторъ,—съ четверть вѣка. Промышленность, торговля, обмѣнъ сдѣлали гигантскіе шаги; произошелъ крупный переворотъ во всей хозяйственной жизни. Естественно, все это не могло остаться безъ вліянія и на сельское хозяйство. Здѣсь натуральное хозяйство смѣнилось товарнымъ, мѣстное хлѣбное производство стало въ зависимость отъ міроваго рынка, стало страдать отъ иностранной конкурренціи. Слѣдствіемъ этого оказались: падающая доходность земли, задолженность, нужда, тяжелый кризисъ. При этомъ задолженность не ограничилась среднимъ и мелкимъ производствомъ, она захватила также крупное. И вообще, „развитіе сложилось не такъ, какъ предсказывалось ранѣе марксистами, предполагавшими быстрое поглощеніе мелкаго земледѣлія крупнымъ, раціональное хозяйство котораго тотчасъ должно было-бы получить господство“. Въ дѣйствительности „крупное производство въ сельскомъ хозяйствѣ — гдѣ нѣтъ исключительныхъ отношеній—никоимъ образомъ не обладаетъ „преимуществами въ конкурренціи“; наоборотъ, „многіе аграрполитики полагаютъ, кто крупное производство въ сельскомъ хозяйствѣ обладаетъ преимуществомъ только при экстенсивной системѣ хозяйства, но что экономическое развитіе съ возрастающею интенсивностью хозяйства ведетъ къ уменьшенію хозяйства“; притомъ-же „раззореніе средняго и мелкаго владѣнія въ сельскомъ хозяйствѣ совершается въ общемъ не столько вслѣдствіе конкурренціи крупнаго—какъ это имѣетъ мѣсто въ индустріи — сколько главнымъ образомъ *извнѣ*, вслѣдствіе давленія денежнаго капитала“. Въ конечномъ итогѣ Фольмаръ не берется рѣшать аграрный вопросъ, но одно, по его мнѣнію, ясно, „что аграрный вопросъ является въ высшей степени сложнымъ, что законы экономическаго развитія здѣсь вліяютъ инымъ образомъ, нежели въ индустріи..., что многое говоритъ за то, что сельское хозяйство особеннымъ образомъ приведетъ къ экономическому и общественному прогрессу“. „И какъ несомнѣннымъ фактомъ является то, что мелкое и среднее (сельское) производство и, слѣдовательно, самостоятельное крестьянство во многихъ мѣстностяхъ охвачено растущимъ гнетомъ и нуждою и подвержено въ будущемъ гибели, если государство не окажетъ ему помощи, —такъ не меньшимъ фактомъ является и то, что крестьянство сегодня еще существуетъ и способно къ

жизни впродолженіи неопредѣленно-долгаго времени". Фольмаръ требуетъ, поэтому, вниманія къ крестьянству, требуетъ постановки аграрнаго вопроса въ качествѣ самостоятельной проблемы [1]).

И точно такого-же мнѣнія держались Шенланкъ [2]), Давидъ [3]) и нѣкоторые другіе послѣдователи Маркса, на доводахъ которыхъ я не стану останавливаться, такъ какъ это прибавило-бы мало существенно новаго къ приведенному уже выше.

Все это было высказано въ 94-мъ году. Тотъ, кто знакомъ съ положеніемъ экономической литературы по аграрному вопросу въ это время, найдетъ мало новаго и оригинальнаго въ приведенныхъ разсужденіяхъ Фольмара. Укажу, въ качествѣ примѣра, на ученаго, ничего общаго не имѣющаго съ марксизмомъ, — проф. Зеринга, который еще въ 93 году писалъ слѣдующее: „Заимствованной изъ анализа промышленнаго развитія шаблонъ не подходитъ къ характеристикѣ отношенія крупнаго сельскаго производства къ среднему и мелкому. Въ обсужденіи взаимнаго отношенія различныхъ категорій поземельнаго владѣнія не столько въ научной, сколько въ политической и особенно въ марксистской литературѣ, господствуетъ большая неясность". Въ доказательство Зерингъ ссылается на Каутскаго, утверждающаго неизбѣжность гибели мелкаго производства, подъ вліяніемъ конкурренціи крупнаго — одинаково для индустріи и для сельско-хозяйственной промышленности [4]). Сравнивъ эти слова вполнѣ буржуазнаго экономиста съ приведенными разсужденіями послѣдователей Маркса, не трудно констатировать тождество этихъ взглядовъ на аграрный вопросъ, отдѣленныхъ промежуткомъ одного года и принадлежащихъ лицамъ самыхъ противоположныхъ направленій. Очевидно, такимъ образомъ, что главный интересъ указанныхъ сужденій этихъ „jungen Marxisten" заключается не въ провозглашеніи новыхъ экономическихъ идей, а въ томъ, что, прислушиваясь къ голосу современной науки и присматриваясь къ фактамъ дѣйствительности, они рѣшились высказать взгляды, хотя бы несогласные съ ученіемъ учителя, хотя бы усиленно подчеркивавшіеся буржуазными экономистами, рѣшились покончить съ старою „догмою" въ одной изъ важнѣйшихъ областей современной науки и современной жизни. И поскольку дѣло касалось не непосредственно практическихъ результатовъ, а извѣстнаго прогресса теоретической мысли, попытки Фельмара и др. оказались далеко не безрезультатными.

---

[1]) Protokoll ueber die Verhandlungen des Parteitages zu Frankfurt a M. (1894). Berlin 1894, S. 142—8, ср. S. 1481—152, 157.

[2]) Ibidem, S. 135—142, 157.

[3]) Ibidem, S. 153—4.

[4]) *Prof. Max Sering*. Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland, Leipzig 1893, S. 645.



Прежде, однако, нежели заняться оцѣнкою этихъ результатовъ, я долженъ остановиться на другомъ пунктѣ. Фольмаръ и его товарищи подняли рѣчь объ аграрномъ вопросѣ и критиковали научный багажъ марксизма въ этой области почти одновременно, пожалуй, нѣсколько ранѣе появленія въ свѣтъ 3-го тома „Капитала". Между тѣмъ въ этомъ томѣ разбросаны многочисленныя замѣчанія, имѣющія отношеніе къ аграрному вопросу,— замѣчанія, фигурировавшія въ дальнѣйшихъ дебатахъ на эту тему. Я долженъ, поэтому, обратиться къ 3-му тому „Капитала".

III.

Отъ 3-го тома „Капитала", появившагося въ 1894 году, можно было ожидать цѣнныхъ указаній по аграрному вопросу. Здѣсь изложена теорія ренты, а съ этою теоріею находятся въ связи вопросы о формахъ сельско-хозяйственнаго производства, о характерѣ, преимуществахъ и исторической живучести различныхъ формъ земельной собственности, землевладѣнія и землепользованія. И дѣйствительно, согласно сообщенію редактора этого тома, Фр. Энгельса, Марксъ и имѣлъ намѣреніе придать отдѣлу о рентѣ чрезвычайно широкій характеръ. Въ частности Марксъ занимался изученіемъ поземельныхъ отношеній Россіи, такъ какъ „при разнообразіи формъ какъ землевладѣнія, такъ и эксплуатаціи землевладѣльческихъ производителей въ Россіи, послѣдняя въ отдѣлѣ о земельной рентѣ должна была играть ту же роль, какую въ 1-ой книгѣ, при изслѣдованіи наемнаго труда въ промышленности, играла Англія. Къ сожалѣнію, выполненіе этого плана не удалось Марксу" [1]), и въ результатѣ дѣйствительный, а не предполагавшійся 3-ій томъ „Капитала" даетъ весьма немного въ интересующемъ насъ направленіи. Хотя по Марксу рента получается и при до-капиталистическихъ формахъ землевладѣнія [2]), но въ сущности авторъ далъ намъ изслѣдованіе исключительно *капиталистической ренты*, въ чемъ нѣкоторые критики, напр. Диль, и видять одинъ изъ основныхъ недостатковъ теоріи ренты Маркса [3]). Самъ Марксъ по этому поводу замѣчаетъ: „Изслѣдуемая нами форма земельной собственности есть специфическая историческая форма ея... Мы предполагаемъ, что въ земледѣліи, какъ и въ мануфактурѣ, господствуетъ капиталистическій способъ производства... Анализъ земельной собственности въ ея различныхъ историческихъ формахъ лежитъ за предѣлами нашего труда" [4]).

---

1) Das Kapital, B. III, Th. I, Vorw. v. Fr. Engels, S. IX.

2) См. напр., Das Kapital, B. III, Th. II, S. 339.

3) *K. Diehl.* Die Grundrententheorie im ökonomischen System von Karl. Marx. Conrad's Jahrbücher f. Nat. u. Stat. III F. 17 B. (1899) 4 Neft S. 450.

4) Das Kapital, B. III, Th. II, S. 153.

Digitized by Google

Иными словами, за предѣлами 3-го тома „Капитала" оказалось именно то, что составляетъ главное содержаніе такъ называемаго аграрнаго вопроса. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя замѣчанія, характеризующія взгляды Маркса по данному вопросу, мы найдемъ, хотя-бы и въ неудовлетворительномъ видѣ, и въ этомъ 3-мъ томѣ, и такъ какъ къ этимъ замѣчаніямъ обращались не разъ въ послѣдующей литературѣ, придавая имъ различное значеніе, то и мнѣ придется остановиться на ихъ разборѣ.

Въ § 5 главы VI второй части третьяго тома, носящей названіе: „Испольное хозяйство и мелкая крестьянская собственность", Марксъ даетъ категорическій неблагопріятный отзывъ объ этой послѣдней формѣ сельскаго хозяйства.

„Свободная собственность мелкихъ крестьянъ", — эта, по мнѣнію Маркса,—„очевидно, самая нормальная форма земельной собственности для мелкой промышленности", необходимо должна исчезнуть, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ. „Причины эти таковы: уничтоженіе, вслѣдствіе развитія крупной промышленности, сельской домашней промышленности, образующей нормальное дополненіе этой крестьянской собственности; постепенное обѣдненіе и истощеніе почвы, занятой этою (мелкою) культурою; узурпація крупными земельными собственниками общинной земельной собственности, образующей всюду второе дополненіе мелкаго хозяйства...; конкурренція со стороны крупнаго производства, плантаторскаго или капиталистическаго. Къ тому-же ведутъ, какъ это было въ первой половинѣ 18 столѣтія въ Англіи, улучшенія въ земледѣліи, которыя, съ одной стороны, приводятъ къ пониженію цѣнъ на произведенія земли съ другой стороны — требуютъ большихъ расходовъ и болѣе богатыхъ матеріальныхъ условій производства. Мелкая собственность исключаетъ по самой природѣ своей: развитіе общественныхъ производительныхъ силъ труда, общественную форму труда, общественную концентрацію капиталовъ, скотоводство въ большомъ масштабѣ, прогрессивное примѣненіе науки. Ростовщичество и система налоговъ приводятъ ее въ состояніе нищенства. Затрата капитала въ качествѣ цѣны за землю отвлекаетъ капиталъ отъ культуры. Безконечное раздробленіе средствъ производства и разобщеніе самихъ производителей, чрезмѣрная расточительность человѣческой силы, прогрессивное ухудшеніе условій производства и вздорожаніе средствъ производства—являются необходимымъ закономъ мелкой земельной собственности. Несчастье урожайныхъ лѣтъ для этого способа производства. Одинъ изъ специфическихъ недостатковъ мелкаго земледѣлія, тамъ, гдѣ оно связано съ свободною собственностью на землю, проистекаетъ изъ того, что земледѣлецъ затрачиваетъ капиталъ на покупку земли... При томъ подвижномъ характерѣ, который здѣсь принимаетъ земля въ качествѣ простого товара, растутъ перемѣны владѣльцевъ, такъ что при каждомъ новомъ поколѣніи, съ каждымъ новымъ раздѣломъ наслѣдства, земля, съ точки зрѣнія крестьянъ, является новою затратою капитала, т. е. представляется какъ бы купленною ими". Наконецъ, „мелкая земельная собственность создаетъ на половину стоящій внѣ общества классъ варваровъ, который всю дикость примитивныхъ общественныхъ формъ соединяетъ со всѣми мученіями и несчастьями цивилизованныхъ странъ" [1]).

Всѣ приведенныя мысли, которыя, въ цѣляхъ лучшей харак-

[1]) Ibidem, S. 341—2, 347—8.


Digitized by Google

теристики взглядовъ Маркса, я привелъ въ подлинныхъ словахъ, выражаютъ рядъ техническихъ, экономическихъ и исторически-общественныхъ недостатковъ мелкой земельной собственности,— недостатковъ, создающихъ преходящій историческій характеръ этой формы хозяйства. Насколько эти мысли правильны, или доказаны — вопросъ особый, которымъ я не стану заниматься въ данномъ мѣстѣ, посвященномъ исключительно установленію точки зрѣнія Маркса. Но очевидно, что если для этой послѣдней цѣли ограничиться приведенными цитатами, то впечатлѣніе, конечно, получится вполнѣ опредѣленное. Марксъ говоритъ здѣсь о судьбѣ мелкаго земледѣлія совершенно въ духѣ общей теоріи капиталистическаго развитія, развитой въ 1-мъ томѣ „Капитала", и естественно, что именно на основаніи этихъ мѣстъ большинство критиковъ нѣмецкаго ученаго приходило къ заключенію, что Марксъ приравнивалъ и въ 3-мъ томѣ законъ развитія аграрной жизни къ соотвѣтствующимъ законамъ въ области индустріи, игнорировалъ особенную природу сельскохозяйственнаго производства и т. д. Однако ко всѣмъ подобнымъ выводамъ необходимо относиться съ большою осторожностію, такъ какъ извѣстная доля истины въ нихъ перемѣшана съ значительною степенью недоразумѣнія. Это станетъ вполнѣ очевиднымъ послѣ сопоставленія приведенныхъ мѣстъ съ другими, относящимися къ тому же вопросу мѣстами того же 3-го тома.

Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что на ряду съ подчеркиваніемъ всѣхъ указанныхъ дефектовъ *мелкаго земледѣлія*, Марксъ указываетъ въ 3-мъ томѣ на цѣлый рядъ не меньшихъ недостатковъ крупнаго, капиталистическаго сельскаго хозяйства. Такъ, въ одномъ мѣстѣ Марксъ говоритъ о подчиненности земледѣльческаго производства климатическимъ и вообще стихійнымъ условіямъ, слѣдствіемъ чего является невозможность правильнаго увеличенія или уменьшенія количества земледѣльческихъ продуктовъ, и, отсюда, чрезвычайныя колебанія цѣнъ на послѣднія [1]). Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ указаніе на неудобства прибѣгать къ частому измѣненію культуръ вслѣдствіе колебаній цѣнъ на сельскохозяйственные продукты [2]). Далѣе обращаетъ на себя вниманіе замѣчаніе, принадлежащее, впрочемъ, не столько Марксу, сколько Энгельсу, что крупному сельскому хозяйству весьма трудно приходится въ борьбѣ съ представителями первобытныхъ способовъ производства, на сторонѣ которыхъ имѣется, однако, такое преимущество, какъ природныя богатства дѣвственственныхъ почвъ и т. д. [3]). Наконецъ, Марксъ съ полною опредѣленностью замѣчаетъ, что „духъ капиталистическаго произ-

---

[1]) Das Kapital, B. III, Th. I, S. 94—5.
[2]) Das Kapital, B. III, Th. II, S. 156, № 27
[3]) Ibidem, S. 259—60.

Digitized by Google

водства, принаровленнаго непосредственнымъ и ближайшимъ образомъ къ извлеченію денежной прибыли, противорѣчитъ земледѣлію“ [1]); что „капиталистическая система противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію, или раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистическою системою (хотя послѣдняя способствуетъ его техническому развитію) и нуждается или въ рукѣ самостоятельно работающаго мелкаго крестьянина или въ контролѣ ассоціированныхъ производителей“ [2]).

Всѣ эти разрозненныя, болѣе или менѣе мимоходомъ брошенныя замѣчанія весьма характерны. Въ общемъ они, на мой взглядъ, бросаютъ достаточный свѣтъ на то, что, во первыхъ, Марксъ прекрасно сознавалъ особенную природу сельскохозяйственнаго капитализма и вовсе не склоненъ былъ отождествлять послѣдній съ капитализмомъ индустріальнымъ, и что, во вторыхъ, Марксъ и крупное, капиталистическое хозяйство, на ряду съ мелкою его формою, считалъ недостаточнымъ, противорѣчащимъ требованіямъ раціональнаго земледѣлія. Послѣднее положеніе станетъ совершенно яснымъ, если, не ограничиваясь отдѣльными мѣстами упомянутой главы 3-го тома, мы возьмемъ эти мѣста въ связи съ общимъ контекстомъ. При такомъ сопоставленіи не трудно будетъ убѣдиться, что у Маркса на ряду съ указаніями недостатковъ мелкаго земледѣлія идутъ постоянно указанія на паралельные, дѣйствующіе въ томъ же направленіи и приводящіе приблизительно къ тѣмъ же результатамъ недостатки и капиталистическаго сельскаго хозяйства. Такъ, напримѣръ, я приводилъ уже слова Маркса о тѣхъ неудобствахъ и невыгодахъ, которыя создаются для мелкаго сельскаго хозяйства, благодаря необходимости затрачивать извѣстную часть капитала на покупку земли. Мы видѣли выше, что, по Марксу, это составляетъ „одинъ изъ специфическихъ недостатковъ мелкаго земледѣлія“. Однако, не далѣе, какъ черезъ нѣсколько страницъ мы узнаемъ, что „затрата денежнаго капитала на покупку земли... противорѣчитъ въ дѣйствительности капиталистическому способу производства“ [3]). Итакъ, одинъ и тотъ же недостатокъ имѣется, по мнѣнію Маркса, на сторонѣ какъ мелкаго, такъ и крупнаго сельскаго хозяйства. Далѣе, мы читали выше слова о томъ, что мелкое земледѣліе по самой природѣ своей исключаетъ общественную производительную силу труда. И опять-таки отъ того же Маркса мы узнаемъ о „противорѣчіи раціональному земледѣлію частной собственности на землю“, — той частной собственности на землю, которая служитъ „основою капиталистическаго способа производства“ [4]). И въ этомъ, слѣдовательно, отношеніи обѣ формы земледѣлія

---

[1]) Ibidem, S. 156. № 27.
[2]) Das Kapital, B. III, Th. I. S. 98.
[3]) Das Kapital, B. III, Th. II, S. 344—5.
[4]) Ibidem, S. 346.


Digitized by Google

раздѣляютъ, по мнѣнію нашего экономиста, одну и ту же судьбу, страдаютъ однимъ и тѣмъ же дефектомъ. Этой мысли Марксъ самъ даетъ весьма интересное разъясненіе: „при обѣихъ формахъ",—говоритъ онъ, — „взамѣнъ сознательнаго, раціональнаго обращенія съ землею, какъ съ общею, вѣчною собственностью, неотчуждаемымъ условіемъ существованія и воспроизводства цѣпи смѣняющихся человѣческихъ поколѣній выступаютъ эксплуатація и расточеніе силъ земли" [1]). Отчего же происходитъ это расхищеніе природныхъ силъ? Въ чемъ слѣдуетъ видѣть корень этого зла? Здѣсь мы подходимъ къ новому сопоставленію двухъ отрицательныхъ сторонъ обѣихъ формъ сельскохозяйственной дѣятельности. „При мелкой формѣ это происходитъ вслѣдствіе недостатка средствъ и знанія для примѣненія общественной производительной силы труда. При крупной—вслѣдствіе эксплуатаціи этихъ средствъ для возможно болѣе быстраго обогащенія арендаторовъ и собственниковъ. При обѣихъ формахъ—вслѣдствіе зависимости отъ рыночной цѣны" [2]). Итакъ, недостатокъ средствъ и знаній на сторонѣ одной формы компенсируется стремленіемъ къ эксплуатаціи этихъ средствъ со стороны второй формы. Наконецъ, мы познакомились выше съ аттестаціей мелкихъ сельскихъ хозяевъ, какъ класса варваровъ. Но какъ мало останется существеннаго содержанія и въ этомъ упрекѣ, если взять его въ связи съ тѣмъ, что тотъ же авторъ говоритъ о крупномъ земледѣліи. „Если",—читаемъ мы въ данномъ мѣстѣ,— „мелкая земельная собственность создаетъ на половину стоящій внѣ общества классъ варваровъ, который... и т. д., то крупная земельная собственность подрываетъ рабочую силу въ послѣдней области, гдѣ ищетъ убѣжища ея природная энергія, и гдѣ она накопляется, какъ резервный фондъ для возстановленія жизненныхъ силъ народовъ — въ самой деревнѣ" [3]). Да и вообще,— замѣчаетъ Марксъ въ концѣ данной главы, — „всякая критика мелкой земельной собственности въ послѣдней инстанціи растворяется въ критикѣ частной собственности, какъ предѣла и препятствія земледѣлія. Точно такъ же, какъ всякая противоположная критика крупной земельной собственности" [4]).

Послѣднія слова вскрываютъ общую мысль, легшую въ основу главы 3-го тома „Капитала" о мелкомъ земледѣліи, намѣчаютъ тѣ цѣли, которыя авторъ въ ней преслѣдовалъ, и этимъ самымъ опредѣляютъ то общее толкованіе, котораго мы обязаны держаться въ критикѣ отдѣльныхъ мѣстъ этой главы. Изъ этихъ словъ до очевидности становится яснымъ, что, критикуя въ данной главѣ мелкую земельную собственность, указывая рядъ

[1]) Ibidem, *S*. 347.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, *S*. 347—8.
[4]) Ibidem, *S*. 347.

Digitized by Google

недостатковъ послѣдней, Марксъ все время исходилъ изъ критики болѣе общей — самого института частной собственности. Онъ далъ параллельно и анализъ ряда не менѣе важныхъ дефектовъ крупной земельной собственности, объясняемыхъ, съ его точки зрѣнія, вліяніемъ тѣхъ же общихъ причинъ. Марксъ сознавалъ невыгоды и мелкой, и крупной земельной собственности и говорилъ о гибели и той, и другой. Но содержится ли во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ рѣшеніе того, что принято въ настоящее время облекать въ терминъ „аграрнаго вопроса“? Нисколько. Марксъ не далъ отвѣта на вопросъ о судьбѣ мелкой земельной собственности или мелкаго землевладѣнія, какъ таковаго, внѣ отношенія къ вліянію частной собственности, какъ элемента, раздѣляемаго и другими формами земельной собственности. Должна ли мелкая земледѣльческая промышленность погибнуть, но погибнуть не въ общемъ историческомъ смыслѣ, раздѣляя судьбу всѣхъ по существу не вѣчныхъ соціальныхъ институтовъ, а погибнуть подъ давленіемъ крупнаго земледѣльческаго производства? Устоитъ ли мелкое земледѣліе въ борьбѣ съ земледѣльческимъ капитализмомъ? Должно ли оно обязательно пройти черезъ эту фазу капитализма, прежде чѣмъ переработаться въ болѣе совершенныя общественныя формы? Повторится ли и въ области земледѣлія эволюція индустріи, гдѣ вытѣсненіе мелкой промышленности крупною и прогрессивная концентрація производства явились преобладающею тенденціею, необходимымъ слѣдствіемъ роста производительныхъ силъ? На всѣ эти вопросы, совокупность которыхъ и составляетъ главное содержаніе того, что въ настоящее время принято называть „аграрнымъ вопросомъ“, мы напрасно стали бы искать отвѣта въ 3-мъ томѣ „Капитала“.

Но прежде, чѣмъ сдѣлать отсюда окончательный выводъ насчетъ воззрѣній Маркса, необходимо еще остановиться на послѣднихъ строкахъ разбираемой главы, содержащихъ весьма существенную и характерную мысль. „Крупная промышленность“,— говорится здѣсь,—„и промышленнымъ образомъ организованное крупное земледѣліе дѣйствуетъ совмѣстно. Если первоначально они и различаются тѣмъ, что первая разрушаетъ болѣе рабочую силу, т. е. природную силу людей, а послѣднее дѣйствуетъ прежде всего на природную силу земли, то позже, при дальнѣйшемъ развитіи, они подаютъ другъ другу руку, такъ какъ промышленная система обезсиливаетъ также рабочихъ въ деревнѣ, а промышленность и торговля создаютъ, съ своей стороны, средства для истощенія земли“ [1]).

Этотъ отрывокъ далеко не отличается ясностью, но онъ интересенъ въ одномъ отношеніи: здѣсь несомнѣнно брошенъ

[1]) Ibidem, S. 348.


Digitized by Google

„взглядъ на будущее“, и мы видимъ, что матеріаломъ для этого будущаго должны служить по Марксу: съ одной стороны, крупная индустрія, съ другой—крупное земледѣліе. Эти двѣ формы промышленности „подаютъ другъ другу руку“ для совмѣстной работы въ сторону реформированія экономическаго строя. Въ земледѣліи, слѣдовательно, какъ и въ индустріи, единственно прогрессивнымъ элементомъ оказывается капитализмъ, и мелкая форма здѣсь обречена на ея обычную реакціонную роль. Такъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ понимать мысль Маркса.

Резюмируя содержаніе взглядовъ творца теоріи капиталистическаго развитія по аграрному вопросу, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ.

Марксъ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣста изъ третьяго тома „Капитала“, понималъ специфическую природу аграрныхъ отношеній. Онъ отмѣтилъ рядъ техническихъ и экономическихъ особенностей сельскаго хозяйства, противорѣчащихъ природѣ и требованіямъ капитализма. Но аграрнаго вопроса, какъ таковогo, для него не существовало и въ этомъ 3-мъ, какъ и въ 1-мъ томѣ „Капитала“. Правда, въ 3-мъ томѣ имѣется краткій анализъ мелкой земельной собственности, но послѣдняя взята здѣсь въ общемъ, такъ сказать, видѣ, по отношенію къ вліянію института частной собственности, накладывающему свою руку и на крупное сельское хозяйство. Но Марксъ не анализировалъ вопросъ объ отношеніи мелкаго сельскаго хозяйства къ крупному, капиталистическому, и тѣмъ не менѣе ничто не даетъ права предполагать, чтобы онъ допускалъ въ той или иной формѣ активную роль мелкаго сельскаго хозяйства. Совершенно наоборотъ, судя по 3-му, какъ и по 1-му тому „Капитала“, судя по всему, написанному Марксомъ, можно безошибочно заключить, что съ его точки зрѣнія экономическая эволюція должна пойти мимо крестьянства, или вѣрнѣе сказать, насчетъ крестьянства, какъ она идетъ насчетъ мелкихъ членовъ индустріальной семьи.

Очевидно, такимъ образомъ, что 3-й томъ „Капитала“ не въ состояніи былъ дать многаго для разрѣшенія важной и сложной проблемы, начинавшей волновать, какъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, умы послѣдователей нѣмецкаго ученаго. Недостаточность, неудовлетворительность того, что сказано Марксомъ по аграрному вопросу, бросалась въ глаза. Мысль, что невозможно довольствоваться нѣсколькими вскользь помѣщенными разсужденіями хотя бы и геніальнаго мыслителя тамъ, гдѣ дѣло идетъ о живомъ комплексѣ общественныхъ отношеній, вѣчно видоизмѣняющихся и развивающихся,—эта мысль неуклонно пробивала себѣ дорогу, вербуя все болѣе и болѣе приверженцевъ, настаивавшихъ на необходимости постановки и рѣшенія аграрнаго вопроса. Дѣло, начатое Фольмаромъ на франкфуртскомъ

Digitized by Google

партейтагѣ, скоро стало дѣломъ, живо задѣвшимъ всѣхъ послѣдователей Маркса.

IV.

На сцену теперь выступилъ научный alter ego Маркса—Фр. Энгельсъ. Въ своей статьѣ „Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи“ онъ далъ слѣдующее освѣщеніе аграрнаго вопроса. Сельское населеніе, говоритъ онъ, состоитъ изъ разнообразныхъ классовъ. Помимо лицъ, занятыхъ въ капиталистическомъ земледѣліи, само крестьянство представляетъ собою разношерстную массу. Энгельсъ и переходитъ къ характеристикѣ отдѣльныхъ слоевъ сельскихъ жителей. Онъ начинаетъ съ характеристики мелкаго крестьянина, такъ какъ, во первыхъ, послѣдній, по его словамъ, является для всей Западной Европы важнѣйшимъ элементомъ крестьянства, и такъ какъ, во-вторыхъ, именно этотъ мелкій крестьянинъ стоитъ въ центрѣ споровъ по аграрному вопросу. Каково же современное положеніе мелкаго крестьянина, каковы его нужды, его интересы? „Развитіе капиталистическихъ формъ производства отрѣзало жизненный нервъ мелкому производству въ сельскомъ хозяйствѣ; послѣднее падаетъ и гибнетъ неминуемо“. Отъ прежняго натуральнаго и самодовлѣющаго крестьянскаго хозяйства не осталось и слѣда. „Капиталистическое производство положило ему конецъ при помощи денежнаго хозяйства и крупной индустріи... И такимъ образомъ крестьянинъ опускается все глубже. Налоги, неурожаи, наслѣдственные раздѣлы, процессы гонятъ одного крестьянина за другимъ къ ростовщику, задолженность становится все болѣе общею и для каждаго въ отдѣльности болѣе глубокою—словомъ, нашъ крестьянинъ, какъ всякій пережитокъ прошедшаго способа производства, безповоротно подверженъ гибели. Онъ будущій пролетарій“. Это относится къ мелкому крестьянину, но въ общемъ все это приложимо и къ среднему, и къ крупному крестьянству. „Мы увѣрены въ той экономической истинѣ, что крупный и средній крестьянинъ рѣшительно также долженъ изнемочь подъ давленіемъ конкурренціи со стороны крупнаго и дешеваго заморскаго хлѣбнаго производства, какъ это доказываетъ растущая задолженность и повсемѣстно замѣчаемый упадокъ“ [1]).

Таково мнѣніе Энгельса. Очевидно, что это мнѣніе столь же рѣшительно, сколь близко подходитъ къ приведеннымъ соображеніямъ Маркса. Но Марксъ затрагивалъ аграрный вопросъ лишь мимоходомъ. Совсѣмъ другое дѣло Энгельсъ. Въ статьѣ, спеціально посвященной аграрному вопросу, онъ высказалъ „увѣрен-

[1]) *Fr. Engels.* Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland. № 2. Iahrb. XIII (1894—5] B. I. № 10, S. 293—4,294—5, 304.



ность“ въ предстоящей гибели мелкаго, да вдобавокъ средняго и крупнаго крестьянства, между которыми, съ одной стороны, и ремесленниками, съ другой, онъ также проводитъ „параллель“ [1]). На чемъ, однако, онъ основываетъ эту смѣлую „увѣренность“, высказанную не далѣе, какъ въ 95 году, т. е. тогда, когда цѣлый рядъ экономистовъ самыхъ разнообразныхъ научныхъ школъ и общественныхъ направленій съ фактами въ рукахъ успѣшно доказывали противоположное, и когда „молодые“ изъ собственнаго лагеря Энгельса, какъ мы видѣли выше, опредѣленно заявляли о необходимости пересмотра „схемы“, о несоотвѣтствіи ея явленіямъ аграрной жизни, о невозможности прилагать къ послѣдней „шаблонъ“, заимствованный изъ анализа индустріи и т. д. Марксъ, какъ мы видѣли, аграрнаго вопроса далеко не изслѣдовалъ, и теорія капиталистическаго развитія, установленная этимъ ученымъ, не давала строго научнаго основанія для „увѣренности“ его alter ego. Приведенныя же послѣднимъ фактическія указанія носятъ чрезвычайно поверхностный характеръ и далеко не годятся въ качествѣ основанія для столь рѣшительныхъ заключеній. Мы видѣли эти основанія. Мы видѣли, что Энгельсъ ссылается на задолженность, общій упадокъ, трудность конкурренціи. Все это факты, въ реальности которыхъ, разумѣется, невозможно сомнѣваться. Но рѣшается ли этимъ вопросъ въ сторону „увѣренности“ Энгельса? Только замуровавшись въ своей старой схемѣ и отворачиваясь отъ дѣйствительности, Энгельсъ могъ не замѣтить, что и крупное сельское хозяйство переживаетъ „упадокъ“ или, точнѣе говоря, кризисъ, что и оно страдаетъ и отъ задолженности, и отъ конкурренціи. „Конкурренціи съ кѣмъ“? быть можетъ, спроситъ иной читатель. Въ томъ то и дѣло, что въ той же статьѣ мы находимъ у Энгельса слѣдующія любопытныя слова: „Конкурренція Сѣверной и Южной Америки и Индіи наводнила европейскій рынокъ дешевыми хлѣбами,—столь дешевыми, что *никакой* (курс. нашъ, какъ и ниже) мѣстный производитель не можетъ выдерживать конкурренціи. *Крупный землевладѣлецъ, какъ и крестьянинъ видятъ оба одинаково гибель предъ глазами*“ [2]).

А въ упомянутомъ уже нами мѣстѣ, вставленномъ въ 3-й томъ „Капитала“ Энгельсомъ, послѣдній, говоря на ту же тему, съ особенною силою подчеркиваетъ затрудненія, вытекающія отсюда именно для капиталистическаго сельскаго хозяйства.

Именно, говоря объ „удивительной жизнеспособности класса крупныхъ земельныхъ собственниковъ“, Энгельсъ далѣе приводитъ причины, по которымъ „эта жизнеспособность класса крупныхъ земельныхъ собственниковъ постепенно исчерпывается“. „Все преходяще“, — замѣчаетъ

1) Ibidem, S. 297, 304.
2) Ibidem, S. 293.

Digitized by Google

онъ,—„за океанскіе пароходы, сѣверо и южно-американскія и индійскія желѣзныя дороги привели совсѣмъ особыя земли въ такое положеніе, что онѣ оказались въ состояніи конкуррировать на европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ. Это были, съ одной стороны, сѣверо-американскія преріи, аргентинскіе пампасы, степи, самою природою подготовленныя для плуга, дѣвственная земля, которая, даже при первобытной обработкѣ и безъ удобренія, долгіе годы приносила обильные плоды. А съ другой стороны, это были земли русскихъ и индійскихъ коммунистическихъ общинъ, которыя одну часть своихъ продуктовъ, и притомъ часть все возрастающую, принуждены были продавать, чтобы раздобыть деньги для уплаты податей... Эти продукты продаются безъ всякаго соображенія съ стоимостью производства, продаются по цѣнѣ, которую предлагаетъ покупатель, такъ какъ крестьянинъ обсолютно принужденъ имѣть деньги къ сроку уплаты (податей). И противъ этой конкурренціи — дѣвственныхъ степныхъ земель и изнемогающихъ подъ тяжестью налоговъ русскихъ и индійскихъ крестьянъ — европейскій арендаторъ и крестьянинъ при прежней рентѣ не могъ устоять... Ренты всюду понизились, падающая цѣна и падающая производительность новыхъ затратъ капитала сдѣлались правиломъ для Европы, и отсюда вопли аграріевъ, раздающіеся отъ Шотландіи до Италіи, отъ Южной Африки до Восточной Пруссіи. По счастью еще далеко не всѣ степныя земли взяты подъ обработку, еще имѣется ихъ достаточно, чтобы разрушить все европейское крупное землевладѣніе, да сверхъ того и мелкое" [1]).

Но объ этихъ-то „вопляхъ аграріевъ" забылъ въ своей статьѣ Энгельсъ; онъ забылъ, что и онъ, какъ и Марксъ, въ данномъ случаѣ подчеркивалъ затрудненіе сельскаго хозяйства, свойственное какъ мелкой, такъ и крупной формѣ послѣдняго. Если бы при этомъ Энгельсъ принялъ во вниманіе, что та конкурренція, о которой онъ говоритъ, и противъ которой, по его мнѣнію, безсильны и крупный рентьеръ, и мелкій крестьянинъ, является основнымъ моментомъ, въ значительной степени опредѣляющимъ и „упадокъ", и „задолженность", и многіе другіе недочеты сельскаго хозяйства; еслибы, съ другой стороны, Энгельсъ потрудился проанализировать, для какой именно формы сельскаго хозяйства, мелкой или крупной, конкурренція и связанный съ нею кризисъ являются болѣе переносимыми,—онъ, мнѣ кажется, долженъ былъ бы воздержаться отъ выраженія своей „увѣренности",—увѣренности, не почерпнутой изъ анализа своеобразныхъ отношеній сельскаго хозяйства, а основанной исключительно на признанной какъ бы lege tacitu аналогіи съ тенденціями развитія индустріи.

Однако, при всей своей теоретической приверженности къ старому предразсудку по отношенію къ аграрному вопросу, Энгельсъ, повинуясь логикѣ вещей и силѣ обстоятельствъ, вынужденъ былъ сдѣлать въ данной области шагъ впередъ въ практическомъ отношеніи. Свою статью онъ прямо начинаетъ съ заявленія о необходимости внесенія въ программу аграрнаго вопроса. Мало того, онъ выражаетъ даже удивленіе по поводу того, „что этого уже

1) Das Kapital, B. III, Th. II, S. 259—60.


Digitized by Google

давно не случилось". Вѣдь за исключеніемъ, говоритъ онъ, лишь Англіи и Восточной Пруссіи всюду „отъ Ирландіи до Сициліи, отъ Андалузіи до Россіи и Болгаріи крестьянинъ является весьма существеннымъ факторомъ населенія и производства" 1). Какъ же слѣдуетъ относиться къ этому „фактору"? Крестьяне неминуемо, по его мнѣнію, обратятся въ пролетаріевъ. Не слѣдуетъ, поэтому, пытаться „нынѣшнюю кажущуюся земельную собственность мелкихъ крестьянъ превратить въ собственность дѣйствительную и, слѣдовательно, мелкаго задолженнаго пахаря превратить въ свободнаго отъ долговъ собственника". Этому собственнику все равно грозитъ гибель, а возстановлять и укрѣплять осужденное на гибель—значитъ, пытаться „повернуть назадъ колесо исторіи". Съ другой стороны, и „предвидя неизбѣжность гибели мелкаго крестьянства, никоимъ образомъ не слѣдуетъ стремиться къ ускоренію этой гибели". Нѣтъ, Энгельсъ видитъ иное средство къ урегулированію соціальнаго положенія крестьянства. Что касается мелкихъ крестьянъ, то нужно стремиться „ихъ частное производство и частное владѣніе превратить въ товарищеское (артельное—„genossenschaftlich"), не силою, а примѣромъ и предложеніемъ общественной помощи для этой цѣли". Гибель средняго и крупнаго крестьянства также неизбѣжна. „Противъ этой гибели также нельзя предпринять ничего иного, какъ рекомендовать превращеніе владѣній въ товарищества, при которыхъ эксплуатація наемнаго труда все болѣе и болѣе устраняется, и можетъ быть положено начало превращенію постепенному, превращенію въ равноправныя и равнообязанныя отрасли большого національнаго производительнаго товарищества" 2).

Въ мою задачу не входитъ разборъ аграрнаго вопроса въ его практическомъ значеніи. Но, по поводу приведенныхъ предложеній Энгельса, я не могу не замѣтить слѣдующаго. Очевидно, что *практически* Энгельсъ пришелъ къ постановкѣ аграрнаго вопроса, какъ вопроса самостоятельнаго, требующаго особаго разрѣшенія. И нельзя сказать, чтобы этотъ практическій взглядъ находился въ полной гармоніи съ тѣмъ теоретическимъ равнодушіемъ къ аграрнымъ отношеніямъ, которое мы встрѣчаемъ у Энгельса наравнѣ съ Марксомъ. Если Энгельсъ пришелъ къ необходимости рекомендовать организацію крестьянскихъ производительныхъ товариществъ, то это означаетъ, что онъ сознавалъ наличность въ быту этого крестьянства какихъ-то специфическихъ условій и отношеній, отсутствующихъ въ индустріи. Иными словами, *практически* Энгельсъ пришелъ къ рѣшенію аграрнаго вопроса, для котораго *теоретической* основою могъ бы служить единственно нераздѣляемый Энгельсомъ взглядъ на особые за-

1) Fr. Engels, l. c.. S. 292.
2) Ibidem, S. 300, 301, 302, 304.

Digitized by Google

коны развитія сельско-хозяйственной жизни. Это вопіющее противорѣчіе между теоретическими воззрѣніями и практическими выводами изъ нихъ со стороны такого талантливаго писателя, какъ Энгельсъ, можетъ служить лишнимъ доказательствомъ того, какъ мучительно и трудно дается людямъ ломка убѣжденій.

А что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ такою ломкою, доказываетъ дальнѣйшее движеніе теоретической мысли въ области аграрнаго вопроса.

На слѣдующемъ, бреславльскомъ партейтагѣ внутреннее противорѣчіе, которымъ страдаетъ статья Энгельса, было отмѣчено Давидомъ. „Энгельсъ“,—сказалъ послѣдній,—„въ своей статьѣ, *вопреки* тому своему воззрѣнію, что крестьянству приходитъ конецъ, все-же приходитъ къ заключенію, что для крестьянъ должно быть что-то сдѣлано въ *настоящее время*“. О себѣ Давидъ заявлялъ, что онъ не только въ практическомъ смыслѣ, но и теоретически смотритъ иначе на значеніе аграрнаго вопроса. Центромъ послѣдняго онъ считаетъ „вопросъ: превосходитъ ли крупное хозяйство мелкое“ въ сельской промышленности. „Впрочемъ“,—сознается онъ,—„этотъ вопросъ является для спеціалистовъ нерѣшеннымъ, спорнымъ вопросомъ. „Твердой научной почвы“ не существуетъ; не существуетъ двухъ профессоровъ, которые мыслятъ одинаково по одному вопросу. Наука имѣетъ рѣшимость постоянно мѣнять свою скорлупу“ [1]). Гораздо рѣшительнѣе высказался здѣсь Шенланкъ. „Пересмотръ нашихъ воззрѣній идетъ впередъ неудержимо“,—категорически заявилъ онъ,—„и завзятый фанатизмъ партійныхъ догматиковъ начинаетъ уже разрушаться... Аграрныя отношенія не допускаютъ обсужденія по старому шаблону, такъ часто заступавшему мѣсто изслѣдованія и познанія. Фанатизмъ догмы (Dogmenfanatismus) гораздо хуже фанатизма собственности мелкихъ крестьянъ. Къ тому же этотъ партійный догматизмъ никоимъ образомъ не является выводомъ изъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Марксъ и Энгельсъ были бы не очень благодарны за то, что ихъ воззрѣнія истолковывали въ смыслѣ шаблона. (Мы видѣли, однако, что самъ Энгельсъ былъ далеко не безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи). Энгельсъ еще недавно въ короткомъ письмѣ говорилъ, что марксисты часто ложно понимали Маркса и неправильно примѣняли методъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Мы обязаны измѣнить нашу тактику соотвѣтственно измѣнившимся отношеніямъ... Каутскій говорилъ о желѣзныхъ фактахъ и естественной необходимости; но желѣзные факты съ естественною необходимостью доказываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ переворо-

---

1) Protokoll uebe die Verhandlungen des Parteitages zu Breslau (1895). Berlin 1895, S. 136, 135.


Digitized by Google

томъ въ сельскомъ хозяйствѣ и съ переворотомъ въ области нашихъ воззрѣній о сельскомъ хозяйствѣ“ [1]).

Тѣмъ не менѣе эти рѣшительныя слова, этотъ энергическій призывъ, подкрѣпленый многими другими видными послѣдователями Маркса, при всемъ своемъ теоретическомъ значеніи, къ непосредственнымъ практическимъ результатамъ не привелъ. Хранителями „догмы“ и сторонниками „шаблона“ явились Каутскій, Шиппель, Кваркъ и другіе видные и невидные дѣятели, и аграрная программа, выставленная новаторами марксизма, потерпѣла фіаско. Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробномъ разборѣ тѣхъ аргументовъ, которые были приведены въ пользу этого отклоненія программы; я замѣчу только, что даже Каутскій на этотъ разъ призналъ, что „ходъ развитія въ сельскомъ хозяйствѣ иной, нежели въ индустріи; что, напримѣръ, крупное производство въ сельскомъ хозяйствѣ не обладаетъ тѣми преимуществами, какими оно обладаетъ въ индустріи“. „Но“,—говоритъ далѣе Каутскій,—„особенныя выгоды мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ перевѣшиваются особенными его невыгодами, такъ что можно установить аналогію между мелкими ремесленниками и крестьянами“. И ремесленники, и крестьяне являются элементами общества нежизнеспособными. Имъ можно и должно придти на помощь экономическую и общественную, но нельзя принять программу, направленную къ упроченію мелкаго производства, исторически-нежизнеспособнаго [2]).

Самъ по себѣ этотъ выводъ, при предположеніи правильности первоначальной посылки, долженъ быть признанъ правильнымъ. Какъ вѣрно замѣтилъ Зомбартъ, „идеаломъ соціальной политики является экономически совершенное... Здоровая соціальная политика должна поставить себѣ задачею наивозможную поддержку соціальныхъ классовъ, представляющихъ хозяйственный прогрессъ, такъ какъ только такимъ путемъ можетъ быть осуществленъ ея идеалъ: наивысшее развитіе производительныхъ силъ“ [3]). Ясно отсюда слѣдующее. Разъ Каутскій, Шиппель и др. предполагали, что, не смотря на нѣкоторыя отличія земледѣльческой промышленности, въ общемъ и цѣломъ ростъ производительныхъ силъ приводитъ и въ сельскомъ хозяйствѣ къ тому-же, къ чему онъ приводилъ въ индустріи: къ вытѣсненію мелкаго производства крупнымъ со всѣми отсюда послѣдствіями, — то, исходя изъ этого теоретическаго убѣжденія, они естественно умозаключали, что связывать извѣстные разсчеты въ области соціаль-

---

1) Ibidem, S. 152—3.

2) Ibidem, S. 125. 124.

3) *Werner Sombart*. Ideale der Socialpolitik, Braun's Archiw f. Soz. Gestzg. u. Statist. B. X (1897), H. I, S. 44.

Digitized by Google

ной политики съ классомъ крестьянства — значитъ лишь стремиться къ движенію вспять.

Но позволительно спросить: доказана-ли основная посылка? на чемъ основывается сказанное теоретическое убѣжденіе? Неужели на томъ-же, на чемъ покоилась разобранная выше „увѣренность" Энгельса? Несомнѣнно. Никакихъ другихъ основаній для данной теоріи не могло существовать, такъ какъ основатели теоріи капиталистическаго развитія, какъ мы видѣли, не дали изслѣдованія аграрнаго вопроса, а, съ другой стороны, за дѣло такого изслѣдованія къ тому времени не принимался ни одинъ изъ противниковъ аграрной программы.

Какъ-бы то ни было, ничѣмъ не обоснованная теорія оказалась побѣдительницею. Аграрная программа была отвергнута. Затѣмъ въ теченіе долгаго времени господствовало, по замѣчанію Оппенгеймера, „разумное воздержаніе" по отношенію къ этой злосчастной программѣ, такъ какъ „не осмѣливались прикоснуться къ горячему желѣзу" [1]). Это воздержаніе продолжается и по настоящій день. Тѣмъ не менѣе въ направленіи теоретической разработки вопроса возникла оживленная дѣятельность. Мало по малу созрѣло убѣжденіе, что ни къ какимъ точнымъ рѣшеніямъ и опредѣленнымъ практическимъ выводамъ невозможно придти при отсутствіи прочнаго теоретическаго фундамента. Къ созданію этого послѣдняго и обратились въ соотвѣтствующей литературѣ.

Съ большимъ умѣніемъ и знаніемъ дѣла выступилъ Давидъ съ своими статьями, озаглавленными. „Экономическія различія между сельскимъ хозяйствомъ и индустріей" и „Къ вопросу о способности мелкаго сельско-хозяйственнаго производства къ конкурренціи".

Въ первой изъ нихъ [2]) Давидъ замѣчаетъ, что вопреки обычному и въ примѣненіи къ индустріи совершенно правильному представленію, „поглощеніе мелкихъ производствъ средними, среднихъ крупными, крупныхъ гигантскими предпріятіями (Riesenbetribe) не можетъ быть констатировано, какъ *общее, массовое* явленіе, нигдѣ въ земледѣліи". Весьма часто мелкое, крестьянское хозяйство уступаетъ мѣсто крупному, но не вслѣдствіе техническихъ или экономическихъ преимуществъ послѣдняго. Съ другой стороны, мы видимъ нерѣдко примѣры, когда, какъ напримѣръ въ Ирландіи, крупная земельная собственность, путемъ сдачи въ аренду отдѣльными участками, превращается въ рядъ мелкихъ хозяйствъ. „Было-бы неслыханною вещью",—остро-

---

1) *Fr. Oppenheimer.* Kautsky als Wirtschaftstheoretiker, „Die Zukunft", Iahrg. VII (1899), № 45, S. 241.

2) *Dr. Ed.David* Oekonomische Verschiedenehiten zwischen Landwirtschaft und Industrie. „N. Z." Iahrg. XIII (18994—5), B. II, № 41, S. 449—55.

Digitized by Google

умно замѣчаетъ по этому поводу Давидъ,—„если-бы Круппъ пожелалъ использовать свое имущество путемъ сдачи его въ аренду по частямъ самостоятельнымъ кузнецамъ, слесарямъ, рудокопамъ и т. д. Аграрные капиталисты, однако, это обыкновенно дѣлаютъ. Они должны имѣть экономическія основанія для этого несимпатичнаго индустріальнымъ капиталистамъ поведенія, если только не предположить, что у нихъ не достаетъ ума и пониманія въ дѣлѣ ихъ хозяйственной выгоды". Такъ какъ послѣднее „обидное" для сельскихъ капиталистовъ предположеніе немыслимо. такъ какъ оно опровергается всѣмъ прочимъ ихъ поведеніемъ, то, очевидно, необходимо придти къ другому заключенію: „бросающаяся въ глаза упорная сила сопротивленія, оказываемая мелкимъ сельско-хозяйственнымъ производствомъ его крупнымъ мѣстнымъ (слѣдовательно, работающимъ при прочихъ равныхъ внѣшнихъ условіяхъ) конкуррентамъ, во всякомъ случаѣ достаточна для того, чтобы предостеречь отъ простого перенесенія хозяйственно-исторической теоріи, пригодной для индустріи. Теоретическая аналогія, для которой дѣйствительность не даетъ подтвержденія, по меньшей мѣрѣ сомнительна, и ея провѣрка является умѣстною" (449—50).

Въ дальнѣйшемъ авторъ и задается цѣлью такой провѣрки. Онъ изображаетъ „чистый случай". Онъ беретъ, съ одной стороны, крупное, съ другой—мелкое сельско-хозяйственныя производства, поставленныя—помимо одной своей черты: размѣровъ—въ совершенно одинаковыя условія. Земля ихъ одинаково цѣнная, незадолженная, одинаково расположенная; владѣльцы совершенно равны другъ другу по интеллигентности и профессіональнымъ познаніямъ; оба производства, наконецъ, поставлены въ одинаковыя благопріятныя условія обмѣна. „Единственнымъ различіемъ, такимъ образомъ, является *крупное* производство на одной сторонѣ, *мелкое* производство — на другой сторонѣ". Въ такихъ методологическихъ границахъ Давидъ берется за изслѣдованіе вопроса: „пользуется-ли и въ сельскомъ хозяйствѣ крупное производство такими-же экономическими преимуществами передъ мелкимъ, какими крупная индустрія пользуется передъ мелкою промышленностью"? И чтобы рѣшить этотъ вопросъ, авторъ предлагаетъ анализъ „трехъ клапановъ производства": 1) силъ и средствъ производства, 2) процесса производства и 3) продажи продуктовъ. И по отношенію ко всѣмъ этимъ моментамъ или „клапанамъ" производства Давидъ констатируетъ существенныя отличія сельскаго хозяйства отъ индустріи.

Силы производства подраздѣляются на человѣческія и нечеловѣческія. Что касается первыхъ, то, по мнѣнію Давида, трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ требуетъ наличности особыхъ качествъ. Крупный фабрикантъ имѣетъ передъ ремесленникомъ уже то преимущество, что онъ въ большей мѣрѣ въ состояніи

Digitized by Google

утилизировать простую, неквалифицированную рабочую силу. Другое дѣло въ сельскомъ хозяйствѣ. Трудъ здѣсь не является шаблоннымъ, онъ требуетъ особой внимательности, личной иниціативы работающаго; здѣсь необходимо особое изученіе всѣхъ условій данной мѣстности, постоянное соображеніе съ погодою и т. д. Поэтому, простая, не специализировавшаяся рабочая сила можетъ находить въ сельскомъ хозяйствѣ лишь случайное примѣненіе, и притомъ примѣненіе съ одинаковою пользою и вредомъ какъ для крупнаго, такъ и для мелкаго хозяйства. Крупному сельскому хозяину покупка рабочей силы обходится не дешевле, нежели мелкому. Съ другой стороны, сельско-хозяйственный трудъ требуетъ особой внимательности, прилежанія, извѣстнаго психологическаго расположенія; къ тому же разбросанные на громадномъ пространствѣ, въ поляхъ и лугахъ, въ амбарахъ и конюшняхъ сельско-хозяйственные рабочіе мало доступны контролю, столь легко достижимому въ индустріи съ ея сконцентрированнымъ производствомъ. Все это вмѣстѣ взятое, съ одной стороны, ставитъ крупное сельское хозяйство по отношенію къ наемному труду въ менѣе выгодныя условія сравнительно съ индустріей, а съ другой стороны, создаетъ для мелкаго сельскаго хозяина-крестьянина такія преимущества, которыми не пользуется ремесленникъ. Такъ обстоитъ дѣло по отношенію къ живой рабочей силѣ, къ „субъективному“ фактору производства, по терминологіи Маркса. Не меньшія особенности сельскаго хозяйства вырисовываются и на сторонѣ „объективнаго“ фактора производства, нечеловѣческой рабочей силы, силы животной, машинъ, инструментовъ, а также *средствъ* производства. Животная сила имѣетъ въ сельскомъ хозяйствѣ гораздо больше примѣненія, нежели въ индустріи. Между тѣмъ массовое примѣненіе къ производству животныхъ не вызываетъ замѣтнаго удешевленія послѣднихъ. Десять животныхъ лошадиныхъ силъ стоятъ въ 10 или почти въ 10 разъ дороже одной лошадиной силы. Поэтому примѣненіе животной силы, этого виднаго фактора сельско-хозяйственнаго производства, обходится крупному сельскому хозяину почти такъ же дорого, какъ крестьянину. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ индустріи. Тамъ каждая механическая лошадиная сила обходится тѣмъ дешевле, чѣмъ въ большихъ размѣрахъ она производится, чѣмъ крупнѣе, слѣдовательно, производство. Далѣе, машины въ сельскомъ хозяйствѣ не въ состояніи играть той роли и произвести такой переворотъ, какъ въ индустріи. Прежде всего машины не даютъ удобренія, что является съ ихъ стороны минусомъ по сравненію съ рабочею силою. Во вторыхъ, механическій двигатель дѣйствуетъ въ индустріи въ стоячемъ положеніи, въ сельскомъ же хозяйствѣ онъ находится въ состояніи движенія. Степень примѣненія здѣсь тѣсно связана съ размѣрами того пространства, на которомъ

Digitized by Google

машинѣ приходится дѣйствовать, между тѣмъ въ индустріи примѣненіе машинъ не наталкивается на препятствія, связанныя съ пространствомъ ихъ дѣйствія. Да, наконецъ, не всегда машина можетъ замѣнить собою рабочую силу человѣка въ сельскомъ хозяйствѣ: послѣднее есть „eine Pflegewirtschaft", оно требуетъ особаго къ себѣ вниманія, особаго за собою ухаживанія, которое подъ силу только человѣку, а не машинѣ. По этой же причинѣ въ земледѣліи имѣютъ относительно большое распространеніе ручные инструменты, и, такимъ образомъ, для крупнаго сельскаго хозяина отпадаетъ часть выгодъ, связанныхъ для фабриканта съ переходомъ къ высшимъ орудіямъ производства. Столь же замѣтны отличія сельскаго хозяйства отъ индустріи въ отношеніи сырого матеріала: удобренія, сѣмянъ, земли. Покупка искусственнаго удобренія, пожалуй, обходится крупному хозяину дешевле, нежели мелкому. Но крестьяне могутъ преодолѣть это неудобство, организовавши товарищества для покупки удобренія. Относительно же навоза находятся въ лучшемъ положеніи тѣ хозяева, которые относительно меньше продаютъ полевыхъ продуктовъ, т. е. крестьяне. Для полученія сѣмянъ, поскольку послѣднія пріобрѣтаются покупкою, мелкіе хозяева могутъ утилизировать всѣ выгоды оптовой закупки помощью организаціи товариществъ съ этою цѣлью. Для полученія же сѣмянъ изъ собственнаго хозяйства требуется знаніе условій почвы и мѣстности, особая заботливость и наблюдательность, словомъ, требуется та „Vertrauensarbeit", которая недоступна ни машинѣ, ни наемному рабочему въ такой степени, какъ самостоятельному хозяину. Наконецъ, совсѣмъ особое положеніе создается для крупнаго сельскаго хозяина необходимостью запастись своеобразнымъ сырымъ матеріаломъ: землею. Земля должна быть куплена. Сельскій капиталистъ вынужденъ выжидать случая для покупки земли по сходной цѣнѣ; часто онъ принужденъ покупать частями и лишаться выгодъ оптовой закупки. Земля не можетъ увеличиваться и перемѣщаться по произволу. Отсюда вытекаетъ извѣстная связанность размѣровъ сельско-хозяйственнаго производства. Эти размѣры не могутъ быть увеличены по произволу затратою новыхъ денегъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ индустріи, къ выгодѣ крупнаго, капиталистическаго, и ко вреду мелкаго производства.

По отношенію ко второму „клапану" производства — самому *процессу производства* необходимо отмѣтить особое участіе природы въ сельскомъ хозяйствѣ. Результатъ земледѣльческаго производства находится въ зависимости отъ измѣнчивыхъ вліяній погоды, климата и т. д., слѣдовательно, здѣсь нѣтъ прямой зависимости отъ размѣровъ хозяйства, какъ въ индустріи. По этой же причинѣ — связанности съ природными условіями, крупное сельское хозяйство лишено того преимуще-

Digitized by Google

ства, которымъ обладаетъ крупная индустрія, благодаря возможности достигать значительнаго ускоренія процесса производства. Сырой матеріалъ въ индустріи, съ помощью средствъ капиталистическаго производства, быстрѣе перерабатывается въ продуктъ, чѣмъ въ мастерской ремесленника; капиталъ обращается тамъ быстрѣе, прибыль въ теченіе одного оборота понижается и, несмотря на это, доходъ все увеличивается. Это болѣе быстрое пульсированіе производства, создающее большія выгоды крупной индустріи, невозможно въ земледѣліи. Природа неподкупна, и сколько бы денегъ ей ни предложить, пшеница произрастетъ, яблоко созрѣетъ и теленокъ выйдетъ изъ утробы матери лишь въ опредѣленный моментъ. Сельскохозяйственное производство дышетъ равномѣрно въ крупной и мелкой промышленности.

Наконецъ, и на третьей ступени производства, при продажѣ продуктовъ мы тотчасъ же наталкиваемся на важную противоположность между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ. И это опять таки къ выгодѣ мелкаго сельскаго хозяйства. Мелкій сельскій хозяинъ, въ отличіе отъ ремесленника, является на три четверти потребителемъ произведенныхъ имъ продуктовъ; онъ менѣе крупнаго страдаетъ отъ всѣхъ случайностей рынка. Далѣе, мелкій сельскій хозяинъ производитъ преимущественно предметъ массоваго, собирательнаго характера (Kolektivartikel). Это даетъ возможность продавать продукты по частямъ, примѣняясь къ потребностямъ потребителей, что подъ силу и мелкимъ продавцамъ. По скольку же въ этой стадіи продажи имѣются преимущества на сторонѣ крупнаго сельскаго хозяйства, они могутъ очутиться и на сторонѣ крестьянъ при товарищеской организаціи. Эти товарищества, именно благодаря массовому характеру продуктовъ, лучше функціонируютъ у крестьянъ, нежели ремесленниковъ (450—455).

На основаніи всего этого анализа, Давидъ приходитъ къ заключенію, что „на всѣхъ ступеняхъ сельскохозяйственнаго производства обнаруживаются своеобразныя, въ природѣ вещей кроющіяся отношенія, которыя достаточно объясняютъ своеобразіе его хозяйственнаго положенія“ (455). И послѣ этого онъ формулируетъ содержаніе и итогъ своей статьи слѣдующимъ отвѣтомъ на слѣдующій вопросъ: „существуютъ ли въ самой природѣ сельскаго хозяйства, въ природѣ его орудій труда, его процесса труда и его продукта труда основанія, которыя при прочихъ равныхъ условіяхъ даютъ возможность мелкому производству конкуррировать съ крупнымъ? И на этотъ вопросъ я отвѣчаю: *да*“! (455). Но это: „да!“ необходимо понимать въ тѣсно ограниченномъ смыслѣ, какъ это видно изъ слѣдующаго объясненія, даннаго Давидомъ въ другой статьѣ, содержащей отвѣтъ на возраженія Каутскаго противъ изложенной статьи. Здѣсь Давидъ подчеркиваетъ, что своему выводу объ относительно привиле-

Digitized by Google

гированномъ положеніи мелкаго сельскаго хозяйства онъ не придавалъ абсолютнаго значенія, не распространялъ его на будущія времена, а установилъ лишь въ примѣненіи къ фактамъ, и отношеніямъ современнаго сельскаго хозяйства [1]).

На ту же точку зрѣнія сталъ другой писатель того же направленія — Эрнстъ. Удобнымъ масштабомъ, говоритъ онъ, для рѣшенія вопроса о преимуществахъ мелкаго или крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ можетъ служить размѣръ стоящей на рынкѣ покупной цѣны на малые и большіе участки. *Теперь* (писалось въ 95 году) цѣны на всякіе участки повысились. Это можетъ быть связано со многими причинами, но одною изъ нихъ должно быть признано то, что мелкое сельское хозяйство въ *послѣднее время* сдѣлалось болѣе доходнымъ, нежели крупное [2]). Касаясь далѣе возраженія Каутскаго, заявившаго, что симпатіи Давида къ мелкимъ сельскимъ хозяевамъ должны быть признаны неосновательными, что въ дѣйствительности мелкіе земельные собственники представляютъ собою „классъ варваровъ", — Эрнстъ, отвѣчая на это, даетъ слѣдующую любопытную постановку вопроса: „въ интересахъ прогресса нравственности и просвѣщенія вполнѣ можно желать исчезновенія мелкаго владѣнія. Дѣло обстоитъ здѣсь совершенно такъ же, какъ въ индустріи: для рабочихъ исчезновеніе мелкаго производства означаетъ также шагъ къ лучшему. Нынѣ, при большой нуждѣ въ сельскихъ рабочихъ, послѣдніе въ состояніи требовать для себя такихъ условій существованія, о которыхъ полуголодный мелкій или даже лучше обставленный крупный крестьянинъ не смѣетъ даже помышлять. Но вѣдь здѣсь рѣчь идетъ не о темѣ, что *желательно* въ интересахъ прогресса, а о томъ, что составляетъ дѣйствительный *фактъ*? А фактъ рѣшенъ, что *нынѣ* мелкое владѣніе болѣе способно къ конкурренціи, нежели крупное. Поэтому въ примѣненіи къ сельскому хозяйству неправильно положеніе нашей программы, гласящее, что „экономическое развитіе ведетъ съ естественною необходимостью къ исчезновенію мелкаго производства, основою котораго служитъ частная собственность работника на орудія производства" [3]),

Мы видимъ, что къ необходимости пересмотра даннаго положенія въ примѣненіи къ явленіямъ аграрной жизни пришелъ человѣкъ, всѣ симпатіи котораго лежатъ на сторонѣ крупнаго производства, и который, какъ можно судить по приведеннымъ словамъ, держится даже какъ будто преувеличеннаго взгляда насчетъ

---

1) *Dr. Ed. David.* Zur Frage der Konkurrenzfähigkeit der landwirtschaftlichen Kleinbetriebe, „N. Z.", Jahrhg. XIII (1894—5), B. II, № 48, S. 678—9.

2) *Paul Ernst.* Zur Frage der Konkurrenzfähigkeit des Kleinbetriebs in der Landwirtschaft, „N. Z.", Jahrg. XIII (1894—5), B. II, № 50, S. 752.

3) Ibidem, S. 753.

Digitized by Google

возможной судьбы сельскихъ рабочихъ. Это, конечно, лучше всего свидѣтельствуетъ о силѣ проявившагося новаго теченія. Въ общемъ, однако, человѣкъ, знакомый съ литературою по аграрному вопросу долженъ будетъ признать, что опять таки ни Давиду, ни Эрнсту не удалось сказать въ этомъ вопросѣ чего либо новаго. Къ тому времени, когда появились ихъ статьи, эти выводы о нелогичности перенесенія законовъ индустріи на область сельскаго хозяйства, о коренныхъ отличіяхъ земледѣльческаго производства отъ городской промышленности, объ обнаружившихся тенденціяхъ къ живучести и жизнеспособности класса крестьянъ, — эти выводы носились прямо въ воздухѣ, были общимъ мѣстомъ экономической литературы. Заслуга указанныхъ писателей, и въ особенности Давида, давшаго въ небольшой статьѣ связное, талантливо исполненное схематическое положеніе вопроса, заключалась въ томъ, что они опредѣленно поставили вопросъ въ его научной, а не практической только формѣ, рѣшились внести этотъ вопросъ въ содержаніе теоріи капиталистическаго развитія.

Не слѣдуетъ, однако, думать, будто дальнѣйшее развитіе сложилось безраздѣльно въ сторону этого новаторскаго теченія. Наоборотъ, съ новою силою обрушились на этихъ новаторовъ ревнители догмы марксизма. Представителемъ послѣднихъ явился Каутскій, написавшій двѣ статьи въ отвѣтъ Давиду и Эрнсту [1]). На этихъ статьяхъ я, однако, не буду останавливаться по слѣдующей причинѣ.

Въ самомъ концѣ 1898 года появилась книга Каутскаго по аграрному вопросу [2]). Она вышла недавно въ довольно недурно исполненномъ русскомъ переводѣ [3]), и, какъ слышно, готовится даже второй русскій переводъ. Уже это одно заставляетъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ произведенію Каутскаго, въ которомъ подробно развиты взгляды, намѣченные въ указанныхъ полемическихъ статьяхъ. Самъ Каутскій слѣдующимъ образомъ объясняетъ цѣль своего труда. „Поводомъ къ настоящему произведенію",—читаемъ мы въ *предисловіи автора*, напечатанномъ въ русскомъ изданіи, — „послужили дебаты, имѣвшіе мѣсто на франкфуртскомъ партейтагѣ, гдѣ обсуждался вопросъ объ аграр-

---

1) *K. Kautsky.* Die Konkurrenztähigkeit der Kleinbetriebs in der Landwirtchaft „N. Z.", Jahrg. XIII (1894—5), B. II, № 42, S. 481—491.

Его же. Ein Nachtrag zu der Diskussion über die Konkurrenzfähigkeit der Kleinbetriebs in der Landwirschaft, „N. Z.", Jahrg. XIV (1896), B. I. № 2, S. 45—25.

2) *Karl Kautsky.* Die Agrarfrage. Eine Uebersicht über die Tendenzen der moderner Landwirtschaft und die Agrarpolitik. Stuttgart 1899, S. VIII+451.

3) Вопросъ современности. Выпускъ II. *К. Каутскій* Аграрный вопросъ. Обзоръ тенденціи въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ. Харьковъ 1899 (Изд. В. Н. Головкина). Стр. VI+375.

Digitized by Google

ной программѣ, и на бреславльскомъ, гдѣ аграрная программа была отвергнута. Какого-бы мы мнѣнія ни были объ этихъ дебатахъ, несомнѣнно одно: въ нихъ обнаружилось отсутствіе единства во взглядахъ на тенденціи развитія современнаго сельскаго хозяйства, а, слѣдовательно и отсутствіе лежащаго внѣ споровъ принципа, который могъ-бы лечь въ основу опредѣленной аграрной политики. Поэтому въ Бреславлѣ была единогласно признана необходимость основательнаго изслѣдованія аграрныхъ отношеній" (русск. перев., стр. I). Это „основательное изслѣдованіе" и лежитъ теперь передъ нами въ видѣ книги Каутскаго. Значеніе ея понятно. Но этого мало. Въ томъ-же предисловіи Каутскій замѣчаетъ: „Явленія сельско-хозяйственнаго развитія вызвали самыя серьезныя сомнѣнія въ „Марксовой догмѣ". Предлагаемое сочиненіе покажетъ, насколько они основательны" (IV).

Итакъ, передъ нами изслѣдованіе, обѣщающее подвести теоретическій фундаментъ подъ аграрный вопросъ, выработать съ этой точки зрѣнія систему аграрной политики и, въ частности, провѣрить степень примѣнимости ученія Маркса къ явленіямъ сельско-хозяйственнаго развитія. Я весьма радъ, что появленіе этого изслѣдованія въ русскомъ переводѣ избавляетъ меня отъ скучной обязанности, лежавшей на мнѣ до сихъ поръ въ настоящей работѣ: обязанности давать *изложеніе* разсматриваемыхъ взглядовъ. Взамѣнъ этого я могу теперь обратиться къ сравнительно подробной *критикѣ* новаго произведенія Каутскаго. Это составитъ предметъ слѣдующей статьи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Б. Ратнеръ.

Digitized by Google

Весенняя пѣсня.

За бѣдою бѣда... На чужой сторонѣ
Даже солнышко свѣтитъ неласково мнѣ!
Люди-ль мимо идутъ,—какъ подъ осень волна,
Ихъ неласковъ привѣтъ и рука холодна...

Не замѣтилъ въ тоскѣ я, поникнувъ челомъ,
Какъ съ полудня пахнуло горячимъ тепломъ,
И, апрѣльской веселой лазури пѣвцы,
Подъ окошкомъ моимъ затрещали скворцы:

Дни изгнанья прошли, дни скорбей и тревогъ—
И вернулись они въ свой родной уголокъ!
Суета, хлопотня, безъ конца разговоръ...
Какъ ихъ пѣсня громка! Трудъ и веселъ, и споръ!

Звуки счастья гремятъ, и дразня и маня;
Но о счастьи давно пѣсенъ нѣтъ у меня...
Подъ окномъ я стою съ пріунывшей душой:
Не бывать, видно, мнѣ на сторонкѣ родной!

П. Я.

1899 г.

Digitized by Google

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Разсказъ.

(Окончаніе).

XXX.

Въ день похоронъ миссъ Мортонъ неожиданно пріѣхалъ Шипидинъ. Онъ привезъ съ собой на кладбище Аниту, что не понравилось Бургардту. Зачѣмъ было тащить дѣвочку, которая не должна была знать этой темной и грустной исторіи. Потомъ оказалось, что Анита уѣхала съ Шипидинымъ на кладбище, не предупредивъ миссъ Гудъ.

— Ахъ, Анита, Анита...—упрекнулъ ее Бургардтъ.—Развѣ такъ можно?

— Папа, меня пригласилъ Григорій Максимычъ,—оправдывалась Анита.—А потомъ, папа... да... Я, вѣдь, ужъ совсѣмъ большая.

Бургардтъ только пожалъ плечами, особенно, когда Шипидинъ прибавилъ:

— Слѣдовательно, нужно знать и оборотную сторону жизни... Да, полезно.

Анита точно прильнула къ Бачульской и не отходила отъ нея. Она была въ восторгѣ отъ Марины Игнатьевны, къ которой такъ шелъ трауръ, а заплаканное лицо было еще красивѣе. Изъ знакомыхъ пріѣхалъ одинъ докторъ Гаузеръ, но онъ гордо держался все время въ сторонѣ и едва раскланялся съ Шипидинымъ. Не смотря на объясненія Бачульской, старикъ остался при убѣжденіи, что въ смерти миссъ Мортонъ виноватъ всетаки Бургардтъ. Онъ дождался конца похоронъ и уѣхалъ домой, ни съ кѣмъ не простившись.

— Старикъ совсѣмъ спятилъ съ ума,—шепнула Бургардту огорченная поведеніемъ доктора Бачульская.

— Я ничего не могу подѣлать,—отвѣтилъ Бургардтъ, который даже не могъ разсердиться на старика.—Мнѣ кажется, что я, дѣйствительно, виноватъ...

— Егорушка, что вы говорите?!..

Digitized by Google

— Нравственно виноватъ... Кто знаетъ, что было бы, если бы не наша роковая встрѣча.

Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ опредѣлить границы физической и духовной жизни, ихъ взаимодѣйствіе и тѣ моменты, когда является перевѣсъ одной стороны надъ другой. Бургардтъ почти былъ убѣжденъ, что, не вмѣшайся онъ совершенно случайно въ жизнь миссъ Мортонъ, она осталась бы жива. Вопросъ шелъ о неизвѣданныхъ душевныхъ глубинахъ, куда, вѣроятно, не проникаетъ никогда самый пытливый человѣческій умъ. Есть тайны, которыя каждый человѣкъ уноситъ съ собой въ могилу, и только ученое самодовольство тѣшитъ себя полузнаніемъ. Да, каждое рожденіе—величайшая тайна, которая въ зародышѣ несетъ другую тайну—смерть... Это два полюса, между которыми вращается наша жизнь.

Съ кладбища Бургардтъ возвращался домой на одномъ извозчикѣ съ Шипидинымъ. Оба молчали. Бургардтъ зналъ, о чемъ думаетъ его другъ, и сердился, что онъ не вѣритъ его планамъ относительно переселенія въ деревню.

— А Красавинъ, слѣдовательно, того,—неожиданно заговорилъ Шипидинъ и сейчасъ же сообразилъ, что не долженъ былъ упоминать этой фамиліи именно сейчасъ. — Вообще, никакой надежды...

Къ его удивленію, Бургардтъ отнесся къ этому совершенно равнодушно и не вспылилъ.

— Красавинъ?—повторилъ онъ фамилію, точно напрасно старался что-то припомнить.—Ахъ, да... Онъ меня избавилъ отъ удовольствія убить его.

Бачульская хотѣла ѣхать домой, къ себѣ въ Озерки, но Анита ни за что не хотѣла ее отпустить и потащила къ себѣ. Бачульской оставалось только удивляться наслѣдственной передачѣ недостатковъ,—Анита своей порывистостью и смѣной настроеній такъ напоминала отца. Такая же ласковость, милое добродушіе и вспышки негодованія, переходившія въ усталость и полное равнодушіе. Дорогой онѣ говорили все время о старикѣ Гаузерѣ, который держалъ себя невозможно, и Анита напрасно выпытывала, въ чемъ дѣло.

— Вѣроятно, у него отъ безсонницы голова болитъ,— по дѣтски объясняла Бачульская.

— Нѣтъ, я его хорошо знаю,—сказала Анита.—Онъ серьезно сердится...

— Право, не знаю, Анита. Богъ съ нимъ...

Миссъ Гудъ было очень непріятно, что Бачульская опять начала бывать у нихъ, и что Анита льнетъ къ ней. Строгая англійская дѣвушка никакъ не могла понять, почему отецъ допускаетъ такое сближеніе подростка-дѣвочки съ какой-то очень сомнительной артисткой. Когда она узнала, что Анита

Digitized by Google

ѣздила на похороны еще болѣе подозрительной миссъ Мортонъ, ея негодованію не было границъ.

— Я должна отказаться отъ мѣста,—заявила она Бургардту прямо.—Я вижу, что мое присутствіе въ вашемъ домѣ совершенно лишнее, а куклой быть не желаю.

— Ахъ, миссъ, мы поговоримъ объ этомъ потомъ!—взмолился Бургардтъ.—Могу сказать только одно, что настоящаго поступка Аниты я совершенно не оправдываю, хотя, съ другой стороны, она уже не такъ виновата.

— Вы хотите сказать о вашемъ другѣ, который увезъ ее на кладбище? Могу только удивляться странному выбору друзей съ вашей стороны...

— Да, да, вы правы, но, ради Бога, поговоримте объ этомъ не сегодня. Мнѣ, право не до того...

Бачульская, впрочемъ, пробыла очень недолго и уѣхала подъ какимъ-то предлогомъ. Анита смотрѣла на миссъ Гудъ вызывающими глазами, готовая отвѣтить какой-нибудь дерзостью. Но миссъ Гудъ поняла ея настроеніе и не подняла исторіи.

— О, Боже мой, какъ только эти русскіе люди живутъ?!..—возмущалась про себя миссъ Гудъ.

Миссъ Гудъ не знала еще другого факта, который убилъ-бы ее окончательно и о существованіи котораго она даже не подозрѣвала. Дѣло въ томъ, что осенью она ѣздила съ Анитой два раза въ Михайловскій театръ, и Анита рѣшила про себя, что непремѣнно сдѣлается актрисой. Она находила, что фигура для сцены у нея будетъ самая подходящая, а гримъ исправитъ недочеты въ красотѣ. Свое рѣшеніе Анита тщательно скрывала ото всѣхъ и страшно боялась, какъ-бы кто нибудь не открылъ ея секрета.

Шипидинъ, по обыкновенію, сдѣлалъ подробный обзоръ мастерской и остался доволенъ. Бургардтъ много работалъ, а это было самое главное. Особенно двинулся впередъ барельефъ съ преподобнымъ Сергіемъ. Только у себя въ мастерской, за своей работой Бургардтъ дѣлался самимъ собой, тѣмъ Бургардтомъ, котораго Шипидинъ такъ любилъ и цѣнилъ. Гаврюша, лѣпившій бюстъ человѣка Андрея, долго не рѣшался показать свою работу Шипидину.

— Ничего, похоже,—одобрилъ Шипидинъ.

Гаврюшѣ показалось, что онъ смѣется надъ нимъ. Онъ переживалъ тѣ моменты отчаянія, которые неизбѣжно связаны съ творчествомъ.

— Да, похоже, — продолжалъ Шипидинъ, разсматривая бюстъ.—И знаете, это хорошо, что вы выбрали первой темой именно *человѣка* Андрея... Вѣдь это громадный классъ людей, остатокъ былого рабства, и вся задача уловить именно это рабство. Счастливая тема, вообще...

Digitized by Google

Бургардтъ переживалъ ужасное положеніе. Онъ мучился и тѣмъ, что не могъ высказать всего, что сейчасъ переживалъ. Да, Шипидинъ его другъ, котораго онъ искренно любилъ, но этотъ другъ, все равно, не пойметъ его. Шипидинъ, съ своей стороны, смутно догадывался, въ чемъ дѣло, но въ то же время понималъ, что не можетъ быть другомъ. Между друзьями выросла точно громадная пропасть и выросла именно въ тотъ моментъ, когда они были нужны другъ другу. Они дѣлали попытку разговориться откровенно, какъ случалось прежде, но изъ этого рѣшительно ничего не вышло.

— Слѣдовательно, надо подождать,—рѣшилъ Шипидинъ.

Дня черезъ три послѣ похоронъ Бургардтъ получилъ съ посыльнымъ отъ Бачульской записную книжку миссъ Мортонъ. На послѣдней страницѣ тонкимъ почеркомъ миссъ Мортонъ было написано всего одно слово: *Farewell*... Это «прости» точно прилетѣло съ того свѣта, и Бургардтъ еще въ первый разъ заплакалъ обидными, безсильными слезами.

— Милая, милая, милая!..—шепталъ онъ, цѣлуя написанное, можетъ быть холодѣвшей рукой, слово.

XXXI.

Шипидинъ пріѣхалъ въ Петербургъ ненадолго, недѣли на двѣ. У него были хлопоты по устройству какой-то рабочей артели. Но время шло быстро, какъ оно идетъ только за работой, и онъ убѣдился, что всякіе сроки слишкомъ условная вещь. Его безпокоилъ главнымъ образомъ Бургардтъ, въ поведеніи котораго проявлялись нѣкоторыя странности самаго непріятнаго свойства. Одна исторія съ Васяткинымъ чего стоила... Положимъ, Бургардтъ всегда отличался неровностью характера, но раньше это объяснялось неосторожнымъ обращеніемъ съ напитками, а сейчасъ и этого не было. Смерть любимой дѣвушки тоже отразилась въ жизни Бургардта какъ-то странно. Не было даже того бурнаго горя, которое отвѣчало бы его характеру. Онъ ничего не говорилъ о покойной, а тосковалъ какъ-то молча. Шипидинъ чувствовалъ, что и по отношенію къ нему Бургардтъ тоже держится какъ-то равнодушно и даже больше—точно ждетъ, когда онъ, наконецъ, уѣдетъ домой. Но, въ то же время, Шипидинъ чувствовалъ, что онъ не долженъ уѣзжать именно теперь и что видимое равнодушіе Бургардта опаснѣе случавшихся раньше вспышекъ.

— Слѣдовательно, я еще останусь на недѣльку,—говорилъ Шипидинъ, откладывая отъѣздъ день за днемъ.

— Что-же, поживи,—соглашался Бургардъ.—Въ деревнѣ сейчасъ тебѣ нечего дѣлать, все равно...

Digitized by Google

— Дѣло-то всегда есть, а только, слѣдовательно, такъ... Да, нужно еще недѣльку пожить.

Одна недѣля шла за другой, и Шипидинъ даже не сталъ откладывать, а такъ, жилъ, пока живется. Бургардтъ усиленно работалъ, какъ не работалъ, кажется, никогда. Шипидинъ слѣдилъ за его работой издали, стараясь не вмѣшиваться. Онъ чувствовалъ себя профаномъ и не рѣшался дѣлать никакихъ замѣчаній, даже когда Бургардтъ его спрашивалъ о чемъ-нибудь. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Шипидину хотѣлось получить объясненіе чего-нибудь, чего онъ не понималъ въ работѣ Бургардта, онъ обращался къ Гаврюшѣ. Молодой человѣкъ съ величайшей готовностью давалъ такія объясненія, причемъ главнымъ образомъ останавливался на недостаткахъ работы учителя.

— Вотъ это совершенно мертвая линія,—объяснялъ онъ, разбирая лицо Ольги Спиридоновны.—И подбородокъ тоже весь мертвый... Лобъ живой, а нижняя часть лица, какъ у трупа. У Марины Мнишекъ совершенно деревянная нога... да. Пересвѣтъ и Ослабя точно вросли въ землю... планы не выдержаны... движеніе массъ совершенно условно... Вотъ эти казаки, которые бросаются къ Маринѣ — развѣ это живые люди?

Шипидину не нравился тонъ, который являлся у Гаврюши при такихъ объясненіяхъ, точно онъ радовался находимымъ недостаткамъ. А между тѣмъ этотъ начинающій неудачникъ въ большинствѣ случаевъ былъ правъ, и Шипидинъ начиналъ видѣть деревянную ногу у Марины Мнишекъ и мертвый подбородокъ у Ольги Спиридоновны.

Разъ, когда Шипидинъ съ Гаврюшей занимались критикой работъ Бургардта, въ мастерскую неожиданно вошелъ Сахановъ. Онъ въ послѣднее время являлся довольно часто, но не засиживался по прежнему. У него былъ какой-то таинственный видъ, точно онъ что-то желалъ сказать и не договаривалъ. Присутствіе Саханова всегда было непріятно Шипидину, а нынче въ особенности, точно онъ что-то высматривалъ. Затѣмъ, Шипидину не нравилось то преувеличенное вниманіе, съ какимъ Сахановъ относился къ Гаврюшѣ.

— Ну, какъ дѣла, маэстро?—спрашивалъ Сахановъ, разсматривая бюстъ человѣка Андрея.—Ничего, начинаетъ вытанцовываться...

Въ присутствіи Саханова Гаврюша какъ-то совсѣмъ терялся и краснѣлъ, какъ дѣвушка, отъ каждаго его замѣчанія. Шипидина Сахановъ игнорировалъ съ самой обидной вѣжливостью и смотрѣлъ на него такими глазами, какъ смотрятъ на манекенъ. Въ этотъ разъ было все такъ же, какъ всегда, и Шипидину сдѣлалось обидно за Бургардта, когда Сахановъ полусловами дѣлалъ характеристики его работъ. Собственно, оби-

Digitized by Google

денъ былъ самый тонъ, которымъ высказывались самыя простыя вещи.

— Слѣдовательно, вы глумитесь!—вспылилъ Шипидинъ совершенно неожиданно.

— Нѣтъ, гораздо проще: я пользуюсь правомъ высказывать свое мнѣніе,—отвѣтилъ Сахановъ.

— Я, вѣдь, понимаю, что вы говорите, хотя и не художникъ,—продолжалъ Шипидинъ, краснѣя отъ волненія.—Слѣдовательно, понимаю... и... и удивляюсь нѣкоторой безцеремонности съ вашей стороны, чтобы не сказать больше.

— Ну, послѣднее—дѣло личнаго вкуса, а о вкусахъ не спорятъ.

— Нѣтъ, тутъ дѣло не во вкусѣ!.. Да... Слѣдовательно, вы просто развращаете молодого человѣка... да!..

Сахановъ оказался невозмутимымъ и отвѣтилъ совершенно спокойно:

— Вотъ это ужъ вы совершенно напрасно изволите говорить. Гаврюша не маленькій, и самъ кое-что понимаетъ въ искусствѣ и даже понимаетъ гораздо больше, чѣмъ вы думаете. А затѣмъ, я, вообще, не охотникъ кому нибудь навязывать свои мнѣнія...

Выдержка Саханова произвела то, что Шипидинъ смутился и неловко замолчалъ. Давно ли онъ обличалъ Бургардта за его вспыльчивость и несдержанность, а самъ дѣлаетъ то же самое.

Сахановъ, вообще, занималъ какое-то особенное мѣсто въ домѣ Бургардта, и Шипидина огорчало, что онъ имѣлъ вліяніе и на Аниту, которая съ жадностью ловила каждое его слово. Ѣдкое остроуміе Саханова производило свое дѣйствіе. Даже самъ Бургардтъ, не смотря на свое неуваженіе къ Саханову, какъ-то поддавался его вліянію и оживлялся въ его присутствіи. Когда Шипидинъ начиналъ бранить Саханова, Бургардтъ отвѣчалъ:

— Я его тоже не люблю, а поэтому считаю долгомъ относиться къ нему съ особенной осторожностью, т. е. чтобы не быть несправедливымъ. Конфуцій сказалъ такъ: «да не ослѣпляетъ ни дружба насчетъ недостатковъ твоего друга, ни ненависть насчетъ хорошихъ качествъ твоего врага». Видишь, какъ опытъ жизни дѣлаетъ человѣка осторожнымъ...

— Слѣдовательно, можно оправдать этимъ путемъ всякаго негодяя... У каждаго мерзавца найдется свое китайское оправданіе. Ты даже и цитаты начинаешь приводить à la Сахановъ...

— Ахъ, милый другъ, я боюсь, что ты въ одно прекрасное утро будешь правъ... Есть словесная зараза, какъ существуютъ заразы физическія.

Digitized by Google

У Бургардта въ послѣднее время явилось какое-то пристрастіе къ отдѣльнымъ выраженіямъ, не смотря даже на ихъ полную внутреннюю пустоту. Сахановскія остроты оставались въ его мозгу, какъ заноза остается въ пальцѣ. Онъ цѣлыхъ три дня повторялъ характеристику артистокъ, сдѣланную миссъ Гудъ:

— Женщины съ рискованными жестами... ха-ха!.. Вѣдь это очень мило... Не правда ли? Собственно говоря, такой женщиной является одна милѣйшая Ольга Спиридоновна... Очень недурно сказано! Кстати, представь себѣ, я ни разу не видалъ ее на сценѣ... Все собирался, лѣтъ десять, а скоро она оставляетъ сцену, съ пенсіей, конечно, за выслугу лѣтъ и предѣльный возрастъ.

— Да, спеціальность не дурная,—ядовито соглашался Шипидинъ.

Ольга Спиридоновна пріѣзжала раза два на сеансы и каждый разъ сталкивалась съ Шипидинымъ, который не уходилъ изъ дому только изъ вѣжливости. А между тѣмъ она чувствовала какое-то тяготѣніе именно къ нему и старалась проявить самую изысканную любезность. Бургардтъ задыхался отъ смѣха, глядя на это ухаживанье старой балерины, принимавшей въ присутствіи Шипидина какой-то виноватый видъ. Разъ, когда Шипидинъ не выдержалъ и ушелъ, Ольга Спиридоновна проводила его глазами до дверей и со вздохомъ проговорила:

— Не любитъ меня угодничекъ божій...

XXXII.

Бачульская, послѣ смерти миссъ Мортонъ, переѣхала въ Петербургъ и поселилась въ меблированныхъ комнатахъ на Невскомъ. Опредѣленнаго ангажемента на зимній сезонъ она не имѣла, а играла по клубнымъ сценамъ и въ любительскихъ спектакляхъ, гдѣ случится. Бургардтъ бывалъ у нея время отъ времени и жаловался на преслѣдовавшую его тоску. Бачульскую удивляло только то, что онъ почти ничего не говорилъ о покойной миссъ Мортонъ, что ее искренно огорчало.

Зима уже наступила. Петербургъ переживалъ свое самое оживленное время. Особенно чувствовалось это сезонное оживленіе по вечерамъ, когда зажигалось электричество.

— Развѣ мы прокатимся на острова по старой памяти?—предложилъ Бургардтъ.—Падаетъ снѣжокъ, въ воздухѣ чувствуется какая-то раздражающая свѣжесть...

Бачульской совсѣмъ не хотѣлось ѣхать, но она согласилась, чтобы поддержать въ Бургардтѣ его бодрое настроеніе. Она

Digitized by Google

не бывала на островахъ съ того роковаго вечера, когда Бургардтъ встрѣтился съ миссъ Мортонъ. Это воспоминаніе отравляло ей поѣздку.

— Да, необходимо взять воздуху,—повторилъ нѣсколько разъ Бургардтъ.—Зимой нѣтъ лучше города, какъ Петербургъ.

— Да, хорошій городъ,—машинально соглашалась Бачульская.—Особенно, когда на душѣ хорошо...

— Само собой разумѣется...—согласился Бургардтъ тоже машинально.

Когда они вышли на улицу, Бачульской передадось настроеніе ея кавалера. По панели Невскаго двигалась почти сплошная толпа. Электрическій свѣтъ черезъ живую сѣтку падавшаго снѣга сквозилъ радужными тонами. Мимо неслись вихремъ «свои» экипажи.

— Вѣдь хорошо?—шепталъ Бургардтъ, крѣпко прижимая къ себѣ руку своей дамы.

— Да...

У Аничкова моста они взяли тройку. Кучеръ посмотрѣлъ на Бургардта съ особеннымъ вниманіемъ и, улыбаясь, проговорилъ:

— Знакомый баринъ...

— Ты меня знаешь?

— Помилуйте, какъ не знать: съ Васильевскаго острову, изъ художествъ.

Это объясненіе вышло очень смѣшно, и господа засмѣялись, усаживаясь въ сани. Да, хорошо прокатиться на острова... Бачульская какъ-то совсѣмъ спряталась въ своей ротондѣ, и показалась Бургардту такой маленькой, почти дѣвочкой. Тройка понеслась по Невскому, весело погромыхивая бубенчиками. Ѣзда съ знакомыми господами особенная, а баринъ «изъ художествъ» меньше пяти рублей на водку не давалъ. Неслись мимо пятиэтажные дома, электрическіе фонари, ярко освѣщенныя окна магазиновъ, вереницы экипажей, живая лента пѣшеходовъ, и точно все это старалось остаться позади.

Осталась и Нева позади. Тройка вихремъ понеслась по Каменноостровскому проспекту. Послѣ яркаго освѣщенія на Невскомъ здѣсь фонари едва мигали. Попалось нѣсколько встрѣчныхъ троекъ. Сзади слышался звонъ бубенчиковъ нагонявшихъ троекъ. Бургардтъ обнялъ Бачульскую и заговорилъ:

— Мнѣ совѣстно, Марина Игнатьевна, что я все говорю при нашихъ встрѣчахъ только о себѣ... Это ужъ глупый эгоизмъ. Какъ вы живете?

Этотъ вопросъ заставилъ ее вздрогнуть. Освободившись отъ его объятій,—она могла говорить, только глядя прямо въ лицо—она повторила вопросъ:

— Какъ я живу? Очень просто: играю въ жизнь на сво-

Digitized by Google

ихъ театральныхъ подмосткахъ. Я все забываю вамъ сообщить, что у меня есть другъ, который заботится обо мнѣ самымъ трогательнымъ образомъ: это Бахтеревъ... Онъ не то что ухаживаетъ за мной—мы слишкомъ стары для этого,—а такъ, по хорошему. Доставляетъ мнѣ роли, хлопочетъ о рецензіяхъ, ведетъ переговоры съ антрепренерами — словомъ, несетъ самую черную работу. Недавно, Егорушка, меня похвалили въ одной газетѣ и даже нашли талантъ... Ей Богу, не лгу!.. Вѣдь нравится, когда хвалятъ... Знаешь, что все это вздоръ и неправда, а какъ-то пріятно. А тутъ еще кругомъ непріятности, кажется, всѣ дѣвушки рѣшились сдѣлаться актрисами и прогнать насъ, старухъ. Есть и таланты... Пора, значитъ, закрывать лавочку.

У обоихъ сразу явилась мысль объ Анитѣ, но оба промолчали. Бачульская догадывалась объ истинной причинѣ теперешней нѣжности къ ней Аниты, а Бургардтъ объяснялъ это институтскимъ обожаніемъ.

Кучеръ зналъ, куда везти господъ, и осадилъ взмыленную тройку у ярко освѣщеннаго подъѣзда «Кружала», надъ которымъ горѣлъ электрическій «глазъ». Было часовъ десять вечера, въ сущности самое раннее время, когда настоящая публика еще не показывалась. Еще въ передней охватила специфическая атмосфера загороднаго кабака. Бургардтъ взялъ ложу въ бэль-этажѣ, гдѣ можно было сидѣть не на глазахъ у публики. Залъ, уставленный столиками, былъ еще на половину пустъ. Пѣвцы и пѣвицы слонялись безъ дѣла по корридорамъ. На эстрадѣ довольно скверно игралъ какой-то дамскій оркестръ. У входа въ ложу Бургардта догнала молоденькая цыганка и проговорила:

— Хорошій баринъ, позолоти ручку...

Бачульская спряталась въ глубинѣ ложи и шепнула Бургардту:

— Напротивъ насъ, въ ложѣ Шура и Васяткинъ.

— Что-же, они намъ не мѣшаютъ,—равнодушно отвѣтилъ Бургардтъ.

Шура была одѣта, какъ кокетка — пестро и вызывающе. Она раскланивалась съ кѣмъ-то изъ офицеровъ въ ложѣ напротивъ, прикрывая нижнюю часть лица вѣеромъ. Брильянты горѣли у нея въ ушахъ, въ волосахъ, на шеѣ, на рукахъ. Сахановъ не безъ основанія съострилъ по ея адресу, что природа сдѣлала ошибку, не давъ ей двѣ шеи и по шестому пальцу на каждой рукѣ. Васяткинъ узналъ Бургардта и напрасно старался разсмотрѣть его даму, прятавшуюся въ глубинѣ ложи. Бургардтъ случайно занялъ знаменитую красавинскую ложу, куда со сцены посылались самые любезные поклоны и воздушные поцѣлуи. Недавніе красавинскіе прихлебатели еще

Digitized by Google

не теряли надежды, что въ этой ложѣ въ одинъ прекрасный вечеръ опять появится меценатъ.

Послѣ дамскаго оркестра на сценѣ начался дивертисментъ, и публика сразу оживилась. Бургардтъ давно не бывалъ въ общественныхъ мѣстахъ и, глядя сверху на кабацкую публику, почувствовалъ приливъ гнетущей тоски.

— Что-же это такое?!—вслухъ возмущался онъ.—Прежде всего—неприлично... И публика, и артисты, и вся обстановка — все неприлично. И тоска, тоска, тоска...

Бачульская испытывала приблизительно такое-же настроеніе и отвѣтила:

— Поѣдемте домой, Егорушка.

— Отлично. Мы поужинаемъ у Палкина.

Они вздохнули свободнѣе, когда вышли изъ «Кружала». Въ ушахъ Бургардта еще стоялъ неистовый визгъ и дикое уханье цыганскаго хора. А, вѣдь, когда-то все это нравилось и даже очень нравилось, какъ нравится сейчасъ оставшейся публикѣ.

А какъ было хорошо, когда отдохнувшая тройка вихремъ полетѣла обратно. Поднялся легкій вѣтерокъ и засыпалъ снѣжной пылью, садившейся на лицо ледяной паутиной. Навстрѣчу летѣли другія тройки, забрасывая комьями снѣга. Бургардтъ вдыхалъ морозный воздухъ всей грудью, точно хотѣлъ сбросить съ себя кабацкую тяжесть.

— Марина Игнатьевна, вамъ хорошо?

— Да...

Онъ сдѣлалъ паузу и прибавилъ:

— И мнѣ тоже... И хорошо, и какъ-то страшно. У меня нынче чувства двоятся... да... И мнѣ кажется иногда, что я схожу съ ума. Да...

— Перестаньте, Егорушка... Просто нервы.

— Нѣтъ, побольше, чѣмъ нервы. Представьте себѣ, какой недавно случай со мной вышелъ. Вотъ вы давеча сказали о Бахтеревѣ, а мнѣ это было непріятно. Вы тутъ совсѣмъ не причемъ... Онъ какъ-то пріѣхалъ ко мнѣ... вечеромъ... Я его люблю вообще, какъ порядочнаго и добраго человѣка, но особенно близкихъ отношеній у насъ не было никогда. А тутъ, представьте себѣ, сидимъ мы въ кабинетѣ, и я открываю ему душу, да такъ, какъ никому-бы не открылъ. Онъ слушаетъ меня и, видимо, ничего не понимаетъ... А когда онъ ушелъ, я его возненавидѣлъ, возненавидѣлъ за собственную истеричную болтливость.

Сдѣлавъ паузу, Бургардтъ прибавилъ:

— Знаете, у меня бываетъ такое ужасное душевное настроеніе, что я не знаю, что съ собой дѣлать. Нѣсколько разъ

Digitized by Google

пробовалъ даже напиться, и ничего изъ этого не вышло. Не могу даже пить...

XXXIII.

Когда сани остановились у палкинскаго подъѣзда, Бургардтомъ овладѣла нерѣшимость, но онъ совладалъ собой и вошелъ. Швейцаръ узналъ его и раскланялся, какъ съ старымъ знакомымъ. Бургардта это кольнуло непріятно, — его преслѣдовала трактирная извѣстность. Они заняли въ общей залѣ угловой столикъ. Неистовое гудѣнье трактирной машины заставило Бургардта поморщиться. Бачульская поймала это движеніе и пожалѣла, что согласилась ѣхать ужинать, тѣмъ болѣе, что могли встрѣтиться общіе знакомые, которыхъ совсѣмъ не желательно было видѣть. Старичекъ оффиціантъ узналъ Бургардта и сообщилъ, что у нихъ сегодня есть на кухнѣ «особеннаго».

Когда ужинъ былъ заказанъ, Бургардтъ неожиданно заявилъ:

— Марина Игнатьевна, простите меня, но я больше не могу оставаться здѣсь... Мнѣ просто противно. Пойдемте лучше къ вамъ и по просту напьемтесь чаю...

Бачульская, конечно, согласилась, но ей было жаль бросить ужинъ, оплаченный по счету Бургардтомъ. Старичекъ оффиціантъ былъ прямо обиженъ.

Бургардтъ вздохнулъ свободно только на панели и проговорилъ уже совсѣмъ весело:

— Знаете, мы сегодня покутимъ по студенчески... Я сейчасъ зайду и возьму у Филипова пирожковъ, потомъ купимъ сыру и колбасы... да?

— Нужно еще масла,—въ тонъ прибавила Бачульская.

Черезъ полчаса они сидѣли въ комнатѣ Бачульской въ ожиданіи самовара. На столѣ въ бумажкахъ лежала разная дешевая закуска. Когда Бачульская хотѣла переложить ее на тарелки, Бургардтъ запротестовалъ.

— Нѣтъ, прямо изъ бумажки... Въ этомъ есть стиль.

— У меня есть бутылка бѣлаго вина.

— Ради Бога, не нужно... Эта несчастная бутылка испортитъ все, т. е. стиль. Да у меня къ тому-же нынче физическое отвращеніе къ вину.

— Сейчасъ поздно, и портера нельзя достать.

— Зачѣмъ портеръ? Я давно ничего не пью...

Пока номерная горничная подавала самоваръ, Бургардтъ съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ комнату, обставленную съ приличной бѣдностью всѣхъ меблированныхъ комнатъ. Раньше онъ какъ-то не обращалъ вниманія на эту обстановку, а теперь проговорилъ съ завистью:

Digitized by Google

— Какъ хорошо, Марина... Вотъ именно въ такихъ мѣщанскихъ комнаткахъ и живется хорошо. Главное, все такъ просто, и ничего лишняго. Мнѣ это напоминаетъ мою молодость, когда такъ хорошо жилось...

Замѣтивъ пристальный взглядъ горничной, Бургардтъ сообразилъ, что своимъ позднимъ визитомъ компрометтируетъ Бачульскую, и сказалъ горничной:

— Вы не затворяйте дверь... Мнѣ кажется, что здѣсь мало воздуха.

Бачульская поняла эту любезность и посмотрѣла на Бургардта улыбавшимися благодарными глазами. Бургардтъ какъ-то особенно умѣлъ быть такимъ милымъ и безобидно предупредительнымъ. Онъ былъ въ восторгѣ, что нашелся лимонъ, который забыли купить.

— Отлично,—повторялъ онъ, прихлебывая чай.—Въ сущности, много-ли человѣку нужно? А всѣ мы громоздимъ какую-то дурацкую обстановку и дѣлаемся ея рабами. Мнѣ, напримѣръ, моя quasi-художественная обстановка въ послѣднее время прямо сдѣлалась противной, и я только не знаю, какъ отъ нея избавиться.

— Вы забываете, Егорушка, что у васъ есть Анита, которая можетъ на это и не согласиться.

— Анита?!..

— Да, Анита. Она уже большая дѣвочка, и съ ея мнѣніемъ вамъ приходится считаться.

— Въ самомъ дѣлѣ, а я про нее совершенно забылъ... Пожалуй, вы и правы.

— Она отлично понимаетъ цѣну всѣхъ этихъ художественныхъ бездѣлушекъ, и вы не захотите ее огорчать, выбрасывая ихъ на улицу рѣшительно безъ всякаго основанія, по простой прихоти. Кромѣ того, нарушеніе привычекъ въ нашемъ съ вами возрастѣ очень нехорошая примѣта...

— Именно?

— Спросите докторовъ, они лучше вамъ объяснятъ.

— Да, да, понимаю... Еще разъ: вы правы. Но у меня это началось уже давно... Ну, да это все равно, а у васъ хорошо. Вѣдь жизнь состоитъ изъ пустяковъ, а тѣ пустяки, которые насъ окружаютъ, имѣютъ свое значеніе... Да, кстати, вы давеча сказали, что у васъ часто бываетъ Бахтеревъ.

— Не часто, но бываетъ, когда есть какое-нибудь дѣло.

— Да, это все равно... Я говорю только о фамиліи и о томъ, что сказалъ вамъ дорогой.

— Вы его ненавидите?

— Если хотите—да... Онъ, прибавьте, ни въ чемъ не виноватъ, а я его ненавижу за собственную болтливость. И, знаете, я еще никому не говорилъ того, что высказалъ ему, совершенно

Digitized by Google

постороннему для меня человѣку. У меня есть другъ, старый и хорошій другъ, котораго я люблю отъ всей души...

— Григорій Максимычъ?

— Да... И, представьте себѣ, что именно ему я и не могъ открыть всего, что накипѣло въ душѣ. Больше: мнѣ казалось, что онъ точно подкрадывается ко мнѣ, а я все сжимался, ежился и прятался. А вотъ Бахтеревъ... Ахъ, какъ я презираю себя!.. Если-бы вы это знали въ десятую долю, то доставили бы мнѣ величайшее наслажденіе однимъ тѣмъ, что выгнали-бы меня на улицу... И какъ некрасиво все то, что я говорю вамъ сейчасъ, точно выхвачено изъ какого-нибудь дряннаго романа, гдѣ дѣйствующія лица изъ папье-маше. Вы скажете: нервы... Не говорите этого, ради Бога!.. Мы сваливаемъ на нервы всю нашу дрянность, всю непригодность къ жизни, всю безпорядочность...

— Что же такое вы сказали Бахтереву?—тихо спросила Бачульская.

— Я?!...

Онъ поднялся и забѣгалъ по комнатѣ.

— Вы хотите знать?—спросилъ онъ, останавливаясь.

— Это не простое любопытство, а даже нѣкоторое право... Да, именно, право. Вѣдь есть права и неписанныя мужчинами. Не все же вамъ, господамъ мужчинамъ. Вы снисходите до насъ, какъ боги...

— Такъ вы хотите знать? Хорошо... *Я никогда не любилъ миссъ Мортонъ.*

Въ меблированной комнатѣ наступила какая-то мертвая пауза. Бачульская откинулась на спинку дивана и закрыла глаза, точно по ней выстрѣлили. Бургардтъ шагалъ по комнатѣ и ерошилъ волосы.

— Егорушка, опомнитесь...—умоляющимъ голосомъ прошептала Бачульская.—Что вы говорите?.. Мнѣ дѣлается страшно за васъ... Такъ нельзя...

Онъ остановился передъ ней и проговорилъ, чеканя слова:

— Это гораздо ужаснѣе, чѣмъ вы думаете, Марина... да. О, я столько перестрадалъ за это время... Мнѣ тяжело все это говорить, но меня неотступно преслѣдуетъ мысль именно объ этомъ. Предъ вами стоитъ жалкій человѣкъ... полное ничтожество... Развѣ такъ любятъ? Любовь Данте — вотъ это идеалъ, потому что тамъ и любовь, и жизнь—одно цѣлое. Тамъ любовь пронесена черезъ всю жизнь, какъ святыня... Да, я понимаю, что я дрянной человѣкъ, и это сознаніе меня убиваетъ. Такіе дрянные люди и должны исповѣдываться передъ Бахтеревыми. Иначе и быть не можетъ!..

Бачульская молчала, подавленная этими безумными при-

Digitized by Google

знаніями. Да и что она могла сказать этому безумцу, рвавшему собственное сердце на части?

— Любовь — это самое святое, что только есть въ человѣкѣ,—продолжалъ Бургардтъ.—Она освѣщаетъ всю нашу жизнь, она роняетъ послѣднія слезы надъ свѣжей могилой, она свѣтитъ путеводной звѣздой, она одна — единственный источникъ всякаго творчества... Разъ въ душѣ человѣка погасъ этотъ священный огонь — онъ погибъ... Развѣ *такъ* любятъ, какъ я любилъ миссъ Мортонъ? Это была иллюзія, миражъ, несбыточная мечта, самогипнозъ...

Теперь для Бачульской сдѣлалось ясно, о чемъ говорилъ Бургардтъ. Онъ подошелъ къ ней, обнялъ и долго дѣловалъ ея глаза, на которыхъ выступили слезы.

— О, вы одна понимаете меня!..—стоналъ онъ.—Да, одна, одна...

Когда Бургардтъ уходилъ, и Бачульская провожала его съ заплаканными глазами, номерная горничная поняла, что баринъ съ барыней поссорились.

XXXIV.

Присутствіе Шипидина начало стѣснять Бургардта и даже раздражало до извѣстной степени. И чего торчитъ человѣкъ въ Петербургѣ? Ѣхалъ бы къ себѣ въ деревню, давно пора. Бургардтъ не могъ не чувствовать, что Шипидинъ внимательно слѣдитъ за нимъ, и это его злило. Но больше всего Бургардтъ волновался, когда Шипидинъ какимъ-то деревяннымъ голосомъ заводилъ рѣчь объ Анитѣ.

— Слѣдовательно, ты думалъ о ней?

— Объ Анитѣ? Да...

— Ну, и что же?

— Ничего... Дѣвочка, какъ дѣвочка. Ничего особеннаго...

— Слѣдовательно, ты, дѣйствительно, ничего не понимаешь! Ты не даешь себѣ труда войти даже приблизительно въ ея маленькую жизнь, и дѣвочка растетъ, какъ крапива подъ заборомъ. Ты никогда и ничѣмъ не займешься съ ней, не поговоришь по душѣ—вообще, держишь себя какимъ-то дальнимъ родственникомъ.

— Представь себѣ, что ты правъ... Ну, и что же изъ этого слѣдуетъ?

— А ты не сердись... Я съ тобой говорю серьезно. Не знаю, о чемъ ты думаешь, но поступаешь не хорошо. Русская апатія ко всему, азіатщина, обломовщина... Да, не сердись.

— Отстань ты отъ меня, ради Бога!.. Не безпокойся, Анита

Digitized by Google

за насъ обоихъ подумаетъ... Дѣвица себѣ на умѣ и въ обиду не дастся.

— Ну, это такъ, пустыя слова и отговорка.

На эту тему между друзьями происходили крупныя размолвки, причемъ Бургардтъ бѣсновался и кричалъ, а Шипидинъ оставался совершенно невозмутимымъ.

— Ты представь только себѣ, что дѣвочкѣ просто холодно жить... Да, душѣ бываетъ такъ-же холодно, какъ и тѣлу. А у дѣвочекъ этого формирующагося возраста особенная чувствительность къ такому душевному холоду...

— Ты правъ, мой другъ, и я тебя именно за это ненавижу, потому что и не умѣю, и не могу быть другимъ! Да, ненавижу...

— Слѣдовательно, я тутъ не причемъ...

Анита серьезно занимала Шипидина, и онъ подолгу велъ съ ней душевные разговоры, когда вечеромъ она кончала свои уроки. Бойкая и умная дѣвочка нравилась Шипидину, но его огорчало въ ней одно,—именно, было что-то затаившееся и хитрое, какъ у маленькаго хищнаго звѣрька, который прячетъ когти. Шипидинъ развивалъ общіе взгляды на жизнь, на счастье, на цѣль жизни, и его мысли неизмѣнно уходили въ далекую отъ столицы Россію, въ тѣ глухіе деревушки, гдѣ прозябалъ настоящій и единственный русскій человѣкъ. Народъ для Аниты составлялся изъ дворниковъ, извозчиковъ, швейцаровъ и кухонныхъ мужиковъ, а тутъ оказывалось, что все это только отбросы настоящей деревни, потерянные для настоящей жизни люди. Анита узнала, наконецъ, что если для чего стоитъ жить на свѣтѣ, такъ это именно для этого великаго въ своей исторической бѣдности народа, гиганта въ лохмотьяхъ. Шипидинъ говорилъ такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ увлекательно, что Анита невольно заинтересовалась.

— Что-же я могу сдѣлать для этого народа?—спросила она однажды съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— О, очень много!

Личико Аниты приняло брезгливое выраженіе. Развѣ она могла быть сельской учительницей, фельдшерицей или сестрой милосердія, чтобы похоронить свою молодость въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу?

— Слѣдовательно, это кажется страшнымъ только издали,— невозмутимо продолжалъ Шипидинъ. — Вѣдь самое важное, чтобы жизнь была полна, важно сознаніе, что каждый день прошелъ не безслѣдно... Развѣ это жизнь, какъ живутъ въ большихъ городахъ, умирая со скуки? Развѣ это работа, которая никому не нужна и которая тяготитъ работающаго, какъ ярмо?

Шипидинъ задался цѣлью черезъ Аниту подѣйствовать на



Бургардта и увезти его въ деревню во что-бы то ни стало. Самому Бургардту не доставало рѣшимости, а для Аниты онъ могъ пойти на все. Только-бы увезти его изъ Петербурга, и онъ проснулся-бы, ожилъ и началъ-бы работать съ удвоенной энергіей. Шипидину начало казаться, что Анита понемногу сдается, и въ ней начинаетъ пробуждаться аппетитъ къ настоящему и серьезному. Но эта иллюзія была разбита самымъ безжалостнымъ образомъ, когда Анита неожиданно призналась ему, что желаетъ поступить на сцену.

— Да, я буду на сценѣ,—упрямо заявила дѣвочка.

— Слѣдовательно... да... слѣдовательно...—бормоталъ Шипидинъ, не вѣря собственнымъ ушамъ...—Да, я понимаю... Это результатъ знакомства съ Бачульской и Бахтеревымъ. Слѣдовательно... да...

— Что-же, они хорошіе люди...

— Я не говорю про нихъ ничего дурного, но мнѣ жаль васъ, Анита... Если бы мнѣ сказала моя дочь то, что вы сейчасъ мнѣ сказали, я заплакалъ бы...

Анита испугалась и торопливо прибавила:

— Григорій Максимычъ, пожалуйста, ничего не говорите папѣ. Онъ пока еще ничего не знаетъ и не долженъ знать...

Въ глазахъ Шипидина послѣднее являлось прямымъ слѣдствіемъ отношеній Бургардта къ дочери, и Анита, строго говоря, не была виновата. Она шла своей дорогой, руководствуясь примѣрами, какіе были у нея передъ глазами: Бачульская, Ольга Спиридоновна, Бахтеревъ—вѣдь это цѣлая школа. Особенно вознегодовалъ Шипидинъ на Бачульскую, которая пользовалась въ послѣднее время особеннымъ вниманіемъ Аниты.

Когда Бачульская пріѣхала, Шипидинъ воспользовался отсутствіемъ Аниты и заявилъ ей прямо свое неудовольствіе, что она сбиваетъ подростка дѣвочку.

— Я?!..—удивилась Бачульская.—Даю вамъ честное слово, что я слышу все это въ первый разъ. Мнѣ Анита не говорила ни одного слова... Затѣмъ, вы совершенно напрасно этимъ волнуетесь: ныньче, кажется, всѣ дѣвушки бредятъ сценой. Это яркій примѣръ массоваго помѣшательства... Какъ вамъ не стыдно, Григорій Максимычъ, подозрѣвать меня въ такихъ вещахъ? Я-то ужъ лучше другихъ знаю, что такое сцена, и не стала-бы толкать Аниту на эту опасную дорогу, гдѣ къ цѣли приходитъ одна изъ тысячи.

Этотъ случайный эпизодъ и взволновалъ, и серьезно обидѣлъ Бачульскую. Она всегда относилась къ Анитѣ, какъ къ родной дочери, и вдругъ она же будетъ толкать ее на сцену... Затѣмъ, ея голова была занята совершенно другими мыслями. Послѣднее объясненіе съ Бургардтомъ серьезно ее обезпокоило. Подъ этимъ впечатлѣніемъ она съ чисто женской рѣшимостью

Digitized by Google

отправилась къ старому Гаузеру, который принялъ ее очень холодно.

— Предупреждаю васъ, что у меня всего пять свободныхъ минутъ,—безцеремонно объяснилъ старикъ и даже показалъ ей на свои старинные часы.—Да, всего пять минутъ...

— Докторъ, вы забываете, что имѣете дѣло съ женщиной...

— О, это двѣ небольшихъ разницы—мужчинъ и женщинъ.

Приподнятая своимъ настроеніемъ и этимъ жесткимъ пріемомъ, Бачульская безъ всякихъ предисловій перешла въ наступательное положеніе. Она съ несвойственной ей храбростью начала обвинять доктора въ несправедливости. Да, старый докторъ Гаузеръ напрасно тогда оскорбилъ ни въ чемъ неповиннаго Бургардта, статскій совѣтникъ Гаузеръ держалъ себя на похоронахъ миссъ Мортонъ невозможно; просто добрый и милый докторъ, котораго всѣ такъ любятъ, оказался въ высшей степени несправедливымъ.

Старикъ Гаузеръ во все время этой горячей обвинительной рѣчи смотрѣлъ на свои часы и, когда Бачульская кончила,—задыхаясь отъ волненія, проговорилъ:

— Вы обвиняли меня ровно восемь минутъ и двадцать три секунды... Я вамъ не имѣю права не вѣрить, слѣдовательно, я виноватъ... да... Но что-же я могу сдѣлать?

— О, милый, хорошій докторъ!..—заговорила Бачульская, точно повторяла какую-то театральную роль.— *Онъ* васъ такъ любитъ, а сейчасъ...

Задыхаясь отъ волненія, Бачульская довольно сбивчиво передала свои наблюденія относительно повышеннаго нервнаго состоянія Бургардта и закончила мольбой бывать по прежнему на Васильевскомъ островѣ.

— Докторъ Гаузеръ не практикуетъ,—упрямо отвѣтилъ старикъ, пряча часы въ карманъ.

— Я васъ приглашаю, какъ друга дома...

Когда такое приглашеніе заставило плечи доктора Гаузера подняться, Бачульская неожиданно прибавила:

— Васъ удивляетъ, почему именно я васъ приглашаю? Хорошо, я скажу... да, скажу... У каждой женщины есть одно право, котораго никто не можетъ отнять: любить... Да!.. Я давно и совершенно безнадежно люблю Бургардта... Немного меньше жены и больше сестры люблю..

Старому Гаузеру пришлось подать стаканъ холодной воды, потомъ лавровишневыхъ капель, потомъ поклясться въ сохраненіи тайны и т. д. Когда Бачульская уѣхала, старикъ подошелъ къ зеркалу, повертѣлъ пальцемъ около лба и проговорилъ:

— О, старый Гаузеръ, за тобой еще ухаживаютъ совсѣмъ, совсѣмъ молодой женщинъ... Будь твердъ, старый Гаузеръ!

Digitized by Google

XXXV.

Докторъ Гаузеръ появился въ домѣ Бургардта съ немного виноватымъ видомъ и, въ свое оправданіе, сказалъ Бургардту:

— А я всетаки былъ правъ, хотя вы и не были виноваты, какъ я думалъ.

— Оставимте этотъ разговоръ,—отвѣтилъ Бургардтъ.—Кто виноватъ—не наше дѣло.

Присутствіе доктора какъ-то всѣхъ оживило. Анита не отходила отъ него. Ей казалось, что такой старый и почтенный человѣкъ долженъ знать больше всѣхъ, и поэтому она приставала къ нему со всевозможными вопросами и даже показала свою новую шубку.

— Не правда-ли, докторъ, какая хорошенькая шубка?

— О, очень.

Старикъ по этому случаю прочелъ ей цѣлую лекцію по спорнымъ вопросамъ гигіены спеціально женскихъ костюмовъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая современными модами.

Вначалѣ Бургардтъ очень обрадовался доктору, а потомъ замѣтилъ, какъ онъ его тщательно наблюдаетъ и время отъ времени задаетъ разные наводящіе вопросы. Очевидно, составился цѣлый заговоръ, въ которомъ приняли участіе Бачульская, Шипидинъ и докторъ.

— Они, кажется, считаютъ меня за сумасшедшаго,—съ горечью думалъ Бургардтъ.—А всѣхъ подняла на ноги милѣйшая Марина Игнатьевна...

А потомъ у него явились другія мысли. Дѣло въ томъ, что сейчасъ точно считали своей обязанностью по очереди дежурить въ его мастерской и упорно слѣдили за его работой. Это вниманіе начинало его раздражать. Очевидно, всѣхъ интересовала не его работа въ готовомъ видѣ, а то, *какъ* онъ работаетъ. Но случайные гости приходили и уходили, а за то оставался Гаврюша, отъ котораго уже некуда было дѣваться. Онъ слѣдилъ за нимъ съ какимъ-то озлобленнымъ упорствомъ и отмѣчалъ малѣйшій промахъ. Въ послѣднемъ отношеніи Гаврюша сдѣлалъ большіе успѣхи, и Бургардтъ чувствовалъ себя неловко, выслушивая его замѣчанія. Разъ онъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Гаврюша, скажите откровенно, за что вы меня ненавидите?

— Я?!. Васъ ненавижу?—притворно изумился Гаврюша.—Развѣ я могу васъ ненавидѣть, Егоръ Захарычъ? Я отлично понимаю ту неизмѣримую разницу, которая существуетъ между нами. Вы—корифей, гордость русскаго искусства, а я безвѣстная тля. Я только состою при искусствѣ изъ милости и отлично это понимаю...

Съ Гаврюшей невозможно было разговаривать. Онъ при-

Digitized by Google

творялся и лгалъ съ открытымъ лицомъ. Про себя Бургардтъ рѣшилъ, что непремѣнно разстанется съ нимъ послѣ весенней выставки въ академіи художествъ. Очевидно, Гаврюшу заѣдала профессіональная зависть, какъ это случается нерѣдко. Превосходство учителя угнетало и мучило его до послѣдней степени. За спиною Гаврюши, Бургардту чувствовалась направляющая и благословляющая рука Саханова.

Бургардтъ усиленно работалъ для выставки, чтобы закончить все. Онъ гналъ работу, точно на пожаръ. Въ его головѣ складывались уже другіе замыслы и новые сюжеты. Въ сущности, скульптура точно застыла въ средѣ другихъ отраслей искусства, какъ живопись или музыка. Что-нибудь новое трудно было найти, да и новости эти появлялись на выставкахъ единицами, какъ единицами являлись и сами скульпторы, не смотря на страстную жажду найти новые пути и новыя средства. Новаторство выражалось большею частью въ какихъ-то болѣзненныхъ формахъ. Что больше всего огорчало Бургардта, такъ это то, что скульптура оставалась какъ-то внѣ текущей жизни, повторяя избитые темы и пріемы.

Давно обѣщанная Сахановымъ статья «о голой женщинѣ въ искусствѣ» появилась только на святкахъ и произвела извѣстную сенсацію, хотя являлась только дополненіемъ статьи о роли мецената въ искусствѣ. Большое мѣсто въ этой статьѣ было отведено скульптурѣ, гдѣ, по выраженію автора, голая женщина царитъ по преимуществу. Обсуждая этотъ вопросъ, Сахановъ проявилъ много пуританизма и горячо возмущался, что скульптурная голая женщина такъ нахально лѣзетъ въ глаза на каждой выставкѣ. Если въ древности она являлась олицетвореніемъ извѣстныхъ религіозныхъ представленій, если въ Греціи, во времена ея цвѣтущаго періода, она служила выраженіемъ культа красоты, то въ наше время, время пара и электричества, голая скульптурная женщина обязана своимъ существованіемъ только разнузданному вкусу современныхъ богачей и дурнымъ инстинктамъ прогнившей до мозга уличной толпы. Въ общемъ—она только иллюстрація страшнаго упадка здоровыхъ вкусовъ современнаго общества и показатель его полной испорченности. Вѣдь если-бы показалась живая голая женщина, будь она первая красавица—на улицѣ, ее забрали-бы въ участокъ за нарушеніе общественныхъ приличій, а скульптурная голая женщина показывается всѣмъ, выставляется въ общественныхъ мѣстахъ и даже нашла себѣ мѣсто на надгробныхъ памятникахъ. Но особенно досталось голой женщинѣ въ русскомъ искусствѣ, какъ продукту, имѣвшему единственную цѣль — разжигать еще болѣе разнузданное барское воображеніе. Въ западной Европѣ всѣ эти голыя богини и нимфы имѣли еще хоть какой-нибудь raison d'être, какъ печальное наслѣдство

Digitized by Google

сгнившаго до корня язычества, а ужъ мы взяли эту языческую голь совершенно зря, изъ обезьянства. Развѣ эти богини говорятъ что-нибудь нашему уму или чувству, кромѣ подслуживающагося разжиганія похоти ничтожной кучки, ополоумѣвшей отъ своего родного крѣпостнаго разврата съ разными Матрешками и Палашками? Правда, что русскимъ художникамъ въ этомъ отношеніи далеко до французскихъ, но всетаки и мы платимъ вполнѣ достаточную дань голой женщинѣ, какъ товару выгодному и ходкому. И т. д., и т. д. Общее впечатлѣніе статьи оставалось всетаки незаконченнымъ, точно Сахановъ что-то не договаривалъ. Нѣсколько избитыхъ остротъ не прибавили пикантности пикантному и безъ того сюжету. Очевидно, Сахановъ началъ исписываться и повторять самого себя.

— Да, тоже конченный человѣкъ,—невольно подумалъ Бургардтъ, перелистывая статейку.—Его время прошло...

Удивительнѣе всего было то, что въ статьѣ попадалось много цѣнныхъ мѣстъ, но они какъ-то совершенно терялись среди остального хлама, точно тѣ монеты, которыя теряются на улицѣ въ уличномъ мусорѣ. Это потерянное золото уже не производило впечатлѣнія, какъ сухой трескъ холостого заряда.

У Саханова была привычка провѣрять по живымъ людямъ произведенное его статьей впечатлѣніе, и онъ объѣзжалъ своихъ знакомыхъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе, причемъ къ свѣдѣнію, какъ у большинства авторовъ, принимались только благопріятные отзывы и похвалы, а все непріятное отметалось. Черезъ недѣлю по выходѣ статьи Сахановъ пріѣхалъ къ Бургардту, гдѣ засталъ общество—Шипидина, доктора Гаузера, Бахтерева и Ольгу Спиридоновну. Бургардтъ сразу понялъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, и изъ любезности хозяина завелъ рѣчь самъ о его статьѣ.

— Ахъ, да...—притворился равнодушнымъ Сахановъ.—Я уже получилъ нѣсколько ругательныхъ писемъ. Самое обидное было отъ одной очень молоденькой и очень хорошенькой дамы, которая назвала меня лысымъ осломъ... Я нахожу, что несовсѣмъ еще заслужилъ такое названіе, потому что есть люди болѣе лысые, чѣмъ вашъ покорный слуга.

— Я тоже читала вашу статью,—замѣтила Ольга Спиридоновна, подбирая строго губы.—У васъ ничего не сказано о балетѣ... Нынче Богъ знаетъ, кто пишетъ о насъ. Придумали какую-то поэзію спины... Рѣшительно ничего не понимаю... О женщинахъ нынче пишутъ, какъ о лошадяхъ...

— Слѣдовательно, совершенно вѣрно,—поддержалъ ее Шипидинъ.—Именно, какъ о лошадяхъ... Что касается спеціально статьи г. Саханова, то, какъ мнѣ кажется, онъ сдѣлалъ выстрѣлъ изъ пушки по воробью и просмотрѣлъ одно, именно, что голая женщина постепенно уходитъ изъ искусства. Есть цѣлый

Digitized by Google

рядъ большихъ художниковъ, которые, кажется, ни разу ее не выводили, какъ Рѣпинъ, Верещагинъ и т. д. Насколько мнѣ помнится, у Егора Захарыча тоже не было ни одной нимфы или богини.

— Нѣтъ, былъ такой грѣхъ,—сознался Бургардтъ.—Въ юности нробовалъ лѣпить русалку, но дѣло не состоялось, потому что не нашелъ подходящей модели...

Сахановъ остался недоволенъ малыми размѣрами удѣленнаго ему вниманія и скоро уѣхалъ.

— Слѣдовательно, жалкій человѣкъ,—замѣтилъ Шипидинъ, не обращаясь въ частности ни къ кому.

XXXVI.

Время отъ Рождества до выставки пролетѣло стрѣлой. Бургардтъ почти не выходилъ изъ своей мастерской. Онъ рѣшился, во чтобы то ни стало, кончить все. Въ сущности, это была даже не работа, а что-то вродѣ запоя. Даже завтракъ подавали въ мастерскую. Изъ знакомыхъ позволялось входить сюда только Шипидину и Ольгѣ Спиридоновнѣ, пріѣзжавшей на сеансы. Послѣдняя продолжала откровенно возмущаться собственнымъ бюстомъ.

— Старуху какую-то вылѣпилъ... Очень нужна такая старая кожа кому-то!..

Только разъ, вглядѣвшись, она съ удивленіемъ проговорила:

— А, вѣдь, старуха-то на половину еще молодая...

Это замѣчаніе страшно обрадовало Бургардта. Онъ даже покраснѣлъ отъ удовольствія. Именно, дороже всего было то, что это сказала Ольга Спиридоновна, откровенный и вполнѣ непосредственный человѣкъ.

Только авторы художественныхъ произведеній въ любой области искусства понимаютъ, какъ трудно кончать даже самую маленькую вещь. Вѣдь нѣтъ такой работы, которую нельзя было-бы сдѣлать лучше. Замыселъ всегда блѣднѣетъ въ исполненіи, не выражая и сотой доли того, что желалъ бы сказать художникъ. А муки поправокъ, дополненій и передѣлокъ? Бургардтъ даже во снѣ продолжалъ свою работу и страшно мучился. Нервы были напряжены до послѣдней степени, и онъ начиналъ галлюцинировать на яву.

Бургардтъ дошелъ въ концѣ концовъ до какого-то мученичества. Моменты отчаянія, неизбѣжные при всякомъ творчествѣ, дѣлались все чаще и оставались дольше, пока Бургардтъ не возненавидѣлъ собственную работу. Послѣднее чувство охватило его въ послѣднія двѣ недѣли, и онъ доканчивалъ свою работу въ какомъ-то отупѣломъ состояніи.

Digitized by Google

— Э, не все-ли равно?—думалъ онъ.—Какой я художникъ, какой скульпторъ...

Конецъ наступалъ какъ-то неожиданно, точно что оборвалось. Въ сущности, оставалось сдѣлать еще много, но Бургардтъ понялъ, что дальше ему уже нечего дѣлать и что онъ своими поправками будетъ только портить то, что уже сдѣлано такъ или иначе. За недѣлю до выставки онъ бросилъ все и даже не заглядывалъ въ мастерскую, какъ боятся зайти въ комнату, гдѣ лежитъ дорогой покойникъ, котораго еще всѣ привыкли видѣть живымъ. Изъ всѣхъ близкихъ людей только одинъ Шипидинъ понималъ это настроеніе и тоже не заглядывалъ въ мастерскую. Онъ боялся увидѣть не то, что предполагалъ. Съ Бургардтомъ онъ старался не говорить о выставкѣ и, вообще, о художествѣ, что было-бы просто жестоко въ виду его настроенія. Гаврюша впередъ торжествовалъ. Онъ отлично видѣлъ, что въ настоящей работѣ прежняго Бургардта уже не было, а только одни намеки на то, чѣмъ онъ могъ бы быть. Да, не было цѣлаго, а только отдѣльныя «счастливыя мѣста», какъ выражался Сахановъ.

Въ самомъ отчаяніи есть кульминаціонныя точки, когда всѣ чувства достигаютъ послѣдней степени напряженія. Именно такое состояніе переживалъ Бургардтъ, отправивъ свою работу на академическую выставку. Онъ даже не пожелалъ посмотрѣть, какъ будутъ ихъ выставлять, и предоставилъ все Гаврюшѣ.

—Не безпокойтесь, Егоръ Захаровичъ, ужъ я устрою все,—говорилъ Гаврюша, на этотъ разъ вполнѣ искренно.—Мѣсто у насъ отличное, да и конкуррентовъ очень мало...

У Гаврюши явилось опасеніе за работу учителя, и онъ теперь относился къ ней ревниво. Развѣ публика, которая толчется на выставкѣ, что нибудь понимаетъ? Конечно, Бургардтъ могъ сдѣлать все лучше, но всетаки *это* работа Бургардта. Пусть попробуютъ другіе сдѣлать *такъ*.

Отправивъ работу, Бургардтъ долго стоялъ въ опустѣвшей мастерской, точно напрасно старался припомнить что-то, какъ напрасно припоминаютъ иногда счастливые молодые сны. Да, вотъ онъ здѣсь работалъ, волновался, мучился, и все вдругъ отпало и точно умерло. Больше не нужно волненій... Довольно. Онъ чувствовалъ, какъ его начинаютъ душить безсильныя слезы и, пошатываясь, какъ пьяный, ушелъ въ свой кабинетъ.

— Зачѣмъ я отправилъ все на выставку?—думалъ онъ съ тоской.—Нужно было все разбить... уничтожить...

У него являлась мысль даже о томъ, чтобы вернуть съ выставки все, но потомъ его охватила всего такая усталость, что не хотѣлось ни о чемъ думать.

Въ молодости для Бургардта открытіе академической выставки составляло настоящій праздникъ, наступленія котораго

Digitized by Google

онъ ждалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. А сейчасъ онъ думалъ объ этой выставкѣ со страхомъ. Даже когда она открылась, онъ переждалъ первые три дня, когда выставку посѣщала настоящая дорогая публика, и пошелъ только на четвертый, и то въ сопровожденіи Шипидина, тащившаго его насильно.

— Слѣдовательно, это невозможно,—ворчалъ другъ дѣтства.— Выставка имѣетъ успѣхъ... Около твоихъ вещей цѣлая толпа. Странно, что всѣмъ нравится больше всего бюстъ Ольги Спиридоновны... Не понимаю.

Выставка была удачною. Публика переходила изъ зала въ залъ толпой, останавливаясь главнымъ образомъ передъ излюбленными ей «стариками», репутація которыхъ установилась давно. Молодые художники, а особенно начинающіе, фигурировавшіе на выставкѣ въ первый разъ, возбуждали толки, разницу мнѣній и критику. Публика точно не рѣшалась сказать окончательное и рѣшительное слово, то слово, которое даетъ художнику имя. Бургардтъ и Шипидинъ, разсматривая картины, долго прислушивались къ толкамъ и пересудамъ этихъ неизвѣстныхъ людей, мнѣніе которыхъ имѣло такое роковое и рѣшающее значеніе.

— Это удивительно, какъ въ массѣ публика оцѣниваетъ вѣрно,—говорилъ Бургардтъ.—Людей съ настоящимъ художественнымъ пониманіемъ и вкусомъ у насъ ничтожная кучка, а судитъ вотъ эта масса...

Васяткинъ, конечно, былъ на выставкѣ и суетливо перебѣгалъ отъ одной группы къ другой. У него на каждомъ шагу встрѣчались знакомые. Онъ что-то такое объяснялъ, размахивалъ руками и, вообще, производилъ впечатлѣніе завзятаго спеціалиста и тонкаго знатока. Бургардтъ поморщился, когда Васяткинъ потащилъ своихъ знакомыхъ къ его работамъ. Его сердце невольно сжалось отъ страха. Не доставало для полноты картины только Саханова. Но и онъ явился и сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ Бургардта.

— Эге, дѣло не ладно,—подумалъ Шипидинъ.

Къ своимъ работамъ Бургардтъ подошелъ послѣ всего, когда публика отхлынула съ выставки. Гаврюша постарался и поставилъ барельефы при очень выгодномъ освѣщеніи. Здѣсь они много выигрывали, сравнительно съ мастерской.

— Что-же, не вредно...—похвалилъ Шипидинъ. — Говоря между нами, мнѣ больше всего нравится Сергій. Вещь капитальная...

Сейчасъ Бургардтъ смотрѣлъ на собственную работу уже глазами посторонняго человѣка. У него явилась даже мысль, что ужъ не все такъ плохо, а есть и нѣкоторыя достоинства. Конечно, можно было многое сдѣлать лучше, чувствовалась торопливость работы и нѣкоторая недоконченность, но въ об-

Digitized by Google

щемъ получалось довольно цѣльное впечатлѣніе. И бюстъ человѣка Андрея вышелъ у Гаврюши тоже недурно, и его портила только намѣренная небрежность въ отдѣлкѣ деталей.

— Ничего, хорошо,—похвалилъ Шипидинъ работу Гаврюши.—Слѣдовательно, будетъ настоящій художникъ со временемъ.

— Очень можетъ быть,—согласился Бургардтъ.

Вернувшись домой, Бургардтъ еще изъ передней услышалъ голоса Бахтерева и старика Гаузера. Они о чемъ-то очень горячо спорили и сразу замолчали, когда Бургардтъ вошелъ въ кабинетъ. На письменномъ столѣ валялся скомканный номеръ газеты, и Бургардтъ понялъ сразу, въ чемъ дѣло.

— Обругалъ Сахановъ?—спросилъ онъ, здороваясь.

— Это чортъ знаетъ, что такое!—вспылилъ докторъ, бѣгая по комнатѣ.—Всему, наконецъ, есть границы...

Просто: негодяй и мерзавецъ!..—подтвердилъ Бахтеревъ.

Бургардтъ взялъ номеръ и принялся читать посвященный ему фельетонъ. Сахановъ разбиралъ его по косточкамъ, доказывая пунктъ за пунктомъ, что Бургардтъ конченный человѣкъ. Нужно отдать справедливость, что статья была написана великолѣпно, какъ давно уже не писалъ Сахановъ, и, главное, въ серьезномъ тонѣ, безъ всякихъ выходокъ грубыхъ и спеціально газетнаго гаерства. Прочитавъ внимательно всю статью, Бургардтъ положилъ газету на столъ и проговорилъ совершенно спокойно:

— Да, къ сожалѣнію, онъ правъ... Было-бы хуже, если-бы онъ началъ хвалить меня ни за что. Да... Повѣрьте, что никакой критикъ не можетъ ни прибавить, ни убавить даже полвершка моего роста.

ЭПИЛОГЪ.

Что хуже: женское письмо или Тамбовская губернія? Этотъ немного странный вопросъ задалъ себѣ Евстратъ Павлычъ Бахтеревъ, остановившійся, какъ въ сказкѣ, на распутіи трехъ полевыхъ дорожекъ. День былъ жаркій, настоящій іюльскій. Кругомъ безъ конца разлеглись поля назрѣвавшей пшеницы. Мѣстахъ въ пяти отдѣльными купами круглились рощицы, въ которыхъ прятались заброшенныя помѣщичьи усадьбы. Одна изъ этихъ купъ принадлежала усадьбѣ «Уланка», куда Бахтереву нужно было пройти. На желѣзнодорожномъ полустанкѣ безтолковый сторожъ ткнулъ пальцемъ прямо и сказалъ:

— Иди все прямо, баринъ... Дорога одна.

Digitized by Google

Вотъ тебѣ и одна дорога... Бахтеревъ въ отчаяніи сѣлъ на землю, досталъ изъ кармана письмо Бачульской и еще разъ перечиталъ его. Конечно, числа, какъ на всѣхъ женскихъ письмахъ, не полагалось, а самый адресъ можно было прочитать только по догадкѣ: Уланка, Ульянка, даже выходило что-то вродѣ Улыбки.

— Очень даже трогательно, — ворчалъ Бахтеревъ, пряча письмо.

Бачульская писала ему въ Воронежъ, гдѣ Бахтеревъ гастролировалъ, и просила убѣдительно навѣстить ее. До рокового полустанка все шло благополучно, а тутъ сразу точно на необитаемый островъ пріѣхалъ: лошадей нѣтъ, послать за ними некого, фамиліи Бачульской никто не слыхалъ и т. д. Однимъ словомъ, получалась Тамбовская губернія, о которой всѣ свѣдѣнія Бахтерева ограничивались тамбовскими окороками и знаменитой «кашей изъ Тамбова», которой «не было пріятнѣй, веселѣй».

Послѣ нѣкотораго колебанія, Бахтеревъ рѣшилъ, что нужно идти по средней дорожкѣ, тѣмъ болѣе, что по ней навстрѣчу ѣхала деревенская телѣга, — послѣднее было только предположеніемъ, потому-что гдѣ-то далеко впереди, надъ лоснившейся шелкомъ безконечной пшеницей медленно двигалось облачко пыли.

Бахтереву пришлось идти по меньшей мѣрѣ битый часъ, только для того, чтобы убѣдиться, что предполагаемая крестьянская телѣга точно провалилась сквозь землю. Но, когда онъ хотѣлъ придти въ отчаяніе, изъ живой стѣны пшеницы показалась баба. Да, настоящая россійская баба — въ лапоткахъ, съ замотанной, не смотря на лѣтній зной, шалью головой. Когда Бахтеревъ задалъ вопросъ объ Улановкѣ, баба ткнула рукой прямо и отвѣтила:

— А вонъ она...

Очевидно, эта тамбовская баба была родственницей желѣзнодорожнаго сторожа. Бахтеревъ пошелъ впередъ съ твердой рѣшимостью куда-нибудь дойти. Попался какой-то глубокій оврагъ, по дну котораго пряталась въ лозникахъ безымянная рѣчонка, потомъ глинистый косогоръ, потомъ плотина, а за ней барская усадьба въ уютной рощицѣ.

— Здѣсь, — рѣшилъ Бахтеревъ.

Усадьба походила на всѣ помѣщичьи усадьбы. Двухъ-этажный деревянный домъ съ колоннами, террасой, съ какой-то башенкой, кругомъ запущенный садикъ, за домомъ неизбѣжная «вѣковая аллея», которая хранила воспоминанія о счастьи дѣдушекъ и бабушекъ, и т. д. Бахтеревъ вошелъ прямо въ открытое парадное крыльцо, потомъ попалъ въ какой-то корридоръ и, наконецъ, очутился въ уютномъ садикѣ изъ сиреней и


Digitized by Google

акацій. На зеленой садовой скамейкѣ сидѣла женщина съ какой-то женской работой, рядомъ съ ней въ колясочкѣ, прикрытой кисеей, спалъ ребенокъ. Появленіе Бахтерева заставило женщину подняться.

— Боже мой, кого я вижу?!—сказала она.

— Марина Игнатьевна, вы ли это?—въ свою очередь удивился Бахтеревъ и покосился на дѣтскую колясочку.

Она густо покраснѣла и театральнымъ жестомъ пригласила говорить тихо.

— *Онъ* спитъ...—объяснила она съ виновато счастливымъ видомъ.

Бехтеревъ принялъ позу благороднаго отца изъ „La dame aux camelias“ и даже заложилъ правую руку за бортъ лѣтняго пиджака.

— Фамилія?—коротко спросилъ онъ.

Она еще сильнѣе покраснѣла и отвѣтила, опустивъ глаза:

— «Домби и сынъ»...

— Ага, понимаю...

Они оба разсмѣялись. Вѣроятно, старая барская усадьба давно не слыхала такого счастливаго, хорошаго смѣха...

— А гдѣ же *онъ*?—спросилъ Бахтеревъ.

— *Онъ* у Шипидина... Я сейчасъ пошлю за нимъ. Это совсѣмъ близко—версты четыре. Мы считаемъ разстояніе по деревенски.

Она встала и позвала горничную. Отданъ былъ приказъ, и горничная отправилась бѣгомъ, шлепая босыми ногами. Когда Бачульская возвращалась, Бахтеревъ ее обнялъ и поцѣловалъ.

— Ахъ, это нельзя...—смущенно объясняла она.—Я уже начинаю забывать наши актерскіе добрые поцѣлуи.

— Не актерскіе, а дружескіе... Да и я уже настолько старъ, что мнѣ можно это позволить. Притомъ, я вижу, что вы счастливы, и мое старое сердце забилось...

Они сѣли на зеленую скамеечку, и Бачульская въ короткихъ словахъ разсказала все, что случилось за этотъ годъ. Бургардтъ послѣ выставки сейчасъ же исчезъ неизвѣстно куда. Она и Шипидинъ страшно перепугались, пока не пришла мысль искать его въ Финляндіи,—дѣйствительно, Бургардтъ уѣхалъ на Иматру и тамъ поселился. Съ нимъ было очень не хорошо. Временами онъ заговаривался, потомъ были истерическіе припадки, безграничный страхъ и страшная тоска.

— О, намъ много было съ нимъ хлопотъ,—разсказывала Бачульская и прибавила уже вполголоса:—Да и сейчасъ бываютъ несчастные дни... Но всетаки жизнь въ деревнѣ точно воскресила его, хотя о работѣ нечего и думать. Надо подождать... Мы теперь занимаемся больше всего деревенскимъ хозяйствомъ. Есть двѣ лошади, двѣ коровы, Анита выкармли-

Digitized by Google

ваетъ телку—однимъ словомъ, настоящіе помѣщики. Я ужасно рада, что его все это интересуетъ и даже больше—онъ увлекается. Прошлое мнѣ иногда кажется какимъ-то тяжелымъ сномъ. Кстати, когда будете писать мнѣ, адресуйте на имя m-me Бургардтъ... Бачульская больше не существуетъ.

Бахтеревъ крѣпко пожалъ ея руку и проговорилъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Да, да, чувствую, что вы счастливы... Можетъ быть, когда нибудь забредетъ къ вамъ старый товарищъ по сценѣ... Да, не оставьте его... Одно слово участія... нѣсколько дней отдыха...

Она со слезами на глазахъ крѣпко его расцѣловала. Въ этотъ трогательный моментъ на террасѣ показались Бургартдъ и Шипидинъ, оба загорѣлые и оба въ одинаковыхъ костюмахъ. Бургардтъ страшно обрадовался гостю и тоже заключилъ его въ свои объятія.

— Боже, какъ я васъ радъ видѣть, Евстратъ Павлычъ,—повторялъ онъ.—Да, радъ... Жена вамъ писала уже не первое письмо, и мы частенько васъ поджидали.

— Слѣдовательно, и я тоже радъ, — прибавилъ отъ себя Шипидинъ, оглядывая гостя съ ногъ до головы.—А какой-бы изъ васъ отличный рабочій вышелъ... да...

Вечеромъ они долго сидѣли въ саду вокругъ самовара, вспоминая прошлое, и Бургардтъ, какъ случается съ семейными людьми, проговорилъ словами жены:

— А, знаете, прошлое мнѣ кажется какимъ-то тяжелымъ сномъ... Это и былъ сонъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Конецъ.

Digitized by Google

«Да», говорятъ они: «на что намъ пѣсни ваши,
Смѣшна намъ проповѣдь въ риѳмованныхъ строкахъ,
У переполненной людской неправдой чаши
Зачѣмъ съ цвѣтами вы и съ лирами въ рукахъ?
Здѣсь мѣсто ли цвѣтамъ? Здѣсь мѣсто ль пѣснопѣнью?
Размѣренныхъ рѣчей умѣстна-ль здѣсь игра,
Когда въ страданіяхъ насталъ конецъ терпѣнью,
Когда сквозь тучи золъ чуть брезжитъ лучъ добра?
Поэзіи цвѣты!.. Къ чему они намъ нужны?
Терзаній и борьбы намъ стоитъ каждый шагъ...
Мы лѣкаря зовемъ въ тѣ дни, когда недужны,
Мы воиновъ зовемъ, когда грозитъ намъ врагъ!..»
Я съ грустью внемлю имъ... Они, быть можетъ, правы...
Но въ дни печальные, когда еще далекъ
И не гремитъ средь насъ въ вѣнцѣ нетлѣнной славы
Небесной властію ниспосланный пророкъ;
Когда грозитъ вражда кровавыми перстами
И, барыши дѣля, грызутся торгаши,—
Забытый стягъ любви убравъ пышнѣй цвѣтами,
Звучи намъ громче пѣснь незлобивой души!
Звучи, чтобъ знали мы, что есть еще надежда,
Чтобъ знали, что еще не все заполонилъ
Разъѣвшійся кулакъ, зазнавшійся невѣжда,
Что торгъ еще не все заѣлъ и осквернилъ!..
Что міръ еще не такъ безрадостенъ и тѣсенъ
Для безкорыстныхъ дѣлъ, для вдохновенныхъ грезъ,
Что вѣра есть у насъ и бодрость есть для пѣсенъ
Сверхъ злобы для борьбы и горечи для слезъ!..

А. М. Вербовъ.

1899 г.

Digitized by Google

— Да, сэръ, хорошая погода,—отвѣчалъ Джеромъ; затѣмъ онъ прибавилъ:—меня порадовала ваша удача, сэръ.

— Положимъ,—внезапно выпалилъ полковникъ,—вамъ бы достались двадцать пять тысячъ долларовъ изъ этихъ денегъ, что сдѣлали бы вы съ ними?

Джеромъ посмотрѣлъ на него въ неописанномъ изумленіи.

— У меня ихъ нѣтъ и не стоитъ говорить объ этомъ,—отвѣчалъ онъ.

— Что сдѣлали бы вы съ ними? Да ну же, говорите! Остались ли бы вы вѣрны тому уговору, что вы заключили тогда вечеромъ, въ лавкѣ Робинзона?

Джеромъ медлилъ отвѣтомъ.

— Да не бойтесь же сказать откровенно,—уговаривалъ его полковникъ.—Если намѣрены держаться уговора, такъ и валяйте. Я не приму это въ обиду себѣ; у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія подарить нищимъ двадцать пять тысячъ долларовъ, а если и вы измѣнили свой образъ мыслей, скажите просто.

— Я не мѣнялъ своихъ мыслей и исполнилъ бы то, что говорилъ,—отвѣтилъ тогда Джеромъ.

— А держитесь ли вы того, другого своего рѣшенія,—спросилъ полковникъ,—работать, пока не добудете извѣстной молодой особы? что скажете?

Джеромъ густо покраснѣлъ. Онъ готовъ былъ разсердиться, но въ обращеніи полковника чувствовалась какая-то необычайная горячность.

— Я не такой человѣкъ, чтобы измѣнить разъ принятому рѣшенію этого рода,—быстро отвѣтилъ онъ.

Полковникъ засмѣялся прерывистымъ смѣхомъ.

— Ну, и я васъ не считалъ такимъ человѣкомъ,—промолвилъ онъ:—никогда не считалъ, Джеромъ. Это все. До свиданья.

Съ этими словами, къ крайнему изумленію Джерома, полковникъ Ламзонъ снова тяжело сталъ подниматься на пригорокъ по направленію къ дому Минза, а Джеромъ, удивленный, пошелъ своею дорогой. Дѣла его шли хорошо, весною онъ объяснится съ Люциной...

Зимою выпало необычайно много снѣгу. Громадные сугробы лежали во всѣхъ дворахъ, каменныя ограды и заборы были занесены снѣгомъ, деревья стояли всѣ бѣлыя и пушистыя. Повременамъ навѣсъ какого нибудь сарая ломался подъ тяжестью; на улицахъ лежалъ пышный снѣжный коверъ, всѣ тѣни отливали синевою, деревня тонула въ ослѣпительномъ ледяномъ свѣтѣ, когда вставало солнце. Однако, для Джерома зима эта была благодатью, такъ какъ работа у него кипѣла. Лѣсъ удобно подвозить на саняхъ, да и на сухомъ морозномъ воздухѣ тяжелая работа спорится какъ-то лучше.

Digitized by Google

Девятнадцатаго марта разыгралась послѣдняя снѣжная буря, какой еще не бывало. Мартинъ Чизманъ рано ушелъ къ себѣ домой. Джеромъ не долго оставался на лѣсопильнѣ послѣ его ухода. Сумерки наступали быстро, и одному было не справиться съ работой.

Кромѣ того, его потянуло домой что-то вродѣ предчувствія: ему казалось, что съ его матерью и Эльмирою случилось несчастіе, а такъ какъ ему вообще были чужды предчувствія дурного, то эта мысль приняла въ его душѣ силу почти убѣжденія.

Онъ сталъ также думать объ отцѣ, повидимому, безъ всякой связи съ настоящимъ. Однако, онъ ошибался: воображаемыя несчастія всегда ведутъ за собою память о дѣйствительномъ горѣ.

Онъ снова пережилъ мысленно свои безумные, отчаянные поиски за отцомъ, вспомнилъ, какъ нашелъ его шляпу на берегу того глубокаго пруда. «Бѣдный отецъ!» — прошепталъ онъ.

Всю дорогу домой его неотступно преслѣдовала живая тоска по матери и сестрѣ и грусть по умершемъ. Онъ думалъ, съ трудомъ пробираясь по снѣгу, наклонивъ лицо подъ ледяною изморозью, что отцу его часто приходилось проходить по этой самой дорогѣ, и что его ноги ступали нынѣ по старымъ отцовскимъ слѣдамъ. Онъ думалъ, какъ часто вечеромъ, въ такую же бурю, отецъ его тащился усталый, измученный, и не было у него въ душѣ того огня молодости и надежды, который ободрилъ бы, поддержалъ бы его... «Отецъ, должно быть, потерялъ всякую надежду, задолго до смерти» — сказалъ Джеромъ про себя.

Мысль эта овладѣла Джеромомъ до такой степени, что заслонила собою его собственную личность. «Какъ знать, вѣроятно, и я въ концѣ концовъ потеряю всякую энергію, какъ отецъ»,— прошепталъ онъ, задыхаясь подъ бѣшенымъ напоромъ снѣжнаго вѣтра.

Никого не встрѣтилъ онъ по дорогѣ домой. Разъ мимо него слабо проскрипѣли, звеня упряжью, санки, нагруженныя дровами, затѣмъ надорванные бока лошади и кубическая полѣнница дровъ исчезли въ снѣжномъ вихрѣ, сгорбленная спина возчика наверху скрылась изъ виду словно за бѣлой занавѣской. Деревенскіе домики проступали издали сквозь блѣдное облако тумана; едва можно было различить бѣлые откосы ихъ крышъ и свѣтящіяся точки лампъ, которыя засверкали въ нѣсколькихъ окнахъ.

Очутившись возлѣ своего родного дома, Джеромъ осмотрѣлся съ безпокойствомъ. У него отлегло отъ сердца, когда онъ увидалъ сквозь бѣлыя хлопья густо падающаго снѣга красный свѣтъ изъ оконъ кухни.

Digitized by Google

— Все у васъ тутъ благополучно?—спросилъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу и отряхая съ себя снѣгъ.

Эльмира поджаривала хлѣбъ. Она удивленно повернула къ нему свое разгорѣвшееся лицо.

— Разумѣется. Что это тебѣ пришло въ голову?

— Самъ не знаю. Такая ужасная мятель на дворѣ.

Эннъ быстро перебирала спицами, сидя у окна, густо облѣпленнаго снаружи комьями снѣгу. Лицо ея было въ тѣни, но по виду ея можно было догадаться, что она плакала. Она не сказала ни слова, когда Джеромъ вошелъ.

— Что съ мамой?—обратился онъ шепотомъ къ Эльмирѣ.

— Прошлой ночью она видѣла во снѣ отца, вотъ и разстроилась. Тсъ!

Когда семья усѣлась ужинать, Эннъ снова принялась разсказывать свой сонъ.

— Я уже разсказывала сестрѣ твоей, а теперь разскажу этотъ сонъ тебѣ. Вѣдь вамъ не будетъ непріятно, что я напомню вамъ о вашемъ несчастномъ отцѣ,—сказала она вызывающимъ тономъ и со слезами въ голосѣ.

— Разумѣется, разскажи, мама... Всю дорогу домой я тоже продумалъ о немъ,—отвѣчалъ Джеромъ.

— Ну, мнѣ кажется, ты не часто думаешь о немъ всю дорогу домой. Мнѣ кажется, и ты, и твоя сестра, вы оба мало думаете о своемъ несчастномъ отцѣ, который для васъ же работалъ, какъ каторжный... Снилось мнѣ, что я была въ этой комнатѣ, а на дворѣ бушевала мятель точь въ точь, какъ теперь. Я слышала завываніе и свистъ вѣтра, а окна всѣ занесло снѣгомъ. Мнѣ снилось, что на рукахъ у меня лежалъ больной маленькій ребенокъ, онъ плакалъ и стоналъ, а я носила его, баюкая, по комнатѣ. У меня не ломило ноги, и я могла ходить, какъ всѣ люди. Вдругъ, въ то время, какъ я укачивала ребенка, въ комнатѣ запахло цвѣтами, и на полу, у камина я увидала розовый кустъ весь въ цвѣту. Я подошла и сорвала розу, и стала раскачивать ее передъ личикомъ ребенка, чтобы развеселить его, и вотъ я услыхала необычайный ревъ, который заглушилъ вой вѣтра въ трубѣ и крики малютки. Ревъ этотъ походилъ на мычаніе стада, оглушительный и заунывный. Я положила ребенка въ качалку и сразу увидала, что его какъ не бывало А на мѣсто его очутилась птица чудной красоты, похожая на голубку, бѣлая, какъ снѣгъ. Она пролетѣла у меня надъ головой и затѣмъ исчезла. Мнѣ показалось, что она вылетѣла въ трубу.

«Мычаніе быковъ и коровъ доносилось все ближе, и я уже слышала топотъ ихъ ногъ. Я побѣжала къ парадной двери,—они были тутъ; они шли по дорогѣ, сотнями, вскидывая рогами, размахивая хвостами. Я захлопнула дверь, заперла ее

Digitized by Google

на засовъ, побѣжала въ гостиную и выглянула въ окошко, а тамъ, по другую его сторону, такъ ясно, какъ на яву, я увидала лицо вашего отца... лицо моего мужа.

«Онъ ни чуточки не постарѣлъ съ того времени, какъ оставилъ насъ, а глаза его и ротъ улыбались такъ весело, какъ мнѣ не доводилось видѣть съ той поры, какъ онъ былъ молодымъ.

«О, Эбель!—сказала я.—О, Эбель!—А затѣмъ лицо его исчезло, а я услыхала шумъ за собою и обернулась.

«Я не вѣрила своимъ глазамъ, когда увидала это. Всѣ кресла и диванъ были обиты моимъ подвѣнечнымъ платьемъ, которое перешито для Эльмиры. Занавѣски на окнахъ были изъ этого же платья, скатерть на столѣ тоже...

«Затѣмъ я увидала посреди комнаты большой длинный предметъ, сплошь закрытый тою же шелковой матеріей, и я догадалась, что это гробъ. Я подошла къ нему, а тамъ лежала шляпа Эбеля, та, что была на немъ, когда онъ ушелъ. Я приподняла шляпу и подвѣнечную матерію,—тамъ былъ гробъ.

«Я подумала, что въ гробу лежитъ Эбель. Я приподняла крышку и заглянула въ гробъ. Онъ былъ полонъ до самаго верху свѣтлой водою, такой прозрачной, что я видѣла дно его все покрытое блестящими золотыми долларами. Я наклонилась надъ водою и увидѣла въ водѣ, словно въ зеркалѣ, свое собственное лицо, а рядомъ съ нимъ лицо Эбеля. Тогда я быстро обернулась, и... Эбель былъ тутъ... тутъ былъ мой мужъ, онъ стоялъ здѣсь здравый и невредимый. Затѣмъ я проснулась».

Эннъ окончила свой разсказъ и разрыдалась. Джеромъ и Эльмира обмѣнялись взглядами, полными ужаса.

— Ты видѣла прекрасный сонъ, мама,—сказалъ ласково Джеромъ.—А теперь попробуй покушать не много.

— Цѣлый день онъ не выходитъ у меня изъ головы. Мнѣ кажется... будто отецъ вашъ пришелъ и снова исчезъ, — рыдала Эннъ.

— Отвѣдай, мама, вотъ этихъ грѣнковъ, онѣ очень вкусны,— уговаривала ее Эльмира.

Но Эннъ не могла проглотить ни одного кусочка. Она, казалось, совершенно ослабла и потеряла всякую энергію. Дѣти уговорили ее лечь пораньше въ постель, но она еще не спала, когда въ десятомъ часу они ушли на верхъ. Она окликнула ихъ, чтобы спросить, продолжается-ли вьюга.

— Нѣтъ, мама,—отвѣчалъ Джеромъ,—я только что смотрѣлъ въ окно: на небѣ показались звѣзды. Кажется, вьюга стихла.

— Джеромъ, какъ ты думаешь, ужъ не передъ болѣзнью-ли это у мамы?—допытывалась Эльмира шепотомъ, когда они поднимались по лѣстницѣ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, мнѣ кажется, она просто разстроена своимъ сномъ. Быть можетъ, эта ужасная погода тоже подѣйствовала на нее.

— Джеромъ, у меня ясное предчувствіе, что что-то должно случиться!

— Пустяки!—сказалъ Джеромъ, смѣясь.—У тебя у самой нервы пошаливаютъ. Я вотъ дамъ вамъ обѣимъ порцію валеріаны!

— Джеромъ, я *убѣждена*, что что-то случится!

— Было-бы странно, если-бы ничего не случилось. Что нибудь случается гдѣ-нибудь на землѣ во всякую минуту.

— Джеромъ, я хочу сказать: случится *съ нами*!

Джеромъ слегка подтолкнулъ сестру въ ея комнату.

— Ложись-ка въ постель да усни себѣ съ Богомъ,—сказалъ онъ,—оставь свою дверь открытой, если тебѣ жутко, а я открою свою.

Джеромъ заснулъ не скоро. Разъ или два Эльмира заговорила съ нимъ и онъ отозвался, стараясь успокоить ее, но у него самого нервы были въ страшно возбужденномъ состояніи. «Что это сталось со всѣми нами?»—съ досадой думалъ онъ. Только за полночь онъ забылся сномъ. Онъ спалъ крѣпко съ часъ времени, какъ вдругъ проснулся въ сильномъ испугѣ.

Снизу доносился дикій вопль, отъ котораго у него кровь застыла въ жилахъ. Онъ вскочилъ съ постели и живо одѣлся; а снизу все время ему слышался, словно во-снѣ, голосъ его матери, взывавшій все громче и громче: «О, Эбель, Эбель, Эбель! О, Эбель!»

Эльмира, накинувъ платокъ поверхъ ночной блузы, съ горящей свѣчей въ рукѣ, выбѣжала стремглавъ изъ своей комнаты на площадку.

— Охъ, — пролепетала она, — что тамъ такое? что тамъ такое?

— Должно быть, мамѣ опять что-нибудь приснилось,—отвѣчалъ Джеромъ хриплымъ голосомъ, а въ умѣ его промелькнула страшная мысль, что мать его сошла съ ума.

— Несетъ... холодомъ... сюда...—молвила Эльмира сдавленнымъ голосомъ.—Дверь на улицу... открыта настежъ.

При этихъ словахъ Джеромъ оттолкнулъ ее въ сторону, стрѣлою спустился съ лѣстницы и вбѣжалъ въ кухню.

Здѣсь его мать стояла, склонившись надъ старикомъ, который сидѣлъ на ея качалкѣ. Она стояла, прижимая къ своей груди его сѣдую голову, повторяя безпрестанно: «О, Эбель, Эбель, Эбель!» и въ радостномъ тонѣ ея голоса прорывались горестные звуки печали о прошломъ.

Джеромъ смотрѣлъ на нихъ во всѣ глаза. У него кружилась голова, и онъ рѣшительно не зналъ, была-ли то дѣйствительность, или онъ все еще спитъ и грезитъ у себя на по-

Digitized by Google

стели. Эльмира подошла къ нему совсѣмъ близко и уцѣпилась за его руку... даже это не прояснило его смущеннаго сознанія.

— Ты *видишь* его? — рѣзкимъ шепотомъ спросилъ онъ у Эльмиры.

— Вижу. Кто это? *Кто*?

Тутъ Джеромъ выдалъ въ порывѣ крайняго недоумѣнія ту завѣтную тайну, которую хранилъ съ самаго дѣтства.

— Это не отецъ, — сказалъ онъ: — немыслимо, чтобъ это былъ онъ. Я нашелъ шляпу его на берегу Мертвой дыры. Отецъ...

При звукѣ его голоса Эннъ быстро обернулась.

— Это вашъ отецъ! — рѣзко закричала она, — вашъ отецъ вернулся домой. Эбель, вотъ они — дѣтки!

Джеромъ замѣтилъ небольшой японскій ящичекъ на полу, толстую палку и маленькій узелокъ изъ носового платка. Затѣмъ ему бросились въ глаза комья полурастаявшаго снѣгу тамъ, гдѣ ступалъ старикъ. Видъ снѣга болѣе всего остального вернулъ Джерому способность размышленія.

— Ради Бога, не станемъ терять времени! — закричалъ онъ Эльмирѣ, — не то онъ умретъ. Онъ шелъ по колѣна въ снѣгу, и это подорвало его силы. Достань-ка поскорѣе той водки изъ буфета, а я пока разведу огонь.

— Это отецъ? Джеромъ, отецъ это?

— Мама увѣряетъ, что это онъ. Поскорѣе достань водку.

Джеромъ жарко растопилъ печь, поставилъ на огонь котелъ съ водою, а затѣмъ подошелъ къ матери и положилъ свою руку ей на плечо.

— Послушай, мама, — сказалъ онъ, — его надо уложить въ теплую постель.

— Да, да, положи его въ его собственную постель... въ его постель! — вскричала его мать. — О, Эбель, дорогой мой, приди и усни у себя на кровати послѣ всѣхъ этихъ долгихъ лѣтъ! Бѣдный мой, бѣдный мой, ты дома и отдохнешь у себя, на своей постелѣ!

Джеромъ пристально смотрѣлъ на старое, измученное лицо, которое Эннъ прижимала къ своей груди.

— Откуда... онъ пришелъ? — спросилъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

— Не знаю. Онъ пришелъ... О, Эбель, Эбель, Эбель! ты вернулся къ себѣ домой!

— Дай мнѣ скорѣе эту водку, — приказалъ Джеромъ Эльмирѣ, которая стояла, дрожа, съ бутылкою и стаканомъ въ рукахъ. Онъ налилъ въ стаканъ немного водки и чайной ложкой влилъ нѣсколько капель въ ротъ старика. Послѣдній слегка приподнялъ голову, но она тотчасъ же опять поникла. Онъ усиливался заговорить.

Digitized by Google

— Не говори,—сказалъ Джеромъ,—подожди, пока отдохнешь! Мама, оставь его теперь. Присядь вотъ здѣсь. Эльмира, ты должна бы пособить мнѣ немножко.

— Если тебѣ нужна помощь, я помогу тебѣ!—пылко вскричала Эннъ.

Съ этими словами мать его, которая не ходила уже долгіе годы, побѣжала въ спальню и принялась стлать простыни, взбивать и оправлять подушки.

Старикъ не былъ тяжелъ. Джеромъ почти перенесъ его на рукахъ въ спальню и уложилъ въ постель. Онъ далъ ему выпить еще немного водки и обложилъ его всего бутылками съ горячей водой. Вскорѣ старикъ погрузился въ спокойный сонъ. Эннъ сѣла возлѣ него, держа его за руку, и не хотѣла двинуться съ мѣста, хотя Джеромъ умолялъ ее пойти въ комнату Эльмиры.

— Не оставлю я его, чтобы онъ опять не ушелъ скитаться по бѣлу свѣту.

Когда они вернулись въ кухню, Эльмира прижалась къ Джерому и прошептала ему на ухо:—Отецъ ли это?

Джеромъ утвердительно кивнулъ головой.

— А почемъ ты знаешь?

— Я его помню.

— Увѣренъ-ли ты?

— Да. Онъ состарился, но я всетаки помню его.

— Откуда... онъ пришелъ?

— Не знаю. Проснется, разскажетъ намъ.

Братъ и сестра близко подсѣли къ огню и ждали. Эльмира крѣпко держала руку Джерома въ своей маленькой холодной ручкѣ.

— А что у него въ этомъ сундучкѣ?

— Тсъ! не знаю.

— Джеромъ, мама *ходила*.

— Да. Я видѣлъ.

Прошелъ часъ, прежде чѣмъ они услыхали шорохъ въ спальнѣ. Затѣмъ раздался голосъ Эннъ, ясный, звонкій, а въ отвѣтъ ему прозвучалъ другой голосъ, слабый и глухой. Джеромъ и Эльмира вошли въ комнату и стали у кровати.

— Вотъ они, наши дѣтки, Эбель,—сказала Эннъ.

Лицо на подушкѣ показалось Джерому болѣе чуждымъ, чѣмъ прежде. Въ полубезсознательномъ состояніи оно носило печать той строгой сдержанности, которая соотвѣтствовала воспоминаніямъ его дѣтскихъ лѣтъ; а нынѣ оно было полно наивной веселости, словно лицо ребенка, что ставило Джерома въ тупикъ. Притомъ-же старикъ принялся говорить съ жаромъ, а Джеромъ помнилъ, что отецъ его говорилъ медленно, хотя,

Digitized by Google

быть можетъ, эта медленность рѣчи зависѣла отъ привычки сдерживать свои чувства, а вовсе не отъ темперамента.

— Какъ они выросли,—сказалъ онъ, переводя свой взглядъ съ дѣтей на Эннъ.—Вотъ это Джеромъ, а это Эльмира. А ужъ какъ я ждалъ этого дня!

Онъ протянулъ слабую руку; Эльмира робко взяла ее, затѣмъ нагнулась и поцѣловала его. Джеромъ также взялъ эту руку, и ему она показалась рукою мертвеца, возставшаго изъ гроба. Сомнѣнія его разъяснились. Онъ ясно увидѣлъ, что человѣкъ этотъ его отецъ.

— Я не спала,—сказала Эннъ:—я все думала о немъ. Вдругъ слышу, кто-то ходитъ у двери. Я встала и пошла ему отворить. Я знала, что это онъ.

Старикъ улыбался имъ всѣмъ.

— Я скажу вамъ, гдѣ я былъ,—сказалъ онъ.—Это недолгая исторія. Я задолжалъ эти процентныя деньги и не могъ никакимъ манеромъ заработать столько, чтобы разсчитаться съ ними. Для всѣхъ васъ я былъ лишь помѣхою, какъ бѣльмо на глазу. И вотъ, сразу, въ тотъ день какъ я ушелъ, мнѣ все это пришло на мысль. Думаю я себѣ: вѣдь будетъ отказано въ отсрочкѣ по этой закладной; останусь я тутъ или нѣтъ, отъ этого никакой разницы не будетъ. Ничѣмъ не пособить мнѣ тутъ моей семьѣ.—Я совсѣмъ извелся, а толку никакого. Если я уйду прочь, то смогу на сторонѣ сдѣлать для нихъ больше. Я буду откладывать каждый заработанный центъ, пока не соберу столько, чтобы выкупить этотъ закладъ... Авось, такимъ манеромъ я буду полезнѣе для нихъ. Вотъ я и ушелъ.

Этотъ ходъ мысли поразилъ Джерома. — Умъ у него не въ порядкѣ,—подумалъ онъ.

— Куда же ушелъ ты, Эбель?—спросила Эннъ.

— Въ Уэстъ-Линфилдъ.

— Что ты говоришь!—вскричалъ Джеромъ.—Да вѣдь это всего въ двадцати миляхъ отсюда.

Эбель засмѣялся съ ребячески хитрымъ видомъ.

— Я зналъ это,—объяснилъ онъ.—Я нанялся на ферму Джабэза Суммерса. Дорога туда идетъ въ гору; никто изъ знавшихъ меня туда не захаживалъ. Я назвался другимъ именемъ... назвался Эфраимъ Гринъ. Я накопилъ тысячу пятьсотъ долларовъ. Деньги тутъ, въ томъ маленькомъ жестяномъ ящикѣ. Купилъ его у Суммерса за шиллингъ, чтобы хранить въ немъ деньги. Тамъ пятьсотъ золотомъ, а остальныя въ бумажкахъ. Довольно тебѣ горевать, мать. Завтра же расквитаемся съ этимъ закладомъ.

— Закладъ сполна уплаченъ. Мы уплатили его, Эбель,—воскликнула Эннъ.

— Уплатили? какъ уплатили?

Digitized by Google

— Ну да! мы его уплатили! Всѣ мы работали, и заработанными деньгами выплачивали его.

— Въ такомъ случаѣ наши денежки останутся у насъ,— радостно сказалъ старикъ.—Мы можемъ оставить ихъ у себя, мать; я думалъ, куда тяжело будетъ разстаться съ ними. Достались онѣ мнѣ больно тяжкимъ трудомъ. Я весь обносился, а за послѣднее время даже въ церковь не ходилъ, стыдно было въ люди показаться такимъ оборванцемъ.

Эльмира плакала.

— Какъ добрался-ты сюда ночью, отецъ?—спросилъ Джеромъ голосомъ, пересохшимъ отъ сдержаннаго волненія.

— Я шелъ пѣшкомъ изъ Уэстъ-Линфилда; вышелъ оттуда вчера, послѣ полудня. Добрался до Уэстбрука, а тутъ поднялась мятель. Я зашелъ переночевать въ гостиницу Гайеса.

— Въ гостиницу Гайеса съ такой массой денегъ!—воскликнула Эльмира.

— А что, развѣ тамъ народъ не надежный?—съ живостью освѣдомился старикъ.

— Ничего, отецъ, тамъ все люди хорошіе, мнѣ кажется. Продолжай.

— Они показались мнѣ очень хорошими людьми,—сказалъ отецъ.—Я разсказалъ имъ все по порядку, и они были ко мнѣ очень радушны. Миссъ Гайесъ напекла мнѣ блиновъ на ужинъ. Мнѣ отвели хорошую комнату вмѣстѣ съ однимъ малымъ, который сегодня утромъ уѣхалъ въ Бостонъ. Онъ всталъ до разсвѣта; его уже не было, когда я проснулся. Я пробылъ тамъ до полдня, а затѣмъ двинулся въ путь. Я доѣхалъ въ дилижансѣ вплоть до захолустья, затѣмъ прошелъ малость пѣшкомъ и зашелъ въ трактиръ, гдѣ мнѣ дали поужинать, и въ другомъ дилижансѣ доѣхалъ до маленькаго дома. А оттуда уже все брелъ пѣшкомъ. Дорога была страшно тяжелая, потому что ее всю замело снѣгомъ. Но потомъ мятель улеглась.

— Отчего ты не пріѣхалъ въ повозкѣ, Эбель, вѣдь у тебя, слава Богу, было столько денегъ?—жалобно спросила Эннъ.— Какъ это ты еще живъ остался!

— Неужели ты думаешь, что я сталъ бы тратить эти деньги на ѣзду въ повозкѣ? Не знаешь ты, какъ страшно тяжело достались онѣ мнѣ, мать,—отвѣчалъ старикъ. Онъ говорилъ съ закрытыми глазами; онъ былъ истощенъ до полусмерти.

— Онъ заснетъ опять, если ты перестанешь съ нимъ разговаривать, мама,—прошепталъ Джеромъ.

— Ладно. Я прилягу возлѣ него, можетъ, мы оба уснемъ,— отвѣтила она съ какой-то необычайной покорностью. Джеромъ помогъ ей лечь въ постель, а затѣмъ онъ и Эльмира ушли обратно въ кухню.

Джеромъ сдѣлалъ Эльмирѣ знакъ не шумѣть, а самъ осто-

Digitized by Google

рожно приподнялъ маленькій японскій ящикъ и сталъ перекладывать его съ одной руки на другую, словно пробуя его тяжесть. Эльмира слѣдила за его движеніями удивленными, полными слезъ, глазами. Наконецъ, онъ вышелъ съ нимъ изъ кухни на цыпочкахъ, сдѣлавъ ей знакъ идти за нимъ со свѣчей. Они вошли въ гостиную, гдѣ было холодно, какъ въ ледникѣ, и плотно затворили за собою дверь.

— Что ты хочешь дѣлать, Джеромъ?—прошептала Эльмира.

— Боюсь, что съ отцовскими деньгами случилась бѣда; я хочу узнать это прежде, чѣмъ онъ узнаетъ.

На ящикѣ былъ маленькій висячій замокъ, но ящикъ былъ перевязанъ кожаной тесемкой отъ башмаковъ и не запертъ. Джеромъ вынулъ свой складной карманный ножъ, перерѣзалъ веревку и открылъ ящикъ. Эльмира свѣтила ему, пока онъ разсматривалъ, что тамъ было. Въ ящикѣ лежалъ большой старый бумажникъ, туго набитый банковыми билетами, а также нѣсколько отдѣльныхъ пачекъ этихъ билетовъ, аккуратно перевязанныхъ.

— Все такъ, какъ я думалъ, — пробормоталъ про себя Джеромъ.

— Что такое?

— Часть денегъ изчезла. Золота какъ не бывало. Должно быть, оно украдено-таки малымъ, что ночевалъ съ нимъ въ одной комнатѣ въ гостиницѣ Гайеса. Тамъ и не то еще случалось! Меня удивляетъ одно: какъ онъ не укралъ всѣхъ денегъ?

— Джеромъ, неужели золота нѣтъ?

— Говорю тебѣ, оно исчезло. Вотъ и мѣшочекъ, въ которомъ оно лежало. Воръ оставилъ его на память о себѣ. Вѣроятно, побоялся, что по немъ его могутъ разыскать.

— Охъ, бѣдный папа, бѣдный папа, что-то онъ сдѣлаетъ?

— Онъ не сдѣлаетъ ничего. Онъ никогда и не узнаетъ объ этомъ,— сказалъ Джеромъ.

— Что значатъ эти слова, Джеромъ?

— Подожди меня здѣсь одну минуту.

Джеромъ потихоньку вышелъ изъ комнаты и поднялся наверхъ. Онъ скоро вернулся съ кожанымъ мѣшкомъ, который несъ съ большими предосторожностями.

— Боюсь, какъ бы они не звякнули,—прошепталъ онъ.

— Джеромъ, что это такое?

Джеромъ засмѣялся и развязалъ мѣшокъ.

— Ты мнѣ пособишь переложить эти деньги въ тотъ мѣшокъ; надобно отсчитывать каждый долларъ по одиночкѣ.

— Джеромъ, это тѣ деньги, что ты отложилъ для себя?

— Тѣ самыя. И ты никогда не должна проговориться объ этомъ кому бы то ни было Пусть бѣдный отецъ никогда не

Digitized by Google

узнаетъ, что потерялъ часть денегъ, которыя достались ему такимъ тяжелымъ трудомъ.

XVI.

Чужой человѣкъ, которому случилось бы идти мимо дома Эбеля Эдвардса на другой день послѣ его возвращенія, подумалъ бы, что здѣсь справляютъ либо свадьбу, либо поминки. Съ утра и до поздняго вечера шелъ деревенскій людъ по дорогѣ, съ трудомъ пробираясь по глубокому снѣгу,—мужчины съ засунутыми въ сапоги штанами, женщины въ шерстяныхъ чулкахъ поверхъ башмаковъ, подобравъ у бедеръ широко разставленными руками свои короткія юбки. Многіе пріѣхали на саняхъ, ныряя по сугробамъ. Дворъ Эдвардсовъ былъ загроможденъ телѣгами и повозками.

Всѣ родственники, которые четырнадцать лѣтъ назадъ пришли на похороны Эбеля Эдвардса, явились теперь, когда онъ воскресъ изъ мертвыхъ. Извѣстіе объ этомъ событіи мгновенно распространилось неуловимыми путями. Здѣсь были и Грины изъ Уэстбрука—когда-то три маленькія дѣвочки въ голубыхъ платьяхъ, теперь совсѣмъ взрослыя, и сестры Лаузонъ изъ Гранби, вмѣстѣ съ сосѣдкой, которая любезно подвезла ихъ. Амалія Стоксъ пріѣхала въ Эпгамское Захолустье въ повозкѣ мясника. Она была въ траурѣ по своей старой матери, которая умерла за годъ передъ тѣмъ...

— Нѣтъ-нѣтъ да и вспомню, съ какимъ аппетитомъ бѣдная моя мама кушала горячіе бисквиты и пила чай на вашихъ похоронахъ,—тихо говорила она Эбелю, который отвѣчалъ на ея слова дѣтски-ясною улыбкой.

Весь день Эбель сидѣлъ въ полномъ парадѣ, одѣтый въ новую пару платья, которую Джеромъ купилъ въ Дэлѣ. Эннъ надѣла свое лучшее платье, а Эльмира накинула ей на плечи свою вышитую кружевную косынку и сколола ее на груди вѣткой розовой герани въ цвѣту. Эннъ съ самаго утра усѣлась въ свое кресло; она, казалось, не помнила о томъ, что ходила ночью и какъ всегда нуждалась, повидимому, въ помощи другихъ.

— Какъ ты думаешь, мама не можетъ ходить?—спросила Эльмира шопотомъ у брата.

— Тсъ!—отвѣчалъ онъ.—Не приставай къ ней, пока она сама не заговоритъ объ этомъ. Я читалъ въ одной книгѣ, что иногда люди временно выздоравливали подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія, а потомъ снова къ нимъ возвращались ихъ немощи. Не думаю, чтобы мама могла ходить, иначе она бы не стала сидѣть.

Digitized by Google

Эннъ Эдвардсъ и Эбель сидѣли рядомъ на диванѣ, въ гостиной, а гости входили и поздравляли ихъ; въ ихъ поздравленіяхъ, впрочемъ, проглядывало гораздо меньше радости, чѣмъ какого-то боязливаго недоумѣнія. Пожавъ руки супругамъ, гости начинали всякій разъ перешептываться втихомолку между собою о томъ, какъ сильно измѣнился Эбель, что его и признать-то трудно. Однако, перемѣна была не внѣшняя; она касалась гораздо болѣе глубокихъ сторонъ его личности: Эбель Эдвардсъ посѣдѣлъ совершенно, чуть-чуть пополнѣлъ съ лица, но въ остальномъ наружность его мало измѣнилась. Однако Джеромъ замѣтилъ еще прошлой ночью что-то особенное въ отцѣ. Изъ сдержаннаго человѣка, скупого на слова, который не склонялъ головы подъ несправедливыми ударами судьбы, упорно и молчаливо стремясь къ своей цѣли, онъ превратился въ болтливаго и беззаботнаго ребенка...

Многіе старые друзья и сосѣди Эбеля не были вполнѣ увѣрены въ желательности его появленія вновь среди нихъ. Когда человѣкъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ держался въ сторонѣ отъ толпы, чтобы снова занять въ ней свое мѣсто, ему роковымъ образомъ приходится задѣть чужія спины и даже предразсудки. Воскресеніе иныхъ мертвецовъ—могло бы доставить много хлопотъ и непріятностей самымъ дорогимъ и самымъ близкимъ къ нимъ лицамъ, а вѣдь Эбель былъ на дѣлѣ умершимъ и похороненнымъ.

Жена Эбеля была безусловно счастлива его возвращеніемъ; но это потому, что прежде она не переставала тосковать о немъ. Для этой энергической женской души, которая продолжала бороться съ житейскими невзгодами на зло своему горю, мужъ ея умиралъ вновь каждое утро въ продолженіе этихъ четырнадцати лѣтъ, когда она просыпалась. Но дѣти Эбеля находились къ нему въ совершенно иныхъ отношеніяхъ. Для нихъ обоихъ старыя огорченія были пережиты, и старое горе зажило. Они не могли любить своего вернувшагося отца, какъ они любили его прежде,—хотя въ этомъ они ни за что не признались бы себѣ. Они мучительно желали оставаться вѣрными своей дѣтской любви и питали къ нему своеобразную пылкую жалость. Оба они какъ-то нерѣшительно произносили, обращаясь къ нему, слово «отецъ» и всякій разъ, возвращаясь домой и находя его тамъ, испытывали чувство удивленія.

Черезъ три дня послѣ возвращенія Эбеля Эдвардса разыгралась одна изъ самыхъ страшныхъ бурь съ проливнымъ дождемъ, какіе только бывали въ Эпгамскомъ Захолустьѣ. Буря началась еще до свѣту. Проснувшись утромъ, люди увидѣли, что съ оконъ ихъ струились потоки воды, а къ одиннадцати часамъ буря достигла бѣшенаго разгула. Дождь лилъ потоками, со свистомъ и шумомъ.

Digitized by Google

— Ну,—сказалъ Чизманъ, выглянувъ изъ двери лѣсопильни, которая, казалось, открывалась въ крѣпкую водяную стѣну,—точно море-океанъ перевернулось вверхъ дномъ надъ нашими головами! Если это продлится, быть бѣдѣ!

— Думаете, лѣсопильнѣ грозитъ опасность?—быстро спросилъ Джеромъ.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, намъ бояться нечего, она стоитъ крѣпко... Куда вы?

— Въ лавку Робинзона. Мнѣ надо раздобыть одну вещь.

— Ну, право, я думаю, что вы ополоумѣли! Да развѣ мыслимо идти въ такой ливень, когда есть возможность остаться подъ кровлей,—вскричалъ Чизманъ, но Джеромъ уже ушелъ.

Онъ купилъ въ лавкѣ Робинзона крѣпкую веревку, и еще засвѣтло они прикрѣпили лѣсопильню къ толстымъ стволамъ деревьевъ и къ огромной гранитной скалѣ. Чизманъ помогалъ неохотно и все время ворчалъ.

— Этакъ я наживу себѣ скорехонько ревматизмъ,—жаловался онъ,—а этотъ дождь не можетъ продолжаться... Онъ не въ природѣ вещей, и въ писаніи сказано, что второго потопа не будетъ...

Но дождь продолжался весь этотъ день и всю ночь, и весь слѣдующій день почти съ непрерывною бѣшеною силою. По временамъ казалось, что водяные столбы подымались съ земли и соединялись съ небесными хлябями. Къ полудню второго дня затопило половину всѣхъ деревенскихъ подваловъ; по полямъ плавали разбитые боченки; вода на дорогѣ во многихъ мѣстахъ стояла по колѣно; лошади отступали въ испугѣ, словно передъ волнами потока. Добрые люди перетрусили не на шутку.

— Если этакая погода продержится еще съ часъ времени, не хорошо это кончится!—сказалъ сквайръ Ибнъ Мерриттъ, вернувшись домой къ обѣду. Онъ заходилъ къ стряпчему Минзу и они переходили черезъ рѣчку, которая теперь вздулась, словно громадная рѣка.

— Что же именно случится?—спросила Абигэйль.

— Что случится? Сорветъ мостъ и лѣсопильню, и Богъ знаетъ, что еще.

Люцина страшно поблѣднѣла.

— Будетъ большая обида Джерому, если онъ лишится своей лѣсопилки,—замѣтила ея мать.

— Ну, мальчику навѣрно придется съ ней распроститься, если это продолжится,—отвѣчалъ сквайръ.—Онъ отстаиваетъ ее изо всѣхъ силъ, да ему помогаютъ еще четверо. Они нагрузили ее камнями и подвязали веревками, только ей ни въ какомъ случаѣ не устоять. Я увѣренъ, что основаніе уже размыто.

Люцина не сказала ни слова, но при первой возможности

Digitized by Google

тихонько ушла на верхъ въ свою комнату и стала молиться о прекращеніи дождя. Но дождь все лилъ и лилъ.

Огромная толща снѣгу, пробуравленная въ тысячѣ мѣстахъ дождемъ, словно жидкими пальцами, таяла съ невѣроятной быстротой. Громадные сугробы, доходившіе до крышъ домовъ съ сѣверной стороны, почти совершенно исчезли, въ теченіе какихъ нибудь полусутокъ. Широкіе снѣжные покровы на поляхъ сплошь были истыканы отверстіями, словно медовые соты; то здѣсь, то тамъ, въ нихъ образовались блестящія лужи. Съ деревьевъ валились комья талаго снѣгу, съ крышъ обрушивались цѣлыя лавины, и даже въ домахъ слышенъ былъ ревъ разбушевавшейся рѣчки. Но теперь это была уже не рѣчка, она уже вышла изъ береговъ. Лѣсныя деревья глубоко стояли въ водѣ, ихъ вѣтви волочились по ней. Въ три часа вода обступила лѣсопильню Джерома со всѣхъ сторонъ, хотя съ одной стороны она представляла еще только плоскую зарябившуюся поверхность. Цѣлый день ему помогала масса народу, потому что опасность угрожала мосту, если бы снесло его дамбу и лѣсопильню; но теперь всѣ эти люди оставили Джерома. Они присоединились къ кучкѣ зѣвакъ, собравшихся на возвышеніи, котораго не захватилъ потокъ. Дождь сталъ понемногу убывать, и половина мужского населенія, повидимому, собралась посмотрѣть на вѣроятную гибель лѣсопильни. Отъ времени до времени до слуха Джерома доносились сиплые крики черезъ клокотавшую рѣку. Онъ одинъ остался на своей лѣсопильнѣ, у большихъ дверей, открывавшихся на плотину. Онъ стоялъ на возвышеніи, но брызги орошали его лицо.

Бурныя волны огромнаго желтаго потока перелетали черезъ плотину и яростно разбивались въ мельчайшія брызги. Потокомъ несло деревья и стропила—гдѣ-то повыше сорвало мостъ. Какіе-то странные обломки, которыхъ невозможно было опредѣлить, кружились въ потокѣ и затѣмъ тонули. Изрѣдка доносился крикъ или вздохъ сомнѣнія со стороны собравшихся зрителей, которые принимали тотъ или другой предметъ за утопленника.

Наряду съ оглушительнымъ ревомъ воды доносились и другіе звуки, которые Джеромъ слышалъ всѣми своими нервами. Лѣсопильня гудѣла, трещала и скрипѣла, точь въ точь-какъ корабль на морѣ въ бурю.

Ему кричали съ берега, чтобы онъ бросилъ лѣсопильню; крики усилились, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Онъ находился по другой сторонѣ рѣки и не зналъ, какое волненіе вызвалъ въ толпѣ Джэкъ Нойзъ, выскочившій изъ-за деревьевъ, какъ полоумный. Джэкъ Нойзъ пришелъ за докторомъ Прескоттомъ, который съ полчаса передъ тѣмъ присоединился къ зрителямъ.

Digitized by Google

— Идите скорѣе, ради Бога!—оралъ во все горло Нойзъ.— Васъ спрашиваютъ по ту сторону рѣки, а мостъ того и гляди снесетъ, и вамъ придется сдѣлать десять миль крюку. Полковника Ламзона хватилъ ударъ!

Докторъ торопливо послѣдовалъ за Нойзомъ на дорогу, гдѣ его ожидала телѣга, а сквайръ Ибнъ Мерриттъ бросился за ними бѣгомъ, крикнувъ толпѣ:

— Не позволяйте этому мальчику оставаться слишкомъ долго на лѣсопильнѣ; займитесь этимъ кто-нибудь!

По теченію несло большую крышу съ сарая, а за ней вскидывало во всѣ стороны груды сѣна и соломы. На берегу стонъ стоялъ отъ криковъ толпы. Эти обломки, проходя, ослабили паденіе воды на лѣсопильнѣ. Такимъ образомъ опасность, угрожавшая мосту ниже, была предотвращена, но тяжелая балка мимоходомъ задѣла лѣсопильню и сильно ударилась объ нее. Лѣсопильня такъ и заходила, а полъ ея накренился словно палуба судна. Мартинъ Чизманъ ворвался въ нее и грубо схватилъ Джерома за руку.

— Ради Бога, что вы тутъ стоите?—закричалъ онъ, покрывая своимъ голосомъ ревъ воды.—Пойдемъ отсюда. Ее сейчасъ снесетъ!

Джеромъ пошелъ за нимъ безъ сопротивленія. Оба очутились почти по поясъ въ водѣ и шли, рискуя ежеминутно быть унесенными быстрымъ потокомъ. Чизманъ крѣпко держалъ руку Джерома.

— Держитесь тверже,—совѣтовалъ онъ хриплымъ шепотомъ, между тѣмъ какъ они оба съ усиліемъ выбирались изъ воды:—жизнь, чай, дороже лѣсопильни.

— Тутъ погибаетъ то, что дороже лѣсопильни,—отвѣчалъ Джеромъ мрачно, въ униссонъ съ Чизманомъ. Но тотъ не слыхалъ его словъ. Къ нимъ протянулись десятки рукъ, чтобы помочь имъ выйти на берегъ. Люди тѣснились вокругъ Джерома съ грубымъ и простодушнымъ сочувствіемъ.

— Ужъ можно сказать, проклятая неудача!—повторялъ то одинъ, то другой, энергически ругаясь.

Затѣмъ они отошли отъ Джерома и обратили все свое вниманіе на лѣсопильню, которая замѣтно раскачивалась. Джеромъ сталъ въ сторонѣ, повернувшись къ рѣкѣ спиною, устремивъ взоръ вглубь мокраго лѣса. Къ нему подошелъ Чизманъ и сильно хлопнулъ его по плечу.

— Не хотите, видно, взглянуть, какъ ее сноситъ?—крикнулъ онъ ему надъ ухомъ.—Стоитъ посмотрѣть.

Джеромъ покачалъ головою.

— Право, посмотрите. Говорю вамъ, стоитъ того. Я видалъ въ своей жизни три раза, какъ ихъ сносило; одна изъ нихъ была моя. Господи, я и на нее смотрѣлъ вмѣстѣ съ остальными!

Digitized by Google

Плюньте на свою бѣду. Эй, вотъ!.. вотъ несетъ плотину, а... вонъ пошла и лѣсопильня!

Раздался дикій хоръ оглушительныхъ возгласовъ, аховъ и оховъ. Лѣсопильню Джерома уносило внизъ по теченію, въ водоворотъ. Но онъ не видалъ этого. Онъ услыхалъ новый гулъ воды, сопровождаемый брызгами, и глухой трескъ; онъ понялъ ихъ значеніе, но глядѣть на это зрѣлище не могъ.

— Напрасно не смотрѣли,—сказалъ Чизманъ.

Нѣсколько человѣкъ подошло къ нему и торопливо пожало его руку, затѣмъ всѣ гурьбой помчались смотрѣть, какъ будетъ сносить мостъ. Джеромъ безсильно опустился на груду бревенъ, до которыхъ не дошелъ потокъ.

— Чизманъ пристально смотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ вы тутъ усѣлись, скажите ради Бога?—спросилъ онъ.

— Я скоро уйду,—отвѣчалъ Джеромъ.

— Вы себѣ наживете смерть, коли будете сидѣть здѣсь въ мокромъ платьѣ. Ну-ка, вставайте да идите домой!

Джеромъ не шевелился. Онъ что-то бормоталъ... Чизманъ схватилъ его за плечо и встряхнулъ. Затѣмъ, видя, что ничто не помогаетъ, пошелъ прочь. Онъ былъ старъ, и его пробиралъ морозъ сквозь вымокшее платье.

Вскорѣ послѣ того Джеромъ отправился къ себѣ домой, усталый, измученный...

XVII.

Джеромъ почувствовалъ, что съ гибелью лѣсопильни погибла завѣтная надежда его жизни. Духъ борьбы не оставилъ его, у него не было ни малѣйшаго желанія отступить подъ ударами судьбы, но отнынѣ борьба будетъ изъ-за чести, а не ради побѣды: неудачи росли вмѣстѣ съ его усиліями...

— Я начну снова работать и снова сколочу денегъ на новую лѣсопильню. Построю ее спустя нѣсколько долгихъ лѣтъ; но тогда опять что-нибудь да станетъ мнѣ поперегъ дороги... Не видать мнѣ *ее*, какъ своихъ ушей!—сказалъ онъ себѣ.

Будь у него въ распоряженіи тѣ деньги, которыми онъ пополнилъ потерю отца, онъ могъ-бы въ короткое время отстроить свою лѣсопильню; но онъ не считалъ возможнымъ занять недостающую сумму у отца.

— Старику было бы ужасно больно разстаться съ деньгами,—разсуждалъ онъ,—да и лѣсопильню можетъ опять снести водою, и все пойдетъ прахомъ.

Утромъ, послѣ разоренія его лѣсопильни, сквайръ Ибнъ Мерриттъ зашелъ къ Джерому на домъ и передалъ ему изящно сложенное маленькое письмецо.

Digitized by Google

— Люцина прислала тебѣ вотъ это,—сказалъ сквайръ и посмотрѣлъ на него съ выраженіемъ печали и гнѣва. Джеромъ взялъ письмо и поблагодарилъ его съ растерянным видомъ, а его угрюмое лицо вспыхнуло румянцемъ.

У самого сквайра былъ такой видъ, словно онъ всю ночь провелъ безъ сна: его свѣжее лицо было помято и похудѣло.

— Меня порядкомъ огорчила твоя потеря, мой мальчикъ,— сказалъ онъ,—но я не въ силахъ сказать всего, что чувствую, не въ силахъ и чувствовать, какъ бы могъ въ другое время, если-бъ мой старый другъ не былъ унесенъ... болѣе глубокимъ потокомъ.

Голосъ сквайра оборвался. Джеромъ отвернулся въ сторону, чтобы не видать его измученнаго лица. Въ эгоизмѣ своей собственной потери онъ равнодушно отнесся къ извѣстію о смерти полковника Ламзона, которая произошла раньше, чѣмъ мостъ сорвало водою, и до прихода доктора. Джеромъ пробормоталъ нѣсколько неопредѣленно-сочувственныхъ словъ въ отвѣтъ. Записка Люцины, казалось, жгла его пальцы.

Сквайръ быстро провелъ рукою по глазамъ, тяжело кашлянулъ, затѣмъ взглянулъ на письмо.

— Люцина говорила съ матерью. Кажется... полковникъ Ламзонъ передалъ ей что-то, что ты ему сказала. А мы ничего не знали объ этомъ. Скоро и я переговорилъ по душѣ. Не крушись черезчуръ объ этой лѣсопильнѣ... есть нѣсколько способовъ поправить это дѣло. А пока у тебя письмо отъ нея... я читалъ его. Она проплакала всю ночь изъ-за твоей проклятой лѣсопильни и, того и гляди, совсѣмъ заболѣетъ, хоть за докторомъ посылать! И, клянусь дьяволомъ! сэръ, вы можете считать себя счастливчикомъ.

Съ этими словами сквайръ свирѣпо тряхнулъ головою и быстро зашагалъ по дорогѣ, согнувъ плечи.

— Что понадобилось сквайру?—закричала Эннъ Эдвардсъ Джерому,—но онъ не обратилъ вниманія на ея слова.

Это было еще первое письмо къ нему отъ Люцины. Въ письмѣ было всего нѣсколько строкъ, но для него каждая изъ нихъ имѣла тысячу значеній.

«Дорогой другъ, — писала Люцина, — прошу васъ принять выраженіе моего сочувствія въ несчастіи, которое обрушилось на ваше предпріятіе. Умоляю васъ не предаваться унынію и не считать меня нескромной дѣвушкой за то, что я подписываюсь вашимъ всегда преданнымъ и вѣрнымъ другомъ во всѣхъ радостяхъ или превратностяхъ жизни.

«Люцина Мерриттъ».

Это коротенькое письмо,—въ которомъ Люцина, хотя и въ условныхъ формахъ, выразила ему свою любовь и жалость,— наполнило душу Джерома блаженствомъ и отчаяніемъ. Онъ по-

Digitized by Google

нялъ, что полковникъ Ламзонъ выдалъ Люцинѣ его тайну, и Люцина сама, безъ всякихъ требованій съ его стороны, связала свою судьбу съ его судьбою, давъ ему обѣтъ любви и вѣрности, какая бы участь ни постигла его стремленія.

— Я не допущу этого... не допущу!—шепталъ онъ свирѣпо и въ то же время съ восторгомъ упоенія цѣловалъ маленькое посланіе...

Онъ не зналъ,—отвѣчать ей или нѣтъ. У него опять не было надежды жениться на ней, а потому съ его стороны было бы лучше даже грубо оттолкнуть ее отъ себя. Сдѣлать это—значило собственными руками отдать себя на пытку, но онъ сказалъ себѣ, что долженъ поступить именно такъ.

— Она никогда не выйдетъ замужъ, если будетъ ждать тебя,—разсуждалъ онъ самъ съ собою, она останется въ старыхъ дѣвушкахъ, совсѣмъ одинокою, у нея не будетъ ни мужа, ни дѣтей, и ты это отлично знаешь.

И во время этихъ странныхъ разсужденій догматическаго эгоизма, корни котораго иногда слѣдуетъ искать въ самомъ безкорыстіи, ему ни на минуту не пришла мысль о томъ, какъ это подѣйствуетъ на Люцину, если онъ оттолкнетъ ея любовь и преданную вѣрность...

Въ этотъ день солнце сіяло на ясномъ, безоблачномъ небѣ. Снѣгъ сошелъ почти весь, рѣка все еще бѣшено бурлила, но опасность отъ ея разлива уже миновала. Вода медленно возвращалась въ свое русло. Весь день Джеромъ проработалъ у своей лѣсопильни, а Чизманъ помогалъ ему. Джерому надобно было убрать массу бревенъ и досокъ, которыя избѣжали потопа. Чизманъ спросилъ, намѣренъ-ли онъ возобновить лѣсопильню.

— Когда заработаю денегъ,—отвѣчалъ Джеромъ, швырнувъ твердою рукою бревно.

— А развѣ у васъ не хватитъ заработанныхъ?

— Нѣтъ.

— У васъ ихъ должно бы хватить. Куда вы ихъ дѣвали?

— Употребилъ на хорошее дѣло,—отвѣчалъ Джеромъ. Его не сердило любопытство этого чужого человѣка.

— Почему-бы вамъ не занять денегъ подъ проценты, пока своихъ не хватаетъ?

— Не стану я занимать подъ проценты,—отвѣчалъ Джеромъ, поднимая другое бревно могучимъ взмахомъ своихъ сильныхъ плечъ.

Чизманъ съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на него.

— Ну, и у меня нѣтъ такихъ денегъ, чтобы отдавать ихъ подъ проценты. Я вызволилъ свои денежки изъ лѣсопиленъ на берегахъ бѣшеныхъ рѣкъ и намѣренъ держать ихъ подальше отъ такой бѣды. Я вѣрю въ провидѣніе, а искушать его не стану. Нѣтъ у меня денегъ для отдачи подъ проценты...

Digitized by Google

— Да я не желаю занимать подъ проценты, слѣдовательно спорить объ этомъ намъ не приходится,—коротко отрѣзалъ Джеромъ.

— Я не говорю, что не далъ бы вамъ немного денегъ, коли вамъ понадобилось бы... ну тамъ на что-нибудь хорошее для насъ обоихъ,—сказалъ Чизманъ.—Но, какъ я уже сказалъ, я не буду искушать провидѣніе, особенно когда оно, повидимому, враждебно къ вамъ.

— Я вовсе не намѣренъ сваливать на провидѣніе свою неудачу,—презрительно возразилъ Джеромъ. — Тутъ виновата плохая плотина Стимсона.

— Можетъ, плотина и была плоха, а провидѣніе всетаки воспользовалось этимъ для своихъ цѣлей,—настаивалъ Чизманъ. Не смотря на свой веселый характеръ, онъ придерживался мрачныхъ воззрѣній въ религіи.—Мнѣ бы хотѣлось знать, отчего, по вашему, лѣсопильня ваша потонула? Какъ вы думаете, — не сдѣлали-ли вы чего нибудь такого, за что Богъ васъ наказалъ?

— Если бы я думалъ, что это такъ, то сдѣлалъ бы это опять,—отрѣзалъ Джеромъ и отошелъ въ дальній уголъ, гдѣ лежала груда досокъ, чтобы не слышать голоса Чизмана.

Онъ ощущалъ гордую боль, граничившую со стыдомъ, хотя самъ бы не могъ объяснить причины послѣдняго. Въ продолженіе цѣлаго дня онъ старался избѣгать людей, приходившихъ взглянуть на мѣсто катастрофы. Ему было непріятно самое выраженіе ихъ сочувствія.

— Съ другими случается иногда и похуже этого,—отвѣчалъ онъ обыкновенно на грубыя сожалѣнія. Дома онъ не могъ говорить о несчастіи ни съ матерью, ни съ Эльмирой. Что касается отца,—послѣдній сидѣлъ себѣ на солнышкѣ, грѣя свои старыя кости, и сладко дремалъ. Да едва-ли старикъ и понималъ вполнѣ ясно случившееся.

Джеромъ провелъ весь этотъ день до поздняго вечера въ лѣсу, на работѣ. Придя домой, онъ узналъ, что сквайръ заходилъ попросить его нести, во время похоронъ, гробъ полковника.

— Странно, что не пригласили кого нибудь другого, кто ближе подходилъ къ его возрасту,—подумалъ удивленный Джеромъ.

Похороны были назначены на слѣдующій день. Джеромъ сидѣлъ въ гостиной Минза вмѣстѣ съ другими друзьями покойнаго, пришедшими проводить его къ послѣднему жилищу. Ихъ было немного, такъ какъ у полковника не было родныхъ въ Эпгамѣ; тутъ были его трое закадычныхъ друзей, его экономка и Абигэйль Мерритъ съ Люциной.

Джеромъ не смотрѣлъ на Люцину, не смотрѣла и она на него. Во время похороннаго обряда онъ слышалъ, какъ она

Digitized by Google

тихо плакала. Пасторъ, Элифалэтъ Уэллсъ, стоя у чернаго гроба, произнесъ похвальное слово въ память покойнаго. Изъ дверей гостиной и слѣдующей комнаты выглядывали лица, полныя напряженнаго вниманія.

Гостиная эта не открывалась съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать стряпчаго. Женщинамъ стоило не мало хлопотъ и труда привести ее въ приличный видъ, но еще и теперь на всемъ лежалъ какой-то тусклый отпечатокъ, словно отъ окаменѣвшей пыли и плѣсени. Огромное трюмо неясно выступало во мракѣ простѣнка, словно полоса тумана, въ потускнѣвшей рамкѣ, сохранившей слабые слѣды позолоты. Здѣсь цѣлый день поддерживали въ печи сильный огонь, но отъ мягкой мебели и отъ ковра несло сыростью.

Гробъ былъ убранъ большой гирляндой бѣлыхъ цвѣтовъ. Ихъ мертвый ароматъ щекоталъ обоняніе, наполняя, казалось, весь домъ. По временамъ изъ щелей печной заслонки вырывались клубы ѣдкаго дыма. Торжественное убранство комнаты составляли серебряныя украшенія гроба и эта бѣлая гирлянда.

Элифалэту Уэллсу предстояла трудная задача. Вообще въ Эпгамскомъ захолустьи полковника Ламзона считали человѣкомъ невоздержной жизни и приписывали его смерть пристрастью къ спиртнымъ напиткамъ. Однако, въ характерѣ покойнаго была одна благопріятная черта, относительно которой всѣ эти люди были одинаковаго мнѣнія: его веселость, широкая сердечность и добродушіе. И вотъ пасторъ принялся развивать и описывать эти качества полковника съ такимъ одушевленіемъ, что обратилъ ихъ почти въ ореолъ святого... Затѣмъ онъ пустился въ широкую область общихъ мѣстъ и принялся разглагольствовать на тему «всяка плоть, яко-же злакъ»...

Элифалэтъ Уэллсъ не блисталъ краснорѣчіемъ, но у него было вѣрное чутье относительно умственнаго уровня и предразсудковъ своихъ ближнихъ. Онъ умѣлъ угодить всякому, не задѣвая ничьихъ слабыхъ сторонъ... Онъ закончилъ удобопонятной и торжественной ссылкой на пшеницу и плевелы, на житницу и огненную пещь, оставляя рѣшеніе этого щекотливаго вопроса въ примѣненіи къ покойному своимъ слушателямъ. Когда онъ сѣлъ на свое мѣсто, послышались единодушные вздохи одобренія.

Во время этой рѣчи, пѣнія гимновъ и заключительной молитвы Люцина тихо рыдала, спрятавъ свое личико въ батистовый платокъ. Она любила бѣднаго полковника, какъ любила всѣхъ и все, что принесло ей какую нибудь радость въ жизни. Притомъ поводъ къ слезамъ всегда дѣло сложное: ея рыданія усиливались тревогою ея собственнаго сердца объ ея миломъ и объ его несчастіи. Отъ времени до времени мать ея укоризненно касалась ея руки.

Digitized by Google

— Перестань, ты заболѣешь, дѣточка, — нѣжно шептала она. Но бѣдная Люцина ничего не могла подѣлать со своей тоской.

Сквайръ, Джонъ Дженнингъ и стряпчій Минзъ, всѣ трое, сидѣли у тѣла своего мертваго друга съ блѣдными, угрюмо понуренными лицами. Джеромъ имѣлъ едва-ли менѣе унылый видъ. Ему припомнилось каждое ласковое слово, сказанное ему полковникомъ, и каждое изъ нихъ теперь получало для него еще большую цѣну,—хотя онъ все еще недоумѣвалъ, почему былъ выбранъ именно онъ.

— Докторъ Прескоттъ, Сайросъ Робинзонъ и дядя Озіасъ гораздо ближе къ нему по лѣтамъ,—думалъ онъ.

Разгадку этой тайны узнали только на другой день.

Въ этотъ вечеръ стряпчій Элифалэтъ Минзъ зашелъ къ Джерому и объявилъ ему, что полковникъ оставилъ завѣщаніе, въ силу котораго онъ, Джеромъ, получаетъ двадцать пять тысячъ долларовъ.

XVIII.

Полковникъ Ламзонъ въ завѣщаніи распредѣлилъ свои шестьдесятъ пять тысячъ долларовъ между пятью лицами: десять тысячъ получалъ Джонъ Дженнингсъ, пять тысячъ Элифалэтъ Минзъ, пять тысячъ Ибнъ Мерриттъ, двадцать пять тысячъ были отказаны Люцинѣ и двадцать пять тысячъ—Джерому Эдвардсу.

Эпгамское Захолустье приняло довольно спокойно извѣстіе о первыхъ четырехъ наслѣдникахъ покойнаго; но пятый переполошилъ всѣхъ его обывателей.

— Что это ему взбрело въ голову оставить двадцать пять тысячъ долларовъ этому парню? За какія добродѣтели? Вѣдь онъ ему ровно ничѣмъ не приходился,—едва могъ пролепетать отъ изумленія Симонъ Бассэтъ, когда впервые узналъ объ этой новости во вторникъ, въ лавкѣ Робинзона. Онъ сильно поблѣднѣлъ и стоялъ, разиня ротъ, а народъ уставился на него во всѣ глаза.

Вдругъ кто-то крикнулъ:

— Э, чортъ возьми! да вѣдь Джеромъ обѣщался раздать всѣ эти деньги! Развѣ вы забыли?

— Именно такъ,—вскричалъ другой,—а докторъ Прескоттъ и Бассэтъ должны отдать, каждый, десять тысячъ, коли Джеромъ это сдѣлаетъ. Раскошеливайся, братъ Симонъ!

— Сдается мнѣ, вамъ придется ждать до второго пришествія, прежде чѣмъ Джеромъ надумается исполнить свое обѣщаніе,—сказалъ Бассэтъ насмѣшливо; но губы его побѣлѣли, какъ мѣлъ.

Digitized by Google

— Ну нѣтъ, братъ, ждать мнѣ не придется,—весело возразилъ тотъ.—Джеромъ отъ своего слова не отступится. Вотъ и Джэкъ слыхалъ тоже: Джеромъ исполнитъ!..

Онъ подмигнулъ остальнымъ собесѣдникамъ, которые столпились кругомъ, лукаво посмѣиваясь.

Бассэтъ протѣснился сквозь нихъ съ ругательствами и пошелъ къ выходу.

— Это подлая ложь, слышите!—оралъ онъ осиплымъ голосомъ,—а если Джеромъ такой дурень,—такъ и чортъ съ нимъ. Всѣ вы съ нимъ вмѣстѣ раньше уберетесь къ чертямъ, чѣмъ я заплачу хоть одинъ долларъ.

Когда дверь захлопнулась за нимъ, всѣ оглянулись одинъ на другого съ любопытствомъ.

— Какъ вы думаете, сдѣлаетъ это Джеромъ?—сказалъ въ раздумьи одинъ.

— Сдѣлаетъ, держите карманъ!—отвѣчалъ другой, грубо захохотавъ.

— Ну, я этого не скажу,—молвилъ третій нерѣшительно.— Джеромъ Эдвардсъ всегда держалъ себя въ родѣ дурака, а отъ дурака можно ожидать всякой глупости!

— Почему бы вамъ не вычислить, сколько придется на вашу долю денегъ этого дурака, коли онъ вздумаетъ отказаться отъ нихъ?—неожиданно замѣтилъ чей-то сухой голосъ у него надъ ухомъ.

Говорившіе обернулись и увидѣли Озіаса Ламба.

— Я не желаю ничего говорить,—сказалъ Озіасъ.—Я думаю только, что когда дуракъ намѣренъ разстаться со своими денежками, всегда найдутся умные люди, чтобы ихъ подобрать.

Джонъ Эпгэмъ, слушавшій этотъ споръ, держа въ рукѣ нѣсколько небольшихъ покупокъ, направился къ выходу. Отворивъ дверь, онъ обернулся и посмотрѣлъ на споровшихъ.

— А я скажу вамъ вотъ что,—произнесъ онъ,—*онъ* это сдѣлаетъ. Увидите! И съ этими словами онъ ушелъ изъ лавки.

Что же было съ Джеромомъ? Въ первыя минуты на него хлынула радость внезапнаго обогащенія. У него закружилась голова, онъ будто опьянѣлъ. «Неужели я богатъ? я... я!..» спрашивалъ онъ у самаго себя. Наслажденія, о которыхъ онъ до этой минуты и не помышлялъ, казалось, плыли къ нему въ руки вмѣстѣ съ золотой волной богатства. Тщеславныя желанія, чуждыя до этого его природѣ, и даже мелочное тщеславіе поднялись въ немъ густою чередой, словно плевелы на тучной нивѣ. Онъ увидалъ себя въ дорогомъ сукнѣ и тонкомъ бѣльѣ, съ золотой цѣпочкой на груди, съ золотыми часами въ карманѣ, ѣдущимъ въ собственномъ экипажѣ. Онъ увидалъ себя въ новомъ домѣ, великолѣпнѣе дома доктора Прескотта; онъ увидалъ свою роскошно убранную гостиную, *свою* жену, *свою*

Digitized by Google

мать и сестру изящнѣе одѣтыми, чѣмъ всѣ женщины въ его деревнѣ, *своего* отца, который, словно король, спокойно наслаждался благами жизни на закатѣ своихъ дней. Джеромъ обыкновенно отличался здравыми понятіями о деньгахъ и зналъ имъ цѣну, но въ данную минуту двадцать пять тысячъ долларовъ приняли въ его воображеніи размѣръ почти безпредѣльнаго богатства.

Однако, послѣ двухчасоваго сна, освѣжившаго его воспаленную голову, умъ его вернулся къ прежнимъ, привычнымъ мыслямъ, отъ которыхъ искусственно былъ оторванъ этимъ неожиданнымъ переворотомъ, и въ его душѣ произошло просвѣтлѣніе.

Онъ вспомнилъ — о чемъ онъ либо забылъ, либо не подумалъ въ первую минуту — сцену въ лавкѣ, свой обѣтъ, составленіе записи... Это воспоминаніе заставило его окунуться въ свѣжую атмосферу, и Джеромъ сошелъ внизъ съ серьезнымъ лицомъ. Онъ отнесся хладнокровно къ полубезумной радости своей матери и сестры, къ ребяческому изумленію и восхищенію отца. При первой возможности онъ отправился на работу въ лѣсъ, гдѣ стояла его лѣсопильня. Чизманъ ушелъ во-свояси, но добрые люди не дали Джерому остаться одному. Они приходили «поздравить» его, а также любопытства ради. Деревушка пришла въ неописуемое волненіе по поводу завѣщанія этихъ двадцати пяти тысячъ и документа, распредѣлявшаго ихъ между бѣдными.

Образовались двѣ различныя партіи: одна утверждала, что Джеромъ останется вѣренъ своему обѣщанію, другая подымала послѣднее на смѣхъ и презрительно доказывала его безуміе. Обѣ партіи осаждали Джерома и, не заводя напрямикъ рѣчи объ интересовавшемъ ихъ вопросѣ, пытались окольными путями проникнуть въ его мысли.

— Навѣрно, теперь вы бросите работу, Джеромъ; не думалъ не гадалъ встрѣтить васъ здѣсь сегодня утромъ, — говорилъ одинъ.

— Когда представите свою кандидатуру въ конгрессъ, Джеромъ? — спрашивалъ другой.

Затѣмъ третій значительно освѣдомлялся, лукаво подмигивая своимъ товарищамъ, сколько денегъ разсчитываетъ онъ употребить на разные расходы; когда поѣдетъ въ Бостонъ купить себѣ золотые часы и цѣпочку? До самаго вечера, когда онъ пошелъ къ себѣ домой, ему не давало покоя двусмысленное вниманіе праздной части деревенскаго люда.

Было еще слишкомъ рано садить огородъ, а башмачные заказы изъ Дэля поубавились за послѣднее время. Люди недоумѣвали относительно причины этого, такъ какъ въ послѣдніе два года работы вообще прибавилось, и многіе въ Эпгамскомъ

Digitized by Google

Захолустьѣ получили постоянный заработокъ. Носились смутные слухи, которымъ, однако, мало кто вѣрилъ.

Но сегодня слухъ этотъ подтвердился. Незадолго до наступленія сумерокъ, къ зѣвакамъ присоединился какой-то новоприбывшій человѣкъ. Онъ едва переводилъ дыханіе, словно послѣ быстраго бѣга.

— Ну, братцы,—сказалъ онъ, тяжело дыша,—я узналъ, почему заказовъ на башмаки такая малость.

Остальные уставились на него, ожидая дальнѣйшихъ поясненій.

— Эта... проклятая каналья въ Дэлѣ... купилъ старый молитвенный домъ, выписалъ изъ Бостона машины и... открываетъ башмачную фабрику! Ручной работѣ конецъ. Вотъ, почему онъ пересталъ давать людямъ заказы.

— Какъ ты узналъ объ этомъ? Кто сказалъ тебѣ?—сердито спрашивалъ его то тотъ, то другой.

— Самъ своими глазами видѣлъ, какъ разгружали на желѣзной дорогѣ новыя машины, и видѣлъ цѣлую ораву людей, которыхъ онъ нанялъ работать на нихъ, всѣ такъ и облѣпили его лавку. Это все штуки желѣзной дороги. Провозъ въ Бостонъ удешевили, ну! вотъ ему и на руку ихъ туда сбывать. Робинзонъ прекращаетъ свое башмачное дѣло здѣсь. Не хочетъ тягаться съ машинною работою и самъ не желаетъ заводить машины. Несчастный это былъ день для нашего Захолустья, какъ прошла дорога черезъ Дэль.

— Будь она проклята эта дорога, будь прокляты всѣ эти нововведенія, что отымаютъ хлѣбъ изо рта у бѣдныхъ, что отдаютъ его богатымъ,—послышался озлобленный голосъ, а толпа хриплыми криками выразила ему свое одобреніе.

— Я бы отдалъ десять лѣтъ своей жизни, только бы сколотить деньжонокъ, или хоть въ компаніи съ другимъ открыть фабрику здѣсь, въ Эпгамскомъ Захолустьѣ!—вскричалъ гнѣвно одинъ изъ присутствующихъ.—Тогда мы бы имъ себя показали!

Тотъ, кто сказалъ эти слова, былъ очень молодой человѣкъ, немногимъ старше Джерома. У него было слишкомъ худощавое лицо, щеки его то краснѣли, то блѣднѣли, глубоко запавшіе глаза горѣли огнемъ. На людяхъ его считали очень умнымъ, энергичнымъ и начитаннымъ. У него была жена и двое крошечныхъ ребятъ, и онъ нарочно ушелъ изъ дому, чтобы жена его,—нѣжное юное созданіе, жившее въ постоянной тревогѣ о завтрашнемъ днѣ,—думала, что онъ работаетъ. Съ самаго утра у него не было, какъ говорится, маковой росинки во рту.

— Намъ не станетъ ни холодно, ни жарко отъ того, что ты заведешь у себя на фабрикѣ машины,—сказала толстая пожилая женщина, угрюмо насупивъ брови и поджавъ губы.

— Мнѣ кажется, мы, молодежь, для которой еще не ми-

Digitized by Google

новала пора научиться, сумѣли бы, при доброй волѣ, орудовать машинами не хуже всякаго другого,—презрительно возразилъ молодой человѣкъ,—а что касается до остальныхъ, то ручаюсь, работа всегда будетъ имѣть свою цѣнность на рынкѣ и на нее всегда будетъ извѣстный спросъ. Будь у насъ фабрика, мы бы не оставили безъ дѣла и тѣхъ, кому не управиться съ машинами. Но вѣдь у насъ ея нѣтъ и, что еще печальнѣе, — не будетъ!

Съ этими словами онъ подошелъ къ Джерому, который старался поднять тяжелое бревно, и поднялъ его вмѣстѣ съ нимъ.

— А вы полагаете, что могли бы составить компанію, будь у насъ вмѣстѣ достаточно денегъ?—спросилъ у него Джеромъ.

— Ну, разумѣется. Не дураки же мы, въ самомъ дѣлѣ!—отвѣчалъ тотъ.

— А я повторяю, будь онѣ прокляты, и желѣзныя дороги, и машины! Пропадай онѣ пропадомъ! Всѣ бы эти вагоны сжечь, всѣ бы эти колеса переломать, чтобъ имъ пусто было!—гремѣлъ тотъ же озлобленный голосъ.

— Никакой пользы нѣтъ ругать прогрессъ только потому, что намъ случилось стать на его пути. Я бы скорѣе перескочилъ самъ черезъ колеса, чѣмъ ломать ихъ,—неожиданно отозвался Джеромъ.

— А вотъ поживемъ, увидимъ,—возразилъ голосъ съ злорадствомъ. Въ толпѣ раздалось сдержанное хихиканье, затѣмъ она разошлась мало по малу: въ лѣсу становилось темно.

Вечеромъ, послѣ ужина, Джеромъ отправился къ себѣ наверхъ и сѣлъ у окна. Онъ смотрѣлъ въ темную даль, пытаясь собраться съ мыслями, но какъ разъ въ эту минуту хлопнула дверь, и внизу началось визгливое чесанье бабьихъ языковъ,—пришла Бэлинда.

Джеромъ взялъ свою шляпу, неслышными шагами спустился внизъ и ушелъ черезъ парадную дверь. «Мнѣ надобно гдѣ нибудь остаться одному, чтобы хорошенько обдумать все это», сказалъ онъ самому себѣ. Онъ прошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла его лѣсопильня, такъ какъ въ этотъ часъ тамъ никто не могъ ему помѣшать.

Джеромъ присѣлъ на груду бревенъ и устремилъ разсѣянный взглядъ на широкую гладь рѣки, выступавшую серебромъ изъ потемокъ при свѣтѣ молодого мѣсяца. Она шумѣла, но онъ не слыхалъ ея шума... Онъ дѣлалъ свой выборъ...

XIX.

Въ тотъ же вечеръ Джеромъ отправился къ стряпчему Минзу. Самъ Минзъ отворилъ ему дверь.

Digitized by Google

— А! это вы, не правда ли? Войдите,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я не могу войти, да и нѣтъ въ этомъ никакой надобности. Я хочу отдать эти деньги согласно той бумагѣ, что вы тогда составили, и хочу, чтобы вы устроили это дѣло.

— Вы рѣшились сдержать это нелѣпое обѣщаніе... такъ, что ли?

— Да, сэръ.

— Послушайте, молодой человѣкъ, обдумали ли вы хорошенько?

— Да, сэръ.

— Вы знаете, чего вы лишаетесь? Вы, конечно, помните, что ваши родные—отецъ, мать и сестра—не могутъ воспользоваться этимъ даромъ?

— Да, сэръ, я обо всемъ этомъ уже передумалъ.

— А знаете ли вы, что, если вы и выполните свою часть договора, изъ этого не слѣдуетъ, что докторъ и Бассэтъ должны выполнить каждый свою?

Джеромъ взглянулъ на стряпчаго въ изумленіи.

— Развѣ они не подписали этой бумаги въ присутствіи свидѣтелей?

Стряпчій засмѣялся.

— Бумага эта выѣденнаго яйца не стоитъ. Все это была грубая шутка. Да развѣ вы этого не знали, Джеромъ?

— А докторъ и Бассэтъ знали?

— Докторъ зналъ. Иначе онъ не подписалъ бы своего имени. Что касается до Бассэта... Ну, я не знаю навѣрно, но, если онъ придетъ ко мнѣ и спроситъ меня объ этомъ,—а онъ сдѣлаетъ это прежде, чѣмъ рѣшится развязать свою мошну,—я скажу ему всю правду, какъ и обязанъ сдѣлать, и онъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, не разстанется ни съ однимъ долларомъ. Вы сами можете судить, вѣроятно ли, чтобы докторъ Сэтъ Прэскоттъ отказался отъ четвертой части своего имущества такимъ нелѣпымъ образомъ!

— Ну, я не думаю, чтобы для меня могло составить разницу, исполнятъ они свое слово или нѣтъ,—гордо сказалъ Джеромъ.

— Вы хотите сказать, что сдержите свою часть этого обязательства и въ томъ случаѣ, если другіе не сдержатъ своихъ?

— Я хочу сказать, что я держу свое обѣщаніе, когда могу; и если бы даже всѣ другіе люди на Божьемъ свѣтѣ нарушали свои, это не причина и мнѣ нарушать свое.

— Все это очень красивыя слова,—сухо сказалъ стряпчій,—но понимаете ли вы хорошо, мой юный другъ, сколько ваше большое состояніе дастъ каждому, если только его раздѣлить поровну между бѣдными этой деревни?

Digitized by Google

— Да, сэръ, я уже высчиталъ это. Здѣсь найдется человѣкъ сто, которые подойдутъ подъ условія этого договора. Только мои деньги, раздѣленныя между ними, дадутъ на каждаго около двухсотъ пятидесяти долларовъ.

— А велика ли эта сумма!

— Эта сумма велика для того, кто никогда не имѣлъ въ своемъ распоряженіи сразу пятидесяти долларовъ; она становится великою, когда нѣсколько человѣкъ соединяются вмѣстѣ и образуютъ товарищество для открытія новаго фабричнаго дѣла, съ машинами.

— И вы полагаете, они сдѣлаютъ это?

— Да, сэръ. Генри Имзъ устроитъ такую фабрику, дайте ему только возможность.

— Почему бы вамъ, вмѣсто того, чтобы отказываться отъ своихъ денегъ, не устроить самому эту фабрику, давъ работу всей деревнѣ?

— Вѣдь я не говорилъ, что это моя идея, да и для деревни лучше, когда каждый работаетъ отъ себя. У меня дѣло можетъ не пойти, фабрика моя можетъ лопнуть, какъ и моя лѣсопильня.

— А какъ долго, по вашему мнѣнію, сохранитъ у себя свои двѣсти пятьдесятъ долларовъ каждый изъ тѣхъ, кому вы дадите эти деньги?

— Я не задаюсь этимъ вопросомъ.

— Почему? опрометчивый даритель поступаетъ не лучше вора, сэръ.

— Я не считаю себя опрометчивымъ дарителемъ,—возразилъ Джеромъ энергично.—Я не могу сказать, да и никто не можетъ сказать, какъ долго они удержатъ въ своихъ рукахъ то, что я даю имъ, или какъ долго эти деньги останутся у нихъ, пока самые алчные и самые ловкіе не отымутъ у слабыхъ. Но я обязанъ это сдѣлать! Богъ знаетъ все, и однако онъ снабжаетъ всѣхъ руками, ногами, всѣми пятью чувствами. Каждому предоставляется употребить ихъ, на что угодно.

— Хорошо, сказалъ Минзъ съ короткимъ смѣхомъ.—Теперь уже слишкомъ поздно заняться сейчасъ же этимъ дѣломъ. Притомъ я страшно усталъ, вслѣдствіе недавно перенесеннаго огорченія. Приходите завтра и, если вы не перемѣните своего рѣшенія, мы все это уладимъ.

Джерома немного удивило, когда стряпчій протянулъ свою худую смуглую руку, ища его руки, которую горячо пожалъ, пожелавъ ему отъ души: «спокойной ночи, сэръ».

Элифалэтъ Минзъ, шлепая въ свободныхъ туфляхъ, вернулся въ гостиную, гдѣ сидѣли Джонъ Дженнингсъ и Ибнъ Мерриттъ. Въ этотъ вечеръ у трехъ друзей, понесшихъ утрату, не было ни картъ, ни пунша, ни веселья. Всѣ трое сидѣли у

Digitized by Google

пылающаго камина. Каждый курилъ трубку грусти, и у каждаго на умѣ и на языкѣ было одно и то же: память объ умершемъ товарищѣ.

Кресло, въ которомъ обыкновенно сиживалъ полковникъ, стояло немного поодаль, въ уголкѣ, у камина...

Минзъ вошелъ въ комнату, улыбаясь—въ первый разъ въ этотъ вечеръ.

— Ну,—сказалъ онъ,—нынче вечеромъ я видалъ нѣчто такое, чего ранѣе никогда не видалъ и не увижу болѣе, чего не увидитъ никто въ этомъ городѣ, хотя бы онъ прожилъ тысячу лѣтъ.

Остальные удивленно уставились на него.

— Что ты хочешь сказать?—спросилъ сквайръ.

— Я видѣлъ такую диковинку, которую труднѣе сыскать, чѣмъ сказочную жаръ-птицу... Я видѣлъ бѣдняка, въ полномъ здравомъ умѣ отдавшаго все состояніе до послѣдняго гроша черезъ три дня послѣ того, какъ оно ему досталось.

Оба пріятеля смотрѣли на него, словно огорошенные.

— Неужели онъ это сдѣлалъ?—пролепеталъ, наконецъ, сквайръ.

— Онъ сдѣлалъ это.

— Чортъ возьми!

— Ну,—медленно произнесъ Джонъ Дженнингсъ,—если бъ кто вздумалъ искать такого человѣка, ему бы потребовался не одинъ фонарь Діогена.

— А я открылъ это чудо при свѣтѣ грошоваго огарка,—сказалъ Элифалэтъ Минзъ съ прерывистымъ смѣхомъ. Онъ стоялъ у камина передъ своими двумя друзьями, повернувшись спиною къ огню. Ночь была холодная, и онъ порядкомъ продрогъ у открытой двери.

— Онъ намѣренъ отдать все сполна? — спросилъ Джонъ Дженнингсъ въ раздумьи.

— До послѣдняго гроша!

— Мнѣ надобно сказать что-то вамъ обоимъ,—продолжалъ онъ, и лицо его сразу стало серьезнымъ.—Кстати, Ибнъ, пока я не забылъ, у меня тутъ письмо,—*онъ* желалъ, чтобы оно было отдано твоей дочери. Напомни мнѣ о немъ, когда соберешься уходить домой; ты возьмешь его и передашь ей. Мнѣ надо сказать вамъ что-то: *онъ* говорилъ, что такъ и будетъ. Я не вѣрилъ этому, Богъ да проститъ меня! У меня сильно развито чутье на дурныя стороны человѣческой природы, а у него было чутье на все хорошее въ людяхъ. Изъ него вышелъ бы искусный защитникъ правой стороны. Какъ только *онъ* получилъ свои деньги, онъ день и ночь все говорилъ о голытьбѣ этого города. У него было великое сердце. Онъ... *желалъ и имѣлъ въ виду, чтобы эти двадцать пять тысячъ долларовъ пошли именно на то дѣло, на которое идутъ теперь.*

Digitized by Google

Каждое слово послѣдней фразы стряпчій произнесъ энергически, потрясая своей худою рукою у самаго носа своихъ собесѣдниковъ. Онъ перевелъ дыханіе, посмотрѣлъ на нихъ съ выраженіемъ торжества и продолжалъ:

— Онъ хотѣлъ раздать эти двадцать пять тысячъ, поровну, бѣднымъ этого города, какъ сказано въ договорѣ, что я составилъ у Робинзона въ лавкѣ для Прэскотта и Бассэта, но вмѣсто того, чтобы исполнить это самому, онъ оставилъ ихъ Джерому для раздачи. Онъ говорилъ, что результатъ будетъ тотъ же, а я отговаривалъ его, убѣждая не дѣлать этого. Я не вѣрилъ, чтобы кто-либо могъ устоять передъ богатствомъ, свалившимся ему въ руки; а *онъ* говорилъ, что Джеромъ можетъ и устоитъ, и что деньги изъ рукъ его такъ же вѣрно перейдутъ въ руки бѣдныхъ, какъ если бы онъ самъ распредѣлилъ ихъ на доллары и центы... И онъ былъ правъ, царство ему небесное!

XX.

На слѣдующій день Джеромъ пошелъ снова къ стряпчему Минзу. Около полудня онъ возвращался къ себѣ и на дорогѣ встрѣтилъ массу народа. Всѣ эти люди смотрѣли на него, точно дивились ему. Мужчины стояли тѣсными кучками, и гулъ ихъ разговоровъ стихалъ при его приближеніи. Ему кланялись съ какимъ-то церемоннымъ почтеніемъ; когда онъ проходилъ мимо, снова подымался гомонъ голосовъ. Одна женщина, которая попалась ему на встрѣчу какъ разъ на углу его улицы, остановилась и протянула ему тонкую, дрожащую руку.

— Мнѣ хочется пожать вашу руку, Джеромъ, — сказала она нѣжнымъ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы. Она подняла къ нему увядшее лицо, носившее у рта и глазъ слѣды частыхъ слезъ; на худыхъ щекахъ ея горѣли красныя пятна отъ слезъ и мороза.

— Благодаря этимъ деньгамъ, я сохраню свой уголъ. Дай вамъ Богъ счастья, Джеромъ,—прошептала она.

— Слѣдуетъ благодарить полковника...—сказалъ Джеромъ.

— Вѣдь я подхожу подъ это условіе, не правда-ли?—спросила она съ безпокойствомъ.—Мнѣ сказывали, что одинокія женщины, которымъ не откуда ждать помощи, подходили подъ него.

— Конечно, вы подходите, миссъ Пачъ.

— Ахъ, дай вамъ Богъ счастья! Пошли вамъ Господь всего хорошаго, Джеромъ Эдвардсъ!—воскликнула она съ горячностью, необычайною на языкѣ уроженки Новой Англіи.

Джеромъ тихо прошелъ мимо нея. Лицо его пылало. Его

Digitized by Google

мучилъ вопросъ, знаютъ-ли его домашніе о случившемся. Не успѣлъ онъ отворить дверь дома, какъ убѣдился, что имъ извѣстно все. Эльмира не подымала отъ работы своего блѣднаго лица, на которомъ онъ прочиталъ нѣмой приговоръ себѣ; отецъ посмотрѣлъ на него съ выраженіемъ несказаннаго удивленія; мать заговорила первая.

— Я хочу знать, правда-ли это?—сказала она.

— Да, мама, правда.

— Ты отдалъ все?

— Да, мама.

— Твоимъ роднымъ не достанется ни гроша?

Джеромъ отрицательно покачалъ головою. Въ эту минуту у него было въ душѣ такое ощущеніе, словно онъ отрекся отъ своей плоти и крови; даже его собственная совѣсть возмутилась противъ него, обвиняя его въ несправедливости и недостаткѣ сыновней любви и благодарности.

Эннъ Эдвардсъ взглянула на сына, вся блѣдная; лицо ея выражало укоръ, но и благоговѣніе. Она открыла ротъ, чтобы заговорить, и снова закрыла его, не вымолвивъ ни слова.

— У меня за всю мою жизнь не было чернаго шелковаго платья,—выговорила она, наконецъ, дрожащимъ голосомъ. Это было все, что она поставила ему въ упрекъ.

— У тебя будетъ непремѣнно черное шелковое платье, мама,—жалобно отвѣтилъ ей Джеромъ. Онъ вышелъ изъ комнаты, а его отецъ поднялся съ своего мѣста и послѣдовалъ за нимъ, таинственно притворивъ за собою дверь.

—Многонько ты отдалъ, Джеромъ,—сказалъ онъ сыну шепотомъ.

— Знаю, отецъ, и буду работать день и ночь, чтобы успокоить тебя и маму. Теперь у меня только и осталась одна забота—жить для васъ.

— Джеромъ, — шепнулъ ему отецъ, прижимаясь своимъ старымъ лицомъ къ лицу сына, съ кроткимъ выраженіемъ.

— Что скажешь, отецъ?

— Ты возьмешь мои тысячу пятьсотъ долларовъ и построишь новую лѣсопильню.

— Отецъ, я скорѣе *умру*, чѣмъ прикоснусь къ одному доллару твоихъ денегъ!—страстно вскричалъ Джеромъ. Глаза его наполнились слезами, и онъ убѣжалъ въ конюшню, чтобы задать лошади корму.

Весь день онъ напрасно искалъ случая поговорить съ глазу на глазъ съ Эльмирою. Она избѣгала его, и только вечеромъ, послѣ ужина, онъ поманилъ ее за собою въ гостиную.

— Эльмира,—сказалъ онъ,—не считай это хуже, чѣмъ оно есть. Я долженъ былъ такъ поступить.

— Если чужіе дороже для тебя своихъ родныхъ, съ этимъ

Digitized by Google

ничего не подѣлаешь,—сказала она спокойнымъ голосомъ, холодно смотря ему въ глаза.

— Эльмира, здѣсь вовсе не то. Ты не понимаешь.

— Я сказала все, что имѣла сказать.

— Позволь мнѣ сказать тебѣ...

— Я слышала все, что мнѣ надо было знать.

— Эльмира, не отчаявайся. Можетъ еще наступятъ и для насъ красные дни; я долженъ былъ исполнить свой долгъ.

— Славное дѣло исполнять свой долгъ,—сказала она, горько улыбнувшись.

Джеромъ въ этотъ вечеръ не узнавалъ Эльмиры, да она, можетъ быть, и сама себя не узнала-бы. Отчаяніе вызвало изъ далекихъ глубинъ ея натуры дикіе инстинкты, которые при иныхъ условіяхъ могли никогда не проснуться въ ней. Она также оцѣнила поступокъ Джерома по отношенію къ своему будущему и къ Леуренсу Прэскотту, и тутъ-же распростилась съ надеждами на личное счастіе.

— Мы должны исполнять свой долгъ, принесетъ онъ намъ славу или нѣтъ,—возразилъ Джеромъ.

— Ну, разумѣется!—сказала она.—А если сестра твоя стоитъ на дорогѣ къ исполненію этого долга, растопчи ее ногами. Пусть это не останавливаетъ твоего гражданскаго рвенія!

Она уже собралась уйти, но вернулась и прибавила рѣзко:

— Сегодня, по пути домой, мнѣ попался на встрѣчу Джэкъ Нойзъ. Онъ шелъ сюда сказать, что тебя проситъ придти къ себѣ вечеромъ докторъ Прэскоттъ; ему надобно повидаться съ тобою. Если онъ заведетъ рѣчь обо мнѣ, можешь передать ему, что я радуюсь за васъ, что ты и онъ исполняете свой долгъ. Мнѣ болѣе ничего не нужно, ни даже его драгоцѣннаго сына.

Эльмира выбѣжала изъ комнаты съ глухимъ рыданіемъ. Джеромъ минуту простоялъ, какъ подкошенный; ему показалось, что онъ взялъ на себя ношу свыше своихъ силъ. Страшная мысль пронеслась въ его умѣ: а что, если и Люцина отнесется къ нему, какъ сестра? Что, если она посмотритъ на все это съ той-же точки зрѣнія? Вѣдь она была женщина, какъ и его сестра, а развѣ возможно угадать женскія мысли?

Джеромъ надѣлъ шляпу и отправился къ доктору Прэскотту. Онъ терялся въ догадкахъ, зачѣмъ понадобилось доктору позвать его, и заранѣе приготовлялся къ чему нибудь обидному, хотя не чувствовалъ страха...

Луарэнсъ отперъ ему дверь и привѣтствовалъ его съ сіяющимъ лицомъ, что смутно удивило Джерома. Лаурэнсъ пожалъ его руку съ особеннымъ жаромъ.

— Отецъ у себя въ кабинетѣ,—сказалъ онъ,—идите туда прямо... идите прямо, Джеромъ.

Digitized by Google

Затѣмъ онъ прибавилъ, наклонившись близко къ его уху:

— Да благословитъ васъ Богъ, милый человѣкъ!

Джеромъ удивленно взглянулъ на него и прошелъ въ кабинетъ, дверь котораго оставалась открытой. Докторъ Прэскоттъ сидѣлъ у письменнаго стола, спиною къ входной двери.

— Добрый вечеръ. Присядьте,—лаконически сказалъ онъ, не поворачивая головы.

— Добрый вечеръ, сэръ,—отвѣтилъ Джеромъ, но не сѣлъ. Онъ все еще стоялъ, уставившись пристальнымъ взоромъ на шкафы съ книгами въ кожаныхъ переплетахъ и на грязные пузырьки съ лѣкарствами,—которые такъ сильно дѣйствовали въ былые дни на его дѣтское воображеніе. Видъ стараго пузырька съ валерьяной, отливавшей на свѣту алымъ блескомъ рубина, заставилъ его сердце забиться воспоминаніями прошлаго. Онъ такъ полно ушелъ въ воспоминаніе о томъ времени, когда онъ вступилъ сюда маленькимъ, робкимъ мальчикомъ, котораго всетаки доктору не удалось вполнѣ запугать, что вздрогнулъ, когда докторъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ нему и повторилъ свое приглашеніе:

— Садитесь,—сказалъ онъ, повелительно указавъ рукою на кресло и взявъ другое для себя.

Джеромъ сѣлъ. Онъ смотрѣлъ на доктора, помѣстившагося напротивъ, и помимо воли имъ снова овладѣло то самое, былое, чувство возмущенія въ присутствіи верховной власти, какъ въ дни его дѣтства. Снова докторъ Прэскоттъ представился ему воплощеніемъ силы и мощи. Въ самомъ дѣлѣ, было что-то величественное въ этомъ человѣкѣ: онъ былъ властителемъ въ узкомъ кругѣ своей дѣятельности, и властность была какъ бы присуща его натурѣ.

Докторъ заговорилъ, съ ясностью отчеканивая слова своими изящно очерченными губами.

— Я слышалъ, что вы исполнили обѣщаніе, данное вами въ моемъ присутствіи нѣсколько лѣтъ назадъ, подарить бѣднымъ двадцать пять тысячъ долларовъ, если такая сумма попадетъ случайно въ ваши руки. Вѣрно ли я слышалъ?

— Вѣрно, сэръ.

— Знаете ли вы, что условіе, составленное стряпчимъ Минзомъ въ то время, не имѣетъ законной силы, что законъ не можетъ никого принудить къ исполненію этого обязательства?

— Знаю, сэръ.

— Кто сказалъ вамъ это? Мистеръ Минзъ?

— Онъ, сэръ.

— Прежде, чѣмъ вы отдали эти деньги, или послѣ?

— Прежде.

— Вы понимаете, что законъ не можетъ ни въ какомъ

Digitized by Google

случаѣ заставить меня отдать ту сумму, которою я обязался въ этомъ актѣ, даже и теперь, когда вы исполнили свою часть уговора?

— Это зависитъ отъ того, что вы считаете закономъ для себя.

— Что хотите вы сказать этими словами?

— Я хочу сказать, что не даю обѣщанія, которое бы не было закономъ для меня,—отвѣчалъ Джеромъ, гордо взглянувъ на этого человѣка.

— И я не даю обѣщанія въ иномъ смыслѣ,—также гордо возразилъ докторъ,—но замѣчаніе ваше—пустая игра въ слова, и мы оставимъ его въ сторонѣ. Я снова повторяю, что законъ, въ обычномъ значеніи этого слова, не можетъ заставить меня отдать четвертую часть моего состоянія бѣднымъ этого города. Надѣюсь, вы съ этимъ согласны?

Джеромъ утвердительно кивнулъ головой.

— Итакъ, сэръ,—объявилъ докторъ, — зная этотъ фактъ, заставивъ признать оный васъ и всѣхъ другихъ, я всетаки рѣшилъ держаться своей части этого условія, и уступить четвертую часть имущества, которымъ нынѣ владѣю.

Джеромъ слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Но,—продолжалъ докторъ,—такъ какъ я никоимъ образомъ не связанъ условіями этого договора, составленнаго стряпчимъ Минзомъ, то я передѣлаю нѣкоторыя изъ нихъ, какъ считаю болѣе разумнымъ для общественнаго благосостоянія. Одна четвертая моего состоянія, которое заключается главнымъ образомъ въ недвижимой собственности, не можетъ быть отдана наличными деньгами безъ большихъ проволочекъ и потерь. Поэтому я намѣренъ отдать большую часть земельными угодьями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ликвидаціей закладныхъ. И... я также намѣренъ произвести эту раздачу въ такихъ размѣрахъ и такимъ лицамъ, какъ найду за лучшее, по своему выбору. Полнѣйшее безразличіе въ распредѣленіи прямо противоположно моимъ взглядамъ. Надѣюсь, вы не сочтете этотъ способъ раздачи заслуживающимъ возраженія, на основаніи какого-либо нарушенія моихъ обязательствъ.

— Нѣтъ, сэръ, я не имѣю ничего возразить противъ этого,—отвѣчалъ Джеромъ.

— Есть еще другой вопросъ, который улаженъ мною,— сказалъ докторъ Прэскоттъ.—Я болѣе не препятствую браку моего сына съ вашею сестрою. Это все. Я сказалъ и услышалъ, что хотѣлъ, и долѣе не удерживаю васъ.

Докторъ Прэскоттъ посмотрѣлъ на Джерома надменнымъ взглядомъ деспота, отпускающаго своего подданнаго. Джеромъ всталъ и пошелъ къ выходу, не произнеся ни слова, какъ вдругъ старикъ протянулъ ему свою руку. Онъ сдѣлалъ это

Digitized by Google

съ такимъ видомъ, словно протягивалъ царскій скипетръ, и словно весь міръ, не исключая и его внутренняго *я*, былъ у его ногъ. Джеромъ пожалъ протянутую руку и вышелъ изъ кабинета. Рука его уже опустилась на щеколду выходной двери, когда слѣва отворилась дверь изъ гостиной, и онъ почувствовалъ себя какъ будто окруженнымъ нѣжною, изящною атмосферою присутствія женщины, о которомъ говорили мягкій шелестъ шелковыхъ юбокъ, складки бѣлой надушенной лавендой косынки и волны кружевъ на высокой груди. Жена доктора Прэскотта привлекла къ себѣ Джерома, словно онъ былъ все еще малымъ ребенкомъ, и поцѣловала его въ щеку. — Передай сестрицѣ своей отъ меня нѣжнѣйшій привѣтъ и да наградитъ тебя Господь, дорогой мальчикъ, — сказала она своимъ чуднымъ голосомъ.

Затѣмъ она исчезла, а Джеромъ пошелъ домой, продолжая ощущать запахъ лавенды отъ ея кружевъ, шелковъ и бѣлой косынки; а душа его смутно ощущала тонкую прелесть ея женственной и материнской ласки.

Придя домой, онъ догадался по освѣщеннымъ окнамъ гостиной, что Лаурэнсъ былъ у его сестры. Онъ уже лежалъ въ постели, когда Эльмира поднялась на верхъ, открыла слегка его дверь и спросила голосомъ, дрожавшимъ отъ счастія:

— Джеромъ, ты спишь?

— Нѣтъ.

— Ты знаешь... про Лаурэнса и меня?

— Знаю. Я ужасно радъ, Эльмира.

— Надѣюсь, ты простишь меня за то, что я была такая злая, Джеромъ.

— Не думай объ этомъ, Эльмира.

XXI.

На слѣдующее утро Джеромъ, собираясь уходить со двора, столкнулся съ Паулиной Маріей Джеддъ и ея сыномъ Генри, которые шли къ нему. Паулина Марія держала за руку своего слѣпого сына, но онъ съ явною неохотою принималъ ея помощь.

— Джеромъ, я пришла поговорить съ тобою на счетъ тѣхъ денегъ,—сказала Паулина Марія.—Мнѣ сказывали, ты хочешь дать намъ двѣсти пятьдесятъ долларовъ. Я уже сказала тебѣ разъ навсегда, что не возьму твоихъ денегъ.

— Тутъ не то. Деньги эти оставилъ мнѣ полковникъ Ламзонъ, а я условился отдать ихъ.

— Для насъ это все едино. Можешь сохранить ихъ для себя.

Digitized by Google

— Ни въ какомъ случаѣ я ихъ себѣ не возьму. Ради Бога, тетя, возьмите ихъ! Генри, возьми ихъ и полѣчи свои глаза!

— Не возьму я денегъ, раздаваемыхъ такимъ манеромъ, и сынъ мой также не возьметъ ихъ. Я не перемѣнила своего рѣшенія: что тогда думала, думаю и теперь. Деньги эти нужны самому тебѣ. Если бы онѣ были завѣщаны намъ, тогда другое дѣло. А теперь мы ихъ не возьмемъ, и нечего тебѣ ихъ намъ предлагать. Не возьмемъ мы и подарка отъ доктора Прэскотта— онъ предложилъ вернуть намъ закладную на нашъ домъ. Это честный долгъ, и мы не хотимъ отлынивать отъ него. Ужъ если намъ суждено быть нищими, мы будемъ нищими у Бога, а не у человѣка!

— Генри, —умолялъ Джеромъ, — послушай, что я скажу тебѣ.

Но все было напрасно. Его кузенъ сурово отвернулся отъ него, и оба, мать и сынъ, ушли со двора. Джеромъ послѣдовалъ за ними, продолжая ихъ уговаривать, онъ даже прошелся съ ними немного, а затѣмъ оставилъ ихъ и отправился въ лавку— ему надобно было что-то купить тамъ! Онъ рѣшилъ про себя переговорить съ Адонирамомъ и уломать его. Еще не дойдя до лавки, онъ услыхалъ гомонъ возбужденныхъ голосовъ и громкіе раскаты грубаго хохота.

— Что тамъ такое?—подумалъ онъ.

Войдя, онъ увидѣлъ Симона Бассэта. Его, такъ сказать, приперла къ конторкѣ и окружила огромная толпа деревенскихъ парней и мальчишекъ. Его грязное, щетинистое лицо помертвѣло, онъ, словно волкъ, щелкалъ зубами, а глаза его были полны ужаса.

— Раскошеливайся, Симонъ, — гаркнулъ молодой парень, мотнувъ головою, словно баранъ рогами, въ сторону старика.— Помяни мое слово, придется тебѣ раскрыть свою мошну, не то уберутъ тебя въ кутузку.

— Всѣ вы городите чепуху. Ничего сами не знаете. Нѣтъ у меня никакого имущества!—заоралъ Бассэтъ посреди дикаго взрыва хохота.

— У него нѣтъ никакого имущества, у него нѣтъ ничегошеньки, ха!—загалдѣли мальчишки, стоявшіе поодаль, гогоча во все горло.

— Говорятъ вамъ, на мое имя лежитъ не болѣе пяти тысячъ долларовъ.

— Вонъ оно что! А куда же дѣлась вся твоя земля, старый враль? — спросилъ молодой парень, который, повидимому, исполнялъ роль оратора этого сборища.

— Она вся гроша мѣднаго не стоитъ. Мнѣ не продать ее теперь при всемъ желаніи.

Digitized by Google

— Продавай мнѣ ее, свою землю; я не откажусь рискнуть, принявъ этотъ подарокъ,—закричали всѣ разомъ.—Джеромъ и докторъ расплатились съ добрыми людьми по царски, теперь твой чередъ!

Джеромъ протолкался сквозь толпу.

— Къ чему вы его тревожите?—сказалъ онъ.—Онъ старикъ, стыдитесь!

— Ему не больше семидесяти, — возразилъ парень, — онъ вотъ какой крѣпышъ — весь городъ подтянулъ, даромъ что старъ!

— Молодчина, Эфъ!—подхватили хоромъ его сторонники.

Джеромъ схватилъ Бассэта за плечо.

— Развѣ вы не знаете, что вы не обязаны давать ни одного доллара, если не желаете? Актъ этотъ не имѣлъ законной силы.

Старикъ подался назадъ съ трусливымъ ужасомъ, а взглядъ его напоминалъ взглядъ собаки, которая собирается схватить зубами неосторожно-ласкающую руку.

— Меня. не поймаешь въ ловушку,—огрызнулся онъ.—А ради чего же докторъ Прэскоттъ отдалъ все?

— Онъ отдалъ, потому что хотѣлъ сдержать свое обѣщаніе, а не потому, что былъ вынужденъ по этому договору.

— Разсказывай эти басни другимъ,—сказалъ Симонъ Бассэтъ.

— Я говорю вамъ сущую истину.

— Такъ я тебѣ и повѣрилъ, что Сэтъ Прэскотъ отдастъ свое добро безъ принужденія! Меня не надуешь, братъ.

— Ну, такъ спросите у стряпчаго Минза.

— Тебѣ не заманить меня въ цѣпкія лапы стряпчаго, такъ и знай! Не надуть тебѣ меня. Ужъ я то навѣрно побольше твоего понимаю въ законѣ, проклятый выскочка! Сидѣлъ бы себѣ дома и не совалъ своего носа, куда не слѣдовало, будь ты проклятъ! Теперь самъ попадешь на иждивеніе города; не на что будетъ тебя самого похоронить, чортъ-бы тебя побралъ! Доведется мнѣ увидѣть тебя въ твоемъ нищенскомъ гробу, хоть я и старъ. *Воръ* ты этакій! Говорятъ тебѣ, нѣтъ у меня никакихъ денегъ. У меня всего на все какихъ нибудь пять тысченокъ и больше ничего на свѣтѣ!.. А я скорѣе увижу всѣхъ васъ въ преисподней, чѣмъ дамъ вамъ хоть одинъ грошъ! Пустите меня, слышите?

Симонъ Бассэтъ, словно котъ, метнулся къ двери, расталкивая толпу. Казалось, страхъ разстаться съ деньгами пошатнулъ его разсудокъ.

Джеромъ направился домой, намѣреваясь распахать огородъ, чувствуя необходимость заняться какимъ бы то ни было дѣломъ.—Его мысли постоянно обращались къ Люцинѣ: думаетъ ли она о немъ? Не думаетъ ли, что онъ разлюбилъ ее, отка-

Digitized by Google

зался отъ нея? Не посмотритъ-ли она на него, какъ сестра въ прошлый вечеръ? Джеромъ еще не отвѣтилъ на письмо Люцины; онъ не зналъ, что ему отвѣчать,—но не разставался съ нимъ ни днемъ, ни ночью.

Придя домой, онъ принялся распахивать свой холмистый огородъ. Отецъ его вышелъ изъ дому, усѣлся на камнѣ и радостно наблюдалъ за нимъ. Джеромъ еще не вполнѣ привыкъ къ отцу, но обращался съ нимъ нѣжно, какъ съ маломъ ребенкомъ, и старикъ, какъ ребенокъ, ходилъ за нимъ слѣдомъ; онъ любилъ его, повидимому, больше чѣмъ жену, хотя Эннъ присматривала за нимъ съ ревнивою нѣжностью.

Джеромъ все еще пахалъ, когда, послѣ полудня, къ нему зашелъ дядя Озіасъ.

Озіасъ легко ступалъ по разрыхленной землѣ. У него въ рукѣ была свернутая бумага, которую онъ подалъ Джерому.

— Что ты скажешь объ этомъ?—спросилъ онъ. Лицо его было блѣдно, какъ полотно.

Джеромъ остановилъ лошадь.

— Что это такое?

— Развѣ ты не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю.

— Это закладная, которую я далъ Боссэту на мой домъ... подпись зачеркнута и надорвана,—говорилъ Озіасъ не своимъ голосомъ.—Знаешь-ли ты что нибудь объ этомъ?

— Да нѣтъ же, не знаю,—повторилъ съ жаромъ Джеромъ.

— Ладно. Я нашелъ ее подъ порогомъ параднаго входа. Бэлиндочка сказала, что слышала, какъ кто-то постучался въ парадную дверь, но, когда она вышла, никого тамъ уже не было, а лежала вотъ эта бумага. Она вбѣжала съ ней, какъ угорѣлая, въ лавку. Это было передъ полуднемъ. Какъ ты думаешь, что это значитъ?

Джеромъ взялъ закладную и внимательно разглядывалъ ее со всѣхъ сторонъ.

— А ты не читалъ того, что написано повыше заголовка?

— Не читалъ. А что тамъ такое, Джеромъ?

Озіасъ надѣлъ очки. Джеромъ указалъ ему пальцемъ на нацарапанную строку надъ заголовкомъ закладной.

«Я сдаю, какъ четвертую часть моей собственности, эту закладную Озію Ламбу».

«Симонъ Бассэтъ».

— Да онъ помѣшался!—вскричалъ Озіасъ, дико уставившись на документъ.

— Кажется, онъ всю жизнь былъ помѣшанъ на долларахъ и центахъ, а теперь совсѣмъ рехнулся,—спокойно возразилъ Джеромъ, снова принимаясь за плугъ.

— По мнѣ, весь городъ съума спятилъ. Мнѣ сказывали,

Digitized by Google

что докторъ Прэскоттъ отдалъ назадъ домъ Джону Эпгаму, а Питеръ Томасъ выходитъ изъ богадѣльни и возвращается на свое старое пепелище. Джеромъ, я думаю, ты свихнулся первый, а весь городъ за тобою. Что это? Кто это?

Быстроглазый мальчуганъ съ бѣлокурыми волосами, взъерошенными по вѣтру, мчался во всю прыть черезъ распаханныя гряды.

— Идите скорѣе! скорѣе!—едва могъ онъ пролепетать,— Меня послали... доктора Прэскота нѣту дома... онъ почти что померъ! Скорѣе идите!

— Да куда идти-то?—закричалъ Джеромъ, высвобождая лошадь изъ подъ плуга.

— Ступайте скорѣе, Джеромъ.

— Куда же?

— Говори толкомъ, слышь ты?—вскричалъ Озіасъ, тряхнувъ мальчугана.

— Къ Бассэту!—завизжалъ, какъ поросенокъ, мальчишка и отскочилъ отъ Озіаса, улепетывая во всѣ лопатки.

— Господи!—произнесъ Озіасъ, глядя на закладную,—это убило его!

Джеромъ вскочилъ на лошадь.

— Какъ-же ты поѣдешь на неосѣдланной лошади?—удивился Озіасъ.

— Теперь не до сѣдла. Но! Трогай!—Джеромъ наклонился впередъ, хлопнулъ лошадь по спинѣ, всадилъ ей въ бока свои каблуки и помчался галопомъ.

Озіасъ пошелъ, зажавъ по прежнему въ рукѣ закладную.

— Куда поѣхалъ Джеромъ?—спросилъ Эбель Эдвардсъ, когда Озіасъ очутился у дома.

— Къ Бассэту: тамъ что-то неладно. Онъ умеръ или что-то въ этомъ родѣ. Я тоже иду туда посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

— Подожди, я только надѣну шляпу; я пойду съ тобою.

Оба старика пошли быстрымъ шагомъ; къ нимъ присоединилось много народу: всѣ спѣшили къ дому Симона Бассэта.

У дома стряпчаго Минза они встрѣтили толпу людей, возвращавшуюся назадъ.

— Напрасно идете туда,—закричалъ имъ человѣкъ, шедшій впереди.—Онъ уже померъ. Джеромъ Эдвардсъ сказалъ это въ ту же минуту, какъ увидалъ его. И докторъ Прэскоттъ, какъ пришелъ, сказалъ тоже. Онъ померъ прежде, чѣмъ его сняли съ веревки.

Среди этой возбужденной толпы находилась пожилая, блѣднолицая женщина, въ съѣхавшемъ на бокъ чепцѣ и въ передникѣ, наброшенномъ на плечи. Это была экономка Элифалэта Минза, миссъ Рэчель Блоджеттъ.

Она заняла свою позицію у воротъ дома Минза, народъ

Digitized by Google

столпился кругомъ нея; прибѣжали также женщины изъ сосѣднихъ дворовъ и плотно стѣснились у ея юбокъ. Впередъ протискался сынъ Сайроса Робинзона и, когда она заговорила визгливымъ дискантомъ, перекричалъ ее грубымъ басомъ.

— Дайте мнѣ сперва разсказать свое,—говорилъ онъ,—сперва идетъ моя часть, а затѣмъ уже ваша... Какъ разъ около полуденъ Симонъ Бассэтъ пришелъ въ лавку и спросилъ кусокъ веревки. Сказалъ, что ему надо привязать корову. Я досталъ небольшую веревку, а онъ сталъ торговаться и потомъ спросилъ, не найдется-ли у меня просто какого завалящаго конца... Это вывело меня изъ терпѣнія и я спросилъ: отчего бы ему не украсть гдѣ-нибудь кусокъ веревки, если онъ ужъ такъ бѣденъ. Онъ сталъ жаловаться и хныкать, что у него впрямь наберется какихъ-нибудь пять тысячъ и то съ грѣхомъ пополамъ... И пошелъ, и пошелъ рвать и метать, какъ тогда утромъ; ей-ей мнѣ пришло тутъ-же на мысль, что у него голова не въ порядкѣ. Потомъ онъ ушелъ этакъ въ четверть перваго, безъ веревки. Я теперь радъ, что не далъ ему никакого обрывка.

Когда онъ кончилъ, Рэчель Блоджеттъ ворвалась стремительнымъ потокомъ своего краснорѣчія.

— Я была занята сегодня стиркой,—затараторила она,—и передъ обѣдомъ развѣсила все свое бѣлье. Бѣлья было очень много, и мнѣ пришлось натянуть еще маленькую веревку между вотъ этими деревьями... Этакъ черезъ часокъ времени я подумала, что бѣлье мое должно быть просохло, и вышла посмотрѣть. Подхожу... а на маленькой веревкѣ висѣло нѣсколько кухонныхъ полотенецъ, да два моихъ фартука, да одна изъ сорочекъ мистера Минза—смотрю, валяется все это въ грязи, на землѣ, а веревка пропала. Я такъ и остановилась съ разинутымъ ртомъ... не могу взять въ толкъ. Вдругъ вижу: идетъ мальченокъ Кросмана по двору: «Уилли!—говорю ему,—поди сюда на минуточку! Не заходилъ-ли кто ко мнѣ во дворъ?» Онъ говоритъ, никого не было, кромѣ мистера Бассэта. Онъ видѣлъ, какъ Бассэтъ выходилъ и несъ что-то подъ полой.

Ну, это навело меня на слѣдъ. Мистеръ Бассэтъ часто продѣлывалъ такія штуки. Не скажу, чтобы онъ воровалъ; ну, а бралъ, что ему было нужно: то щепки для растопки, то молотокъ, то заступъ, то грабли. Однажды я сдѣлала зарубку на ручкѣ грабель и, когда онѣ тоже исчезли, я тихонько пошла къ мистеру Бассэту, когда его не было дома, и нашла грабли въ сараѣ. Я, конечно, не говоря худого слова, принесла ихъ обратно и запрятала получше. Теперь, когда мальчишка сказалъ мнѣ это, я сразу догадалась, кто снялъ веревку.

Только не могла я придумать, на что ему понадобился такой обрывокъ. Однако это меня разсердило: веревка стоила пустяки,

Digitized by Google

но чистое бѣлье вывалялъ все въ грязи... Вотъ оно, сами можете видѣть... Вотъ я и сказала себѣ въ сердцахъ: пойду къ мистеру Бассэту, да такъ-таки и скажу ему; «подавай, молъ, мою веревку!»

Не знаю, право, что тутъ на меня нашло. Какъ подошла я къ дому, такъ меня всю и затрясло, словно въ лихорадкѣ, зубъ на зубъ не попадаетъ. Дрожу, ни дать ни взять, осиновый листъ. Сердце, что-ли, почуяло что-то недоброе. Думаю, не вернуться ли мнѣ? Ну, да что я за дура, чего испугалась? Смотрю кругомъ, нигдѣ его не видно, я и заглянула въ сарай, гдѣ у него дрова. Думаю, не найду ли здѣсь свою веревку. Взять да уйти...

Но веревки въ сараѣ не было. Я подошла къ дому и постучалась въ дверь. Никто не отпираетъ. Тутъ я малость пріотворила и стала звать: «мистеръ Бассэтъ!—мистеръ Бассэтъ!» Не откликается. Думаю, не ушелъ ли куда... Открыла я двери настежъ да и вошла въ домъ. Никого. Тихо такъ, что, кажись, муха пролети, и ту услышишь. Могила и только. По спинѣ у меня такъ мурашки и ползутъ. Рѣшилась я еще заглянуть въ кухню. Если и тамъ не найду, — вернусь домой... Кухонная дверь стояла полуотворенная; я толкнула ее, заглянула въ кухню, и вотъ!.. вотъ!

Вдругъ визгливый монологъ старухи оборвался. Собственный разсказъ такъ разстроилъ ее, точно она снова увидѣла передъ собою ужасное зрѣлище. Съ нею сдѣлалась истерика.

Ее увели домой, и толпа стала расходиться. Одни, любопытство которыхъ не насытилось разсказомъ старухи, пошли взглянуть на мѣсто трагедіи, другіе отправились по домамъ разносить слышанное. Два человѣка, идя по деревенской улицѣ, разсуждали о наслѣдствѣ покойнаго.

— Едва-ли онъ сдѣлалъ завѣщаніе. Кому-то достанутся его капиталы? Насколько я знаю, всей-то родни у него былъ вотчимъ да братъ его Самъ, и тѣ умерли добрыхъ лѣтъ двадцать назадъ.

— Отецъ Адонирама Джедда былъ двоюродный братъ матери Симона Бассэта. Оба они изъ Уэстбрука, откуда и я родомъ.

— Ну, если такъ, они выплатятъ по закладной и вылѣчатъ глаза Генри.

XII.

Во время отсутствія Джерома жена сквайра Ибна Мерритта заходила къ Эдвардсамъ. Губы ея были плотно сжаты на щекахъ горѣли красныя пятна. Она оставила Люцину въ

Digitized by Google

слезахъ на постели, въ ея маленькой комнаткѣ. Не сказавъ ни слова ни дочери, ни мужу, Абигэйль твердо рѣшилась дѣйствовать по своему собственному разумѣнію.

— Время что нибудь сдѣлать,—сказала про себя Абигэйль, завязывая передъ зеркаломъ ленты шляпы, — и я сдѣлаю это.

Дойдя до дома Эдвардсовъ, она быстро прошла къ двери, поклонившись миссисъ Эдвардсъ въ окно; Эльмира отворила ей дверь, прежде чѣмъ она успѣла постучаться.

— Добрый день. Мнѣ бы надо повидаться съ вашимъ братомъ на минуту,—объявила Абигэйль безъ всякихъ предисловій.

— Его нѣтъ дома,—отвѣчала Эльмира:—что-то случилось съ Симономъ Бассэтомъ... Не знаю, что именно. За Джеромомъ послали, и онъ поспѣшилъ отправиться туда. Отецъ также пошелъ туда.

Эльмира вспыхнула до ушей.

— Джерому будетъ очень жаль, что его не было дома,— прибавила она. Она испытывала какое-то странное смущеніе.

— Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, попросите вашего брата сдѣлать одолженіе придти сегодня вечеромъ, послѣ ужина, въ домъ сквайра,—отвѣтила миссисъ Мерритъ и тотчасъ же простилась съ молодою дѣвушкой, хотя Эльмира любезно приглашала ее зайти и подождать возвращенія ея брата.

Она передала порученіе Абигэйль Джерому, когда онъ пришелъ домой.

— Какъ ты думаешь, что ей надо отъ тебя?—спросила она съ недоумѣніемъ.

Джеромъ покачалъ головою.

— Да что съ тобою? Ты блѣденъ, какъ полотно!

— Я видѣлъ сегодня такіе ужасы, что поневолѣ поблѣднѣешь,—уклончиво отвѣчалъ Джеромъ.

— Что ей надо?—спрашивалъ онъ себя ежеминутно за работой.—Увижу-ли я Люцину? Что можетъ сказать мнѣ ея мать?

На одно мгновеніе, думая объ ужасной судьбѣ Бассэта, онъ сознавалъ крайнюю ничтожность всѣхъ своихъ помысловъ и желаній, охваченный тѣмъ яснымъ восприятіемъ идеи вѣчности, которое часто является у человѣка при видѣ смерти...

Затѣмъ онъ снова думалъ, что любовь—единственная истина, дѣйствительность и источникъ всего существующаго; что жизнь дана для любви, а не любовь для жизни.

Джеромъ усердно работалъ въ огородѣ; свѣже взрытыя глыбы земли прилипали къ его ногамъ и мѣшали имъ двигаться... Ему казалось, что никогда еще онъ не любилъ Люцину такъ сильно, никогда не желалъ ее такъ страстно. И въ то же время никогда не было его рѣшеніе отказаться отъ нея такъ твердо, какъ теперь. Если Люцина и прежде была недосягаема для него, то нынѣ она стала вдвойнѣ недосягаема,—состояніе, за-

Digitized by Google

вѣщанное ей полковникомъ, раздѣляло ихъ, какъ непроходимая золотая рѣка.

— Я отдалъ всѣ свои деньги,—думалъ онъ. — Неужели я возьму себѣ жену, деньги которой вознаградятъ меня за потерю моихъ?

Онъ засмѣялся съ горькимъ презрѣніемъ къ этой мысли.

Послѣ ужина онъ одѣлся въ свое лучшее платье и отправился къ сквайру Мерритту, избѣгая, по возможности, разспросовъ и догадокъ матери. Огорченіе Эннъ по поводу распредѣленія Джеромомъ денегъ уже смягчилось.

— Мнѣ кажется,—сказала она,—приди эта бѣдная дѣвушка на колѣняхъ къ тебѣ, скажи она тебѣ, что ты разбилъ ея сердце, и тогда ты передашь ее въ богадѣльню, все равно, какъ передалъ свои деньги.

— Мама, не говори такъ,—шепотомъ упрашивала Эльмира, когда Джеромъ вышелъ изъ комнаты, не отвѣтивъ ни слова.

— Буду говорить все, что думаю. Вѣдь я ему мать,—возразила Эннъ.

Но когда Джеромъ ушелъ, она разразилась слезами и жалобами, что бѣдный мальчикъ и не прикоснулся къ ужину, что ей страшно, не боленъ-ли онъ. Эбель сѣлъ возлѣ нея, сочувственно всхлипывая, хотя и не понималъ хорошенько причины ея слезъ. Когда она перестала плакать и снова принялась за свое вязанье, онъ облегченно вздохнулъ и сталъ ѣсть яблоко.

Эльмира постаралась успокоить мать и ушла наверхъ пріодѣться: она ожидала къ себѣ вечеромъ Лаурэнса Прэскотта.

Вскорѣ Эннъ услыхала сверху пѣніе дочери.

— Слава Богу, что хоть кто-нибудь можетъ пѣть,—пробормотала Эннъ. Но въ глубинѣ души ей хотѣлось, чтобы сынъ ея, а не дочь, имѣлъ основаніе пѣть пѣсни,—ужъ если судьбой было назначено счастіе только одному изъ ея дѣтей. «Женщины не такъ близко принимаютъ эти вещи къ сердцу»—разсуждала Энна.

Дверь отворила Джерому миссисъ Мерриттъ. На мгновеніе у него потемнѣло въ глазахъ, онъ думалъ, что, можетъ быть, увидитъ Люцину. Онъ не узналъ своего собственнаго голоса, отвѣчая на привѣтствіе миссисъ Мерриттъ; онъ вошелъ въ гостиную словно во снѣ. Былъ прохладный весенній вечеръ, и въ каминѣ горѣлъ огонь. Комната была освѣщена нѣсколькими свѣчами въ серебряныхъ канделябрахъ.

Миссисъ Мерриттъ тревожно взглянула на Джерома, предложивъ ему кресло.

— Надѣюсь, вы здоровы,—сказала она съ живостью, въ голосѣ ея слышалась ласка. Джеромъ подумалъ, что голосъ

Digitized by Google

ея похожъ на голосъ Люцины. Онъ пролепеталъ, что здоровъ совершенно.

— Вы блѣдны.

Онъ оставилъ ея замѣчаніе безъ отвѣта, а она прибавила съ оттѣнкомъ почти материнской нѣжности, что ей было очень жаль, когда его лѣсопильня погибла.

Джеромъ поблагодарилъ ее. Онъ сидѣлъ противъ нея, въ огромномъ креслѣ и держался очень прямо; но въ ушахъ у него звенѣло, а опущенные глаза его перебѣгали по розамъ ковра.

— Отчасти насчетъ вашей лѣсопильни я и хотѣла васъ повидать,—заговорила Абигэйль Мерриттъ.—Сквайръ хочетъ сдѣлать вамъ маленькое предложеніе, но онъ поручилъ мнѣ сдѣлать это вмѣсто него. Ему кажется, что у меня больше шансовъ на успѣхъ. А я право не знаю...—закончила она, улыбаясь.

Джеромъ посмотрѣлъ на нее, живо заинтересованный, а она тотчасъ же приступила къ дѣлу.

— Какъ вамъ извѣстно, сквайръ получилъ по завѣщанію пять тысячъ долларовъ отъ бѣднаго полковника Ламзона. Онъ хочетъ часть этихъ денегъ вложить въ какое нибудь дѣло. Ему хотѣлось бы вновь отстроить вашу лѣсопильню.

Джеромъ весь вспыхнулъ.

— Спасибо ему и спасибо вамъ,—сказалъ онъ,—но...

— Онъ не предлагаетъ ихъ вамъ въ подарокъ,—живо перебила она его.—Онъ не рискнулъ бы предложить вамъ это, какъ бы ему ни было пріятно. Его планъ въ томъ, чтобы снова поставить эту лѣсопильню и вамъ работать на паяхъ... вы будете участвовать въ прибыляхъ за свой трудъ. А впослѣдствіи вы бы могли и купить у него.

Джеромъ хотѣлъ заговорить, но Абигэйль опять перебила его.

— Прошу васъ, не давайте окончательнаго отвѣта въ эту минуту. Это дѣло не къ спѣху. Я бы скорѣе хотѣла, чтобы вы сообщили свое рѣшеніе сквайру, а не мнѣ. Я въ этомъ ничего не смыслю. Вы вѣдь знаете, какъ много думалъ о васъ мой мужъ съ того времени еще, какъ вы были ребенкомъ. Онъ радъ бы душой помочь вамъ, а въ то же время поправить и свои дѣла, если вы поможете ему это сдѣлать; но вопросъ этотъ пока можно отложить въ сторону. У меня есть нѣчто болѣе важное сказать вамъ. Джеромъ Эдвардсъ,—продолжала она, и въ ея голосѣ послышались новые звуки,—я хочу, чтобы вы сказали мнѣ, что рѣшено между вами и Люциной? Я ея мать и имѣю право спросить васъ объ этомъ.

Джеромъ посмотрѣлъ на нее. Его красивое лицо было очень блѣдно.

Digitized by Google

— Я... работалъ изо всѣхъ силъ, чтобы заработать необходимыя средства для женитьбы,—быстро произнесъ онъ, словно у него не хватало воздуха въ легкихъ.—Я лишился своей лѣсопильни. Я не стану просить ее ждать меня.

— У васъ было цѣлое состояніе, но вы роздали его,— возразила миссисъ Мерриттъ.—Ну, объ этомъ мы не станемъ спорить. Это дѣло вашей совѣсти. У Люцины двадцать тысячъ долларовъ, вамъ это извѣстно?

Джеромъ кивнулъ головой.

— Да, извѣстно,—хрипло отвѣчалъ онъ.

— Не все ли равно, будутъ деньги ваши или вашей жены?

— Для меня не все равно,—вскричалъ Джеромъ, и его черные глаза сверкнули тѣмъ старымъ блескомъ, котораго такъ боялась Люцина-дѣвочка.

— А еще говорите, что любите мою дочь!—сказала миссисъ Мерриттъ, смотря на него въ упоръ.

— Я люблю ее такъ сильно, что готовъ отдать за нее жизнь!—пылко вскричалъ Джеромъ, и его блѣдное лицо зажглось румянцемъ.

— Но не настолько, чтобы поступиться на йоту своей гордостью ради нея,—возразила Абигэйль Мерриттъ рѣзкимъ, презрительнымъ тономъ. Внезапно она вскочила съ своего мѣста и стала передъ молодымъ человѣкомъ. Вся ея маленькая фигура преобразилась.

— Выслушайте меня, Джеромъ Эдвардсъ. Я знаю, кто вы и что вы, но я знаю также, кто и что моя дочь. Я отдаю вамъ полную справедливость. Въ вашемъ характерѣ есть черты недюжиннаго человѣка; нѣкоторыя изъ нихъ возвышенны, другія опасны для тѣхъ, кто васъ любитъ. Я справедлива къ вамъ и къ своей дочери. Безъ хвастовства скажу: Люцина—рѣдкая дѣвушка. Она могла бы — если бы захотѣла, — составить отличную партію. Я говорю это не для того, чтобы навязывать мою дочь кому бы то ни было. Не знай я сама, что вы вполнѣ искренни въ вашей любви къ ней, я бы не позвала васъ сюда сегодня вечеромъ. Я бы...

Она остановилась, а Джеромъ заговорилъ съ такимъ пыломъ, который удивилъ ее.

— Искрененъ! Боже, да я люблю ее такъ, что безъ нея мнѣ жизнь не въ жизнь. Я люблю ее больше всего міра, больше своей жизни!

— Въ такомъ случаѣ, если вы ее дѣйствительно любите, пожертвуйте ей своей гордостью.

— Моей гордостью?

— Ну да, вашей гордостью. Вы отдали все, что у васъ было, другимъ, но какъ же смѣете вы мнить себя великодуш-

Digitized by Google

нымъ, сохраняя при себѣ то, что для васъ дороже всего? Нѣтъ, вы не великодушны. Вы оберегаете ложную сторону своей души. Вы скупѣе самого Симона Бассэта. Да кто же вы такой, чтобы имѣть право говорить: «Я буду жить и давать всѣмъ, но не брать ни у кого?» Кто вы такой, чтобы считать себя лучше всѣхъ окружающихъ, чтобы держать себя въ отношеніи къ своимъ ближнимъ, какъ Богъ, все дарующій и ничего не принимающій? Если любите мою дочь, докажите это. Возьмите то, что она можетъ вамъ дать, и отдайте ей — гордость вашего сердца.

Не говоря ни слова, Джеромъ перешелъ черезъ комнату къ окну и сталъ здѣсь, повернувшись къ ней спиною, а лицомъ къ лунному свѣту.

— Гордость это или правило жизни?—спросилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, не поворачивая головы.

— Гордость.

Джеромъ продолжалъ безмолвно стоять у окна. Абигэйль наблюдала за нимъ, нахмуривъ брови, судорожно сжавъ пальцы; на щекахъ ея выступили красныя пятна. Она и сама ради Люцины жертвовала въ эту минуту своей гордостью.

Внезапнымъ движеніемъ плечъ, словно сбрасывая какую-то тяжесть, Джеромъ отошелъ отъ окна. Онъ былъ блѣденъ, но глаза его сіяли. Онъ сталъ передъ миссисъ Мерриттъ, и она не могла не замѣтить, какъ онъ красивъ.

— Согласны ли вы, чтобы Люцина стала моей женою?— произнесъ онъ.

Слезы брызнули изъ глазъ Абигэйль, ея маленькое личико задрожало. Она взяла руку Джерома, сжала ее, что-то проговорила и вышла изъ комнаты. Джеромъ догадался, что она пошла позвать Люцину.

Дѣйствительно, онъ услыхалъ шаги Люцины и шелестъ ея юбокъ. Наступило минутное затишье.. потомъ отворилась дверь, и вошла она.

Люцина стояла у двери, одѣтая въ голубое платье, и смотрѣла на Джерома съ выраженіемъ любви и застѣнчивости, надежды и страха. Съ своей стороны Джеромъ на мгновеніе былъ не въ силахъ заговорить или подойти къ ней. Его охватилъ какой-то ужасъ въ эту минуту первой увѣренности, что она принадлежитъ ему... Но вотъ, нѣжная краска залила лицо Люцины, и слезы заволокли ея глаза. Не понимая его молчанія, она бросила на него гордый и застѣнчивый взглядъ и взялась за ручку двери, словно собираясь удалиться. Но въ ту же минуту Джеромъ былъ возлѣ нея, и руки его обвили ея станъ.

Digitized by Google

— О Люцина,—сказалъ онъ,—я бѣденъ... бѣднѣе, чѣмъ прежде. Ты должна дать мнѣ все, а я ничего не могу тебѣ дать взамѣнъ, кромѣ себя, а это такъ мало... Хочешь взять меня такимъ, какъ я теперь?

Тогда Люцина взглянула ему прямо въ лицо, и румянецъ сбѣжалъ съ ея щекъ.

— О, Джеромъ, — сказала она съ важной серьезностью, которая, казалось, была ей совсѣмъ не по лѣтамъ,—ты не хотѣлъ взять даже пряника, когда мы оба были дѣтьми... быть можетъ, теперь, когда ты согласился взять у той, которая тебя любитъ, ты ей дѣлаешь самый дорогой подарокъ.

Люцина тихо рыдала на плечѣ Джерома, а онъ близко прижался къ ея лицу, шепча слова ласки и цѣлуя ея волосы и щеки.

— Не огорчайся, что твоя лѣсопильня пропала, милый,—сказала Люцина,—вѣдь у насъ теперь довольно денегъ для всего.

— Это твои деньги, и онѣ пойдутъ на твои расходы,—быстро отвѣтилъ Джеромъ. Трудно сразу залѣчить больное мѣсто всей предыдущей жизни.

Люцина порылась у себя въ карманѣ и вынула оттуда письмо.

— Прочти это, милый,—сказала она,—ты увидишь, что я хочу сказать.

— Что это?—спросилъ удивленный Джеромъ, устремивъ глаза на подпись на конвертѣ: «Миссъ Люцинѣ Мерриттъ; пусть откроетъ и прочтетъ сама по своему желанію и благоусмотрѣнію, а затѣмъ пусть прочтетъ вмѣстѣ съ Джеромомъ Эдвардсомъ въ день ихъ помолвки».

— Пойдемъ къ свѣту и прочитаемъ вмѣстѣ,—пригласила Люцина.

Джеромъ и Люцина сѣли на диванъ подъ канделяброй и, тѣсно прижавшись головами другъ къ другу, прочитали слѣдующее письмо:

«Дорогая миссъ Люцина,—когда вы будете читать это письмо, старый солдатъ покончитъ свою послѣднюю битву, и сердце его, любившее васъ горячей отеческой любовью, перестанетъ биться. Но онъ проситъ васъ навсегда сохранить мѣстечко въ вашемъ искреннемъ, любящемъ сердцѣ; для памяти о немъ онъ проситъ васъ принять, въ знакъ его глубокой привязанности, вмѣстѣ съ горячими пожеланіями вамъ счастія, двадцать тысячъ долларовъ, какъ это подробно обозначено въ его завѣщаніи.

«Кромѣ того, онъ проситъ васъ, чтобы вы считали сказанныя деньги — когда вы будете обвѣнчаны съ Джеромомъ Эдвардсомъ—подаркомъ, который вы должны употребить оба

Digitized by Google

для взаимнаго блага и пользы въ теченіе вашей супружеской жизни. При этомъ выражаю свое одобреніе разумности вашего выбора и шлю мое горячее благословеніе моему пріемному сыну и дочери.

«Остаюсь, дорогая миссисъ Люцина, вашъ покорный слуга, вашъ преданный другъ и вашъ любящій пріемный отецъ.

«Джонъ Ламзонъ».

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Современный антисемитизмъ во Франціи.

Henri Dagan. Enquête sur l'antisémitisme. Paris. 1899.

Если вѣрить извѣстной части современной французской печати, негодованіе противъ евреевъ охватило всѣ слои французскаго общества. Конечно, когда съ устъ какого-нибудь нововявленнаго апостола антиеврейскаго крестоваго похода сорвется заявленіе въ томъ смыслѣ, что теперь всѣ французы — антисемиты, или что движеніе противъ евреевъ готово принять угрожающіе размѣры, читатель только презрительно улыбнется при этомъ; но когда и болѣе трезвые и осторожные умы склоняются подчасъ къ признанію совершающагося на ихъ глазахъ движенія антисемитизма явленіемъ крупнаго соціально-экономическаго порядка, тутъ уже возникаетъ невольное стремленіе пристальнѣй вглядѣться въ это движеніе, остановиться на немъ, какъ на фактѣ, съ которымъ нельзя не считаться. Необходимость выяснить это явленіе съ точки зрѣнія его происхожденія и развитія подала мысль автору небольшой, но любопытной книжки, заглавіе которой мы выписали, обратиться къ выдающимся мыслителямъ и ученымъ за мнѣніями ихъ по этому вопросу. Сообщенія и отвѣты этихъ лицъ и служатъ содержаніемъ книжки г. Дагана, который не довольствуется, однако, ролью безпристрастнаго изслѣдователя, но въ своихъ замѣчаніяхъ придаетъ имъ то или другое освѣщеніе въ опредѣленномъ смыслѣ. На призывъ г. Дагана отозвалось двадцать одно лицо: Э. Пикаръ, Левассеръ, Летурно, Лоріа, Э. Золя, Г. Ренаръ, Дж. Леббокъ, аббатъ Лемиръ, И. Гюйо, Ревиль, Э. Реклю, Молинари, бар. Гарофало, Ц. Ломброзо, Дюкло, К. Жидъ (Gide), Дюркгеймъ, Маре, Таваресъ-де-Медейросъ, Шмеркинъ и Мануврье, т. е. представители самыхъ разнообразныхъ профессій умственнаго труда. Остановимся на мнѣніяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, прежде чѣмъ укажемъ тѣ общія соображенія, къ которымъ приводитъ сопоставленіе полученныхъ данныхъ.

Наиболѣе категоричнымъ поборникомъ идеи антисемитизма выступилъ Э. Пикаръ, сенаторъ и профессоръ-юристъ брюссель-

Digitized by Google

скаго университета. Поборничество это сказалось у него довольно оригинальнымъ образомъ — въ признаніи антисемитизма, или точнѣе, какъ онъ выражается, арійско-семитской борьбы, фактомъ исторической непреложности; при этомъ тонъ, которымъ онъ пытается доказать полное „психологическое" несходство обѣихъ расъ или стремленіе семитовъ къ методическому порабощенію арійской расы, къ ея, такъ сказать, экономическому и политическому обезкураженію, не оставляетъ читателя въ недоумѣніи относительно того, въ какую сторону направлены его личныя симпатіи. Эта борьба, неизбѣжная и непримиримая по природѣ борющихся сторонъ, носитъ характеръ этническій по своей первоначальной и коренной причинѣ, но она значительно усложняется экономическими факторами, особенно если принять во вниманіе, что по отношенію къ арійской цивилизаціи еврей дѣйствуетъ совершенно подобно своему сородичу сарацину, который пиратствовалъ нѣкогда на Средиземномъ морѣ, пока Алжиръ не былъ покоренъ. Форма грабежа измѣнилась: ставъ *интеллектуальной*, она сосредоточилась теперь въ биржевыхъ операціяхъ, но результатъ остался тотъ же. Чтобы ослабить „вредное", по мнѣнію этого автора, вліяніе евреевъ на арійскую расу, „психологіи которой они не понимаютъ", почтенный профессоръ не останавливается предъ самыми рѣшительными мѣрами и совѣтуетъ перевести евреевъ на положеніе иностранцевъ, какихъ-нибудь китайцевъ или негровъ, ищущихъ права гражданства на французской территоріи,—необходимо особое, „строгое" законодательство, которое устранило бы семитовъ отъ участія въ политическихъ учрежденіяхъ, созданныхъ и долженствующихъ быть управляемыми исключительно людьми арійскаго „образа мыслей". Въ чемъ состоятъ отличія арійской отъ семитической и не арійской вообще психологіи, или въ чемъ выразилась исключительность арійскаго „образа мыслей", этого г. Пикаръ не объясняетъ, да и едва ли объяснитъ когда-нибудь, но утѣшительно то, что психологія и образъ мыслей его самого оказались въ особомъ и исключительномъ положеніи по отношенію къ мнѣніямъ прочихъ опрошенныхъ г. Дагаеомъ лицъ.

Экономистъ Левассеръ объяснилъ движеніе противъ евреевъ занятымъ ими положеніемъ въ экономической жизни страны; достигнутые ими здѣсь результаты разбудили религіозныя страсти, что не обошлось безъ участія клерикаловъ, оттѣсненныхъ отъ власти новыми республиканскими партіями. Подготовленное вѣками необыкновенной коммерческой дѣятельности и упорной работы въ одномъ направленіи, которое столько же было опредѣлено ихъ природными способностями, сколько и исторической обстановкой, блестящее экономическое положеніе евреевъ не могло не вызывать, съ другой стороны, зависти и алчныхъ вожделѣній. И если рабочій классъ не принялъ участія въ этомъ

Digitized by Google

движеніи, то потому прежде всего, что не считалъ себя непосредственно заинтересованнымъ въ совершающейся въ коммерческомъ и финансовомъ мірѣ борьбѣ самыхъ разнородныхъ интересовъ.

Если евреи всѣхъ вѣковъ направляли свою дѣятельность главнымъ образомъ въ сторону торговли, финансовыхъ и ссудныхъ операцій,—говорилъ извѣстный „эволюціонистъ“ Летурно,—то вѣдь магометане и христіане не мало поспособствовали этому. Спеціальныя законодательныя мѣры, примѣнявшіяся къ нимъ, удаляли ихъ изъ равноправной гражданской среды, заставляли уединяться, скрываться. Служа предметомъ безчестія и ненависти, они, естественно, тѣсно сплотились другъ съ другомъ и выработали свою солидарность на началахъ взаимопомощи и взаимнаго довѣрія. Почти всѣ двери были закрыты предъ ними, исключая той, которая вела къ занятіямъ торговлей. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ особенности „ужаснаго“ въ томъ, что они направились въ эту дверь. Историческія обстоятельства создали изъ евреевъ коммерсантовъ по преимуществу, но разсматривать ихъ коммерческія способности какъ нѣчто врожденное въ нихъ, полагать, что евреи только и созданы что для денежныхъ оборотовъ, было бы, по меньшей мѣрѣ, не научно. Люди не рождаются съ предназначеніемъ къ чему бы то ни было, къ тому или другому, созданному человѣческой культурой занятію,—такъ могутъ думать только метафизики—предоставимъ имъ это.

А. Лоріа, профессоръ падуанскаго университета, обусловливаетъ современный антисемитизмъ исключительно экономическими причинами, которыя и въ прошломъ вели къ законодательнымъ ограниченіямъ противъ евреевъ. Въ совершающемся на нашихъ глазахъ движеніи онъ видитъ исконное соперничество капиталистовъ и собственниковъ изъ христіанъ съ представителями еврейскаго финансоваго міра; первымъ хотѣлось бы, какъ встарь, вызвать возобновленіе варварскихъ „проскрипцій“ противъ евреевъ и стать господами положенія. Съ этой точки зрѣнія неудивительно, что эта „нравственная холера“ (антисемитизмъ), нанесшая уже столько вреда богатымъ и вліятельнымъ классамъ, не оказала своего разрушительнаго дѣйствія въ средѣ рабочаго и безработнаго классовъ, въ средѣ обдѣленныхъ общественнымъ кускомъ. Экономическія соображенія объясняютъ и тотъ фактъ, почему антисемитизмъ такъ обострился именно теперь, въ періодъ быстраго передвиженія капитала и земельной собственности, когда вполнѣ понятно ожесточенное желаніе избавиться отъ опасныхъ конкуррентовъ на рынкѣ и овладѣть ихъ богатствами. Практическія цѣли, преслѣдуемыя антисемитами, такимъ образомъ, ясны. Никто не сомнѣвается, продолжаетъ Лоріа, что конечная скрытая цѣль антисемитовъ—заставить евреевъ покинуть Францію и вернуться въ Палестину, а это невольно принудитъ ихъ „продать

Digitized by Google

ихъ домъ за цѣну осла“, какъ выразился Бернальдецъ объ испанскихъ евреяхъ, и дастъ возможность на ихъ счетъ стать на ноги нѣсколькимъ правовѣрнымъ капиталистамъ. Но это явленіе, по счастью мало вѣроятное, принесло бы только временныя выгоды европейскому капитализму.

Э. Золя обвиняетъ въ усиленіи антисемитскаго движенія Дрюмона, этого „узкаго сектанта, суетнаго и высокомѣрнаго“, но „дурного литератора“, лишеннаго критическаго смысла. Дрюмонъ воспользовался бѣдственнымъ положеніемъ извѣстной части толпы, недовольной успѣхомъ, выпавшимъ на долю одного коммерческаго предпріятія, и ухватился за это недовольство, чтобы направить его на евреевъ. Капитализмъ въ этомъ случаѣ, въ качествѣ извѣстнаго экономическаго явленія, былъ отождествленъ съ классомъ людей—поразительная путаница понятій!.. Но армія? Какъ объяснить присутствіе антисемитовъ въ офицерской средѣ? О, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, говоритъ Золя. Припомните только, что большинство офицеровъ „отдѣлываютъ“ въ іезуитскихъ училищахъ, проникнутыхъ атмосферой святости, и потому не терпящихъ жидовскаго духа. Не мало есть тоже обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ монархистовъ и консерваторовъ всевозможныхъ категорій, чувствующихъ, какъ почва колеблется подъ ихъ ногами! Все это усложняетъ обстоятельства и самое теченіе дѣлъ.

Г. Ренаръ, профессоръ лозаннскаго университета и редакторъ журнала „Pétite République“, высказываетъ убѣжденіе, что „современное антисемитское движеніе во Франціи есть ничто иное, какъ поверхностное волненіе, броженіе, которое скоро прекратится. Крикъ „смерть жидамъ!“ показалъ, что оно достигло своего апогея и, слѣдовательно, уже начинается движеніе въ обратную сторону, убыль. Среди участниковъ антисемитизма онъ отмѣчаетъ прежде всего клерикаловъ разныхъ оттѣнковъ, офицеровъ, вышедшихъ изъ іезуитскихъ школъ, и мелкихъ торговцевъ, испуганныхъ возрастающей еврейской конкурренціей. Эта борьба въ полномъ ходу, но ей скоро суждено перейти въ борьбу болѣе общаго свойства,—съ клерикализмомъ.

Джонъ Леббокъ, въ отвѣтъ на запросъ г. Дагана, прислалъ коротенькое письмо, въ которомъ заявилъ, что онъ затрудняется отвѣтить ему пунктуально „по той простой причинѣ, что въ его отечествѣ нѣтъ проявленій какой-либо злобы противъ евреевъ; напротивъ, они слывутъ—и таковы они на самомъ дѣлѣ—прекрасными и честными согражданами. Мы удивляемся, прибавляетъ Леббокъ, ихъ высокимъ качествамъ и смотримъ на нихъ, какъ на замѣтную часть нашего общества“. Конечно, это не факты, не историческія и даже не субъективно-личныя соображенія, замѣчаетъ г. Даганъ, но изъ этого письма ясно одно,—что въ Англіи не существуетъ антисемитскаго настроенія.

Digitized by Google

Не будемъ останавливаться на двусмысленномъ, чисто іезуитскомъ отвѣтѣ аббата Лемира, который, уклоняясь, какъ онъ заявляетъ, отъ активнаго участія въ антисемитской агитаціи, держась „благожелательнаго нейтралитета“, въ то же время собирается сражаться съ „жидовствомъ“ (la juiverie) вообще, придавая этому слову обширный и неясный смыслъ. Иного отвѣта отъ этого „депутата Сѣвера по недоразумѣнію“ было бы и странно ожидать, особенно въ виду той роли, которую приписываютъ въ этомъ движеніи клерикаламъ Золя, Гюйо и др. По мнѣнію послѣдняго, антисемитская агитація явилась изъ Германіи, и плодами ея наилучшимъ образомъ сумѣли воспользоваться іезуиты. Дѣятели этой агитаціи, говоритъ и Ревиль, набросавшій живой очеркъ современнаго положенія евреевъ во Франціи, нашли для себя выгоднымъ объявить войну, направленную противъ отдѣльной религіозной общины,—войной, объявленной цѣлой расѣ. Они хорошо знали, что въ наше время было бы смѣшно поднимать знамя религіозной войны въ собственномъ смыслѣ, и предпочли собрать въ одинъ фокусъ антиеврейства всю совокупность предразсудковъ, ревности, безсмысленной антипатіи, жадности, придавъ имъ окраску фальшиваго патріотизма. „Я не знаю,—говоритъ тотъ же писатель въ концѣ своего отвѣта,—ни личности, ни частной жизни главныхъ дѣятелей антисемитизма, и потому воздерживаюсь отъ сужденія о нихъ, какъ о людяхъ. Но когда я всматриваюсь въ характеръ ихъ антиеврейской кампаніи, въ тѣ слѣдствія, которыя она произвела и которыми еще угрожаетъ, я вижу въ нихъ только общественныхъ злодѣевъ—не болѣе“.

Интересныя мысли высказалъ знаменитый географъ Э. Реклю. Какъ и всякое соціальное явленіе, сказалъ онъ, антисемитизмъ чрезвычайно сложенъ по своему происхожденію и измѣняется въ каждой странѣ, съ каждымъ годомъ. Однако тотъ антисемитизмъ, которымъ прожужжали всѣ уши во Франціи, представляетъ собой движеніе въ высшей степени поверхностное и лишенное значенія; не какимъ-либо глубокимъ причинамъ обязанъ онъ своимъ возникновеніемъ, но низкой зависти кандидатовъ, не попавшихъ въ конкурсъ, чиновниковъ, оставшихся за штатомъ при распредѣленіи мѣстъ. Если сравнить въ этомъ отношеніи христіанъ съ евреями, то послѣдніе, конечно, оказываются выше первыхъ—въ среднемъ—по подготовкѣ; затѣмъ евреи превосходятъ ихъ своей солидарностью,—тутъ они помогаютъ другъ другу per fas et nefas. Обладая такими средствами къ достиженію карьеры и почестей, они, естественно, возстановляютъ противъ себя всѣхъ неудачниковъ, которые, забывъ о всякихъ принципахъ справедливости, ревутъ цѣлой толпой—„долой жидовъ“—въ надеждѣ ихъ замѣнить.

„Вы спрашиваете о мѣрахъ, предлагаемыхъ антисемитами?“

Digitized by Google

говоритъ Реклю.—Но вы ихъ знаете: говорятъ о смерти, объ изгнаніи, о ссылкѣ, о грабежѣ. Грабежи и убійства уже были, будутъ, вѣроятно, и еще. Но всѣ эти факты не лишаютъ движенія его преходящаго характера . . . .

Изъ другихъ мнѣній, частью примыкающихъ къ уже высказаннымъ, частью имѣющихъ второстепенное значеніе, остановимся на мнѣніи Э. Дюркгейма, редактора журнала „l'Anné sociologique". Онъ пытается точнѣе опредѣлить сущность французскаго движенія противъ евреевъ и отграничить послѣднее отъ сопредѣльныхъ съ нимъ антиеврейскихъ движеній въ Германіи и Россіи. Разница между этими движеніями громадная: антисемитизмъ въ этихъ странахъ носитъ традиціонно-аристократическій хроническій характеръ, выражающійся въ чванливости и презрѣніи, тогда какъ во Франціи источникомъ его является бурныя, разрушительныя страсти, которыя, разрѣшаясь, потухаютъ столь же быстро, какъ вспыхиваютъ. Подобнаго рода явленія бывали и прежде: въ 1870 г., во время войны, и раньше — въ 1848 г., въ Альзасѣ, послѣ серьезнаго экономическаго кризиса. Это позволяетъ думать, что современный французскій антисемитизмъ есть слѣдствіе и, такъ сказать, наружный симптомъ болѣзненнаго состоянія общества. Когда общество страдаетъ, оно испытываетъ потребность найти кого-нибудь, кому можно было бы приписать свою болѣзь, на комъ можно выместить свои собственныя заблужденія. Эта роль выпадаетъ, естественно, на долю тѣхъ, на которыхъ и прежде смотрѣли неблагосклонно. Безправные паріи прежде всего становятся жертвами искупленія. „Что меня утверждаетъ въ подобномъ объясненіи, говоритъ Дюркгеймъ, это то всеобщее ликованіе, которое встрѣтило въ 1894 г. приговоръ по дѣлу Дрейфуса". Всѣ радовались и праздновали его осужденіе, потому что знали теперь, что источникъ всѣхъ золъ, матеріальныхъ и нравственныхъ—въ евреяхъ, какъ и было удостовѣрено оффиціально...

Въ концѣ составитель книги дѣлаетъ рядъ выводовъ изъ полученныхъ имъ отвѣтовъ. Хотя антисемиты, монархисты и клерикалы и взваливаютъ на евреевъ отвѣтственность за все, что въ современномъ направленіи умовъ представляется имъ враждебнымъ установленіямъ религіознымъ и политическимъ предшествующей эпохи, обвиняя ихъ, между прочимъ, въ антихристіанской агитаціи, однако религіозная причина не главная, на основаніи которой преслѣдуютъ евреевъ. Аббатъ Лемиръ, не сочувствуя, какъ онъ говорилъ, антиеврейской кампаніи, объявленной его собратомъ аббатомъ Гарнье, придавалъ понятію „жидовства" непозволительно обобщенное значеніе: онъ подводилъ подъ него дѣльцовъ разнаго рода, биржевыхъ дѣлъ мастеровъ, космополитовъ-финансистовъ, которые исповѣдуютъ не только еврейскую, но и всякую другую, католическую, протестантскую, религію; отъ

Digitized by Google

болѣе яснаго отвѣта почтенный аббатъ уклонился изъ опасенія разойтись, какъ можно предполагать, „съ духомъ и общими инструкціями, преподанными въ окружномъ посланіи его святѣйшества“.

Съ точки зрѣнія этнографической—мы уже знакомы со взглядомъ Э. Пикара, настаивающаго на объясненіи расоваго антисемитизма изъ непримиримаго антагонизма двухъ противоположныхъ психологій. „Онъ такъ разсуждаетъ, замѣчаетъ по этому поводу А. Даганъ, словно допускаетъ, что извѣстныя расы обладаютъ чудесными свойствами, таинственными талисманами, дающими имъ власть торжествовать надъ всѣми преградами. Съ другой стороны, изъ его словъ можно заключить, что никогда семитическіе элементы не смѣшивались съ элементами арійскими, забывая историческіе факты, указанные, между прочимъ, въ этомъ трудѣ А. Ревилемъ“. Эти двѣ коренныя ошибки обезцѣниваютъ, по мнѣнію составителя книги, разсужденіе Пикара.

Политическое значеніе антисемитскаго движенія прекрасно охарактеризовано у А. Маре. Онъ говоритъ: „чтобы отвлечь общественное мнѣніе и удобнѣе овладѣть республикой, клерикалы нашли для себя выгоднымъ навести народъ на ложный слѣдъ и воспользовались для этого непопулярностью евреевъ, думая тѣмъ самымъ поднять во мнѣніи столь-же непопулярныхъ іезуитовъ. Роденъ выдалъ Шейлока...“

Наиболѣе удовлетворительное и существенное объясненіе даетъ постановка вопроса на экономическую почву. Цѣлый рядъ писателей: Лоріа, Молинари, Шмеркинъ, Жидъ, Дюркгеймъ, Ломброзо, Ренаръ, Тавaресъ-де-Медейросъ, сходятся на томъ общемъ принципѣ, что въ основѣ занимающаго насъ явленія лежитъ соперничество интересовъ, борьба конкурренціи. Повторяется вѣчная исторія, которой, впрочемъ, не изучаютъ въ школахъ: борьба изъ-за наживы, прикрытая шумихой возвышенныхъ чувствъ и громкихъ идей; весь этотъ арсеналъ внѣшнихъ прикрасъ нуженъ съ единственной цѣлью—обмануть толпу. Вѣрить, что изгнаніе евреевъ можетъ измѣнить что-либо въ капиталистическомъ режимѣ, значитъ выказывать полное незнаніе процесса образованія и сущности этого режима. Концентрація капитала есть фактъ, существующій независимо отъ какихъ-бы то ни было доктринъ, этническихъ свойствъ и политическихъ формъ. Если нѣсколько евреевъ и захватили, допустимъ, значительнѣйшую часть капитала, то это доказываетъ только, что они просто достигли большаго совершенства въ сферѣ денежныхъ оборотовъ, а вовсе не означаетъ, что они создали самые денежные обороты, принявшіе въ своемъ развитіи извѣстныя формы. Изгоните евреевъ, и вы убѣдитесь, что въ цѣломъ все останется по прежнему.

Вся суть заключается въ капитализмѣ, а не въ чемъ иномъ.

Digitized by Google

Антисемитизмъ, который проповѣдуется теперь, есть только форма капиталистической конкурренціи.

Такова въ общихъ чертахъ сущность книги Анри Дагана. Собранныя въ ней данныя, отражающія взгляды и настроенія лучшихъ умовъ нашего времени, въ достаточной степени освѣщаютъ вопросъ о характерѣ поднятаго во Франціи похода противъ евреевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ ихъ отношеніи къ той завершившейся недавно трагедіи чести и совѣсти, къ которой такъ долго приковано было вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Е. Л.

Новыя книги.

Аркадій Прессъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1899.

Авторъ не въ первый разъ выступаетъ передъ читающей публикой. Года два назадъ г. Прессъ издалъ книжку „Сказокъ и разсказовъ". Это были небольшіе наброски, написанные вполнѣ литературно, но какъ-то такъ, какъ теперь уже не пишутъ. „На берегу моря... жилъ рыбакъ съ дочкой. Ее звали Гильгой... Я часто приходилъ на берегъ моря и, прислонясь къ соснѣ, часами любовался Гильгой. — Кто ты, странный человѣкъ? — спросила она однажды.—Я тотъ, кто любитъ все прекрасное, но кого никто не любитъ,—отвѣтилъ я"... И такъ далѣе. При чтеніи небольшого, довольно красиво написаннаго разсказа, вы чувствуете, что, въ сущности, Гильги не было, что никто не спрашивалъ: „кто ты, странный человѣкъ", и никому не отвѣчали: „я тотъ который" и т. д. Но вамъ всетаки вспоминается что-то такое, что когда-то, пожалуй, и было, какое-то настроеніе, если не изъ жизни, то изъ книжекъ временъ нѣмецкаго романтизма... Очевидно, г. Прессъ человѣкъ воспріимчивый, хотя бы и къ чужому настроенію, но такъ какъ это настроеніе всетаки чужое, то образы г. Пресса производили впечатлѣніе какихъ-то, пожалуй, и изящныхъ, но блѣдныхъ китайскихъ тѣней на туманномъ фонѣ.

Въ новой книжкѣ, которой заглавіе мы выписали выше, г. Прессъ обращается уже къ темамъ „изъ жизни". Тутъ есть судебный слѣдователь („Весна"), уѣздный и городовой врачи („Принципъ"), кандидатъ—вѣроятно на судебныя должности — („Своимъ трудомъ"), секретарь суда („Товарищи"). Есть профессоръ, истинный служитель науки, есть профессоръ шарлатанъ, есть жена, покупающая мужу-кандидату назначеніе цѣною позора

Digitized by Google

и т. д., и т. д. Но всетаки, по прочтеніи книжки г. Пресса остается опять впечатлѣніе, что и это все китайскія тѣни, отраженіе отраженія.

„Слѣдователь" г. Пресса является слѣдователемъ не только тогда, когда допрашиваетъ крестьянку Спиридонову, обвиняемую въ невѣрности мужу (такъ и хочется справиться, есть ли такая статья въ законахъ; оказывается есть...), но и тогда, когда ѣдетъ на острова и самъ становится невѣренъ женѣ. Г. Прессъ такъ и пишетъ: „*слѣдователя* охватила эта общая волна веселья" (14). Или въ другомъ разсказѣ: „*начальникъ* спустилъ окно вагона", „*начальникъ* поманилъ ее пальцемъ". Вообще герои этихъ разсказовъ г. Пресса не могутъ и не желаютъ отрѣшиться отъ своего оффиціальнаго положенія, какъ бы чувствуя, что это единственная нить, связывающая ихъ съ жизнью. Городовой врачъ беретъ взятки и старательно „отъ перваго лица" обрисовываетъ передъ читателемъ эту единственную черту своего характера. Отнимите у него взятку—и его нѣтъ. Секретарь суда ѣдетъ на дачу въ Финляндію (герои г. Пресса по большей части ѣздятъ на дачу въ Финляндію). Здѣсь онъ встрѣчаетъ жгучую брюнетку, заинтересовывается, влюбляется, прогуливается при лунѣ. Вообще романъ подвигается впередъ довольно быстро... Но вдругъ оказывается, что это — коварная дама изъ дѣла нумеръ такой-то, посягающая на секретарскій долгъ... Герой остается вѣренъ секретарскому долгу, и романъ испаряется. Не станемъ спорить: анекдотъ изъ секретарскаго быта, пожалуй, и возможный, но намъ все кажется, что всѣ эти случаи изъ секретарской, слѣдовательской, кандидатской жизни — въ дѣйствительности бываютъ какъ-то по иному. А какъ именно — авторъ, по видимому, и самъ никогда не видалъ, а только слышалъ.

Порой, когда авторъ оставляетъ почву этихъ назидательныхъ анекдотовъ, — онъ даетъ описанія довольно мило набросанныя, но уже совершенно безцѣльныя. Ѣдетъ, напр., разсказчикъ по желѣзной дорогѣ. Входитъ блондинка съ черными глазами. Потомъ является новый пассажиръ и лѣзетъ на верхнее мѣсто. Вечерѣетъ, вагонъ плохо освѣщенъ, верхній пассажиръ храпитъ, внизу между разсказчикомъ и его сосѣдкой завязывается маленькій вагонный флиртъ. На одной изъ станцій дама уходитъ. Но передъ уходомъ разсказчикъ зачѣмъ-то говоритъ ей, что онъ еврей. Онъ совсѣмъ не еврей, но дама терпѣть не можетъ евреевъ. „А васъ я всетаки люблю", говоритъ она. Разсказчикъ ѣдетъ дальше. Выспавшійся верхній пассажиръ слѣзаетъ, разсказчикъ знакомится съ нимъ, даже какъ будто дружится, но на прощаніе тоже говоритъ, что онъ еврей... И больше ничего. Повидимому, авторъ почувствовалъ безцѣльность этого описанія случайной поѣздки и пожелалъ приклеить къ нему „еврейскій вопросъ". Но никакой вопросъ не приклеился. Выводъ, кажется, только одинъ: тамъ,

Digitized by Google

гдѣ авторъ обличаетъ пороки и беретъ серьезныя темы, онъ по большей части суховатъ и безжизненъ, вѣроятно потому, что всего этого онъ еще не видалъ въ жизни. А то, что онъ самъ успѣлъ увидѣть и перечувствовать — еще слишкомъ мелко и не восходитъ ни къ чему значительному и общему. А изъ этого слѣдуетъ, въ свою очередь, что, хотя г. Прессъ написалъ уже двѣ книжки, но всетаки о немъ ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Нѣкоторая литературная способность,—еще такъ сказать не матеріализованная и не нашедшая точки приложенія. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что муза г. Пресса только и питалась, что разными „отраженіями", только и ѣздила, что по финляндской дорогѣ. Пожелаемъ автору большей широты наблюденія.

Райскій. Мечты и жизнь. Спб. 1899.

Если бы г. Райскій не дарилъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ литературу и не выпускалъ въ свѣтъ сборника своихъ разсказовъ, отъ этого, право никто-бы ничего не потерялъ. Читатель навѣрное и не замѣтилъ-бы отсутствія г. Райскаго на книжномъ рынкѣ,— хотя-бы потому, что гг. Райскихъ подвизается въ литературѣ больше, чѣмъ нужно; что-же касается насъ, рецензентовъ, то мы сказали-бы ему за это большое спасибо. Но, къ сожалѣнію, гг. Райскіе не могутъ серьезно отнестись къ задачамъ и нуждамъ печатнаго слова. Достаточно, воображаютъ они, между дѣломъ или отъ нечего дѣлать понюхать жизни, да поупражняться немного въ стилистикѣ, чтобы считать для себя двери литературы открытыми настежь. Вѣдь, званіе писателя, литератора, такъ почетно, а иногда даже и прибыльно! отчего-же не „попробовать", когда вмѣстѣ съ тѣмъ это такъ доступно! И вотъ, непрошенные гости толпами устремляются въ литературу, суетятся и шумятъ. Они сочиняютъ на разныя случайныя темы повѣстушки и разсказы, покороче да позанимательнѣе, составляютъ сборники и придумываютъ для нихъ заманчивыя заглавія. И ихъ читаютъ... отъ скуки, отъ нечего дѣлать. Читатель у нихъ тоже „не настоящій", литературой не интересующійся, случайный, уличный. Въ вагонѣ, на пароходѣ и т. п. мѣстахъ онъ наскоро поглощаетъ эти продукты досужей фантазіи и сейчасъ-же о нихъ забываетъ.

Говорить въ частности о книжкѣ г. Райскаго „Мечты и жизнь"— много не приходится. Эта книжка, не смотря на многообѣщающее заглавіе, представляетъ образчикъ скучной и пустой фельетонной болтовни,—скучной потому, что авторъ пытается быть серьезнымъ и не умѣетъ быть занимательнымъ. Содержаніе книжки, какъ и полагается, очень пестро. Тутъ „всякаго жита по лопатѣ", но больше всего, конечно, любви. „Любить, любить кого-бы то ни было и во что-бы то ни стало!—вопіетъ одна изъ героинь г. Рай-

Digitized by Google

скаго.—Цѣль моей жизни — любить! Всѣмъ сердцемъ и тѣломъ, всѣми нервами и мыслями я стремлюсь полюбить"... Но такъ какъ духовныя потребности у большинства персонажей г. Райскаго находятся въ зачаточномъ состояніи, то, понятно, они занимаются исключительно плотской любовью. Они ищутъ въ ней „могучаго наслажденія, безъ котораго вся жизнь — дымъ (!)". „Вихрь полнаго забвенія", „страстная истома", „кипучая жизнь каждаго нерва" — вотъ излюбленныя „мечты" г. Райскаго; а „жизнь" заключается въ томъ, что несчастнымъ эротоманамъ и эротоманкамъ, неудовлетвореннымъ своей парой, приходится перемѣнять любовниковъ. Помимо страстности, персонажи г. Райскаго обладаютъ еще однимъ похвальнымъ качествомъ—комильфотностью, и вы то и дѣло встрѣчаетесь у г. Райскаго съ указаніями на то, что его герои не какіе нибудь прохвосты, а люди „хорошо воспитанные". Предусмотрительность, нужно замѣтить, не лишняя, потому что досужій читатель на этотъ счетъ очень требователенъ. Ему можно поднести какую угодно пакость, но подъ благороднымъ соусомъ, съ отводомъ глазъ; ему нуженъ ярлычекъ, а лучшаго ярлычка, чѣмъ хорошее воспитаніе, и не выдумать: онъ какъ будто на что-то указываетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не опредѣляетъ. И нашъ авторъ широко пользуется этой неопредѣленностью. Вотъ, напр., сценка изъ разсказа „Ссора". Изящный кавалеръ пристаетъ на улицѣ къ незнакомой молодой дѣвушкѣ, „цинично смѣется", хочетъ „силой взять у нея свертокъ", а затѣмъ говоритъ ей: „клянусь, сударыня, не съ дурнымъ намѣреніемъ я предлагаю вамъ *на этотъ разъ* (!) свои услуги: позвольте мнѣ довести васъ до дому, я не оскорблю васъ ни однимъ словомъ"! Вы подумаете, конечно, что этотъ нахалъ, привыкшій къ легкому обращенію съ женщинами и не разъ, какъ видно, оскорблявшій ихъ на улицѣ, — самый обыкновенный пошлякъ, развратникъ и лгунъ. Но досужій читатель г. Райскаго этого не подумаетъ: онъ увѣренъ, что авторъ такими пошляками не занимается. И, дѣйствительно, вышеупомянутый уличный ловеласъ оказывается образцомъ честности и благородства. Онъ не только держитъ свое слово и не оскорбляетъ на этотъ разъ свою спутницу, но тутъ-же, на улицѣ, предлагаетъ ей вступить съ нимъ въ законный бракъ, на что „хорошо воспитанная" молодая дѣвушка сейчасъ-же соглашается. Развязный народецъ, нечего сказать!.. Но еще развязнѣе самъ авторъ, который воображаетъ, что всякій досужій молодецъ, не имѣя ни гроша за душой, можетъ взять въ полонъ литературу и что стоитъ ему, подобно Цезарю, придти и увидѣть, чтобы побѣдить.

Мы могли-бы здѣсь остановиться и поставить точку. Но мы боимся упрека въ невнимательности, а потому должны прибавить, что г. Райскій не вполнѣ безнадеженъ и кое-что обѣщаетъ въ будущемъ. Уже теперь, представляя изъ себя почти пустопорож-

Digitized by Google

нее мѣсто, онъ обзавелся нѣкоторымъ специальнымъ—пріятнымъ или непріятнымъ, смотря по вкусу—ароматомъ. Конечно, этотъ букетъ пока еще мало замѣтенъ и бьетъ въ носъ очень тонкой струей, но все-же даетъ о себѣ знать. Кое чѣмъ г. Райскій уже проникся вполнѣ: такъ, онъ—надежный патріотъ и ни за что не дастъ своего отечества въ обиду. Трудно удержаться отъ умиленія, когда, напр., нашъ авторъ, обуреваемый чувствомъ патріотической гордости, картинно рисуетъ мощь своей родины: „такъ слонъ, такъ левъ,—говоритъ онъ,—порой позволяетъ сосать свою кровь... паразитамъ (иностранцамъ), отъ этого не убывая въ вѣсѣ, въ расположеніи духа и не слабѣя". Это сильное мѣсто свидѣтельствуетъ о болѣе или менѣе самостоятельномъ отношеніи къ вопросу. За то въ другихъ случаяхъ г. Райскій проявляетъ меньше самостоятельности и пишетъ больше по наслышкѣ. Слышалъ онъ, напр., что образованіе вещь вредная для народа и къ добру не ведетъ,—и сейчасъ-же сочиняетъ трогательный разсказъ о томъ, какъ одна учительница, не довольствуясь грамотой и духовно-нравственными „начатками", стала давать крестьянскому парню книжки для чтенія и что изъ этого вышло. Парень спился и черезъ много лѣтъ, умирая, проситъ бывшую учительницу пріютить его сынишку, при чемъ прибавляетъ: „только книжекъ этихъ самыхъ вы ему не давайте ни теперь, ни послѣ, потому на нихъ много накаплено слезъ моихъ". Оканчивается разсказъ приглашеніемъ не повторять „ошибки". Въ другомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о „нигилистахъ". Кто напугалъ нашего г. Райскаго этимъ страшнымъ словомъ,—мы не знаемъ; но испугался г. Райскій, очевидно, не на шутку. Не разузнавши толкомъ, какіе такіе нигилисты и существуютъ-ли они вообще, онъ спѣшитъ ударить этого самаго нигилиста камнемъ и облить его грязными помоями: не будь, дескать, такой-сякой, нигилистомъ и не наводи страха на мирныхъ обывателей! Въ поученіе читателю разсказывается исторія одной мечтательной барышни, составленная въ формѣ письма, полученнаго ею отъ другой барышни-немечтательной. „Твоя головка была полна такими смѣлыми и обширными планами,—говоритъ трезвая барышня,—что они даже не шли къ твоей миніатюрной, кроткой фигуркѣ. О чемъ ты мечтала, ужъ я и не помню, только тутъ были и человѣчество, и свобода, и равенство. Все это было очень смутно, спутанно" и, пожалуй, такимъ-же смутнымъ и спутаннымъ и осталось-бы, если-бы на грѣхъ не подвернулся „какой-то нигилистъ-учитель". „Изъ твоихъ писемъ въ этотъ періодъ—продолжаетъ г. Райскій, пріютившись за спиною дѣвицы-корреспондентки—я поняла, что надъ тобой сильно работали, чтобы развить зародыши тѣхъ качествъ, которыя были въ тебѣ съ дѣтства. Смутные идеалы становились все опредѣленнѣй, сбрасывая одну за другой одежды, скрывавшія ихъ неприглядную наготу. Въ каждомъ письмѣ ты была все рѣзче, вульгарнѣй, твои насмѣшки надо

Digitized by Google

мной и надъ тѣмъ строемъ жизни, въ которомъ мы обѣ родились и воспитывались, подчасъ были даже циничны. Намеки на свободу и равенство мужчинъ съ женщинами заставляли меня краснѣть. Я испугалась, я хотѣла ѣхать спасать тебя... Но спасъ тебя самъ Богъ. Твой краснорѣчивый проповѣдникъ оказался грязнымъ Донъ-Жуаномъ и его выгнали". Недурно, не правда-ли? Тонъ взятъ увѣренный, и иному читателю, мало знакомому съ жизнью и литературой, не придетъ и въ голову, что развязный авторъ „Письма" никогда не наблюдалъ своего „нигилиста-учителя", а поетъ съ чужого голоса. Продолжайте, г. Райскій, продолжайте въ томъ-же духѣ,—авось что-нибудь да выйдетъ! Работайте на пользу дорогого отечества и на страхъ его врагамъ:—это занятіе, во всякомъ случаѣ, гораздо интереснѣе набившихъ оскомину описаній адюльтера.

Еще одинъ совѣтъ. Если г. Райскому вздумается со временемъ выпустить въ свѣтъ еще одну серію разсказовъ, — уже не просто досужія „мечты", а какія-нибудь патріотическія „грезы",—ему надлежало-бы заблаговременно обратить серьезное вниманіе на русскій языкъ и заплатить ученическую дань русской грамматикѣ. О размѣрахъ этой дани читатель можетъ судить по слѣдующимъ образцамъ. „Жена уѣзднаго врача—пишетъ, напр., г. Райскій—съ 1½ тыс. содержанія при готовой квартирѣ, не мечтала въ будущемъ для себя *ничего болѣе* кромѣ здоровья мужа и дѣтей". Школьниковъ заставляютъ нѣсколько разъ переписывать сдѣланныя ими ошибки, но эта система, очевидно, не выдерживаетъ критики: г. Райскій написалъ цѣлую книжку съ „мечтами" и всетаки не знаетъ, что глаголъ „мечтать" ставится съ предлогомъ. И не только этого онъ не знаетъ. Той-же женѣ, мечтавшей здоровья и т. д., вмѣстѣ съ тѣмъ бывало досадно *„на мужа, которому не дадутъ отдохнуть"*. Бѣдный мужъ! Онъ и безъ того ругаетъ своихъ паціентовъ „подлецами" за то, что они его паціенты, и на него-же еще досадуютъ. Недурны у нашего автора и такія выраженія, какъ „подали *себѣ* руки", „завоевательница *мужчиныхъ* орденовъ, чиновъ", „задушить *отъ* поцѣлуевъ" и пр.

Такъ-же нельзя, г. Райскій! — вѣдь вы, какъ-никакъ, „сочинитель", а не ученикъ приходской школы...

В. О. Іорданъ. Крушеніе. XX разсказовъ, очерковъ, сценокъ. Москва. 1899.

Два десятка „разсказовъ, очерковъ и сценокъ" г. Іордана представляютъ собою такой же литературный мусоръ, какъ „Мечты и Жизнь" г. Райскаго. Оба эти писателя, собственно говоря, одной и той же пробы и во многомъ родственны другъ другу. У нихъ одинаково легкое отношеніе къ литературѣ и общая горь-

Digitized by Google

кая участь литературныхъ эфемеридъ; оба они не грѣшатъ основательнымъ знакомствомъ съ жизнью и не интересуются никакими „вопросами". И читатель у нихъ общій,—тотъ досужій читатель, безъ мысли въ головѣ и безъ желанія въ душѣ, нетребовательность котораго способствуетъ размноженію многаго множества литературныхъ подёнокъ. Но есть между ними и разница. Г. Іорданъ проще и понятнѣе г. Райскаго, обнаруживаетъ меньше претензій и надѣленъ отъ природы менѣе пылкимъ темпераментомъ, чѣмъ его собратъ по перу. Вы не встрѣтите у г. Іордана ни лирическихъ порывовъ, свойственныхъ его собрату, ни такихъ, напр., поэтическихъ оборотовъ, какъ „назрѣвшія звѣзды, распространяющія по небу свѣтлую опухоль". Нашъ авторъ твердо помнитъ, что онъ — писатель, и твердо придерживается грамматическихъ правилъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хорошо знаетъ, что писатель онъ уличный, и потому не „мечтаетъ", не мудрствуетъ лукаво, а... репортерствуетъ.

Не желая терять времени на любовныя и всякія другія мечты, г. Іорданъ наблюдаетъ жизнь. Онъ пробѣгаетъ отдѣлы хроники въ газетахъ и юмористическіе журналы, участвуетъ въ уличныхъ сборищахъ, слушаетъ анекдоты въ кругу пріятелей и вояжируетъ по пригороднымъ дачамъ, занося въ памятную книжку всѣ свои „наблюденія". И книжечка, конечно, быстро заполняется разными полицейскими протоколами и судебными отчетами, всевозможными „истинными происшествіями", „былями", „этюдами съ натуры", „уличными сценками", „разсказами знакомыхъ" и т. п. жизненными документами, составляющими легкій, разнообразный и любимый досужей публикою матеріалъ для чтенія. А затѣмъ изъ этого матеріала приготовляется мелкая окрошка, которая и преподносится читателю за цѣлковый въ качествѣ hors-d'oeuvr'a. Чего-чего тутъ только нѣтъ! Обо всемъ докладываетъ г. Іорданъ, и читатель, незнакомый съ жизнью и не заглядывающій въ газеты, можетъ обогатить себя солиднымъ запасомъ „разныхъ свѣдѣній".

Онъ узнаетъ, напр., что въ Москвѣ существуютъ организованныя шайки для разграбленія богатыхъ домовъ, и что тамъ же молодыя мастерицы въ волнахъ Москвы-рѣки ищутъ избавленія отъ каторжной жизни; узнаетъ еще, что молодые ловеласы большіе охотники до чужихъ женъ, что цыгане крадутъ дѣтей, оставляемыхъ безъ присмотра, а неосторожные посѣтители конскихъ скачекъ становятся жертвами тотализатора; узнаетъ, наконецъ, о томъ, какъ Петръ Ивановичъ попалъ впотьмахъ въ приготовленную для покойника могилу, въ которой находился козелъ, и что изъ этого вышло; какъ Титъ Африканычъ за утреннимъ чаемъ вытаскивалъ изъ подъ кушетки любителя клубнички, или какъ другой любитель — „натуры", почтенный семьянинъ, ухитрялся фотографировать изъ укромнаго уголка купающихся въ костюмѣ

Digitized by Google

Евы дачницъ. Многое узнаетъ читатель изъ книжки г. Іордана, но одного онъ никогда не пойметъ: какое все это имѣетъ отношеніе къ литературѣ? И скажетъ, пожалуй, досужій читатель: „однако, не трудно же быть писателемъ, — не попробовать ли?“

Мы бы посовѣтовали г. Іордану перестать писать „разсказы, очерки, сценки“, потому что изъ этого ничего не выходитъ: — для того, чтобы посмѣшить и поразвлечь, тоже нуженъ бываетъ талантъ. Если же г. Іорданъ не хочетъ бросать литературу, то отчего бы ему не остановиться на публицистикѣ? Въ сборникѣ его есть одинъ разсказъ „изъ быта малолѣтнихъ работницъ“, проникнутый горячимъ участіемъ къ печальной долѣ этихъ несчастныхъ малолѣтнихъ труженицъ. Не лучше ли, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сажать въ ямы козловъ и описывать фотографовъ-любителей съ ихъ коллекціями голыхъ женщинъ, — не лучше ли знакомить читателей съ бытомъ малолѣтнихъ и взрослыхъ тружениковъ и обстановкой ихъ труда, раскрывая глаза не видящимъ, заставляя слушать имѣющихъ уши? Тема эта жизненная и благодарная, польза отъ этого будетъ несомнѣнная. Но если мы не туда попали, не по тому адресу обратились, — беремъ обратно свой совѣтъ.

Александръ Березинъ. Одинокій трудъ. Статья и стихи. М. 1899.

„Статья“ г. Александра Березина, какъ онъ громко называетъ пять страничекъ предисловія, носитъ еще болѣе громкое названіе: „Я обвиняю“. Эмиль Золя озаглавилъ свое знаменитое письмо „Я обвиняю“, г. Березинъ—тоже. Обвиняетъ онъ русскихъ читателей, издателей и, въ особености, критиковъ въ непочтительномъ отношеніи къ русской поэзіи. Напримѣръ, „вспомните первый сборникъ Добролюбова и какъ смѣли надъ нимъ глумиться жалкіе фразеры! Успокойтесь, ревнители,—съ убійственно-патетическою ироніей прибавляетъ г. Березинъ,—больше онъ не пишетъ. Вы доканали его, лишили Россію мощнаго поэта“. Если не ошибаемся, г. Добролюбовъ есть авторъ знаменитаго однострочнаго стихотворенія: „О, закрой свои блѣдныя ноги!“ Можетъ быть, впрочемъ, мы ошибаемся, и стихотвореніе это принадлежитъ перу другого мощнаго поэта, г. Брюсова. О послѣднемъ г. Березинъ отзывается такъ: „Читая сборники В. Брюсова, я почувствовалъ его сильный и первобытный талантъ, но навѣрно и его заклевали наши присяжные критики, какъ заклевываютъ они весь цвѣтъ нашей родной поэзіи“. Вообще, положеніе русской поэзіи ужасно: „Рѣдко развѣ промелькнетъ имя Бальмонта и обрадуешься душой, но, къ сожалѣнію, рѣдко видишь его на страницахъ журналовъ. Минскій, Мережковскій и г-жа Гиппіусъ, послѣ прекращенія „Сѣвернаго Вѣстника“, не печатались долго нигдѣ и появились снова лишь въ этомъ году,

Digitized by Google

въ новшествующемъ „Мірѣ искусства“ и въ марксистскомъ „Началѣ“. Ѳ. Сологубъ печатается лишь въ мелкихъ газетахъ“...

Да, когда величіе вынуждено искать пристанища въ мелкихъ газетахъ, а мощные поэты заклевываются ничтожными критиками,—дѣло, очевидно, плохо. Г. Березинъ, самъ поэтъ, натурально принимаетъ это близко къ сердцу и—„обвиняетъ“. Но онъ не только обвиняетъ, а и предъявляетъ образцы собственной поэзіи, въ духѣ погибшихъ гг. Брюсова и Добролюбова. Это съ его стороны тѣмъ болѣе самоотверженно, что онъ знаетъ ожидающую его участь: „я убѣжденъ,—говоритъ онъ,—что мои произведенія постигнетъ участь сгнить на полкахъ книжныхъ торговлей“. Но онъ былъ бы счастливъ, если бы „хоть пять“ экземпляровъ его книжки „попало въ надлежащія руки, въ руки истинныхъ поэтовъ, которые—говоритъ онъ—могли бы найти въ моихъ стихахъ утѣшеніе въ своемъ одиночествѣ“.

Страшась грозныхъ „обвиненій“ г. Березина, мы уклоняемся отъ разбора его произведеній и довольствуемся предъявленіемъ двухъ образчиковъ того „утѣшенія“, которое „истинные поэты“ найдутъ въ „Одинокомъ трудѣ“.

ГРОМАДНЫЯ ПТИЦЫ.

Лишь только дрожащія тѣни
Проснутся надъ зыбью пруда,
Я полонъ живыхъ сновидѣній
Къ кладбищу ступаю—всегда.

—

Мнѣ кажется, словно съ тѣнями
Тогда я какъ братъ говорю;
И шорохъ растетъ межъ кустами
И рѣчь повторяетъ мою.

—

На вѣтвяхъ громадныя птицы
Застыли какъ тѣни тѣней;
И дремлютъ устало гробницы
Подъ черною тѣнью вѣтвей.

—

И я, проходя межъ гробами,
Ужасенъ для птицъ какъ судьба;
Угрюмо взмахнувши крылами,
Онѣ улетаютъ—всегда.

—

Тогда я сижу на гробницѣ,
Весь полонъ Тобою одной
И звуки пишу на страницѣ,
Исчерченной свѣтлой луной.

—

Я камень холодный ласкаю
И плачу, какъ плакалъ тогда,
И грезы *Твои* повторяю—
И вновь оживаютъ года.

—

И плещутъ живительно струи
Моей ослабѣвшей мечты.

Digitized by Google

И слышатся вновь поцѣлуи,
И снова чернѣютъ кресты.

—

У ночи безмолвно угрюмой
Мы счастье свое сберегли
И нашей мистической думой
Разбили преграды земли...

—

А ночь какъ блудница рыдаетъ,
Отбросивъ покровы свои,
И солнце на небо всплываетъ,
И меркнутъ въ молчаньи шаги.

—

И тихо качая крылами
Вновь птицы къ Тебѣ прилетятъ
И вновь надъ нѣмыми гробами
Намъ общую тайну хранятъ.

ЗМѢИНАЯ ЛЮБОВЬ.

Роща застыла осинная.
Въ солнечныхъ, свѣтлыхъ лучахъ
Искрится шкурка змѣиная;
Тихо лоснится на мхахъ.

—

Дума таится змѣиная
Въ яркихъ змѣиныхъ очахъ;
Тѣло съ чешуйками, длинное,
Тихо дрожитъ на камняхъ.

—

Что-то теперь подымается,
Что-то теперь извивается,
Къ самкѣ ползетъ межъ камней.

—

Страстно къ змѣѣ прижимается,
Съ нею, какъ будто, сливается,
Съ нею, съ подругой своей...

Эрнстъ Гроссе. Происхожденіе искусства. Пер. съ нѣмецкаго А. Е. Грузинскій. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1899.

Книга Гроссе производитъ двойственное впечатлѣніе. Авторъ видитъ въ своей работѣ первый опытъ и значеніе ея полагаетъ не столько въ отвѣтахъ, которые даны въ ней, сколько въ вопросахъ, которые она ставитъ. „Кто пускается въ область, никѣмъ еще серьезно не обслѣдованную, не можетъ разсчитывать на многочисленые цѣнные выводы; онъ можетъ быть доволенъ, если ему удастся открыть къ нимъ дорогу“. Достаточно небольшого знакомства съ литературой предмета, чтобы эти заявленія при всей ихъ внѣшней скромности показались весьма неожиданными. Работа Гроссе посвящена не столько происхожденію искусства—онъ самъ полагаетъ, что „художественное стремленіе, можетъ быть, существовало раньше самого человѣчества“,—сколько раннимъ ступенямъ его развитія; матеріаломъ для обобщеній въ этой области служатъ ему факты изъ жизни такъ называемыхъ

Digitized by Google

первобытныхъ современныхъ народностей. Въ этомъ пріемѣ, какъ видитъ читатель, нѣтъ по существу ничего новаго; не говоря о всѣмъ извѣстныхъ соціологическихъ трудахъ англійскихъ мыслителей, достаточно указать на многочисленныя „Эволюціи“ Летурно, чтобы напомнить автору о его предшественникахъ. Скороспѣлая „Эволюція литературы“ Летурно, правда, гораздо поверхностнѣе осторожной работы Гроссе, не торопящагося съ рѣшительными выводами; однако, считать послѣ всего этого свою работу первымъ опытомъ ему не приходится.

Но у него есть еще другіе предшественники, къ которымъ онъ не только невнимателенъ, но и несправедливъ — и несправедливъ къ своему вреду. Это—тѣ историки искусства, которые, не выдавая своихъ историческихъ изслѣдованій за теоретическія построенія, внесли много новаго въ теорію различныхъ искусствъ; это тѣ психологи, которые, изучая элементарныя эстетическія чувствованія, пролили нѣкоторый свѣтъ на болѣе сложные художественные процессы; это, наконецъ, и тѣ создатели умозрительныхъ эстетическихъ системъ, произведенія которыхъ имѣютъ— въ противоположность мнѣнію Гроссе — не одинъ историческій интересъ, хотя-бы потому, что при всѣхъ промахахъ переполнены тонкими и основательными замѣчаніями. „Если наука объ искусствѣ познакомила насъ съ нѣкоторыми изъ законовъ, которые движутъ, повидимому, непостижимымъ и произвольнымъ развитіемъ искусства, она дала намъ все, чего только можно отъ нея требовать: она отвоевала у безплоднаго моря пустыхъ умозрѣній новую область, на которой человѣческій умъ можетъ твердо стоять, сѣять и пожинать плоды. Кусокъ воздѣланной почвы, конечно, — скудная замѣна тѣхъ таинственныхъ сокровищъ, какія обѣщала своимъ адептамъ прежняя философія искусства. Но научное объясненіе и непохоже на метафизическое освѣщеніе предмета,—оно остается на реальной поверхности вещей, не проникая въ трансцендентальную глубь“. Есть, однако, другія глубины, о существованіи которыхъ какъ будто и не подозрѣваетъ авторъ и о которыхъ онъ могъ кой что узнать у своихъ забытыхъ предшественниковъ. Онъ не разъ остается „на реальной поверхности“, не затрагивая корней предмета или ложно представляя ихъ. Онъ находитъ возможнымъ написать цѣлую книгу о происхожденіи искусства, цѣликомъ основанную на извѣстномъ пониманіи эстетическихъ чувствованій, и лишь въ самомъ концѣ ея, въ подстрочномъ примѣчаніи заявить мимоходомъ: „анализъ художественныхъ стремленій стоитъ внѣ нашей задачи; онъ входитъ въ психологическую часть науки объ искусствѣ“— какъ будто въ наукѣ объ искусствѣ есть что нибудь, что-бы не относилось къ психологіи. Онъ не разъ касается взаимоотношенія индивидуальнаго и соціальнаго элементовъ въ изученіи искусства—и ни разу не позволяетъ заподозрить, что онъ принялъ во

Digitized by Google

вниманіе тѣ данныя, которыя выработаны по этому вопросу хотя бы исторіей литературы. „Задача науки объ искусствѣ состоитъ въ описаніи и объясненіи явленій, входящихъ въ область, называемую искусствомъ“. Эта задача является въ двухъ видахъ—въ формѣ индивидуальной и формѣ соціальной. „Изученіе искусства индивидуальнаго состоитъ въ томъ, чтобы понять отдѣльное художественное произведеніе или творчество отдѣльнаго художника, прослѣдить закономѣрныя отношенія, существующія между отдѣльнымъ художникомъ и его индивидуальнымъ произведеніемъ, объяснить художественное творчество, какъ закономѣрный продуктъ художнической индивидуальности, работающей подъ извѣстными условіями“. Это чрезвычайно трудно—вслѣдствіе недостаточности матеріала. Скудость біографическихъ данныхъ для пониманія Шекспира и иныхъ великихъ художниковъ,—вотъ тотъ мостикъ, который, по мнѣнію автора, связываетъ два метода изученія искусства. „При невозможности объяснить индивидуальный характеръ произведенія изъ личныхъ особенностей художника, дѣло можетъ идти лишь о томъ, чтобы свести общій характеръ взятыхъ во времени и пространствѣ группъ явленій искусства къ характернымъ чертамъ цѣлаго народа или цѣлой „эпохи“. Вотъ оно какъ просто. Но на самомъ дѣлѣ все это и не такъ просто и не такъ ясно. „Соціологическая форма изученія“ примѣняется къ изслѣдованію продуктовъ индивидуальнаго искусства не faute de mieux, не по печальной необходимости, а потому, что отношеніе элементовъ групповаго и личнаго во всякомъ искусствѣ—и соціальномъ и индивидуальномъ — гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется автору, и потому, что вопросъ объ этомъ отношеніи—одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ теоріи искусства. „Соціологическія“ изученія возможны и необходимы не только въ области безымяннаго народнаго творчества, но и тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ самымъ индивидуальнымъ произведеніемъ обособленной и съ виду ничѣмъ не обузданной фантазіи. Соціологія искусства не только въ исключительной вознѣ съ папуасами и андаманцами, но еще— и прежде всего—въ постиженіи и оцѣнкѣ общенародныхъ, групповыхъ мотивовъ и образовъ въ индивидуальномъ искусствѣ. Понять, что есть личнаго въ тѣхъ твореніяхъ искусства, которыя мы когда-то считали стихійными, массовыми и, наоборотъ, приблизится къ тайнѣ личнаго творчества, отдѣляя отъ его продуктовъ то, что въ нихъ есть чужого, общаго, безличнаго — вотъ задача, стоящая предъ современнымъ историкомъ и теоретикомъ искусства. Этнологическій методъ можетъ быть здѣсь полезенъ, но вѣдь онъ только методъ и приписывать ему какую-то творческую силу нелѣпо. Авторъ горячо нападаетъ на всѣхъ теоретиковъ, которые, ознакомившись основательно съ европейскимъ искусствомъ, позволили себѣ высказать нѣсколько мыслей объ искусствѣ вообще, — удивительная смѣлость со стороны людей,

Digitized by Google

изучившихъ Рембрандта, Шекспира и Бетховена и имѣющихъ весьма слабое представленіе объ австралійской орнаментикѣ и бушмэнской музыкѣ. Но самъ авторъ—и съ полнымъ правомъ—замѣчаетъ, что „какъ бы странны и анти-художественны ни казались на первый взглядъ формы первобытнаго искусства, изслѣдуя ихъ ближе, мы всякій разъ открываемъ, что онѣ подчинены тѣмъ-же самымъ законамъ, которыя управляютъ и высшими твореніями искусства". Чего-же еще? Если автору удалось путемъ долгихъ изысканій въ области этнологии лишь провѣрить то, что добыто изслѣдованіями высшихъ формъ искусства, то что значили его нападки на Тэна, Геннекена, Гюйо и другихъ? Не были-ли они правы, говоря объ искусствѣ *вообще*? Въ чемъ они погрѣшили противъ первобытнаго искусства?

Наоборотъ, самого Гроссе можно не разъ упрекнуть въ странномъ невниманіи къ высшимъ формамъ искусства, и это вводитъ его въ ошибки, которыхъ можно было бы избѣгнуть при болѣе близкомъ знакомствѣ съ соотвѣтственной литературой. Таково, напримѣръ, недоразумѣніе, которое мы имѣли уже случай отмѣтить при появленіи книги Гроссе въ оригиналѣ. Съ обычной тенденціей къ разрушенію предразсудковъ, укоренившихся въ наукѣ, нѣмецкій писатель отвергаетъ общепринятое мнѣніе о сравнительно болѣе позднемъ появленіи драмы. „Драматическая форма большинствомъ историковъ литературы и эстетиковъ считается за наиболѣе молодой видъ поэзіи; но можно съ извѣстнымъ правомъ утверждать, наоборотъ, что она древнѣе всѣхъ прочихъ формъ. Особенность драмы состоитъ въ томъ, что въ ней событіе изображается одновременно помощью языка и мимики. Но въ такомъ случаѣ почти всякій первобытный разсказъ есть драма, такъ какъ разсказчикъ, не довольствуясь простой словесной передачей, всегда оживляетъ рѣчь соотвѣтственными интонаціями и жестами,—т. е. изображаетъ событіе драматически". Вотъ пріемъ, которымъ можно, дѣйствительно, доказать и опровергнуть все, что угодно. Дѣло въ томъ, что историки литературы смотрѣли на драму глубже и видѣли въ ней не только соединеніе словъ съ жестами, но и извѣстное содержаніе. Примитивная драма есть „драматическое дѣйствіе безъ драмы"—и никто не выражалъ сомнѣній въ древности этой формы; наоборотъ, она считалась ячейкой, изъ которой дифференцировались поэтическіе роды. Но драма, какъ поэзія личности, какъ вѣнецъ личнаго поэтическаго творчества, есть созданіе позднѣйшей эпохи. Изъ старинной формы хорового обряда она беретъ лишь внѣшнюю структуру, но центръ тяжести перешелъ въ ней отъ событія къ человѣку, къ его внутренней жизни, къ его борьбѣ съ другими, къ тѣмъ трагическимъ положеніямъ, въ которыя его ставятъ противорѣчія личныхъ мотивовъ и общественной традиціи. Вотъ о какой драмѣ говорили тѣ, которые считаютъ ее позднѣйшей формой, а не о хоровыхъ

Digitized by Google

представленіяхъ первобытной общины. Столь-же поверхностными кажутся намъ попытки Гроссе доказать, что „три главные рода поэзіи не образовались первоначально въ процессѣ высшаго культурнаго развитія изъ такъ называемой недифференцированной первобытной поэзіи, но существовали *во всемъ своеобразіи* уже на низшихъ ступеняхъ культуры“.

Но какъ ни относиться къ пріемамъ автора, знакомство съ его книгой не лишне для того, кто интересуется вопросами теоріи искусства. Фактовъ въ книгѣ Гроссе собрано во всякомъ случаѣ много, и большинство ихъ настолько ярко, что стоитъ вывода, да и приводитъ подчасъ къ выводу, хотя-бы не совсѣмъ такому, какой сдѣланъ авторомъ.

Карлъ Гроосъ. Введеніе въ эстетику. Переводъ съ нѣмецкаго А. Гуревича, подъ редакціей Л. А. Ава. Изд. Іогансона. Кіевъ—Харьковъ, 1899.

Ю. Мильталеръ. Что такое красота? Введеніе въ эстетику. Пер. съ нѣмецкаго З. А. Венгеровой (Образовательная Библіотека, изд. О. Н. Поповой). Спб. 1899.

Длинный рядъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, посвященныхъ у насъ за послѣднее время эстетикѣ, знаменуетъ не столько какой-нибудь особенный подъемъ интереса къ вопросамъ искусства, сколько, такъ сказать, перемѣщеніе центра тяжести этого интереса. Въ сущности, онъ не покидалъ нашего читателя никогда, главнымъ образомъ потому, что былъ формой, въ которую выливались иные интересы. Это положеніе вещей нѣсколько измѣнилось: по прежнему ломаются копья изъ-за вопросовъ чистаго и утилитарнаго искусства—вопросовъ этики по преимуществу,—но результаты научнаго изслѣдованія искусства, добытые опытной наукой на западѣ, понемногу становятся извѣстны и у насъ, и искусствомъ начинаютъ интересоваться съ чисто теоретической точки зрѣнія. Искусство есть прежде всего особый методъ мышленія, и, какъ таковой, онъ привлекаетъ все большее вниманіе изслѣдователя. Наука объ искусствѣ вышла изъ тисковъ метафизической формалистики и стала психологической дисциплиной, пока еще не дающей рѣшеній, но лишь ставящей вопросы, въ высшей степени важные и сложные. Она уже не начинается съ самоувѣренныхъ, категорическихъ опредѣленій: наоборотъ, она кончается робкими попытками объяснить нѣкоторые душевные процессы, которые старая схоластическая эстетика такъ смѣло обрабатывала въ формѣ неизмѣнныхъ категорій.

Книга базельскаго профессора Грооса принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ попыткамъ свести воедино новѣйшія воззрѣнія на сущность искусства. Авторъ предупреждаетъ, что читатель не

Digitized by Google

найдетъ въ его книгѣ популярнаго обзора всей области эстетики—задача „Введенія“ уже, но самостоятельнѣе: изслѣдованіе и опредѣленіе важнѣйшихъ основныхъ положеній науки. Два исходныхъ понятія, которыя авторъ кладетъ въ основаніе своихъ разсужденій—*эстетическая видимость* (наиболѣе подходящая передача термина Schein) и *внутреннее подражаніе*—не имъ введены въ эстетику, но имъ выдвинуты на первый планъ и опредѣлены съ достаточной ясностью. Онъ настаиваетъ также на принципіальномъ различіи понятій „прекраснаго“ и „эстетическаго“—различіи, важность котораго трудно преувеличить и сознаніе котораго избавило-бы графа Л. Н. Толстого отъ многихъ недоразумѣній. „Художники вовсе не имѣютъ надобности ограничиваться однимъ прекраснымъ, говоритъ Гроосъ;—для нѣкоторыхъ отраслей искусства даже прямо гибельно, если онѣ посвящаютъ себя одностороннему культу красоты; искусство тогда уклоняется отъ правды, вырождается въ манерность и въ концѣ концовъ теряетъ и то, къ чему оно такъ односторонне стремилось,—совершенную красоту“. Вопросъ объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности рѣшается авторомъ такимъ образомъ: созданіе художественнаго подражанія не есть точная копія, „двойникъ“ матеріально существующаго. Яблоко реальное и яблоко нарисованное—величины несравнимыя, потому что художественное изображеніе воспроизводитъ не внѣшній міръ, а внутренній его образъ, субъективный взглядъ на него. Нельзя сравнивать типы на улицѣ съ типами на картинѣ: на улицѣ нѣтъ типовъ, какъ нѣтъ на ней законовъ природы, какъ нѣтъ вообще никакихъ обобщеній, а есть лишь разрозненныя явленія: типы есть только въ нашей мысли—и создавать ихъ насъ научило искусство. „Художественное произведеніе какъ будто обращается къ не-художнику съ слѣдующими словами: *такъ* долженъ ты созерцать вещи, если хочешь получить законченное эстетическое наслажденіе!.. смотри сюда и учись у художника, какъ надо разсматривать природу!“

Интересны и знаменательны воззрѣнія Грооса на отношенія искусства къ морали. По первому впечатлѣнію онъ можетъ показаться сторонникомъ самодовлѣющаго искусства для искусства. Онъ находитъ, что искусство само по себѣ совершенно равнодушно къ морали; онъ не соглашается съ тѣми, которые охотно желали-бы прямо или косвенно подчинить искусство морали: прямо,—выставляя мораль съ ея завѣтами властелиномъ надъ искусствомъ; косвенно,—пытаясь представить дѣло въ такомъ видѣ, будто искусство въ концѣ концовъ уже само по себѣ гармонируетъ съ моралью“. Но эта защита свободы искусства на самомъ дѣлѣ не имѣетъ ничего общаго съ оправданіемъ безцѣльнаго или безнравственнаго искусства; наоборотъ, значеніе моральнаго элемента лишь усиливается въ той роли, какую ему отво-

Digitized by Google

дитъ авторъ: „отношеніе искусства къ морали состоитъ отнюдь не въ внутреннемъ тождествѣ понятій добра и красоты, а только въ томъ, что какъ нравственныя, такъ и эстетическія чувства принадлежатъ одному и тому-же индивидууму; ихъ точкой соприкосновенія является нелогическая общность, а единый живой человѣкъ“. Можно быть или не быть художникомъ, но должно быть человѣкомъ—вотъ теоретическое обоснованіе знаменитаго стиха Некрасова: „Поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ“.

Большая половина книги Грооса занята изученіемъ эстетическихъ формъ,—модификацій, какъ ихъ называетъ авторъ въ оригиналѣ,—прекраснаго, безобразнаго, возвышеннаго, трагическаго и комическаго. По существу здѣсь еще меньше новаго, чѣмъ въ двухъ первыхъ частяхъ, но и здѣсь многое проведено ярче и опредѣленнѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Особенно интересенъ и тонокъ основательный анализъ ходячихъ опредѣленій прекраснаго.

Гораздо менѣе оригинальна и болѣе поверхностна книжка Мильталера, хотя, надо отдать ей справедливость, она также далека отъ произвольныхъ фантазій дедуктивной эстетики, какъ и работа Грооса. Убѣжденный послѣдователь такъ называемой Канто-Спенсеровской теоріи, сближающей эстетическое наслажденіе съ игрой, авторъ отнесся къ этой теоріи съ пыломъ неофита, не всегда ясно разбирающагося въ томъ, во что онъ такъ горячо увѣровалъ. Теорію игры принимаетъ во всей полнотѣ и Гроосъ, но даетъ ей новыя основанія, тогда какъ авторъ „Загадки красоты“—такъ называется книжка Мильталера въ оригиналѣ,—смотря на свою теорію снизу вверхъ, едва-ли можетъ дать о ней опредѣленное представленіе человѣку непосвященному. Но онъ знакомъ съ литературой своей науки, хорошо усвоилъ нѣкоторые ея элементы и—это необходимо оттѣнить сильнѣе—хорошо понимаетъ, какой методъ можно считать единственно плодотворнымъ въ изученіи искусства.

Обѣ книжки хорошо переведены.

Жоржъ Блондель. Экономическій подъемъ Германской Имперіи. Перев. съ франц. Г. Абрамова. Съ предисл. Н. Березина. Спб.—М. 1899.

„Молодая“ Германія, относительно которой въ нѣмецкой литературѣ до сихъ поръ ведутся оживленные дебаты на тему о томъ, должна ли она стать „Industriestaat'омъ“, или же ей суждено оправдать надежды и чаянія аграріевъ, — эта Германія не на шутку развиваетъ свои промышленныя силы. Неудивительно, что книга Уильямса „Made in Germany“, этотъ, по вѣрному замѣчанію Блонделя, „крикъ патріотической скорби“, произвела

Digitized by Google

сенсацію въ Англіи. Не могли не призадуматься надъ грядущими результатами выступленія на арену міровой торговли новаго опаснаго соперника и во Франціи. Жоржъ Блондель, извѣстный знатокъ экономическаго быта Германіи, и посвятилъ этому предмету изслѣдованіе, появившееся недавно во 2-мъ изданіи.

Переведенная теперь на русскій языкъ, брошюрка представляетъ, какъ видно, гдѣ-то произнесенную Блонделемъ рѣчь, построенную въ общемъ по плану этого большого изслѣдованія. Въ ней авторъ пытался „дать представленіе объ экономическомъ развитіи Германіи съ 1870 г.“ и затѣмъ указать „основныя причины, объясняющія этотъ прогрессъ“ (7). Нельзя сказать, чтобы эти двѣ задачи получили удовлетворительное разрѣшеніе въ брошюрѣ. Лучшею частью большого изслѣдованія того же автора, безъ сомнѣнія, является часть фактическая. Но въ краткой передачѣ этотъ фактическій обзоръ вышелъ довольно блѣднымъ. Блондель даетъ здѣсь самыя краткія свѣдѣнія насчетъ положенія главнѣйшихъ отраслей нѣмецкой промышленности: металлургической, химической, стекляной, фарфоровой, мебельной, кожевенной и игрушечной; далѣе идетъ рѣчь о развитіи въ Германіи торговли морской и сухопутной и параллельно о путяхъ сообщенія. Все это читается съ интересомъ, но, занимая въ совокупности всего 10 страничекъ, не даетъ сколько-нибудь яснаго и опредѣленнаго представленія объ экономической физіономіи Германіи. Вторая же часть брошюрки трактуетъ о *причинахъ* экономическаго подъема Германіи. Объ этихъ причинахъ ведутся даже споры и въ заинтересованныхъ дѣловыхъ и общественныхъ сферахъ, и въ соотвѣтствующей литературѣ. До сихъ поръ, однако, не удалось придти къ опредѣленнымъ результатамъ. Не удалась попытка объясненія этого сложнаго явленія Уилльямсу, не очень удачною она вышла и въ исполненіи Блонделя. Блондель выдвигаетъ на первый планъ „характеръ германской расы“ (19); онъ указываетъ далѣе на постоянство, устойчивость, трудолюбіе, силу инициативы нѣмцевъ (20, 21, 22). Все это еще можетъ имѣть извѣстный смыслъ при противопоставленіи этихъ качествъ свойствамъ французской націи. Но неужели этихъ качествъ лишены англичане и вообще представители англо-американской расы? Далѣе идутъ указанія на то, „нѣмцы, поселившіеся въ чужихъ странахъ, продолжаютъ запасаться въ широкой мѣрѣ продуктами національной промышленности“ (20). Не очевидно ли, однако, что если нѣмцы это и дѣлаютъ, то не потому только, что „дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“, а въ виду дешевизны и хорошихъ качествъ нѣмецкихъ товаровъ, т. е. именно благодаря успѣхамъ нѣмецкой промышленности, требующимъ объясненія. Важенъ, по мнѣнію Блонделя, „духъ ассоціаціи“ германской расы, противопоставляемый имъ „англійскому индивидуализму“ (21). Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значеніе послѣдняго

Digitized by Google

въ общемъ строѣ британской жизни. Пышное, ни съ чѣмъ несравнимое развитіе англійскихъ трэдъ-юніоновъ, съ одной стороны, а съ другой—могучая организація американскихъ трестовъ и синдикатовъ достаточно говорятъ за то, что идеи и стремленія къ ассоціаціи не совсѣмъ чужды природѣ и англо-саксонской расы. Болѣе реальными и справедливыми нужно признать ссылки на роль общаго и техническаго образованія въ Германіи. Эта роль, конечно, являлась и является до сихъ поръ огромною въ дѣлѣ промышленныхъ успѣховъ Германіи, но врядъ-ли и этимъ факторомъ можно пользоваться съ большимъ успѣхомъ при сравненіи положенія дѣлъ въ Англіи, съ одной стороны, въ Германіи—съ другой. Въ самомъ концѣ брошюрки авторъ заводитъ рѣчь о соціальномъ переворотѣ, сопровождавшемъ экономическіе успѣхи Германіи, но бесѣду объ этомъ весьма важномъ предметѣ онъ отлагаетъ, къ сожалѣнію, до другого раза. Въ общемъ книжечка Блонделя можетъ быть прочтена съ интересомъ. Живо написанная, посвященная одному изъ интереснѣйшихъ вопросовъ современности, она въ состояніи направить умъ читателя на цѣлый рядъ размышленій, а это во всякомъ случаѣ полезная работа.

Къ брошюрѣ приложено предисловіе г. Н. Березина. Написанное въ нѣсколько торжественномъ тонѣ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, содержитъ набросокъ и нѣсколько смѣлой перспективы. Въ то время, какъ Блондель противопоставляетъ національныя черты англичанъ, съ одной стороны, германцевъ—съ другой, г. Березинъ полагаетъ, что „промышленная (и?) торговая борьба между Англіей и Германіей не можетъ продолжаться долго; обѣ эти націи слишкомъ умны, чтобы не составить въ будущемъ могучаго синдиката, тѣмъ болѣе, что кромѣ матеріальныхъ интересовъ ихъ связываютъ узы крови и многія сходныя черты національнаго характера“ (I).

Обращая далѣе свои взоры на остальную Европу, г. Березинъ нѣсколько пессимистически относится къ возможности отраженія англо-германскаго промышленнаго врага. Кельтскіе элементы, разсуждаетъ онъ, приходятъ въ упадокъ, а славянству и въ особенности Россіи не достаетъ „широкаго распространенія знаній и связаннаго съ нимъ интенсивнаго развитія труда“ (III). Къ развитію этихъ силъ и приглашаетъ Россію авторъ предисловія. Такому приглашенію можно сочувствовать, а все же мысль о готовящемся синдикатѣ остается необоснованною, а вся нарисованная здѣсь перспектива нѣсколько фантастическою.

В. Кеннинггэмъ. Современная цивилизація въ нѣкоторыхъ ея экономическихъ проявленіяхъ. Перев. съ англ. М. В. Лучицкой подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго. Южно-Русское книгоизд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ—Харьковъ.

Довольно извѣстное (хотя, впрочемъ, и не у насъ въ Россіи)

Digitized by Google

имя автора данной книжки, въ связи съ весьма интереснымъ заглавіемъ ея, способны, безъ сомнѣнія, привлечь къ ней вниманіе читателей.

Кеннингемъ — одинъ изъ замѣтныхъ современныхъ англійскихъ экономистовъ, дѣятель движенія въ области University Extension, а вопросъ объ „экономическихъ проявленіяхъ современной цивилизаціи“, о матеріальныхъ сторонахъ капиталистической культуры—одинъ изъ наиболѣе занимающихъ современные умы вопросовъ. Къ сожалѣнію, необходимо признать, что ближайшее знакомство съ содержаніемъ книжки должно разочаровать читателей. Именно въ данномъ своемъ произведеніи англійскій экономистъ выступаетъ менѣе всего удачно, и того, чего можно было бы ожидать отъ этого произведенія, судя по его широкому и интересному заглавію, читатель не найдетъ въ немъ.

„Никогда еще, по всей вѣроятности, не было такого времени въ исторіи Англіи, когда обращали бы такъ много вниманія на матеріальное благосостояніе націи“—такъ начинаетъ свою книжку Кеннингэмъ и приступаетъ къ изученію вопросовъ этого „матеріальнаго благосостоянія націи“. Здѣсь даются общія свѣдѣнія о богатствѣ, собственности, обмѣнѣ, цѣнности, деньгахъ, о куплѣ-продажѣ, конкурренціи, внѣшней торговлѣ, о классахъ населенія и видахъ дохода, о роскоши, филантропіи и проч. Параллельно съ этимъ идутъ философско-этическія разсужденія объ индивидуализмѣ, личной дисциплинѣ, приспособленіи, самодовлѣющихъ мотивахъ, семейномъ честолюбіи и т. д. Такимъ образомъ, вся книжка носитъ характеръ не то популярнаго учебника по политической экономіи съ нѣсколько несистематическимъ и даже произвольнымъ выборомъ и распредѣленіемъ матеріала, не то—нравственнаго поученія на экономически-общественныя темы въ духѣ весьма благожелательнаго, но невыносимо-скучнаго Смайльса. Какъ экономистъ, Кеннингэмъ обнаруживаетъ изрядную путаницу понятій. Опредѣленнаго строя воззрѣній, ясно выработанныхъ взглядовъ, опредѣленной принадлежности къ какой либо школѣ не ищите у него. Напротивъ, явно замѣтно у него (какъ у многихъ, впрочемъ, современныхъ англійскихъ экономистовъ) колебаніе въ сторону то классической, то новѣйшей австрійской школы. Такъ, „полезность“,—по его мнѣнію,—„не есть качество, присущее матеріальнымъ вещамъ“ (26—7), а диктуемое нашими потребностями въ послѣднихъ; даже цѣнность (которую, впрочемъ, Кеннингемъ подчасъ смѣшиваетъ съ цѣною), по его мнѣнію, опредѣляется полезностью (61) и рѣдкостью (43). Съ другой стороны, въ вопросѣ о производительности труда тотъ же экономистъ находитъ возможнымъ стоять на точкѣ зрѣнія классической школы. Нѣкоторыя разсужденія Кеннингэма поражаютъ своею поверхностностью и наивностью. „Изъ какого источника получается прибыль? Какъ она уплачивается?“ спрашиваетъ она

Digitized by Google

и отвѣчаетъ: „Капиталистъ получаетъ свою прибыль, когда товары, пріобрѣтенные имъ на свой капиталъ, раскуплены публикою; его капиталъ возвращается ему и, если его предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ, то сверхъ капитала получается и прибыль" (141). Недурной отвѣтъ на одинъ изъ крупнѣйшихъ вопросовъ экономической теоріи — о происхожденіи прибыли на капиталъ. По вопросу о рентѣ дѣло обстоитъ не болѣе благополучно. „Самый крайній предѣлъ ренты", — утверждаетъ онъ, — „которую землевладѣлецъ охотно согласится получать за землю, составляетъ эквивалентъ суммы, которую землевладѣлецъ можетъ надѣяться получить въ томъ случаѣ, если бы онъ самъ обрабатывалъ принадлежащее ему помѣстье" (156). Такимъ поразительнымъ для капиталистической эпохи масштабомъ Кеннингэмъ думаетъ объяснять размѣръ ренты, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему всего черезъ нѣсколько страницъ признать обычное правильное положеніе, согласно которому „земля, находящаяся въ самомъ худшемъ состояніи, доставляетъ мѣрило для исчисленія прибыли" (160). Если отъ этихъ элементарныхъ вопросовъ перейти къ проблемамъ болѣе сложнымъ, то и здѣсь не разъ можно будетъ натолкнуться на такія же недоразумѣнія. Вопросъ о взаимномъ отношеніи труда и капитала разрѣшается нашимъ авторомъ весьма просто. „Непосредственные интересы рабочихъ и капиталистовъ",—говоритъ онъ,—„прямо противоположны другъ другу, хотя при разсмотрѣніи ихъ за долгій періодъ времени они тождественны... Если мы станемъ разсматривать этотъ вопросъ съ точки зрѣнія долгаго періода времени, то окажется, что для каждой изъ сторонъ выгодно, чтобы другая сторона благоденствовала и, слѣдовательно, интересы ихъ сходятся" (151). Какъ, подумаешь, близоруки представители этихъ классовъ, не понимающіе отдаленной гармоніи своихъ непосредственно-противоположныхъ интересовъ... „Отмѣна рабства была произведена на основаніи принциповъ отвлеченной справедливости" (7)—рѣшеніе немного поспѣшное и даже не совсѣмъ понятное въ устахъ экономиста, взявшаго на себя задачу изслѣдованія „экономическихъ проявленій современной цивилизаціи". Далѣе, для соціалистическихъ писателей, по мнѣнію Кеннингэма, „капиталъ былъ врагомъ, который низвелъ трудъ въ положеніе зависимости" (132). Очень жаль, конечно, что нашъ экономистъ не отличаетъ капитала отъ капиталистическаго примѣненія капитала. Нѣкоторыя сами по себѣ интересныя разсужденія Кеннингэма теряютъ свое значеніе въ виду обнаруживаемаго авторомъ явнаго смѣшенія точки зрѣнія этической съ экономическою. Таковы, напримѣръ, разсужденія о собственности. „Всякій человѣческій собственникъ", — говоритъ онъ,—„есть владѣлецъ, потому что, силою Божескаго Провидѣнія, нѣкоторыя имущества были довѣрены ему, какъ уполномоченному Бога, и укрѣплены за нимъ законами и обычаями

Digitized by Google

общества, среди которыхъ онъ живетъ. Лишь въ силу божественнаго разрѣшенія частныя имущества,которыми данное лицо пользуется на законныхъ основаніяхъ, перешли въ его руки. Онъ могъ унаслѣдовать или заработать ихъ, но въ настоящее время они принадлежатъ ему, принадлежатъ не абсолютно, но условно, какъ управителю. Въ этомъ смыслѣ собственность можетъ быть разсматриваема какъ нѣчто священное. Обязанность каждаго христіанина, какъ частнаго лица, признать существующій строй общественности и не возмущаться противъ него" (197-8).

Переводъ книги выполненъ плохо. Языкъ тяжелъ, строй рѣчи неуклюжъ, термины переданы неправильно, встрѣчаются прямо безграмотныя выраженія. Укажемъ нѣкоторые примѣры. „Мы сказали бы невѣрно, если бы"... (60). „Неправильность въ работѣ и заработкѣ представляетъ наибольшіе враги для рабочаго" (119). „Домашнимъ ткачамъ... оставалось всего четыре дня въ недѣлю для укрѣпленія въ своемъ искусствѣ ткачей" (125). „Во всѣхъ современныхъ дѣлахъ мы видимъ значительное количество основного капитала" (135). „Ожидать большій размѣръ дохода" (138). „Для многихъ практическихъ цѣлей лишнее идти дальше" (197). „Всякій человѣческій собственникъ" (197) и т. д. Терминъ „натуральное хозяйство" замѣненъ терминомъ „натуральная экономія" (154—5). *Потребительная* цѣнность передана черезъ *„полезная* цѣнность" (28). Терминъ „Sweabing" вовсе не переведенъ по русски (148). Глава IV 1-ой части носитъ въ русскомъ переводѣ заглавіе: „Основныя начала всякаго рода дѣла" (49) (?!) и т. д. и т. д.

Е. Варбъ. Наемные сельскохозяйственные рабочіе въ жизни и въ законодательствѣ. М. 1899.

Книга Варба составляетъ часть обширнаго труда по исторіи нашего пореформеннаго законодательства о наймѣ на сельскія работы, задуманнаго, но неосуществленнаго ея авторомъ. Она представляетъ собою сборникъ статей, принадлежащихъ перу недавно скончавшагося Я. Ѳ. Браве, извѣстнаго въ литературѣ подъ вышесказаннымъ псевдонимомъ. Большинство статей, вошедшихъ въ настоящую брошюру, еще при жизни покойнаго были напечатаны въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ (между прочимъ, и въ „Русскомъ Богатствѣ").

Книга раздѣлена на двѣ части. Въ первой авторъ даетъ въ началѣ общую характеристику условій сельскохозяйственнаго найма. Условія эти неблагопріятны, какъ въ томъ случаѣ, когда рабочій нанимается на работу въ той мѣстности, гдѣ онъ самъ живетъ, такъ и въ томъ,—когда для найма онъ идетъ въ отходъ, въ другія, болѣе благопріятныя, въ смыслѣ спроса на рабочія руки, губерніи. Особенно тяжелы условія найма второй категоріи

Digitized by Google

рабочихъ. Въ періодъ пріисканія ими работъ, за отсутствіемъ какихъ либо пристанищъ для рабочихъ въ пунктахъ найма, имъ приходится располагаться, въ большинствѣ случаевъ, подъ открытымъ небомъ, на грязныхъ площадяхъ, валяться на базарахъ, между лавками. Отсутствіе, съ другой стороны, правильно организованныхъ агентствъ или справочныхъ учрежденій, въ которыхъ рабочіе могли бы получать вѣрныя свѣдѣнія о потребности различныхъ мѣстностей въ рабочихъ рукахъ,—дѣлаетъ то, что нерѣдко пришлый людъ, истратившій въ дорогѣ всѣ свои скудныя средства, принужденъ милостыней возвращаться домой, не найдя работы. Но и тѣ, кому удалось получить работу, находятся далеко не въ отрадномъ положеніи. Кормятъ ихъ плохо; за всякія упущенія дѣлаютъ вычеты изъ заработной платы; наконецъ, самъ законъ не даетъ почти никакихъ гарантій болѣе сноснаго положенія рабочихъ. Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить, что до 1896 г. наемъ на сельскохозяйственныя работы нормировался общими узаконеніями, страдающими такими недостатками, какъ, напримѣръ, отсутствіе ясныхъ указаній по поводу того, допускается ли словесная форма найма. Законъ 12 іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы внесъ въ этотъ институтъ много элементовъ полицейско-уголовныхъ и, по мнѣнію автора, не упорядочилъ, а только ухудшилъ дѣло. Въ виду этого, какъ извѣстно, въ 1894 году, при мин. вн. дѣлъ была образована, для разсмотрѣнія вопроса объ упорядоченіи отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ, коммиссія подъ предсѣдательствомъ т. с. Звегинцева. Коммиссія эта выработала проектъ закона о наймѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, который едва ли способенъ разрѣшить вопросъ, такъ какъ, между прочимъ, онъ не слѣдуетъ принципу равноправности сторонъ (22). Замѣчательно, что то же неравенство наблюдается и въ проектѣ уголовнаго уложенія, которому, быть можетъ, суждено вскорѣ стать дѣйствующимъ кодексомъ. Въ то время, какъ по проекту уголовнаго уложенія наниматель подвергается уголовной отвѣтственности единственно за расплату съ рабочими, взамѣнъ денегъ, товаромъ или купонами,—нанимаемому уголовная отвѣтственность грозитъ чуть ли ни на каждомъ шагу: за неявку на работу и за уходъ съ нея за неисполненіе работы къ условленному сроку, за грубость и проч. Между тѣмъ, дѣйствующимъ закономъ добросовѣстное исполненіе хозяевами самыхъ существенныхъ обязанностей ихъ, по отношенію къ рабочимъ, почти вовсе не гарантировано (25).

Далѣе авторъ посвящаетъ особую главу вопросу объ отношеніи земства къ сельскимъ рабочимъ. „Рѣшительное преобладаніе въ нашихъ земствахъ элемента крупновладѣльческаго“,—говоритъ авторъ,—„давало право ожидать, что по вопросу о наймѣ рабочихъ ихъ мнѣнія будутъ направлены исключительно въ сторону интересовъ хозяевъ. Къ счастью, на дѣлѣ предположеніе

Digitized by Google

это не оправдывается и, въ большинствѣ случаевъ, земство въ отношеніи рабочаго вопроса въ общемъ оставалось и до сихъ поръ остается, на высотѣ своего призванія—быть органомъ интересовъ всего населенія (27). Въ самомъ дѣлѣ, наряду съ ходатайствами нѣкоторыхъ земствъ, направленными къ урегулированію сельскохозяйственнаго найма и поражающими насъ своею грубой односторонностью; на ряду съ такими рѣшительными предложеніями для устраненія самовольнаго оставленія нанятыми лицами работы, какъ предложеніе ананьевскаго уѣзднаго земства, проектировавшаго ни больше, ни меньше, какъ отдачу самовольно ушедшихъ въ арестантскія роты, авторъ приводитъ цѣлый рядъ земскихъ мѣропріятій, проникнутыхъ заботой объ интересахъ самихъ рабочихъ. Справедливо усматривая въ игнорированіи именно этихъ интересовъ главную причину неурядицы сельскохозяйственнаго найма, одни земства устраивали дешевыя столовыя (херсонское); другія—организовали обмѣнъ извѣстій объ урожаѣ и цѣнахъ на трудъ (самарское, хвалынское, николаевское земства и др.); третьи—создали особую агентуру для собиранія свѣдѣній о спросѣ на рабочія руки (сызранское); четвертыя—устраивали амбулаторіи для пришлыхъ рабочихъ (елисаветградское); пятыя — организовали врачебные отряды, съ цѣлью санитарнаго надзора за пришлыми рабочими (самарское) и проч. Придавая санитарному надзору за рабочими, ихъ регистраціи и продовольствію за дешевую цѣну важное общественное значеніе, авторъ посвятилъ дѣятельности на этомъ поприщѣ самарскаго земства особую (пятую) главу, гдѣ онъ подробно описываетъ организацію лѣчебно-продовольственныхъ пунктовъ и детально характеризуетъ ихъ дѣятельность.

Третья глава первой части заключаетъ въ себѣ очеркъ сельскохозяйственнаго отхода изъ центральныхъ губерній на югъ. Очеркъ этотъ—сплошной скорбный листъ сельскаго люда, принужденнаго идти въ отходъ для пріисканія работъ. Мытарства, которыя приходится испытывать рабочимъ, начинаются съ момента отправленія въ отходъ и не прекращаются вплоть до возвращенія ихъ домой. Большинство рабочихъ совершаетъ свои переходы отъ мѣста жительства до мѣста найма пѣшкомъ, причемъ, изъ экономіи, идутъ босыми въ то время, когда „холодная весенняя грязь по утрамъ подергивается еще ледяной корою“ (81). Такія путешествія особенно вредно отражаются на женщинахъ, изъ которыхъ многія наживаютъ себѣ неизлѣчимые ревматизмы. Часть рабочихъ совершаетъ свой путь по желѣзнымъ дорогамъ. Но и здѣсь ихъ ждутъ далеко не радости. На желѣзной дорогѣ съ ними обращаются иногда хуже, чѣмъ съ животными. Вагоны набиваются рабочими противъ нормы; на станціяхъ, гдѣ нерѣдко приходится по долгу, иногда по нѣскольку сутокъ, ждать дальнѣйшаго отправленія въ путь, рабочихъ, какъ пассажировъ четвер-

Digitized by Google

таго класса, не пускаютъ въ станціонныя помѣщенія, и они принуждены скитаться, гдѣ имъ угодно, теряя время и проѣдая свои скудныя сбереженія. По прибытіи въ мѣста найма, рабочихъ ждутъ также лишенія. Управленія большинства южно-русскихъ городовъ, служащихъ крупными рынками найма, нисколько не заботятся объ участи пришлаго люда. „Рабочіе", — говоритъ авторъ,—„вынуждены здѣсь валяться прямо подъ открытымъ небомъ, на грязныхъ и зловонныхъ площадяхъ. Нѣтъ ни бараковъ, ни какихъ либо навѣсовъ, ни разумно устроенныхъ столовыхъ и чайныхъ, доступныхъ карману бѣдняковъ" (86). Наконецъ, когда кончились эти мытарства и рабочій нанялся къ хозяину, его снова ждутъ испытанія, вытекающія изъ малой обезпеченности его правъ, какъ наемнаго рабочаго, со стороны закона. Не смотря на все это, есть сферы, въ которыхъ наемный сельскій рабочій не только не встрѣчалъ, и не встрѣчаетъ сочувствія къ своей участи, но въ которыхъ изыскиваются неустанно разные способы, чтобы, пренебрегая интересами этого рабочаго, гарантировать сельскимъ хозяевамъ возможность эксплуатировать его трудъ. Изложеніе этихъ способовъ, которые авторъ мягко именуетъ „проектами урегулированія движенія сельскихъ рабочихъ", посвящена четвертая глава. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что большинство этихъ проектовъ совершенно неспособны помочь тому горю, ради устраненія котораго они излагались, но среди нихъ есть даже проекты, съ чрезвычайно грубой откровенностью изобличающіе вожделѣнія группы крупныхъ землевладѣльцевъ. Къ категоріи такихъ проектовъ принадлежитъ надѣлавшій въ свое время (въ 1889 г.) шума проектъ инженера Баталина, а также проектъ верейскаго предводителя дворянства, г. Шлиппе. Послѣдній, для устраненія наблюдаемаго иногда недостатка въ рабочихъ, недостатка, вытекающаго изъ усиленнаго бѣгства крестьянъ въ города, на фабрики и приносящаго помѣщикамъ огромные убытки, предложилъ геніальную по своей простотѣ мѣру, заключающуюся въ томъ, чтобы сдѣлать обязательными для всѣхъ фабрикъ лѣтнія вакаціи въ страдную пору (съ 29 іюня по 15 августа). Мы не удивляемся, что г. Шлиппе создалъ вышеизложенный проектъ; но удивительно, что этотъ проектъ, при обсужденіи его въ Тулѣ, на съѣздѣ земскихъ начальниковъ, былъ одобренъ и вызвалъ даже ходатайство съѣзда, близкое къ тѣмъ pia desideria, которыя проектировалъ г. Шлиппе.

Вторая часть книги содержитъ только одну главу, представляющую собой очеркъ законодательства о наймѣ на сельскохозяйственныя работы. Здѣсь авторъ, между прочимъ, подробно разбираетъ положеніе о наймѣ на сельскія работы 12 іюня 1886 г. и приходитъ къ тому выводу, что основная задача, преслѣдовавшаяся этимъ закономъ, заключалась „въ усиленіи экономическосоціальнаго значенія дворянско-землевладѣльческаго класса, созда-

Digitized by Google

ніемъ для него особыхъ преимуществъ и правъ въ отношеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ" (211).

И. А. Чистовичъ. Исторія перевода Библіи на русскій языкъ. Второе изданіе. Спб. 1899.

Первое изданіе книги И. А. Чистовича, покойнаго профессора здѣшней духовной академіи, вышло въ свѣтъ еще въ 1873 г. Но наша историческая литература вообще развивается не особенно быстро. Съ той поры въ ней появился лишь одинъ большой трудъ, написанный на аналогичную тему, именно, „Опытъ исторіи Библіи въ Россіи" г. Астафьева, да и съ его появленіемъ изслѣдованіе Чистовича, въ значительной мѣрѣ основанное на архивномъ матеріалѣ и въ предѣлахъ своей темы болѣе полное, далеко не потеряло прежней своей цѣны. Въ виду этого вполнѣ своевременнымъ представляется новое изданіе этой книги, давно уже исчезнувшей съ книжнаго рынка. Отъ перваго изданія оно отличается лишь нѣкоторыми перемѣнами въ расположеніи матеріала и кое-какими, не особенно частыми, добавками и сокращеніями, причемъ тѣ и другія измѣненія произведены издателями по рукописнымъ поправкамъ самого автора, готовившаго при жизни свою книгу къ новому изданію. При этихъ поправкахъ, нужно сказать, мало приняты во вниманіе обнародованные за послѣднія десятилѣтія источники, но создавшіеся, благодаря этому, въ изложеніи автора пробѣлы во всякомъ случаѣ немногочисленны, такъ какъ главные источники изучавшагося имъ вопроса и по настоящее время остаются неизданными.

Самый вопросъ этотъ, въ той постановкѣ, какая была придана ему Чистовичемъ, связанъ съ любопытнѣйшими страницами въ исторіи русской церковной іерархіи и ея отношенія къ паствѣ за XIX столѣтіе. Покойный ученый поставилъ своей задачей изложить то, что онъ называлъ „внѣшней стороной" дѣла перевода Библіи, т. е., не вдаваясь въ обстоятельный филологическій разборъ производившихся переводовъ, передать исторію отношеній церковной власти и общества къ самой мысли о переводѣ Библіи на русскій языкъ. Иначе говоря, его изслѣдованіе охватываетъ какъ разъ ту сторону дѣла, которая представляетъ наиболѣе нтереса и значенія въ глазахъ историка общаго хода русской культуры. Русскій переводъ Библіи завоевалъ себѣ право гражданства въ нашемъ отечествѣ лишь послѣ долгихъ усилій и упорной борьбы, и исторія этой борьбы, являющейся частнымъ моментомъ въ дѣлѣ пробужденія умственной самодѣятельности русскаго общества, заключаетъ въ себѣ много поразительнаго. Мысль о необходимости перевода Библіи на понятный языкъ возникала уже въ старой Москвѣ. Въ 1663 году переводчикъ

Digitized by Google

посольскаго приказа Абрамъ Фирсовъ перевелъ было Псалтирь на „нашъ простой, обыклой“ языкъ, но этотъ переводъ немедленно былъ и запрещенъ патріархомъ Іоакимомъ. Вновь явились послѣ того библейскіе переводы въ Россіи лишь въ XIX в. и то первоначально подъ чужимъ вліяніемъ. Начало XIX столѣтія было въ жизни русскаго общества, между прочимъ, и временемъ подъема религіознаго чувства. Въ этомъ подъемѣ много было показного, зависѣвшаго отъ очень неприглядныхъ жизненныхъ побужденій, но была и доля искренняго чувства и свѣжей мысли, не удовлетворявшихся болѣе формальнымъ отношеніемъ въ религіи и искавшимъ возможности проникнуть въ духъ ея. Первый признанный переводъ Библіи и явился въ связи съ этимъ движеніемъ. Въ 1812 г., по почину Великобританскаго Библейскаго Общества, учреждено было въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ кн. А. Н. Голицына, Россійское Библейское Общество, изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, занявшееся сперва изданіемъ славянской Библіи, а съ 1815 г., когда состоялось высочайшее повелѣніе о переводѣ ея на русскій языкъ, и синодъ передалъ это дѣло въ вѣдѣніе Общества, энергично приступившаго и къ составленію переводовъ и изданію ихъ. Эта дѣятельность Общества была, однако, непродолжительна. Уже въ 1824 г., вслѣдствіе недовольства значительной части духовенства, съ которой соединился и Аракчеевъ, успѣвшій повліять на государя чрезъ посредство знаменитаго архимандрита Фотія, Голицынъ былъ вынужденъ отказаться и отъ поста министра духовныхъ дѣлъ, и отъ предсѣдательства въ Библейскомъ Обществѣ и уступить свое мѣсто въ послѣднемъ петербургскому митрополиту Серафиму, неблагосклонно смотрѣвшему на дѣло перевода Библіи. Черезъ два года послѣ того самое Общество, по просьбѣ Серафима, было закрыто императоромъ Николаемъ, и переводъ Библіи на русскій языкъ прекратился, а при синодѣ начато было дѣло о вредныхъ духовныхъ книгахъ, выпущенныхъ мистиками въ послѣдніе годы царствованія Александра. Оцѣнивая кратковременную дѣятельность Библейскаго Общества, г. Чистовичъ говоритъ: „стремленія кн. Голицына (какъ и другихъ мистиковъ этого времени) склонялись къ тому, чтобы вывести русскій народъ изъ того усыпленія и равнодушія въ дѣлѣ вѣры, какое казалось ему почти повсюднымъ, пробудить въ немъ высшіе духовные инстинкты и чрезъ распространеніе священныхъ книгъ ввести въ него живую струю внутренняго пониманія христіанства“. Благодаря Библейскому Обществу, „весьма многія лица свѣтскаго общества, посвящая свои духовныя дарованія и свои труды религіознымъ предметамъ, мало-по-малу начали выходить изъ того безучастія, которое было господствующимъ тономъ въ отношеніяхъ свѣтскихъ людей къ религіи въ послѣдней половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По тѣсной

Digitized by Google

связи съ прямою задачею Общества начала оживляться духовная литература, въ которой также приняли живое участіе лица всѣхъ сословій и общественныхъ положеній (111, 109—110). Гибель Общества, подготовленная союзомъ крайнихъ консерваторовъ, дѣйствія которыхъ были къ тому же облегчены мистическими увлеченіями Голицына и его друзей, подробно разсказана въ книгѣ г. Чистовича, но при этомъ авторомъ недостаточно освѣщены нѣкоторыя стороны въ дѣятельности Общества, объясняющія если не самую эту гибель, то ту легкость и быстроту, съ какою она совершилась. Время процвѣтанія .Библейскаго Общества далеко не было временемъ господства вѣротерпимости. Напротивъ того, въ эту пору правящія сферы съ мистическими увлеченіями соединяли мрачный обскурантизмъ и ярую нетерпимость. Съ другой стороны, блестящій успѣхъ Библейскаго Общества въ наибольшей мѣрѣ былъ созданъ оффиціальной поддержкой и равнодушіемъ общества, привыкшаго слѣпо исполнять шедшія сверху повелѣнія. Поэтому, какъ только власть отняла отъ Общества свою руку, дѣло его оказалось проиграннымъ, и настроеніе массы перемѣнилось почти съ такой же волшебной быстротой, съ какой мѣняются декораціи въ театрѣ. Между тѣмъ съ новымъ царствованіемъ во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни установилась строго опредѣленная система, распространившая свое дѣйствіе и на церковныя отношенія. „Система эта—говоритъ о ней г. Чистовичъ—направлена была къ охраненію существующаго положенія дѣлъ, къ устраненію всякихъ нововведеній и всякихъ вопросовъ, возбуждающихъ мысль, къ развитію дисциплины въ іерархическихъ отношеніяхъ и однообразія въ формахъ жизни и даже мысли“ (123). Естественно, что съ этой, по выраженію г. Чистовича, „консервативно-дисциплинарной системой“ плохо мирилась мысль о переводѣ и широкомъ распространеніи Библіи. Въ эту эпоху „за преданіемъ и обрядностью Библія отодвинулась далѣе, нежели на второй планъ“ и „распространена была мысль, будто у православной церкви есть правило не всѣмъ христіанамъ дозволять чтеніе Библіи“ (129). Сдѣлана была даже, при поддержкѣ синодальной оберъ-прокуратуры, попытка учредить исключительное употребленіе славянской Библіи церковнымъ авторитетомъ, какъ это имѣло мѣсто въ католической церкви относительно Вульгаты. Попытка эта, правда, не удалась, но за то и двумъ наиболѣе виднымъ членамъ синода, митрополитамъ московскому и кіевскому, разошедшимся съ оберъ-прокуроромъ Протасовымъ въ своихъ взглядахъ на возможность перевода Библіи, пришлось покинуть синодъ и удалиться въ свои епархіи. Тѣмъ не менѣе нужда въ русской Библіи была настолько велика, что и это суровое время не обошлось безъ переводовъ, хотя они теперь не поощрялись уже, а преслѣдовались. Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ студенты петербургской духовной академіи отлито-

Digitized by Google

графировали переводъ книгъ Ветхаго Завѣта, сдѣланный съ еврейскаго извѣстнымъ ученымъ и бывшимъ профессоромъ академіи протоіереемъ Г. П. Павскимъ. По доносу іеромонаха Агаѳангела переводъ этотъ сталъ извѣстенъ синоду и объ немъ началось цѣлое дѣло. Едва успѣлъ синодъ справиться съ этимъ, по выраженію митрополита Серафима, „злокачественнымъ посягательствомъ“, присудивъ переводъ Павскаго къ уничтоженію, какъ пришлось налагать эпитимію на алтайскаго миссіонера, архим. Макарія, настойчиво ходатайствовавшаго о переводѣ Библіи и присылавшаго на усмотрѣніе синода свои собственные опыты перевода. Обстоятельный пересказъ исторіи этихъ переводовъ, сдѣланный Чистовичемъ по архивнымъ источникамъ, въ настоящее время можетъ быть дополненъ еще показаніями самого Павскаго, записки котораго были обнародованы въ 1880 г. Дѣло перевода Библіи на русскій языкъ съ согласія церковной власти возобновилось лишь послѣ воцаренія Александра II. И на этотъ разъ оно не обошлось безъ борьбы, такъ какъ часть лицъ, составлявшихъ духовную и свѣтскую іерархію, стояла противъ перевода. Выразителями ихъ мнѣній явились оберъ-прокуроръ синода А. П. Толстой и кіевскій митрополитъ Филаретъ, а вслѣдъ за ними выступилъ и рядъ другихъ лицъ съ цѣлыми трактами въ пользу славянскаго текста. „Простолюдины на славянскомъ языкѣ—писалъ авторъ одного изъ такихъ трактатовъ—слышатъ только святое и назидательное. Умѣрнная темнота сего слова не омрачаетъ истину, а служитъ ей покрываломъ и защищаетъ отъ стихійнаго ума. Отнимите это покрывало, тогда всякій будетъ толковать объ истинахъ и изреченіяхъ писанія по своимъ понятіямъ и въ свою пользу. А теперь темнота заставляетъ его покоряться церкви или просить у церкви наставленія; а церковь въ своихъ объясненіяхъ всегда руководится духомъ св. отецъ“ (308—9). Но доводы консерваторовъ уже запоздали, и съ 1860 г. началось при синодѣ изданіе новаго перевода Библіи на русскій языкъ. Оцѣнка принциповъ, положенныхъ въ основу этого перевода, равно какъ и предшествовавшихъ ему, занимаетъ послѣднія страницы книги г. Чистовича.

Ѳ. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры святѣйшаго Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія. (Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ). Опытъ историческаго изслѣдованія. Казань. 1899.

Книга г. Благовидова посвящена одному изъ важныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сравнительно мало изученныхъ вопросовъ въ области историческихъ судебъ русскаго церковнаго управленія. Секуляризація русской церкви, начавшаяся еще въ московскомъ періодѣ, пошла впередъ особенно быстрыми шагами со времени

Digitized by Google

реформы Петра В., изъ политическихъ соображеній замѣнившаго единоличную власть патріарха синодскою коллегіей и приставившаго къ послѣдней контролеромъ свѣтскаго чиновника въ лицѣ оберъ-прокурора. Съ той поры дальнѣйшія измѣненія въ строѣ высшаго церковнаго управленія и сосредоточились по преимуществу на институтѣ оберъ-прокуратуры и его отношеніяхъ къ Синоду. Поставленный первоначально въ положеніе контролера при высшей духовной коллегіи, обязаннаго блюсти государственные интересы, синодальный оберъ-прокуроръ съ теченіемъ времени пріобрѣталъ все болѣе широкую и самостоятельную власть въ управленіи церковью, постепенно приближаясь къ роли министра духовныхъ дѣлъ. Этотъ процессъ расширенія власти и значенія оберъ-прокурора св. Синода, извѣстный въ наиболѣе общихъ своихъ чертахъ, до послѣдняго времени не подвергался, однако, обстоятельному и детальному изученію, впервые произведенному въ книгѣ г. Благовидова. Авторъ послѣдней, положивъ въ основаніе своей работы наряду съ печатными источниками и богатый матеріалъ документовъ синодальнаго архива, поставилъ себѣ задачей именно выясненіе „вопроса объ отношеніяхъ оберъ-прокуроровъ въ св. Синоду и о постепенномъ развитіи оберъ-прокурорскаго вліянія на церковное управленіе“ со времени основанія этой должности Петромъ и до конца Николаевской эпохи. Избравъ для своего изслѣдованія полу-біографическую форму, авторъ послѣдовательно разсказываетъ исторію всѣхъ оберъ-прокуроровъ, смѣнившихся за этотъ почти полуторавѣковый промежутокъ времени. Характеристики отдѣльныхъ личностей не особенно удаются, однако, автору и, не отличаясь яркостью красокъ, порою скорѣе поражаютъ своею блѣдностью и сухостью. Но при всемъ томъ г. Благовидовъ собралъ въ своей книгѣ немалое количество интересныхъ и часто новыхъ фактовъ, позволящихъ ему отчетливо представить общій ходъ развитія синодальной прокуратуры и намѣтить главные этапы этого развитія. Въ предѣлахъ времени, охваченнаго его изслѣдованіемъ, онъ устанавливаетъ четыре періода въ развитіи оберъ-прокурорской власти. Въ теченіе перваго изъ этихъ періодовъ, заключающаго въ себѣ время отъ Петра I до Елизаветы, оберъ-прокуроры, хотя и снабженные юридически обширными полномочіями для контроля надъ дѣйствіями Синода, фактически не пользовались большимъ вліяніемъ на духовныя дѣла, не представляя изъ себя обязательныхъ посредниковъ между верховною властью и Синодомъ и находясь въ прямой матеріальной зависимости отъ послѣдняго. Въ виду этого ихъ попытки усилить свой контроль нерѣдко разбивались о противодѣйствіе Синода, становившееся особенно упорнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о матеріальныхъ интересахъ духовенства. Это сопротивленіе высшей духовной коллегіи оберъ-прокурорскому контролю продолжалось и при

Digitized by Google

Елизаветѣ и при ней равнымъ образомъ часто увѣнчивалось успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе въ этотъ второй періодъ своего существованія оберъ-прокурорская власть уже значительно расширилась. Особенно замѣтно было это расширеніе при энергичномъ кн. Я. П. Шаховскомъ, заслужившемъ одновременно такое нерасположеніе Синода и такое довѣріе императрицы, что синодальные члены на колѣняхъ и со слезами молили однажды Елизавету избавить ихъ отъ докучливаго оберъ-прокурора и все же не достигли своей цѣли. Но частью непостоянный характеръ императрицы, легко поддававшейся постороннимъ вліяніямъ и особенно расположенной къ духовенству, частью же недостатокъ средствъ дѣйствительнаго контроля, находившихся въ рукахъ оберъ-прокурора, произвели то, что этотъ контроль даже при Шаховскомъ нерѣдко оставался фиктивнымъ и въ еще большей мѣрѣ сталъ такимъ при его ближайшихъ преемникахъ. Новый періодъ въ исторіи прокуратуры начался со смертью Елизаветы, когда представители государственной власти усвоили себѣ болѣе смѣлый и рѣшительный образъ дѣйствій по отношенію къ церковному управленію. Крутыя мѣры Петра III сохранили свою сущность и при Екатеринѣ II, утративъ лишь свой вызывающій внѣшній характеръ. Значеніе прокуратуры, какъ контролирующаго дѣятельность Синода органа государственной власти, поставлено было въ эту эпоху на твердомъ основаніи, и ослабленіе силы этого органа при Павлѣ, вызванное случайными обстоятельствами, составило лишь кратковременную заминку въ процессѣ развитія даннаго учрежденія, такъ какъ уже въ первые годы Александровскаго царствованія оно безъ труда возвратило себѣ положеніе, занятое при Екатеринѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ XVIII вѣка оберъ-прокуроры сдѣлали новый шагъ къ развитію своей власти, подчинивъ себѣ секретарей духовныхъ консисторій и чрезъ то пріобрѣтя непосредственное вліяніе на епархіальное управленіе. Назначеніе въ 1803 г. оберъ-прокуромъ кн. А. Н. Голицына ознаменовало собою начало четвертаго періода въ исторіи синодальной прокуратуры. Члены Синода должны были отказаться отъ всякихъ попытокъ борьбы съ нею и „убѣдиться, что исключительная близость къ государю новаго оберъ-прокурора дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на ихъ самостоятельность и фактически лишаетъ ихъ возможности руководиться своими собственными соображеніями при обсужденіи и рѣшеніи многихъ вопросовъ церковно-общественной жизни“ (331). Этимъ однако дѣло не ограничилось, и прокуратора съ этой поры еще болѣе расширила свои полномочія, взявъ на себя заботы объ удовлетвореніи вновь возникавшихъ потребностей духовнаго вѣдомства. При такихъ условіяхъ Голицынъ фактически сдѣлался главноуправляющимъ синодальнаго вѣдомства, занявъ положеніе, весьма близкое къ роли министра духовныхъ дѣлъ. Оффиціальное занятіе имъ по-

Digitized by Google

слѣдней должности въ 1817 г. еще болѣе упрочило создавшіяся отношенія между представителями свѣтской и духовной власти въ синодальномъ вѣдомствѣ. Правда, министерство духовныхъ дѣлъ просуществовало лишь очень недолго, но съ его уничтоженіемъ въ 1824 г. значительная доля правъ и власти министра перешла къ синодальному оберъ-прокурору. Дальнѣйшій ростъ его значенія неуклонно происходилъ и въ послѣдующую эпоху, будучи особенно замѣтнымъ во время занятія этой должности Ст. Дм. Нечаевымъ и, позднѣе, гр. Н. А. Пратасовымъ. При первомъ изъ нихъ въ духовномъ вѣдомствѣ организованъ былъ въ 1833 г. особый финансовый контроль, подчиненный не Синоду, а ему, оберъ-прокурору, и установлена болѣе строгая отчетность по церковному и монастырскому хозяйству. Власть оберъ-прокурора и его недовѣріе къ духовному вѣдомству достигли въ это время такихъ размѣровъ, что „Нечаеву удалось осуществить свое оригинальное намѣреніе—учредить секретный жандармскій надзоръ за епархіальнымъ церковнымъ управленіемъ" (391). При такихъ обстоятельствахъ Синодъ почти безусловно подчинялся вліянію оберъ-прокурора и отъ этого подчиненія его не избавило и смѣщеніе, по его просьбѣ, Нечаева, сопровождавшееся назначеніемъ на оберъ-прокурорскую должность, опять-таки по просьбѣ синодальныхъ членовъ, Пратасова. Послѣдній, вопреки ожиданіямъ духовенства, усвоилъ себѣ политику своихъ предшественниковъ и вскорѣ „успѣлъ довести до конца начатую Нечаевымъ организацію при св. Синодѣ новыхъ учежденій, завѣдывавшихъ различными отраслями церковнаго управленія подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ оберъ-прокурора" (400). Съ учрежденіемъ самостоятельной оберъ-прокурорской канцеляріи, организаціей хозяйственнаго комитета, духовно-учебнаго управленія, замѣнившаго созданную Голицинымъ коммиссію духовныхъ училищъ, и синодальной канцеляріи и съ подчиненіемъ этихъ учрежденій, сосредоточившихъ въ себѣ завѣдываніе всѣми дѣлами синодальнаго вѣдомства, главному начальству оберъ-прокурора, послѣдній окончательно занялъ положеніе фактическаго министра духовнаго вѣдомства. Вмѣстѣ съ тѣмъ завершился и процессъ замѣны коллегіальной власти единоличною, шедшій параллельно съ аналогичнымъ процессомъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, но имѣвшій и свои серьезныя отличія въ зависимости отъ особенностей той спеціальной области, въ которой онъ совершался.

Таковы главнѣйшіе выводы изслѣдованія г. Благовидова. Не всѣ частные положенія его представляются равно безспорными и не всѣ отдѣльные моменты изучаемаго имъ процесса разработаны имъ съ одинаковою полнотою и обстоятельностью. Авторъ нѣсколько преувеличиваетъ значеніе Синода въ начальную эпоху его существованія, едва-ли удачно проводя полную параллель между нимъ и Сенатомъ, и придаетъ слишкомъ большое значеніе

Digitized by Google

оберъ-прокурорской инструкціи Петра, довольно случайное происхожденіе которой ему, однако же, хорошо извѣстно. Въ его изложеніи вообще можно отмѣтить нѣкоторый излишній схематизмъ, ведущій къ повтореніямъ и въ извѣстной степени даже обецвѣчивающій сообщаемые авторомъ факты, а послѣдній періодъ въ исторіи синодальной прокураторы изложенъ имъ съ чрезмѣрною подчасъ краткостью и съ опущеніемъ весьма характерныхъ подробностей. Но, оговаривая наличность этихъ частныхъ недочетовъ въ интересномъ изслѣдованіи г. Благовидова, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, что оно даетъ читателю отчетливое и основанное на богатомъ запасѣ фактовъ изображеніе развитія одного изъ наиболѣе существенныхъ институтовъ въ области нашего церковнаго управленія.

А. Кролюницкій. Опытъ методики элементарнаго курса исторіи. Съ приложеніемъ программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1899.

Первое изданіе книги г. Кролюницкаго разошлось въ сравнительно короткое время, и это обстоятельство, по мнѣнію автора, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что имъ „угадана насущная потребность въ руководствѣ подобнаго рода“. Такая потребность, дѣйствительно, существуетъ, хотя-бы ужъ по тому одному, что преподаваніе методики исторіи введено въ курсъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, но мы, признаться, не смотря на указанный успѣхъ книги г. Кролюницкаго, не сочли-бы ее способной удовлетворить этой потребности. По словамъ самого автора, его „Опытъ методики“ имѣетъ „съ одной стороны болѣе или менѣе самостоятельный характеръ, а съ другой—характеръ хрестоматіи, составленной изъ статей разныхъ авторовъ“. Достигается это такимъ образомъ, что къ собственнымъ руководящимъ статьямъ по основнымъ вопросамъ г. Кролюницкій присоединяетъ рядъ отрывковъ, извлеченныхъ изъ произведеній различныхъ педагоговъ и предназначенныхъ играть роль поясненій и добавленій къ главной темѣ. Этотъ пріемъ, какъ онъ думаетъ, „дѣлаетъ предлагаемую книгу уже не учебникомъ, а превращаетъ ее скорѣе въ учебное пособіе, въ которомъ обязательно могутъ быть заучиваемы руководящія статьи и лишь прочитываемы объяснительныя статьи“. Мы склонны, однако, отъ души пожалѣть тѣхъ будущихъ педагоговъ, которымъ пришлось-бы „заучивать“ руководящія статьи г. Кролюницкаго. Дѣло въ томъ, что по содержанію своему эти статьи представляютъ почти сплошь либо чрезмѣрно общія и недостаточно выясненныя положенія, либо до крайности элементарныя, точнѣе выражаясь, азбучныя правила, преподаваемыя,

Digitized by Google

впрочемъ, авторомъ съ необыкновенною серьезностью. Содержаніе элементарнаго курса исторіи опредѣляется авторомъ въ слѣдующихъ чертахъ: „правильно поставленный элементарный курсъ исторіи долженъ дать все, что можетъ дать исторія, какъ учебный предметъ, но это все дается во внѣшнихъ, цѣльныхъ фактахъ и въ общихъ конкретныхъ и мало способныхъ къ расчлененію и анализу понятіяхъ, подобно тому, какъ человѣчество понимало эти факты непосредственно и излагало ихъ въ формѣ лѣтописей, хроники и разсказовъ“ (78). Изъ этого постулата, къ которому присоединяется еще сообщеніе, что „нѣтъ основаній отвергать существованія общаго, смутнаго понятія о прогрессѣ и у дѣтей“, дѣлается затѣмъ заключеніе, что элементарный курсъ долженъ охватывать всю всеобщую исторію, но центромъ преподаванія въ немъ должна служить отечественная исторія. Переходя затѣмъ къ ближайшему опредѣленію тѣхъ фактовъ, которые должны быть введены въ составъ элементарнаго курса исторіи, авторъ говоритъ: „содержаніе элементарнаго курса исторіи коротко можетъ быть опредѣлено словомъ: культурно-біографическіе очерки, причемъ подъ этимъ заглавіемъ нужно разумѣть изложеніе войнъ и отчасти внутреннихъ событій въ связи съ біографіями историческихъ дѣятелей, описанія изъ внѣшней культуры народа въ связи съ историческими разсказами и біографіями дѣятелей на поприщѣ открытій и изобрѣтеній“ (120). Такимъ образомъ, содержаніе предполагаемаго курса сводится г. Кролюницкимъ къ пресловутому содержанію учебника г. Иловайскаго и этому вполнѣ соотвѣтствуетъ составленная имъ программа курса, замѣчательная еще поразительной несоразмѣрностью своихъ частей и мелочностью, доходящей до того, что въ ней имѣется такой, напримѣръ, пунктъ: „военная и статская одежда первой половины XIX вѣка (въ Россіи) и измѣненія въ ней въ смыслѣ простоты и въ смыслѣ преобладанія національнаго характера въ военной одеждѣ“ (114). Возможность преподаванія культурной исторіи авторъ отстраняетъ тѣмъ простымъ соображеніемъ, что „при такой постановкѣ преподаванія въ исторію вносится много такого матеріала, который принадлежитъ наукамъ другаго рода, напримѣръ, статистикѣ, технологіи и т. д.“ (134). Когда отъ содержанія курса г. Кролюницкій переходитъ къ методамъ преподованія, онъ даетъ такія указанія, до которыхъ трудно было-бы додуматься безъ его помощи. „Вездѣ языкъ—говоритъ онъ, напримѣръ—долженъ отличаться грамматической правильностью въ расположеніи словъ, правильностью и легкостью въ построеніи и связи предложеній между собой; естественно также, чтобы грамматическая правильность сопровождалась и логической правильностью“ (156). Или вотъ еще примѣръ: разсказъ учителя „долженъ отличаться чистымъ произношеніемъ гласныхъ (а согласныхъ?), правильностью удареній и правильнымъ выговоромъ“

Digitized by Google

(179). Далѣе мы узнаемъ отъ автора, что учебникъ долженъ быть по возможности краткомъ, что при заучиваніи хронологическихъ датъ можно употреблять нѣкоторые мнемоническіе пріемы и т. д.- и т. д. Болѣе или менѣе въ такомъ же родѣ и всѣ разсужденія г. Кролюницкаго въ его руководящихъ статьяхъ о пріемахъ преподаванія и учебныхъ пособіяхъ. Немного помогутъ читателю его книги и включенныя въ нее „пояснительныя статьи", составляющія родъ хрестоматіи. Слишкомъ противорѣчащія одна другой для того, чтобы служить лишь дальнѣйшимъ разъясненіемъ мыслей самого составителя „Опыта методики исторіи", онѣ въ то-же время слишкомъ мелки и нехарактерны для того, чтобы по нимъ можно было составить себѣ ясное понятіе о главныхъ направленіяхъ, существующихъ въ этой области педагогической литературы. Къ тому-же нѣкоторыя извлеченія, какъ, напримѣръ, отрывковъ изъ „Методики исторіи" Дистервега, сдѣланы г. Кролюницкимъ по безграмотнымъ переводамъ. Что касается составленныхъ послѣднимъ библіографическихъ списковъ книгъ, относящихся къ элементарному курсу исторіи, то эти списки представляютъ собою случайную и пеструю груду, въ которой житія и романы Загоскина, Полевого, Вс. Соловьева и другихъ подобныхъ авторовъ едва-ли не вытѣсняютъ собственно историческое чтеніе. При такихъ условіяхъ приходится, кажется, заключить, что книга г. Кролюницкаго не принесетъ особенной пользы въ дѣлѣ улучшенія преподаванія исторіи.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнака не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссій по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Собраніе соч. **С. Н. Терпигорева** (С. Атавы). IV, V и VI т. т. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 99 г. Ц. 6-ти томовъ 9 р.

И. П. Бѣлоконскій. Деревенскія впечатлѣнія (изъ записокъ земскаго статистика). Спб. 99 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія кн. **А. Шаховскаго**. Изданіе А. Суворина. Спб. 99. Ц. 20 к.

Сочиненія **Н. И. Пирогова**. 2 тома. 2-е изданіе. Спб. 1900. Ц. каждому тому 3 р., вмѣстѣ 5 р.

Танъ. Чукотскіе разсказы. Съ 12 рис. Изданіе С. Дароватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Несторъ Кукольникъ. Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Романъ. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 50 к.

Digitized by Google

И. Н. Потапенко. Черезъ любовь. Романъ. Изданіе Д. П. Ефимова. Ц. 1 р.

И. А. Саловъ. Мелочи жизни. Изданіе журнала „Читатель". М. 99. Ц. 1 р. 25 к.

М. Горькій. Очерки и разсказы. Изданіе С. Дароватовскаго и А. Чарушникова. Три тома. Спб. 99. Ц. 1 р. за томъ.

Пѣсни моря. Разсказы и преданія. **О. Петерсонъ**. Спб. 99. Ц. 75 к.

Иванъ Левицькый. Повисти й оповидання. Т. I. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

А. П. Свирскій. Смертная казнь и другіе разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. Т. Щегловитовъ. Кулики своихъ болотъ. Орелъ. 99. Ц. 1 р.

Ал. О. Недолинъ. Искры. Очерки и разсказы. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 99. Ц. 1 р.

А. Р. Крандіевская. „То было раннею весной" и другіе разсказы. М. 1900. Ц. 1 р.

А. Н. Вѣжецкій. На пути. Разсказы и очерки. 3-е изданіе А. С. Суворина. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

А. Н. Вѣжецкій. Медвѣжьи углы. Повѣсти и очерки. 3-е изданіе А. С. Суворина. Спб. 99. Ц. 1 р. 25 к.

А. Т. Грабина. Юрьевъ день. Комедія-шутка въ трехъ дѣйствіяхъ. Кіевъ. 99.

Эмиль Зола. Плодовитость. Романъ. Переводъ и изданіе **О. Н. Поповой**. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Индіана. Романъ **Жоржа Занда**. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 99. Ц. 60 к.

Жоржъ Зандъ. Похожденія Грибуля. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 99.

Милліонеры. Романъ **Ф. Мура**. Съ англ. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 99. Ц. 1 р.

Антони Гопа. На скользкомъ пути. Романъ. Съ англ. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Вернеръ. Сила воли. Переводъ съ нѣм. Ф. Васильевой. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Вернеръ. У орлиной скалы. Романъ. Переводъ съ нѣм. А. А. Перелыгиной. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". М. 1900. Малые шалуны. **П. М. Невѣжина**. Ц. 60 к.—Что было и что есть. Очерки и разсказы **Вас. Ив. Немировича-Данченко**. Ц. 25 к.—По волѣ Божьей. Разсказы и очерки **Вас. Ив. Немировича-Данченко**. Ц. 75 к.—О чемъ разсказывалъ вѣтеръ. Повѣсти и разсказы **Вас. Ив. Немировича-Данченко**. Ц. 50 к.

Птичья стайка. Разсказы и стихотворенія **Ив. А. Бѣлоусова**. 2-е изданіе. Съ рис. М. 1900. Ц. 10 к.

Изданія кн. магазина „Знаніе". Спб. 99. **А. Свирскій**. Забракованный. Разсказъ. Ц. 3 к.—**И. Франко**. Цыгане. Переводъ съ малорусскаго. Ц. 3 к.—**Брешко-Брешковскій**. Запорожскій казакъ Игнатъ Подкова. Ц. 10 к.—**Е. Чижовъ**. Отъ лучины до электричества. Ц. 15 к.—**Н. Березинъ**. Разсказы о лавинахъ. Ц. 5 к.—**И. Давидсонъ**. Борьба въ природѣ. Ц. 10 к. — **И. Березинъ**. Разсказы о томъ, какъ трясется земля и море. Ц. 5 к.—**М. Полянская**. Жизнь и сочиненія Ф. М. Рѣшетникова. Ц. 5 к.—**Ч. Вѣтринскій**. Очеркъ жизни и дѣятельности В. Г. Бѣлинскаго. Ц. 15 к.—**Ч. Вѣтринскій**. Жизнь и пѣсни А. В. Кольцова. Ц. 10 к.—**Ч. Вѣтринскій**. Очеркъ жизни и дѣятельности Н. А. Некрасова. Ц. 15 к.

Digitized by Google

Александръ Березинъ. Одинокій трудъ. Статья и стихи. М. 99. Ц. 40 к.

Изданія книгоиздательства „Знаніе". Одесса. 99. **М. Ю. Гольдштейнъ.** Живое и мертвое. Ц. 25 к.—**Карлъ Бюхеръ.** Экономическій строй первобытныхъ народовъ. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей М. Э. Гуковскаго. Ц. 25 к.—**Л. Гумпловичъ.** Соціологическіе очерки. Переводъ съ нѣм. М. Э. Гуковскаго. Ц. 40 к.

Проф. **В. В. Ивановскій.** Вопросы государствовѣдѣнія, соціологіи и политики. Казань. 99. Ц. 2 р.

Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, переработанный и дополненный для Россіи по послѣднему изданію Konversations-Lexikon'а Мейера подъ редакціей С. Н. Южакова. Вып. I и II. Спб. 99. Ц. 1 р.

Три замѣчательные старообрядца. **Тертія Филиппова.** Спб. 99. Ц. 50 к.

Фантазія на трагедію „Гамлетъ" Шекспира. Культурно-историческіе очерки. **С. Д. Махаловъ.** М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Вагнеріанскій вопросъ. **Фридриха Ницше.** Переводъ О. О. Р. Изданіе кн. магазина В. А. Просяниченко. Кіевъ. 99. Ц. 40 к.

Д. Н. Анучинъ. А. С. Пушкинъ. Антропологическій эскизъ. (Изъ „Русскихъ Вѣдомостей"). М. 99.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Вып. II. Изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 99.

Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. **Э. Левассера.** Съ приложеніемъ статей Г. Фальборка, В. Чарнолускаго и В. Скалона. Т. II. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 99. Ц. за все изданіе 5 р.

Сельскія безплатныя народныя библіотеки-читальни Ярославской губ. съ 1896 по 1 сент. 1897 г. Ярославль. 99.

Комиссія по организаціи домашняго чтенія. Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса. Изданіе 5-е. М. 1900. Ц. 35 к., съ перес. 48 к., налож. плат. 65 к.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Подъ редакціей А. І. Степовича. Кіевъ. 99.

Отчетъ о дѣятельности комитета одесскаго отдѣленія о-ва распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1898 г. Одесса. 99.

Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. Отчетъ отдѣла защиты дѣтей за 1898 г. Спб. 99.

Отчетъ о дѣятельности 1-й и 3-й безплатныхъ народныхъ читаленъ-библіотекъ въ Харьковѣ за 1898 г. Харьковъ. 99.

Отчетъ о дѣятельности харьковской коммиссіи народныхъ чтеній за 1898 г. Харьковъ. 99.

Отчетъ о дѣятельности орловской городской публичной библіотеки за 1898 г. Вятка. 99.

Отчетъ Нижегородской городской общественной библіотеки за 1898 г. Н.-Новгородъ. 99.

Отчетъ о дѣятельности о-ва содѣйствія народному образованію въ области войска донского за 1898 г. Новочеркасскъ. 99.

Н. Карѣевъ. Исторія западной Европы въ новое время. Вып. VI. Изданіе 2-е. Спб. 99. Ц. 2 р.

Учебникъ русской исторіи. **Александра Трачевскаго.** 2-е изданіе. Спб. 1900 г. Часть I, съ 25 рис. Ц. 1 р. 25 к. Ч. II, съ 47 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Историческое развитіе современной Европы отъ Вѣнскаго конгресса до

Digitized by Google

нашего времени. **Чарльза М. Эндрьюсъ**. Т. I и II. Переводъ съ англ. М. В. Лучицкой подъ ред. И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 3 р.

В. Базаровъ. Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность. Изданіе С. Дароватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 99. Ц. 40 к.

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки. 2-е изданіе. С. Дароватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Курсъ торговаго права. **Г. Ф. Шершеневича.** 3-е изданіе. Казань. 99. Ц. 6 р.

Учебникъ торговаго права. **Г. Ф. Шершеневича**. Изданіе кн. магазина бр. Башмаковыхъ. Казань. 99. Ц. 2 р. 50 к.

Профессіональное нищенство, его причины и формы. Бытовые очерки **А. Левенстима.** Спб. 1900. Ц. 1 р.

Трудъ, собственность и капиталъ надъ охраной страхованія. Народно-хозяйственный очеркъ. Составилъ **А. А. Шахтъ**. Спб. 99. Ц. 1 р.

Дешевыя квартиры въ Германіи и самопомощь въ ихъ устройствѣ. Д-ра **Альбрехта**. Съ 4 чертежами и 12 планами. Переводъ съ нѣм. Изданіе А. П. Полевацкаго. Спб. 99.

Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. **Д. Н. Шиповъ**. М. 99.

И. Ремсенъ. Введеніе къ изученію органической химіи. (Библіотека для самообразованія). Переводъ Н. С. Дрентельна. Съ измѣненіями и дополненіями М. И. Коновалова и съ приложеніемъ статьи Н. Я. Демьянова. Изданіе 2-е. М. 1900. Ц. 1 р. 75 к.

Д. Г. Макъ-Кендрикъ и **В. Снодграсъ.** Физіологія органовъ чувствъ. Съ 125 рис. (Библіотека для самообразованія). Переводъ съ англ. Н. Горановича. М. 1900. Ц. 1 р. 75 к.

Основы сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ. Съ 289 рис. **К. Э. Линдемана.** Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 99. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Digitized by Google

Къ характеристикѣ нашихъ общественныхъ начинаній.

„Наша мысль привыкла, пока что, останавливаться именно передъ самою-то сутью дѣла, привыкла ждать, годить и ограничиваться мимическимъ рѣшеніемъ вопроса“.

Гл. Успенскій.

Въ теченіе послѣдняго года вышли въ свѣтъ въ трехъ выпускахъ „Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ“. Составлены они изъ „журналовъ засѣданій и докладовъ“ одного отдѣленія Общества охраненія народнаго здравія. Можно съ увѣренностью сказать, что эти „Труды“ не получатъ широкаго распространенія, и массѣ публики не станетъ совершенно извѣстнымъ, какъ поставленъ у насъ и какъ рѣшается одинъ изъ капитальныхъ вопросовъ не только народнаго здравія, но и народнаго благосостоянія и нравственности. Между тѣмъ объ этомъ нельзя не пожалѣть... Алкоголизмъ получилъ къ нашему времени столь широкое распространеніе, что заслуживаетъ самаго интенсивнаго вниманія со стороны всѣхъ общественныхъ слоевъ. На западѣ люди жизни и науки, серьезно встревоженные разрушительнымъ шествіемъ алкоголя, давно забили тревогу, объявивъ спиртнымъ напиткамъ крестовую войну; тамъ вербуются „арміи спасенія“, составляются проекты „выхода изъ трущобъ“ алкоголизма, всѣ классы и сословія призываются осуществлять „высоконравственныя цѣли въ борьбѣ съ алкоголизмомъ“. Вопросомъ „отчего люди одурманиваются“ и происходящими отсюда послѣдствіями интересуются и фізіологи, и псиxіатры, и соціологи, и экономисты, и художники, и въ наиболѣе практической его формѣ государственные люди. Необыкновенная серьезность поднятой борьбы противъ алкоголизма явствуетъ и изъ того, что участіе въ ней принимаютъ люди самыхъ разнообразныхъ мнѣій, соціальнаго положенія и порой діаметрально противоположныхъ позицій въ общественной жизни. Въ то время, какъ на правомъ флангѣ всѣхъ соединившихся въ борьбѣ противъ алкоголя первоприсутствуютъ всевозможные добродушные буржуа-филантропы, поставившіе своимъ лозунгомъ слова: „въ этомъ вопросѣ репрессія выше убѣжденія“ *), — на противопо-

*) См. *Графа д'Оссонвилля* „Нужда, порокъ и благотворительность“ пер. съ франц. В. Ордина. СПБ. 1899 г. стр. 56.



ложномъ концѣ мы видимъ представителей рабочаго класса, одинъ изъ которыхъ, именно Мильеранъ, былъ вмѣстѣ съ епископомъ Тюринацъ вице-предсѣдателемъ не такъ давно кончившаго свои занятія седьмого международнаго конгресса трезвости.

Между тѣмъ у насъ наравнѣ съ постояннымъ повтореніемъ цѣлаго ряда фразъ о всевозможныхъ порокахъ, причина появленія которыхъ лежитъ исключительно въ пьянствѣ, замѣтно полное отсутствіе общественнаго вниманія къ борьбѣ съ алкоголизмомъ, какъ серьезнымъ соціальнымъ зломъ. И это тѣмъ болѣе странно что въ нашей жизни послѣдняго полстолѣтія есть чрезвычайно любопытная страничка,—теперь, какъ и многія другія еще болѣе интересныя, совершенно забытая,—которая свидѣтельствуетъ о совершенно другомъ, чѣмъ нынѣ, отношеніи общества къ попыткамъ борьбы съ пьянствомъ. Былъ моментъ, когда общественная мысль, разбуженная неяснымъ и глухимъ бойкотированіемъ со стороны народныхъ массъ наглыхъ откупщиковъ винной торговли, какъ бы проснулась и съ живѣйшимъ сочувствіемъ сосредоточила свое вниманіе на небываломъ доселѣ явленіи: добровольномъ отказѣ крестьянскихъ обществъ отъ потребленія спиртныхъ напитковъ, непомѣрно вздорожавшихъ въ рукахъ королей откупа. Это было въ концѣ 50-хъ годовъ... Подъ вліяніемъ энергичной проповѣди духовенства, среди католическаго населенія Западныхъ губерній начали съ поразительной быстротой рости „общества трезвости“, скоро проникшія и въ великороссійскую окраину имперіи. Откупщики были смущены этимъ бойкотомъ и во многихъ мѣстахъ уступили было напору со стороны крестьянскихъ обществъ, но побѣда послѣднихъ не оказалась, къ несчастью, прочной...

Повторилась въ концѣ концовъ еще одна варіація на тему „сила ломитъ и соломушку“, — т. е. росту обществъ трезвости былъ положенъ предѣлъ... Съ уничтоженіемъ ихъ померло и вниманіе общества къ борьбѣ съ алкоголемъ. И теперь памятникомъ былого сочувствія къ народному бойкоту откуповъ путемъ образованія обществъ трезвости. осталась лишь одна публицистическая статья Н. А. Добролюбова, въ которой онъ, не смотря на всю свою строгость и требовательность, съ необыкновеннымъ восторгомъ привѣтствовалъ новое явленіе, какъ цѣнное доказательство присущей народу солидарности въ отстаиваніи своихъ интересовъ *)...

Въ пореформенное время вопросъ о народномъ пьянствѣ получаетъ нѣсколько иную постановку... Въ серединѣ 60-хъ годовъ, нѣкоторыя земства, „занявшись вопросомъ о причинахъ нищен-

---

*) Статья эта подъ заглавіемъ „Народное дѣло“, очень характерная вообще для Добролюбова, помѣщена въ IV томѣ его сочиненій. См. изд. О. Поповой 1897 года.



ства населенія, пришли къ выводу, что все зло въ пьянствѣ", для скорѣйшаго искорененія котораго одно изъ нихъ и аппелировало къ благотворному вліянію „рѣзкихъ мѣръ и тѣлеснаго наказанія". Еще въ двухъ-трехъ земскихъ собраніяхъ той же цѣли думали достигнуть путемъ совершеннаго изъятія изъ продажи крѣпкихъ напитковъ, но, встрѣтившись здѣсь лицомъ къ лицу съ интересами фиска, наши земцы не устояли передъ его всесильнымъ значеніемъ и кончили компромиссомъ, столь-же жалкимъ, сколь успокоительнымъ: „радикальное искорененіе пьянства"—рѣшили они, — „какъ исключительной причины нищенства, теперь еще не своевременно" (См. № 80 „Сына Отеч." за 1899 г.). На этомъ вопросъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ не остановился. Чѣмъ ближе къ нашему времени и чѣмъ дальше отъ эпохи „великихъ" реформъ, тѣмъ все больше рѣшеніе его клонилось въ сторону репрессивнаго воздѣйствія на пьяницъ, какъ бы отражая на себѣ общее пониженіе уровня нашей общественной жизни. И нынѣ среди того духовенства, подъ вліяніемъ котораго образовался у насъ сорокъ лѣтъ тому назадъ первый походъ противъ водки, находятся такія лица, которыя, окончательно увѣровавъ въ благотворность тѣлеснаго наказанія, считаютъ возможнымъ рекомендовать его, „какъ вполнѣ спасительную отъ пьянства мѣру". Такъ именно поступаетъ протоіерей Михайловскій, предлагающій въ своей брошюрѣ „Друзьямъ трезвости" „лѣчить" алкоголиковъ розгами, причемъ о. протоіерей ссылается на слова одного корреспондента „Новаго Времени", который лично зналъ крестьянъ, излѣченныхъ... — „впрочемъ, послѣ 5 — 8 порокъ"—этимъ путемъ „отъ пристрастія къ водкѣ" *)...

Теперь, съ выступленіемъ на сцену „Коммиссіи", „у насъ въ Россіи,—говоря словами одного члена,—вопросъ объ алкоголизмѣ въ первый разъ подвергается *серьезному обсужденію во всей ши-*

---

*) См. указанный № „Сын. От." Аналогичный фактъ сообщаютъ „Бирж. Вѣдомости" въ № 177 (отъ 29 іюня 1899 г.) 2-го изданія, описаніе котораго мы приводимъ дословно. „Казанскій полиціймейстеръ П. П. Панфиловъ" — говоритъ газета въ отдѣлѣ „Новостей и отголосковъ" подъ рубрикой „борьба съ пьянствомъ"—„внесъ въ мѣстное общество трезвости проектъ борьбы съ пьянствомъ, заключающійся въ томъ, чтобы всѣ забираемыя *въ безобразно пьяномъ видѣ* лица подвергались преслѣдованію по ст. 42 уст. о нак. нал. миров. суд. (7-и дневный арестъ или штрафъ не свыше 25 р)., а затѣмъ фамиліи этихъ лицъ публиковались бы въ „Губ. Вѣд." и мѣстныхъ газетахъ. Кромѣ того г. Панфиловъ предлагаетъ обществу, какъ сообщаютъ „СПБ. Вѣд.", возбудить ходатайство передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о возобновленіи старинной мѣры противъ пьянства, заключающейся въ томъ, что забираемыхъ за пьянство лицъ безъ различія сословій и общественнаго положенія отсылали на общественныя работы по чисткѣ и уборкѣ городскихъ улицъ и площадей. *Комитетъ, принявъ предлагаемыя г. Панфиловымъ мѣры, возбудилъ объ ихъ осуществленіи ходатайство передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ"* (курсивы мои).

Digitized by Google

ротъ и въ составъ компетентныхъ дѣятелей" *), которые и должны положить современемъ конецъ всѣмъ невѣжественнымъ изувѣрствамъ нашихъ охранителей, поставивъ вопросъ на правильную почву. Первые шаги уже сдѣланы коммиссіей. Насколько они удовлетворяютъ поставленной задачѣ и въ какой мѣрѣ обезпечиваютъ успѣхъ дальнѣйшимъ ея работамъ, будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

I.

Вновь образованная для борьбы съ алкоголизмомъ коммиссія не можетъ пожаловаться на недостатокъ интеллектуальныхъ силъ. Среди членовъ ея находится много извѣстныхъ профессоровъ и ученыхъ, представителей самыхъ разнообразныхъ спеціальностей: психіатріи (гг. Чечоттъ, Черемшанскій, Бехтеревъ и др.), гигіены, статистики (г. Осиповъ), политической экономіи (г. Янжулъ), юриспруденціи, антропологіи (проф. Пэтри) и пр.; нѣсколько лицъ, занимающихъ высокіе государственные посты (сенаторы гг. Фуксъ и Фойницкій, А. Ф. Кони, Н. С. Таганцевъ), а также нѣсколько чиновниковъ финансоваго вѣдомства, представляющихъ въ коммиссіи группу съ опредѣленными вполнѣ взглядами и стремленіями. Вообще въ коммиссіи членами **) состоятъ люди, принадлежащіе по своимъ профессіямъ, къ сливкамъ нашей, такъ называемой, либеральной интеллигенціи, и это обстоятельство усиливаетъ вполнѣ понятнымъ образомъ вниманіе къ ея интересной дѣятельности. Богатый и разнообразный составъ коммиссіи не помѣшалъ членамъ ея настолько сойтись въ общихъ взглядахъ на задачи предстоящей имъ работы, что, намѣчая основныя положенія послѣдней, они не только не тратили время на безплодные и утомительные дебаты, но, напротивъ, предвосхищали мнѣнія другъ друга. И нужно отдать справедливость коммиссіи, основы, на которыхъ она предполагаетъ вести свою работу, настолько удачно выбраны, что вполнѣ предохранятъ ее отъ всевозможныхъ капризовъ судьбы, столь обильно разсыпанныхъ у насъ на пути всякаго широко-общественнаго дѣла.

На первыхъ-же страницахъ перваго выпуска „Трудовъ" невольно обращаетъ на себя вниманіе фраза, подчеркнутая курсивомъ, изъ которой явствуетъ, что свои работы коммиссія намѣрена воздвигнуть на „*принципѣ постепенности*". Члены считаютъ необходимымъ, „не упуская изъ виду никакихъ идеаловъ, къ которымъ слѣдуетъ стремиться... прежде всего намѣтить и

---

*) „Труды" Вып. I отд. I стр. 7. Курсивы вездѣ мои, гдѣ не оговорено обратное.

**) Число членовъ во II выпускѣ „Трудовъ" показано въ количествѣ 121.


Digitized by Google

подчеркнуть то, что можетъ быть осуществлено въ ближайшемъ будущемъ", ибо „задачи коммиссіи прежде всего практическія" *). Имѣя въ рукахъ такой, безспорно, вполнѣ соотвѣтствующій злобѣ дня, принципъ, члены сумѣли найти чрезвычайно удобные пути для приближенія къ своимъ „практическимъ идеаламъ" (выраженіе г. фонъ Ольдерогге). Предсѣдатель, на долю котораго выпала въ данномъ (какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ) случаѣ счастливая роль выразителя общаго настроенія, увидѣлъ главный смыслъ практическихъ занятій коммиссіи въ томъ, что „по многимъ, рѣшеннымъ въ ней вопросамъ, придется по всей вѣроятности возбудить различныя ходатайства". И члены, соревнуя другъ съ другомъ въ поспѣшности и ссылаясь другъ на друга, охотно примкнули къ такому толкованію выраженія „задачи коммиссіи прежде всего практическія". Немедленно послѣ словъ предсѣдателя проф. Данилевскій подчеркнулъ, что „данный моментъ наиболѣе благопріятенъ для рѣшенія практическихъ вопросовъ объ алкоголизмѣ, такъ какъ само правительство, повидимому, внимательно прислушивается къ голосу компетентныхъ людей по вопросу о питейной реформѣ" **).

На этотъ основной мотивъ каждый изъ членовъ считалъ долгомъ воспроизвести собственную варіацію. Одинъ изъ нихъ удостовѣряетъ, что „труды коммиссіи могутъ быть полезны министерству финансовъ, если, напримѣръ, по вопросу о винной монополіи будетъ возбуждено какое-либо ходатайство" ***); другой считаетъ себя въ правѣ ожидать „самыхъ широкихъ мѣропріятій со стороны правительства, какъ въ смыслѣ субсидированія колоній (для алкоголиковъ), такъ и со стороны измѣненія законодательства о принудительномъ лѣченіи пьяницъ" ****); третій хотя и скорбитъ всей душой о нѣкоторой запоздалости трудовъ коммиссіи („еслибъ всѣ эти вопросы",—говоритъ онъ,—„были рѣшены до введенія винной монополіи, кто знаетъ, быть можетъ, правительство и не отвергло-бы нашего скромнаго сужденія" и т. д.; но все-же утѣшается тѣмъ соображеніемъ, что въ нашей питейной реформѣ видна „благотворная волна чувства негодованія противъ злоупотребленія алкоголемъ" и что потому нельзя „не быть признательнымъ за это нашему министру финансовъ, какъ человѣку во главѣ дѣла (питейной монополіи) стоящему" *****)... Однимъ словомъ, взоры членовъ коммиссіи съ надеждой устремлены на казенную винную торговлю...

И это не случайность...

---

*) См. Вып. I, отд. I, стр. 4, 6.

**) Тамъ-же, стр. 6.

***) Тамъ-же. стр. 7, слова г. Дымши.

****) Тамъ-же, стр. 31, слова г. Бехтерева.

*****) Тамъ-же, стр. 28, слова г. фонъ-Ольдерогге.

Digitized by Google

Въ борьбѣ съ алкоголизмомъ коммиссія далеко не надѣется на свои, слабыя, конечно, силы. Она и практически, и теоретически апеллируетъ къ государственней власти, на которую и возлагаетъ осуществленіе высоконравственныхъ цѣлей въ борьбѣ съ пьянствомъ. Съ практической стороны коммиссія скоро могла убѣдиться, что она не ошиблась въ разсчетахъ, прибѣгая подъ покровъ людей, власть и силу имущихъ. Даже больше: въ правительственныхъ сферахъ ей былъ оказанъ чрезвычайно радушный пріемъ. Вотъ, именно, чѣмъ могъ въ этомъ отношеніи предсѣдатель порадовать своихъ сочленовъ въ 14-ое засѣданіе коммиссіи, происходившее 16 декабря 1898 года.

„Всѣ представители государственной власти, къ которымъ я, въ качествѣ предсѣдателя коммиссіи, обращался, а именно—гг. министры: внутреннихъ дѣлъ, военный, народнаго просвѣщенія, г. оберъ-прокуроръ Св. Синода, гг. министры финансовъ и юстиціи, отнеслись къ моему сообщенію съ благосклоннымъ вниманіемъ, и коммиссіи было обѣщано содѣйствіе. Одинъ изъ гг. министровъ, *представитель обширнѣйшаго вѣдомства*, сказалъ, что онъ всячески готовъ содѣйствовать „такому хорошему дѣлу“; другой, стоящій во главѣ *важнѣйшей отрасли государственнаго управленія*, заявилъ, что коммиссія, безъ сомнѣнія, можетъ надѣяться на то, что ея постановленія и ходатайства будутъ „въ извѣстной мѣрѣ“ приняты во вниманіе“. Еще „двое изъ гг. министровъ сдѣлали нѣкоторыя указанія“, а одинъ изъ нихъ „сообщилъ, что въ его вѣдомствѣ борьба съ алкоголизмомъ идетъ успѣшно. Наконецъ, одинъ изъ *самыхъ вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей* выразилъ коммиссіи вниманіе присылкой брошюры о заведеніяхъ для алкоголиковъ, къ идеѣ объ учрежденіи которыхъ у насъ въ России онъ относится весьма сочувственно“ *).

Вполнѣ понимая то чувство нравственнаго самодовольства, которымъ насквозь проникнуты процитированныя слова, мы, однако, рѣшаемся думать, что симпатіями представителей высшей государственной власти къ коммиссіи отнюдь не рѣшается трудное дѣло борьбы съ такимъ сильнымъ соціальнымъ зломъ, какъ алкоголизмъ.

Въ наше время, кажется, окончательно изжилъ свой вѣкъ пресловутый принципъ laisser faire, дававшій большой просторъ сильному и оставлявшій безъ защиты слабаго. Теперь нѣтъ, или почти нѣтъ принципіальныхъ противниковъ государственнаго вмѣшательства въ жизнь націи; напротивъ, даже представители направленія, игнорировавшаго раньше путь реформы (не говоря уже о другихъ теченіяхъ), нынѣ все больше стараются принять обликъ государственныхъ реформаторовъ. Очевидно, идея правительственнаго воздѣйствія на народную жизнь завоевала себѣ большія права.

*) Вып. III, отд. I, стр. 163. Курсивъ нашъ.


Digitized by Google

Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлились тѣ условія, которыя обезпечиваютъ наиболѣе желательное приложеніе этой идеи. Теперь ясно, что она тѣмъ умѣстнѣе, чѣмъ подлежитъ большему контролю со стороны возможно большаго числа людей, ибо это отодвигаетъ ее на неизмѣримое разстояніе отъ безсмертнаго принципа „тащи и не пущай“... Коммиссія en masse относится съ большимъ довѣріемъ къ силѣ и компетенціи государственной власти, чѣмъ, какъ намъ кажется, и должны быть объяснены тѣ восторженные о казенной монополіи, отзывы, которые въ изобиліи разсыпаны на страницахъ трехъ выпусковъ ея „Трудовъ“. Самая монополія вызвана, по выраженію одного члена „необходимостью начать борьбу (съ алкоголизмомъ), *вести ее боевымъ оружіемъ*, а не одними хорошими словами; не на почвѣ пропаганды трезвости словомъ, а на почвѣ ограниченія питейной торговли“ *). Слова эти прекрасно резюмируютъ взгляды членовъ коммиссіи на сущность мѣръ борьбы съ алкоголизмомъ. Члены совсѣмъ не довѣряютъ силѣ и значенію „хорошихъ словъ“. По мнѣнію большинства изъ нихъ (въ числѣ котораго можно назвать имена: г. предсѣдателя, гг. Чечотта. фонъ-Ольдерогге, Бородина, Минцлова, Шумахера, профессовъ Догеля, Янжула и др.), „предупредить послѣдствія пьянства можно лишь однимъ чрезвычайно радикальнымъ способомъ: изъять изъ народнаго употребленія спиртные напитки“. Признавая этотъ принципъ, поименованные члены и ихъ единомышленники въ коммиссіи расходятся только во взглядахъ на возможность примѣненія его въ повседневной государственной практикѣ. Одни изъ нихъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ объявляютъ свое основное положеніе совершенно непригоднымъ для руководства въ практической жизни **), другіе стоятъ не за полное его воплощеніе въ мѣрахъ государственнаго характера, а лишь за частичное, въ видѣ, напримѣръ, казенной монополіи (г. Минцловъ); третьи мирятся съ проведеніемъ его въ жизнь посредствомъ устройства ряда „запретныхъ мѣстностей“, которыя обезпечатъ полный успѣхъ въ борьбѣ съ пьянствомъ ***); наконецъ, четвертые видоизмѣняютъ основное положеніе такимъ об-

---

*) См. докладъ г. Минцлова: „Монополія торговли спиртными напитками въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ и въ Россіи“. „Труды“ вып. I, отд. II, цитированныя слова на стр. 51.

**) Г. Чечоттъ, напр., говоритъ о призрачности „подобныхъ мѣръ“ и непримѣнимости ихъ „по фискальнымъ соображеніямъ“, хотя примыкаетъ вполнѣ къ цитированному основному положенію (послѣднее и передано его словами). См. Вып. I, отд. I, стр. 17.

***) Г. Фонъ-Ольдерогге: „Сколько семей разрушено, сколько дѣтей заброшено, сколько лишней нищеты, равнодушія къ своему положенію, болѣзней, вырожденія, проступковъ“ и пр. и пр.—„сколько всего, что можно было бы сократить, имѣя въ своемъ распоряженіи для неустойчиваго передъ алкоголемъ населенія рядъ запретныхъ мѣстностей“... Вып. I, отд. I, стр. 29.

Digitized by Google

разомъ, что на основаніи его предлагаютъ принять „за исходную точку зрѣнія *систематическія и настойчивыя мѣры къ постепенному и прогрессивному ограниченію потребленія алкогольныхъ напитковъ* *); за всѣмъ тѣмъ члены съ одинаковымъ упованіемъ смотрятъ на силу государственной власти и, памятуя о настоящемъ моментѣ, когда „правительство внимательно прислушивается къ голосу компетентныхъ людей о винной монополіи", считаютъ нужнымъ „съ особеннымъ вниманіемъ" (говоря словами г. предсѣдателя) остановиться въ своей программѣ на вопросѣ о „казенной винной монополіи и ея значеніи" **).

Соотвѣтственно такимъ посылкамъ, въ коммиссіи главныя силы тратились не на отысканіе причинъ алкоголизма, не на опредѣленіе его территоріальнаго распространенія, не на статистику пьянства, а на критику или защиту нашей казенной монополіи. Въ „Трудахъ" почти весь третій выпускъ, равный по объему первымъ двумъ, значительная часть перваго (размѣромъ превышающаго второй болѣе, чѣмъ въ два раза) и нѣкоторыя мѣста второго посвящены такъ или иначе монополіи. По поводу ея было прочитано цѣлыхъ 13 сообщеній (гг. Минцловымъ, Шумахеромъ, Осиповымъ, Буловскимъ, Лозинскимъ, Бородинымъ), нѣсколько краткихъ дополнительныхъ докладовъ, сказана масса рѣчей, потрачено не мало полемическихъ стрѣлъ, разсыпана бездна панегириковъ и славословій, сдѣлано нѣсколько экскурсій въ область гигіены, физіологіи, политической экономіи; и въ концѣ концовъ всетаки этого оказалось еще недостаточно: пришлось избрать цѣлую субкоммиссію по вопросу о винной монополіи, чтобы возложить на нее „детальную и окончательную разработку этого вопроса"...

Фактъ избранія этой субкоммиссіи очень любопытенъ. Очевидно, ни защитники монополіи, ни ея противники не обладали настолько вѣсской аргументаціей, чтобы склонить общественное мнѣніе коммиссіи, безъ предварительнаго разсмотрѣнія вопроса въ нарочито составленной группѣ спеціалистовъ, на ту или иную оцѣнку реформы министерства финансовъ. И дѣйствительно, въ аргументаціи какъ противниковъ монополіи, такъ еще болѣе ея защитниковъ были серьезные дефекты.

Ядро многочисленныхъ сторонниковъ реформы питейной торговли составили чиновники финансоваго вѣдомства гг. Осиповъ, Шумахеръ и Минцловъ; вооруженные цифрами (г. Осиповъ), послѣдними свѣдѣніями и новостями правительственныхъ сферъ, не лишенные способности излагать бойкимъ языкомъ свои мнѣнія (г. Шумахеръ), гордые сознаніемъ, что они до извѣстной степени

*) Слова предсѣдателя. Вып. I, отд. I, стр. 77.

**) См. „Программу коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ". Вып. I, отд. I, стр. 20—21, цитированное мѣсто въ п. V.


Digitized by Google

творцы монополіи (г. Минцловъ такъ и выражался: „мы" сдѣлали то-то), эти члены дружно повели атаку на врага. Врагъ, къ сожалѣнію, не оказался на высотѣ призванія, и поле битвы осталось за побѣдоноснымъ тріумвиратомъ. Врагъ этотъ обнаружилъ безусловно неодобрительное отношеніе къ винной монополіи въ лицѣ главнымъ образомъ *одного* члена, — г. Бородина; но и то здѣсь оказалось, какъ увидимъ ниже, нѣкоторое недоразумѣніе.

Мы не хотимъ сказать, что, кромѣ г. Бородина, не было противниковъ у тріумвирата изъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства; нѣтъ, они были. Но противники эти, хотя и выступали противъ монополіи съ докладами, — напр., д-ръ Лозинскій, — однако признавали за ней извѣстное положительное значеніе; говорили, напримѣръ, такъ: „внѣ всякаго сомнѣнія" стоитъ тотъ фактъ, что при кабакахъ было *гораздо хуже*. И такихъ сторонниковъ у г. Бородина было не одинъ, не два, — но помощи существенной они ему не оказали. Г. Бородину пришлось выносить на своихъ плечахъ и нападеніе на противниковъ, и защиту, когда битва склонялась не въ его пользу. Никто не поддержалъ его и не пришелъ на помощь, когда онъ въ своемъ первомъ тезисѣ предложилъ воротиться къ старому типу кабака, замѣнивъ въ немъ цѣловальника представителемъ финансоваго вѣдомства...

Нѣтъ нужды приводить возраженія г. Бородина. Это не интересно. Критикующая часть его доклада содержитъ простое повтореніе того, что много разъ служило указаніемъ со стороны печати; положительныхъ же взглядовъ докладчика можно не касаться, потому что въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на одной принципіальной точкѣ зрѣнія, напр., съ г. Шумахеромъ, послѣднее возраженіе котораго г. Бородину, произнесенное во славу винной монополіи, было настоящей пѣснею торжествующаго побѣдителя. Не смотря на весь свой антагонизмъ, тотъ и другой исходятъ изъ одного основного положенія, которое въ тезисахъ докладчика выражено такими словами: необходимо замѣнить систему умѣренности „строго проведеннымъ принципомъ ограниченія производства алкоголя и постепеннаго воспрещенія продажи спиртныхъ напитковъ, какъ предмета народнаго потребленія". Практическое воплощеніе такого принципа состоитъ въ томъ, по словамъ докладчика, что онъ „пошелъ бы дальше (чѣмъ министерство финансовъ) и закрылъ бы всѣ мѣста продажи" алкогольныхъ напитковъ. А это—полное признаніе запретительной системы, одной изъ разновидностей которой и является казенная торговля водкой...

Г. Бородинъ взялся, что называется, „разнести" винную монополію, доказать весь вредъ, который она приноситъ народу (отъ неправильнаго примѣненія ея принциповъ онъ пророчитъ „неисчислимыя бѣдствія всему русскому народу")—однимъ словомъ, открылъ цѣлый походъ противъ „гг. публицистовъ, защищающихъ винную монополію", и послѣ громоносныхъ изверженій на

Digitized by Google

50 страницахъ доклада по ея адресу, примкнулъ къ *основному* положенію своихъ противниковъ. А изъ-за этого не стоило и огородъ городить...

Въ отличіе отъ г. Бородина его оппоненты *) отличались большей послѣдовательностью въ проведеніи основного принципа, хотя это не помогло имъ быть болѣе убѣдительными.

Возьмемъ, къ примѣру, гг. Минцлова и Шумахера. Оба они въ описаніи благихъ послѣдствій защищаемой ими реформы прямо неудержимы. Оба въ голосъ увѣряютъ, что со времени введенія у насъ казенной монополіи сокращеніе мѣстъ продажи питей идетъ прямо форсированнымъ маршемъ: винныя лавки закрываются десятками. „Въ Подольской губерніи, напримѣръ",—свидѣтельствуетъ г. Минцловъ — „закрыто 80% всѣхъ кабаковъ" — и такія явленія теперь не единичны, „а встрѣчаются повсюду" (В. I, отд. I, стр. 30). Съ своей стороны г. Шумахеръ устанавливаетъ въ pendant своему коллегѣ, что число мѣстъ *распивочной* продажи въ 20 губерніяхъ (нынѣ съ казенной монополіей) уменьшилось со времени ея введенія на 85% (В. III, отд. II, стр. 194). Очевидно, Россія идетъ неуклоннымъ съ 1894 года путемъ къ искорененію алкоголизма. Выводъ этотъ былъ бы до крайности утѣшителенъ для насъ, если бы гг. Минцловъ и Шумахеръ не омрачили его нѣсколькими признаніями. Прежде всего является вопросъ: свидѣтельствуетъ ли сокращеніе числа мѣстъ продажи питей объ уменьшеніи пьянства въ народѣ? У г. Минцлова нѣтъ мужества отвѣтить на этотъ вопросъ прямо, онъ колеблется, **), но въ концѣ концовъ собирается съ духомъ и заявляетъ: „именно кабаки порождаютъ потребленіе, а не наоборотъ" ***). Отсюда, кажется, можно заключить, что уменьшеніе количества кабаковъ вліяетъ на сокращеніе пьянства...Но нѣтъ, съ этимъ не хочетъ согласиться г. Шумахеръ—онъ протестуетъ: „при небольшомъ развитіи мѣстъ продажи можно опасаться развитія корчемства" (В. III, отд. II, стр. 190). Да и самъ г. Минцловъ хорошо знаетъ справедливость этихъ словъ: дважды въ коммиссіи онъ объявилъ, что „закрытіе казенной лавки чаще всего влечетъ за собой открытіе десятка тайныхъ притоновъ" ****). Т. е., если изъ 100 лавокъ, принадлежащихъ монополіи, закроется 85, то на ихъ трупахъ станетъ процвѣтать цѣлыхъ 850 тайныхъ притоновъ, которые губятъ бѣдную нравственность самыми гнусными способами: „тутъ и публичныя женщины, и карты, и танцы, и разве-

---

*) Доклады слѣдовали въ такомъ порядкѣ: въ XI засѣданіи прочелъ докладъ „Винная монополія" г. Бородинъ. Въ XII были выслушаны гг. Шумахеръ и Осиповъ; въ XIII и XIV обмѣнивались любезностями и возраженіями гг. Осиповъ, Шумахеръ, Минцловъ съ г. Бородинымъ.

**) См. стр. 22 его доклада въ В. I, отд. II.

***) В. I, Отд. II, стр. 70, докладъ г. Минцлова.

****) Вып. I, отд. II, стр. 72; В. III, отд. I, стр. 155.


Digitized by Google

селыя пѣсни". „Тутъ, именно тутъ,"—вопіетъ докладчикъ,—„гибнетъ нравственность, а водка, подкрашенная, отравляемая, убиваетъ здоровье *)...

Очевидно, монопольный законъ не безъ дефектовъ, разъ защитники его ставятся иной разъ въ такое двусмысленное положеніе. А намъ не трудно было бы простымъ подборомъ цитатъ показать, что въ докладахъ и рѣчахъ сторонниковъ „боевого оружія,"—какъ выражается г. Минцловъ,—веселымъ картинкамъ, въ родѣ вышеприведенной, „нѣсть числа". Мы этого не будемъ дѣлать; сошлемся на слова того же г. Минцлова, что онъ „далекъ отъ мысли" будто бы результаты нашей системы „безукоризненно хороши"... Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ доказательство правоты своего утвержденія, что упоминаемый „публицистъ" не можетъ двухъ словъ сказать безъ противорѣчія, просимъ читателя вдуматься въ слѣдующее произведеніе пера г. Минцлова. „Если монопольный законъ," — говоритъ онъ, — „еще не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагали,—то это не потому, что онъ не хорошъ, а потому что *общество недостаточно прониклось его духомъ*, относится къ нему недовѣрчиво и ставитъ ему, такъ сказать, всякое лыко въ строку; само же съ своей стороны ничего не дѣлаетъ, чтобы придти къ нему на помощь. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ дѣйствія правительственныхъ органовъ всегда будутъ парализованы безучастностью общества, его индифферентизмомъ".

Въ другомъ мѣстѣ о томъ же обстоятельствѣ г. Минцловъ скорбѣлъ такимъ образомъ: „у насъ никто палецъ о палецъ не ударитъ, чтобы придти на помощь агентамъ правительства, старающимся преслѣдовать тайную питейную торговлю"...

Нѣсколько въ иномъ видѣ рисуются попытки г. Осипова доказать, что „тамъ (районъ его изслѣдованія 4 восточныя губерніи: Оренбургская, Пермская, Уфимская и Самарская, въ которыхъ монополія дѣйствуетъ съ 1894 года), тамъ, гдѣ установлена винная монополія, обнаруживается не упадокъ, а, напротивъ, ростъ экономическаго благосостоянія". Доказывая это, г. Осиповъ не противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу, подобно г. Минцлову, а ведетъ свою линію прямо и опредѣленно. Послѣднее обстоятельство и помогаетъ сразу замѣтить его основную и грубую,—для человѣка знакомаго съ общими тенденціями народно-хозяйственной жизни,—ошибку. Она состоитъ въ томъ, что, доказывая ростъ экономическаго

*) Кстати: вотъ что писали надняхъ изъ Колпина „Сыну Отеч.": „Давно бы слѣдовало обратить особенное вниманіе на поголовное почти у насъ пьянство, послѣ 9-ти часовъ вечера, когда всѣ винныя казенныя лавки заперты. Такому пьянству способствуетъ широко распространенная у насъ тайная торговля водкой, находящаяся притомъ въ такихъ рукахъ, которымъ менѣе всего приличествовало бы заниматься этимъ дѣломъ". (См. №№ отъ 4 октября).

Digitized by Google

благосостоянія въ означенныхъ губерніяхъ, г. Осиповъ, вопреки всѣмъ здравымъ соображеніямъ, беретъ за мѣрку „народныхъ прибытковъ" столь двусмысленную или даже многосмысленную категорію, какъ „поступленіе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, *а также увеличеніе взносовъ въ сберегательныя кассы*". Про кассы г. Осиповъ дѣлаетъ въ другомъ мѣстѣ такое пояснительное примѣчаніе: „кассы эти, давно существовавшія въ Россіи, получили широкое развитіе только въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, *когда было понято ихъ важное значеніе для населенія и для государства*". Сущность „важнаго значенія" кассъ такова...

По даннымъ г. Осипова въ восточномъ районѣ со времени введенія тамъ монополіи ростъ числа ссудо-сберегательныхъ мѣстъ не обнаружилъ замѣтнаго увеличенія, ихъ образовалось всего на 14,9% больше, чѣмъ въ предыдущее трехлѣтіе, тогда какъ эта цифра по имперіи возвысилась до 39%...

Очевидно, на востокѣ кассы имѣютъ своими кліентами однихъ и тѣхъ же лицъ изъ одной и той же мѣстности, собирая и „всасывая" въ себя, по выраженію г. Осипова, старыя сбереженія. Кто-же эти кліенты? Г. Осиповъ, позабывая, что ежегодный бюджетъ нашего рядового крестьянина-„коняги" выражается цифрой въ 55 рублей, относитъ къ кліентамъ кассъ, какъ *„мелкихъ вкладчиковъ"*, такихъ лицъ, размѣръ вклада которыхъ колеблется *отъ 204 рублей до 236 рублей*... И на основаніи такихъ данныхъ заключаетъ, что „общая сумма прибытковъ народа возрастаетъ"... Позволительно поэтому обратить вниманіе опрометчиваго статистика на то, что такой ростъ, — говоря словами человѣка, авторитетъ котораго для г. Осипова долженъ стоять незыблемо,—„не отвѣчаетъ еще на вопросъ, получается ли возрастающая сумма прибытковъ путемъ равномѣрнаго подъема уровня благосостоянія всѣхъ классовъ или же путемъ болѣе быстраго хозяйственнаго прогресса лишь *нѣкоторыхъ* группъ населенія. Нужно думать, что мы имѣемъ дѣло съ процессомъ второго рода" *). Говоря иначе, на нашихъ глазахъ создается, кристаллизуется и обособляется въ отдѣльное сословіе или, вѣрнѣе, классъ вполнѣ опредѣленная группа — мелкая сельская буржуазія"... Ея хозяйственный прогрессъ основанъ на экономическомъ упадкѣ другихъ слоевъ деревни, — именно тѣхъ самыхъ, бюджетъ которыхъ равняется 50 рублямъ съ небольшимъ. Выдѣлившись, группа „мелкихъ вкладчиковъ" и взяла на свои плечи податную тягость. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, между прочимъ, „ростъ поступленія выкупныхъ платежей" и „всѣхъ вообще налоговъ въ восточномъ районѣ" въ такое время, когда,

*) Цитируемъ слова всеподданнѣйшаго отчета министра финансовъ за 1896 годъ. («Новости» 1 янв. 1897 г.).


Digitized by Google

по собственному признанію г. Осипова, „*покупная и платежная сила населенія уменьшилась*“ *).

Г. Осиповъ навѣрное еще не разъ выступитъ во всеоружіи статистики „для опроверженія этихъ ходячихъ,“—какъ онъ строго выражается,—„и ни на чемъ неоснованныхъ сужденій, которыя часто встрѣчаются въ публикѣ и отчасти въ печати“ по поводу винной монополіи. Искренне желая ему возможно большаго успѣха на этомъ пути, мы совѣтуемъ ему на будущее время относиться къ своимъ доказательствамъ, хотя съ такой степенью осторожности и вниманія, чтобы не обнаруживать самаго непростительнаго забвенія элементарныхъ фактовъ народно-хозяйственной жизни...

Чтобы покончить съ характеристикой того довѣрія, которое члены коммиссіи питаютъ къ силѣ государственной власти, намъ остается сказать нѣсколько словъ о взглядахъ ихъ на принудительное лѣченіе алкоголиковъ. Вопросъ о насильственномъ лѣченіи пьяницъ—старый и жгучій вопросъ. Государственная мысль, въ періодъ своего младенчества, обыкновенно апеллируетъ къ репрессіи и путемъ ея думаетъ справиться съ разными маленькими и не маленькими недостатками механизма. Современемъ она бросаетъ этотъ путь. И нынѣ наука учитъ, что принципъ независимости личности можетъ быть нарушенъ только по отношенію къ лицамъ, совершающимъ антисоціальные поступки, причемъ опредѣленіе характера послѣднихъ лежитъ на обязанности суда... Въ коммиссіи слышались весьма неосторожныя,—чтобы не сказать больше,—и во всякомъ случаѣ двусмысленныя сожалѣнія объ „отсутствіи надлежащаго законодательства, отдающаго алкоголиковъ въ руки врачей“ (В. I, отд. I, стр. 5). Сожалѣнія слышались съ разныхъ сторонъ, особенно же настойчиво на нихъ указывала группа врачей, слѣдовавшихъ въ данномъ случаѣ, по всей вѣроятности, узкимъ указаніямъ своей медицинской практики. Къ голосамъ врачей скоро нашлись подголоски съ разныхъ концовъ Россіи. Первый подголосокъ послышался изъ Самары, въ которой губернскій комитетъ попечительства о народной трезвости возбудилъ ходатайство передъ высшимъ начальствомъ о томъ, „чтобы врачи имѣли право выдерживать принудительно въ больницѣ лицъ, поступающихъ на излѣченіе отъ алкоголизма“ (В. I, отд. I, стр. 12). Далѣе, Гурьевское общество трезвости (въ с. Павловѣ) прислало рядъ выработанныхъ имъ положеній, изъ которыхъ, по мнѣнію предсѣдателя, „заслуживаетъ вниманія“, напримѣръ, слѣдующее (написанное, къ сожалѣнію, нѣсколько неграмотно): „необходимо было бы установить, въ интересахъ огражденія семьи отъ неминуемой

*) См. докладъ г. Осипова въ III выпускѣ II отдѣла „Трудовъ“. Подчеркнутыя нами слова находятся на стр. 223 и 233.

Digitized by Google

нищеты; чтобы надъ привычными пьяницами и завѣдомо слабыми людьми учреждались опеки подъ судебною охраной. Въ устраненіе соблазна—неисправимыхъ алкоголиковъ, во избѣжаніе тираніи семьи и расхищенія имущества, отправлять въ учрежденныя для этой цѣли колоніи и лѣчебницы, съ безплатнымъ пользованіемъ въ послѣднихъ" (В. III, отд. I, стр. 164). Кого не тронетъ это великодушіе гурьевцевъ: они настроятъ колоній (на чей, впрочемъ, счетъ?) и будутъ тамъ *безплатно* „пользовать" алкоголиковъ. При „нашей бѣдности",—какъ говоритъ купецъ Островскаго,—это не только „нѣжности", но даже самая высшая роскошь. Въ странѣ, гдѣ даже настоящіе душевно-больные, буйные сумасшедшіе, бываютъ вынуждены, за недостаткомъ мѣстъ въ соотвѣтствующихъ лѣчебницахъ, сидѣть цѣлые года „на цѣпи",— находятся великодушные, хотя и не очень дальновидные люди, которые желаютъ, во имя „огражденія семьи отъ неминуемой нищеты", во славу „устраненія соблазна" путемъ безплатно принудительнаго и репрессивно-судебнаго изолированія „слабыхъ людей" въ нарочито устроенныхъ колоніяхъ, принести какую-то пользу высоконравственному дѣлу трезвости... Да, правъ былъ предсѣдатель, говоря, что гурьевцы „заслуживаютъ вниманія"...

Всѣ неосторожныя выраженія членовъ о принудительномъ лѣченіи алкоголиковъ, въ связи съ ихъ преклоненіемъ передъ силой и авторитетомъ государственной власти, вызвали въ нашей печати нѣсколько довольно рѣзкихъ по формѣ оцѣнокъ. Предсѣдатель коммиссіи искренне негодуетъ по этому случаю; слѣдовало бы, однако, выждать появленія по крайней мѣрѣ протоколовъ засѣданій „субкоммиссіи (по трактуемому вопросу), чтобы знать, что оспаривать". Раздѣляя негодованіе вождя коммиссіи на отзывы печати и прощая ему самому комплиментъ по адресу гурьевцевъ, обратимся за разрѣшеніемъ сомнѣній къ fropession de foi субкоммиссіи, изложенной на стр. 214 и 215 третьяго выпуска. Изъ разъясненія предсѣдателя мы узнаемъ, что „рѣчь идетъ *не о всѣхъ* алкоголикахъ" (курсивъ подлинника), а „о принудительности помѣщенія и задержанія *опасныхъ и вредныхъ привычныхъ* пьяницъ", — безъ чего „не можетъ серьезно развиться дѣло учрежденія спеціальныхъ заведеній" для излишне злоупотребляющихъ спиртными напитками. При этомъ, во имя „значительной, если не полной, гарантіи свободы и интересовъ личности", проектируется слѣдующее: „лишеніе правоспособности и наложеніе опеки совершается окружнымъ судомъ на началахъ состязательнаго процесса: дѣло возбуждается родственниками или прокуроромъ, требуется заявленіе, копія съ котораго препровождается прокурору; вызывается въ судъ проситель, свидѣтели, эксперты, само лицо, которому предоставляется право имѣть защитника, можетъ быть назначено врачебное наблюденіе, предоставляется право жалобы и протеста и пр." Вся эта процедура далеко не представляетъ

Digitized by Google

все же не только полной, но даже „значительной“ гарантіи интересовъ личности. Нарушеніе основного принципа грозитъ въ особенности изъ крайней неопредѣленности, допускающей всякія толкованія термина „опасный и вредный привычный пьяница“... Гдѣ та грань, послѣ которой всякій пьющій становится „*привычнымъ* пьяницей“; въ чемъ выражется его *вредъ* обществу и насколько онъ *опасенъ* для государства, основы котораго стоятъ непоколебимо *)... Если члены коммиссіи подъ „привычкой“ разумѣютъ въ данномъ случаѣ состояніе невмѣняемости, а подъ „вредомъ“ и „опасностью“ наклонность къ преступленіямъ противъ собственности, семьи и государства, то нужно, не останавливаясь на полсловѣ, договаривать мысль до конца и формулировать ее, напримѣръ, такъ, какъ формулировалъ г. Фойницкій въ первомъ засѣданіи: „моментъ принудительности допустимъ лишь въ томъ случаѣ,“—сказалъ онъ,—„когда мы имѣемъ дѣло съ лицомъ вполнѣ невмѣняемымъ, или преступ-

---

*) Для образца приведемъ нѣсколько попытокъ членовъ субкоммиссіи опредѣлить, что такое „привычный пьяница“. По мнѣнію А. Ф. Кони, таковыми должны считаться „лица, дошедшія вслѣдствіе частаго и неумѣреннаго потребленія опьяняющихъ веществъ до такого болѣзненнаго состоянія, что поступки ихъ свидѣтельствуютъ объ извращеніи правильнаго отношенія къ своимъ интересамъ и требованіямъ общежитія“ („Новости“, № отъ 23 января 1899 г.). Столь туманное опредѣленіе не удовлетворило даже членовъ субкоммиссіи и однимъ изъ нихъ была предложена такая формулировка: привычными пьяницами считать людей, дошедшихъ, вслѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками, до того, что „поступки ихъ свидѣтельствуютъ объ извращеніи правильнаго отношенія къ требованіямъ общежитія и могутъ сопровождаться вредомъ для нихъ и для окружающихъ“. Слова эти просто плохая перифраза плохого опредѣленія г. Кони. Наконецъ, была принята субкоммиссіей такая редакція: привычные пьяницы, это лица, дошедшія вслѣдствіе того-то и того-то „до такого болѣзненнаго состоянія, при которомъ поступки ихъ оказываются явно вредными для нихъ самихъ и для окружающихъ“ (цитирую по отчету „Новостей“). Для каждаго здравомыслящаго человѣка вполнѣ ясно, что при наличности такихъ расплывчатыхъ опредѣленій, нѣтъ никакой возможности хлопотать о законѣ, отдающемъ „привычныхъ пьяницъ“ въ руки врачей. Но въ общей прессѣ нашелся-таки публицистъ, который заявилъ, что „изданіе подобнаго закона въ высшей степени желательно, но *желательно также, чтобы онъ былъ обставленъ наивозможно меньшими формальностями*“, ибо, въ противномъ случаѣ, законъ „будетъ имѣть значеніе только для болѣе зажиточныхъ людей“, а не для крестьянъ, среди которыхъ „необходимо принять мѣры противъ алкоголика-разорителя какъ можно скорѣе“. Этотъ попечительный о мужикахъ публицистъ есть г. Оболенскій. Входить въ разборъ его сужденій мы считаемъ излишнимъ: въ одной своей части они крайне наивны, въ другой—столь же неудобопонятны. Замѣтимъ лишь, что г. Оболенскій, похваляющійся во второй статьѣ о „принудительномъ лѣченіи алкоголиковъ“ (двѣ статьи его помѣщены въ №№ 24 и 32 „Новостей“) знаніемъ Habeas Corpus, очень плохо усвоилъ себѣ его духъ; иначе онъ не сталъ бы требовать „меньшихъ формальностей“,—т. е. строго юридическихъ гарантій личности въ такомъ дѣлѣ, гдѣ отсутствіе ихъ прямо *узаконитъ* произволъ...

Digitized by Google

никомъ. Но къ такимъ мѣрамъ можно прибѣгать лишь какъ къ рѣдкому исключенію изъ общаго правила". Всякая иная постановка будетъ заключать въ себѣ одни недоразумѣнія и лазейки, пользуясь которыми ловкіе и охочіе люди сумѣютъ, во имя „огражденія семьи" и прочихъ основъ, извлечь существенныя для себя выгоды изъ новаго порядка вещей.

Впереди насъ ждетъ вопросъ большой важности: о причинахъ алкоголизма, тотъ или другой отвѣтъ на который является по вполнѣ понятнымъ основаніямъ рѣшающимъ стимуломъ при выборѣ средствъ борьбы съ пьянствомъ. Переходя къ нему, мы хотимъ сдѣлать нѣсколько заключительныхъ замѣчаній о винной монополіи.

Извѣстная совокупность политическихъ, экономическихъ, бытовыхъ и нравственныхъ отношеній необходимымъ образомъ создаетъ въ людяхъ влеченіе къ наркотическимъ веществамъ и изъ нихъ къ алкоголю на первомъ мѣстѣ. Корень происхожденія алкоголизма лежитъ, такимъ образомъ, *внѣ* отдѣльной личности, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что при однихъ и тѣхъ же соціальныхъ условіяхъ количество потребленныхъ спиртныхъ напитковъ остается *постояннымъ*. Отсюда ясно, что „борьба съ алкоголизмомъ должна состоять",—говоря словами проф. Петри,—„въ устраненіи причинъ", его порождающихъ *). Между тѣмъ уже a priori можно видѣть, что казенная монополія, какого бы рода она ни была,—коммерческаго или филантропическаго, или того и другого вмѣстѣ — является очень плохой гарантіей успѣха въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ, такъ какъ она не уничтожаетъ, а только извѣстнымъ образомъ видоизмѣняетъ потребленіе спиртныхъ напитковъ. Достаточно уже того, чтобы, дѣйствуя въ этомъ направленіи, монополія не нарушала нѣкоторые вполнѣ справедливые интересы пьющихъ,—не заставляла бы ихъ, напр., вслѣдствіе насильнаго запрещенія продажи и производства спиртныхъ напитковъ, обращаться къ ядовитымъ суррогатамъ водки. Присматриваясь къ опыту Западной Европы, приходится еще болѣе убѣдиться, что границы благотворнаго вліянія (весьма часто носящаго тамъ крайне двусмысленный характеръ) казенной монополіи именно таковы. На Западѣ, не смотря на рядъ мѣръ, принятыхъ въ Швейцаріи, Норвегіи, Швеціи, Соединенныхъ Штатахъ, алкоголизмъ не только не уменьшился, но въ иныхъ мѣстахъ возросъ въ еще большей степени. Западная культура не помѣшала его росту, а нѣкоторыми сторонами даже способствовала расцвѣту домовъ продажи спиртныхъ напитковъ. Опытъ показалъ, что въ томъ случаѣ, когда законодательнымъ путемъ изгонялись изъ продажи алкогольные напитки и запрещалось производство ихъ, населеніе, удовлетворяя алкогольную жажду, обращалось къ ядовитымъ сур-

*) Вып. II отд. I. стр. 89.


Digitized by Google

рогатамъ водки: пило сѣрный эфиръ или гофманскія капли, потребленіе которыхъ „въ Ирландіи разрослось до степени народнаго бѣдствія“ (Минцловъ), доставало посредствомъ многихъ, порой очень остроумныхъ способовъ, спиртъ изъ жидкостей, предназначенныхъ дли техническихъ надобностей, и, наконецъ, организовывало цѣлую промышленность тайной выкурки и контрабандной продажи водки. Посторонняго наблюдателя алкоголь поражаетъ въ такихъ случаяхъ своей необыкновенной гибкостью, способностью находить пріютъ въ глубинѣ народныхъ массъ, успѣшно хорониться тамъ и продолжать свою разрушительную работу.

Очевидно, въ самыхъ условіяхъ жизненной обстановки современнаго человѣчества есть что-то толкающее на потребленіе алкоголя. Очевидно, причины этого глубоки и интенсивны, разъ алкоголизмъ не только не уменьшается подъ давленіемъ цѣлаго ряда законодательныхъ актовъ и многихъ тысячъ ученыхъ сочиненій (не говоря уже о такъ называемыхъ духовно-нравственныхъ брошюрахъ) „о вредѣ пьянства“, но все шире и грознѣе раздвигаетъ свои границы.

Въ чемъ же искать эти причины? *).

---

*) Было бы крайне интересно коснуться здѣсь того вліянія, которое оказала борьба съ пьянствомъ въ Европѣ путемъ монополизированія винной торговли въ рукахъ казны, но, за недостаткомъ мѣста, мы не будемъ дѣлать этого. Обращаемъ вниманіе во всякомъ случаѣ на цитированный выше докладъ г. Минцлова, въ которомъ этотъ рьяный поборникъ „боевого оружія“, восхваляя послѣднее на словахъ (см. стр. 51; 62—63; 64; 66 и др.), невольнымъ образомъ доказалъ нѣсколькими яркими фактами, что нигдѣ изъ разсмотрѣнныхъ имъ странъ (Швейцарія, Соед. Штаты и Скандинавскія государства) монополія не дала вполнѣ положительныхъ результатовъ. Швейцарія, напр., „въ общемъ отъ монополіи не только ничего не пріобрѣла въ гигіеническомъ отношеніи, но значительно потеряла“ (стр 61 доклада); въ Швеціи „пьянство уменьшается пропорціонально увеличенію потребленія пива“ (65 стр.), а въ Штатахъ послѣ введенія тамъ запретительной системы „можно указать мѣста, гдѣ „послѣ изданія закона пьянство даже усилилось“ и пр., и пр. Замѣтимъ еще, что оцѣнка, сдѣланная г. Минцловымъ въ приведенныхъ цитатахъ западной системы борьбы съ алкоголизмомъ на почвѣ „ограниченія питейной торговли“ со стороны членовъ коммиссіи не была въ своей критической части опровергнута сколько нибудь серьезными аргументами; нельзя же, напр., къ числу послѣднихъ отнести свидѣтельство Московскаго проф. Янжула, что по его личнымъ наблюденіямъ, „въ Соединенныхъ Штатахъ пьяныхъ совсѣмъ не видно“ (В. II стр. 93); а свидѣтельство это дало поводъ заявить проф. Янжулу, что „во всякомъ случаѣ полное запрещеніе является желательнымъ“, хотя оно „практически и не осуществимо“ (тамъ же).

Digitized by Google

II.

Обратимся теперь къ тѣмъ отвѣтамъ, которыми члены коммиссіи думаютъ покрыть вопросъ: „отчего люди одурманиваются“. Здѣсь можно встрѣтить ту-же пестроту мнѣній, какую въ первой главѣ намъ пришлось отмѣтить въ г. Минцловѣ, имѣющую только одну общую черту — это какое-то слишкомъ легкое, даже легкомысленное отношеніе къ дѣлу выясненія причинъ алкоголизма. Въ настоящую минуту мы вовсе не расположены дѣлать общей характеристики постановки въ коммиссіи вопроса о причинахъ, толкающихъ населеніе къ потребленію алкоголя,—мы такъ долго испытывали вниманіе читателя изложеніемъ мнѣній г. Минцлова, что чувствуемъ потребность отдохнуть на словѣ болѣе живомъ, взглядахъ болѣе глубокихъ, чѣмъ у этого писателя, и способныхъ ближе подойти къ истиннымъ нуждамъ населенія. Всѣмъ этимъ требованіямъ вполнѣ удовлетворяютъ докладчики въ X засѣданіи коммиссіи, гг. Дриль и Григорьевъ *), особенно первый изъ нихъ, хорошо извѣстный авторъ книги: „Психо-физическіе типы“. Въ рѣчахъ г. Дриля виденъ человѣкъ истинно безпристрастный, искренній и способный смотрѣть опасности, угрожающей массамъ отъ потребленія алкоголя, прямо въ глаза. Онъ не только не придаетъ никакого значенія, какъ практическимъ мѣрамъ, всевозможнымъ способамъ „радикальной“ борьбы съ пьянствомъ на основѣ „ограниченій“ и путемъ „запрещеній“, но имѣетъ смѣлость въ качествѣ исходнаго положенія своего доклада выставить такой тезисъ: „отнимите — если-бы даже это было возможнымъ,—*алкоголь при данныхъ условіяхъ*: будьте увѣрены, что массы найдутъ другія средства отравляться, потому что возбуждающее отравленіе, *вслѣдствіе какихъ-то причинъ, при этихъ условіяхъ, для нихъ является потребностью*“ (95 стр.)

На первый взглядъ это положеніе г. Дриля можетъ повести къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ,—именно представляется вполнѣ возможнымъ приписать ему мысль, что вообще *всѣ* потребляющіе алкоголь нуждаются въ какомъ-то „отравляющемъ возбужденіи“. А такое утвержденіе по своей общности, конечно, столь же мало способно выдержать натискъ критической мысли, какъ и всѣмъ извѣстное объясненіе гр. Толстымъ развитія алкоголизма желаніемъ людей заслонить передъ своимъ сознаніемъ „задачу жизни“. Между тѣмъ всѣ недоразумѣнія относительно приведенной цитаты

---

*) Первому принадлежитъ докладъ: „Нѣкоторыя изъ причинъ массоваго алкоголизма и вопросъ о средствахъ борьбы съ нимъ“; второму — сообщеніе: „О пьянствѣ среди мастеровыхъ въ г. С.-Петербургѣ“. См. вып. II. отд. II, стр. 93—121. Въ ссылкахъ я буду указывать только номеръ страницы и фамилію автора.


Digitized by Google

изъ доклада г. Дриля устранятся, если принять во вниманіе два немаловажныя обстоятельства: 1) что алкоголизмъ, взятый въ цѣломъ, представляетъ со стороны выясненія причинъ его распространенія явленіе въ высокой степени *индивидуальное*; 2) въ данномъ случаѣ г. Дриль имѣетъ дѣло съ *массовымъ* алкоголизмомъ, выясняетъ, какъ значится въ заглавіи его доклада, „нѣкоторыя причины *массового* алкоголизма“. Пояснимъ оба эти положенія. Въ современномъ обществѣ пьянство распространено во всѣхъ его слояхъ, начиная съ такихъ „отбросовъ“, какъ босяки, раклы, золоторотцы, въ недавнее время увидавшіе литературный свѣтъ подъ перомъ г. Горькаго, и кончая верхами общества, живущими по классической французской поговоркѣ: aimons, buvons, chantons. Въ промежуточныхъ слояхъ пьянство однихъ напоминаетъ влеченіе къ алкоголю персонажей г. Горькаго, пьянство другихъ скорѣе примыкаетъ къ сливкамъ общества. За босяками слѣдуютъ рабочіе, крестьяне и другіе подобные имъ соціальные слои, за „сливками“—бюрократія, духовенство, купечество и проч. Кромѣ этихъ группъ, существуетъ еще много уголковъ общественной жизни, обитатели которыхъ пьютъ и отравляются алкоголемъ по совершенно самостоятельнымъ причинамъ; едва-ли не первое мѣсто среди нихъ занимаютъ несчастныя женщины, добывающія себѣ кусокъ хлѣба проституціей, не одурманивать въ положеніи которыхъ голову водкой положительно не мыслимо. Въ эту же категорію нужно отнести и такихъ лицъ, живущихъ въ особенныхъ, до крайности монотонныхъ и въ полномъ смыслѣ изсушающихъ умъ и атрофирующихъ сердце, условіяхъ, какъ арестованные въ тюрьмахъ и пр., и пр. Однимъ словомъ, въ каждомъ общественномъ слоѣ можно отыскать индивидуальныя, свойственныя только ему, причины распространенія алкоголизма... Нечего и говорить, конечно, о причинахъ чисто личныхъ; кажется, легче „измѣрить океанъ глубокій, сочесть пески, лучи планетъ“, чѣмъ перечислить всѣ побуждающія къ алкоголю причины личнаго характера. Достаточно, напр., вспомнить въ данномъ случаѣ того-же „неизлѣчимаго“ дьякона у Гл. Успенскаго. Сначала, будучи „на дѣйствительной службѣ“, дьяконъ пилъ, потому что это входило въ его обычный „порядокъ дня“,—какъ выражается онъ на своемъ „діалектѣ“: „выпьешь водки, поѣшь и ляжешь спать“. Потомъ-же, нравственно переродившись, дьяконъ тоже пилъ и пилъ страшно, но по причинѣ совершенно иной. Его теперь доводитъ до стремленія задурманить голову тяжелое и горькое сознаніе, что „совѣсти ужасть сколько надо... а душа у нашего брата свиная“...

Отмѣченная индивидуальность распространенія алкоголизма и обиліе чисто личныхъ поводовъ „запить“ не исключаютъ, конечно, возможности отыскивать глубокія, массовыя причины, толкающія на пьянство,—т. е. такія, вліяніе которыхъ одинаково сильно отражается какъ на отдѣльныхъ единицахъ, такъ и на

Digitized by Google

массахъ. У людей, живущихъ въ сходныхъ жизненныхъ условіяхъ, одинаковыя явленія должны имѣть и одинаковыя причины, которыя и будутъ носить массовый характеръ. Но обращаясь къ отысканію послѣднихъ, мы фатально сосредоточиваемъ главное вниманіе на самой многочисленной группѣ населенія, живущей „трудами рукъ своихъ“, условія существованія которой столь однообразны и однородны, что позволяютъ безъ особеннаго труда опредѣлить корень влеченія составляющихъ эту группу единицъ къ алкоголю. Живой интересъ именно къ трудящимся имѣетъ въ данномъ случаѣ и еще свое оправданіе. Разсматривая алкоголизмъ, какъ *соціальное* явленіе, а не какъ порокъ отдѣльныхъ лицъ, мы и должны обратить вниманіе на тѣ *соціальные* слои, для которыхъ, говоря словами г. Дриля, „при данныхъ условіяхъ“ алкоголь „является *потребностью*“, необходимымъ „возбуждающимъ отравленіемъ“... Весь вопросъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы показать, дѣйствительно ли жизненныя условія трудящихся классовъ создаютъ влеченіе къ алкоголю, какъ нѣчто неизбѣжное.

Гг. Дриль и Григорьевъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ вполнѣ утвердительно. Въ распоряженіи ихъ находится любопытный фактическій матеріалъ относительно положенія нашей „мастеровщины“ столичныхъ городовъ, оперируя надъ которымъ они и приходятъ къ выясненію „нѣкоторыхъ причинъ массоваго алкоголизма“. Въ русской экономической литературѣ вопросъ о положеніи труда въ промышленности до сихъ поръ такъ мало выясненъ и выясняется, что сообщить нѣсколько цитатъ изъ докладовъ обоихъ авторовъ мы не считаемъ излишнимъ. Кстати замѣтимъ, что наша художественная литература даетъ въ этомъ отношеніи сравнительно значительно больше; не говоря уже о рядѣ второстепенныхъ писателей и о небольшихъ очеркахъ болѣе извѣстныхъ, одно произведеніе такого огромнаго таланта, какъ Глѣбъ Успенскій, „Растеряева улица“ содержитъ очень много цѣннаго для характеристики „нравовъ“ ея обитателей. Успенскій не могъ игнорировать распространеніе пьянства среди „мастеровщины“ или обойти это явленіе, ограничившись только двумя-тремя попутными замѣчаніями; и дѣйствительно, герои его „до невозможности пахнутъ водкой“, а по истинѣ драматическія коллизіи, совершающіяся съ ними, неизбѣжно такъ или иначе связаны съ кабакомъ, пьянствомъ, „понедѣльничаньемъ“ и пр. атрибуттами алкоголя. Отмѣтивъ страданія „мастеровщины“ въ этомъ направленіи, Гл. Успенскій набросалъ и указалъ тотъ общій фонъ, на которомъ они развиваются. Съ горькой нотой въ голосѣ художникъ говоритъ про одного своего героя, какъ „продолжительный опытъ доказалъ ему, что помимо кабака, помимо проклятій собственной жизни,—въ растеряевскихъ нравахъ нѣтъ ничего существеннаго“, — а отъ кабака некуда уйти растеряевцу. Наши моралисты изъ числа близорукихъ филантроповъ любятъ въ такихъ случаяхъ указы-

Digitized by Google

вать на спасительность семейной обстановки для „неустойчивыхъ предъ алкоголемъ элементовъ населенія“. Но „чѣмъ дѣлиться растеряевцу съ семьей, которая въ большинствѣ случаевъ тоже даетъ нравоученія въ формѣ безпрерывныхъ попрековъ? Въ этой-ли голодной и холодной семьѣ найти хоть какую либо дозу удовольствія, лихорадочно необходимаго послѣ долгихъ трудовъ“. „Но главное“—пишетъ дальше художникъ—„подъ силу ли трезвому человѣку перейти то море нужды, которое тянется и тянулось безъ конца? Насущный и ежеминутный вопросъ растеряевской жизни—нужда“ (сочиненія Глѣба Успенскаго IV изд. т. I, стр. 124).

Съ такимъ напутственнымъ свидѣтельствомъ наиболѣе чуткаго наблюдателя жизни трудящагося люда обратимся къ даннымъ статистики.

Картина, которую раскрываютъ передъ нами г.г. Дриль и Григорьевъ, можетъ поразить своей мрачностью. Они имѣютъ дѣло съ такой сферой промышленнаго труда, гдѣ принципъ свободной конкурренціи нашелъ едва-ли не самое полное воплощеніе. Если положеніе рабочихъ въ крупной промышленности заставляетъ желать еще слишкомъ много,—то „здѣсь“,—говоря словами г. Дриля,—„все рѣшается борьбой между счастливымъ часто спросомъ и не рѣдко голоднымъ предложеніемъ“, такъ что „въ этой области нѣтъ даже намека на какую-либо справедливую оцѣнку труда“. Вглядываясь внимательнѣе въ ту жестокую эксплуатацію, которой подвержены ремесленные рабочіе, только съ большой натяжкой рѣшаешься обвинить въ этомъ непосредственныхъ хозяевъ рабочихъ, содержателей мастерскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они ближайшая причина всѣхъ анти-гигіеническихъ и безчеловѣчныхъ условій, въ которыхъ живутъ ремесленные рабочіе, но вѣдь въ то же время хозяева мастерскихъ сами терпятъ равную съ другими почти во всѣхъ отношеніяхъ участь, и это не можетъ не смягчить суровый приговоръ надъ ними. Дѣло въ томъ, что „мастеровщина“ создалась, какъ придатокъ къ крупной торговлѣ, безъ которой она, какъ безъ рынка, не можетъ существовать. Крупные же торговцы отдаютъ ремесленникамъ заказы только въ томъ случаѣ, когда это обѣщаетъ имъ извѣстную выгоду въ дешевизнѣ произведеннаго товара, сравнительно съ изготовленнымъ фабричнымъ способомъ, достигнуть чего „мастеровщина“ можетъ, только лишая себя всѣхъ рѣшительно жизненныхъ удобствъ и спускаясь на степень полу-голоднаго, а то и прямо голоднаго существованія. Къ тяжелой, непосредственной зависимости мастерскихъ отъ работодателей—крупныхъ торговцовъ и королей апраксинскаго рынка, которые приложили всѣ силы для пониженія платы за произведенные товары, присоединилась жестокая конкурренція между самими производителями. Въ погонѣ за кускомъ хлѣба и за мѣстомъ на землѣ эти послѣдніе, электеризуемые грознымъ призракомъ голодной смерти, безжалостно сбиваютъ

Digitized by Google

другъ передъ другомъ заработную плату, соглашаясь на какія угодно условія. Истощивши терпѣніе въ тяжелой участи ремесленныхъ подмастерьевъ, учениковъ и пр. пр., рабочіе при первой возможности становятся въ ряды самостоятельныхъ хозяевъ, увеличиваютъ число мастерскихъ, чѣмъ еще болѣе усиливаютъ конкурренцію передъ заказчиками и способствуютъ дальнѣйшему пониженію жизненнаго уровня „мастеровщины". Не удивительно, что при такихъ условіяхъ громадная масса ремесленниковъ-хозяевъ живетъ „безъ правъ", безъ законнаго патента на содержаніе мастерской, на который у нихъ нѣтъ совершенно денегъ. Въ Петербургѣ такихъ подпольныхъ мастерскихъ,—хозяева и рабочіе которыхъ поставлены въ необходимость добывать себѣ буквально только кусокъ насущнаго хлѣба „незаконнымъ способомъ",—въ одномъ Апраксинскомъ переулкѣ въ 10 домахъ было нѣсколько тысячъ, причемъ въ каждой квартирѣ помѣщалось по 3—5, а въ иныхъ и по 7 штукъ. (Григорьевъ, 112 стр.).

Посмотримъ теперь, что это за квартиры...

Г. Григорьевъ, вспоминая о помѣщеніяхъ петербургскихъ ремесленниковъ, не можетъ удержаться отъ восклицанія: „квартиры, комнаты, углы, въ которыхъ живутъ петербургскіе мастеровые—ужасны!" И въ этомъ нѣтъ, какъ увидимъ сейчасъ, никакого преувеличенія... У г. Дриля находимъ такія слова:

„Дома, отдаваемые подъ квартиры мелкимъ ремесленникамъ, отличаются по большей части почти полнымъ отрицаніемъ всѣхъ правилъ гигіены. Скученность, грязь, вонь, нерѣдко темнота, а иногда холодъ и ужасная сырость внутри помѣщеній... таковы особенности этихъ квартиръ, какъ бы нарочно приноровленныхъ къ тому, чтобы способствовать истощенію и органическому вырожденію подростающихъ и уже взрослыхъ поколѣній" (Дриль, 104 –105).

Болѣе полное представленіе объ этихъ помѣщеніяхъ даетъ слѣдующая цитата изъ доклада г. Григорьева. По его словамъ, при посѣщеніи домовъ, гдѣ живутъ ремесленники, далеко „не рѣдкость встрѣтить такія явленія: квартира въ двѣ большихъ комнаты раздѣлена перегородками на 4—5 комнатъ, гдѣ въ каждой имѣется мастерская и въ каждой почти живетъ хозяинъ съ семьей, есть подмастерье, одинъ—два ученика; для спанья хозяина съ семьей служитъ кровать, а остальные спятъ на полу. Есть и такія квартиры: въ маленькихъ комнатахъ живутъ сами хозяева съ семьей, а мастера и ученики—или въ одной большой комнатѣ, или на кухнѣ, гдѣ они и работаютъ, и ѣдятъ, и спятъ; если кухня или комната, гдѣ работаютъ, большая, или есть широкій корридоръ, то по угламъ ставятъ двѣ-три кровати съ занавѣсками, гдѣ живутъ семьи подмастерьевъ; въ такихъ случаяхъ большею частью оказываются работающими у этихъ хозяевъ и

Digitized by Google

жены подмастерьевъ. Понятно, какъ самыя квартиры, такъ и обстановка самыя анти-гигіеничныя. Дрова для топки кухонной печи вездѣ хозяйскія; если и есть гдѣ въ комнатахъ печи, то ихъ топятъ жильцы; обыкновенно онѣ топятся въ большіе холода, рѣдко дровами, чаще разными досками, напр. отъ ящиковъ; топка вообще рѣдко производится,—чаще пользуются своимъ собственнымъ тепломъ, тѣмъ болѣе, что перегородки въ комнатахъ обыкновенно до потолка не доходятъ. Освѣщеніе отъ жильцовъ. Обѣдъ и ужинъ готовится на всѣхъ хозяйкою квартиры, а расплата, согласно заранѣе сдѣланному условію, производится разъ въ недѣлю. Плата за комнату отъ 8—10 рублей, до 12—15 рублей, а „за квартиру до 50 р." (Григорьевъ, стр. 111—112).

Эту сухую, но тѣмъ не менѣе, достаточно краснорѣчивую характеристику квартирной обстановки петербургскихъ мастеровыхъ можно пополнить еще любопытными словами одного санитарнаго врача, лично посѣтившаго 200 угловыхъ квартиръ, въ которыхъ зачастую помѣщаются ремесленники.

„Ни квартирные хозяева,—говоритъ авторъ,—ни сами жильцы, при размѣщеніи по комнатамъ, никогда не соображаются съ объемомъ, съ кубическимъ содержаніемъ воздуха въ помѣщеніи. Нерѣдко даже, когда вся комната уже заставлена кроватями, избыточные жильцы помѣщаются въ узкихъ закоулкахъ между печью и стѣной, иногда даже прямо на полу, а въ исключительныхъ случаяхъ—какъ намъ привелось видѣть въ такъ-называемой Вяземской лаврѣ—и подъ нарами: спятъ не только въ комнатахъ и кухнѣ, но въ корридорахъ, узкихъ проходахъ, нерѣдко помѣщеніяхъ, совершенно лишенныхъ свѣта, въ углахъ, гдѣ невозможенъ никакой обмѣнъ воздуха. Въ той же самой комнатѣ, которая служитъ общей спальней, помѣщаются нерѣдко и мастера, скарбъ которыхъ, нерѣдко пріобрѣтенный на такъ-называемомъ развалѣ Александровскаго рынка,—весь помѣщается въ общей спальнѣ, и несчастный обитатель угловой квартиры своими легкими поглощаетъ всю ту пыль и грязь, которая, уже при легкомъ прикосновеніи, густымъ столбомъ поднимается надъ всей этой ветошью. Воздухъ въ этихъ квартирахъ настолько удушливъ, настолько „спертъ", что даже въ лѣтнее время—при открытыхъ окнахъ—свѣжій человѣкъ, войдя съ улицы, съ трудомъ дышетъ". Не удивительно поэтому, что „опубликованныя данныя показываютъ, что на долю угловыхъ квартиръ приходится болѣе $^1/_3$ всѣхъ регистрируемыхъ случаевъ заразныхъ болѣзней; такъ, за 1893 г. на 10,659 больныхъ, о которыхъ были доставлены санитарныя карточки, 2,759 приходилось на угловыя квартиры, 1,128 на артели и 313 на мастерскія; слѣдовательно, всего на квартиры съ завѣдомо скученнымъ населеніемъ 4,200, т. е. около 40 проц.; въ 1895 г. на 16,643 карточки—тоже около 40 проц.; а въ

Digitized by Google

1896 г.—на 23,901—7,222, 2,470 и 1,240, всего 10,932, т. е. свыше 45 проц." *).

Въ этихъ цитатахъ рисуется положеніе дѣла въ Петербургѣ, но не трудно доказать, что въ провинціи мастеровые живутъ въ тѣхъ-же самыхъ, какъ и вышеописанныя, условіяхъ. Перенесемся для этого изъ шумной столицы въ глухой губернскій городъ Черниговъ, представляющій рѣзкій контрастъ съ первой. Въ Черниговѣ была произведена въ іюлѣ 1898 года перепись подвальныхъ помѣщеній, о результатахъ которой говорилось въ № 1—2 „Начала" въ отдѣлѣ „Писемъ изъ провинціи". Авторъ письма сообщаетъ „о тѣхъ невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ и борется съ жизнью значительная часть трудящагося населенія города". Отсылая за подробностями читателя къ самому „Письму",—очень хорошо и интересно написанному,—мы отмѣтимъ только, что черниговскіе подвалы, въ числѣ которыхъ 18 заняты мастерскими, ничѣмъ не отличаются отъ столичныхъ угловыхъ квартиръ: „сырость, отсутствіе свѣжаго воздуха, ограниченное количество свѣта—таковы „дары природы", за которые къ тому же приходится платить дорого" **). Послѣднее обстоятельство, конечно, еще въ большемъ, быть можетъ, масштабѣ, вслѣдствіе особенной скученности населенія, имѣетъ мѣсто въ Петербургѣ. По крайней мѣрѣ, г. Дриль свидѣтельствуетъ, что „сдачею квартиръ ремесленникамъ занимаются домовладѣльцы, которые хлопочутъ исключительно о высшемъ доходѣ", такъ что за ихъ убогія квартирки „мелкимъ ремесленникамъ приходится платить непомѣрно дорого, сравнительно съ достаточными классами населенія и притомъ въ общемъ *относительно* тѣмъ дороже, чѣмъ меньше квартира и, слѣдовательно, чѣмъ менѣе состоятеленъ ея хозяинъ" ***).

Уже одна жизнь при описанныхъ условіяхъ способна дѣйствовать угнетающимъ образомъ на организмъ человѣка, требующій прежде всего свѣта, воздуха и простора; но что-же должно быть, когда въ этихъ „углахъ" приходится выносить каторжный 17-ти часовой трудъ! А между тѣмъ это число часовъ работы считается вполнѣ нормальнымъ явленіемъ въ средѣ нашей мастеровщины. Не говоря о губительности для здоровья такого поистинѣ „двужильнаго",—какъ назвалъ его Гл. Успенскій въ „Нравахъ Растеряевой улицы"—труда, онъ, кромѣ того, и незаконенъ, ибо ст. 153 ремесленнаго устава устанавливаетъ нормальнымъ *десяти* часовой рабочій день. Но ремесленнымъ рабо-

---

*) Предыдущая цитата принадлежитъ г. Рубелю; см. его статью въ „Вѣстн. общ. гигіены". Цитир. по ст. г. Городецкаго въ № 29 „Сына От.". Вторая цитата взята у г. Городецкаго.

**) См. „Начало" № 1—2 стр. 118 и 119, отд. „Писемъ изъ провинціи".

***) См. „Труды" вып. II, отд. II, стр. 104.


Digitized by Google

чимъ врядъ ли даже извѣстна такая статья въ нашемъ рабочемъ законодательствѣ, если предположить, что они знаютъ о существованіи послѣдняго. И теперь мастеровые наши поставлены въ такія условія работы. „Рабочій день начинается въ мастерскихъ рано, часовъ въ 6 утра, часто въ 5, рѣдко гдѣ въ 7 часовъ. Спустя 1 или $^1/_2$ часа, когда откроются трактиры, пьется чай изъ чайниковъ, большею частью съ чернымъ хлѣбомъ, иногда съ ситнымъ; хозяева чай пить чаще уходятъ въ трактиръ. Въ заведеніяхъ, гдѣ работаетъ много мастеровыхъ и гдѣ стараются всѣми способами заставить рабочихъ являться къ началу работъ аккуратнѣе—дается въ 6—$6^1/_2$ час. хозяйскій чай, хлѣбъ приносится изъ дома. Въ 12—1 обѣдъ, въ мастерскихъ большихъ даютъ на обѣдъ 1—2 часа, а въ другихъ, въ маленькихъ мастерскихъ—такого отдыха нѣтъ; обыкновенно многіе хозяева уходятъ въ трактирь чаю попить—и вотъ этимъ-то временемъ и пользуются рабочіе, чтобы отдохнуть, посидѣть безъ дѣла. Завтраки очень рѣдко гдѣ бываютъ; про завтраки одинъ хозяинъ отозвался, что это одно „баловство“. Если есть завтраки, то они бываютъ въ 10 часовъ утра, а обѣдъ около 1 часу дня. Въ 4—5 часовъ дня—вечерній чай, часто съ хлѣбомъ, а въ 9—10 часовъ работы кончаются, слѣдуетъ ужинъ; въ мастерскихъ, гдѣ живутъ рабочіе, очень часто работаютъ еще часъ—два послѣ ужина; „при спѣшкѣ“ заказа работа продолжается иногда до 12 и даже до 1 часа ночи“ (Григорьевъ, 113 стр.).

За сухимъ изложеніемъ г. Григорьева скрывается масса горя и слезъ. За цѣлый рядъ лѣтъ ихъ накопилось неисчислимое множество, какъ свидѣтельствуетъ даже наша скупая вообще на описаніе мрачныхъ явленій литература. Такъ, если порыться въ нашей ежедневной прессѣ недавняго прошлаго, то можно достать такой, характеризующій положеніе ремесленнаго труда въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ Западной Россіи, фактъ. Говорится о положеніи портныхъ въ Смоленскѣ.

Рабочій день подмастерья, работающаго въ мастерской хозяина, во время сезона продолжается безъ всякаго перерыва съ 7 или 8 часовъ утра до 4 часовъ вечера, т. е. до сумерекъ. Такимъ образомъ, безпрерывно идетъ работа въ продолженіе 9—8 часовъ. Затѣмъ перерывъ на „обѣдъ“ въ $1^1/_2$—1 ч. Въ 5—$5^1/_2$ часовъ снова начинается та же работа, которая затягивается до 2, 3 часовъ ночи, т. е. снова онъ работаетъ подрядъ 9—10 часовъ. Въ общей сложности работа въ сутки у подмастерья продолжается 18 часовъ. На сонъ, отдыхъ, удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей остается только 6 часовъ. Какъ намъ извѣстно, одинъ подмастерье, живущій въ $1^1/_2$ верстѣ отъ мастерской, спалъ всего по 3—4 часа въ сутки въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Но это еще не все. Такъ какъ рабочій—еврей и работаетъ у хозяина еврея, то оба они должны чтить субботу. Какъ

Digitized by Google

же хозяинъ заботится о томъ, чтобы его единовѣрецъ имѣлъ возможность исполнять свои религіозныя обязанности? А вотъ какъ! Въ четвергъ работа начинается въ обычное время, т. е. въ 7, 8 часовъ утра и затягивается до 2, 3, 4, 5 часовъ ночи. Въ пятницу работа начинается въ обычное время (7, 8 ч.) и продолжается до сумерекъ, до 4 часовъ вечера, когда, по еврейскому обычаю, нельзя уже работать, такъ какъ наступаетъ суббота. Такимъ образомъ, работа идетъ съ утра въ четвергъ до вечера пятницы, т. е. въ продолженіе 32—33 часовъ съ двумя промежутками: въ 1—1$^1/_2$ часа и въ 3—4 часа. Въ другой мастерской въ четвергъ работа начинается съ 6 ч. утра и, съ перерывомъ въ 1$^1/_2$ часа и меньше, работаютъ до 3, 4 часовъ ночи. Въ пятницу работа начинается съ 7 часовъ утра и безъ перерыва идетъ до 4 часовъ вечера. Такимъ образомъ, работа продолжается 21—22 часа, съ перерывомъ въ 1$^1/_2$—1 ч. А во время спѣшки не работа, а каторжный трудъ истощаетъ силы рабочихъ въ продолженіе 34 часовъ, съ перерывомъ всего въ $^1/_4$—$^1/_2$ часа, такъ какъ только такой ничтожный срокъ дается рабочимъ на обѣдъ въ четвергъ, а съ четверга на пятницу работаютъ всю ночь напролетъ.

Про такіе факты говорятъ, что они не нуждаются въ комментаріяхъ...

Такимъ образомъ, нижеслѣдующіе результаты, къ которымъ пришелъ г. Григорьевъ, подсчитывая продолжительность рабочаго дня въ мастерскихъ, равно относятся какъ къ столичному, такъ и провинціальному ремесленному населенію. А эти результаты таковы: за вычетомъ времени на обѣдъ и чай (два часа) количество суточныхъ рабочихъ часовъ равняется:

у вышивальщиковъ, жестяниковъ, конвертщиковъ, коробочниковъ, обойщиковъ, мѣдниковъ, чемоданщиковъ, портупейщиковъ, слесарей, строгателей кожи	14—15
у пробочниковъ, чулочниковъ, фуфаечниковъ, переплетчиковъ	14—16
у басонщиковъ, портнихъ, шапочниковъ, фуражечниковъ, корзинщиковъ, столяровъ, туфельщиковъ, заготовщиковъ сапожнаго товара, башмачниковъ, портныхъ, прачекъ	15—17

Замѣтимъ въ дополненіе къ этому, что количество рабочихъ часовъ *одинаково* для взрослыхъ и дѣтей, подростковъ, поживших два-три года въ мастерской, и только иногда хозяева составляютъ исключеніе для учениковъ-новичковъ, которыхъ отпускаютъ спать послѣ ужина... Какова-же должна быть жизнь этихъ маленькихъ тружениковъ!.. Можно подумать, что со словъ ихъ

Digitized by Google

написалъ Некрасовъ свое полное рыдающихъ звуковъ по свободѣ, свѣжему воздухѣ, материнской любви, стихотвореніе „Плачь дѣтей“...

Было-бы, конечно, большой и ничѣмъ не оправдываемой наивностью думать, что продолжительная работа ремесленныхъ рабочихъ гарантируетъ имъ сколько нибудь значительный заработокъ,—совсѣмъ наоборотъ. Средняя мѣсячная плата одному работнику на готовомъ содержаніи опредѣляется въ 8—10 рублей, только въ рѣдкихъ случаяхъ достигая максимальной цифры въ 15 рублей. Но и то такимъ вознагражденіемъ пользуются только мужчины, а женщины получаютъ еще меньше; такъ, 70 или 90 руб. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ считаются, по словамъ г. Григорьева, „идеальной платой для апраксинскихъ шапочницъ и заготовщицъ“ (115 стр.).

Низкій уровень экономическаго состоянія хозяевъ мастерскихъ дѣлаетъ положеніе рабочихъ въ данномъ промыслѣ окончательно безвыходнымъ и въ полномъ смыслѣ трагичнымъ. Если-бы предположить со стороны хозяевъ желаніе, вслѣдствіе той или иной побудительной причины, увеличить заработную плату и улучшить вообще жизненное положеніе рабочаго, то весьма основательны допущенія, что сдѣлать этого они не будутъ въ состояніи: такъ задавилъ ихъ заказчикъ, крупный магазинъ. Дѣйствительно, плата за изготовленые товары спустилась до крайняго предѣла, какъ то видно, между прочимъ, изъ такихъ цифръ:

„Въ мастерской, гдѣ шьютъ рубашки, при хозяйскомъ матеріалѣ, а прикладъ отъ мастерской, платится за шитье штановъ 9—10 к., а за рубаху 7—8 к.; больше 10-ти штукъ на машинѣ не сшить! Въ пробочной мастерской платятъ 25 к. за 1000 пробокъ. Колодочники получаютъ отъ своего мастерства за пару колодокъ 15—50 к.; въ день больше двухъ паръ не сдѣлать. Сотня корзинъ продается отъ 2—8 р., каждую корзину дѣлаютъ трое и больше 50 большихъ и 150 корзинъ малыхъ не сдѣлаютъ. Портные „штучники“ получаютъ за пиджакъ 3—4 р., за сюртукъ 4—5 р., а шить приходится три—четыре дня... На шапкахъ хозяева мастерскихъ наживаютъ отъ 40 коп. до 1 рубля на каждой. Отъ пары штиблетъ остается 1 р. 30 к. или 1 р. 40 к., отъ русскихъ сапогъ—1 р. 25 к., отъ американскихъ—2 р.; работать приходится въ недѣлю 3—4 пары и то, если работать усердно“ *), въ послѣднемъ, кажется, нельзя сомнѣваться, зная, что рабочій день бываетъ зачастую по 16—17 часовъ.

Для большей характеристики положенія труда въ области ремесленной промышленности остается коснуться еще питанія рабочихъ и ихъ хозяевъ. Мало отраднаго даетъ эта послѣдняя

*) Григорьевъ, стр. 115.


Digitized by Google

справка, но много поучительнаго можно вынести изъ нея... Въ докладѣ г. Григорьева читаемъ:

„артель сапожниковъ изъ 5 хозяевъ въ 20 человѣкъ варитъ горячее изъ 6-ти фунтовъ мяса (*т. е. на одного по 0,3 фунта*), а рыбы кладетъ 3—4 фунта; картофеля съѣдается отъ $1\frac{1}{2}$—2 мѣръ въ недѣлю! Артель башмачниковъ (три семьи) въ 13 человѣкъ употребляетъ ежедневно 3 фунта мяса (*на одного по 0,23 ф.*), если рыбы—то 2 фунта или $\frac{1}{4}$ ф. снѣтковъ. Третья семья—хозяинъ самъ пятый, подмастерьевъ двое и мальчикъ,—варятъ горячее изъ $1\frac{1}{2}$ — 2 фунтовъ мяса *съ костями*, $\frac{1}{8}$ ф. снѣтковъ, 1 ф. соленой рыбы (*въ общемъ на одного maximum 0,37 ф.*)" *).

Итакъ, что такое жизнь современной мастеровщины?

Это прежде всего кабальная зависимость отъ крупныхъ торговцевъ и королей Апраксинскаго рынка; это, на слѣдующей ступени, уничтожающая конкурренція ради куска хлѣба однихъ мастеровъ-хозяевъ съ другими, въ итогѣ которой, кромѣ не выдержавшихъ борьбы за существованіе, остаются полуголодные хозяева съ голодными почти совсѣмъ работниками. И жизнь, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, проходитъ въ безсмысленномъ, подтачивающемъ силы, здоровье 15-ти часовомъ трудѣ, единственно изъ-за права на кусокъ хлѣба насущнаго, отъ котораго нечего отложить на черный день. Въ жизни этой не видно просвѣта, да и никто не ждетъ его, помирившись съ судьбой. Хозяева,—потому, что вся ихъ энергія уходитъ на охраненіе того положенія, которое хоть въ настоящемъ гарантируетъ имъ необходимыя средства существованія и не даетъ задуматься или погрузиться въ мечты о болѣе сносномъ образѣ жизни; рабочіе и работницы—потому, что отказъ отъ работы при современномъ переполненіи рабочаго рынка влечетъ для первыхъ всѣ страданія выброшеннаго за бортъ, на мостовую человѣка, имѣющаго „право на трудъ", но не имѣющаго всетаки труда; для вторыхъ-же равносиленъ добровольному вступленію въ ряды проститутокъ.

Въ положеніи мастеровщины передъ нами открывается одинъ только уголокъ изъ великаго и необъятнаго моря труда. Но уголокъ этотъ тѣмъ особенно дорогъ, что въ немъ собраны силой вещей черты, характерныя вообще для жизни трудящихся классовъ. Куда бы мы ни пошли, послѣ наблюденія жизни мастеровщины, мы вездѣ встрѣтимся съ тѣми же основными явленіями. Правда, во многихъ отношеніяхъ жизнь, напримѣръ, фабричнаго свѣтлѣе и радостнѣе, чѣмъ горькое существованіе его родного брата ремесленника. Правда, что въ громадныя окна заводско-фабричныхъ зданій попадаетъ больше свѣта и воздуха, изъ нихъ виднѣе просторъ, чѣмъ изъ угла „подпольной" мастерской въ тѣсномъ

*) Григорьевъ, стр. 114.


Digitized by Google

Апраксинскомъ переулкѣ. Но мы все-же имѣемъ основаніе настаивать, что и у ремесленника, и у фабричнаго жизнь складывается одинаково удручающимъ образомъ: вѣдь какъ тотъ, такъ и другой живутъ въ одной и той же общей обстановкѣ... Не секретъ и то обстоятельство, что до сихъ поръ нами не забыты тѣ времена, когда наши рабочіе бывали вынуждены стоять за станкомъ или машиной по 18 часовъ въ сутки.

Отъ фабричнаго и мастерового спустимся ниже къ мужику—земледѣльцу... Бѣдный коняга, онъ все въ томъ же положеніи. „Въ чертахъ угрюмаго лица все та-жъ покорность безъ конца".

Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь.

Литература какъ-то замолкла и не обращается уже такъ часто, какъ прежде, къ характеристикѣ положенія крестьянина. Благодаря, быть можетъ, этому обстоятельству и находятся публицисты, которые въ такой моментъ, какъ переживаемый нами, подыскиваютъ свѣтлыя и розовыя краски на своихъ палитрахъ, желая конкуррировать въ описаніи мужицкаго житья съ лубочной литературой.

Такимъ образомъ, положеніе трудящихся классовъ въ нашемъ отечествѣ не отличается свѣтлыми сторонами. И вотъ именно въ нихъ, „въ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни рабочаго люда, по моему глубокому и основанному на фактахъ убѣжденію" — говоритъ г. Дриль—„и должно искать многія *изъ первичныхъ* причинъ неудержимаго влеченія массъ къ наркотикамъ, изъ которыхъ уже въ свою очередь *вытекаютъ причины вторичныя, третичныя и т. д.*". Въ этомъ положеніи нѣтъ ничего парадоксальнаго. Наоборотъ, и теорія, и практика жизни говорятъ за него. Не дѣлая экскурсій въ область научнаго, физіологическаго рѣшенія вопроса о вліяніи алкоголя на организмъ человѣка, сошлемся на слѣдующія, хорошія слова предсѣдателя: „неудовлетворительное экономическое положеніе народа, понижая нервнопсихическую энергію его, способствуетъ проявленію присущаго человѣку стремленія къ возбуждающимъ веществамъ (и алкоголю на первомъ мѣстѣ), какъ въ состояніи угнетенія, такъ и возбужденія" *). Мнѣніе это находитъ себѣ серьезную поддержку во многихъ научныхъ сочиненіяхъ по гигіенѣ и психіатріи. Такъ, проф. Сикорскій утверждаетъ на основаніи психо-физіологическихъ данныхъ, что неправильное, чрезвычайно утомительное и однообразное рас-

*) Присоединяясь къ этимъ словамъ (помѣщеннымъ на стр. 3, I вып. и I от.), мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что г. предсѣдатель совершенно напрасно говоритъ о «*присущемъ* стремленіи человѣка» къ алкоголю, ибо, какъ выразился проф. Петри, «здоровый организмъ въ алкоголѣ не нуждается»... (См. В. I, отд. I, стр. 63).



предѣленіе труда болѣе всего содѣйствуетъ пониженію нервно-психическаго уровня и приводитъ рабочихъ *неизбѣжнымъ образомъ* къ роковой необходимости одуряющихъ и наркотическихъ средствъ и на первомъ планѣ къ употребленію алкоголя („Труды" В. III, отд. II, стр. 280).

Мы видимъ, что, разсуждая теоретически, можно указать на такія стороны жизни трудящихся классовъ, которыя должны создавать въ нихъ влеченіе къ пьянству. Есть ли оно на самомъ дѣлѣ? Вопросъ совершенно праздный. Всѣ даже случайныя и мимолетныя, личныя наблюденія каждаго посѣщавшаго въ праздничные дни окраины большихъ городовъ и знакомаго хоть немного съ жизнью деревни; громадная часть произведеній художественнаго и общественно-статистическаго характера, даже свидѣтельство народной мудрости въ пословицѣ „пьянъ, какъ сапожникъ",—говорятъ въ пользу положеній г. Дриля... Но все-же думается, не окажется лишней для излишнихъ скептиковъ такая страничка изъ доклада г. Григорьева:

„Петербургскіе мастеровые пьютъ довольно своеобразно. Имѣются, напр., субъекты, которые, не выпивъ сороковки водки утромъ, за чаемъ, — не примутся за работу, и если это искусные подмастерья, которыми хозяева дорожатъ, то они сами имъ покупаютъ, конечно, насчетъ пьющихъ, водку, чтобы они только работали. Есть и такіе субъекты, которые въ теченіе дня рюмки водки не выпьютъ, но послѣ шабашу обязательно выпьютъ отъ 1/2 до 1 сороковки и тогда принимаются за ужинъ. *Обыкновеніе выпить 1/2 сороковки за обѣдомъ и 1/3 сороковки за ужиномъ — обычное явленіе.* Намъ очень нерѣдко попадались люди, которымъ 1—2 бутылки ни почемъ, и они даже за трезвыхъ и степенныхъ людей слывутъ. У нихъ „загулы бываютъ рѣдко и продолжаются короткое время, дня два-три, и то по какимъ-нибудь особеннымъ причинамъ. Другіе—работаютъ всю недѣлю, не беря въ ротъ ни капли водки, но за то утро праздника они пьяны. Третьи мѣсяцами въ ротъ водки не берутъ, но если запьютъ, то обыкновенно допиваются или до бѣлой горячки, или доходятъ до такого состоянія, что является необходимой помощь врача, чтобы пріостановить пьянство" (118 стр.), и т. д. Среди этой массы разнообразія въ способахъ пьянства одно остается постояннымъ—это очевидная необходимость обратиться въ концѣ концовъ къ алкоголю. При этомъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ г. Григорьева, ежедневное пьянство преобладаетъ передъ другими — именно изъ 470 извѣстныхъ ему ремесленниковъ были

Digitized by Google

пьяны ежедневно или черезъ день . .	130 — 28%
„ обязательно по праздникамъ . .	120 — 25%
пили періодически, отъ нѣсколькихъ недѣль до мѣсяцевъ, и въ году хоть разъ допивались до болѣзни . .	104 — 22%
пили при случаѣ	116 — 24
изъ послѣдней категоріи бывала бѣлая горячка	51 — 44%

Любопытно отмѣтить еще, что отчеты больницъ рисуютъ такую картину распространенія пьянства между профессіями: „на каждую тысячу лѣчившихся было: сапожниковъ 38, столяровъ 36, портныхъ 34, башмачниковъ 12, токарей 7“ и т. д., такъ что пословица „пьянъ, какъ сапожникъ“ вполнѣ соотвѣтствуетъ истинному положенію дѣла...

Объ аналогичныхъ данныхъ свидѣтельствуетъ и исторія. Достаточно указать на то, что въ нашъ XIX вѣкъ, извѣстный, какъ вѣкъ „калѣченія женскихъ и дѣтскихъ незрѣлыхъ организмовъ“ машиннымъ производствомъ и истощенія вообще рабочей силы фабричнымъ трудомъ, получилъ особенное развитіе массовой алкоголизмъ... Интересны также свѣдѣнія, сообщаемыя г. Дрилемъ со словъ д-ра Бемерта, обслѣдовавшаго 106 германскихъ фабрикъ съ 103. 557 рабочими; изъ его отчета видно, что „наклонность къ пьянству стояла въ большой зависимости отъ качества питанія. На тѣхъ фабрикахъ, гдѣ рабочихъ стали снабжать питательной и дешевой пищей и прохладительными напитками—получалось улучшеніе здоровья рабочихъ, повышеніе ихъ продуктивности до 20% и пониженіе наклонности къ пьянству“ (108 стр. Дриль). Но вѣдь такихъ предусмотрительныхъ фабрикантовъ немного, а потому и не такъ велико число рабочихъ, получившихъ возможность обходиться безъ наркотическихъ веществъ. Что громадная масса нуждается въ нихъ, это знаетъ даже г. Шумахеръ, заявившій однажды, что „фабричные рабочіе представляются, по разнымъ условіямъ, наиболѣе закоренѣлыми пьяницами“...

Намъ пора кончить эту главу. Въ коммиссіи изложенныя мнѣнія г. Дриля потерпѣли полное фіаско: они не были опровергнуты, но были очень энергичны отвергнуты. Однако, члены не всегда такъ думали, и поэтому мы спѣшимъ воспользоваться нѣкоторыми симпатичными г. Дрилю положеніями, высказанными до его доклада... Ихъ, къ сожалѣнію, немного, всего два. Одно, принадлежащееe г. предсѣдателю, приведено уже въ предыдущемъ изложеніи, другое, сорвавшееся съ устъ горячаго сторонника борьбы съ алкоголизмомъ путемъ изолированія пьющихъ въ особыхъ колоніяхъ, приводимъ здѣсь. „Примѣръ изоляціи“,—говоритъ упомянутый членъ,—„мы имѣемъ на Ваaламѣ, но тамъ всетаки пьютъ тайкомъ, и причина этого лежитъ, быть можетъ,

Digitized by Google

также въ томъ, что тамъ *болѣе изнуряются работой и плохо питаются*" *).

Кончая это бѣглое опредѣленіе *первичныхъ* причинъ развитія алкоголизма, мы не можемъ не остановиться на томъ вліяніи, которое алкоголь оказываетъ въ процессѣ пищеваренія. Какъ видно изъ доклада проф. Данилевскаго, алкоголь, введенный въ малыхъ дозахъ въ желудокъ, помогаетъ пищеваренію, въ среднихъ задерживаетъ его, „въ количествахъ же свыше 15 — 20% (всего содержимаго въ желудкѣ) процессъ этотъ временно пріостанавливается. Вслѣдъ за легкимъ раздраженіемъ желудка, непріятнаго только непривычному, алкоголь успокаиваетъ нервы желудка" **)... Послѣднее обстоятельство не можетъ не имѣть огромнаго значенія въ глазахъ человѣка, живущаго въ проголодь, ибо въ его сознаніи спиртные напитки получаютъ характеръ *питающаго* вещества... Въ этомъ смыслѣ былъ правъ Карлъ Марксъ, когда онъ писалъ: „хотя по общему признанію водка оказывается ядомъ, однако же она употребляется въ качествѣ питательнаго вещества". Указанными условіями, конечно, совсѣмъ не исчерпываются причины алкоголизма. Наше рабочее населеніе живетъ въ слишкомъ неблагопріятной обстановкѣ, чтобы у него не доставало поводовъ для обращенія въ каждую свободную минуту къ водкѣ. Истощенный трудомъ и жаждущій отдыха рабочій къ тому же находится какъ на необитаемомъ островѣ, не видя около себя никакого надежнаго руководителя; всецѣло „предоставленный самому себѣ, онъ чувствуетъ себя очень неловко: что-то, глубоко задавленное трудомъ, въ ту пору какъ будто начинаетъ оживать, чего-то хочется, какія-то странныя мысли залетаютъ въ голову и, застывая въ формѣ нерѣшеннаго вопроса, еще болѣе тяготятъ малаго: дѣло оканчивается кабакомъ или сномъ". И такимъ образомъ „идутъ дни и годы"... „Правда, между постоянной борьбой съ нуждой и ежеминутными отъ нея отдыхами въ кабакѣ въ нашихъ нравахъ бываютъ минуты, когда несчастнымъ растеряевцемъ удается „отучнѣть", т. е. когда въ отуманенныя головы гостемъ вступаетъ здравый разсудокъ, но область, надъ которой хозяйничаетъ этотъ разсудокъ, такъ мала, что объ ней можно говорить только между прочимъ, хотя повидимому разсудку есть надъ чѣмъ поработать: въ эти минуты весь міръ Божій, отъ пониманія тайнъ и красотъ котораго растеряевецъ почти отвыкъ, является множествомъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Въ эту пору ново все, что ни попадается на глаза. Между тѣмъ крошечныя минуты „отучнѣнія" плохой помощникъ въ такомъ множествѣ запутанныхъ

*) См. Вып. I отд. I стр. 40 слова г. Ольдерогге.

**) См. Вып. I отд. II докладъ г. Данилевскаго: Сводъ данныхъ о дѣйствіи алкоголя на человѣческій организмъ, стр. 36.


Digitized by Google

дѣлъ... Убитый обыватель нашъ въ ужасѣ успѣваетъ только схватиться и за свою разбитую голову и, не устоявъ подъ напоромъ нахлынувшей на него тоски, спѣшитъ снова успокоиться въ томъ же властительномъ кабакѣ“ (См. „Сочиненія“ Глѣба Успенскаго. СПБ. 1897 года т. I стр. 46 и 63).

III.

Какъ было уже замѣчено, мнѣнія гг. Дриля и Григорьева получили въ коммиссіи единодушное осужденіе. Возраженія, на которыя не поскупились члены, носили очень разнообразный характеръ. Были возраженія, основанныя главнымъ образомъ на „личныхъ наблюденіяхъ“, не уступающихъ по своей цѣнности знаменитому свидѣтельству проф. Янжула, что въ С. Штатахъ „пьяныхъ совсѣмъ не видно“; были простыя, голословныя отрицанія положеній г. Дриля, облеченныя въ очень энергичную форму; были, наконецъ, въ распоряженіи оппонентовъ и аргументы болѣе или менѣе серьезные, снабженные арсеналомъ статистическихъ данныхъ и логическихъ умозаключеній... На нѣкоторыхъ болѣе типичныхъ рѣчахъ и докладахъ мы здѣсь и остановимся, стараясь быть по возможности краткими.

На разныхъ членовъ доклады гг. Григорьева и Дриля произели разное впечатлѣніе: однихъ повергли въ мрачное настроеніе, другимъ, наоборотъ, сдѣлалось скорѣе весело и хорошо, какъ будто они почувствовали, что и дѣйствительно совсѣмъ не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Такихъ членовъ было громадное большинство; изъ числа первыхъ намъ вспоминается собственно только одинъ ораторъ, начавшій съ научнаго или физіологическаго положенія, что причина пьянства „коренится въ присущемъ организму стремленіи къ опьяненію“ *) и кончившій „размышленіями о томъ, какой человѣкъ свинья, ибо завсегда радъ облопаться и на счетъ водки не имѣетъ мѣры“. Другіе же старательно разгоняли темныя предчувствія и неясныя опасенія, которыя невольно роились въ головѣ каждаго, чуткаго къ интересамъ массы человѣка подъ вліяніемъ краснорѣчивыхъ фактовъ обоихъ докладчиковъ. Первымъ на этомъ поприщѣ потрудился В. Д. Шидловскій, выступившій съ возраженіемъ, въ центрѣ котораго стояла фраза: „имущіе пьютъ еще болѣе бѣдняковъ, но намъ бросаются въ глаза послѣдніе, такъ какъ они выносятъ пьянство на улицу“ **). Аргументъ, къ сожалѣнію, не изъ основательныхъ... Если утвержденіе г. Шидловскаго было даже справедливо, въ чемъ мы болѣе чѣмъ сомнѣваемся, то всетаки оно нисколько не колеблетъ правильности положеній докладчиковъ, потому что цѣль дѣла не въ

*) Вып. II, отд. I, стр. 105. Слова г. Розенбаха.

**) Вып. II, отд. I, стр. 102.

Digitized by Google

фактъ пьянства (которое, какъ было замѣчено въ началѣ II главы, входитъ иной разъ въ формулу жизни), а въ тѣхъ *причинахъ*, которыя толкаютъ населеніе на потребленіе спиртныхъ напитковъ. Г. Шидловскій даже не прикоснулся къ этимъ причинамъ, а сосредоточилъ свое вниманіе на томъ, что пьютъ и богатые,—конечно, пьютъ, но почему пьютъ? Всякій знаетъ, что не отъ 17-ти часового труда, а скорѣе отъ того, что „бездѣятельность и большой досугъ располагаютъ къ пьянству“ (слова г. Шидловскаго)...

Нельзя же „смѣшивать два эти ремесла“... Возраженія перваго оппонента, такимъ образомъ, шли мимо цѣли. Но онъ не одинокъ; на помощь къ нему спѣшитъ не безызвѣстный статистикъ г. Осиповъ, вооруженный нѣкоторыми сомнительнаго достоинства аргументами. Мнѣніе „будто бы бѣдность производитъ порокъ или болѣзнь алкоголизма... не ново и всего скорѣе можетъ быть приписано тому обстоятельству, что алкоголизмъ бѣднѣйшихъ классовъ больше бросается въ глаза“ *),—говоритъ г. Осиповъ. Мы введемъ маленькую поправку или дополненіе въ его слова: г. Дриль въ числѣ „*нѣкоторыхъ* причинъ массового алкоголизма“ оттѣняетъ не такую расплывчатую и неопредѣленную категорію, какъ „бѣдность“, а очень ясное обстоятельство — именно, истощеніе организма, вслѣдствіе чрезмѣрнаго труда. Если бы г. Осиповъ не забывалъ этого, то онъ не привелъ бы въ качествѣ аргумента противъ г. Дриля тотъ фактъ, что „въ Россіи пьютъ гораздо болѣе въ годы урожаевъ, чѣмъ неурожаевъ, осенью, а не лѣтомъ, словомъ—когда населеніе имѣетъ деньги“,—т. е. когда оно „богаче“. Выходитъ, что, по мнѣнію оппонента, г. Дриль полагаетъ будто бы, что чѣмъ меньше у крестьянъ денегъ, иначе говоря, чѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ больше онъ долженъ пить, такъ что самое большое пьянство должно у насъ наблюдаться въ голодные годы, когда земледѣлецъ бѣденъ до послѣдней степени. Конечно, никто не придерживается такого нелѣпаго положенія, и намъ кажется, г. Осиповъ былъ бы болѣе правъ, если бы сталъ разсуждать приблизительно такимъ образомъ. Тяжелыя и неблагопріятныя условія поставили наше крестьянство (какъ вообще все трудящееся населеніе страны) въ необходимость добывать себѣ жалкое пропитаніе путемъ необыкновенно интенсивнаго и въ полномъ смыслѣ чрезмѣрнаго труда, который при плохомъ питаніи неуклонно ведетъ организмъ къ истощенію или пониженію нервно-психической энергіи его. На этой почвѣ и создается влеченіе массъ къ наркотикамъ, но вслѣдствіе ихъ крайне неудовлетворительнаго въ экономическомъ отношеніи положенія и высокой цѣны спиртныхъ напитковъ, влеченіе это можетъ быть удовлетворено въ большей или меньшей мѣрѣ тогда, „когда населеніе имѣетъ деньги“, — т. е. *вообще* имѣетъ на что купить водки. Сознавая прекрасно грубость такого разсужденія, мы не

*) Возраженіе г. Осипова помѣщено на 102—104 стр., II вып., I отд.



можемъ не отмѣтить, что въ немъ указана причина влеченія массъ къ наркотикамъ, между тѣмъ какъ въ общихъ словахъ г. Осипова: „алкоголь потребляется, *главнымъ образомъ*, тогда, когда у населенія есть деньги“, кромѣ фактической неправды, нѣтъ даже намека на объясненіе факта потребленія водки, ибо въ нихъ констатируется только извѣстное состояніе дѣла...

Свидѣтельство г. Осипова, что наше крестьянство пьетъ болѣе въ годы урожаевъ, чѣмъ неурожаевъ, подтверждаемое вполнѣ цифрами, имѣетъ въ нашихъ глазахъ очень существенное значеніе. Цифры говорятъ, что въ сравнительно урожайные 87, 88 и 89 гг. потребленіе 40° водки въ ведрахъ доходило соотвѣтственно до 65, 62,5 и 62,5 милліоновъ, тогда какъ до 87 года оно равнялось 60 м., а послѣ 89, въ голодные 91—92 гг. *) спустилось даже до 50 м. Приводя эти данныя, мы не можемъ не вспомнить ожиданіе г. Минцлова и другихъ членовъ коммиссіи скораго прекращенія пьянства въ Россіи. Въ первой главѣ была отмѣчена призрачность надеждъ на наступленіе этого „золотого вѣка“, теперь мы обращаемъ вниманіе на другую сторону дѣла. Г. Минцловъ съ гордостью говоритъ, что „у насъ въ противоположность Бельгіи, потребленіе и число питейныхъ заведеній, *въ общемъ*, понижается“ **),—и это, конечно, фактъ, но... какой грустный фактъ! Тенденція этого пониженія достаточно ясно видна изъ приведенныхъ только что цифръ: послѣ урожайныхъ 80-хъ годовъ потребленіе водки падаетъ къ началу 90-хъ годовъ и потомъ опять къ новому урожайному 94-му году нѣсколько повышается, хотя за 10-лѣтіе (съ 83—94 г.) замѣчается „въ общемъ несомнѣнное сокращеніе потребленія спиртныхъ напитковъ... Въ населеніи, повидимому, горитъ полнымъ огнемъ алкогольная жажда и временно тухнетъ она только въ годы жажды, въ голодное время, вспыхивая съ новой силой во всякій благопріятный моментъ...“ Чему же тутъ радоваться ***).

---

*) См. въ I Вып. докладъ г. Минулова: „Душевое потребленіе спирта въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ и въ Россіи“, стр. 22.

**) Тамъ же.

***) Общій выводъ только что цитированнаго доклада таковъ: „алкоголизація Франціи подвинулась уже такъ далеко, что съ ней бороться почти нельзя, а въ Россіи именно потому, что она стоитъ на 13 мѣстѣ (по количеству душеваго потребленія спирта во *всѣхъ* напиткахъ) такая борьба возможна, настоятельно необходима и можетъ увѣнчаться успѣхомъ“. Этотъ печальный для Франціи и очень утѣшительный для насъ выводъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается вполнѣ фантастическимъ. По количеству душевого потребленія *водки* Россія стоитъ на 9 мѣстѣ (24,4 гр. безводнаго спирта) въ уменьшающемся порядкѣ, Франція на 6-мъ (32,8 гр.). По размѣру обложенія одного градуса безводнаго спирта Россія занимаетъ въ увеличивающемся порядкѣ 12 мѣсто (10 коп.) а Франція 8-е (4,8), — такъ что нашъ потребитель платитъ акцизу 2 р. 44 коп. Предполагая, что это maximum того, что можетъ при своихъ платежныхъ

Digitized by Google

Единственно для того, чтобы дать отдохнуть читателю отъ тѣхъ грустныхъ размышленій, на которыя наводитъ оптимизмъ членовъ коммиссіи, мы обратимся къ невиннымъ и незамысловатымъ мнѣніямъ двухъ косвенныхъ оппонентовъ г. Дриля, потрудившихся въ коммиссіи, какъ докладчики *).

Однимъ изъ нихъ является нѣкто г. Піотровскій. Выводы г. Дриля онъ не опровергаетъ ни путемъ теоретическаго доказательства невѣрности посылокъ его, ни путемъ исправленія или вообще оспариванія цѣнности того фактическаго матеріала, который легъ въ основу опредѣленія г. Дрилемъ „нѣкоторыхъ причинъ массового алкоголизма“. Г. Піотровскій на стр. 106 второго выпуска просто декретируетъ, что въ развитіи пьянства экономическій бытъ населенія ни причемъ, а въ другихъ мѣстахъ даетъ свою теорію, которая въ иныхъ отношеніяхъ не безлюбопытна. Дѣло въ томъ, что оппонентъ—человѣкъ очень бывалый, „личный опытъ“ котораго служитъ неистощимымъ арсеналомъ аргументовъ противъ хотя бы вышеизложенныхъ мнѣній г. Дриля. Нѣкоторое неудобство представляетъ здѣсь лишь то обстоятельство, что наблюденія г. Піотровскаго относятся къ иной, чѣмъ „мастеровщина“ средѣ—именно къ военному быту, съ которымъ онъ, прослуживъ военнымъ врачемъ „около 40 лѣтъ въ рядахъ арміи въ разныхъ концахъ Имперіи, хорошо знакомъ“ *). Впрочемъ, утѣшимся тѣмъ соображеніемъ г. Піотровскаго, что „современная армія есть народъ со всѣми его достоинствами и недостатками“ и обратимся къ итоговымъ даннымъ оппонента-докладчика... Ихъ, къ счастью, немного. Въ своемъ сообщеніи г. Піотровскій, на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, устанавливаетъ, что въ арміи пьянство преобладаетъ въ гораздо большей степени среди экономически обезпеченныхъ офицерскихъ чиновъ, чѣмъ среди солдатъ. Въ преніяхъ по докладу выяснилось, что „хотя не всѣ алкогольныя заболѣванія среди офицеровъ становятся достояніемъ статистики, тѣмъ не менѣе алкоголизмъ среди офицеровъ оказывается поразительно частымъ, превышая чуть-ли не въ 30 разъ процентъ алкогольныхъ забо-

---

силахъ нашъ потребитель тратитъ на покупку водки и, что эту сумму онъ употребитъ на покупку водки даже въ случаѣ пониженія акциза, предположимъ слѣдующее. Пусть у насъ будетъ установленъ французскій акцизъ, тогда на нынѣшніе 2 руб. 44 коп. русскій потребитель алкоголя купитъ уже не 24 гр., а цѣлыхъ *50* градусовъ безводнаго спирта (2 р. 44 к. 4,8 коп.) и Россія займетъ уже не 9-е мѣсто, какъ теперь, и не 6-е, какъ Франція, а *второе*, сейчасъ же послѣ Даніи (68,8 гр.). Результаты для насъ отнюдь не утѣшительные. (Цифры взяты изъ доклада г. Минцлова, см. 23 стр.).

*) См. „Къ вопросу о пьянствѣ и алкоголизмѣ въ войскахъ“, докладъ д-ра Піотровскаго. Вып. II, отд. II; и „Сводъ данныхъ о дѣйствіи алкоголя на человѣческій организмъ“ проф. Данилевскаго. Вып. I, отд. II.

**) Слова г. Піотровскаго. Вып. II, отд. I, стр. 112.

Digitized by Google

лѣваній нижнихъ чиновъ“ *). Этотъ любопытный фактъ, свидѣтельствующій о крайней индивидуализаціи въ распространеніи алкоголизма, г. Піотровскій безъ дальнихъ размышленій всунулъ въ совершенно иную, чѣмъ военная, обстановку и заключилъ: „вовсе не обязательность труда, не относительная бѣдность, не могущее быть истощеніе силъ организма вслѣдствіе неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій — создаютъ наклонность или потребность алкоголя, какъ высказывалось нѣкоторыми“, а создаетъ влеченіе къ алкоголю только одно: „крайнее невѣжество, власть тьмы“. „Отсюда,—совершенно логично разсуждаетъ г. Піотровскій, — первые пути—это школа“ **). Въ итогѣ получилось довольно неожиданное qui pro quo: офицеры, пьющіе въ 30 разъ больше солдатъ, оказываются приблизительно въ такой же пропорціи и невѣжественнѣе своихъ подчиненныхъ. Это ли говоритъ 40-лѣтній опытъ г. Піотровскаго?.. Опредѣливъ столь удачно причины развитія пьянства въ войскахъ, докладчикъ не менѣе блистательно разрѣшилъ вопросъ объ ихъ искорененіи: съ солдатскимъ пьянствомъ онъ думаетъ справиться нѣсколькими палліативными мѣрами, а съ „наклонностью“ къ алкоголю офицерскихъ чиновъ однимъ „сообщеніемъ *кадетамъ* свѣдѣній о вредномъ дѣйствіи алкоголя на организмъ“...

Члены коммиссіи не могли оставить безъ должной оцѣнки оригинальныхъ умозаключеній своего коллеги и въ засѣданіи 15 января 1899 года избрали его *предсѣдателемъ субкомиссіи* по вопросу объ алкоголизмѣ въ войскахъ.

Немногимъ дальше г. Піотровскаго подвинулся и проф. Данилевскій. Мнѣнія профессора мы предпочитаемъ изложить его собственными словами, безъ всякихъ комментарій со своей стороны. „Въ существѣ распространенія алкоголя между цивилизованными народами лежитъ главнымъ образомъ... смутное или ясно понимаемое стремленіе создать себѣ веселое настроеніе“ ***).

Эта мысль служитъ для г. Данилевскаго „указателемъ для выбора мѣропріятій въ борьбѣ съ пагубнымъ стремленіемъ“, создавать съ помощью алкоголя „такое настроеніе, когда даже обыденныя вещи веселятъ, „развлекаютъ...“ ****). Соотвѣтствующее „настроеніе“ должно быть вызвано, конечно, „разумными развлеченіями“, для чего нужно сначала *„удобопонятно“* объяснить публикѣ *****) вредъ „хотя-бы и рѣдкихъ возліяній“, не говоря о частыхъ,

*) Вып. II, отд. I, стр. 110. Слова г. Розенбаха.

**) Тамъ-же, стр. 106.

***) Докладъ г. Данилевскаго стр. 33. Вып. I, отд. II.

****) Справедливость требуетъ добавить, что по мнѣнію г. Данилевскаго „стремленіе къ веселости—есть только одинъ изъ мотивовъ алкогольной жажды, могутъ быть и другіе мотивы менѣе ясные“, - и въ качествѣ поясненія къ этимъ словамъ, докладчикъ замѣчаетъ въ скобкахъ „пьянство животныхъ“... См. Вып. I, отд. I, стр. 54.

*****) Тамъ же, стр. 50, курсивъ автора.

Digitized by Google

и пр. пр... При этомъ г. профессоръ знаетъ, что „народныя массы, *привыкшія* пользоваться спиртными напитками, еще не въ состояніи ни понять, ни слѣдовать за ученіемъ, что алкоголю, не смотря на его возможныя полезныя дѣйствія, должны быть поставлены строгія и тѣсныя границы“ *).

Не имѣя никакого желанія испытывать терпѣніе читателя дальнѣйшимъ изложеніемъ частныхъ мнѣній членовъ коммиссіи, мы обращаемся теперь къ положеніямъ, имѣющимъ суммарный характеръ.

Доклады гг. Григорьева и Дриля внесли нѣкоторую непріятную для членовъ черту въ ихъ спокойныя разсужденія. Доклады заставили прежде всего членовъ взглянуть на положеніе трудящагося класса и въ неблагопріятныхъ условіяхъ его существованія признать „нѣкоторыя причины массоваго алкоголизма“. Передъ коммиссіей была поставлена серьезная дилемма, требующая прямого отвѣта,—приходилось признать, что при существующихъ соціальныхъ условіяхъ, *алкоголизмъ*, поскольку развитіе его обусловлено чрезмѣрнымъ истощеніямъ организма отъ непосильнаго напряженія рабочихъ силъ, *есть вопросъ трудящихся классовъ общества.* Нельзя сказать, что члены коммиссіи сумѣли взглянуть прямо въ глаза такой постановкѣ вопроса и всѣмъ слѣд-

*) До сихъ поръ члены коммиссіи въ своихъ рѣчахъ имѣли въ виду „массу“, жизнь которой удалена отъ насъ; послѣднимъ, быть можетъ, отчасти и объясняется нѣсколько наивный характеръ вышеизложенныхъ разсужденій.. Но вотъ фактъ иного рода... Въ III засѣданіи коммиссіи одинъ изъ ея членовъ съ истиннымъ прискорбіемъ „указалъ на усиленіе пьянства среди *учащейся молодежи*, особенно среди представителей высшихъ учебныхъ заведеній“,—т. е. среди наиболѣе воспріимчивой и чуткой ко всему честному и хорошему части общества. Пьянство молодежи фактъ и глубоко прискорбный фактъ. Въ настоящую минуту, когда подняты вопросы университетской жизни, не было-бы лишнимъ серьезно обратить вниманіе на тѣ страшно ненормальныя условія, въ которыя поставлена студенческая молодежь. Быть можетъ, попутно объяснились-бы и причины, толкающія ее на пьянство... Коммиссія поступила проще. Не тратя словъ по пустому, она перешла сразу „къ активнымъ мѣрамъ“. Именно, г. Дехтеревъ выразилъ, что большимъ шагомъ впередъ „воздѣйствіе на молодежь путемъ бесѣдъ съ нею и лекцій было-бы“, а другой членъ, имѣя въ виду „кого слѣдуетъ“, пожелалъ „къ числу неотложныхъ мѣръ... отнести извѣстное ограниченіе продажи спиртныхъ напитковъ въ публичныхъ домахъ, куда стекается молодежь и производитъ различные дебоши и другія безобразія подъ вліяніемъ опьяненія“. Этотъ членъ, говоря иначе, рѣшилъ въ небольшой области воспользоваться „боевымъ оружіемъ“ г. Минцлова... Но тутъ явился самъ г. Минцловъ и заявилъ, „что въ публичныхъ домахъ продажа вина запрещена закономъ, а если производится, то тайнымъ образомъ, съ явнымъ его нарушеніемъ“ съ чѣмъ, конечно, ничего не подѣлаешь... (изложенное см. въ I выпускѣ „Трудовъ“ въ I отд., на стр. 32).


Digitized by Google

ствіямъ изъ нея. Не смотря на рядъ возраженій г. Дрилю,—солидность которыхъ мы имѣли случай только что оцѣнить, — коммиссія самимъ положеніемъ вещей была поставлена въ необходимость признать, что указанныя докладчиками условія жизни рабочаго люда „суть однѣ *изъ важнѣйшихъ* общихъ причинъ, какъ предрасполагающихъ къ алкоголизму, такъ и *во многихъ* случаяхъ къ нему непосредственно ведущихъ“ *). Казалось бы, отсюда совсѣмъ не далеко до формулированнаго выше положенія, тѣмъ болѣе, что въ началѣ своей дѣятельности члены коммиссіи устами предсѣдателя высказали, что они имѣютъ „*главнымъ образомъ*, цѣлью—изслѣдованіе и *главное*, борьбу съ алкоголемъ, какъ напиткомъ, потребляемымъ *народомъ* въ его обычной жизни, далеко не въ малыхъ терапевтическихъ дозахъ“ **). Не разъ въ томъ-же духѣ высказывались и другіе члены. Все это какъ будто еще болѣе обезпечивало полный успѣхъ указанію г. Дриля на въ высшей степени серьезную въ практическомъ, и крайне интересную въ теоретическомъ отношеніи связь потребленія алкоголя съ положеніемъ трудящихся классовъ. Но, какъ оказалось, изъ однѣхъ и тѣхъ-же посылокъ можно было сдѣлать далеко не одни и тѣ же выводы. Предсѣдатель задолго до доклада г. Дриля, но немедленно послѣ выясненія имъ въ словесныхъ возраженіяхъ своей точки зрѣнія, поспѣшилъ горячо, и особенно подчеркивая свои слова, отчеканить: „алкоголизмъ *недугъ всенародный*“. А коммиссія, поддерживая своего вождя, постановила считать „пьянство—недугомъ *не* однихъ рабочихъ, бѣдныхъ обездоленныхъ классовъ населенія“, на томъ основаніи, что „ему далеко не чужды и относительно обезпеченные и культурные классы населенія“ ***)...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ не желая подвергнуться нареканіямъ въ равнодушіи къ трудящимся и обремененнымъ, коммиссія рѣшила, для достиженія извѣстныхъ практическихъ цѣлей, возбудить передъ министерствомъ финансовъ рядъ ходатайствъ. Мы ихъ просмотримъ, ибо этимъ лишній разъ выяснятся общественныя симпатія „компетентныхъ дѣятелей“ коммиссіи.

Вглядываясь въ эти „необходимыя“ (какъ значится въ „Трудахъ“) ходатайства, мы видимъ въ нихъ еще одну и совершенно

---

*) См. Вып. II, отд. I, стр. 108.

**) Подобное же мнѣніе высказалъ г. Черемшанскій: „задача коммиссіи состоитъ въ выработкѣ мѣръ борьбы съ алкоголизмомъ, какъ съ народнымъ зломъ“... Вып. I, отд. I, стр. 39. Замѣтимъ, что винная монополія, о которой столько сказано въ коммиссіи, имѣетъ въ виду исключительно простолюдина, а не тѣхъ „тоже пьющихъ“, для коихъ выстроенъ ресторанъ Палкина. Даже „принудительное лѣченіе алкоголиковъ“, какъ заявилъ въ послѣднемъ засѣданіи субкомиссіи (См. „Новости“ № отъ 3 апр.) г. Бородинъ, разсчитано преимущественно на крестьянъ...

***) Вып. II, отд. I, стр. 108.

Digitized by Google

лишнюю варіацію на старую тему плодотворности „воздѣйствія", которая у насъ bleibt immer neu. Члены прониклись бѣдственнымъ положеніямъ „мастеровщины":—продолжительный рабочій день, плохое питаніе, невозможныя квартиры (спятъ на грязномъ полу!), грубость во взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ, безобразное обращеніе съ учениками и пр. пр., такъ тяжело подѣйствовало на нихъ, что они немедленно рѣшили: ходатайствовать „о распространеніи *фактическаго фабричнаго надзора* (курсивъ подлинника) на ремесленныя и мелкія промышленныя заведенія, въ особенности, по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ ремесленникамъ"... И большаго члены коммиссіи почти *ничего* не придумали, надѣясь, очевидно, на эту мѣру. Но что въ ней привлекло вниманіе членовъ? Подчеркнутыя въ подлинникѣ слова показываютъ ясно, что имъ хорошо извѣстна полная необезпеченность плодотворности надзора: не даромъ же они хлопочутъ о „фактическомъ" надзорѣ. Къ сожалѣнію, въ коммиссіи совершенно не было указано, какъ этого достигнуть, а вопросъ такого рода является передъ всякимъ, знающимъ сколько нибудь жизнь нашей мастеровщины. По вычисленіямъ того же г. Григорьева, въ Петербургѣ (только въ одномъ Петербургѣ, гдѣ существуетъ образцовая полиція) число заведеній „безъ правъ" „во всякомъ случаѣ весьма значительно"; напр., по переписи 1890 г. обработкою дерева занято было хозяевъ самостоятельныхъ 1.575 человѣкъ, а одиночекъ 781 чел.; производствомъ обуви и одежды—хозяевъ 5.426 чел.; а одиночекъ 11.368 чел, и т. д. Какъ надзирать за этими полуголодными работниками, разъ они существуютъ на не-законномъ основаніи. Прежде всего ихъ нужно, конечно, отыскать при содѣйствіи мѣстныхъ властей,—потомъ... Потомъ оштрафовать, заставить обзавестись патентомъ, обязать (подпиской?) исполнять правила гигіены и пр., можетъ быть, даже внушить что-нибудь о гуманномъ обращеніи съ рабочими и, наконецъ, подвергнуть „фактическому фабричному надзору". Нѣтъ, не въ „надзорѣ", а тѣмъ болѣе усердно примѣняемомъ, тутъ дѣло. Мастеровой не виноватъ, что рынокъ диктуетъ ему „драконовскія условія" для работы, которыя заставляютъ его голодать, жить въ холодѣ и не исполнять совсѣмъ даже „элементарныхъ" правилъ гигіены, укрываясь для этого подъ сѣнь незаконной работы. И не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть громадное увеличеніе количества заведеній „безъ-правъ" въ томъ случаѣ, если ходатайство коммиссіи получитъ должное удовлетвореніе. Но для коммиссіи подобныхъ перспективъ, живо напоминающихъ разсказъ Гл. Успенскаго „Умерла за направленіе", не существуетъ и „надзоръ" для членовъ ея является непогрѣшимымъ. По крайней мѣрѣ, и ниже въ пунктѣ 6-мъ тѣхъ-же ходатайствъ (см. 108 стр. II-го вып.) узнаемъ, что „слѣдуетъ ходатайствовать предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о необхо-

Digitized by Google

димости усиленія и надлежащей организаціи фактическаго врачебно-санитарнаго надзора надъ ремесленными, промышленными заведеніями и фабриками, и вообще, *о принятіи мѣръ къ болѣе дѣйствительному примѣненію существующихъ законоположеній административнаго и санитарнаго характера*"... И далѣе „обратить вниманіе администраціи и общественнаго управленія С.-Петербурга на необходимость усиленія вышеупомянутаго надзора по отношенію ремесленныхъ и мелкихъ промышленныхъ заведеній столицы"...

Если упомянуть еще о томъ, что коммиссія высказалась за устройство („даже на коммерческомъ основаніи") дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, то это будетъ все, чѣмъ коммиссія думаетъ возвысить жизненный уровень столичной „мастеровщины"...

Е. К.

Натурализмъ на службѣ у утопіи.

(*Письмо изъ Франціи*).

Послѣдній романъ Золя, вѣроятно, не менѣе другихъ произведеній этого мощнаго таланта, возбудитъ интересъ всего читающаго міра, создастъ творцу „Плодородія" не мало новыхъ друзей и новыхъ враговъ, вызоветъ массу хвалебныхъ и ругательныхъ оцѣнокъ. Я попрошу у читателей позволенія внести и свою ноту въ этотъ разноголосый концертъ восхищеніи и хуленій, но заранѣе предупреждаю, что мало буду касаться художественной стороны этого, мимоходомъ сказать, не особенно художественнаго романа, а остановлюсь главнымъ образомъ на двоякомъ идейномъ значеніи его. Ибо съ отрицательной точки зрѣнія онъ представляетъ рѣзкую критику одного изъ крупныхъ явленій современнаго французскаго строя: застоя и чуть не убыли населенія; а съ положительной точки зрѣнія развертываетъ идеальную картину лѣченія этого недуга путемъ выращиванія многочисленнаго здороваго и трудолюбиваго потомства. Фабула романа, въ двухъ словахъ, дѣйствительно, такова: въ то время, какъ нѣсколько буржуазныхъ семей различнаго характера и достатка ревностно культивируютъ систему одного, много двухъ дѣтей, нѣкій Матьё Фромонъ, наоборотъ, съ такимъ успѣхомъ заботится о размноженіи потомства и о передачѣ ему подобныхъ же стремленій, что, справляя свою алмазную свадьбу 90-лѣтнимъ патріархомъ рука объ руку съ своей 87-лѣтней супругой, насчитываетъ вокругъ себя „сто пятьдесятъ

Digitized by Google

восемь дѣтей, внуковъ и правнуковъ, не считая послѣднихъ новорожденныхъ четвертаго поколѣнія; а съ прибавленіемъ мужьевъ и женъ со стороны, цѣлыхъ триста". Перипетіямъ упадка окружающихъ семей и побѣдоноснаго распространенія фромоновскаго рода и посвященъ не по французски толстый—въ 751 страницу,— новый романъ Золя. Оставляя въ сторонѣ литературныя детали этого произведенія, съ которыми читатель уже, вѣроятно, ознакомился, я прямо перехожу къ соціально-философскому смыслу „Плодородія", и прежде всего къ тѣмъ общественнымъ условіямъ, которыя объясняютъ жгучесть вопроса о народонаселеніи въ современной Франціи.

Можетъ быть, ничто такъ хорошо не иллюстрируетъ знаменитой фразы Бональда „литература есть выраженіе общества", какъ судьба теоретическаго мальтусіанства во Франціи въ зависимости отъ движенія народонаселенія и вызванныхъ этимъ движеніемъ надеждъ и страховъ. Не заходя въ дебри дореволюціонной очень неточной статистики и начиная съ настоящаго вѣка (собственно говоря, съ переписи 1801 г.), мы находимъ слѣдующія цифры для французскаго населенія *):

Годы переписи.	Число жителей.	Абсолютный прирость населенія отъ переписи до переписи.	Ежегодный прирость населенія на 1.000 жителей между переписями.
1801	27.342,003	—	—
1806	29.107,425	1.758,422	12,8
1821	30.461,875	1.354,450	3,3
1826	31.858,937	1.397,062	9,3
1831	32.569,223	700,286	4,4
1836	33.540,910	971,687	5,9
1841	34.230,178	689,268	4,1
1846	35.400,486	1.170,308	6,8
1851	35.783,170	382 684	2,2
1856	36.039,364	356,194	2,0
1861	37.386,313	1.346,949	6,9
1866	38.067,064	680,751	3,6
1872	36.102,921	—1.964,143	—8,5
1876	36.905,788	802.867	5,5
1881	37.672,048	766,260	4,1
1886	38.218,903	546,955	3,3
1891	38.343,192	124,289	0,7
1896	38.517,975	174,785	0,9

Если мы оставимъ въ сторонѣ результаты 1861 г. (годъ пріобрѣтенія Савои и Ниццы) и 1872 г. (годъ потери Эльзаса-Лотарингіи), то вотъ какіе выводы непосредственно вытекаютъ изъ представленной таблицы. Въ началѣ этого вѣка французское насе-

*) Данныя почерпнуты мною изъ „Résultats statistiques du dénombrement de 1891", „Annuoire statistique de la France" (1898) и пр. оффиціальныхъ документовъ.

Digitized by Google

леніе возростало настолько быстрѣе, чѣмъ въ концѣ, что, напр., въ теченіе пятнадцати лѣтъ 1806—1821 оно увеличилось на 1.357,450 жителей, — увеличилось, замѣтьте, не смотря на страшное кровопусканіе войнъ первой Имперіи, которыя стоили Франціи по меньшей мѣрѣ 3 милліона самыхъ здоровыхъ и крѣпкихъ мужчинъ,—тогда какъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ статистики (1881—1896), среди полнаго мира, приростъ населенія едва-едва превзошелъ 845,000 жителей (845,927). Съ другой стороны, двадцатилѣтній миръ 1821—1841 г. далъ Франціи уже не больше 3.768,303 лишнихъ жизней, и послѣдующій двадцатилѣтній періодъ 1841—1861 г. оставилъ по себѣ приростъ всего въ 2.487,076 человѣкъ (не считая 669,059 присоединенныхъ савояровъ и обитателей ницскаго графства),—правда, отчасти по причинѣ кровопролитныхъ войнъ начала второй Имперіи, но съ 1861 г. застой населенія принимаетъ уже острыя формы, и послѣ погрома 1870 — 1871 г. (отнявшаго, какъ извѣстно, у Франціи круглымъ счетомъ около 1.600,000 чел. въ 1871 г., Эльзасъ-Лотарингія насчитывала 1.549,738 жителей.) приростъ уменьшается быстро и правильно. Достаточно сказать, что Франціи понадобилось почти пятнадцать лѣтъ послѣ катастрофы, чтобы дойти до итога населенія 1866 г., а за послѣднія десять лѣтъ статистики (1886—1896) число жителей не увеличилось и на 300,000 (точная цифра абсолютнаго прироста опредѣляется въ 299.072).

Но насколько теперь становятся непрочны надежды даже и на это крайне скромное возрастаніе, видно изъ того, что въ послѣдніе годы населеніе зачастую уменьшается даже и абсолютно, какъ то читатель можетъ видѣть изъ слѣдующей таблицы, составленной мною на основаніи оффиціальныхъ документовъ для послѣднихъ восьми лѣтъ статистики:

ГОДЫ.	Число родившихся.	Число умершихъ.	Перевѣсъ	
			родившихся.	умершихъ.
1890	838,059	876,505	—	38,446
1891	866,377	876,882	—	10,505
1892	855,847	875,888	—	20,041
1893	874,672	867,526	7,146	—
1894	855,388	815,620	39,768	—
1895	834,173	851,986	—	17,813
1896	865,586	771,886	93,700	—
1897	859,107	751,019	108,088	—
Итого . . .	6.849,209	6.687,312	248,702	86,805
			161,897 перевѣсъ родившихся.	

Итакъ, вотъ къ чему сводится избытокъ жизней въ великой странѣ чуть не за десять лѣтъ: 161,897 человѣкъ! Но присмотри-

Digitized by Google

тесь къ отдѣльнымъ элементамъ этого общаго плюса: тогда онъ вамъ покажется еще незначительнѣе, еще хрупче. Изъ восьми лѣтъ четыремъ годамъ избытка человѣческихъ существованій соотвѣтствуютъ четыре года дефицита: по очереди то жизнь побѣждаетъ смерть, то смерть беретъ верхъ надъ жизнью. Мало того, окончательная побѣда за жизнью остается лишь потому, что въ послѣдніе два года статистики (1896 — 1897) смертность случайно пала до такого низкаго уровня, какого мы еще не видѣли во Франціи, и на какомъ она врядъ-ли можетъ удержаться безъ существеннаго улучшенія гигіеническихъ условій. Но суть дѣла заключается для Франціи именно не въ смертности, которая, говоря вообще, очень умѣренная: она равняется ежегодно 22,8 на 1000 въ послѣднее время, да и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ не превышала 23,3 на 1000. Слабость прироста населенія зависитъ здѣсь отъ очень низкой рождаемости, которая, кромѣ того, быстро и правильно падаетъ: между 1841—1850 г. она равнялась 27,4 на 1000; въ 1851—1860, 26,3 на 1000; въ 1861—1870, 26,2 на 1000; въ 1871—1880 25,4 на 1000; въ 1881—1890, 23,8 на 1000; и, наконецъ, дошла до 22,7 на 1000, уступая такимъ образомъ въ иные года смертности. Оттого-то и перевѣсъ рожденій надъ смертями постепенно палъ съ 4,1 на 1000 въ 1841 до 1,0 на 1000 въ 1881—1890 и затѣмъ, какъ мы видѣли, свелся на нѣтъ. И это въ то самое время, какъ въ Англіи избытокъ рождающихся надъ умирающими достигаетъ ежегодно 12,2 на 1000, а въ Германіи 12,7 на 1000 *). Да и какъ вы хотите, чтобы было иначе, разъ пропорція браковъ во Франціи мало чѣмъ отличается отъ этой пропорціи въ другихъ странахъ, но число живыхъ дѣтей на семью не превышаетъ 2,10, т. е. едва возмѣщаетъ отживающую чету? Это и есть та знаменитая „система двухъ дѣтей“ (Zweikindersystem), надъ которой зло потѣшаются нѣмцы.

Полагаю, что мнѣ нечего больше душить читателя цифрами: и приведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы схватить смыслъ и характеръ движенія французскаго населенія за послѣднее столѣтіе. Посмотримъ теперь, какъ отражались различныя перипетіи этого движенія на взглядахъ французскихъ экономистовъ и статистиковъ. Мнѣ нечего говорить читателю, что по закону контрастовъ въ той самой Франціи, которая является родиною великихъ теоретиковъ соціализма первой половины этого вѣка, экономическая наука разрабатывалась и разрабатывается

*) См. таблицу движенія народонаселенія Англіи, Германіи и Франціи по десятилѣтіямъ, начиная съ 1841 г. въ статьѣ: N. Roussanof, *La dépopulation en France;* Manuel général de l'instruction primaire, 1898, № 2 стр. 11—13 приложенія „Semaine littéraire et scientifique“.


Digitized by Google

почти исключительно сторонниками вульгарнѣйшей политической экономіи и, стало быть, въ большинствѣ случаевъ правовѣрными мальтусіанцами. Но посмотрите, какую перемѣну фронта вызвало и въ ихъ рядахъ давленіе жизненныхъ фактовъ. Мы видѣли, что въ началѣ этого столѣтія французское населеніе росло довольно быстро. И вотъ, извѣстный своею банальностію родоначальникъ французскихъ либеральныхъ экономистовъ (читатель, конечно, уже догадался, что дѣло идетъ о пресловутомъ Жанѣ Батистѣ Сеѣ) въ своемъ „трактатѣ политической экономіи", появившемся въ 1803 г., высказываетъ тѣ-же самыя опасенія насчетъ излишняго размноженія людей, что и Мальтусъ, и при этомъ, по обыкновенію, ухитряется придать еще болѣе плоскій видъ и безъ того неглубокой теоріи, подставляя вмѣсто мальтусовскаго выраженія „средства продовольствія" свое выраженіе „средства существованія" и сводя такимъ образомъ, совершенно въ духѣ лавочника, народно-хозяйственный вопросъ къ вопросу индивидуальнаго кармана. Возвращаясь къ мальтусіанской теоріи въ своемъ „Полномъ курсѣ политической экономіи" (1826—1829), Сэй настаиваетъ на „воздержаніи" съ необыкновеннымъ апломбомъ и развязностью, причемъ не брезгуетъ почти каламбурными фразами: „самыми благопріятными для счастія человѣчества учрежденіями являются тѣ, которыя способствуютъ умноженію капиталовъ. Слѣдуетъ, стало быть, поощрять людей къ тому, чтобы они скорѣе дѣлали сбереженія, чѣмъ дѣтей (à faire des épargnes plutôt que des enfants").

По слѣдамъ Сэя пошло и громадное большинство французскихъ экономистовъ, и въ этомъ отношеніи замѣчательно то согласіе, которое царило по вопросу населенія между людьми самыхъ разнообразныхъ политическихъ направленій. Знатный легитимистъ, графъ Дюшатель, и прогрессистъ Дюнойе подавали, напр., другъ другу руку въ свирѣпо-комичныхъ нападкахъ даже на безсильную буржуазную филантропію, которая, молъ, не даетъ природѣ „произнести свой приговоръ" (фраза Мальтуса) надъ непредусмотрительными бѣдняками. Дѣло происходило въ тридцатыхъ годахъ, и такъ продолжалось и въ первой половинѣ сороковыхъ, когда перевѣсъ рожденій надъ смертями колебался во Франціи между 6 и 7 на 1000. Но ко времени февральской революціи, когда рождаемость сильно пала почти во всѣхъ департаментахъ, а приростъ населенія въ иные года не достигалъ и 2 на 1000 (въ 1847 онъ равнялся, напр., 1,5), сами буржуазные экономисты начинаютъ находить, что жизнь превзошла ихъ теоретическіе совѣты и что громадное большинство французовъ, никогда не слыхавшее даже имени Мальтуса, по части „воздержанія", заткнуло за поясъ не только самого учителя, который, какъ извѣстно, оставилъ по себѣ чуть не дюжину дѣтей (если вѣрить Сисмонди), но и болѣе умѣренныхъ и аккуратныхъ его послѣдо-

Digitized by Google

вателей между французскими представителями мѣщанской науки. Данныя статистики произвели свое отрезвляющее дѣйствіе на теоретиковъ мальтусіанства, патріотическіе страхи которыхъ за будущность Франціи могущественно поддерживались опасеніями капиталистовъ, боявшихся неурожая рабочихъ рукъ, какъ одной изъ причинъ повышенія задѣльной платы. Послѣ революціи 1848 г. мальтусіанское направленіе замѣтно слабѣетъ, и протесты противъ него становятся чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе.

Интересенъ при этомъ въ особенности радикальный переломъ въ воззрѣніяхъ тѣхъ самыхъ жрецовъ оффиціальной науки, которые раньше были ярыми мальтусіанцами. Такъ, Воловскій въ 1849 г. поощрялъ еще массы къ „воздержанію“ въ своемъ „Наставленіи для народа“, а въ 1862 г., на одномъ изъ засѣданій экономическаго общества, съ жаромъ развивалъ прямо противоположное мнѣніе и подвергалъ заднимъ числомъ свою прежнюю теорію строжайшему осужденію:

...Когда изучаешь ходъ фактовъ, и именно въ нашей странѣ, то вмѣсто того, чтобы жаловаться на черезчуръ значительное число рожденій, приходится скорѣе отмѣчать совершенно обратное явленіе. Тѣ, которые полагаютъ, будто въ настоящее время нѣтъ ничего важнѣе, какъ призывать трудящіеся классы къ большему благоразумію въ бракѣ, страшно заблуждаются въ данный моментъ. Въ моихъ глазахъ прогрессивный ростъ населенія является источникомъ, цѣлью и признакомъ всякаго другого прогресса *).

Одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ мальтусіанства во Франціи, статистикъ Гильяръ, писавшій въ 50-хъ годахъ, началъ свою карьеру въ качествѣ правовѣрнаго ученика автора „опыта о народонаселеніи“ и измѣнилъ своему прежнему идолу на основаніи цифръ французской статистики. Позже, Леонсъ-де-Лавернь восхищался еще въ половинѣ 60-хъ годовъ ослабленіемъ рождаемости во Франціи и повторялъ обычную фразу мальтусіанцевъ: „нищету причиняетъ избытокъ населенія“, но десять лѣтъ спустя уже принялся доказывать, что „численный ростъ можетъ вполнѣ уживаться съ возрастающимъ благосостояніемъ“. Съ другими авторами переворотъ совершается гораздо быстрѣе, и, напр., тотъ самый Легуа, который въ 1865 г. писалъ объ опасностяхъ сильной рождаемости, всего два года спустя уже крайне былъ озабоченъ остановкой въ народонаселеніи.

Вообще-же отвращеніе къ мальтусіанству усилилось послѣ катастрофы 1870—1871 г., и если и теперь осталось еще нѣсколько послѣднихъ могиканъ этого ученія, въ родѣ Мо-

*) Цитирую по французскому (дополненному) изданіе книги итальянскаго профессора Нитти, которому принадлежитъ честь настойчиваго и умѣлаго доказательства зависимости теоретическаго мальтусіанства отъ жизненныхъ фактовъ: Fr. S. Nitti, *La populationet le système social;* Парижъ, 1897, стр. 96 и прим.


Digitized by Google

линари, Блока, Фр. Пасси, то громадное большинство французскихъ экономистовъ, не смотря на крайнюю рутинность своихъ прочихъ взглядовъ, порвало рѣшительно съ доктриной воздержанія и вмѣсто того, чтобы проповѣдовать „благоразуміе въ бракѣ“, предлагаетъ даже разныя мѣры—одна другой комичнѣе съ цѣлью поощрять своихъ соотечественниковъ къ выполненію библейскаго „плодитесь и множитесь“. Создалась даже цѣлая литература книгъ, статей и этюдовъ, посвященныхъ изображенію темныхъ сторонъ практическаго мальтусіанства во Франціи: назову въ числѣ авторовъ, трудящихся надъ этой литературой, Шарля Ришэ, Жака Бертильйона, Ланкри, Дюмона, Гоннара, Дебюри и вплоть до Поля Леруа-Больё. Нѣкоторые между этими проповѣдниками доходятъ въ своей пропагандѣ до того, что, какъ мы увидимъ ниже, бросаютъ эпитетъ „измѣнниковъ отечества“ не только лѣнивымъ по части дѣторожденія простымъ согражданамъ, но даже романистамъ и поэтамъ, которые, молъ, все воспѣваютъ любовь, но отбиваютъ охоту отъ выполненія высшей цѣли ея, заключающейся въ ребенкѣ.

Большинство-же населенія, — и буржуазія, и крестьянство,— продолжаетъ тщательно избѣгать многочисленнаго потомства, и какъ прежде, не зная даже и имени Мальтуса, отличалось мальтусіанствомъ, такъ и теперь, не читая противниковъ Мальтуса, упорно стоитъ за систему искусственнаго безплодія. Вполнѣ естественно поэтому, что беллетристика, разсчитанная на большую публику, до самаго послѣдняго времени и за самыми ничтожными исключеніями, очень мало прислушивалась къ патріотическимъ воплямъ экономистовъ и статистиковъ и разработывала вопросъ объ отношеніяхъ между полами совершенно въ духѣ шамфоровскаго афоризма насчетъ „соприкосновенія двухъ оболочекъ и обмѣна двухъ фантазій“, почти совершенно игнорируя судьбу плода этого „соприкосновенія“ и этого „обмѣна“. Доказывать подробно эту характеристическую черту французской литературы значило-бы ломиться въ открытую дверь. Но если вамъ приходилось говорить когда-нибудь съ англичанами и нѣмцами объ этой литературѣ, то вы, навѣрное, изъ десяти разъ девять слышали удивленіе относительно малой роли, которую семья, въ смыслѣ молодого поколѣнія, выростающаго на смѣну стараго, играетъ во французскомъ романѣ. На семьѣ въ этомъ романѣ словно лежитъ знаменитое проклятіе, которое Бодлэръ обращаетъ по адресу „дѣвъ“,

Du vice maternel traînant l'hérédité
Et toutes les hideurs de la fécondité,

т. е. „влачащихъ за собою наслѣдственность материнскаго порока и всѣ отвратительныя мерзости плодородія“.

Большая публика не только не понимаетъ тѣхъ авторовъ, ко-

Digitized by Google

торые пытаются идеализировать выращиваніе здороваго и многочисленнаго поколѣнія, но перетолковываетъ ихъ намѣреніе въ совершенно обратномъ смыслѣ, думая, что они сами раздѣляютъ осмѣиваемые ими взгляды, и принимая такимъ образомъ иронію за чистую монету. Одинъ изъ статистиковъ (Ванъ-деръ-Смиссэнъ) очень удачно констатируетъ впечатлѣніе, которое производитъ морализирующій драматургъ, Дюма-сынъ, на французскую публику своимъ знаменитымъ діалогомъ между двумя знатными дамами о дѣтяхъ (въ „Francillon"):

Тереза. А у тебя только одинъ ребенокъ?
Франсина. А сколько-же ихъ у меня должно быть? Я, вѣдь, замужемъ всего одинъ годъ, десять мѣсяцевъ и семь дней. У меня не можетъ быть цѣлой пятерки, какъ у тебя!..
Тереза ...да, и и изъ которыхъ двое близнецовъ.
Франсина. Что за отвращеніе! И ты ихъ всѣхъ выкормила?
Тереза Всѣхъ.
Франсина. Даже и близнецовъ?
Тереза. Даже и близнецовъ.
Франсина. Ужасъ—что такое!...

И что же? Вся публика, по словамъ Смиссэна, очевидно, на сторонѣ Франсины, находя вмѣстѣ съ нею, что родить и выкормить пятерыхъ дѣтей—верхъ ужаса и отвращенія. Дюма иронизируетъ надъ этими мальтусіанскими взглядами, но его иронія обращается прямо противъ него самого. „Франсина только говоритъ на сценѣ то, что всякій думаетъ про себя", заключаетъ наблюдатель. Признаться, это своеобразное преломленіе темы Дюма въ глазахъ французскихъ слушателей, соотвѣтственно ихъ настроенію и привычнымъ мыслямъ,—вещь глубоко человѣческая. Оно напоминаетъ мнѣ тотъ взрывъ хохота, которымъ зрители одного театра въ древней Македоніи встрѣтили на сценѣ изображеніе мученій софокловскаго Эдипа: когда актеръ, выражая чувства ужаса и отвращенія, скрылся со сцены, вся зала, какъ одинъ человѣкъ, проводила его шутками и ободряющими восклицаніями: „ну, вотъ и хорошо: опять побѣжалъ къ матери". Дѣло въ томъ, что у македонянъ (если вѣрить Тертулліану) бракъ съ матерью считался дѣломъ совершенно естественнымъ, и они по своему поняли исчезновеніе злополучнаго Эдипа. Такъ и французская буржуазія принимаетъ въ діалогѣ сторону Франсины и обрушивается на ту самую Терезу, въ которой драматургъ, наоборотъ, хотѣлъ воплотить типъ женщины, серьезно относящейся къ семейнымъ обязанностямъ...

Я выше сказалъ, что въ послѣднее время теоретическіе противники мальтусіанства крайне раздражены противъ романистовъ и поэтовъ, которые, по ихъ мнѣнію, не выполняютъ какъ слѣдуетъ своей роли проповѣдниковъ усиленнаго дѣторожденія. У нѣкоторыхъ изъ этихъ противниковъ раздраженіе принимаетъ

Digitized by Google

положительно комичныя формы, и мораль ихъ произведеній мѣстами положительно та же, что въ крыловской баснѣ о „Сочинителѣ и разбойникѣ". Бѣднымъ авторамъ достается за то, въ чемъ повинны собственно не они, а сама французская жизнь: вѣковая привычка буржуазіи плодить не столько дѣтей, сколько капиталы, и скаредность мужика, держащагося за свое частное владѣніе. Дѣйствительно, какъ говоритъ мыслящій писатель:

„Мелкій собственникъ полонъ извѣстнаго рода фетишизма къ землѣ: его поле, его домъ являются для него какъ бы живыми личностями, которыя онъ хочетъ передать въ вѣрныя руки. Если у него есть нѣсколько дѣтей, то ему придется раздѣлить эти сокровища и, можетъ быть, даже продать въ случаѣ, если нельзя раздѣлить ихъ порову. Крестьянинъ не допускаетъ этого дѣленія собственности, подобно тому, какъ родовитый дворянинъ не допускаетъ отчужденія замка своихъ предковъ. Оба они согласятся лучше изувѣчить свою семью, чѣмъ—свое владѣніе *).

До чего иные „патріотическіе" авторы предпочитаютъ разбойника сочинителю или, по крайней мѣрѣ, обрушиваютъ громы преимущественно на голову послѣдняго, можно хотя бы видѣть изъ слѣдующаго довольно курьезнаго литературнаго „пассажа". У Сюлли-Прюдомма есть великолѣпное по формѣ и унылое по идеѣ стихотвореніе „Мой обѣтъ", которое я приведу здѣсь въ переводѣ, заранѣе предупреждая читателя, что и самая удачная передача на чужомъ языкѣ не можетъ дать понятія о прелести оригинала:

Я хочу стать господиномъ самаго слѣпого инстинкта,—увы! хочу не по добродѣтели, а изъ-за сострадания. Въ невидимомъ роѣ осужденныхъ на рожденіе я пощажу того, котораго хочетъ вызвать къ жизни жало страсти. Оставайся въ безыменномъ царствѣ возможностей, о ты, мой самый любимый сынъ, ты, который никогда не увидишь свѣта! Спасенный отъ существованія вѣрнѣе самихъ мертвецовъ и болѣе недоступный, чѣмъ они, ты не выйдешь изъ тѣни, въ которой спишь. Любовь, ревностная вербовщица слезъ путемъ радости, стережетъ потомство въ моей крови. Но я даю обѣтъ вырвать эту добычу изъ рукъ несчастія: никто не унаслѣдуетъ моего слабаго и мрачнаго сердца. Человѣкъ, на душѣ котораго бѣлый хлѣбъ, проклинаемый массами, лежитъ укоромъ совѣсти за нищету другихъ людей, этотъ человѣкъ никогда не раздвинетъ вокругъ себя мѣстъ на неравномъ пиру природы, гдѣ такъ тѣснятся обѣдающіе **).

Въ сущности, это пессимистическое стихотвореніе исполнено дѣйствительной красоты, а послѣдняя строфа придаетъ самому пессимизму поэта альтруистическій, далеко не банальный оттѣнокъ. Но рѣдкій разъ, перечитывая эти стихи, я могъ удер-

---

*) M. Guyau, *L'irreligion de l'avenir;* Парижъ, 1895, см. 6 изд., стр. 281 (см. вообще всю седьмую главу второй части, трактующую о „religion et l'irréligion dans leurs rapports avec la fécondité et l'avenir des races").

**) Sully-Prudhomme, *Les vaines tendresses (poésies,* 1872—1878); см. стихотвореніе „Voeu" на стр. 108 Лемерровскаго изданія.


Digitized by Google

жаться отъ улыбки: когда долго живешь во Франціи, приходится сталкиваться столько разъ и съ „научными средствами“ буржуазнаго мальтусіанства, и съ болѣе грубыми пріемами крестьянскаго „воздержанія“, что эта проклятая ассоціація идей совершенно развѣнчиваетъ эстетическую иллюзію „обѣта“ и бросаетъ на него комическое освѣщеніе обычной практики французовъ. Но, повторяю, тутъ дѣло идетъ лишь о разрушеніи эстетическаго наслажденія читателей, въ чемъ самъ авторъ не повиненъ; разсматривать же поэзію съ точки зрѣнія практическихъ выводовъ, которые можетъ сдѣлать изъ нея иной проницательный обыватель, по меньшей мѣрѣ, странно. И, однако, посмотрите, какіе патріотическіе перуны навлекъ на свою голову Сюлли-Прюдоммъ за упомянутое стихотвореніе. Одинъ изъ современныхъ противниковъ мальтусіанства прочиталъ ему по этому поводу такую отповѣдь:

... По мѣрѣ вашихъ силъ, которыя велики, потому что вы - истинный поэтъ, вы работаете надъ ослабленіемъ отечества, сочиняя такіе стихи: вы становитесь вредны родинѣ, вы измѣняете ей! Да, вы измѣнникъ отечеству! Ему придется выдерживать сильную борьбу, и сыны его будутъ черезчуръ малочисленны, потому что многіе изъ вашихъ соотечественниковъ пренебрегли извлеченіемъ ихъ изъ „безъименнаго царства возможностей“. У васъ больше таланта, чѣмъ у нихъ, для того, чтобы затушевать низкія стороны ихъ предательства въ подобный моментъ нашей исторіи; но въ сущности это одно и тоже предательство. Представляя собой безсильнаго неудачника, ставшаго добычей самаго чернаго пессимизма, потому что вы уклонились отъ вкуснѣйшихъ жизненныхъ обязанностей, потому что вы занимались сочиненіемъ стиховъ въ то время, какъ дѣти имѣютъ больше значенія для нравственнаго здоровья, вы не желаете, говорите вы, рождать такихъ же безсильныхъ неудачниковъ... Но по какому же праву вы проповѣдуете тысячамъ вашихъ соотечественниковъ это отчаяніе, составляющее такую язву, что всякій литераторъ, который старается распространять его, долженъ былъ бы, во имя общественнаго спасенія, быть убитъ, какъ вредный звѣрь... *)

Это-ли не мораль крыловской басни?

„Молчи“, сказа́ла гнѣвно тутъ Мегера
И крышкою прихлопнула котелъ!..

Итакъ, вотъ при какихъ условіяхъ появился послѣдній романъ Золя: остановка, если не прямая убыль народонаселенія, благодаря воздержанію буржуазіи и крестьянства; патріотическая пропаганда дѣторожденія со стороны буржуазныхъ экономистовъ, статистиковъ и публицистовъ; продолжающееся въ беллетристикѣ трактованіе „науки страсти нѣжной“, безъ всякаго отношенія къ ребенку. Прибавьте къ этому, что рабочій классъ во Франціи велъ и ведетъ себя, въ противоположность другимъ классамъ, сравнительно „непредусмотрительно“, также, что и теоретическіе

---

*) Roger Debury, *Un pays de celibataires et de fils uniques;* Парижъ, безъ обозначенія года (судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, книга вышла въ въ 1896 г.), стр. 119.



выразители его интересовъ и стремленій никогда не переставали быть ожесточенными врагами мальтусіанства. Въ концѣ концовъ,—подводя итоги этимъ различнымъ, и совпадающимъ, и перекрещивающимся теченіямъ, мы можемъ сказать, что въ послѣднее десятилѣтіе борьба противъ „воздержанія“ охватила широкіе слои французской интеллигенціи, но на поведеніе большинства населенія не оказало до сихъ поръ никакого вліянія, а потому сохраняетъ характеръ популярнаго среди мыслящей публики, но все же чисто академическаго протеста противъ вкоренившихся привычекъ націи. И, насколько я понимаю творческій темпераментъ Золя, нужно было именно такое положеніе дѣлъ, чтобы соціальный исторіографъ семьи Ругоновъ направилъ мощную артиллерію своего таланта противъ мальтусіанства и въ защиту „Плодородія“. Я сейчасъ скажу, почему.

Золя представляетъ собой, несомнѣнно, крупнаго художника, а его великолѣпное поведеніе въ дѣлѣ Дрейфуса показываетъ, что онъ, кромѣ того, благородный и очень сильный человѣкъ. Но онъ отнюдь не ученый и не мыслитель, и несчастіе этого могущественнаго таланта и заключается въ томъ, что онъ считаетъ себя ученымъ и мыслителемъ. Золя можетъ проявить смѣлость и оригинальность въ художественной обработкѣ извѣстной идеи; но ему не хватаетъ иниціативы мысли,—не говорю, характера,—чтобы самому напасть на дѣйствительно новую идею. Потому-то онъ и кладетъ въ основаніе своихъ произведеній такія идеи, которыя уже пріобрѣли большую популярность въ широкихъ слояхъ интеллигенціи, мало того, могутъ даже въ данный моментъ считаться избитыми или поверхностными среди лучшихъ представителей мысли, но которыя не получили еще всеобщаго признанія, не превратились окончательно въ банальное мѣсто и сохраняютъ еще характеръ сравнительной новизны и, если можно такъ выразиться, идейной ереси. Именно такія идеи соотвѣтствуютъ боевому, и въ то же время мало оригинальному складу ума Золя. Онъ вышибаетъ взмахомъ своего мощнаго плеча еле держащуюся въ петляхъ дверь, но избѣгаетъ ломиться въ отворенную, равно какъ никогда не нападаетъ на еще очень крѣпко защищаемую. Такимъ отношеніемъ онъ инстинктивно удовлетворяетъ своему стремленію къ той самой оригинальности мысли, которой не достаетъ ему и къ которой, по извѣстному психологическому закону, онъ тяготѣетъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно сильно. Этимъ объясняется и столь частое у него перехватываніе черезъ край при художественной обработкѣ извѣстной гипотезы.

Одинъ изъ французскихъ критиковъ не безъ остроумія замѣтилъ, что въ теченіе всей своей литературной дѣятельности Викторъ Гюго, не смотря на неоднократный переломъ въ идеяхъ, запаздывалъ обыкновенно на нѣсколько лѣтъ въ своей умствен-

Digitized by Google

ной эволюціи по сравненію съ лучшими людьми данной эпохи. Я думаю, какъ разъ тоже самое можно сказать и о Золя. Въ началѣ своей дѣятельности, въ послѣдній періодъ Имперіи, когда цвѣтъ интеллигенціи и трудящихся классовъ боролся противъ цезаризма, Золя писалъ идиллическіе „Разсказы Нинонъ“. Когда пала Имперія, и передовые умы пытались направить „республику безъ республиканцевъ“ въ сторону возможно большей общественной справедливости и возможно широкаго демократизма, Золя обращается къ изображенію падшаго режима, вдвигая въ этотъ кадръ обрисовку „темпераментовъ и среды“ въ духѣ довольно поверхностно понятыхъ имъ идей Тэна и физіологическихъ обобщеній Клода Бернара, т. е. вещей, которыя представляли дѣйствительный интересъ новизны съ десятокъ лѣтъ назадъ. При этомъ, кстати сказать, онъ въ своемъ „Вертепѣ“ (такъ я перевелъ бы его L'assommoir, а не „Западней“ и не „Ловушкой“), появившемся въ 1877 г., изображаетъ рабочій классъ Парижа довольно близко къ тому, какъ было принято смотрѣть на него немедленно послѣ подавленія коммуны, т. е. какъ на сборище пьяницъ лѣнивцевъ, и въ лучшемъ случаѣ—жуировъ безъ всякаго идеала, что вызвало рѣзкія возраженія со стороны радикальной еще въ то время „République francaise“ Гамбетты. Возрожденіе и ростъ рабочаго движенія послѣ амнистіи 1880 г. остановили на себѣ вниманіе художника лишь въ половинѣ 80-хъ: его романъ изъ жизни рудокоповъ „Жерминаль“, — по моему мнѣнію, лучшее произведеніе автора, — появился въ 1885 г. Обостреніе анархическаго движенія среди нѣкоторыхъ группъ рабочихъ и умственнаго пролетаріата въ 1892—1894 г. нашло свое выраженіе въ „Парижѣ“, вышедшемъ въ 1898 г. И именно съ половины 90-хъ годовъ вопросъ о народонаселеніи сталъ такой обычной литературной темой во Франціи, что, зная склонность Золя идти за усиливающимися теченіемъ, я нисколько не былъ удивленъ, прочитавъ въ газетахъ извѣстіе о томъ, что живущій въ добровольномъ изгнаніи романистъ разрабатываетъ вопросъ о „плодородіи“ *).

Какъ выполнилъ свою задачу Золя? Съ отрицательной точки зрѣнія очень удачно, хотя по обыкновенію перехватывая черезъ край: картина мальтусіанства имущихъ и вообще буржуазныхъ классовъ нарисована мощной рукой и развертывается, какъ грандіозно-ужасная декорація, передъ глазами читателя. Отъ времени до времени, именно какъ на декоративной живописи, нѣкоторыя детали подчеркнуты и преувеличены до крайнихъ размѣровъ. Такъ, говоря о гибельной практикѣ женской кастраціи, которая начинаетъ распространяться главнымъ образомъ въ Парижѣ, часто

*) Намеки на эту тему можно уже, впрочемъ, встрѣтить въ „Докторѣ Паскалѣ“ (1893 г.).


Digitized by Google

переходя за предѣлы безусловно-необходимыхъ операцій, а порою находя даже добровольныхъ жертвъ между фешіонебельными дамами, считающими ребенка помѣхою удовольствію, Золя сообщаетъ читателю, устами добродѣтельнаго доктора Бутана, слѣдующія ужасныя цифры:

...Вы знаете, до чего мы дошли? Въ госпиталяхъ кастрируютъ ежегодно отъ двухъ до трехъ тысячъ женщинъ. И эта цифра должна быть удвоена для частныхъ клиникъ, гдѣ не существуетъ ни неудобныхъ свидѣтелей, ни какого бы то ни было контроля. Въ одномъ Парижѣ за послѣднія пятнадцать лѣтъ число операцій должно простираться до тридцати—сорока тысячъ. Словомъ, въ настоящее время насчитываютъ пятьсотъ тысячъ, да, полмилліона французскихъ женщинъ, у которыхъ цвѣтъ материнства былъ скошенъ, былъ вырванъ!.. Полмилліона, о Боже! полмилліона безполезныхъ чудовищъ *).

Сравните съ этой патетической статистикой романиста взглядъ одного автора, который спеціально занимается вопросомъ объ „обезлюденіи Франціи". Перебирая различныя физіологическія причины убыли рождаемости въ своемъ отечествѣ, упомянутый авторъ выражается такъ:

Я пренебрегаю при этомъ нѣкоторыми пріемами, въ родѣ добровольной оваріотоміи, которая, по счастію, свирѣпствуетъ лишь въ очень ограниченныхъ слояхъ общества и можетъ находить мѣсто развѣ только въ романахъ, характеризующихъ нравы **).

Но эти преувеличенія не портятъ, говоря вообще, сильнаго впечатлѣнія, производимаго отрицательной стороной книги, а лишь позволяютъ нѣсколько скептически относиться къ безусловной точности „человѣческаго документа", предъявленнаго корифеемъ „экспериментальнаго романа". За то съ положительной стороны идеала, развертываемаго авторомъ, послѣдній романъ Золя далеко не удаченъ, и вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ какое-то новое соціальное „евангеліе" (имъ, кстати, Золя начинаетъ серію „четырехъ евангелій"), книгу новаго поколѣнія и новаго историческаго періода, я не могу видѣть въ немъ ничего иного, кромѣ общественной утопіи, и притомъ утопіи старой, утопіи буржуазной, проникнутой всѣми невозможностями и противорѣчіями, характеризующими добродѣтельнаго буржуа ***). Такъ какъ истин-

*) E. Zola, *Fecondité*; Парижъ, 1899, стр. 369.

**) René Gonnard, *La dépopulation en France*; Ліонъ, 1898, стр. 57 (книга Гоннара интересна лишь кое-какими цифрами; историческая и теоретическая часть въ значительной степени заимствована у цитированнаго уже мною Нитти).

***) Ср. восторженные отзывы о „Плодородіи" Густава Кана (въ „Revue blanche" 15-го октября 1899 г.), Лорана Тайльяда (въ „Petite République" 25-го октября 1899 г.) и т. д. съ убѣдительной и безусловно вѣрной по своей основной идеѣ, но, къ сожалѣнію, еще не конченной статьѣ: Charles Péguy, *Les recentes œuvres de Zola;* въ „Mouvement socialiste" 1-го ноября 1899 г., стр. 537—552.

Digitized by Google

ный смыслъ „Плодородія“ неясенъ, повидимому, даже и для критиковъ передового теченія, то я исключительно остановлюсь на положительной сторонѣ романа, какъ на той, которая вызываетъ наибольшія недоразумѣнія. Я постараюсь доказать буржуазную утопичность новаго произведенія Золя съ двухъ особенно характеризующихъ его точекъ зрѣнія: экономической и соціально-моральной и начинаю свое доказательство съ экономической.

Но прежде, чѣмъ приняться за довольно печальную работу разрушенія иллюзій, которыя создаетъ натурализмъ Золя, очутившійся на службѣ у утопіи, попробуемъ насладиться ея казовымъ концомъ, упиться яркими картинами соціальнаго рая, обитаемаго Матьё и Маріанной, этими во истину „первыми человѣками“, потому что авторъ заставляетъ ихъ строить благополучіе быстро растущей семьи въ буквальномъ смыслѣ на новой почвѣ: они избираютъ ареной своей производительной дѣятельности пустыри, камни и болота громаднаго, но безплоднаго имѣнья Шантеблэ и побѣдоносно превращаютъ его съ теченіемъ времени въ одну гигантскую образцовую ферму. Мнѣ незачѣмъ, впрочемъ, пересказывать блѣднымъ прозаическимъ языкомъ перипетіи этой соціально-агрономической идилліи. Самъ Золя со всею мощью своего эпическаго таланта описываетъ постепенный ростъ благополучія Фромоновъ и, какъ истый эпическій поэтъ, какъ новый Гомеръ, нисколько не стѣсняется даже ввести въ свой романъ одно-два постоянно повторяющіяся мѣста, словно припѣвъ этой своеобразной „пѣсни торжествующей любви“. Припѣвъ № первый читается такъ (цитирую его по первой попавшейся на глаза страницѣ, потому что, повторяю, онъ встрѣчается не одинъ десятокъ разъ безъ всякаго измѣненія, и всегда въ срединѣ главы:

Въ Шантеблэ, Матьё и Маріанна основывали, создавали, рождали. И въ теченіе четырехъ лѣтъ они снова вышли побѣдителями изъ вѣчной борьбы жизни противъ смерти при помощи того постояннаго увеличенія и семьи, и плодородной земли, которое было какъ-бы самимъ ихъ существованіемъ, ихъ радостью и ихъ силою. Страсть охватывала ихъ огненнымъ ураганомъ, божественная страсть оплодотворяла ихъ, благодаря ихъ могучей способности любить, быть добрыми, быть здоровыми; а остальное было дѣломъ ихъ энергіи, ихъ дѣятельной воли, ихъ спокойнаго мужества для необходимаго труда, созидателя и регулятора міра *).

Припѣвъ № второй, который заканчиваетъ почти всякую главу и рисуетъ психологію Матьё при появленіи каждаго новаго ребенка и выходѣ жены послѣ родовъ:

Когда Матье увидалъ улыбающуюся Маріанну съ этимъ дорогимъ малюткой (имя рекъ) на рукахъ, онъ страстно обнялъ ее и еще разъ восторжествовалъ надъ всѣми горестями и всѣми скорбями. Еще новый ребенокъ, еще богатство и сила, еще новая сила, брошенная въ міръ, новое поле, посѣянное на завтрашній день. И все то было великое дѣло, доброе

*) Eécondité, стр. 370, 399, 425 и т. д.


Digitized by Google

дѣло, дѣло плодородія, которое расширялось, благодаря землѣ и благодаря женѣ, этимъ побѣдительницамъ надъ разрушеніемъ, создающимъ пропитаніе каждому новому ребенку, любящимъ, желающимъ, борящимся, работающимъ среди страданія, идущимъ безпрерывно къ большей жизни, къ большей надеждѣ *).

Припѣвъ № третій, слѣдующій непосредственно за вторымъ и начинающій новую главу:

Прошло два года. И въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ Матье и Маріанна родили еще ребенка, мальчика (или дѣвочку). И на этотъ разъ, въ то самое время, какъ увеличивалась семья, росло и помѣстье Шантеблэ... То было непобѣдимое завоеваніе жизни, плодородіе, распространявшееся на солнцѣ, трудъ, вѣчно и безпрерывно творящій среди препятствій и горестей, возмѣщающій потери, вливающій ежечасно въ жилы міра все больше и больше энергіи, больше здоровья и больше радости **).

Неправда-ли, идиллія самаго возвышеннаго характера? Только знаете-ли, дорогой читатель, что портитъ мнѣ эту картину рая въ Шантеблэ? Тѣ самыя соображенія, которыя приходили въ голову мнѣ и моимъ товарищамъ четверть вѣка тому назадъ, когда мы читали столь интересныя „Письма изъ деревни“ Энгельгарда въ „Отечественныхъ Запискахъ“... Но у русскаго автора рядомъ съ агрономической эпопеей были, по крайней мѣрѣ, очень цѣнныя указанія на русскую деревню, на возможность примѣненія земледѣльческой техники къ владѣніямъ мужиковъ общиниковъ и т. п., и за эту сторону „Писемъ“ мы прощали имъ то, что казалось намъ въ нихъ апоѳеозомъ капиталистическаго накопленія. У Золя-же вся агрономическая идиллія вертится исключительно на обогащеніи фромоновскаго клана, безъ всякаго отношенія къ прямымъ производителямъ этого богатства. Авторъ вообще умалчиваетъ о нихъ, а когда говоритъ, то безсознательно приравниваетъ ихъ къ рабочему скоту, машинамъ и прочимъ элементамъ земледѣльческаго инвентаря.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ описываетъ Золя дебютъ Матьё Фромона въ роли агронома:

Въ тотъ день, когда надо было сдѣлать первый ударъ заступомъ, Маріанна пришла съ Жервэ на рукахъ и сѣла возлѣ, исполненная счастливаго волненія, благодаря этому дѣлу, вѣры и надежды, которое такъ смѣло предпринималъ Матье... Онъ былъ здѣсь съ двумя помощниками (deus hommes sous ses ordres), готовый самъ приняться за тяжелый ручной трудъ ради осуществленія столь долго обсуждаемой и созрѣвшей идеи... И онъ ставилъ просто-на-просто свою жизнь на карту этой будущей жатвы, если земля откажетъ въ ней культу и труду Матье. Но онъ былъ вѣрный поклонникъ земли, настоящій вѣрующій, увѣренный въ побѣдѣ, потому что онъ любилъ и хотѣлъ. У него эта творческая

*) Ibid., стр. 372 и т. п.
**) Ibid., p. 373.

Digitized by Google

энергія проявилась съ рожденія послѣдняго ребенка и выражалась все больше и больше съ необычайною силою *)...

Конечно, мы очень рады за энергичнаго Матьё и его добродѣтельную супругу; мы желаемъ успѣха его предпріятію и уже при началѣ его увѣрены, что только что родившійся Жервэ (по счету пятый) не будетъ голодать съ такимъ бодрымъ отцомъ. Но насъ интересуетъ отчасти и судьба „помощниковъ", этихъ, какъ говоритъ романистъ страницею дальше, „дюжихъ молодцовъ (robustes gaillards), которые уже знали свое ремесло" **). Что это за люди, откуда они, на какихъ условіяхъ энергичный Матьё припрягъ ихъ рядомъ съ собою къ земледѣльческому труду? Молчаніе: Золя нисколько не интересуется этими, какъ бы сказать? статистами земледѣльческой пьесы и сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на главныхъ актерахъ—Фромонѣ и его семьѣ. Но вотъ проходитъ два года. Съ четырехъ гектаровъ имѣнье нашего героя возросло чуть не до сотни, захвативъ

на возвышенности тридцать новыхъ гектаровъ лѣса до полей Марёйля, тогда какъ на склонѣ тридцать другихъ гектаровъ пустоши доходили, вдоль желѣзной дороги, до деревни Монваль. Но такъ какъ старый и ветхій охотничій павильонъ не хваталъ больше, то нужно было завести цѣлую ферму, построить зданія, риги и амбары, конюшни и хлѣвы, для хлѣба, служителей и рабочаго скота, число которыхъ (sic!) росло при каждомъ расширеніи фермы, словно въ какомъ-то счастливомъ ковчегѣ ***).

И, опять-таки, мы отъ души желаемъ счастія предпріимчивому Матьё; но намъ хотѣлось бы также знать, какую роль играютъ при увеличеніи благоденствія фромоновской семьи вотъ тѣ самые „служители", которыхъ авторъ такъ легко и просто включилъ въ число четвертей хлѣба и головъ рабочаго скота, составляющихъ безгласный или полугласный инвентарь фермы. Нельзя же предполагать,—хотя авторъ безсознательно придаетъ своей послѣдней фразѣ очень типичную форму смѣшенія людей и животныхъ,—нельзя предполагать, чтобы и „служители" плодились на тотъ же самый манеръ, что колосья и рабочій скотъ. Не два же „дюжіе молодца" успѣли въ теченіе двухъ лѣтъ родить и выростить себѣ на смѣну толпу „служителей", для которыхъ понадобились и особыя зданія. Очевидно, „служители" были наняты, какъ все нанимается въ теперешнемъ обществѣ, и авторъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы разсказалъ намъ, каковы условія ихъ найма и какую долю получаютъ они „отъ плодовъ земныхъ и отъ первородныхъ" этого новаго ковчега. А то можно представить себѣ, напр., что „два дюжіе молодца" были вынуж-

*) Ibid., стр. 319—320.
**) Ibid., стр. 321.
***) Ibid., стр. 373.

Digitized by Google

дены оставить въ карманѣ Матьё такую изрядную сумму прибавочной стоимости, что на слѣдующій годъ оборотливый хозяинъ могъ нанять уже пять „молодцовъ“, которые еще черезъ годъ, будучи „обработаны“ капиталистическимъ способомъ, сдѣлали возможнымъ наемъ уже всѣхъ тѣснящихся теперь въ имѣньѣ Фромона „служителей“. И эта мысль преслѣдуетъ васъ при каждомъ повтореніи „пѣсни торжествующей любви“...

Въ самомъ дѣлѣ, проходитъ еще два года, и картина становится еще грандіознѣе, а ваши сомнѣнія и опасенія еще основательнѣе. Дѣйствительно:

По мѣрѣ того, какъ имѣніе расширялось, оно требовало также бóльшаго числа рабочаго скота, лошадей, служителей и служанокъ, цѣлаго рабочаго персонала, цѣлаго хозяйственнаго инвентаря, ежедневный контроль котораго подавилъ бы ихъ массою труда, пока подросшія дѣти не будутъ въ состояніи облегчить имъ хоть часть дѣла. Матьё принялъ на себя руководство земледѣльческими работами, безпрестанно улучшая ихъ непрерывнымъ усиліемъ мысли и дѣйствія, чтобы извлечь изъ земли всю спящую въ ея нѣдрахъ силу. Маріанна же управляла фермой, наблюдала за хлѣвами, молочной, птичьимъ дворомъ, и обнаружила таланты первоклассной кассирши, вела счеты, платила и получала деньги. И, несмотря на снова и снова возвращающіяся непріятности, и несчастныя случайности и неизбѣжныя ошибки, фортуна постоянно оправдывала ихъ усилія, среди промаховъ и потерь: такъ храбры и мудры были они въ ихъ ежедневной и безпрерывной борьбѣ *).

Всякія иллюзіи тутъ уже невозможны; и если въ началѣ своей агрономической карьеры Матьё представлялъ изъ себя скромную капиталистическую куколку, то теперь онъ окончательно продѣлалъ свою экономическую метаморфозу, превратившись въ блестящую и могучую бабочку, отливающую всѣми цвѣтами удачной эксплуатаціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ личный трудъ мелкаго земледѣльца могъ еще маскировать значеніе „двухъ дюжихъ молодцовъ“; положившихъ первое основаніе благополучію фромоновской семьи. Отнынѣ же идиллическая маска сваливается съ владѣльцевъ Шантеблэ: „трудъ“ контроля, управленія и прочихъ функцій хозяйскаго глаза рѣшительно обособляется отъ непосредственно производительной дѣятельности, которая падаетъ исключительно на „цѣлый рабочій персоналъ“. И, въ сущности говоря, теперь Матьё могъ бы купить за деньги даже и хозяйскій глазъ въ видѣ спеціалиста—управляющаго и, ничего не дѣлая, продолжать загребать крупные куши и расширять свое имѣнье, равно какъ добродѣтельная Маріанна могла бы замѣнить свои бухгалтерскіе таланты наемными талантами „первокласснаго кассира“. Дойдя до извѣстныхъ размѣровъ, капиталъ работаетъ по инерціи, захватывая движеніемъ своихъ неумолимыхъ колесъ все ростущую армію „служителей и служанокъ“.

*) Ibid., стр. 399—400.


Digitized by Google

Мнѣ нечего продолжать эту чисто агрономическую поэму, которая черезъ каждыя двадцать страницъ катитъ все болѣе и болѣе величественныя повторяющіяся строфы, воспѣвающія славу могучаго помѣщика, захватившаго все бывшее имѣнье разорившагося Сегэна. Книга становится особенно характерной, когда на сцену выступаетъ второе поколѣніе, такія же, какъ самъ Матьё, тароватыя и трудолюбивыя дѣти его. Дѣйствительно, семья героическихъ благопріобрѣтателей, вдохновляющая мощную музу Золя, словно нарочно продѣлываетъ въ романѣ ту самую экономическую эволюцію, которая, по мнѣнію Адама Смита, была бы обязательна для всего человѣчества „при естественномъ ходѣ вещей" (had human institutions never disturbed the natural course of things): начавъ съ скотоводства и земледѣлія (охотой на территоріи занимался бывшій собственникъ, прогорѣвшій милліонеръ Сегэнъ), фромоновскій кланъ переходитъ къ промышленности и торговлѣ и проявляетъ при этомъ замѣчательныя способности. Въ то время, какъ часть сыновей и дочерей продолжала идти по стопамъ отца-агронома, старшій сынъ, Блэзъ, а вслѣдъ за трагической смертью послѣдняго, его близнецъ, Дени, успѣлъ въ нѣсколько лѣтъ прибрать къ рукамъ заводъ одряхлѣвшаго распутника Бошэна, тотъ самый заводъ, на которомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, еще до покупки имѣнья, самъ Матьё работалъ чертежникомъ. И какъ раньше натуралистическая лира Золя издавала громко рокочущіе аккорды во славу могучаго помѣщика, такъ теперь со струнъ этого высоко натянутаго инструмента срываются звуки тріумфальнаго марша, сопровождающаго быстрое восхожденіе Дени по лѣстницѣ фабричнаго капитализма. И по прежнему въ нашей душѣ тѣснятся тѣ самые проклятые вопросы, которые отравляли уже намъ раньше картину благополучія Матьё и Маріанны. Въ самомъ дѣлѣ, мы готовы порадоваться той ловкости, съ какой Дени стянулъ въ своихъ рукахъ пять полныхъ паевъ заведенія и большую часть послѣдняго, шестого, оставивъ прежнему хозяину „голую фикцію" собственности *). Но намъ мѣшаетъ вполнѣ отдаться этой радости то обстоятельство, что авторъ совершенно пренебрегаетъ при изображеніи успѣховъ молодого фабриканта судьбой многочисленныхъ рабочихъ. Намъ крайне хотѣлось бы знать, чѣмъ же отразилось на ихъ существованіи процвѣтаніе завода при новомъ хозяинѣ, и какой свѣтъ, какую радость внесла въ ихъ жизнь личная удача молодого Фромона. Авторъ прямо не говоритъ о положеніи фабричнаго „рабочаго персонала", какъ онъ не говорилъ намъ о положеніи земледѣльческихъ „служителей и служанокъ" на фермѣ Матьё. Но то, что безсознательно выливается у него изъ подъ пера, расхолаживаетъ наши восторги передъ предпринимательскимъ геніемъ Дени Фромона.

---

*) См. стр. 664.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, мы узнаемъ, что онъ сдѣлался милліонеромъ, что даже вдова его брата, которой онъ рѣшилъ выдавать „пенсію изъ прибылей“ (стр. 593), „становилась богатой съ тѣхъ поръ, какъ ея небольшая часть въ доходахъ завода росла изъ года въ годъ“ (стр. 644). Но жизнь рабочихъ продолжаетъ идти точь-въ-точь, какъ при прежнемъ эгоистичномъ и свирѣпомъ въ наживѣ хозяинѣ. Судите сами: на заводѣ Бошэна, въ числѣ прочихъ рабочихъ, находился нѣкій Муано, который, въ качествѣ „непредусмотрительнаго и веселаго парижскаго“ пролетарія былъ отцомъ семи дѣтей, которыхъ онъ даже „любилъ, пока они не улетѣли изъ отцовскаго гнѣзда“ (стр. 9). И вотъ какая судьба постигаетъ этого браваго человѣка черезъ тридцать лѣтъ, уже при новомъ фабрикантѣ:

Муано, жалкая развалина пятидесятилѣтняго несправедливаго труда, былъ вынужденъ оставить заводъ; и въ результатѣ его жилище опустѣло, и кой-какіе жалкіе лоскутья разнеслись на всѣ четыре стороны. По счастію, онъ получалъ маленькую пенсію, которою онъ былъ обязанъ сострадательной иниціативѣ Дени. Но онъ впадалъ въ дѣтство, одуренный этими продолжительными усиліями старой рабочей лошади *).

Ясно, что рабочій персоналъ живетъ совершенно при прежнихъ условіяхъ, ибо даже „маленькая пенсія“ была дѣломъ „сострадательной иниціативы“ молодого милліонера. И, можетъ быть, ничего нѣтъ поучительнѣе въ этомъ смыслѣ, какъ буквальное повтореніе жизни старика Муано его дѣтьми. Такъ, одинъ изъ сыновей Муано, Викторъ,

снова начиналъ на заводѣ жизнь отца, ворочая жерновъ, который ворочалъ и отецъ, тѣмъ же самымъ слѣпымъ и упрямымъ усиліемъ. Онъ уже женился; у него въ тридцать шесть лѣтъ уже было шестеро дѣтей, три мальчика и три дѣвочки, и онъ заставлялъ свою жену переживать судьбу своей матери; и точно также оба они кончатъ свою жизнь совершенно разбитыми, тогда какъ и ихъ дѣти будутъ продолжать въ свою очередь, даже и не отдавая себѣ отчета, распложеніе проклятаго племени бѣдняковъ **).

И это въ то самое время, какъ Дени купается въ лучахъ безмятежнаго счастія! Но, вѣдь, было бы очень легко представить себѣ такую сцену. Молодой Муано входитъ въ роскошные аппартаменты молодого Фромона и, вертя свой замасленный картузъ въ рукахъ, обращается къ геніальному фабриканту со слѣдующи словами: „Уважаемый хозяинъ! Отецъ мой часто разсказывалъ мнѣ, какъ вашъ папаша, въ спорахъ со старымъ хозяиномъ, всегда былъ на нашей сторонѣ по части рожденія дѣтей. Онъ одобрялъ поведеніе моего отца и самъ подавалъ примѣръ выращиванія многочисленнаго потомства; вы тоже обзавелись

*) Ibid., стр. 627—628.
**) Ibid., стр. 629.


Digitized by Google

уже обширной семьей. Обзавелся такою семьею и я. Только отчего же это мнѣ нѣтъ проку отъ моихъ ребятишекъ, тогда какъ ваши дѣти, по всему видно, пойдутъ по вашимъ слѣдамъ? Одинъ изъ хорошихъ пріятелей вашего отца, добрый и славный господинъ, Эмиль Золя, написалъ цѣлую книгу о томъ, какъ важно для всѣхъ людей „плодородіе“: его слова только еще больше подкрѣпили меня въ моемъ намѣреніи жить такъ, какъ подсказывалъ мнѣ инстинктъ. Но меня взяло теперь сильное раздумье: оба мы одинаково служимъ „плодородію“, и однако вы разводите благословенное племя имущихъ, тогда какъ я тружусь надъ „распложеніемъ проклятаго племени бѣдняковъ“. Отчего же такая разница въ судьбѣ? Или дѣло не въ одномъ только „плодородіи“? И не нужно ли еще чего-нибудь, сверхъ многочисленнаго потомства, чтобы жить по вашему, по человѣчески. По правдѣ сказать, я не вижу никакой разницы между тѣмъ, какъ жилъ, работая на Бошэна, мой старикъ-отецъ и какъ живу, работая на васъ, я, сынъ своего отца! Какъ думаетъ на этотъ счетъ хорошій господинъ Эмиль Золя, который восхищается вашими хозяйственными талантами?..“

Дѣйствительно, было бы интересно знать, почему знаменитый романистъ выражаетъ такой безподмѣсный восторгъ передъ процвѣтаніемъ завода и заводчика и совершенно не интересуется судьбой цѣлыхъ сотенъ живыхъ существъ на заводѣ?

Не менѣе странно поражаетъ эта однобокая, эта казовая идиллія при разсказѣ Золя о подвигахъ третьяго сына Матьё, негоціанта Амбруаза. Дѣйствительно, какъ Дени проявилъ геніальный размахъ ума по части промышленности, такъ Амбруазъ обнаружилъ удивительныя способности по части торговли. Опять рокочетъ восторженная лира:

Состояніе Амбруаза удесятерилось въ десять лѣтъ. Ему было едва сорокъ-пять лѣтъ, а онъ уже царилъ на парижскомъ рынкѣ. Сдѣлавшись по смерти дяди Дю-Горделя наслѣдникомъ и единственнымъ хозяиномъ коммиссіонной фирмы, онъ расширилъ ее, благодаря своему духу предпріимчивости, и превратилъ въ настоящую всемірную контору, чрезъ которую проходили товары всего земного шара. Границы не существовали для него, онъ обогащался плодами вселенной, а въ особенности онъ старался извлекать изъ колоній все чудовищное богатство, которое онѣ заключали въ себѣ, и все это съ такой торжествующей смѣлостью, съ такою вѣрностью и дальнозоркостью взгляда, что самыя отчаянныя его кампаніи заканчивались побѣдами. Этотъ негоціантъ, плодотворная дѣятельность котораго выигрывала такія битвы, долженъ былъ фатально съѣсть Сегэновъ, праздныхъ, безсильныхъ, пораженныхъ безплодіемъ. И, при разгромѣ ихъ состоянія, когда разсѣивалось все хозяйство и вся семья, онъ выкроилъ себѣ часть, такъ какъ желалъ обладать отелемъ на avenue d'Antin *).

Желалъ и добился желаемаго, ибо отель перешелъ въ его руки, снабжая романиста новымъ предметомъ восхищенія:

*) Ibid., стр. 705.


Digitized by Google

Теперь весь отель снова оживалъ, блистая еще большею роскошью, наполняясь зимою шумомъ празднествъ, веселымъ смѣхомъ четырехъ дѣтей, сіяніемъ этого живучаго богатства, которое безпрестанно возобновлялъ трудъ завоеванія. И Матьё приходилъ теперь уже не къ праздному Сегэну, этому работнику ничтожества (l'ouvrier de néant), но къ своему сыну Амбруазу, полному творческой энергіи, Амбруазу, побѣды котораго желали сами силы жизни, дѣлая его торжествующимъ господиномъ этого дома побѣжденнаго *).

Нѣтъ, воля ваша, но мы рѣшительно не въ состояніи восторгаться этимъ героемъ спекуляціи и коммерческихъ походовъ, который вызываетъ такія симпатіи романиста. Паразиты Сегэны, конечно, не интересны; но сколько человѣческихъ жизней, сколько семей, неизмѣримо болѣе интересныхъ, чѣмъ Сегэны, долженъ былъ раздавить въ своемъ тріумфальномъ шествіи этотъ виртуозъ торговаго капитала! Достаточно хоть нѣсколько быть знакомымъ съ характеромъ операцій гигантскихъ коммерческихъ фирмъ,—а Золя, конечно, долженъ хорошо знать этотъ предметъ въ качествѣ автора „Женскаго рая“ и „Денегъ“,—чтобы видѣть въ Амбруазѣ хищнаго и безжалостнаго Аттилу или Чингисъ-хана торговли, котораго процвѣтаніе основано на гибели тысячъ несчастныхъ конкуррентовъ и эксплуатаціи десятковъ тысячъ непосредственныхъ производителей... „Самыя отчаянныя его кампаніи заканчивались побѣдами“—тѣмъ лучше, разумѣется, для Амбруаза, но тѣмъ хуже для жертвъ, раздавленныхъ побѣдоносной артиллеріей его милліоновъ, не говоря уже о всѣхъ ужасахъ, которыми должно сопровождаться на мѣстѣ „извлеченіе изъ колоній всего чудовищнаго богатства“...

Золя, впрочемъ, совершенно логично доводитъ свой апоѳеозъ капитализма вплоть до колоніальныхъ завоеваній и колоніальной политики, этого послѣдняго слова современнаго режима. И героемъ въ этой высшей сферѣ капиталистическаго накопленія является опять таки одинъ изъ сыновей Матьё, на сей разъ Николай, который

„родившись однимъ изъ послѣднихъ въ этомъ многочисленномъ семействѣ, не находилъ достаточно свободнаго пространства, чтобы развернуть всю полноту, всю силу своей воли. Прежде, чѣмъ настала его очередь, братья и сестры поразобрали уже всю окружающую землю, такъ что онъ задыхался, угрожаемый голодомъ, ища и мечтая объ обширномъ полѣ, которое онъ могъ бы воздѣлывать и на которомъ онъ могъ бы пожинать хлѣба **).

И вотъ, избравъ себѣ въ жены такую же, какъ самъ онъ, энергичную помощницу накопленія, онъ отправляется въ африканскія колоніи Франціи, твердо рѣшившись въ Сенэгалѣ и Суданѣ „основать новое королевство, основать новую династію Фромоновъ“ (стр. 660—661).

*) Ibid., стр. 707.
**) Ibid., стр. 658.

Digitized by Google

О дальнѣйшей судьбѣ королевства и династіи мы узнаемъ на алмазной свадьбѣ Матьё, изъ устъ молодого Бенжамэна, сына Николая и внука родоначальника. Чудовищныя жатвы, безконечныя поля хлопчатника, безчисленныя стада, охота и рыбная ловля—таковы внѣшнія условія; семейная „республика“, „община, каждый членъ которой долженъ работать для братскаго дѣла“—таковъ внутренній строй этихъ „свободныхъ людей“. И маленькое, дорогой читатель, маленькое, но подозрительное облачко на этомъ волшебномъ горизонтѣ: африканская династія Фромоновъ живетъ

„вполнѣ среди дикарей; подъ защитой небольшого форта, въ которомъ бѣлый офицеръ командуетъ дюжиной туземныхъ солдатъ, и сама семья принуждена порою прибѣгать къ ружейнымъ выстрѣламъ, основавъ ферму въ странѣ, которую фанатизмъ какого-нибудь вождя можетъ поднять противъ насъ съ минуты на минуту. Это, конечно, такое безуміе, которое въ состояніи разсердить всякаго, но это именно и восхищаетъ насъ, это и дѣлаетъ насъ такими веселыми, здоровыми и побѣдоносными *).

Отнеситесь серьезно къ этой африканской фантасмагоріи, и вы увидите здѣсь зерно колоніальныхъ войнъ и порабощенія туземцевъ бѣлыми авантюристами. Почему понадобился домочадцамъ Николая этотъ фортъ съ бѣлымъ офицеромъ? Зачѣмъ эти ружейные выстрѣлы? Откуда это опасеніе возстанія цѣлой страны? Что за странное тяготѣніе къ „безумному“ исканію приключеній, и отчего это извращеніе нормальной психологіи человѣка, извращеніе, которое требуетъ „ружейныхъ выстрѣловъ“, чтобы непрошенный бѣлый гость чувствовалъ себя „веселымъ, здоровымъ и побѣдоноснымъ?“ Довольно поставить эти вопросы, и вы отвѣтите на нихъ, не колеблясь: королевство и династія африканскихъ Фромоновъ основано силою на территоріи негровъ, отъ которыхъ безцеремонно отобрали ее эти свирѣпые на наживу пришельцы подъ свои безчисленныя стада и необозримыя нивы. Но признаться, странно находить подъ перомъ Золя эту апологію колонизаторскаго грабежа, когда разбойники въ эполетахъ, въ родѣ недавно прославившихся Вулэ и Шануана, именно претендуютъ на основаніе новыхъ „королевствъ“ и „династій“, и когда передовая французская пресса взялась за обличеніе возмутительнаго обращенія съ туземцами въ колоніяхъ третьей республики!..

Итакъ, мы видѣли, что, увлекшись изображеніемъ плодороднаго клана, Золя потому только могъ изобразить въ идеальномъ свѣтѣ эту семью могучихъ благопріобрѣтателей, что все время стоялъ на почвѣ совершенной утопіи, сосредоточивая все свое вниманіе на всевозможныхъ качествахъ и подвигахъ Фромоновъ и упорно умалчивая о тѣхъ экономическихъ условіяхъ конкур-

*) Ibid., стр. 742.


Digitized by Google

ренціи и эксплуатаціи, которыми такъ прекрасно умѣли воспользоваться Матьё и Маріанна со чадами. Колоссальное богатство и общее благополучіе этого рода были бы немыслимы, не будь за спиною главныхъ дѣйствующихъ лицъ цѣлой арміи производителей, которая была мастерски пристегнута Фромонами къ колесу ихъ личной фортуны всюду, гдѣ только представлялся къ тому удобный случай: въ имѣньѣ, на заводѣ, въ торговлѣ, подъ жгучимъ солнцемъ Сенэгала. И слѣдуетъ прибавить еще ту очень типичную черту этого высокопрактичнаго клана, что его члены не любили заниматься даже той невинной филантропіей, которая по плечу богатымъ и добродѣтельнымъ буржуа.

Собственно говоря, утопичной намъ кажется даже вся картина внутренняго единства обширнаго рода, среди котораго борьба интересовъ отдѣльныхъ семей должна была-бы скоро произвести внутренніе раздоры. Золя было подошелъ къ этому любопытному пункту, изобразивъ, какъ столкновеніе между двумя сыновьями Матьё, фермеромъ Жервэ и мельникомъ Грегуаромъ, чуть было не превратилось въ настоящую братоубійственную войну и едва не свело въ гробъ старую Маріанну. Но самъ-же авторъ испугался своей смѣлости и, не желая разрушать великолѣпной утопіи, устроилъ мелодраматическую сцену примиренія между враждующими возлѣ и благодаря больной матери. А между тѣмъ чувство реальной правды подсказываетъ читателю совершенно иной исходъ: не тому надо удивляться, что въ кланѣ возникла было междоусобная война, а тому, что эта война не приняла общаго характера среди членовъ этого глубоко-буржуазнаго рода, который, при каждомъ новомъ поколѣніи, распадается на строго обособленныя хозяйственныя единицы.

Но я принимаю за данную величину это неправдоподобное единеніе фромоновскаго клана и перехожу къ оцѣнкѣ буржуазной утопичности моральной идеи, положенной Золя въ основаніе романа: эта идея—неимовѣрно преувеличенная апологія семьи. Замѣтьте, я нисколько не становлюсь при этомъ на точку зрѣнія мыслителей, отрицающихъ семью и желающихъ замѣнить ее тѣмъ или другимъ болѣе совершеннымъ, по ихъ мнѣнію, учрежденіемъ. Я оставляю совершенно въ сторонѣ эту гипотезу и предпочитаю держаться на твердой почвѣ факта: семья существуетъ, но рядомъ съ ней, надъ ней или подъ ней (это уже дѣло вкуса) существуютъ и другіе элементы и учрежденія, существуетъ сама человѣческая личность, существуетъ общество, отечество, человѣчество. И если вы придаете семьѣ преобладающее значеніе, то лишь въ ущербъ другимъ началамъ. Собственно говоря, у Золя отъ времени до времени вырывается фраза объ „отечествѣ“, о „человѣчествѣ“, о „грядущемъ экономическомъ равенствѣ“ и „об-

щественной справедливости". Но иное дѣло—отдѣльныя фразы, и иное дѣло—общая тенденція книги. Тенденція-же „Плодородія" заключается, повторяю, въ непомѣрномъ восхваленіи семьи, да и семьи-то главнымъ образомъ какъ зоологически-хозяйственнаго союза, независимо отъ всякаго духовнаго начала. Въ самомъ дѣлѣ, что такое въ сущности послѣдній романъ Золя, если сбросить съ него различныя литературныя арабески? „Руководство къ совершенному дѣторожденію"! И не думайте, что такой рѣзкій приговоръ внушенъ мнѣ склонностью къ „измамъ" и вообще разрушительнымъ теоріямъ. Вотъ что говоритъ о „Плодородіи" несомнѣнно буржуазный критикъ въ англійской прессѣ:

Золя сводитъ мужчину и женщину исключительно къ состоянію животнаго: онъ вычеркиваетъ умъ и душу; сердце у него истолковывается въ смыслѣ здоровья, а добродѣтель состоитъ въ безпрестанномъ размноженіи рода... И какъ это, только можно спросить себя, — Золя успѣлъ со всею удивительною силою и энергіею нарисовать намъ лишь расу, столь рѣшительно лишенную души и ума? Несомнѣнно, что такая жена, какою выказала себя г-жа Дрейфусъ, выполнила болѣе высокую миссію своими страданіями и одиночествомъ, и вѣрностью, чѣмъ Маріанна всѣмъ своимъ безпрестаннымъ материнствомъ! Маріанна, повторяетъ намъ многократно авторъ, представляетъ собою идеалъ женщины, и все, что онъ можетъ сказать намъ о ней въ этомъ смыслѣ, это то, что она родила четырнадцать человѣкъ дѣтей и постоянно была въ хорошемъ настроеніи духа и не теряла мужества *)....

Мнѣ, конечно, дѣла нѣтъ до выводовъ англійскаго критика, который стоитъ за французское мальтусіанство и, чтобы нагнать на читателя страхъ передъ плодородіемъ, развертываетъ картину нищенствующихъ и обильныхъ дѣтьми семей Ирландіи: это не критика роста населенія, а критика гнилого экономическаго строя Ирландіи. Но что говоритъ англичанинъ объ отсутствіи идейнаго элемента въ столь воспѣваемой Золя семьѣ Фромоновъ, это безусловная правда. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Матьё и Маріанна? Это два здоровыя и трудолюбивыя животныя, которыя выростили такое-же, какъ сами они, здоровое и трудолюбивое поколѣніе, которое выростило въ свою очередь третье поколѣніе, которое выростило четвертое, которое выростило пятое, и т. д. У одного греческаго писателя сохранился разсказъ о томъ, какъ въ бытность его въ Египтѣ одинъ изъ жрецовъ, по имени Пирамъ, повелъ его къ своей фамильной усыпальницѣ и показалъ ему длинный рядъ гробовъ съ муміями предковъ, гордо промолвивъ: „всѣ—жрецы, и всѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе Пирамы отъ Пирама, Πυραμος ἐχ Πυρἀτηου"!.. Такую эпитафію можно было-бы поставить и надъ родовымъ склепомъ Фромоновъ: „всѣ — Фромоны, и всѣ — благопріобрѣтатели, сынъ въ отца, и внукъ въ сына!" Безконечный рядъ традиціонно живущихъ поколѣній—

*) *The Academy*, № отъ 11 ноября 1899, стр. 542.



такова, дѣйствительно, монотонная процессія этихъ здоровыхъ и трудолюбивыхъ животныхъ, отвѣчающихъ на кличку Фромонъ и уходящихъ въ даль грядущаго; и какъ вы ни удлиняйте этотъ рядъ, вы не извлечете изъ этой картины ровно никакого человѣческаго содержанія. Матьё наживалъ капиталы, прилагая ихъ къ землѣ, Дени наживалъ капиталы на фабрикѣ, Амбруазъ наживалъ капиталы въ торговлѣ, Николай наживалъ капиталы въ области колоніальной эксплуатаціи... Капиталы, капиталы и капиталы; Фромоны, Фромоны и Фромоны; пріумноженіе однихъ и размноженіе другихъ.

Но гдѣ-же тутъ настоящій человѣкъ, гдѣ его развитіе, прогрессъ его мысли, проникновеніе его жизни сознательнымъ идеаломъ? Горшокъ не можетъ быть выше горшечника, и дѣти, выросшія исключительно подъ вліяніемъ родителей, не могутъ быть умнѣе ихъ. А посмотрите, чего мы можемъ ожидать отъ новыхъ и новыхъ поколѣній Фромоновъ, когда Матьё исключительно занимался увеличеніемъ народонаселенія и пищевыхъ средствъ, Маріанна-же, не смотря на всю идеализацію ея авторомъ, представляла собою машину для выращиванія молоди. И чтобы читатели не думали, что въ такомъ отзывѣ есть хоть доля преувеличенія, я приведу здѣсь самую патетическую страницу, восхваляющую доблести этой достойной супруги образцоваго фермера и отца:

Рядомъ съ трудомъ созиданія Матье шло постоянное рожденіе дѣтей Маріанной. Она была не только искусной хозяйкой, помогавшей мужу при эксплуатаціи фермы, ведшей счета и занимавшейся домашними дѣлами. Она оставалась очаровательной и обожаемой супругой, которую оплодотворяла божественная страсть, матерью, которая, родивъ ребенка, завершивъ его созданіе кормленіемъ, становилась воспитательницею и наставницею, чтобы передать ему, кромѣ того, свой умъ и свое сердце. „Хорошая насѣдка, хорошая мать-выводка“, говорилъ о ней Бутанъ съ своимъ добродушнымъ смѣхомъ. Рождать много дѣтей, это лишь физіологическая способность, которой, несомнѣнно, обладаютъ многія женщины; но, лишь по счастливой случайности, онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находятся въ здоровыхъ нравственныхъ условіяхъ для того, чтобы хорошо воспитать дѣтей. Она, столь благоразумная, столь веселая, полагала свою гордость въ томъ, чтобы всего добиться отъ своихъ дѣтей кротостью и граціей. И для этого ей стоило лишь нравиться дѣтямъ: ее слушали, ей повиновались, ее окружали культомъ, потому что она была очень красива, очень добра и очень любима *).

Итакъ, вотъ вамъ самая „одухотворенная“ страница, воспѣвающая Маріанну, ибо здѣсь, по крайней мѣрѣ, не преминувъ упомянуть о томъ, что супруга Матьё была „хорошей насѣдкой“, Золя бросилъ два-три слова объ „умѣ и сердцѣ“, о „кротости и добротѣ“ образцовой фермерши. Но, спрашивается, что это за умъ и сердце, что это за кротость и доброта, и прочія каче-

*) *Fécondite*, стр. 426.


Digitized by Google

ства идеальной насѣдки, если, благодаря имъ, дѣти счастливой четы были такъ „хорошо воспитаны“, что имъ, подобно родителямъ, не пришло ни разу въ теченіе всей ихъ привольной и долгой жизни подумать о чемъ либо, кромѣ копленія богатствъ и размноженія потомства? Неужели же въ этомъ и состоитъ цѣль человѣческаго существованія? Казалось бы, что если что облагораживаетъ семью, такъ это развитіе въ ея границахъ чувствъ благожелательности и солидарности, которыя, вырываясь за предѣлы „системы несвязанныхъ хозяйствъ“ (ménages incohérents—выраженіе Фурье), вырабатываютъ въ членахъ каждой семьи любовь къ прочимъ людямъ, къ отечеству, къ человѣчеству. Но вы можете разсматривать въ микроскопъ послѣдній романъ Золя: вы не найдете во всей этой апологіи фромоновскаго рода, охватывающей періодъ цѣлыхъ семидесяти лѣтъ, ничего, что говорило бы о выработкѣ этихъ гуманныхъ идеаловъ среди таровитыхъ и энергичныхъ потомковъ Матьё. Одинъ мой пріятель, хорошо знающій Болгарію, разсказывалъ мнѣ, что среди тамошней буржуазіи нѣтъ высшей похвалы человѣку, какъ сказать о немъ: „настояща торговска душа“. По моему крайнему убѣжденію, и „Плодородіе“ представляетъ собою именно могучій и восторженный гимнъ въ честь „торговской души“, превращающейся, черезъ нѣсколько поколѣній, въ триста, какъ мы видѣли, „торговскихъ душъ“. Но позволительно сомнѣваться, чтобы эта проповѣдь была новымъ соціальнымъ евангеліемъ. Какъ вы думаете, читатель?

Въ самомъ дѣлѣ, Матьё и Маріанна очень нѣжные родители, но эта нѣжность ограничивается исключительно ихъ домочадцами: въ цѣломъ романѣ нѣтъ ни одной сцены, свидѣтельствующей о томъ, что они хоть разъ подумали о чемъ нибудь, выходящемъ за предѣлы ихъ Шантеблэ, конторы ихъ Амбруаза и фабрики ихъ Дени. Весь широкій Божій міръ заключается для нихъ въ благополучіи фромоновскаго клана. Но вѣдь такая узко-эгоистичная нѣжность представляетъ собою противо-общественный элементъ. Уже давно соціологи говорятъ, что чрезмѣрно развитая семейственность враждебна общественности. Хищники отличаются чадолюбіемъ не только въ зоологическомъ мірѣ, но и въ человѣческомъ обществѣ. Какой взяточникъ, какой казнокрадъ, расхищая государственное достояніе, не говоритъ, со слезами на глазахъ, о необходимости сберегать кое-что „дѣтишкамъ на молочишко“? И, въ сущности, если припомнить, что было нами сказано о стяжательныхъ подвигахъ Фромоновъ, не вѣрнѣе-ли было бы поставить, вмѣсто утопической идеализаціи счастливой четы французскимъ натуралистомъ, насмѣшливую, но глубоко вѣрную мысль русскаго реалиста: „мужъ грабитъ, а жена подбираетъ—и выходитъ семейный домъ“?

Будемъ надѣяться, что въ своемъ новомъ „евангеліи“, кото-

Digitized by Google

Надѣюсь, что этотъ примѣръ является достаточно поучительнымъ, чтобы его не повторять болѣе: въ данномъ случаѣ *казенныя* земли были проданы *казной частнымъ лицамъ за долги частныхъ же лицъ* и проданы настолько дешево, что вырученная сумма покрыла только незначительную часть этихъ долговъ. Съ другой стороны, понесенные казной убытки не оправдываются и той общественной пользой, которую можно было ожидать отъ перехода этихъ горнозаводскихъ округовъ въ руки частныхъ предпринимателей, потому что послѣдніе не оправдали ожиданій казны и нигдѣ не возобновили заводскаго дѣйствія, а превратили ихъ въ лѣсопромышленныя предпріятія.

Въ заключеніе считаю необходимымъ заявить, что, отвѣчая на возраженіе г. И. Каменскаго цѣлой журнальной статьей, я дѣлаю это безъ особеннаго увлеченія по слѣдующимъ причинамъ. Въ своей статьѣ „Народъ и поссессіонныя владѣнія на Уралѣ“ я пытался: 1) выяснить происхожденіе и сущность поссессіоннаго права и 2) доказать, что оно является во всей его совокупности однимъ изъ главнѣйшихъ золъ горнозаводскаго Урала, и что въ доводахъ защитниковъ поссессіоннаго права нѣтъ ни одного зерна истины, ни одного вѣрнаго или хотя бы правдоподобнаго положенія. Между тѣмъ въ отвѣтъ на все это послѣдовало возраженіе только со стороны г. И. Каменскаго, почти совершенно чуждаго горнозаводскому дѣлу и не принадлежащаго къ числу уральскихъ поссессіонеровъ, причемъ основаніемъ для этого возраженія послужила ошибка, вкравшаяся при печатаніи моей статьи, въ которой значится („Русское Богатство“, апрѣль, 1899 г., стр. 202): „Кнауфскіе и Суксунскіе заводы давно уже прекратили свое дѣйствіе“; между тѣмъ слѣдуетъ читать: „Кнауфскіе и большинство Суксунскихъ заводовъ давно уже прекратили свое дѣйствіе“ *)

---

*) Пользуясь случаемъ, спѣшу исправить и остальныя важнѣйшія ошибки, вкравшіяся при печатаніи моей статьи „Народъ и поссессіонныя владѣнія на Уралѣ“:

Напечатано:

На стр. 191:

Существующая теперь горная подать установлена закономъ 20 мая 1889 года.

Взимается она и съ частно-владѣльческихъ, и поссессіонныхъ заводовъ, — съ послѣднихъ въ размѣрѣ, нѣсколько высшемъ. Эта добавочная подать является единственною платою поссессіонеровъ за пользованіе поверхностію и нѣдрами казенной земли. Она составляетъ 1 р. 25 коп. съ пуда чугуна, 50 коп. съ 1 пуда мѣди и 1,5% съ пуда золота и платины.

Слѣдуетъ читать:

Существующая теперь горная подать установлена закономъ 20 мая 1869 года.

Въ настоящее время заводы уплачиваютъ съ пуда:

	частно-владѣльческіе:	поссессіонные:
чугуна. . .	$1^1/_2$ коп.	$2^3/_4$ коп.
мѣди:		
коренныхъ мѣсторожд.	50 —	1 руб.
осадочныхъ	25 —	75 коп.
золота.	отъ 3 до $10^1/_2$% для разныхъ мѣстностей.	въ $1^1/_2$ раза болѣе.

Digitized by Google

Хотя уральскіе горнозаводчики строго придерживаются правила не возражать въ печати ни на какія разоблаченія тайнъ горнозаводскаго Урала, но въ данномъ случаѣ я надѣялся, что кто нибудь изъ защитниковъ поссессіоннаго права не выдержитъ этой тактики. Но, какъ видитъ читатель, ожиданія мои оказались напрасными *).

И. Сиговъ.

платины .	тоже	тоже
серебра . .	3%	$4\frac{1}{2}$%

Т. е. поссессіонеры за пользованіе поверхностію и нѣдрами казенной земли уплачиваютъ казнѣ $1\frac{1}{4}$ коп. съ пуда чугуна, 50 коп. съ пуда мѣди и отъ $1\frac{1}{2}$ до $5\frac{1}{4}$ % съ золота и платины".

На стр. 198 (въ подстрочномъ прим.): Для Пермской губерніи низшій размѣръ надѣла опредѣленъ въ 1 дес. 1.200 кв. саж.

Для разныхъ мѣстностей Пермской губерніи низшій размѣръ надѣла опредѣленъ—въ 1 дес. 1200 кв. саж., въ 1 дес., въ 2 дес. и въ 2 дес. 800 кв. саж..

*) Такъ какъ г. И. Каменскій упомянулъ въ своемъ письмѣ къ издателямъ „Русскаго Богатства" о земельномъ надѣлѣ горнозаводскихъ крестьянъ Суксунскаго округа, въ доказательство того, что крестьяне арендуютъ заводскія земли не въ силу малоземелья,—то я привожу ниже размѣръ этого надѣла по всѣмъ Суксунскимъ заводамъ на наличную душу мужского пола. Свѣдѣнія взяты изъ земской раскладки, въ которой приводится все количество крестьянской земли, а въ томъ числѣ и „росчисти", которыя составляютъ большую ея часть и находятся въ подворномъ владѣніи меньшинства, при чемъ размѣры этого владѣнія крайне различны у отдѣльныхъ домохозяевъ.

волости:	десятинъ всего:	надѣла пашни:
Суксунской	7,3	0,5
Сыринской.	5,2	0,7
Молебской	9,3	0,4
Уткинской.	0,6	0,004
Бымовской.	6,8	1,8
Камбарской	3,5	0,3
Шаквинскаго зав. . . .	8,7	5,4
Ашанской вол.	6,7	3,2

Digitized by Google

Старообрядческая энциклопедія.

(Письмо изъ Барнаульскаго округа).

Изъ всѣхъ округовъ Томской губерніи Барнаульскій округъ считается наиболѣе густо заселеннымъ старообрядцами. Въ прежнія времена, когда старообрядчество еще не пользовалось у насъ тою степенью терпимости, какъ въ настоящее время, этотъ округъ, какъ и все предгорье Алтая, былъ излюбленнымъ мѣстомъ для поселенія старообрядцевъ, бѣжавшихъ изъ Россіи въ Сибирь отъ жестокой руки „гонителей“. Среди старожильскаго населенія можно встрѣтить цѣлыя деревни и мѣстности, почти сплошь заселенныя раскольниками. Таковы, напр., районы—по р. Чумышу, около „черни“ (мѣстное названіе тайги) и въ юго-западной части округа. У православнаго населенія старообрядцы здѣсь извѣстны подъ общими названіями—въ однихъ мѣстахъ—„кургановъ“, а въ другихъ—„чашниковъ“. „Курганами“, по словамъ самихъ крестьянъ, они прозваны потому, что первые представители ихъ въ данной мѣстности были выходцами изъ курганскаго округа тобольской губерніи, а „чашниками“—по ихъ обыкновенію не ѣсть и не пить съ православными, „мірскими“ изъ одной посуды. Куда бы ни отправлялся „чашникъ“ изъ дому, онъ, во избѣжаніе „соблазна“ „обмірщиться“ какъ нибудь въ дорогѣ, непремѣнно запасается своей чашкой, изъ которой и пьетъ, и ѣстъ во все время пути.

Всѣ барнаульскіе старообрядцы относятся къ двумъ категоріямъ или, по ихъ выраженію, согласіямъ: поповщинѣ и безпоповщинѣ. За послѣднее время первое согласіе значительно усилилось за счетъ переселенцевъ изъ Саратовской губерніи. Ими, между прочимъ, былъ заселенъ пресловутый безводный Костинъ-Логъ, откуда въ настоящее время они разошлись по разнымъ угламъ барнаульскаго округа. Представители поповщины—послѣдователи бѣлокриницкой іерархіи, болѣе извѣстные въ просторѣчіи подъ названіемъ „австрійцевъ“, выдѣлились здѣсь даже въ особую самостоятельную епархію. Постъ мѣстнаго епископа считается однимъ изъ видныхъ, какъ по величинѣ епархіи, такъ и по ея богатству.

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ волна переселенческаго движенія хлынула въ барнаульскій округъ, мѣстный контингентъ старообрядчества значительно усилился. Къ старообрядцамъ-старожиламъ прибавились переселенцы изъ внутреннихъ губерній Россіи—Саратовской, Вятской, Костромской, Пермской и др.

Мнѣ, какъ мѣстному жителю, часто приходится встрѣчаться

Digitized by Google

ства идеальной насѣдки, если, благодаря имъ, дѣти счастливой четы были такъ „хорошо воспитаны“, что имъ, подобно родителямъ, не пришло ни разу въ теченіе всей ихъ привольной и долгой жизни подумать о чемъ либо, кромѣ копленія богатствъ и размноженія потомства? Неужели же въ этомъ и состоитъ цѣль человѣческаго существованія? Казалось бы, что если что облагораживаетъ семью, такъ это развитіе въ ея границахъ чувствъ благожелательности и солидарности, которыя, вырываясь за предѣлы „системы несвязанныхъ хозяйствъ“ (ménages incohérents—выраженіе Фурье), вырабатываютъ въ членахъ каждой семьи любовь къ прочимъ людамъ, къ отечеству, къ человѣчеству. Но вы можете разсматривать въ микроскопъ послѣдній романъ Золя: вы не найдете во всей этой апологіи фромоновскаго рода, охватывающей періодъ цѣлыхъ семидесяти лѣтъ, ничего, что говорило бы о выработкѣ этихъ гуманныхъ идеаловъ среди тароватыхъ и энергичныхъ потомковъ Матьё. Одинъ мой пріятель, хорошо знающій Болгарію, разсказывалъ мнѣ, что среди тамошней буржуазіи нѣтъ высшей похвалы человѣку, какъ сказать о немъ: „настояща торговска душа“. По моему крайнему убѣжденію, и „Плодородіе“ представляетъ собою именно могучій и восторженный гимнъ въ честь „торговской души“, превращающейся, черезъ нѣсколько поколѣній, въ триста, какъ мы видѣли, „торговскихъ душъ“. Но позволительно сомнѣваться, чтобы эта проповѣдь была новымъ соціальнымъ евангеліемъ. Какъ вы думаете, читатель?

Въ самомъ дѣлѣ, Матьё и Маріанна очень нѣжные родители, но эта нѣжность ограничивается исключительно ихъ домочадцами: въ цѣломъ романѣ нѣтъ ни одной сцены, свидѣтельствующей о томъ, что они хоть разъ подумали о чемъ нибудь, выходящемъ за предѣлы ихъ Шантеблэ, конторы ихъ Амбруаза и фабрики ихъ Дени. Весь широкій Божій міръ заключается для нихъ въ благополучіи фромоновскаго клана. Но вѣдь такая узко-эгоистичная нѣжность представляетъ собою противо-общественный элементъ. Уже давно соціологи говорятъ, что чрезмѣрно развитая семейственность враждебна общественности. Хищники отличаются чадолюбіемъ не только въ зоологическомъ мірѣ, но и въ человѣческомъ обществѣ. Какой взяточникъ, какой казнокрадъ, расхищая государственное достояніе, не говоритъ, со слезами на глазахъ, о необходимости сберегать кое-что „дѣтишкамъ на молочишко“? И, въ сущности, если припомнить, что было нами сказано о стяжательныхъ подвигахъ Фромоновъ, не вѣрнѣе-ли было бы поставить, вмѣсто утопической идеализаціи счастливой четы французскимъ натуралистомъ, насмѣшливую, но глубоко вѣрную мысль русскаго реалиста: „мужъ грабитъ, а жена подбираетъ—и выходитъ семейный домъ“?

Будемъ надѣяться, что въ своемъ новомъ „евангеліи“, кото-

Digitized by Google

Надѣюсь, что этотъ примѣръ является достаточно поучительнымъ, чтобы его не повторять болѣе: въ данномъ случаѣ *казенныя* земли были проданы *казной частнымъ лицамъ за долги частныхъ же лицъ* и проданы настолько дешево, что вырученная сумма покрыла только незначительную часть этихъ долговъ. Съ другой стороны, понесенные казной убытки не оправдываются и той общественной пользой, которую можно было ожидать отъ перехода этихъ горнозаводскихъ округовъ въ руки частныхъ предпринимателей, потому что послѣдніе не оправдали ожиданій казны и нигдѣ не возобновили заводскаго дѣйствія, а превратили ихъ въ лѣсопромышленныя предпріятія.

Въ заключеніе считаю необходимымъ заявить, что, отвѣчая на возраженіе г. И. Каменскаго цѣлой журнальной статьей, я дѣлаю это безъ особеннаго увлеченія по слѣдующимъ причинамъ. Въ своей статьѣ „Народъ и поссессіонныя владѣнія на Уралѣ“ я пытался: 1) выяснить происхожденіе и сущность поссессіоннаго права и 2) доказать, что оно является во всей его совокупности однимъ изъ главнѣйшихъ золъ горнозаводскаго Урала, и что въ доводахъ защитниковъ поссессіоннаго права нѣтъ ни одного зерна истины, ни одного вѣрнаго или хотя бы правдоподобнаго положенія. Между тѣмъ въ отвѣтъ на все это послѣдовало возраженіе только со стороны г. И. Каменскаго, почти совершенно чуждаго горнозаводскому дѣлу и не принадлежащаго къ числу уральскихъ поссессіонеровъ, причемъ основаніемъ для этого возраженія послужила ошибка, вкравшаяся при печатаніи моей статьи, въ которой значится („Русское Богатство“, апрѣль, 1899 г., стр. 202): „Кнауфскіе и Суксунскіе заводы давно уже прекратили свое дѣйствіе“; между тѣмъ слѣдуетъ читать: „Кнауфскіе и большинство Суксунскихъ заводовъ давно уже прекратили свое дѣйствіе“ *)

---

*) Пользуясь случаемъ, спѣшу исправить и остальныя важнѣйшія ошибки, вкравшіяся при печатаніи моей статьи „Народъ и поссессіонныя владѣнія на Уралѣ“:

Напечатано:

На стр. 191:

Существующая теперь горная подать установлена закономъ 20 мая 1889 года.

Взимается она и съ частно-владѣльческихъ, и поссессіонныхъ заводовъ, — съ послѣднихъ въ размѣрѣ, нѣсколько высшемъ. Эта добавочная подать является единственною платою поссессіонеровъ за пользованіе поверхностію и нѣдрами казенной земли. Она составляетъ 1 р. 25 коп. съ пуда чугуна, 50 коп. съ 1 пуда мѣди и 1,5% съ пуда золота и платины.

Слѣдуетъ читать:

Существующая теперь горная подать установлена закономъ 20 мая 1869 года.

Въ настоящее время заводы уплачиваютъ съ пуда:

	частно-владѣльческіе:	поссессіонные:
чугуна. . .	1½ коп.	2¾ коп.
мѣди:		
коренныхъ мѣсторожд.	50 —	1 руб.
осадочныхъ	25 —	75 коп.
золота.	отъ 3 до 10½% для разныхъ мѣстностей.	въ 1½ раза болѣе.

Хотя уральскіе горнозаводчики строго придерживаются правила не возражать въ печати ни на какія разоблаченія тайнъ горнозаводскаго Урала, но въ данномъ случаѣ я надѣялся, что кто нибудь изъ защитниковъ поссессіоннаго права не выдержитъ этой тактики. Но, какъ видитъ читатель, ожиданія мои оказались напрасными *).

И. Сиговъ.

платины . .	тоже	тоже
серебра . .	3%	$4^1/_2$%

Т. е. поссессіонеры за пользованіе поверхностію и нѣдрами казенной земли уплачиваютъ казнѣ $1^1/_4$ коп. съ пуда чугуна, 50 коп. съ пуда мѣди и отъ $1^1/_2$ до $5^1/_4$ % съ золота и платины".

На стр. 198 (*въ подстрочномъ прим.*):

Для Пермской губерніи низшій размѣръ надѣла опредѣленъ въ 1 дес. 1.200 кв. саж.

Для разныхъ мѣстностей Пермской губерніи низшій размѣръ надѣла опредѣленъ—въ 1 дес. 1200 кв. саж., въ 1 дес., въ 2 дес. и въ 2 дес. 800 кв. саж..

*) Такъ какъ г. И. Каменскій упомянулъ въ своемъ письмѣ къ издателямъ „Русскаго Богатства" о земельномъ надѣлѣ горнозаводскихъ крестьянъ Суксунскаго округа, въ доказательство того, что крестьяне арендуютъ заводскія земли не въ силу малоземелья,—то я привожу ниже размѣръ этого надѣла по всѣмъ Суксунскимъ заводамъ на наличную душу мужского пола. Свѣдѣнія взяты изъ земской раскладки, въ которой приводится все количество крестьянской земли, а въ томъ числѣ и „росчисти", которыя составляютъ большую ея часть и находятся въ подворномъ владѣніи меньшинства, при чемъ размѣры этого владѣнія крайне различны у отдѣльныхъ домохозяевъ.

волости:	десятинъ всего:	надѣла пашни:
Суксунской	7,3	0,5
Сыринской.	5,2	0,7
Молебской	9,3	0,4
Уткинской.	0,6	0,004
Бымовской.	6,8	1,8
Камбарской	3,5	0,3
Шаквинскаго зав. . . .	8,7	5,4
Ашанской вол.	6,7	3,2

Digitized by Google

Старообрядческая энциклопедія.

(Письмо изъ Барнаульскаго округа).

Изъ всѣхъ округовъ Томской губерніи Барнаульскій округъ считается наиболѣе густо заселеннымъ старообрядцами. Въ прежнія времена, когда старообрядчество еще не пользовалось у насъ тою степенью терпимости, какъ въ настоящее время, этотъ округъ, какъ и все предгорье Алтая, былъ излюбленнымъ мѣстомъ для поселенія старообрядцевъ, бѣжавшихъ изъ Россіи въ Сибирь отъ жестокой руки „гонителей". Среди старожильскаго населенія можно встрѣтить цѣлыя деревни и мѣстности, почти сплошь заселенныя раскольниками. Таковы, напр., районы—по р. Чумышу, около „черни" (мѣстное названіе тайги) и въ юго-западной части округа. У православнаго населенія старообрядцы здѣсь извѣстны подъ общими названіями—въ однихъ мѣстахъ—„кургановъ", а въ другихъ—„чашниковъ". „Курганами", по словамъ самихъ крестьянъ, они прозваны потому, что первые представители ихъ въ данной мѣстности были выходцами изъ курганскаго округа тобольской губерніи, а „чашниками"—по ихъ обыкновенію не ѣсть и не пить съ православными, „мірскими" изъ одной посуды. Куда бы ни отправлялся „чашникъ" изъ дому, онъ, во избѣжаніе „соблазна" „обмірщиться" какъ нибудь въ дорогѣ, непремѣнно запасается своей чашкой, изъ которой и пьетъ, и ѣстъ во все время пути.

Всѣ барнаульскіе старообрядцы относятся къ двумъ категоріямъ или, по ихъ выраженію, согласіямъ: поповщинѣ и безпоповщинѣ. За послѣднее время первое согласіе значительно усилилось за счетъ переселенцевъ изъ Саратовской губерніи. Ими, между прочимъ, былъ заселенъ пресловутый безводный Костинъ-Логъ, откуда въ настоящее время они разошлись по разнымъ угламъ барнаульскаго округа. Представители поповщины—послѣдователи бѣлокриницкой іерархіи, болѣе извѣстные въ просторѣчіи подъ названіемъ „австрійцевъ", выдѣлились здѣсь даже въ особую самостоятельную епархію. Постъ мѣстнаго епископа считается однимъ изъ видныхъ, какъ по величинѣ епархіи, такъ и по ея богатству.

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ волна переселенческаго движенія хлынула въ барнаульскій округъ, мѣстный контингентъ старообрядчества значительно усилился. Къ старообрядцамъ-старожиламъ прибавились переселенцы изъ внутреннихъ губерній Россіи—Саратовской, Вятской, Костромской, Пермской и др.

Мнѣ, какъ мѣстному жителю, часто приходится встрѣчаться

Digitized by Google

со старообрядцами разныхъ толковъ и согласій. Интересуясь не только особенностями ихъ внѣшняго быта и проявленіями религіозной жизни, но и умственными запросами, я много разъ имѣлъ случай знакомиться съ ихъ литературою, разсматривать и штудировать ихъ полемическія брошюры, тетради и вообще всякаго рода книги и сочиненія ихъ писателей. Среди этихъ книгъ и изданій мнѣ, между прочимъ, удалось встрѣтить одну не лишенную общаго интереса брошюру, съ которой я и намѣренъ познакомить читателя въ настоящей замѣткѣ. Брошюру эту встрѣтилъ я у одного послѣдователя австрійскаго священства, уроженца Костромской губерніи, отставного унтеръ-офицера, учительствовавшаго сначала долгое время въ уральской области среди казаковъ-старообрядцевъ, а потомъ переселившагося въ барнаульскій округъ. Списанная владѣльцемъ церковнославянскимъ печатнымъ шрифтомъ также съ рукописнаго экземпляра, брошюра носитъ на себѣ слѣды частаго употребленія: очевидно, она находила себѣ много читателей. И, дѣйствительно, мнѣ приходилось встрѣчать не мало лицъ, которыя были знакомы съ нею очень обстоятельно. По общимъ отзывамъ самихъ старообрядцевъ, брошюрка пользуется большою авторитетностью не только здѣсь, въ Сибири, но и въ Россіи; наивные читатели придаютъ ей значеніе своего рода научной энциклопедіи. Заглавіе она носитъ соотвѣтствующее этому ея „энциклопедическому“ характеру: „Благочестивая бесѣда всякаго чина философовъ къ людемъ. Вопросы и отвѣты, вкратцѣ рещи—слово о созданіи твари“. Свѣдѣній о томъ, когда и кѣмъ составлена эта „Благочестивая бесѣда“, мнѣ не удалось получить,—этого не знаетъ ни самъ владѣлецъ, и никто изъ другихъ мѣстныхъ старообрядческихъ громотеевъ. Можно сказать только одно, что „Бесѣда“, какъ литературное произведеніе, отвѣчаетъ извѣстнымъ запросамъ и сама характерна для извѣстнаго теченія народной мысли, находящейся подъ вліяніемъ узкой схоластической литературы начетчиковъ.—Вотъ, напр., вопросъ о томъ, что означаютъ въ вѣнцѣ у Богоматери (на иконахъ) 4 буквы: М. Р. Ѳ. У. Авторъ „Бесѣды“ толкуетъ ихъ такъ: „М—Марія, Р—роди, Ѳ—фарисеямъ, У—учителя“. Мы поймемъ всю наивность этого отвѣта, когда вспомнимъ, что эти буквы взяты съ греческаго языка и означаютъ—„Матерь Божія“ (Ματης Θεοῦ). Или вотъ еще вопросъ: „Что есть, пишетъ Давидъ пророкъ въ 91 псалмѣ: праведникъ яко финикъ процвѣтетъ. *Отвѣтъ*. Есть убо въ велицей Индіи птица, нарицаемая финикъ; та птица одногнѣздна есть, не имѣетъ себѣ подружія, ни чадъ; пищу же творитъ си, летающи въ кедры Ливана, и исполняетъ крыліи свои ароматы и тако всегда благовонна. А егда состарѣется, возлетаетъ и взимаетъ огня небеснаго и зажигаетъ гнѣздо свое, тутъ же и сама сгораетъ и въ пепелѣ зарождается червемъ; и въ томъ черви бываетъ птица финикъ“. Или еще: „Кая птица за облака летаетъ

Digitized by Google

и немигнущима очима на солнце взираетъ? *Отвѣтъ*. Орелъ; и егда состарѣется, летаетъ на источники водные и омывается и бываетъ юна. Того ради и пишетъ псалмопѣвецъ Давидъ: обновится, яко орля, юность твоя".

Затѣмъ большая часть „Благочестивой бесѣды" наполнена такими вопросами, которые представляютъ изъ себя не болѣе, какъ простыя загадки въ родѣ тѣхъ, какими наши крестьяне тѣшатъ себя въ долгіе зимніе вечера. Это простая гимнастика ума на библейской почвѣ. Таковы вопросы: „Коего животнаго въ Ноевомъ ковчегѣ не было? *Отв.* Рыбы.—Когда солнце морское дно видѣ? *Отв.* Егда Израиль переходилъ чрезъ Море Чермное.—Что есть? Гробъ хождаше, а мертвецъ въ немъ лежаше и пояше? *Отв.* Іона во чревѣ китовѣ Богу моляшеся".

Этимъ загадкамъ-вопросамъ авторъ брошюры придаетъ настолько важное значеніе, что заполняетъ ими чуть не половину книжки, назначенной служить къ ознакомленію пытливыхъ умовъ съ „бесѣдой всякаго чина философовъ".

Что же касается собственно „Слова о созданіи твари", то на немъ особенно ясно отразились первобытныя представленія объ окружающемъ мірѣ, окрашенныя византійскимъ вліяніемъ. „Слово о созданіи твари" заключаетъ въ себѣ „вопросы и отвѣты" по астрономіи, географіи и анатоміи человѣческаго тѣла, но больше всего по астрономіи. Вотъ, напр., „вопросы" астрономическаго содержанія: *Вопросъ*. Что есть больши,—небо или земля? *Отвѣтъ*. Небо больши земли есть. *В*. Сколь сонлце велико есть? *О*. Сколь земля велика есть, столько и солнце велико. А луна половина величествомъ. Св. Андрей, Христа ради юродивый, рече: аще бы кто восхищенъ былъ на высоту и посмотрѣлъ бы оттуду на землю, не больше бы ю возымѣлъ быти пѣняза. *В*. Сколь звѣзды велики? *О*. Сколь солнце велико, толико и звѣзды велики. Но токмо они поставлены на самой тверди, того ради и малы намъ видятся, за безмѣрную высоту. *В*. Что нами видятся, падаютъ звѣзды? *О*. На воздухѣ бываютъ сильные вѣтры, сражаются подлѣ звѣздъ и огнь подлѣ звѣздъ стрѣляетъ; звѣзда не падаетъ отъ сотворенія. *В*. Сколь есть высоко видимое намъ небо? *О*. Сей вопросъ выше человѣческія силы есть, но только иже восхищены до третьяго небесе сице рекутъ: колико есть отъ земли до солнца и до мѣсяца, толико и отъ солнца до небесъ и до звѣздъ. *В*. На чемъ земля основана? *О*. Св. Іоанъ Дамаскинъ рече: „ни на чемъ же землю основавый", землю смотри по всему. Подобно, яко желтокъ въ яицѣ, примѣнено: яицо—ко всей твари, скорлупа яко небо, плена яко облацы, бѣлокъ яко воды, желтокъ яко земля. Яко же желтокъ ничимъ же придержанъ, тако разумѣй землю; сколь видимъ надъ землею высоко небо, толико и подъ землею отстоитъ глубоко, толико и по краямъ отстоитъ далеко. *В*. Что

Digitized by Google

есть земли поясъ? *О.* Окіянъ море, а за окіяномъ бездны, надъ которыми строится путь солнцу. *В.* Гдѣ путь солнцу? *От.* Путь солнцу ни надъ землею, ни надъ водами, но надъ безднами путь его, да не попалило бы землю и море. И служитъ по повелѣнію Создателя вся тварь роду человѣческому. Во дни съ солнцемъ идутъ 100 ангеловъ, влекуще огненную колесницу съ солнцемъ, и по четыре колеса на странѣ у колесницы отъ звѣздъ, и по серафиму надъ колесомъ, по двѣнадцати крилъ серафиму надъ колесомъ. И колеса обращаются, а серафимы не обращаются, но парятъ. Предлетаютъ предъ солнцемъ огненніи птицы, нарицаеміи *финизи* и *халедри*, купаются во окіянстемъ морѣ и кропятъ солнце, и обгараютъ имъ періи и купаются въ нощи во окіянстей рѣцѣ по 90 кратъ и паки возрастаютъ имъ періи. А егда пріидетъ солнце на западъ, тогда снимаютъ съ солнца одежду и вѣнецъ; и взыдутъ вси ангели на небеса, и положатъ на престолѣ одежду и вѣнецъ, и воспоютъ пѣснь Господеви, а съ солнцемъ остаются въ нощь два ангела и снидутъ во окіянъ море и идутъ моремъ. А когда ангели двигнутъ одежду и вѣнецъ съ престола послѣ полунощи, тогда морскій проповѣдникъ—пѣтелъ (стоитъ въ мори по колѣна, глава же его достигаетъ до небесъ) восклицаетъ: како-рѣку! Тогда вся тварь почувствуетъ гласъ морскаго проповѣдника, птицы воспоютъ и въ домѣхъ пѣтелы тоже воспоютъ". Таково не лишенное нѣкоторой поэтичности представленіе старообрядцевъ о „пути сонца".

Убѣжденіе, что солнце обращается вокругъ земли, настолько обычно, что его можно встрѣтить зачастую даже въ самыхъ послѣднихъ раскольническихъ писаніяхъ. Такъ, авторъ одной гектографированной полемической брошюры, доказывая ту мысль, что грекороссійская церковь „плѣнена" антихристомъ и заражена латинскою ересью, приводитъ, между прочимъ, въ заключеніе своей статьи такой аргументъ:

„Въ 1666—7 годахъ (т. е. до большого Московскаго собора, осудившаго старообрядчество) солнце еще ходило, а нынѣ во училищахъ (грекороссійской церкви) показуютъ: солнце стоитъ, а земля обращается,—не явно ли не сотворися богопротивное ученіе" *). Характерно слѣдующее непосредственно затѣмъ окончаніе этой статьи: „насъ же да избавитъ Господь Богъ отъ всѣхъ сихъ соблазнъ и сквернъ еретическихъ и сподобитъ скончати животъ свой во святой древно-православной церкви. Аминь". Пишущему эти строки много разъ случалось бесѣдовать съ раскольниками и, между прочимъ, съ владѣльцемъ брошюрки, учителемъ старообрядческаго молодого поколѣнія, по поводу трактуемаго вопроса о „пути солнца" и никогда не удавалось придти къ соглашенію. Въ подтвержденіе своей мысли, что

*) „Показаніе истины". ч. II. стр. 118 оборотъ.



солнце обращается вокругъ земли, а не земля вокругъ солнца, старообрядцы приводятъ авторитетныя цитаты изъ особенно чтимой ими книги—„Большого Катихизиса". „Сотвори Богъ, читаютъ они здѣсь, солнце, луну и звѣзды и постави я на тверди небесней, да просвѣщаютъ вселенную всю, и времена дѣлятъ, *и по чину своему непрестанно текутъ* (Гл. 37, отв. 4).. *земля* же на тверди своей *основана стоитъ*".

Точно такого же достоинства и географическія свѣдѣнія, сообщаемыя „Благочестивой бесѣдой". — „Много ли вѣтровъ на свѣтѣ?—*Отв.* „Св. Іоанъ Дамаскинъ рече: двѣнадцать вѣтровъ". — Много-ли горъ высокихъ?—Св. Григорій рече: двѣ горы аравицкихъ.—Много ли острововъ на мори?—Св. Василій Великій рече: двѣнадцать острововъ великихъ.—Много ли всѣхъ рѣкъ?— Св. Іоанъ Златоустъ рече: всѣхъ рѣкъ 840". И такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ.

А вотъ свѣдѣнія по анатоміи: *В.* Отъ многихъ ли частей сотвори Богъ перваго человѣка Адама? *О.* Отъ осми частей: первая—отъ земли, вторая—отъ моря, третья—отъ солнца, четвертая—отъ камени, пятая—отъ облакъ, шестая—отъ вѣтра, седьмая—отъ свѣта и восьмая—отъ духа. *Толкованіе*: тѣло отъ земли, кровь отъ моря, очи отъ солнца, кости отъ камени, мысли отъ облакъ, духъ отъ вѣтра, разумъ отъ святаго Духа. *В.* Много ли костей въ человѣкѣ? *От.* 246.—*В.* Много ли въ человѣкѣ жилъ?—*От.* 365.—*В.* Много ли у человѣка зубовъ? *Отв.*—32.

Что бы дать читателю возможность составить болѣе обстоятельное представленіе объ энциклопедической брошюрѣ, сдѣлаю изъ нея еще нѣсколько выписокъ. Вотъ, напр., вопросъ: „что есть громъ?—*Отв.* Два ангела грозніи и два молніеносніи". Далѣе, такъ какъ въ брошюрѣ идетъ рѣчь „о созданіи твари", то составитель ея не обошелъ молчаніемъ и такого вопроса: „которыя двѣ твари сотвори Богъ послѣ созданія міра? *Отв.* Егда явися Господь въ Троицѣ Аврааму и закла Авраамъ тельца; тогда изъ крове тельчей излетѣли пчелы, бѣлыя яко снѣгъ. А вторая тварь: егда у Ноя въ ковчегѣ преобразися діаволъ мышью и нача грысть ковчегъ, тогда прысну лютый звѣрь левъ и изскочи изъ правыя ноздри котъ, а изъ лѣвыя кошка и не даде воли діаволу".

Книжка показалась намъ довольно любопытной, особенно если принять во вниманіе, что это не просто памятникъ наивной сѣдой старины. И что подобными варіантами старинной „Голубиной книги", содержавшей въ себѣ „глубину премудрости" XII вѣка, питаются и въ настоящее время запросы мысли цѣлыхъ поколѣній, пожалуй, не на одной только далекой окраинѣ и не однихъ только старообрядцевъ.

Ал. Шерстобитовъ.

Digitized by Google

Казанская драма.

(Страничка изъ жизни учительницъ).

Бываютъ такія бытовыя явленія: всѣ объ нихъ болѣе или менѣе знаютъ, всѣ говорятъ, всѣ потихоньку возмущаются, и всѣ въ концѣ концовъ сначала къ нимъ привыкаютъ, а потомъ и примиряются съ ними. И примиряются именно потому, что о нихъ говорятъ лишь „потихоньку". Никто громко не говоритъ, значитъ все прилично, никто не кричитъ, значитъ нѣтъ скандала. А нѣтъ скандала, значитъ всѣ довольны, и въ мѣстномъ болотѣ все обстоитъ благополучно.

И вдругъ кто нибудь попробуетъ заговорить объ этомъ. Само собой разумѣется, что тотчасъ же съ разныхъ сторонъ зашикаютъ на „скандалиста", и приличные люди, привыкшіе къ приличной тишинѣ, обрушатся прежде всего именно на того, кто говоритъ о томъ, о чемъ всѣ молчатъ. И смотришь—болото опять тихо, сонно, прилично и благополучно... А подъ этой тишиной зрѣетъ какая нибудь глубокая, душу возмущающая драма...

Такъ было въ богоспасаемыхъ казанскихъ палестинахъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ газетѣ „Волжскій Вѣстникъ" въ фельетонахъ г. Чирикова „Дневникъ обывателя" появились весьма недвусмысленные намеки на то, что одно лицо, имѣющее вліяніе на назначеніе учительницъ, устраиваетъ у себя ловушки для кандидатокъ на учительскія мѣста, которымъ затѣмъ „ставитъ пакостные ультиматумы". Какъ простить нѣчто подобное, писалъ г. Чириковъ,—человѣку, по всѣмъ даннымъ долженствующему быть интеллигентнымъ, человѣку, идущему подъ очень почтеннымъ знаменемъ въ рядахъ общественныхъ дѣятелей, человѣку, даже желающему „всемірной извѣстности", но пока только *прекрасно всѣмъ извѣстному* и знаменитому въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ?

„Почтенный господинъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ возможность предоставлять мѣста интеллигентнымъ труженицамъ... И какъ-же онъ пользуется своимъ „вѣсомъ и значеніемъ"? Бывали факты, когда этотъ почтенный господинъ ставилъ „пакостные ультиматумы" женщинамъ, нуждающимся въ покровительствѣ этого „просвѣщеннаго дѣятеля"!.. Взятки натурою! Если гадки взяточники вообще, то подобные специфическіе взяточники мерзѣе во сто кратъ"...

Затѣмъ сообщались ходячіе слухи о какомъ то приключеніи, какой-то оплеухѣ, вообщеособытіи, „извѣстномъ всему городу"...

Digitized by Google

„Потомство догадается, — такъ кончалъ фельетонистъ, — что я пишу про И—ча“...

Казалось-бы, не смотря на невольно эзоповскій языкъ, указанія фельетониста были нетолько достаточны, но, пожалуй, даже черезчуръ прозрачны. Другія поволжскія газеты церемонились еще менѣе и указывали уже совсѣмъ недвусмысленно на извѣстнаго въ то время профессора и земскаго дѣятеля Осокина.

И знаете, къ чему повела эта исторія? Гг. профессора Казанскаго университета выступили съ горячимъ коллективнымъ протестомъ... Вы полагаете,—противъ дѣятельности своего сотоварища? противъ того, что этотъ господинъ, на котораго, послѣ фельетона г-на Чирикова, всѣ могли указать пальцемъ,—не возбуждаетъ дѣла противъ газеты, которое одно могло бы снять съ него клеймо позорнаго обвиненія? что онъ молчитъ, упорно прикидываясь, будто одинъ не понимаетъ намековъ, которые были понятны всему городу и комментировались въ то время и мѣстной, и даже столичной печатью *).

Нѣтъ, гг. профессора протестовали противъ газеты. „Они нашли, что разглашеніе такихъ фактовъ нарушаетъ правила „литературной этики“ (!) и что этимъ газета вторгается въ частную, интимную жизнь людей, — почему гг. профессора потребовали у редакціи—прекращенія „Дневника“, что (быть можетъ по другимъ причинамъ) было исполнено...

Такимъ образомъ, „приличіе“ было возстановлено, въ болотѣ возстановилось полное благополучіе, и Осокинъ пользовался до конца своихъ дней репутаціей „уважаемаго дѣятеля, идущаго подъ весьма почтеннымъ знаменемъ“. Эта инерція условности и приличія была такъ сильна, что когда „уважаемый дѣятель“ умеръ, (кажется, покончивъ свои дни самоубійствомъ вслѣдствіе растраты общественныхъ суммъ),—то въ мѣстныхъ газетахъ явились даже „прочувствованные некрологи“, въ которыхъ товарищи покойнаго прилично-условными періодами изображали весьма условныя заслуги покойнаго и свою приличную случаю печаль о „незамѣнимой утратѣ“.

И только когда оказалось, что растраты констатированы оффиціально, что этого никакими уже условностями не прикрыть и что „скандалъ“ не потушить уже никакими цензурами приличія, — кто-то, наконецъ, рѣшился сказать прямо и откровенно, что покойный былъ настоящій негодяй. Тогда и все остальное было разоблачено, и всѣ удивлялись, какъ могли они терпѣть этого человѣка въ своей средѣ и соблюдать съ нимъ условноприличныя отношенія, и жать ему руки, и покрывать его своими протестами, и съ приличными вздохами составлять приличные некрологи? Этимъ казанскимъ вопросомъ задавались тогда

*) См. напр. „Русская Мысль“ 1893 г., февраль, въ „Текущей жизни“.


Digitized by Google

даже столичныя газеты и, если память мнѣ не измѣняетъ, г. Меньшиковъ въ „Недѣлѣ“ по этому поводу написалъ горячую статью, въ которой условной терпимостью къ негодяйству объяснялись всѣ наши многочисленныя бѣдствія!

А затѣмъ, поговоривъ такимъ образомъ, всѣ, разумѣется, смолкли, ибо нельзя же на одну тему говорить вѣчно. Толки прекратились, а прочее, конечно, шло своимъ чередомъ. Нравы не измѣняются быстро, и положеніе учителя и учительницы оставалось то же. По прежнему въ дымныхъ деревушкахъ, въ тѣсныхъ и душныхъ школахъ за нищенское вознагражденіе учителя и учительницы тянули свою лямку. По прежнему нужда гнала на „святое дѣло“ просвѣщенія сотни юношей и молодыхъ дѣвушекъ... Нужда, а кто знаетъ, — быть можетъ, иныхъ и въ самомъ дѣлѣ „высокое призваніе“, юная мечта о „святомъ назначеніи народнаго учителя“...

Въ послѣдніе годы, вмѣсто Осокина, „вліятельнымъ лицомъ“ при назначеніи и увольненіи учителей состоялъ г. Бекетовъ, предсѣдатель казанской уѣздной земской управы. Г. Бекетовъ, человѣкъ молодой, дѣятельный, энергичный. Онъ очень интересовался „дѣломъ народнаго просвѣщенія“ и для этого часто объѣзжалъ свой уѣздъ. Это, разумѣется, очень хорошо. Участіе, поддержка, личное содѣйствіе!.. Вы только представьте себѣ эти занесенныя снѣгомъ избушки, эти пересыпанныя дороги, эти зимнія метели, эту тоску одиночества въ холодной избѣ, эту окружающую „грубость нравовъ“, эти постоянныя подсиживанія, доносы, нападки, самодурство кабатчика-„попечителя“, придирчивость „батюшки“, ревнителя соперничающей съ земской церковно-приходской школы, строгую требовательность инспекціи... И вдругъ—звонъ колокольчика... Пріѣзжаетъ въ школу молодой предсѣдатель, такъ искренно преданный дѣлу народнаго образованія, всегда готовый „принять участіе“, такой радушный, такъ мило, просто, по товарищески входящій къ учительницѣ. И такой изящный, и такой джентльмэнъ... Мудрено-ли, что его появленіе освѣщаетъ эти хмурыя стѣны, скрашиваетъ эту хмурую жизнь безъ радости и просвѣта... и вдобавокъ его благоволеніе—это солнечный лучъ, его гнѣвъ или неудовольствіе—это лишеніе должности...

Осенью прошлаго года въ Казани былъ устроенъ учительскій съѣздъ. Г. Бекетовъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе, былъ, можно сказать, душой всего дѣла... Кто знаетъ опять, что такое эти съѣзды въ сѣрой жизни учительскаго персонала, какъ они скрашиваютъ эту жизнь, сколько даютъ новыхъ впечатлѣній, какъ освѣжаютъ и ободряютъ застывшую учительскую душу, тотъ пойметъ общее настроеніе съѣзда и ту благодарность, которую чувствовали всѣ къ устроителю. Но вдругъ, въ эту гармонію общаго благополучія опять ворвалась нота диссонанса и опять внесли ее газеты. Сначала въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“, а затѣмъ и въ

Digitized by Google

другой казанской газетѣ появились какіе-то оскорбительные и неприличные намеки. Начавшись съ пошловатыхъ препирательствъ о какихъ-то гребешкахъ, купленныхъ на земскій счетъ для уборной въ помѣщеніи съѣзда, намеки шли затѣмъ гораздо дальше. Въ фельетонѣ „Волжскаго Вѣстника“ № 273 говорилось уже прямо о галантномъ предсѣдателѣ, который назывался „Синею бородою“. „Какъ яблочко румянъ, одѣтъ весьма прилично“, этотъ господинъ, по словамъ фельетониста, „завелъ себѣ настоящій гаремъ“... „Во многихъ мѣстахъ по деревнямъ его одалиски живутъ, онъ у нихъ наѣздомъ бываетъ: по дѣламъ поѣдетъ и заѣдетъ отдохнуть. Въ городѣ, говорятъ, для ихъ пріѣзда особыя квартиры имѣются“ *)... Въ заключеніе говорилось прямо, что, если „одалиска“ готовится быть матерью,—ее удаляютъ безъ всякихъ разговоровъ“. Другая газета **) поставила еще яснѣе точки надъ і. Она,—опять, правда, въ томъ-же иносказательномъ тонѣ—разсказывала о нѣкоемъ „испанцѣ“, который, завѣдуя цѣлымъ роемъ молодыхъ и старыхъ испанокъ, всегда отдавалъ предпочтеніе молоденькимъ и хорошенькимъ личикамъ... А менѣе красивыя, молодость и силы убившія на тяжелой работѣ, затирались, преслѣдовались и не могли ни на что разсчитывать... „Молодыя награждались изъ фонда общаго употребленія... туалетными принадлежностями, а старыя лишь тихо роняли слезы горькой обиды“... „Плакали онѣ... потому, что ихъ давила эта затхлая атмосфера, внезапно окутавшая ихъ чистый, трудовой міръ“...

Эти нѣсколько послѣднихъ строкъ, кажется, единственныя въ этой полемикѣ, въ которыхъ звучитъ сочувствіе и къ положенію самихъ учительницъ, и къ „атмосферѣ ихъ трудового міра“. Въ другихъ замѣткахъ, какъ и въ заявленіяхъ Д. А. Корсакова, поднявшаго на земскомъ собраніи вопросъ „о гребешкахъ“,—господствуетъ тонъ веселой и развязной игривости, чрезвычайно оскорбительный для всѣхъ учительницъ вообще, и отъ котораго, право, невольно сжимается сердце у сторонняго человѣка... Какъ-бы то ни было, фактъ былъ заявленъ громко и открыто: одинъ изъ земскихъ дѣятелей, притомъ „предсѣдатель“, притомъ человѣкъ, „даривщій туалетныя принадлежности“ учительницамъ—обвинялся публично въ гнуснѣйшемъ злоупотребленіи своимъ офиціальнымъ положеніемъ. А если сопоставить эти газетныя заявленія съ параллельными толками въ земскомъ собраніи, гдѣ С. А. Бекетову, устроителю курсовъ, прямо ставился упрекъ въ перерасходахъ, въ томъ числѣ на гребешки,—то было совершенно ясно, что обвиненіе относится именно къ С. А. Бекетову, предсѣдателю казанской земской управы...

*) „Волжскій Вѣстникъ“, 5 ноября 1898, № 273.
**) „Казанскій Телеграфъ“, № 1788.

Digitized by Google

Г. Бекетовъ, однако, не узналъ себя, и никто не потребовалъ, чтобы намеки были взяты обратно или вскрыты и доказаны. Условныя приличія, какъ болотная тина, затягивающая упавшій камень, опять вступили въ свои права: въ той-же газетѣ, которая писала о „возмущеніи чистой трудовой атмосферы", появились „приличныя" замѣтки, въ которыхъ расходъ на гребешки получалъ полное оправданіе: гребешки въ уборной были необходимы... О самой важной сторонѣ вопроса — всѣ замолчали, водворилось опять приличное благополучіе, и „уважаемый дѣятель" продолжалъ шествовать подъ своимъ „почтеннымъ знаменемъ"...

А между тѣмъ, подъ игривыми, правда, но весьма прозрачными намеками газетъ скрывалась истина, хорошо извѣстная *всѣмъ*, сколько-нибудь близко стоявшимъ къ дѣлу. И вотъ теперь эта истина пробилась наружу самымъ неожиданнымъ и, пожалуй, совершенно уже „неприличнымъ" образомъ. Въ казанскомъ земскомъ собраніи 21 октября къ столу предсѣдателя собранія А. Н. Баратынскаго подошла скромно одѣтая молодая дѣвушка и дрожащимъ, отъ волненія голосомъ попросила разрѣшенія сказать нѣсколько словъ. Необычайная просьба удивила собраніе. Предсѣдатель управы, С. А. Бекетовъ, повидимому, одинъ догадался, въ чемъ тутъ дѣло, и, вскочивъ съ видимымъ волненіемъ, сказалъ, что заявленія г-жи Б—вой, какъ ему извѣстно, носятъ чисто интимный характеръ и не подлежатъ разсмотрѣнію земскаго собранія.

— Позвольте,—возразилъ на это гл. К. А. Юшковъ,—быть можетъ, г. Бекетову дѣйствительно заранѣе извѣстно, какія здѣсь послѣдуютъ заявленія, но мы-то, гласные, этого еще не знаемъ. А потому я предлагаю удовлетворить просьбу г-жи Б.

Къ мнѣнію г. Юшкова присоединилось собраніе.

— Господа!—сказала дѣвушка.—Я семь лѣтъ состояла учительницей земской школы Казанскаго уѣзда... Моя фамилія Б... Господа! предсѣдатель управы, С. А. Бекетовъ, пользуясь своимъ положеніемъ и властью, моею безпомощностью и беззащитностью, обезчестилъ меня, сдѣлалъ меня матерью ребенка, а затѣмъ—мало того, что заставилъ меня отказаться отъ должности учительницы, но и совершенно бросилъ меня съ ребенкомъ на произволъ судьбы.

Г-жа Б—ва начинаетъ тихо рыдать. Предсѣдатель собранія участливо предлагаетъ ей стаканъ воды.

— Господа, — нѣсколько оправившись отъ охватившаго ее волненія, продолжала дѣвушка.—Я сдѣлалась матерью... Это не понравилось С. А., да я ему и надоѣла... И онъ приказалъ мнѣ подать прошеніе объ отставкѣ... Два года я переносила униженіе брошенной любовницы, горе, нужду... часто не имѣла квартиры, голодала. Нѣсколько разъ я думала покончить съ собой,

Digitized by Google

но ради ребенка оставалась жить... не хватало силъ... а помощи не было *).

Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе должно было произвести на собраніе это заявленіе, совершенно не предусмотрѣнное положеніемъ, и „небывалое еще въ лѣтописяхъ земскихъ учрежденій". Очень можетъ быть, что г. предсѣдатель могъ устранить его, какъ вопросъ, „не значащійся въ программѣ засѣданія". Но передъ этимъ крикомъ изстрадавшейся, опозоренной и обиженной женской души смолкли сразу, хоть на короткое время, соображенія условныхъ приличій. Напрасно г. Бекетовъ пытался указывать на то, что г-жа Б—ва уволена по прошенію. Инспекторъ училищъ подтвердилъ, что прошеніе было вынужденное,—г-жа Б—ва была-бы удалена и безъ прошенія.

— Мы видимъ, — сказалъ опять г. Юшковъ,—что отставка была вынужденной. Что-же вамъ угодно отъ собранія?

— Господа, — отвѣтила необычная просительница.—Дайте мнѣ возможность вновь честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Дайте мнѣ возможность вновь заниматься дѣломъ, которое я любила... Насъ много,—прибавила она,—не у одной меня жизнь разбита такимъ же образомъ...

Соображенія формальнаго порядка и условныхъ приличій были въ эту минуту такъ далеки отъ казанскаго земскаго собранія, что оно рѣшило ассигновать г-жѣ Б. единовременное пособіе въ 100 р. и считать ее кандидаткой на ближайшую учительскую вакансію.

Казанское земство въ эту минуту понимало, что „искъ", предъявленный г-жей Б—вой въ такой необычной формѣ, относится не къ одному г. Бекетову, что своей терпимостію, закрываніемъ глазъ на очевидность, положеніемъ, которое создалось для учительскаго персонала, — оно все, такъ или иначе, причастно къ этой захватывающей драмѣ... И одно-ли казанское земство находится въ томъ-же положеніи?..

На слѣдующій день, однако, „условныя приличія" взяли свое, и тина ихъ начала опять смыкаться надъ только-что раскрывшейся драмой. Въ слѣдующемъ же земскомъ собраніи, гл. Д. А. Корсаковъ выступилъ съ заявленіемъ о нежелательности пособія на земскій счетъ. По его предложенію, вопросъ о пособіи г-жѣ Б., который, подъ вліяніемъ настроенія, прошелъ безъ баллотировки,—былъ, согласно строгимъ требованіямъ устава, подвергнутъ голосованію и... провалился. По инціативѣ того-же г. Корсакова, гласные собрали между собой 202 р., но, такъ какъ 150 изъ нихъ пожертвовалъ великодушный С. А. Бекетовъ, то г-жа Б. приняла только 52 рубля...

Кромѣ того, тотъ же гл. Д. А. Корсаковъ предложилъ со-

*) „Казанскій Тел.," № 2095.


Digitized by Google

бранію возбудить противъ г-жи Б. преслѣдованіе за оскорбленіе предсѣдателя управы („при исполненіи обязанностей!"). Это предложеніе принято, и дѣло передается прокурору...

Что значитъ эта резолюція, — сказать трудно. Такъ какъ изъ всего поведенія г. Бекетова на собраніи не было видно даже попытки отрицать сообщенные г-жей Б—вой „интимные" факты, — то очевидно, что г-жа Б. говорила лишь правду... Говорятъ, будто г. Корсаковъ имѣлъ въ виду преданіе суду не г-жи Б., а г. Бекетова. Не знаемъ, но г. Корсаковъ вообще человѣкъ строгій. Еще не очень давно онъ настаивалъ на необходимости усиленія надзора надъ учительскимъ персоналомъ со стороны предводителей. Надзоръ усиленъ... О, въ надзорѣ нѣтъ и не было никогда особеннаго недостатка! И безъ того достаточно одного слова „попечителя", „батюшки", земскаго начальника, становoго и даже любого деревенскаго добровольца, чтобы если не совсѣмъ лишить учительскаго мѣста, то разорить скромный бюджетъ безконечными переводами... И, однако, никогда не было недостатка въ „ревнителяхъ народнаго образованія", въ родѣ г. Бекетова...

Условія будутъ тѣ же... Такъ-же, занесенныя снѣгомъ, холодны и непріютны училища, такъ-же необезпечено положеніе учителя и учительницы, такъ-же хмура и печальна жизнь, такъ-же некуда дѣться и негдѣ искать защиты. „Святыя труженицы, героини народнаго образованія, носители лучшаго будущаго русскаго народа"... О, какая все это условно-приличная риторика, сколько въ этомъ условно-приличной лжи!.. А. С. Бекетовъ, какъ сообщаютъ газеты, вышелъ въ отставку, и теперь остроумные люди въ Казани гадаютъ о томъ, кто является кандидатомъ на пріятное званіе „покровителя просвѣщенія". Безъ сомнѣнія, теперь придется дѣйствовать нѣсколько осторожнѣе. Г. Б—ва, спасибо ей, больно отомстила за „многихъ, чья жизнь разбита такимъ же образомъ"... Но, пока условія остаются тѣ же, нѣтъ сомнѣнія— должны быть и тѣ же результаты...

Провинціалъ.


Digitized by Google

Хроника внутренней жизни.

Новыя назначенія.—„Новое Время" о программахъ, о правдѣ и о творчествѣ.—Характерный образчикъ „правды и творчества".—Сенатское разъясненіе по дѣламъ печати. — Продолженіе кризиса. — Къ юбилею Г. А. Джаншіева. - Прекращеніе газеты „Русскій Трудъ".

Высочайшими указами отъ 20 октября министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а егермейстеру Д. С. Сипягину повелѣно быть управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ И. Л. Горемыкинъ—девятнадцатый (со времени учрежденія министерствъ въ 1802 году) министръ внутреннихъ дѣлъ—былъ назначенъ на этотъ постъ въ октябрѣ 1894 года. Его пребываніе на должности министра продолжалось такимъ образомъ 4 года. Изъ прежнихъ министровъ десять занимали тотъ же постъ болѣе продолжительное время, а восемь оставались въ той же должности болѣе короткій срокъ. Наиболѣе долгое время управляли министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: Л. А. Перовскій (1842 — 1853 г.г.), А. Е. Тимашевъ (1868—1878), О. П. Козодавлевъ (1811—1819) и Д. А. Толстой (1882—1889). Наиболѣе короткое время были министрами внутреннихъ дѣлъ: М. Т. Лорисъ-Меликовъ (1880—1881) и Н. П. Игнатьевъ (1881—1882). Продолжительность пребыванія въ той же должности И. Л. Горемыкина оказалась, такимъ образомъ, очень близкой къ средней (около 5 лѣтъ).

Завѣдываніе И. Л. Горемыкинымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не сопровождалось какими либо значительными перемѣнами въ системѣ нашего внутренняго управленія. Оно не было также отмѣчено какимъ либо опредѣленнымъ поворотомъ во взглядахъ высшаго правительства на вопросы внутренней жизни. Слѣдуя фактамъ, о которыхъ напомнили „Русскія Вѣдомости" и нѣкоторыя другія газеты, по поводу состоявшагося назначенія, представляется возможнымъ отмѣтить слѣдующія общія черты дѣятельности И. Л. Горемыкина въ должности министра. „Съ изданіемъ Положеній о земскихъ начальникахъ 1889 г., о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. и Городового 1892 г., ограничившихъ самостоятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія и усилившихъ значеніе администраціи, возникла необходимость въ пересмотрѣ и приспособленіи къ новымъ условіямъ многихъ узаконеній, составленныхъ ранѣе, подъ вліяніемъ иныхъ воззрѣній" *). Нѣко-

*) Русскія Вѣдомости" 22 октября.

Digitized by Google

торые изъ соотвѣтствующихъ законопроектовъ были намѣчены и подготовлены уже предшественникомъ г. Горемыкина. Послѣднему предстояло или безостановочно продолжать эту будничную работу додѣлыванія въ данномъ направленіи, или измѣнить „курсъ", соотвѣтственно выяснявшимся уже въ то время недостаткамъ новой системы мѣстнаго управленія. И. Л. Горемыкинъ, при вступленіи въ должность, счелъ за лучшее взять нѣкоторые изъ получившихъ уже движеніе законопроектовъ назадъ, для новой ихъ переработки. На ряду съ такой переработкой, за время его управленія министерствомъ, было поставлено на очередь нѣсколько новыхъ вопросовъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ касались частичныхъ измѣненій въ земскомъ и городовомъ Положеніяхъ. Такъ, въ это время были возбуждены, между прочимъ, вопросы объ измѣненіи состава крестьянскихъ представителей въ земствѣ, въ цѣляхъ большаго обезпеченія ихъ самостоятельности, о расширеніи круга городскихъ избирателей и нѣкоторые другіе, болѣе или менѣе близко затрогивавшіе отдѣльныя стороны нашего самоуправленія. Не были скрыты отъ бывшаго министра и недостатки въ узаконеніяхъ 1889 г., для устраненія каковыхъ былъ задуманъ при немъ „Наказъ земскимъ начальникамъ", о проектѣ котораго намъ пришлось говорить въ предыдущей хроникѣ. Однако, большая часть и доставшихся ему отъ предшественника, и возникшихъ во время его управленія министерствомъ вопросовъ, не получила еще законодательнаго разрѣшенія, а нѣкоторые изъ нихъ не вышли еще изъ стадіи самой первоначальной разработки. При такихъ условіяхъ трудно, конечно, сказать, какого характера и насколько существенныя измѣненія могли бы быть внесены въ систему внутренняго управленія путемъ предполагавшихся частныхъ поправокъ въ ней. Судя, однако, по мѣропріятіямъ, осуществленнымъ и наиболѣе подготовленнымъ (напр., новые проекты продовольственнаго устава и закона о сельскохозяйственныхъ рабочихъ), можно полагать, что измѣненія эти, въ конечномъ счетѣ, не только не уклонились бы далеко отъ основныхъ началъ, которыхъ придерживались въ своей дѣятельности предыдущіе министры внутреннихъ дѣлъ—графъ Толстой и И. П. Дурново,—но и явились бы дальнѣйшимъ ихъ осуществленіемъ. Болѣе опредѣленная и богатая яркими и характерными фактами административная дѣятельность бывшаго министра въ области, напримѣръ, продовольственнаго дѣла, земскаго самоуправленія и печати, также характеризуетъ его, какъ несомнѣннаго продолжателя политики своихъ предшественниковъ.

Ежедневная печать сопроводила извѣстія о состоявшихся назначеніяхъ довольно скудными комментаріями. Значеніе личной перемѣны на важномъ министерскомъ посту, на этотъ разъ, повидимому, далеко не для всѣхъ было ясно. Для выясненія есте-

Digitized by Google

ственнаго вопроса: „въ какой мѣрѣ и въ какомъ направленіи дѣятельность новаго министра будетъ отличаться отъ дѣятельности его предшественника",—нѣкоторые органы печати обратились къ даннымъ о прежней служебной дѣятельности того и другого, другіе ограничились общими соображеніями о значеніи министерства внутреннихъ дѣлъ въ ряду однородныхъ учрежденій, третьи — старались найти отвѣтъ на интересовавшій общество вопросъ въ чисто внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ состоялись новыя назначенія. „Гражданинъ", между прочимъ, придалъ особое значеніе дню, въ который были обнародованы высочайшіе указы. „Тотъ фактъ, что назначеніе обнародовано въ день кончины покойнаго Государя, по мнѣнію кн. Мещерскаго, придаетъ этому назначенію весьма важное политическое значеніе: оно является какъ бы свидѣтельствомъ того, что минувшія 5 лѣтъ новаго царствованія убѣдили Государя въ необходимости прочнѣе и тверже, чѣмъ когда либо, закрѣпить связь своего царствованія съ завѣтомъ царствованія своего, возлюбленнаго всею Россіею, Родителя". Въ общемъ, при всѣхъ догадкахъ, преобладало мнѣніе, высказанное, между прочимъ, и „Новымъ Временемъ", что „совершившаяся перемѣна, повидимому, не даетъ основаній говорить о ея программной подкладкѣ", и что „перемѣны на посту министра внутреннихъ дѣлъ могутъ обозначать у насъ не смѣну политическихъ программъ, а лишь большее или меньшее измѣненіе условій осуществленія той же самой правительственной программы, поскольку такое измѣненіе зависитъ отъ личныхъ свойствъ министра".

Фраза „Новаго Времени", что „совершившаяся перемѣна не даетъ основаній говорить о ея программной подкладкѣ", вызвала крайне любопытную полемику въ петербургской печати. „Новое Время" какъ будто полагаетъ, замѣтила по этому поводу „Россія", что назначеніе новаго министра у насъ не можетъ подавать повода къ какимъ-либо новымъ надеждамъ, такъ какъ у насъ министры „не дѣлаютъ политики". Догадка „Новаго Времени", продолжала „Россія", остается догадкой. Почему „Д. С. Сипягинъ не можетъ имѣть своей программы?" На эту краткую и, можетъ быть, черезчуръ простую реплику конкуррирующей газеты „Новое Время" отвѣтило цѣлымъ рядомъ статей и въ числѣ ихъ двумя „маленькими письмами" своего издателя. Само собой понятно, что личность новаго министра была оставлена при этомъ въ сторонѣ. „Новому Времени" пришлось отвѣтить на общій вопросъ: можетъ ли и долженъ ли русскій государственный дѣятель имѣть программу?

Личныя перемѣны на министерскомъ посту, „происходившія вслѣдствіе измѣненія политической программы, характеризовали

Digitized by Google

періоды неустойчиваго, до извѣстной степени болѣзненнаго состоянія страны"—вотъ первая историческая справка „Новаго Времени", приведенная имъ 21 октября, прежде, чѣмъ общій вопросъ о программѣ былъ поставленъ. Возможность для государственнаго дѣятеля имѣть программу, даже необходимость ея этой справкой не отрицаются. Ею объясняются лишь измѣненія въ программахъ, находящіяся, по мнѣнію „Новаго Времени", въ связи съ состояніемъ страны. Спустя нѣсколько дней, газета дала другую справку. „Обращаясь къ прошлому нашей исторіи, мы видимъ въ ней, говоритъ она, нѣсколько фигуръ людей безспорно программныхъ, безспорно умныхъ и талантливыхъ, но—память о нихъ не очень свѣтла. Гр. Д. А. Толстой—вотъ человѣкъ программы и доктрины, который поднялъ противъ себя на дыбы всю Россію, по крайней мѣрѣ—все почти образованное общество. И всѣ помнятъ и знаютъ, что онъ поднялъ его противъ себя именно тѣмъ, что хотѣлъ вести Россію „по программѣ", а не подгонять свои программы къ Россіи. До сихъ поръ „программа" торжествовала у насъ гораздо болѣе, чѣмъ это принято думать, и потому-то, конечно, въ нашей исторіи такъ много обломковъ и такъ мало созиданія". Эта справка говоритъ уже нѣчто другое: не „болѣзненное состояніе страны" опредѣляетъ программу, требуетъ перемѣны старой на новую, а, напротивъ, программа, какова-бы она ни была, наполняетъ страну обломками. Чтобы читателю было понятно противорѣчіе въ показаніяхъ исторіи, какія она даетъ въ различныхъ номерахъ „Новаго Времени", необходимо упомянуть объ одной вещи. На ряду съ вопросомъ: почему Д. С. Сипягинъ не можетъ имѣть своей программы,—„Новому Времени" былъ предложенъ и другой, приблизительно такого содержанія: если „болѣзненное состояніе страны" характеризуется появленіемъ новыхъ программъ, то почему нельзя ждать новыхъ программъ именно теперь? Или, по мнѣнію „Новаго Времени", теперь „все обстоитъ благополучно"? Признать благополучіе „Новое Время" не рѣшилось: „вѣдь даже нѣтъ отдѣльныхъ семей, о которыхъ можно было-бы сказать, что въ нихъ все обстоитъ благополучно. Государство-же такая громадная смѣсь интересовъ, что о всеобщемъ благополучіи и рѣчи быть не можетъ". Отдѣлавшись этимъ уклончивымъ отвѣтомъ, газета все таки утверждаетъ, что „до сихъ поръ программа торжествовала у насъ гораздо болѣе, чѣмъ это принято думать", но программы не нужны, вредны: дѣятели съ программами оставляютъ послѣ себя не хорошую память, наполняютъ страну „обломками, поднимаютъ на дыбы всю Россію, по крайней мѣрѣ, все почти образованное общество". Что это говоритъ вовсе не „историческій опытъ", доказать не трудно. Не будемъ ходить далеко, возьмемъ номеръ того-же „Новаго Времени", вышедшій шесть дней спустя послѣ интересуюшаго насъ показанія. Поле-

Digitized by Google

мизируя съ кн. Мещерскимъ, г. Суворинъ говоритъ, что Императоръ Павелъ I „не создавалъ программы, вступивъ на престолъ, а выразился тотчасъ-же вполнѣ въ первыхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ первые-же дни своего царствованія, какъ личность, какъ характеръ... онъ отмѣнялъ, а не творилъ, а программа требуетъ творчества, и этого творчества не было и быть не могло, когда все вниманіе было обращено на отмѣны и исправленіе. Программы не было, была только личность“. „Вотъ Императоръ Александръ I, продолжаетъ г. Суворинъ, имѣлъ программу“. Итакъ, „программа требуетъ творчества“, а не обломковъ, и не всѣ, нужно думать, дѣятели съ программами оставляли по себѣ „не очень свѣтлую память“.

„Новое Время“ не хочетъ понять этой очень ужъ немудреной вещи. Ему нужно доказать, что программы вредны, не нужны. Мы не будемъ слѣдить за другими его аргументами, привнесенными отъ разума и почерпнутыми изъ современности, такъ какъ они отнюдь не правдивѣе свидѣтельствъ, извлеченныхъ газетой изъ исторіи. Что-же всетаки нужно для государственнаго и общественнаго дѣятеля, если не нужна „программа въ западно-европейскомъ смыслѣ, какъ реестръ убѣжденій и какъ реестръ реформъ и улучшеній“? Нужна „русская программа“, „прекрасно отвѣчающая условіямъ нашего особеннаго русскаго положенія: правда и творчество“. Это—отвѣтъ „Новаго Времени“ отъ 29 октября. 25 октября оно формулировало свой отвѣтъ нѣсколько иначе: „Программа, говорило оно въ тотъ день, вещь второстепенная и выдумывать „новыя программы“ во внутренней политикѣ дѣло совсѣмъ непроизводительное“... „Другое дѣло личность министра. Она играетъ большую роль въ управленіи родиной“. Къ этой формулировкѣ, дополненной очень характерными для „Новаго Времени“ словами, оно вернулось и 1 ноября: „Личность, заявило оно, сама можетъ быть программой, если она чувствительная, тонко угадывающая потребности времени, примѣняющаяся къ Россіи“. Итакъ, что-же нужно для государственнаго и общественнаго дѣятеля: правда и творчество или тонко угадывающая потребности времени и приспособляющаяся личность? По мнѣнію „Новаго Времени“, это одно и тоже: правда—это тонкое угадываніе, творчество—это примѣненіе, приспособленіе.

Правда, творчество — какія это хорошія слова! Особенно—правда. „Всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово „правда“, я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ-же словомъ и какъ-бы сливаются въ одно великое цѣлое... Правда-истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ

Digitized by Google

правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И, наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки" *). И вотъ подъ именемъ правды, „великой двуединой правды", намъ преподносятъ „тонкое угадываніе потребностей времени", свободное отъ „реестра убѣжденій".

Истину—не угадываютъ, къ ней приближаются путемъ упорной, систематической работы. Справедливость — съ объективной стороны—это нѣчто несравненно большее, чѣмъ „потребность времени", это вѣковѣчная соціальная проблемма, неотступно требующая своего разрѣшенія, съ субъективной стороны — это „высокій идеалъ", властно зовущій личность къ непримиримой борьбѣ, а не къ приспособленію. Тонкое угадываніе и приспособленіе— не есть правда, ни даже частица правды. Это—не больше, какъ „поддѣльная краска ланитъ", пригодная лишъ для того, чтобы „ловить моментъ".

Доля истины, доступная данной личности, и пониманіе справедливости, свойственное ей, — и есть тотъ самый „реестръ убѣжденій", который „Новое Время" считаетъ излишнимъ въ государственномъ и общественномъ дѣятелѣ. Этотъ реестръ можетъ быть разнаго достоинства. Въ зависимости отъ этого и программа, которой руководится общественный дѣятель, можетъ облегчить жизнь или затруднить ее, наполнить ее обломками или оросить ее водою живою. Программы, какъ и убѣжденія, бываютъ разныя. Поэтому важно не только то, имѣетъ-ли общественный дѣятель программу, но и то, какую программу онъ имѣетъ, сколько въ ней истины и какая въ ней справедливость. Утвержденіе, что „личность сама можетъ быть программой", — по нашему мнѣнію, самое безнравственное изъ всего, что „Новое Время" рекомендуетъ общественнымъ дѣятелямъ. Отдѣльная личность въ общественномъ дѣлѣ не судья, ея нельзя класть въ основу общественнаго устроительства. Программа необходима, но нужно ее сдѣлать публичной, чтобы о ней высказалась жизнь, которой программа будетъ править. „Ставите-ли вы новую школу, вы сейчасъ-же на мѣстѣ должны оправдать ея новизну, и вашу перемѣну должны похвалить и одобрить тѣ самые маленькіе люди, тѣ ученики, та деревня, въ которой вы поставили новаго учителя, смѣнивъ стараго. Если вы сократите земство, вы должны показать—да показать наглядно и непререкаемо—лучшую совершеннѣйшую работу чиновника" **). Нужно предотвратить неудачи. Люди — не лягушки, чтобы надъ ними производились вивисекціи. Хотя-бы въ предварительной критикѣ

*) Н. К. Михайловскій. Сочиненія, т. I, предисловіе. Спб. 1896 г.
**) „Новое Время", 29 октября.


Digitized by Google

общественный дѣятель долженъ создать гарантію обывателей, что онъ не наполнитъ ихъ жизнь обломками. И всетаки тоже „Новое Время" думаетъ, что „эта мѣрка совершенно не примѣнима у насъ, ибо у насъ „программный" государственный человѣкъ шествовалъ-бы впередъ безъ критиковъ, среди молчанія, и такъ сказать, производилъ-бы experimentum in anima viva. Это и больно, и опасно" *). Но вѣдь нетерпимость одной стороны и безгласность другой — принадлежность не всякой программы и при томъ не столько программы, сколько личности. Видѣть въ послѣдней гарантію противъ экспериментовъ надъ живыми людьми можетъ только „Новое Время".

Остается творчество. „Новое Время" играетъ и этимъ словомъ, употребляя его въ двухъ смыслахъ, разумѣя подъ нимъ то положительную часть программы, то свойство личности, ея способность примѣняться. Къ чему можетъ привести творчество „личности", освобожденной отъ „реестра убѣжденій"—понять не трудно. Само „Новое Время" изо дня-въ-день даетъ образчики такого „творчества", состоящаго въ „примѣненіи" къ обстоятельствамъ.

Характерный образчикъ въ этомъ родѣ, извлеченный изъ той-же полемики.

Назвавъ вопросъ, предложенный „Россіей", (почему Д. С. Сипягинъ не можетъ имѣть своей программы?) „заковыкой", г. Суворинъ такъ разъяснилъ читателю смыслъ его:

... „Заковыка" не важна, не смотря на все свое ехидство. Для насъ, для печати, министръ внутреннихъ дѣлъ—прямой начальникъ. Отъ него мы зависимъ, если не совсѣмъ, ибо каждый много зависитъ и отъ самого себя, то въ значительной степени. Вѣроятно г. „Совопросникъ" добродушно подумалъ: давай-ка я совру на „Новое Время" и заступлюсь за новаго министра. Вотъ онъ и совралъ и заступился. „Совру—простятъ", такъ говорилъ покойный Репетиловъ. Да и отчего не простить журнальное вранье, журнальную заковыку"...

Итакъ, „для насъ, для печати, министръ внутреннихъ дѣлъ—прямой начальникъ".

„Это, читаемъ мы въ „Россіи", открытіе, которое больше смахиваетъ на откровенность. Въ сводѣ законовъ Россійской Имперіи рѣшительно нигдѣ не указано на назначеніе министра внутреннихъ дѣлъ начальствовать печатью, и эта новая функція, обременяющая и безъ того несравненно обремененный важными государственными тяготами, величайшій изъ государственныхъ постовъ Имперіи Россійской, навязываются ему отнюдь не правительственною программою, но исключительно А. С. Суворинымъ, которому, конечно, въ семъ случаѣ всѣ книги въ руки, но... тѣмъ не менѣе... его—при немъ и останется,—обобщать *насъ-то, печать"* зачѣмъ-же? Начальникъ, уже по самому смыслу и корнесловію языка русскаго, есть тотъ, кто начало велитъ и указываетъ; приказываетъ, что надо дѣлать,

*) Тамъ-же.

Digitized by Google

задаетъ урокъ. Такъ, напр., если-бы министръ внутреннихъ дѣлъ былъ начальникомъ печати, въ особенности прямымъ,—то онъ имѣлъ-бы не только право, но даже обязанность предписывать печати, что она должна писать, какъ она должна писать, по какимъ мотивамъ и въ какую сторону... У г. Суворина были предки по журнализму, много разъ предвосхитившіе идею его поставить печать подъ административное начало, и, вдохновляясь лишь послѣднимъ, гнать все остальное въ ея области, какъ истекающее отъ лукаваго. Такъ, напр., вели себя: Булгаринъ, Гречъ, Сенковскій, Бурачекъ, Аскоченскій, кн. Мещерскій. Но pia desideria сихъ господъ такъ въ области pia desideria и остались, не смотря на всю массу приложенныхъ къ тому усилій.

Дѣлами печати управляютъ,—для чего и учреждено хорошо извѣстное А. С. Суворину „главное управленіе по дѣламъ печати", но ею не начальствуютъ. Вотъ въ „главномъ управленіи по дѣламъ печати"—тамъ есть свой начальникъ. Но и онъ—подчиненный г. министру внутреннихъ дѣлъ—отнюдь не есть начальникъ печати, а лишь „главнаго управленія по дѣламъ печати"... Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати начальствуетъ надъ вѣдомствомъ, блюдущимъ поступки печати противъ дѣйствующаго о ней законодательства и пополняющимъ послѣднее циркулярами, но отнюдь не надъ самою печатью и людьми печати, которые—сколько-бы ни увѣрялъ откровенный А. С. Суворинъ и какъ-бы ему ни хотѣлось того—никогда чиновниками ни министерства внутреннихъ дѣлъ, ни другого, какъ хотите, не были и не будутъ...

Правда, во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ существовали, существуютъ и будутъ, конечно, долго существовать газеты-рептиліи, добровольцы, кондотьеры печатнаго слова, отдающіе себя по сходной цѣнѣ, денежной, или за иныя почести и выгоды, въ слѣпое распоряженіе того или иного вѣдомства. Для такихъ добровольцевъ, конечно, начальникъ вѣдомства, которое ихъ пріобрѣло въ свое распоряженіе, есть и начальникъ ихъ печати.

Но только ихъ...

Всѣми почти современными правительствами — и тѣмъ въ большей, можетъ быть, степени, чѣмъ сильнѣе развита въ данной странѣ общественность — ощущается настоятельная потребность влiять на общественное мнѣніе при посредствѣ печати. Эта потребность не только вполнѣ понятна, но и вполнѣ законна. Успѣхъ правительственныхъ мѣропріятій въ значительной мѣрѣ опредѣляется тѣмъ, какъ они будутъ встрѣчены общественнымъ мнѣніемъ. Суть не въ самой потребности, а въ тѣхъ формахъ, при посредствѣ которыхъ она удовлетворяется. Формы эти крайне разнообразныя. Для западноевропейскихъ, напримѣръ, правительствъ незамѣнимыя услуги оказываютъ въ этомъ случаѣ многочисленные органы тѣхъ партій, къ которымъ они принадлежатъ и програму которыхъ осуществляютъ. У насъ той же цѣли служатъ правительственныя сообщенія по различнымъ, интересующимъ общество, вопросамъ. Существуютъ, далѣе, оффиціальные органы и оффиціозные, имѣющіе въ виду опять таки, главнымъ образомъ, общественное мнѣніе. Той же цѣли служатъ въ извѣстномъ смыслѣ и извѣстной мѣрѣ цензура и законы о печати. Есть и другіе пути. Бисмарковскій рептильный фондъ сдѣлался уже классическимъ примѣромъ для ихъ общей харак-

Digitized by Google

теристики. Наконецъ, есть совсѣмъ упрощенныя формы вліянія. И всетаки отъ пользованія печатью до подчиненія ея — путь очень далекій. При нѣкоторыхъ условіяхъ возможны, конечно, случаи, когда естественное стремленіе повліять на общественное мнѣніе принимаетъ форму уродливаго желанія подчинить печать, желанія, въ сущности, безумнаго по своей неосуществимости: печать легче уничтожить, чѣмъ искоренить въ ней чувство независимости. Ни одинъ благоразумный человѣкъ,—каковы бы ни были его убѣжденія, лишь бы они у него были,—конечно, не пойдетъ на встрѣчу такому желанію.

Кстати о печати. Недавно послѣдовало разъясненіе сената по дѣлу, крайне интересному какъ съ юридической, такъ и съ „бытовой" стороны.

По 121 ст. цензурнаго устава, всякое повременное изданіе, уже выходившее въ свѣтъ, но по какимъ либо причинамъ не появившееся въ теченіе года, считается прекратившимся. Въ 1894 коду, на основаніи этой статьи, признана была прекратившеюся „Московская Газета". Перерывъ въ изданіи, въ данномъ случаѣ, произошелъ благодаря тому обстоятельству, что рядъ лицъ, послѣдовательно представленныхъ издателемъ въ качествѣ кандидатовъ на званіе редактора, не были утверждены въ этомъ званіи министромъ внутреннихъ дѣлъ. Распоряженіе министра о признаніи газеты прекратившеюся издатель обжаловалъ въ Правительствующій Сенатъ. Послѣдній въ своемъ указѣ *), не отрицая дискреціоннаго характера принадлежащаго министру внутреннихъ дѣлъ права—утверждать и не утверждать редакторовъ повременныхъ изданій, даетъ слѣдующее разъясненіе: сущность дискреціонной власти въ томъ и состоитъ, что послѣдовавшія въ предѣлахъ этой власти распоряженія зависятъ исключительно отъ усмотрѣнія должностного лица, коимъ они сдѣланы,—и предвидѣть, куда и по какимъ причинамъ клонится это усмотрѣніе, частное лицо не въ состояніи, а правительствующій сенатъ не можетъ вмѣнять ему такое предвидѣніе въ обязанность; если частное лицо (издатель газеты) представитъ министру внутреннихъ дѣлъ, одного за другимъ, цѣлый рядъ кандидатовъ на званіе редактора, то этимъ самымъ онъ, въ достаточной мѣрѣ, доказываетъ свое желаніе и намѣреніе издавать газету, и если это намѣреніе его не можетъ быть осуществлено, благодаря неутвержденію редакторовъ, то газета не выходитъ въ свѣтъ по причинѣ, независящей отъ издателя. Законъ же послѣдовательно разграничиваетъ изданія „прекратившіяся" отъ изданій „прекращенныхъ", а 121 ст. цензурнаго устава имѣетъ въ виду именно

*) Напечатанъ въ октябрьской кн. „Вѣстника Права".

Digitized by Google

прекратившіяся, а не прекращенныя изданія. Допустить иное пониманіе закона и признать неутвержденіе министромъ внутреннихъ дѣлъ въ званіи редактора представленныхъ ему издателемъ лицъ такою причиною невыхода въ свѣтъ изданія, которое влечетъ за собою объявленіе его прекратившимся, по ст. 121 устава о цензурѣ, было бы равносильно,—говорится въ указѣ,—признанію за министромъ внутреннихъ дѣлъ, которому принадлежитъ лишь дискреціонное право утверждать или не утверждать редактора, также и дискреціоннаго права прекращать повременныя изданія. Такое же право ему не принадлежитъ. Первоначально цензурный уставъ вовсе не предоставлялъ такого права администраціи, и прекращеніе изданія, согласно 108 ст., могло послѣдовать лишь по распоряженію сената. Только въ 1882 году, временно, впредь до пересмотра Устава въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствіе 108 ст. было пріостановлено и прекращеніе повременныхъ изданій предоставлено коллегіальному рѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи и оберъ-прокурора св. синода, совмѣстно съ министромъ, возбудившимъ вопросъ. 28 марта 1897 г. послѣдовало дальнѣйшее ограниченіе издательскаго права, каковое съ тѣхъ поръ можетъ быть передано другому лицу не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Однако, оба эти узаконенія, внося частичныя измѣненія въ дѣйствіе правилъ цензурнаго устава, не измѣняютъ, по мнѣнію Сената, общаго отношенія нашего закона къ издательскому, частно-гражданскому праву. Въ виду этихъ соображеній, Сенатъ отмѣнилъ обжалованное распоряженіе министра, указавъ просителю, что съ жалобой на медленность главнаго управленія по дѣламъ печати онъ долженъ обратиться по принадлежности, къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Мы не знаемъ, имѣетъ ли какое реальное значеніе приведенное разъясненіе Сената для издателя „Московской Газеты", объявленной прекратившеюся 5 лѣтъ тому назадъ. За такой срокъ вполнѣ налаженное, можетъ быть, дѣло, конечно, успѣло вполнѣ распасться. Наладить его вновь—если возобновленіе изданія представится всетаки возможнымъ—будетъ не легко и не дешево. Но, вообще, для печати разъясненіе Сената имѣетъ нѣкоторое значеніе. Съ изданіемъ газеты или журнала очень часто бываютъ связаны существенные матеріальные интересы. Прекращеніе изданія по причинамъ, предусмотрѣть которыя частное лицо не въ состояніи и предвидѣніе которыхъ, по разъясненію Сената, не можетъ быть вмѣнено ему въ обязанность, дѣлаетъ эти интересы, и безъ того недостаточно огражденные, совершенно шаткими. Само собой понятно, чѣмъ меньше будетъ случаевъ, когда такія причины могутъ имѣть силу, тѣмъ прочнѣе будетъ положеніе повременныхъ изданій. Разъясненіе Сената устраняетъ одинъ изъ такихъ случаевъ,—отсутствіе редактора у

Digitized by Google

періодическаго изданія, случай не только возможный, но и—рано или поздно—неизбѣжный для каждаго періодическаго органа. Однако, нельзя упустить изъ виду, что сенатское разъясненіе можетъ имѣть лишь ограниченное значеніе. Оно беретъ подъ свою защиту издательскіе интересы лишь съ юридической ихъ стороны. Фактическое же значеніе оно будетъ имѣть, вѣроятно, лишь въ случаяхъ, такъ сказать, формальнаго характера, когда утвержденіе редактора замедлится, по какимъ либо случайнымъ или временнымъ причинамъ. Но и этимъ надо дорожить...

Денежный кризисъ, державшій въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ напряженномъ состояніи торгово-промышленную жизнь страны,—„прекращенъ". Объ этомъ заявили 20 октября „Новости" въ замѣткѣ, повидимому, оффиціознаго происхожденія, въ которой сообщалось слѣдующее. „По возвращеніи въ Петербургъ, г. министръ финансовъ, С. Ю. Витте, рѣшилъ положить конецъ биржевой неурядицѣ, не имѣющей никакихъ основаній въ финансовомъ и экономическомъ положеніи государства. 19 октября представители частныхъ кредитныхъ учрежденій были приглашены имъ для совѣщанія о причинахъ, породившихъ мнимый денежный кризисъ, и о средствахъ къ предупрежденію на будущее время искусственнаго пониженія фондовыхъ и дивидендныхъ цѣнностей. Заявивъ о блестящемъ финансовомъ положеніи нашего государства, не уступающемъ по прочности финансовому положенію такихъ богатыхъ государствъ, какъ Франція и Англія, и объяснивъ дороговизну денегъ міровыми причинами (отливъ ихъ на Дальній Востокъ, Трансваальская война), г. министръ сообщилъ, что недостатка въ деньгахъ у насъ не ощущается и что государственный банкъ всегда готовъ идти навстрѣчу частнымъ банкамъ и всякому солидному предпріятію, нуждающемуся въ оборотныхъ средствахъ. Не отрицая, что среди акціонерныхъ предпріятій оказалось „нѣсколько неосновательно задуманныхъ, слабо снабженныхъ оборотными средствами или даже прямо недобросовѣстно организованныхъ", г. министръ находитъ, что нѣтъ никакихъ основаній къ общимъ опасеніямъ „по поводу будто бы чрезмѣрно быстраго и сильнаго промышленнаго оживленія". Неурядицу на биржѣ, „искусственно приводящую денежный рынокъ въ состояніе кризиса", онъ объяснилъ орудованіями небольшой кучки спекулянтовъ, не встрѣчавшихъ отпора со стороны частныхъ банковъ, съ одной стороны, вслѣдствіе неувѣренности послѣднихъ въ прочности положенія денежнаго рынка, а съ другой — вслѣдствіе отсутствія солидарности между ними. „Теперь, послѣ категорическаго заявленія г. министра, всякая неувѣренность должна исчезнуть; что же касается солидарности между банками въ дѣлѣ руководства денежнымъ рын-

Digitized by Google

комъ, то г. министръ призналъ наиболѣе цѣлесообразнымъ составить изъ представителей ихъ постоянный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ управляющаго государственнымъ банкомъ, для регулированія биржевыхъ цѣнъ путемъ устраненія искусственнаго пониженія ихъ нормальнаго уровня, выясненія дѣйствительнаго положенія предпріятій" и пр. 20 октября этотъ комитетъ уже открылъ свои дѣйствія.

23 октября въ большихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ появилось обширное оффиціальное сообщеніе министерства финансовъ по тому же вопросу. Въ этомъ сообщеніи вновь подтверждалось о достаточности денежныхъ знаковъ въ странѣ и о прочномъ положеніи государственнаго банка и государственнаго хозяйства, отрицалась возможность отлива золота за границу, излагались высказанные уже г. министромъ взгляды на причины кризиса, вновь подтверждалась полная готовность финансоваго вѣдомства идти на встрѣчу нуждамъ торговли и промышленности въ оборотныхъ средствахъ. Послѣднее, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ: „вѣдь нельзя же серьезно требовать, настойчиво повторялось въ сообщеніи, чтобы государственный банкъ расточалъ государственное и народное достояніе, раздавая деньги всѣмъ желающимъ подъ сомнительныя цѣнности". Готовность банка идти на встрѣчу нуждѣ въ деньгахъ была немедленно подтверждена и фактически: въ частные банки былъ внесенъ новый 15-милліонный вкладъ изъ желѣзнодорожныхъ суммъ.

Мы не знаемъ, сами ли „Новости" или лицо, доставившее имъ вышеупомянутую замѣтку, дали ей сенсаціонное и, какъ показали факты, слишкомъ поспѣшное и опрометчивое заглавіе: „прекращеніе денежнаго кризиса". И личныя объясненія г. министра, и оффиціальное сообщеніе министерства финансовъ, не смотря на всю свою категоричность, конечно, не могли прекратить кризиса. Если бы это было такъ легко сдѣлать, то, конечно, финансовое вѣдомство уже давно поспѣшило бы съ своими заявленіями. Кризисъ не кончился. Правда, на биржѣ, послѣ министерскихъ сообщеній появилось нѣкоторое оживленіе, но очень не на долго. Вскорѣ биржа опять впала въ тихое и даже угнетенное настроеніе, которое можно объяснить только ожиданіемъ новыхъ и новыхъ ударовъ. Удары эти начали сыпаться теперь изъ глубины Россіи и предусмотрѣть, откуда можетъ послѣдовать ударъ, сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Теперь уже нельзя думать, что орудуетъ небольшая кучка спекулянтовъ.

Почти каждый день почта и телеграфъ приносятъ свѣдѣнія о трудномъ времени, какое переживаетъ дѣловая провинція, а вмѣстѣ съ тѣмъ о новыхъ и новыхъ несостоятельностяхъ. „Затрудненія на денежномъ рынкѣ, пишутъ изъ Минска въ „Россію", заставляютъ нашъ коммерческій міръ, что называется, трещать по всѣмъ швамъ". Въ Двинскѣ прекратила платежи крупная

Digitized by Google

банкирская контора. Послѣ того кредитъ почти совершенно закрылся. Векселя лучшихъ фирмъ не учитываются. Разумѣется, что при томъ значеніи, которое имѣетъ въ нашемъ городѣ кредитъ, банкротства должны продолжаться. И дѣйствительно, каждый день слышишь о новыхъ прекращеніяхъ платежей" *). Въ Баку, по сообщенію „Тифлисскаго Листка", банки почти перестали принимать къ учету векселя, частные дисконтеры подняли дисконты до 20—30 и болѣе процентовъ... Денегъ неоткуда достать, и масса лицъ не сегодня - завтра вынуждена будетъ объявить себя несостоятельными. Прекратилъ платежи „промышленникъ", котораго считали здѣсь нефтянымъ вицекоролемъ... Пассивъ доходитъ до 800 т., активъ болѣе чѣмъ скромный". „Общій денежный кризисъ коснулся и коммерческой дѣятельности Севастополя, сразу нарушивъ ея нормальное теченіе. Купцы и торговцы очутились въ критическомъ положеніи" **). Въ Кіевѣ „въ настоящее время среди торговаго люда постоянно слышатся жалобы на плохія дѣла. „Тихо"—вотъ единодушная характеристика теперешняго положенія торговли... Область кредита до того сократилась, что учетъ даже „первоклассныхъ" векселей становится невозможнымъ" ***)... „Въ особенности въ затруднительномъ положеніи очутились домостроители-спекулянты. Пріуныли также еврейскіе банкиры, смущенные неудачными операціями мѣстнаго финансиста Эпштейна... Вздутыя акціи предпріятій (Харьковскаго сахарнаго завода и южно-русскаго машиностроительнаго завода въ Кіевѣ) быстро пали, и ему пришлось прекратить дѣла... Пассивъ Эпштейна въ нѣсколько разъ превышаетъ активъ". „Лодзь въ настоящее время переживаетъ промышленной кризисъ, отражающійся не только на мелкихъ, но и на крупныхъ фабрикантахъ. Съ покупательскихъ рынковъ почти ежедневно приходятъ извѣстія о прекращеніи платежей. Многія фабрики сокращаютъ производство и увольняютъ рабочихъ" ****)... 30 октября Россійское телеграфное агентство сообщило о затрудненіяхъ въ платежахъ крупнаго товарищества „Добровъ и Набгольцъ" съ пассивомъ въ нѣсколько милліоновъ; 3 ноября—о признаніи несостоятельными бакинской купчихи Колмановой и управляющаго отдѣленіемъ тифлисскаго банка Колманова съ пассивомъ въ 1.050,000 р.; 6 ноября—о затрудненіяхъ въ платежахъ буксирнаго пароходства Кожебаткина въ Нижнемъ съ балансомъ въ 700.000 руб....

Недоумѣнія относительно основныхъ причинъ кризиса продолжаются, но общественная мысль все настойчивѣе и настойчивѣе начинаетъ искать ихъ не въ орудованіи небольшой кучки спекулянтовъ, которые могли лишь обострить кризисъ на биржѣ, а въ

*) „Сѣверозападное Слово", 29 октября.
**) „Новое Время", 19 октября.
***) „Новое Время", 19 октября.
****) „Русскія Вѣдомости", 6 ноября.

Digitized by Google

общемъ экономическомъ положенiи страны и, въ частности, въ положенiи мужицкой деревни.

Для характеристики положенiя, которое переживаетъ Россiя, фактовъ изъ торгово-промышленной сферы недостаточно. Чтобы понять серьезность момента, нужно обратиться за ними въ самую глубь Россiи, посмотрѣть на жизнь трудящейся массы и вдуматься въ эту жизнь. Лодзинскiе фабриканты сокращаютъ производство, а рабочимъ ихъ приходится сокращать потребленiе. Волжскiе пароходовладѣльцы терпятъ убытки отъ недостатка грузовъ, главнымъ образомъ, хлѣбныхъ, а приволжскiе крестьяне болѣютъ цынгой, не имѣя ни своего, ни привознаго хлѣба.

Самарская губернская земская управа подготовляетъ докладъ объ обязательныхъ запашкахъ. Въ числѣ матерiаловъ, собранныхъ управой, мы встрѣчаемъ такiя цифры. На крестьянскомъ населенiи губернiи лежитъ долгъ въ 22 миллiона рублей, что составляетъ въ среднемъ 40 руб. на дворъ. Долгъ, главнымъ образомъ, продовольственный. Изъ 36 лѣтъ существованiя земскихъ учрежденiй въ теченiе 29 лѣтъ губернское земство, а въ теченiе 16 и правительство оказывали продовольственную помощь населенiю и только въ теченiе семи лѣтъ не оказывали ея... Съ 1883 года не было *ни одного* года, когда бы населенiе губернiи не получало правительственной и губернской земской помощи"... „Правительство и земство оказывались вынужденными *кормить* населенiе одной изъ самыхъ плодородныхъ губернiй въ теченiе огромнаго перiода времени въ 16 лѣтъ непрерывно и употребили на это десятки миллiоновъ рублей. Мы не говоримъ о продовольственной помощи населенiю изъ средствъ уѣздныхъ и сельскихъ продовольственныхъ капиталовъ" *). Кормили, конечно, не до сыта; особенно это нужно имѣть въ виду относительно Самарской губернiи, гдѣ существуютъ обязательныя запашки, безъ каковыхъ продовольственная ссуда не выдается вовсе. Между тѣмъ, разложенiе деревни на богатыхъ и бѣдныхъ ведетъ къ тому, что при обязательности запашки, какъ условiя продовольственной помощи, бѣдные не могутъ получить ссуды, потому что богатые не согласны на обязательную общественную запашку и предпочитаютъ свою товарищескую". Ссуды выдавались, стало быть, главнымъ образомъ „богатымъ" т. е. имѣющимъ лошадей. Безлошадныхъ, т. е. вовсе не имѣющихъ возможности участвовать въ запашкахъ въ губернiи, свыше 25%. „Продовольственныя ссуды de facto являются безвозвратными", возникаетъ уже вопросъ о ходатайствѣ передъ правительствомъ „о снятiи съ земства гарантiи продовольственныхъ ссудъ и о принятiи продовольственной помощи на счетъ правительства, какъ мѣры общегосударственной благотворительности, непосильной для отдѣльныхъ земствъ".

*) Цитируемъ по „Русскимъ Вѣдомостямъ" отъ 6 ноября.


Digitized by Google

Въ минувшемъ мѣсяцѣ исполнилось двадцатипятилѣтіе литературно-публицистической дѣятельности Г. А. Джаншіева. Все время онъ оставался горячимъ и неизмѣннымъ поклонникомъ освободительныхъ идей 60-хъ годовъ. „Можно безъ преувеличенія сказать, что не было ни одного вопроса, не было ни одного нападка, такъ или иначе связанныхъ съ великими принципами преобразовательной эпохи, на которые Г. А. Джаншіевъ не отозвался бы и при томъ не въ сухой, докторальной формѣ, а съ тою горячностью и страстностью, на которыя способенъ только писатель, не проводящій пограничной черты между своею личною и общественною жизнью, влагающій свою душу въ литературныя работы“ *). Изъ многочисленныхъ статей Григорія Аветовича наибольшимъ успѣхомъ среди широкой публики пользуются его „историческія справки“ изъ эпохи великихъ реформъ, собраніе которыхъ и составляетъ книгу. Постепенно разростаясь въ своемъ объемѣ, она въ короткій срокъ выдержала семь изданій, т. е. имѣла рѣдкій и, можетъ быть, даже единственный въ своемъ родѣ успѣхъ.

Многочисленность читателей Г. А. Джаншіева—это фактъ, не только способный доставить нравственное удовлетвореніе ея автору, но и глубоко интересный съ общественной точки зрѣнія. Онъ свидѣтельствуетъ, какъ много въ современномъ обществѣ людей, желающихъ вернуться на забытую дорогу. Хвала тѣмъ, кто, подобно Г. А. Джаншіеву, своими настойчивыми напоминаніями не дали заглохнуть этому желанію...

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 11 ноября, напечатано:

„Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, министры народнаго просвѣщенія, юстиціи и финансовъ и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода, на основаніи примѣч. къ ст. 148 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 10 сего ноября, постановили: прекратить изданіе газеты „Русскій Трудъ“.

А. П.

11. ноября 1899 г.

II.

Судъ надъ убійцей Сморгунера.

Ташкентская трагедія закончена вполнѣ, и теперь обстоятельства этого потрясающаго дѣла можно считать въ значительной степени выясненными. Признавъ полковника Сташевскаго ви-

*) „Юридическая Газета“ № 68.



новнымъ въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи и при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ,—военный судъ постановилъ: по лишеніи подсудимаго всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ, чина полковника, дворянскаго званія и всѣхъ орденовъ и знаковъ отличія—сослать его въ Енисейскую губ., безъ права отлучки изъ мѣста жительства въ теченіе 2-хъ лѣтъ и выѣзда въ другія губерніи Сибири въ теченіи 8-ми лѣтъ. Въ пользу вдовы убитаго взыскать съ убійцы по 400 руб. въ годъ. „Опредѣливъ подсудимому наказаніе по всей строгости законовъ", судъ нашелъ однако, „что по дѣлу представляются особыя обстоятельства, служащія къ смягченію участи подсудимаго" и потому постановилъ ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ объ ограниченіи наказанія заключеніемъ Сташевскаго на 2 года въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ.

Каковы-же эти обстоятельства, повліявшія на смягченіе приговора? Прежде всего—они заключаются вовсе не въ поведеніи Сморгунера. Всѣ извѣстія, до сихъ поръ обильно притекающія въ газеты изъ глубоко взволнованнаго трагедіей Ташкента,—только подтверждаютъ вполнѣ корректное поведеніе покойнаго. Онъ былъ адвокатъ и редакторъ и дѣйствовалъ въ качествѣ адвоката и редактора согласно со своимъ долгомъ. Словъ, ему приписанныхъ на судѣ, онъ не говорилъ, отъ нападенія Сташевскаго пытался защититься между прочимъ тѣмъ оружіемъ, какое было въ его рукахъ: отъ непосредственнаго нападенія 2-го сентября—книгой, отъ дальнѣйшихъ покушеній—преданіемъ гласности всего инцидента.

Наоборотъ, поведеніе полковника Сташевскаго во все время отмѣчено необыкновенной опрометчивостію и отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ понятій о дѣйствительныхъ требованіяхъ чести. Здѣсь не было не только попытки разслѣдовать дѣло и защитить честь полка (если-бы эта защита потребовалась)—законными средствами; здѣсь не было даже рѣчи о дуэли. Полковникъ Сташевскій сразу пускаетъ въ ходъ нагайку, а затѣмъ револьверъ...

Такимъ образомъ и не въ поведеніи полковника Сташевскаго заключаются тѣ „смягчающія обстоятельства", которыя признаны судомъ.

И, однако, они существовали, и если покойный Сморгунеръ палъ невинной жертвой дикихъ и извращенныхъ понятій о чести, то убійца, несомнѣнно тяжко виновный, является, въ свою очередь, до извѣстной степени жертвой.

Прежде всего, конечно, жертвой тѣхъ-же извращенныхъ понятій, согласно которымъ нагайка и пуля въ мирное время и противъ своихъ-же согражданъ являются дозволительными „орудіями чести". Но, и кромѣ этого, полковникъ Сташевскій явился

Digitized by Google

лишь орудіемъ какихъ-то сторонних „обстоятельствъ". Пылкій, и, повидимому, мало разсуждающій — онъ сильно поддавался ихъ вліянію.

Объ этомъ давно уже пишутъ довольно ясно всѣ корреспонденты. Уже въ письмѣ Джорджикіа, приведенномъ нами въ прошломъ мѣсяцѣ, этотъ мотивъ звучитъ довольно замѣтно... Въ статьѣ „Правда по дѣлу объ убійствѣ Сморгунера" *), напечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", указавъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что самое запрещеніе печатанія судебнаго отчета въ „Русск. Туркестанѣ" имѣло, косвенно, роковое значеніе для распространенія невѣрныхъ слуховъ, авторъ продолжаетъ: въ 71 номерѣ „Туркестанскихъ Вѣдомостей" объявлено, что слѣдствіе по дѣлу окончено, и что оказались значительно смягчающія виновность Сташевскаго обстоятельства. Будемъ съ нетерпѣніемъ ждать суда, чтобы затѣмъ убѣдиться, *былъ-ли гласъ народа гласомъ божіимъ*" относительно условій, повліявшихъ на полковника Сташевскаго, „и безъ того не пришедшаго въ нормальное состояніе послѣ произведеннаго надъ Сморгунеромъ насилія" **).

Въ „Закаспійскомъ Обозрѣніи" теперь появился уже полный отчетъ о дѣлѣ полковника Сташевскаго и въ этомъ отчетѣ мы встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующія интересныя подробности, которыя уже раньше стали намъ извѣстны изъ писемъ. Послѣ того, какъ полковникъ Сташевскій 2-го сентября произвелъ свое нападеніе на Сморгунера, онъ сказалъ между прочимъ: „Если вы въ своей поганой газеткѣ осмѣлитесь написать еще что нибудь про офицеровъ,—я васъ пристрѣлю, какъ поганую собаку!.." Сморгунеръ рѣшилъ апеллировать противъ этого нападенія къ общественному мнѣнію и составилъ о фактѣ замѣтку для „Русскаго Туркестана". Слѣдуетъ-ли это считать „вызовомъ", смягчающимъ вину убійцы? Очевидно нѣтъ, такъ какъ у прессы есть уже своя цензура, и ни одинъ уважающій себя писатель не можетъ и не долженъ признавать для себя обязательными изъятія тѣхъ или другихъ предметовъ обсужденія еще по „приказу" того или другого частнаго лица... Пытаясь огласить фактъ грубаго насилія и отсылая свою замѣтку въ цензуру, Сморгунеръ пользовался своимъ законнымъ правомъ. Болѣе того: онъ исполнялъ свой долгъ, такъ какъ, повинуясь грубому приказу полковника Сташевскаго, былъ бы повиненъ въ трусости и малодушіи. Оттиски статей, назначенныхъ для газеты, посылались обыкновенно въ двухъ экземплярахъ: одинъ поступалъ къ цензору, другой отсылался „исполнявшему должность начальника города", подполковнику Ладыженскому.

*) „С.-Петербугскія Вѣдомости", № 296.
**) „Петербургскія Вѣдомости" № 296.

Digitized by Google

Цензоръ, вѣроятно, имѣя въ виду обостренность отношеній по этому дѣлу,—замѣтку не пропустилъ. Такимъ образомъ, одинъ оттискъ вернулся въ редакцію съ цензурной помѣткой. Другой... что совершенно уже неожиданно попалъ въ руки полковника Сташевскаго!

На судѣ послѣдній отказался назвать лицо, отъ котораго онъ получилъ оттискъ статьи, *не пропущенной цензурой* и значитъ не подлежавшей оглашенію. Но изъ отчета видно, что г. Ладыженскій, получивъ корректурный оттискъ, послалъ его Сташевскому (какъ самъ онъ говорилъ на судѣ), „чтобы онъ могъ своевременно принять мѣры къ тому, чтобы статья „Насиліе и угрозы револьверомъ“ не появилась“. Такимъ образомъ, результатъ, къ которому стремилась мѣстная цензура,—получился въ совершенно обратномъ видѣ: общественное значеніе факта исчезло, возможное вліяніе благоразумныхъ убѣжденій и общественнаго мнѣнія на изступленнаго человѣка—устранено. Но самъ изступленный человѣкъ былъ снабженъ оттискомъ недозволенной статьи!

Окончательное рѣшеніе покончить съ Сморгунеромъ явилось у полковника Сташевскаго именно по прочтеніи корректурнаго номера „Русскаго Туркестана“, говорится въ отчетѣ по дѣлу, напечатанномъ въ „Закасп. Обозрѣніи“ (№ 230) *). На вопросъ своего начальства о причинахъ убійства—полковникъ Сташевскій отвѣтилъ: „сейчасъ покажу“ и подалъ корректурный оттискъ. Такимъ образомъ,—комментируетъ другая газета („Сѣв. Курьеръ“, № 6). Сморгунеръ подвергся нападенію за фразу—не имъ сказанную, и заплатилъ жизнію за статью, не увидавшую свѣта“.

Таковы обстоятельства дѣла, вскрывшіяся на судѣ...

„Мы не сторонники жестокихъ каръ и суровыхъ возмездій,—говорили по этому поводу въ одной газетѣ,—тѣмъ болѣе, что вина здѣсь... въ общемъ тонѣ жизни“ *). Мы тоже не сторонники суровыхъ возмездій quand même. Мы полагаемъ. только, что необходимо какимъ нибудь способомъ показать, что никто изъ русскихъ людей не въ правѣ *ни изъ какихъ видовъ и соображеній* постановлять единолично смертные приговоры и съ такою легкостію приводить ихъ въ исполненіе. Необходимо дать понять, что честь полка можетъ быть запятнана преступно пролитой за нее кровью гораздо больше, чѣмъ какими бы то ни было словами постороннихъ людей. Необходимо напомнить тѣмъ, кто, быть можетъ, раздѣляетъ мрачное заблужденіе полковника Сташевскаго,—для чего военнымъ людямъ дается оружіе и какое употребленіе его должно считаться тягчайшимъ изъ преступленій.

Конечно, быть можетъ, суровость кары не единственное средство для этого...

Вл. Кор.

*) Заимствуемъ изъ „Сына Отеч.“, № 300.

**) „Сынъ Отеч.“, 5 ноября.



Литература и жизнь.

О „повѣстяхъ и разсказахъ“ г-жи Лѣтковой.—О двойственныхъ чувствахъ и одиночествѣ.—О рабствѣ и условіяхъ, при которыхъ „стыдно жить“.

За послѣдніе годы, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, форма романа, съ его широкими картинами политической, общественной или интимной жизни, если и не вытѣсняется формою „очерковъ и разсказовъ“, то во всякомъ случаѣ предоставляетъ ей рядомъ съ собой очень видное мѣсто. Трудно сказать, до какихъ предѣловъ дойдетъ эта „эволюція“,—трудно пока указать и причины ея. Жизнь ли становится слишкомъ сложна для того, чтобы художникъ отваживался охватить ея общія и широкія теченія въ одномъ цѣльномъ произведеніи; самъ ли художникъ становится слишкомъ нервенъ и нетерпѣливъ, чтобы сдерживать свое творчество въ ожиданіи возможности крупныхъ итоговъ; читатель ли, поглощеннный обостренной борьбой за существованіе, можетъ удѣлять беллетристикѣ свое вниманіе лишь урывками и на короткіе сроки, и беллетристы отвѣчаютъ на невыраженный спросъ читателя; или все это вмѣстѣ; или еще что нибудь тутъ вліяетъ,—это дѣло будущаго историка литературы. Намъ, современникамъ, пока еще не все здѣсь достаточно ясно видно. Можно однако съ увѣренностью сказать, что не оскудѣніемъ талантовъ объяснитъ дѣло будущій историкъ литературы, по крайней мѣрѣ не имъ однимъ. Оскудѣніе талантовъ, конечно, временное, не подлежитъ, я думаю, сомнѣнію, но достаточно вспомнить повѣсти и разсказы Мопассана, чтобы не валить все дѣло на неурожай. Да и помимо фактическихъ иллюстрацій не видно, почему бы маленькій очеркъ требовалъ отъ художника меньшей творческой силы, чѣмъ романъ. Скорѣе напротивъ. Въ большомъ романѣ художника можетъ выручить общій замыселъ, удачный выборъ котораго доступенъ всякому умному и наблюдательному человѣку, хотя бы и лишенному большой творческой силы; художественные промахи и слабыя части могутъ быть искуплены отдѣльными удачными подробностями. Въ маленькомъ „очеркѣ“, „этюдѣ“, „разсказѣ“ требуется, напротивъ, такая сжатость и равномѣрность частей, среди которой рѣжетъ ухо всякая фальшивая нота, и уже самыя условія времени и мѣста не даютъ автору возможности загладить впечатлѣніе этой фальшивой ноты.

Изъ этого не слѣдуетъ, разумѣется, чтобы авторы наводняющихъ нынѣ нашъ книжный рынокъ сборниковъ „разсказовъ и очерковъ“, „очерковъ и картинокъ“, „этюдовъ и очерковъ“ и т. п. были все Мопассаны. Есть и у насъ крупные художники, поль-


Digitized by Google

зующіеся этой формой, но въ огромной массѣ авторы „очерковъ и картинокъ"—будемъ вѣжливы—большими дарованіями не блещутъ. Есть, конечно, между ними и болѣе талантливые, и менѣе талантливые, но въ огромномъ большинствѣ ихъ васъ поражаетъ одна черта: отсутствіе физіономіи, какая-то безличность, въ которой тонутъ всякія особенности г. А и г-жи Z, г-жи В и г. X. Какъ бы ни были, повидимому, разнообразны сюжеты ихъ произведеній и пріемы изложенія, вы всякій разъ точно встрѣчаетесь съ какимъ-то знакомымъ лицомъ, которое однако, благодаря расплывчатости и неопредѣленности его чертъ, не фиксировалось въ вашей памяти, какъ особь, какъ единица, какъ индивидъ. Вы знаете всѣхъ этихъ авторовъ и не знаете ни одного изъ нихъ. И зависитъ это не только отъ того, что уровень ихъ талантливости приблизительно одинаковъ, а и отъ общей имъ черты, которую я сейчасъ не могу назвать лучше, какъ безпорядочностью вниманія.

Безконечно сложна и пестра жизнь. Какъ оріентируется въ ней художникъ? какъ выбираетъ изъ нея явленія или группы явленій для художественнаго возсозданія?—потому что выбирать приходится: ковшомъ моря не вычерпаешь. А между тѣмъ именно нѣчто въ родѣ вычерпыванія моря ковшомъ продѣлываютъ въ большинствѣ авторы „очерковъ и разсказовъ". Они не выбираютъ, а изображаютъ все, что случайно почему нибудь поразитъ ихъ зрѣніе или слухъ: сегодня одно, завтра другое, или совсѣмъ ничего общаго съ первымъ не имѣющее, или же связанное съ нимъ лишь матеріально,—мѣстомъ дѣйствія, извѣстнымъ слоемъ общества,—а не въ собственной душѣ автора, не въ его личности. Явленій жизни болѣе и менѣе важныхъ, болѣе и менѣе его волнующихъ для него не существуетъ. Иные называютъ это „пантеизмомъ": все равноцѣнно, и нѣтъ резона останавливать вниманіе на А или В предпочтительно передъ С. или Д. Слово „атеизмъ" было бы, я думаю, въ этомъ случаѣ умѣстнѣе, ибо, если А, В, С, D, и т. д. равноцѣнны, то лишь потому, что въ самомъ оцѣнщикѣ нѣтъ собственнаго, лично имъ добытаго мѣрила вещей, нѣтъ „живого Бога", какъ выражается одинъ изъ героевъ г. Чехова. Но дѣло не въ словахъ,—пусть „пантеизмъ". Безличность творчества — естественный результатъ такого положенія, и выдѣлить художника, зараженнаго этимъ пантеизмомъ, въ особую единицу съ опредѣленною физіономіей, можетъ только очень большой талантъ. Таковъ, напримѣръ, талантъ г. Чехова, давно уже, впрочемъ, кажется, разставшагося съ безпечальнымъ и безрадостнымъ, безвыборнымъ „пантеизмомъ". Но не нужно быть красавцемъ, чтобы имѣть опредѣленную, оригинальную, легко различаемую среди другихъ физіономію,—для этого достаточно того, что называется выраженіемъ лица, свидѣтельствующимъ о нѣкоторой внутренней, духовной работѣ; выраженіе это можетъ

Digitized by Google

быть привлекательно или отталкивающе,—это другой вопросъ, но его присутствіе во всякомъ случаѣ индивидуализируетъ лицо помимо его красоты или безобразія. Точно также не нужно обладать Чеховскимъ талантомъ, чтобы стать опредѣленною „особью" въ „разсыпанной храминѣ" очерковъ и разсказовъ: нужно только имѣть „Бога живого" въ душѣ, чѣмъ нибудь очень интересоваться, что нибудь очень любить или ненавидѣть, чего нибудь очень бояться или жалѣть. Эта-то внутренняя работа и дастъ автору очерковъ и разсказовъ опредѣленную физіономію, руководя его вниманіемъ среди многоцвѣтныхъ, многогранныхъ, многошумныхъ явленій жизни. Удачно ли будетъ направлено вниманіе, дѣйствительно ли заслуживаютъ интереса, любви, ненависти, страха, желанія захваченныя явленія, — это опять таки другой вопросъ.

Не касаясь беллетристовъ старшаго возраста, которые, хотя и пользуются формой очерковъ и разсказовъ, но не разстаются и съ формой романа, можно указать нѣкоторыхъ авторовъ очерковъ и разсказовъ, соединяющихъ талантливость съ извѣстною опредѣленностью физіономіи. Назовемъ, напримѣръ, г-жу Гиппіусъ, съ одной стороны, и г. Вересаева съ другой. И тотъ, и другая не звѣзды какія нибудь художественныя, но несомнѣнно талантливы и несомнѣнно выдѣляются изъ массы. Чѣмъ именно однако? Это станетъ намъ особенно ясно, если мы сопоставимъ ихъ съ третьимъ и уже гораздо болѣе талантливымъ авторомъ очерковъ и разсказовъ,—г. Максимомъ Горькимъ. Г. Горькій открылъ, можно сказать, новый рудникъ наблюденій и, разрабатывая его своимъ яркимъ дарованіемъ, показалъ намъ много сложныхъ и тонкихъ движеній человѣческой души, характерныхъ для данной среды, но не ей одной свойственныхъ. Такъ было когда-то съ Островскимъ, который, рисуя купечество, показалъ этимъ цѣлое „темное царство" и тѣ свѣтильники, которые тамъ подъ столомъ стоятъ, и все, что загорается, свѣтится и гаснетъ въ этой тьмѣ. Герои г. Горькаго босяки, но они не только босяки, они живые люди, чьи радости и горести намъ близки, хотя мы и въ сапогахъ ходимъ. Многое для насъ здѣсь ново, но вмѣстѣ съ тѣмъ многое и знакомо по собственному опыту, въ иныхъ, конечно, комбинаціяхъ. Дѣло въ томъ, что было бы что комбинировать. Большинство авторовъ очерковъ и разсказовъ орудуютъ топоромъ, а не скальпелемъ. Оно и понятно: плотниковъ на свѣтѣ больше, чѣмъ анатомовъ. Но понятно также, что результаты топорной работы слишкомъ грубы и однородны, чтобы образовать сложныя комбинаціи, а душа человѣческая слишкомъ сложная, тонкая и часто исполненная внутреннихъ противорѣчій вещь, чтобы поддаваться топорной работѣ. Если мнѣ дана картина человѣческой души во всей ея сложности, то я навѣрное найду въ ней хоть нѣкоторые элементы, которые такъ или иначе, въ положитель-

Digitized by Google

номъ или отрицательномъ смыслѣ, встрѣтятъ отзвукъ въ моихъ собственныхъ душевныхъ движеніяхъ. Великіе мастера тѣмъ и приковываютъ насъ къ себѣ и къ изображаемому ими міру. Бѣда только въ томъ, что психологія о двухъ концахъ, и погоня за оригинальными, тонкими и сложными душевными движеніями часто разрѣшается вычурностью. Къ сожалѣнію, въ творчествѣ г. Горькаго замѣчается уклонъ въ эту сторону, а творчество г-жи Гиппіусъ и совсѣмъ въ этой вычурности погрязло. Другое дѣло г. Вересаевъ. Началъ онъ съ тонкаго анализа человѣческой души въ извѣстныхъ особенныхъ положеніяхъ, и это были прекрасныя страницы, доставившія много хорошаго волненія читателямъ. Но молодой авторъ быстро оставилъ эту благодарную почву и далъ намъ въ „Повѣтріи" словесную дуэль между марксистами и народниками. Это уже не живые люди, которымъ мы можемъ сорадоваться и сострадать, это схемы, ходячія теоріи, съ которыми можно только спорить, какъ спорятъ они между собою, но гораздо цѣлесообразнѣе взять соотвѣтственныя книжки и статьи и изъ нихъ узнать въ чемъ дѣло.

Мимоходомъ сказать, наши споры о марксизмѣ и народничествѣ, совершенно независимо отъ того, выяснили-ли они что-нибудь или нѣтъ, и если выяснили, то что именно, имѣли, между прочимъ, далеко не полезное вліяніе на нашу беллетристику и литературную критику. Припомнимъ хоть тотъ совершенно незаслуженный шумъ, который вызвали „Мужики" г. Чехова, собственно потому, что въ нихъ усмотрѣно было свидѣтельство „деревенскаго идіотизма" и превосходство городской культуры въ лицѣ трактирнаго полового. Или вотъ, напримѣръ, одинъ журналъ обѣщаетъ на будущій годъ, между прочимъ, статью подъ заглавіемъ: „Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка". Тема, конечно, интересная, и нѣкоторые романы и разсказы г. Мамина могутъ дать для нея богатый матеріалъ. Но не значитъ-ли это подходить къ художнику съ боку, настигать его не въ живомъ центрѣ его творчества, а на одной изъ окраинъ? И не столь-ли же это односторонне, какъ цѣнить писателя исключительно съ эстетической точки зрѣнія? Или еще примѣръ. Гл. Успенскій очень часто поминается современною критикою, при чемъ критикою, настаивающею на необходимости для искусства „совершенствоваться въ своей спеціальности"; но поминается исключительно подъ угломъ „земледѣльческихъ идеаловъ", „красоты ржаного поля", „власти земли" и проч. Все это, конечно, очень интересно и важно, и самого Успенскаго очень занимало. Но въ его-же сочиненіяхъ есть цѣлая сокровищница тончайшихъ психологическихъ наблюденій гораздо болѣе общаго характера; въ томъ смыслѣ болѣе общаго, что если вопросами объ экономикѣ, какъ фундаментѣ, и т. п. волнуются, скажемъ, даже тьмы, то упомянутыми движеніями живутъ тьмы темъ.

Digitized by Google

На эти (и на многія другія, какъ увидитъ читатель) мысли навели меня два недавно вышедшіе томика „повѣстей и разсказовъ“ г-жи Лѣтковой. Всѣ эти повѣсти и разсказы были уже раньше напечатаны въ журналахъ (преимущественно, кажется, въ „Русской Мысли“), но въ отдѣльности они проходили мало замѣченными, и объ нихъ только и можно было сказать: всегда умно и тонко задумано и почти всегда талантливо, хотя и не ровно исполнено. Теперь другое дѣло. Теперь сами собою бросаются въ глаза нити, руководящія вниманіемъ автора, вслѣдствіе чего его литературная физіономія получаетъ интересъ, какой рѣдко вызываютъ авторы „повѣстей и разсказовъ“, „разсказовъ и очерковъ“ и т. п. Вниманіе г-жи Лѣтковой не разбѣгается по безбрежному морю жизни, волны котораго могутъ, сами по себѣ, безцѣльно и безсмысленно носить мысль писателя, какъ щепку, лишенную собственной воли и свободнаго выбора. Она вноситъ въ это море нѣчто личное, около чего и соображаясь съ чѣмъ кристаллизуются явленія жизни въ литературную форму; и это личное, во первыхъ, такъ значительно, а во вторыхъ, такъ ясно, такъ прозрачно ясно, что не только не боится встрѣчъ съ сложнѣйшими и на первый взглядъ загадочными явленіями, а даже ищетъ ихъ.

Героиня самаго большого и самаго значительнаго по содержанію, а можетъ быть и по исполненію, разсказа г-жи Лѣтковой („Мертвая зыбь“ онъ называется) пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Меня всегда тянуло въ двѣ стороны; самоотреченіе, гуманность, самопожертвованіе на пользу обездоленныхъ и страдающихъ, радость чужому счастью, состраданіе чужимъ слезамъ... Съ другой стороны: безсознательная, но мучительная жажда личнаго счастья, жажда ласкъ, красоты, нѣги... Я пыталась оправдать себя наслѣдственностью. Моя мать — олипотворенный принципъ альтруизма, отецъ — добрый, симпатичный кутила, рабъ своихъ страстей“. „Какая это все натяжка!“—заключаетъ въ порывѣ самообличенія Елена Борисовна Бармина (такъ зовутъ героиню „Мертвой зыби“). Однако, и въ самомъ концѣ разсказа, въ письмѣ, въ которомъ она прощается съ своимъ возлюбленнымъ, оставляя ему свой дневникъ, она пишетъ: „Я оставляю тебѣ эту тетрадь... Я завела ее для того, чтобы имѣть возможность разбираться въ себѣ, постоянно слѣдить за борьбой разума съ чувствомъ, постоянно ловить себя на *двойственности моей несчастной природы*“.

Объ этомъ рѣшительномъ и непримиримомъ, какъ думаетъ Елена Борисовна, внутреннемъ противорѣчіи, пронизывающемъ всю ея жизнь, рѣчь у насъ пойдетъ ниже по существу. Здѣсь пока оно интересуетъ меня только, какъ явленіе, остановившее на себѣ вниманіе автора. Надо замѣтить, что героиня „Мертвой зыби“ и отдѣльные моменты своей жизни характеризуетъ противорѣчивыми терминами. Она записываетъ въ своемъ дневникѣ: „Какъ хорошо жить, какъ страшно жить!“ „Я еще никогда въ

Digitized by Google

жизни такъ не мучилась... и никогда въ жизни не была такъ счастлива". „Стыдно, но хорошо жить на свѣтѣ". И т. п. Не безъинтересно также отмѣтить обращенный къ Еленѣ Борисовнѣ ея возлюбленнымъ злой, но фактически не очень преувеличенный упрекъ: „Ты всегда была такая: дѣвушкой, окруженная шестидесятниками, ты думала объ офицерахъ; теперь, среди роскошнѣйшей въ мірѣ природы (въ Сициліи), болѣешь о нищихъ и голодныхъ".

Въ разсказѣ „Лушка" три дѣйствующихъ лица: девятилѣтняя дѣвочка Лушка, ея семимѣсячный братъ Ѳедька и ихъ мать, пьяная и распутная солдатка Авдотья. Лушка съ пяти лѣтъ няньчитъ своихъ „братцевъ", которые одинъ за другимъ быстро умираютъ,—вотъ только Ѳедька до семи мѣсяцевъ дожилъ. Дѣвочка хочетъ жить такою же жизнью, какъ ея сверстницы и сверстники, но Ѳедька связываетъ ее по рукамъ и по ногамъ, не даетъ жить, но вмѣстѣ съ тѣмъ она сердцемъ привязалась къ мальчишкѣ. „Она постоянно жалѣла Ѳедьку, хотя постоянно злилась на него. Злилась за то, что должна была весь день носить его на рукахъ, что ее звали „кривая нянька", что не могла ни бѣгать, ни играть съ дѣтьми, что не имѣла ни минуты свободной". Безпутная мать утѣшаетъ ее: „вотъ Господь приберетъ, тогда и гуляй себѣ на здоровье". Лушка и сама молилась о томъ, чтобы Богъ „прибралъ" Ѳедьку, а тотчасъ послѣ молитвы „ласково и любовно няньчила брата, съ жалостью глядѣла на его пухлое личико съ беззубымъ ртомъ, цѣловала его, зная, что скоро придется разстаться съ нимъ". Кончается дѣло тѣмъ, что Лушка, оскорбленная насмѣшками ребятишекъ, не помня себя, въ безумномъ гнѣвѣ начинаетъ колотить Ѳедьку и заколачиваетъ до смерти. Увидя это, „дѣвочка поблѣднѣла, какъ полотно, и припала губами къ открытому рту ребенка"... Такія же противорѣчивыя, двойственныя, любовно-враждебныя отношенія связываютъ Лушку съ матерью.

Этотъ мотивъ противоестественнаго, казалось бы, сочетанія любви и вражды и соотносительной комбинаціи наслажденія и страданія проходитъ едва ли не черезъ всѣ повѣсти и разсказы г-жи Лѣтковой. Кромѣ „Мертвой зыби" и „Лушки", онъ мелькаетъ въ воспоминаніяхъ героини „Отдыха", играетъ существенную роль и въ „Счастьи", и въ „Горѣ", и въ „Лишней", и въ „Чудачкѣ", и въ „Бабьихъ слезахъ". Особенно часто возвращается г-жа Лѣткова къ любовно-враждебнымъ отношеніямъ между матерями и дочерьми. Любопытенъ въ этомъ отношеніи разсказъ „Горе", слабѣйшій изъ всѣхъ, да и прямо неудачный. Онъ цѣликомъ, безъ тѣней, безъ единаго вводнаго лица или сколько нибудь посторонняго обстоятельства, посвященъ изображенію любовно-враждебныхъ отношеній между видавшей когда то лучшіе дни пьяницей-матерью и двумя ея дочерьми. Выходитъ слишкомъ элементарно, схематично и грубо. Разсказъ инте-

Digitized by Google

ресенъ только какъ черезчуръ подчеркнутое указаніе на точки и линіи жизни, привлекающія къ себѣ вниманіе автора.

Сочетаніе любви и ненависти, равно какъ страданія и наслажденія—явленія слишкомъ сложныя для обработки ихъ топоромъ и даже не замѣчаемыя мастерами топорной работы, и слишкомъ деликатныя, чтобы по отношенію къ нимъ была позволительна вычурность. Люди узкіе и прямолинейные ихъ не знаютъ, или знаютъ только въ грубыхъ формахъ, напримѣръ, ревности, которая обыкновенно представляетъ собою нѣкоторый переплетъ любовныхъ и враждебныхъ чувствъ, а для художниковъ низшихъ сортовъ соблазнительна эффектами возможнаго уголовнаго разрѣшенія. Я не говорю, разумѣется, чтобы эта тема была недостойна и великихъ художниковъ. Достаточно вспомнить шекспировскаго Отелло. Изъ нашихъ большихъ художниковъ ревность особенно интересуетъ гр. Толстого (въ „Казакахъ“ въ „Семейномъ счастьи“, во многихъ мѣстахъ „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, наконецъ въ „Крейцеровой сонатѣ“,—все crescendo, все ярче и больнѣе). Но вопросъ въ томъ, какъ трактовать это „чудовище съ зелеными глазами“, способное „само себя питать“,—брать ли его въ элементарной животной формѣ или въ той сложной и мучительной сѣти, которая составляется изъ воображаемыхъ или дѣйствительныхъ обидъ высшаго порядка, изъ подозрѣній или увѣренности въ предательствѣ, изъ надламывающейся вѣры въ человѣческое достоинство, изъ остатковъ поруганной любви и возникающаго броженія ненависти или презрѣнія и проч. Все это, конечно, недоступно прямолинейнымъ и узкимъ мастерамъ топорной работы.

Это, впрочемъ, мимоходомъ, такъ какъ собственно ревность мало занимаетъ г-жу Лѣткову. Она ея касается мимоходомъ въ „Лишней“ да въ „Мертвой зыби“, и это, кажется, все. Ея вниманіе поглощено совсѣмъ другими двойственными, противорѣчивыми, любовно-враждебными чувствами, далеко выходящими изъ круга спеціально-любовныхъ отношеній между мужчинами и женщинами. Это, если хотите, отчасти темы Достоевскаго. Но у г-жи Лѣтковой нѣтъ ни силы Достоевскаго, ни жестокости этой силы, ни мистической вѣры въ стихійную непреоборимость двухъ противорѣчивыхъ положеній: „человѣкъ любитъ мучить другихъ людей“—„человѣкъ любитъ терпѣть мученія отъ другихъ людей“. На этихъ двухъ нотахъ, вмѣстѣ и порознь взятыхъ, могучій талантъ разыгрывалъ удивительнѣйшія пьесы, въ которыхъ было много не только увлекательно-мучительнаго или мучительно-увлекательнаго, но и много вѣрнаго дѣйствительности, хотя это вѣрное было почти всегда воспроизведеніемъ и обобщеніемъ уродства. Во всякомъ случаѣ психологическія фантазіи Достоевскаго имѣютъ ту отрицательную цѣну, что колеблятъ вульгар-

Digitized by Google

ныя положенія: „человѣкъ ищетъ наслажденія“ и „человѣкъ бѣжитъ страданія“, положенія, будто бы равняющіяся другому: „человѣкъ хочетъ счастья“. Да, конечно, человѣкъ хочетъ счастья, но счастье и наслажденіе не синонимы, по крайней мѣрѣ для людей, стоящихъ на извѣстной ступени развитія.

Недавно одинъ начинающій поэтъ принесъ мнѣ тетрадь своихъ стихотвореній, изъ которыхъ меня особенно заинтересовало одно, написанное „на аджарскій мотивъ“. Человѣкъ умеръ, и душа его отлетѣла въ горнія селенія на райское блаженство, но вотъ наступилъ ея чередъ возвращаться на землю, и мысль о предстоящихъ земныхъ дѣлахъ, скорбяхъ и радостяхъ была ей „пріятна“. Я замѣтилъ молодому стихотворцу, что это слово „пріятна“, вполнѣ умѣстное въ смыслѣ ритма и риѳмы, тѣмъ не менѣе рѣжетъ ухо: пріятно выкурить папиросу, пріятно съѣсть кусокъ кулебяки, но, чтобы характеризовать напряженность тяготѣнія человѣка къ земнымъ дѣламъ даже послѣ райскаго блаженства,—слово „пріятно“ слишкомъ бѣдно, блѣдно. И это портитъ оригинальную мысль и поэтическій колоритъ стихотворенія. Поэтъ отвѣтилъ, что это точный переводъ съ аджарскаго. Очень вѣрю. Полудикій аджарецъ можетъ располагать всѣ явленія жизни въ полярности пріятнаго и непріятнаго, и, можетъ быть, для него весь смыслъ пѣсни, переложенной молодымъ поэтомъ, исчерпывается тѣмъ, что въ раю хорошо, пріятно, да шашлыка не даютъ, а шашлыкъ ѣсть пріятно. Однако, и въ жизни аджарца могутъ быть моменты, когда онъ затруднился бы квалифицировать свое душевное состояніе столь бѣдно и одноцвѣтно. Если онъ, самъ смертельно раненый, во исполненіе священнаго для него закона кровавой мести убилъ врага, двухъ, десять враговъ, весь вражескій родъ истребилъ,—страдаетъ онъ или наслаждается? „Пріятно“ или „непріятно“ было христіанскому мученику, когда онъ, терзаемый львами и пантерами, твердо вѣрилъ, что душа его сейчасъ, сію минуту послѣ того, какъ покинетъ истерзанное тѣло, вкуситъ райское блаженство и вѣчную жизнь? Есть высшіе моменты счастья, столь высокіе, что къ нимъ даже не идетъ опошленное слово счастье; опошленное, потому что вѣдь и „дуракамъ счастье“, и есть счастливые игроки въ карты и на конскихъ скачкахъ. Въ эти высшіе моменты исчезаетъ самый вопросъ о пріятномъ и непріятномъ, страданіи и наслажденіи, хотя бѣдность языка и заставляетъ насъ всетаки употреблять эти слова. Въ объятіяхъ сфинкса Гейне чувствовалъ и Schmerz, и Lust, и страданіе, и наслажденіе, но и то и другое было unermeszlich—неизмѣримо, и, слѣдовательно, не было между ними границы, они сливались въ одно цѣлое. Это высшій, напряженнѣйшій моментъ счастья любви, но подобные моменты есть и въ религіозной жизни, и въ политической, и въ процессахъ художественнаго творчества, и

Digitized by Google

научнаго познаванія. Ихъ не поймешь и не оцѣнишь вершковой мѣркой „пріятнаго“ и „непріятнаго“. Г-жа Лѣткова знаетъ иную мѣрку...

Но я боюсь, что сопоставленіемъ г-жи Лѣтковой съ Достоевскимъ я даю читателю преувеличенное понятіе о ея художественныхъ силахъ. Тутъ и сравненія никакого не можетъ быть. Но каковъ бы ни былъ стаканъ, изъ котораго пьетъ г-жа Лѣткова, она пьетъ изъ *своего* стакана. Ея повѣсти и разсказы — плодъ самостоятельнаго, серьезнаго наблюденія и размышленія, вдумчиваго отношенія къ жизни и къ задачамъ ея художественнаго воспроизведенія. И я мало знаю за послѣднее время въ литературѣ явленій, которыя, при такой скромной, сдержанной формѣ, были бы столь значительны по содержанію.

Сдержанность,—а еще бы лучше по французски: sobriété—составляетъ отличительную черту писательской манеры г-жи Лѣтковой. Она не любитъ ни длинныхъ описаній, ни кричащихъ эффектовъ, ни рѣзкаго обнаруженія ея собственныхъ, авторскихъ чувствъ. Временами ея сдержанность во всѣ эти стороны способна вызвать даже досадное чувство въ читателѣ. Вотъ, напримѣръ, первыя строки разсказа „Отдыхъ“:

„Солнце горѣло и яркими искрами обсыпало мелкую рябь Волги. Громадное синее небо сіяло спокойной, радостною красотой. Двухъ-этажный пароходъ плавно и быстро катился внизъ по рѣкѣ, оставляя за собою крупныя, лѣнивыя волны. На одномъ изъ береговъ раскинулась березовая роща съ ярко-зелеными полянками, на другомъ величаво вытянулся старый лѣсъ. Ели тѣснились и ползли другъ на друга. Между прямыми, темными стволами было прохладно и жутко. Изрѣдка бѣлѣла и блестѣла серебристая кора березы. Пахло смолой и разогрѣтой хвоей“.

Вотъ и весь волжскій пейзажъ, лишь изрѣдка напоминаемый той или другой подробностью въ дальнѣйшемъ теченіи разсказа. Онъ очень красивъ и вѣренъ, этотъ пейзажъ, и можетъ быть совершенно достаточенъ для введенія въ драму одинокой души, совершающуюся на пароходѣ. Но читателю хотѣлось бы, можетъ быть, подольше посмотрѣть на „обсыпанную яркими искрами горящаго солнца мелкую рябь Волги“, на эти остающіяся за пароходомъ „крупныя, лѣнивыя волны“, на эти „прямые, темные стволы, между которыми прохладно и жутко“...

Г-жа Лѣткова, какъ увидимъ, придаетъ большое и едва ли преувеличенное отрицательное значеніе мелкой и пустой, никому собственно ненужной сутолокѣ, обязывающей людей жить „какъ всѣ“ въ данномъ кругѣ общества. Но, напримѣръ, въ „Праздникахъ “или въ „Чудачкѣ“ она ограничивается въ этомъ направленіи спокойной сдержанной ироніей, когда по ходу дѣла законны были бы гнѣвъ и скорбь. Только въ „Мертвой зыби“

Digitized by Google

даетъ онъ себѣ въ этомъ отношеніи нѣкоторую волю, да и то не себѣ, а героинѣ повѣсти, ведущей дневникъ.

Быть можетъ, тѣмъ же излишествомъ сдержанности слѣдуетъ объяснять и ту нехудожественную торопливость, съ которою авторъ сводитъ къ тому или другому концу нѣкоторыя драматическія коллизіи: отнюдь нельзя сказать, чтобы эти концы были незаконны, чтобы они не вытекали изъ всего хода дѣла, но они были бы болѣе оправданы, еслибы авторъ подольше остановился на промежуточныхъ звеньяхъ.

Съ другой стороны вотъ конецъ „Отдыха":

„Безстрастный глубокій куполъ неба низко прикрылъ землю. Хмурый лѣсъ на берегахъ Волги почернѣлъ. Откуда то неслась протяжная пѣсня, безконечная, заунывная. Пароходъ съ шумомъ дѣлалъ поворотъ, чтобы подойти къ пристани противъ теченія.

„Марья Ниловна пролѣзла подъ перила, подошла къ борту и, не оглядываясь, шагнула впередъ. Никто и не услыхалъ ея паденія. Она исчезла такъ же незамѣтно, какъ и жила".

Таковъ финалъ драмы, на этотъ разъ вполнѣ подготовленный („Отдыхъ" вообще одинъ изъ лучшихъ разсказовъ). И нельзя не оцѣнить сдержанность, съ которою авторъ оставилъ въ сторонѣ отъ читателя предсмертныя муки Марьи Ниловны, возню на пароходѣ, когда узнали объ ея исчезновеніи и пр. т. п. Все это могло бы быть обработано очень эффектно, но совершенно не нужно, такъ какъ весь смыслъ разсказа сводится въ итогѣ къ послѣднимъ строкамъ.

Незамѣтной жизни естественно оборваться незамѣтной смертью, и, можетъ быть, и всякій другой писатель, въ виду этой мрачной, но естественной гармоніи, воздержался бы отъ длиннотъ и кричащихъ эффектовъ. Не то въ „Лушкѣ". Тутъ въ самой фабулѣ разсказа, какъ можно судить уже по вышеприведенному голому остову его, заключаются элементы, очень въ этомъ смыслѣ соблазнительные. Но, благодаря своей сдержанности, авторъ счастливо обошелъ всѣ эти подводные камни. Вообще въ чисто эстетическомъ отношеніи „Лушка" и „Отдыхъ" безупречны, благодаря, между прочимъ, тому изяществу, съ которымъ свѣтлыя группы пароходныхъ спутниковъ Марьи Ниловны въ „Отдыхѣ" и пріѣзжихъ веселыхъ гостей въ „Лушкѣ" оттѣняютъ мрачный фонъ жизни одинокой сироты старой дѣвы и одинокой деревенской дѣвочки.

Онѣ обѣ одиноки, эта старая дѣва и эта несчастная дѣвочка, какъ одиноки почти всѣ главныя дѣйствующія лица г-жи Лѣтковой. И если основной мотивъ ея творчества—противорѣчивыя, двойственныя любовно-враждебныя чувства, то рядомъ съ нимъ стоитъ другой — одиночество. Они находятся въ какой-то связи между собой.

Digitized by Google

Въ извѣстномъ смыслѣ человѣкъ никогда не бываетъ одинокъ. Имъ не былъ и Робинзонъ на своемъ необитаемомъ островѣ, имъ не бываетъ и узникъ, приговоренный къ одиночному заключенію. Въ наивозможно полномъ физическомъ одиночествѣ воспоминанія всетаки связываютъ насъ безчисленными нитями съ живыми людьми, съ авторами книгъ, съ творцами художественныхъ произведеній, чьи мысли и чувства мы восприняли когда-то, отмѣтивъ ихъ для себя положительнымъ или отрицательнымъ знакомъ, съ длиннымъ рядомъ историческихъ, легендарныхъ и фантастическихъ личностей, которыя когда-то такъ или иначе насъ заинтересовали. „Память, демонъ-властелинъ, все будитъ старину", и счастливъ узникъ, если память воскрешаетъ передъ нимъ только то, что онъ хотѣлъ бы воскресить. Но онъ, одинокій, не только находится въ общеніи съ огромнымъ міромъ своего непосредственнаго и посредственнаго опыта, а общеніе это, кромѣ того, принудительно, по крайней мѣрѣ, можетъ оказаться принудительнымъ: не легко, даже при страстномъ желаніи, выгнать изъ памяти иную обиду, иной собственный свой промахъ. И отнюдь нельзя сказать, чтобы духовное общеніе съ многолюднымъ міромъ, разстилающимся за предѣлами резиденціи одинокаго человѣка, не было настоящимъ общеніемъ по своей односторонности, потому, дескать, что молча стоятъ передъ Робинзономъ или узникомъ вызванные памятью дорогіе или ненавистные образы, и нѣтъ ему отъ нихъ ни привѣта, ни отвѣта. Это не вѣрно или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ вѣрно. Нельзя съ рѣшительностью утверждать, что Робинзонъ „въ прошломъ отвѣта искалъ невозможнаго". Именно физическое одиночество можетъ поспособствовать, въ томъ или другомъ случаѣ, такой комбинаціи элементовъ прошлаго, которая даетъ отвѣтъ на неразгаданные на людяхъ вопросы, загадки, сомнѣнія.

Возможна однако и совершенно другая точка зрѣнія.

Въ очеркѣ „Solitude" Мопассанъ влагаетъ въ уста своего безъимяннаго пріятеля очень оригинальную философію одиночества. Изъ всѣхъ тайнъ человѣческой жизни—говоритъ онъ—я постигъ одну: великая мука нашего существованія состоитъ въ томъ, что мы вѣчно одиноки, и всѣ наши усилія, всѣ наши дѣйствія направлены къ тому, чтобы избѣжать этого одиночества... Весь очеркъ состоитъ изъ варьяцій на эту тему:

„Съ нѣкоторыхъ поръ я терплю отвратительную муку сознанія ужаснаго одиночества, въ которомъ я живу, и знаю, что ничто не можетъ его прекратить, понимаешь? ничто. Что бы мы ни придумывали, что бы мы ни дѣлали, каковы бы ни были порывы нашихъ сердецъ, призывы нашихъ губъ, объятія нашихъ рукъ, мы всегда одиноки. Я вотъ пригласилъ тебя прогуляться, чтобы не идти домой, гдѣ меня свирѣпо терзаетъ одиночество. А поможетъ ли это? Я тебѣ говорю, ты меня слушаешь, и мы

Digitized by Google

оба одиноки, бокъ о бокъ и всетаки одиноки. Ты меня понимаешь?... Я никогда не чувствую себя до такой степени одинокимъ, какъ въ тѣ минуты, когда хочу раскрыть душу какому нибудь другу, потому что яснѣе вижу тогда непреодолимость препятствія. Вотъ онъ, этотъ человѣкъ, я вижу его глаза, устремленные на меня, но скрывающаяся за ними душа мнѣ неизвѣстна... Я и самъ напрасно хочу отдаться весь, открыть всѣ двери души. Въ глубинѣ, въ самой глубинѣ остается тайное мѣсто пребыванія моего *я*, куда никто не проникаетъ. Найти его, войти въ него никто не можетъ, потому что никто не похожъ на меня, потому что никто никого не понимаетъ... Женщины особенно заставляютъ меня чувствовать мое одиночество. Сколько я страдалъ черезъ нихъ, потому что онѣ часто давали мнѣ, больше, чѣмъ мужчины, иллюзію, будто я не одинокъ. Вступая въ сферу любви, какъ будто расширяешься. Тебя охватываетъ сверхчеловѣческое блаженство. Знаешь почему? Знаешь откуда это ощущеніе огромнаго счастія? Единственно потому, что воображаешь себя болѣе не одинокимъ. Сиротство человѣческаго существованія кажется прекращеннымъ. Какое заблужденіе!.. Даже въ тѣ часы, когда казалось, что въ таинственномъ аккордѣ двухъ существъ, въ полномъ сліяніи желаній и стремленій, вы проникали въ самую глубину ея души, какое нибудь слово, одно слово открывало вамъ ошибку и, какъ молнія ночью, озаряло раздѣляющую васъ пропасть... Что касается меня, я теперь заперъ свою душу. Я никому не говорю, во что я вѣрю, о чемъ думаю, что люблю. Зная, что осужденъ на ужасное одиночество, я смотрю на вещи, никогда не высказывая своего мнѣнія. Какое мнѣ дѣло до мнѣній, споровъ, удовольствій, вѣрованій! Не имѣя возможности ничѣмъ ни съ кѣмъ подѣлиться, я отъ всего отвернулся. Для отвѣтовъ на обыденные вопросы у меня есть банальныя фразы и улыбка, говорящая: „да", когда мнѣ даже говорить не хочется. Понимаешь ты меня?"

Приведя этотъ (въ подлинникѣ гораздо болѣе длинный) монологъ своего пріятеля, авторъ раздумываетъ: „Былъ ли онъ пьянъ? или онъ сумасшедшій? или мудрецъ? Я еще не знаю. Иногда мнѣ кажется, что онъ правъ; иногда мнѣ кажется, что онъ сошелъ съ ума".

Возможны, я думаю, рѣшенія и внѣ этой дилеммы. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что этотъ пріятель автора есть человѣкъ, много разъ ошибавшійся въ людяхъ, много разъ обидно и больно натыкавшійся на непроницаемость чужой души, разсыпавшій бисеръ передъ свиньями, а затѣмъ убѣдившійся, что не только „чужая душа потемки", но и собственная его душа не настолько ясна ему самому, чтобы, при полномъ и страстномъ желаніи, развернуть ее передъ другими. Словомъ, это человѣкъ несчастный, чего онъ и не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ. Съ дру-

Digitized by Google

гой стороны, однако, это человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ избалованный. Простому смертному, въ потѣ лица снискивающему хлѣбъ свой, нельзя „отъ всего отвернуться". Онъ всѣмъ строемъ жизни вынужденъ такъ или иначе интересоваться людьми, „мнѣніями, спорами, удовольствіями, вѣрованіями", да и досуга у него нѣтъ, чтобы такъ неустанно мучиться сознаніемъ своего одиночества. Онъ поневолѣ долженъ питать иллюзію взаимнаго пониманія и питаться ею, если это и въ самомъ дѣлѣ иллюзія. „Ибо, какъ говоритъ Мармеладовъ, бываетъ такое время, когда непремѣнно надо хоть куда нибудь да пойти... вѣдь надо же, чтобъ у всякаго человѣка было хоть одно такое мѣсто, гдѣ бы и его пожалѣли". Getheilter Schmerz ist lalber Schmerz, getheilte Freude ist doppelt Freude. Это фактъ слишкомъ общеизвѣстный, и потому, кромѣ того, такъ сказать, метафизическаго одиночества, которымъ мучится упомянутый мудрецъ или сумасшедшій, несчастный человѣкъ или баловень, есть одиночество реальное, житейское: когда некому раскрыть душу, не съ кѣмъ подѣлиться радостью или горемъ по условіямъ времени, мѣста, окружающей среды, съ одной стороны, личныхъ свойствъ—съ другой, а не въ силу какого-то всеобщаго міроваго закона. Пусть мопассановскій герой есть мудрецъ, проникшій въ одну изъ тайнъ бытія, съ ужасомъ отступавшій передъ ея мрачной глубиной и сообразующій съ ней все свое поведеніе: ни съ кѣмъ ничѣмъ не дѣлится. Это положеніе до такой степени исключительное, что его и въ соображеніе принимать нельзя: мы не можемъ не дѣлиться—возьмемъ самый мрачный случай—хотя бы не только скорбію объ одиночествѣ (этимъ и мопассановскій герой дѣлится съ пріятелемъ), но и проклятіями, презрѣніемъ, вообще отрицательными чувствами по адресу тѣхъ или того, что дѣлаетъ насъ одинокими.

Мопассановскій пессимистъ и самъ признаетъ себя явленіемъ исключительнымъ. Люди, проникшіе въ тайну фатальнаго взаимнаго непониманія,—очень рѣдки, говоритъ онъ. Мюссе писалъ:

Qui vient? Qui m'appelle? Personne.
Je suis seul.—C'est 1 heure qui sonne.
O solitude! O pauvreté!

Но, замѣчаетъ нашъ пессимистъ, у Мюссе это было только преходящее сомнѣніе, а не окончательная увѣренность. „Онъ былъ поэтъ, онъ населялъ жизнь призраками, мечтами, онъ никогда не былъ въ самомъ дѣлѣ одинокъ". Другое дѣло Флоберъ, который такъ ясно понималъ и выразилъ свое великое несчастіе: „Мы всѣ живемъ въ пустынѣ, никто никого не понимаетъ".

Можно однако возразить, что вѣдь и Флоберъ былъ поэтъ, да и каждый изъ насъ, и не будучи поэтомъ, можетъ населять свою пустыню созданіями воображанія. И мы такимъ образомъ возвращаемся къ своему исходному пункту: человѣкъ никогда

Digitized by Google

не бываетъ одинокъ. Но этимъ не кончаются недоразумѣнія. До сихъ поръ мы говорили объ одиночествѣ, какъ о горѣ, несчастіи, страданіи. Но многимъ знакома просыпающаяся временами потребность хоть на короткій срокъ уйти изъ привычной сутолоки жизни и остаться на единѣ съ самимъ собой. Полное отсутствіе этой потребности замѣчается только у очень пустыхъ людей, не имѣющихъ въ собственной душѣ достаточныхъ рессурсовъ и потому одолѣваемыхъ скукой, какъ только прекращается притокъ внѣшнихъ возбужденій. Ницше, самъ часто искавшій уединенія, если не одиночества, утверждаетъ, что потребность одиночества составляетъ одинъ изъ признаковъ сильныхъ людей, прирожденныхъ „господъ", тогда какъ слабые, прирожденные „рабы" стадообразно жмутся другъ къ другу. И въ этомъ есть извѣстная доля истины, только требующая иного освѣщенія. По крайней мѣрѣ всякій, если не изъ жизни, то изъ литературы знакомъ съ образомъ сильнаго человѣка, гордо замыкающагося въ свое одиночество.

Попробуемъ разобраться во всемъ этомъ на основаніи художественныхъ матеріаловъ, представляемыхъ повѣстями и разсказами г-жи Лѣтковой. Начнемъ съ разсказа „Счастье", въ которомъ одиночество является какъ будто не только не источникомъ скорби, а, напротивъ, даже чѣмъ-то желаннымъ.

Иванъ Александровичъ Марковъ, профессоръ, „полвѣка прожилъ въ неустанной борьбѣ" и не успѣлъ свить себѣ гнѣздо. Его начинаетъ точить горечь одиночества. Въ особенности присосалась она къ его сердцу во время опасной болѣзни, когда онъ, лежа въ своей холостой квартирѣ, готовился къ смерти и мысленно подводилъ итоги своей жизни. Да и послѣ болѣзни, „въ длинныя безсонныя ночи къ нему подползала и становилась у изголовья горькая жалость къ себѣ, къ прожитымъ годамъ". Сегодня онъ былъ на литературно-артистическомъ обѣдѣ, гдѣ, между прочимъ, пили за счастіе и чокались съ молодымъ художникомъ Трубчинскимъ. Трубчинскаго этого Марковъ зналъ давно, когда-то они были близки. Молодой художникъ подавалъ блестящія надежды, частію осуществилъ ихъ, и Марковъ любитъ бесѣдовать съ нимъ о сюжетахъ его картинъ, о задачахъ искусства, и тотъ былъ многимъ обязанъ ему за эти бесѣды и сознавалъ это. Потомъ они потеряли другъ друга изъ виду. Трубчинскій перестать являться на выставкахъ, и слышно было только, что онъ женился по любви на какой-то богатой княжнѣ и счастливъ. Сегодня, возвращаясь съ обѣда, Марковъ припомнилъ эти слухи и горько сопоставилъ ихъ съ своими думами о собственномъ одиночествѣ. Но на улицѣ его нагналъ Трубчинскій и между ними произошелъ разговоръ, давшій мыслямъ Маркова другое направленіе. Трубчинскій, воз-

Digitized by Google

бужденный виномъ и встрѣчей съ человѣкомъ, когда-то игравшимъ большую роль въ его артистической жизни, раскрылъ передъ нимъ душу. Онъ вовсе не „счастливъ“ и съ злобной ироніей говоритъ о провозглашенномъ на обѣдѣ по его адресу тостѣ за счастіе. Онъ страстно любитъ жену, такъ-же страстно любимъ ею, у нихъ есть прелестная дочка, матеріально онъ обставленъ какъ нельзя лучше,—и... и съ завистью разсказываетъ: „Вонъ у Свищова жена ушла... Горевалъ, головой объ стѣну бился, никого видѣть не хотѣлъ, уѣхалъ... Два мѣсяца просидѣлъ въ Финляндіи и какой „водопадъ“-то привезъ? Видѣли на выставкѣ? Вѣдь волна такъ и хлещетъ изъ рамы“... А онъ, Трубчинскій, совсѣмъ обезсилѣлъ. „Я знаю, что не сумѣю объяснить вамъ,—говоритъ онъ: я счастливъ и безумно мучаюсь, я обожаю жену и ненавижу ее. Мы цѣлыми часами говоримъ съ ней о коврахъ, о подушкахъ на диваны, о какихъ-то ненужныхъ и антихудожественныхъ фигуркахъ, и я не замѣчаю этого. А потомъ вдругъ мнѣ сдѣлается невыносимо, что она, моя Мери, какъ очень многія женщины, только и говоритъ, только и думаетъ, что о вещахъ“... „Образы расплываются, мысль не можетъ и не хочетъ сосредоточиться“. Вспомнивъ содержаніе картины на сюжетъ изъ „Фауста“, давно задуманной подъ вліяніемъ Маркова, именно Мефистофеля, являющагося передъ Фаустомъ въ видѣ схоластика, съ лицомъ самого Фауста,—Трубчинскій жалуется: „Не могу я схватить эту отвлеченную идею, не могу проникнуться ею... Мучаюсь, злюсь и ничего не выходитъ... Выходитъ одинъ и тотъ же натурщикъ въ двухъ разныхъ костюмахъ. А костюмы Мери сама мнѣ заказывала! Прекрасные!“ Тысячи мелочей въ родѣ семейнаго торжества у tante Sophie, костюмированнаго бала у себя дома и т. п. поглощаютъ время и силы бѣднаго художника, и суетится онъ во всемъ этомъ безъ всякаго аппетита, а только потому, что это нравится женѣ. „Я ея рабъ, понимаете: рабъ! Она сгубила меня, какъ художника, она съѣла мой талантъ. И чѣмъ съѣла? Лаской, любовью, заботами, нѣжностью“. — На вопросъ Маркова, что же мѣшаетъ ему бросить всю эту „суету“? Трубчинскій отвѣчаетъ: „Что? Любовь. Да, любовь... Иногда я рѣшаю бросить все, уйти опять въ бѣдность, въ одиночество, и работать. Ничего мнѣ не надо, кромѣ возможности создать то, что я задумалъ, чѣмъ жилъ такъ много лѣтъ... Придетъ Мери, красивая, милая, веселая, звать меня купать нашу дѣвочку, и я бѣгу, какъ мальчишка, какъ счастливецъ, и все забываю передъ довѣрчивой улыбкой беззубаго ротика Бэби“...

Когда, кончивъ свою исповѣдь, Трубчинскій удалился, „Марковъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и бодро зашагалъ къ своему одинокому жилищу“... Еще бы! Его одиночество много выше, чѣмъ „счастье“ Трубчинскаго, который и самъ промѣнялъ бы это счастье на одиночество, если бы не какая-то таинственная и позорная

Digitized by Google

цѣпь, держащая его, какъ раба, въ составѣ ненавистной „суеты". Но былъ ли бы онъ одинокъ, если бы, порвавъ эту увитую розами, надушенную, позолоченную цѣпь, „ушелъ опять въ бѣдность", чтобы „создать то, что задумалъ, чѣмъ жилъ много лѣтъ"? Онъ бы вѣдь жилъ въ обществѣ возсозданныхъ имъ Фауста и Мефистофеля, а черезъ нихъ со всею міровою мыслью въ одну сторону и съ зрителями его картинъ, друзьями, въ родѣ того же Маркова—въ другую. Въ этомъ смыслѣ не одинокъ и Марковъ. Незначительными, повидимому, но очень характерными чертами рисуетъ авторъ отношенія послѣдняго къ окружающимъ его людямъ. Онъ—профессоръ, много работаетъ и любитъ свое дѣло. „Очень многіе цѣнили его, нѣкоторые даже любили, ему завидовали, его лекціи собирали громадную аудиторію, и молодежь шла къ нему съ довѣріемъ и съ нѣжнымъ почтеніемъ". „И въ молодости, да и позже—до самаго послѣдняго времени—у него были самыя разнообразныя и искреннія отношенія съ женщинами". Казалось бы, чего еще человѣку нужно? Это ли одиночество? Но мы тутъ же узнаемъ, что жениться Маркову не пришлось, потому что „у него всегда были слишкомъ серьезныя требованія къ браку", жениться ему „мѣшала совѣсть". Иначе говоря, ему не встрѣчалась женщина, настолько близкая и близостью этой дорогая, чтобы прочно связать съ ней свою судьбу; отношенія были, по крайней мѣрѣ съ его стороны, сравнительно холодныя, блѣдныя. Но тѣми же холодноватыми и блѣдноватыми красками рисуются и отношенія къ нему другихъ людей: его „цѣнятъ", его „нѣкоторые даже любятъ", ему „завидуютъ", къ нему идутъ „съ довѣріемъ и нѣжнымъ почтеніемъ". Отъ всего этого холодкомъ вѣетъ, и Марковъ могъ бы по совѣсти повторить лермонтовскій стихъ: „некому руку подать въ минуту душевной невзгоды". Отъ чего это зависитъ? Марковъ играетъ въ разсказѣ совсѣмъ побочную роль, и мы объ немъ очень мало знаемъ. Можетъ быть, окружающая его холодноватая атмосфера установилась послѣ цѣлаго ряда разочарованій, а можетъ быть онъ такъ преданъ своему дѣлу, что никогда и не пытался сливаться съ кѣмъ нибудь душой. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что онъ не ниже окружающей среды, въ которой не нашлось ему совсѣмъ близкаго человѣка, но насколько и въ какомъ именно отношеніи онъ ея выше,—этого авторъ намъ не показалъ. Ясно только, что свое одиночество онъ не можетъ промѣнять на счастье Трубчинскаго съ надушенной птицей. Его одинокое одиночество менѣе тяжко, чѣмъ то одиночество вдвоемъ съ Мери или втроемъ съ нею и tante Sophie, или вдвадцатеромъ на костюмированномъ балѣ, въ которомъ задыхается Трубчинскій; ибо по истинѣ онъ одинокъ и вдвоемъ, и втроемъ, и вдвадцатеромъ: святѣйшее, лучшее, что въ немъ есть, и самое дорогое не находитъ отклика. Мар-

Digitized by Google

ковъ, по крайней мѣрѣ, не страдаетъ отъ того любовно-враждебнаго чувства, которое связываетъ Трубчинскаго съ женой.

Что же это однако за странное чувство? что это за противоестественное, казалось бы, сочетаніе „обожанія“ и „ненависти“? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы забѣжимъ нѣсколько впередъ и остановимся на одномъ эпизодѣ изъ главнаго произведенія г-жи Лѣтковой—„Мертвой зыби“.

Елена Борисовна Бармина разошлась съ мужемъ, полюбивъ нѣкоего Львова. Но послѣ первыхъ восторговъ новой любви она начинаетъ ощущать въ ней какую-то трещину, сначала маленькую и постепенно расширяющуюся до полнаго раскола. Любовныя рѣчи и ласки все чаще перемежаются все болѣе острыми недоразумѣніями, размолвками, взаимнымъ раздраженіемъ. Въ одну изъ такихъ острыхъ минутъ Елена Борисовна спросила: „за что-же ты полюбилъ меня?“ Львовъ отвѣчалъ: „Неужели ты думаешь, что женщину любятъ за высокія идеи, за ученость или гражданскія доблести? Нисколько. Любовь является неизвѣстно какъ, но несомнѣнно на физіологической почвѣ... И дѣло не въ красотѣ... А такъ, въ чемъ-то неуловимомъ. Температура рукъ, запахъ волосъ, звукъ голоса... Все это физіологія“.

Елена Борисовна оскорбилась, но, очевидно, признала, если не общую и принципіальную, то фактическую и частную вѣрность мнѣнія Львова. Записавъ въ своемъ дневникѣ 9 ноября приведенный разговоръ, она 12 ноября пишетъ: „Вотъ уже четыре дня, какъ Д. (Дмитрій, Львовъ) уѣхалъ, а я не скучаю... Нѣтъ, можетъ быть, и скучаю, но не страдаю. Напротивъ, чувствую какое то освобожденіе. Любовь всегда рабство, но любовь, основанная на физіологіи, на одной только физіологіи,—самое голое, самое постыдное рабство. И все: долгъ, убѣжденія, симпатіи—все приносится ему въ жертву. Все въ жизни забывается ради него, все заслоняется имъ... Теперь, когда я одна, я сознаю весь стыдъ моего существованія, весь ужасъ моего нравственнаго одиночества. Теперь, когда Д. уѣхалъ, я точно освободилась отъ гипнотическаго состоянія и почувствовала себя человѣкомъ. Какъ странно: я съ самаго начала нашего знакомства съ Д. испытала это присутствіе гипнотической силы: когда я не видала его, я освобождалась. Когда онъ бывалъ со мной, я становилась его рабой, его вещью“. И еще черезъ три дня: „уѣду и освобожусь отъ моего душевнаго одиночества. Когда человѣкъ одинъ, онъ не чувствуетъ того ужаса одиночества, какъ когда онъ вдвоемъ, когда онъ всю душу готовъ отдать, все сердце свое вынуть и положить къ ногамъ и чувствуетъ, что совсѣмъ этого не надо, что каждый живетъ самъ по себѣ, а до того, что дѣлается въ вашей душѣ, никому нѣтъ дѣла“. И еще позже: „Господи! Да еслибъ это дало намъ счастье, я, можетъ быть, и смирилась бы. Но ни я, ни онъ не можемъ быть счастливы. Наши души—чужія

Digitized by Google

одна другой. Пока ему милы мои глаза или, какъ онъ говоритъ, „температура рукъ", „запахъ волосъ", онъ, можетъ быть, будетъ счастливъ, не смотря на всю разницу нашихъ взглядовъ и убѣжденій. Пройдетъ это,—кромѣ тоски и раздраженія не останется ничего. Не лучше ли разорвать во время... Рабство страсти, физіологіи—самое постыдное изъ рабствъ, и разъ сознаешь его въ себѣ, надо какой бы то ни было цѣной побороть его, добиться полной независимости и стать человѣкомъ".

Принявъ такое рѣшеніе, Елена Борисовна была, разумѣется, права, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы былъ неправъ Львовъ, когда говоритъ „о чемъ то неуловимомъ", о „температурѣ рукъ, запахѣ волосъ, звукѣ голоса", какъ источникѣ любви. Любовь—уваженіе, любовь—привязанность, любовь—привычка, любовь—служба (ибо и такая есть) могутъ обходиться безъ всего этого, но любовь—страсть непремѣнно коренится въ „физіологіи". И это не только, какъ говорятъ Львовъ, „законъ природы, съ которымъ надо считаться", но въ этомъ нѣтъ ничего худого или унизительнаго для человѣческаго достоинства. Худо и унизительно, когда, при наличности неуловимыхъ, но могучихъ физіологическихъ условій, у людей оказываются „чужія души"; когда (какъ это было съ Еленой Борисовной и Львовымъ) для одной стороны оказывается ничтожными, нестоющими волненія пустяками то, что больно бередитъ душу другой стороны. Тогда естественно возникаютъ мучительныя любовно-враждебныя чувства, „безпредѣльная близость" сочетается съ „полною отчужденностью", людей настигаетъ тяжкое „одиночество вдвоемъ", и притягательная сила „температуры рукъ, запаха волосъ, звука голоса" становится унизительною рабскою цѣпью.

Какъ уже сказано, г-жу Лѣткову сравнительно мало занимаютъ собственно любовныя, супружескія отношенія. Въ „Мертвой зыби", гдѣ этимъ отношеніямъ удѣлено мѣста больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ, даже вмѣстѣ взятыхъ, параллельно съ двумя „романами" героини развертывается драма ея отношеній къ матери. Варіаціи на этотъ мотивъ мы имѣемъ и въ „Лушкѣ", и въ „Горѣ", и въ „Отдыхѣ", и въ „Чудачкѣ", и въ „Лишней", отчасти, пожалуй, и въ „Бабьихъ слезахъ". И любопытно, — къ отношеніямъ мужа и жены, любовника и любовницы, нашъ авторъ относится очень пессимистически: это или разрываемыя цѣпи (въ „Мертвой зыби") или неразрывныя (въ „Счастьи"), тогда какъ разладъ матери съ дочерью авторъ устраиваетъ, за однимъ исключеніемъ (въ „Лишней"), къ благополучному концу. И еще любопытно: матери, дѣйствующія въ произведеніяхъ г-жи Лѣтковой, все вдовы, отцовъ дочери только вспоминаютъ, а въ „Бабьихъ слезахъ" отцы и совсѣмъ отсутствуютъ, за исключеніемъ одного, который является въ воспитательный домъ за своимъ ребенкомъ, но ему его не выдаютъ, къ злобному удоволь-

Digitized by Google

ствію присутствующихъ бабъ матерей. Столь часто повторяющаяся подробность не можетъ быть случайна, и я думаю, что она находится въ тѣсной связи съ самыми глубокими и задушевными мыслями г-жи Лѣтковой. Въ основѣ отношеній между родителями и дѣтьми тоже лежитъ физіологія, и этой физіологіи больше на сторонѣ матери, чѣмъ на сторонѣ отца. Мать „со скрежетомъ сына носила и со стономъ его родила"; мать въ теченіе всего родового періода составляла съ ребенкомъ одно цѣлое, затѣмъ она кормила его, и это тоже физіологическій актъ. На этой физіологической основѣ естественно возникнуть и духовной связи, но разница лѣтъ, воспитанія, обстановки часто устанавливаетъ болѣе или менѣе рѣзкій разладъ между родителями и дѣтьми, и тогда мы опять таки имѣемъ любовно-враждебныя чувства, и „одиночество вдвоемъ", и рабскія цѣпи. Марья Ниловна („Отдыхъ") мысленно переживаетъ свое печальное, сѣрое прошлое и, между прочимъ, свои отношенія къ матери: „Въ сущности смерть матери принесла ей освобожденіе. Да, но за то принесла и одиночество. А развѣ при матери она не была одинока? Развѣ не одиноко перенесла она горе разлуки съ Петровскимъ? Онъ нравился ей и, кажется, очень любилъ ее, а мать перестала принимать его, потому что онъ былъ „поднадзорный". Развѣ не одиноко задавила она въ себѣ чувство къ Рукину, не одиноко перестрадала свою любовь къ нему только изъ-за того, что онъ былъ женатый, а мать была „строгихъ правилъ" и для нея были бы ударомъ любовь дочери къ женатому человѣку. И не доброе, мучительное чувство сжало сердце Марьи Ниловны".

Не Елена Борисовна связала себя съ Барминымъ, а потомъ съ Львовымъ, а какая-то посторонняя, стихійная сила, подкравшаяся къ ней, среди милліона случайностей, въ видѣ „температуры рукъ, запаха волосъ, звука голоса"; и это было рабство. Не Марья Ниловна отказалась отъ счастья съ Петровскимъ или Рукинымъ, а посторонняя, стихійная сила отраженной физіологической связи съ матерью; и это было рабство. Драмъ, разыгрывающихся въ этомъ послѣднемъ мотивѣ, г-жа Лѣткова не любитъ, я бы сказалъ—боится, и часто искусственно, а потому не художественно завершаетъ ихъ сліяніемъ и душъ матери и додочери. Но тѣмъ безпощаднѣе она еще къ одной посторонней силѣ, способной держать человѣка въ позорномъ рабствѣ. Это—сила житейской тины, сила тѣхъ мелочей и условностей, которыя подчиняютъ себѣ людей, обязывая ихъ жить, „какъ всѣ", обезличивая ихъ, причемъ сами они не умѣютъ сказать, зачѣмъ все это нужно. Вотъ три положенія, къ которымъ г-жа Лѣткова пріурочиваетъ рабство, одиночество и любовно-враждебныя отношенія. Я не буду слѣдить за разными ихъ комбинаціями во всѣхъ ея произведеніяхъ и остановлюсь только на повѣсти

Digitized by Google

„Мертвая зыбь“, въ которой всѣ три упомянутыя положенія изображены наиболѣе полно и цѣльно.

У Елены Борисовны Барминой есть мать, типичная „шестидесятница“, подъ руководствомъ которой она и начала жить. Елена Борисовна пишетъ:

Я окончила гимназію и стала серьезно заниматься; ходила на лекціи, училась добросовѣстно, читала усердно. Мамà руководила моими занятіями и давала мнѣ темы для моихъ работъ. Я и теперь глубоко сочувствую преданности мамà идеѣ нравственной и физической гигіены среди крестьянскихъ дѣтей. Она вся отдалась этому вопросу, много пишетъ для школьныхъ библіотекъ, издала множество книгъ для бабъ и для дѣтскаго чтенія... Въ первый же годъ по окончаніи мною гимназіи она издала мой разсказъ о вредѣ лжи. Разсказъ назывался „Врунья“ и въ немъ, въ доступной для ребятъ формѣ, доказывалась безнравственность лжи... Мама была довольна мною, но я—нѣтъ. Мнѣ хотѣлось чего-то добиться, хотѣлось вѣрить, что я дѣлаю хорошее, полезное дѣло. И никогда я не могла достичь этого. Я писала по маминой программѣ, помогала ей въ издательствѣ, была постоянно занята и все-таки тосковала. Какое-то неясное сомнѣніе не давало мнѣ покоя, убивало энергію... Мать, съ непоколебимой вѣрой въ свое дѣло, или не замѣчала моихъ сомнѣній, или не находила нужнымъ считаться съ моими взглядами. Помню, иногда хотѣлось бѣжать куда-нибудь отъ грустныхъ разговоровъ, отъ мрачныхъ картинъ, отъ возмущающихъ душу фактовъ. Къ намъ приходили друзья мамà, и я постоянно жила въ воздухѣ благороднаго возмущенія и безсильнаго негодованія. Я сочувствовала всѣмъ имъ и возмущалась и негодовала вмѣстѣ съ ними, а все-таки тосковала и безсознательно ждала чего-то другого. Я усердно работала, искренно собиралась идти въ сельскія учительницы, рѣшила—какъ мать—посвятить себя пользѣ и благу темнаго ближняго и тосковала и чего-то ждала. Когда я говорила объ этомъ матери или ея друзьямъ, они не понимали меня, иногда смѣялись надо мною, и я мало-по-малу ушла отъ нихъ, ушла въ себя. Мамà не выносила противорѣчій, не допускала непониманія ея взглядовъ. Я не могла безусловно подчиняться ея требованіямъ, не могла думать, говорить и жить по ея шаблону, и страстно желала свободы, радости, счастья.

Разъ въ такомъ настроеніи (ей шелъ уже двадцать второй годъ) Елена Борисовна встрѣтилась съ молодымъ офицеромъ Барминымъ, котораго знала еще юнкеромъ, но потомъ потеряла изъ виду. Это былъ красивый, веселый, здоровый, добродушный человѣкъ, и Елена Борисовна полюбила его, къ ужасу и негодованію матери. Та и юнкеромъ Бармина не любила, считая его „фанфарономъ“ и „ничтожествомъ“, а теперь это былъ въ ея глазахъ просто „красивое животное“, и не того она ждала для дочери. Елена Борисовна пишетъ: „Мамà и слышать не хотѣла, чтобъ я вышла за него замужъ. Она не могла „не отдать“ меня: это было противъ ея принциповъ, но она считала своимъ долгомъ постоянно говорить, что Барминъ ничтожество, что онъ невѣжда. Даже его здоровье, его красоту, его хорошій аппетитъ

Digitized by Google

мамà ставила ему въ упрекъ". Но это, конечно, ничему не помогло и не помѣшало, и Елена Борисовна вышла за Бармина. Но вотъ, черезъ пять лѣтъ она заводитъ дневникъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Я или не умѣю, или мнѣ не съ кѣмъ быть откровенной. Я люблю мужа, но мнѣ и въ голову не придетъ разсказывать ему, что проходитъ у меня въ головѣ. Я обожаю мать и не могу съ ней говорить о себѣ. Почему это? Почему я, не живя ни одного дня одна, вѣчно одинока? Я не могу жить безъ нихъ обоихъ и постоянно разрываюсь. Владиміръ, добрый и милый со всѣми, не можетъ скрывать своего раздраженія противъ мамà, а она до сихъ поръ, т. е. черезъ пять лѣтъ, не вѣритъ, что я люблю мужа. А я искренно люблю его, только... мнѣ скучно съ нимъ". И это началось не черезъ пять лѣтъ, когда наконецъ понадобился дневникъ, а чуть не съ первыхъ дней замужества. Елена Борисовна съ ироніей вспоминаетъ: „Мужъ баловалъ меня; у него оказался прекрасный характеръ, прекрасный аппетитъ и прекрасное здоровье. А для семейной жизни это громадное удобство!" И далѣе:

Я занималась хозяйствомъ, увлекалась обстановкой, туалетами, пріемами и, кажется, была совершенно счастлива. Отчего же мнѣ съ первыхъ же недѣль жизни въ казармахъ было такъ тяжело? Я была счастлива и томилась какой-то непонятной для меня тоской и невозможностью признаться кому-нибудь въ этой тоскѣ. И мама, должно быть, замѣчала мою тоску, и меня это раздражало. Она приносила мнѣ книги, журналы, передавала, что дѣлается въ ихъ кружкѣ, куда стремятся ея „хорошіе люди", старалась не замѣчать, что мужъ подтруниваетъ надъ ея дѣломъ, что я охладѣла къ ея стремленіямъ. Она объясняла мое равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ тѣмъ, что я начала жить сознательно въ „антрактъ общественной жизни Россіи". Я каждый разъ безпощадно говорила ей, что люблю мужа и хочу быть только хорошей женой. Я не знаю, вѣрила ли я этимъ словамъ. Кажется, вѣрила. Я въ одинъ годъ какъ-то завяла нравственно, какъ-то ничто меня не радовало. Почему? Владиміръ былъ по-прежнему ласковъ со мной, но его ласки утомляли меня. Безконечные поцѣлуи, все одни и тѣ же слова казались мнѣ скучными, и я украдкой зѣвала, сидя долгими часами въ объятіяхъ мужа. Не знаю, о чемъ думалъ онъ въ эти часы. Я же часто думала совсѣмъ не о немъ, не о поцѣлуяхъ, не объ объятіяхъ. И мнѣ хотѣлось бѣжать къ мама, разсказать ей все, умолить ее научить меня быть счастливой. Но я не шла: я не могла бывать тамъ, гдѣ не любили Владиміра, гдѣ не одобряли моего брака съ нимъ, гдѣ смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ.

Утренній кофе, завтракъ, заказываніе обѣда, визиты, пріемы, все, „какъ у всѣхъ", скука, одиночество вдвоемъ или въ обществѣ, мрачные приступы сознанія безцѣльности жизни,—„зачѣмъ" все это? Но вся эта сѣрая, томительная канитель оборвалась, когда Елена Борисовна забеременѣла: жизнь освѣтилась и освятилась смысломъ, цѣлью. Но черезъ годъ ребенокъ умеръ, и Елена Борисовна пишетъ:

Вотъ три года, какъ я совсѣмъ одинока. Мы по-прежнему дружны съ мужемъ, т. е. не ссоримся, но у каждаго изъ насъ своя особая ду-

Digitized by Google

шевная жизнь. Онъ всецѣло отданъ службѣ, своимъ полковымъ интересамъ и отношеніямъ. Меня онъ любитъ, цѣнитъ, даже точно гордится мною. Но долгіе мѣсяцы беременности, затѣмъ кормленіе ребенка, наконецъ цѣлый годъ слезъ и горя послѣ смерти дочери отдалили насъ другъ отъ друга; пропала потребность ежеминутнаго участія и сознанія, что есть кто-то, кому дорого знать отъ чего грустно, о чемъ плачешь. Но было ли это когда нибудь?

Вдругъ сейчасъ мнѣ показалось, что этого, въ сущности, никогда не было. Были поцѣлуи, были ласковыя слова, но рядомъ съ этимъ было полное душевное одиночество. И вотъ откуда эта постоянная тоска, точившая меня. Но до сихъ поръ я не отдавала себѣ отчета въ этомъ.

Въ это время появляется на сценѣ нѣкій Львовъ, сорокалѣтній, много пожившій, умный, остроумный, блестящій человѣкъ. Онъ вводитъ Елену Борисовну въ совершенно новый для нея духовный міръ, новый не только содержаніемъ своимъ, но и всѣмъ своимъ строемъ. Все, что Львовъ говоритъ и дѣлаетъ (хотя онъ, собственно говоря, ничего не дѣлаетъ и гордится этимъ) совершенно не похоже ни на то, что Елена Борисовна слышала и слышитъ отъ своей матери и ея кружка, ни на то, чѣмъ живетъ ея мужъ. И она, сначала только заинтересованная этою новизною, находитъ затѣмъ въ своей душѣ отклики на мысли и рѣчи Львова, наконецъ, сходится къ нимъ и уѣзжаетъ отъ мужа. Но не такъ, конечно, скоро и просто все это устраивается. Прежде всего надо отмѣтить тѣ непріязненныя, враждебныя чувства, которыми осложняется любовь Елены Борисовны къ мужу и матери уже въ самомъ началѣ эпизода со Львовымъ.

Заходитъ рѣчь объ одной общей знакомой легкомысленнаго поведенія и Барминъ обзываетъ ее Мессалиной. Львовъ возражаетъ: „Она смѣла и въ этомъ ея большая заслуга. Мы, русскіе, вообще не умѣемъ „смѣть“. А женщины и подавно. Онѣ всегда рабы; рабы родителей, рабы мужа, рабы дѣтей, а больше всего рабы общества, условностей, рукавовъ пузырями, того, что „принято“ и „не принято“ и тому подобныхъ глупостей“.—Барминъ, въ своей простодушной честности и ограниченности, даже понять не можетъ такихъ рѣчей, это для него просто слова безъ смысла. Любящій мужъ, хорошій служака, сжившійся съ извѣстной обстановкой „какъ у всѣхъ“, онъ эти и тому подобные протесты Львова противъ „условностей и мелочей“ считаетъ просто болтовней и съ снисходительнымъ презрѣніемъ относится къ „болтуну“ и „шалопаю“ Львову. Мать Елены Борисовны, старая шестидесятница, въ извѣстномъ смыслѣ согласилась бы съ Львовымъ насчетъ условностей и мелочей, но уже не съ снисходительнымъ презрѣніемъ, а съ яростною ненавистью относится она къ другимъ его идеямъ. Напримѣръ, онъ говоритъ: „Для развитія человѣка гораздо важнѣе быть воспріимчивымъ къ краскамъ и цвѣтамъ, чѣмъ имѣть понятіе о правѣ и безправіи“. Или: „служить ближнему? Отречься отъ себя во имя меньшей братіи? На

Digitized by Google

рить о „нѣдрахъ земли“ въ буквальномъ смыслѣ слова и о спорѣ по этому предмету между екатеринославскими помѣщиками (стоящими за „неотчуждаемость“ нѣдръ) и горнопромышленниками, которые, понятно, стоятъ въ данномъ вопросѣ на противоположной точкѣ зрѣнія. „Мы видимъ въ этомъ инцидентѣ,—говоритъ г. Зубковъ,—наличность групповой борьбы, которая и кончится, какъ всегда кончаются подобные конфликты“. Мы тоже, разумѣется, не можемъ не видѣть здѣсь наличности групповой борьбы, какъ всюду, гдѣ идетъ споръ о непосредственныхъ интересахъ. Въ этомъ опять не можетъ быть спора. Мы только не знаемъ,—„какъ-же всегда кончаются подобные конфликты“, потому что они кончаются чрезвычайно разнообразно,— и даже въ западной Европѣ, гдѣ механизмъ, учитывающій итоги „групповыхъ интересовъ“, спеціально къ этому приспособленъ и дѣйствуетъ у всѣхъ на виду, точно подъ стекляннымъ колпакомъ, исходъ той или другой кампаніи предсказать далеко не такъ легко, какъ рѣшить шахматную задачу съ двумя фигурами или простое тройное правило. И это потому, что и тамъ недостаточно для рѣшенія распредѣлить „интересы“ по группамъ. Нужно еще принять въ соображеніе „сознанность“ даннаго интереса. А когда это данное есть,—нужно посмотрѣть, имѣетъ-ли сознанный интересъ свое представительство и въ какихъ отношеніяхъ онъ находится съ сознанными интересами всего общества, интересами часто гораздо высшаго порядка... и т. д., и т. д. Поэтому, мы сильно сомнѣваемся въ пригодности этого масштаба для тѣхъ или иныхъ предсказаній на нашей почвѣ, хотя, конечно, были-бы рады, если-бы оказалось, что это не такъ и что въ пріемѣ простаго подсчета участвующихъ въ игрѣ „интересовъ“ мы, обозрѣватели русской жизни, и теперь уже имѣемъ могучее орудіе для тѣхъ или иныхъ конкретныхъ предсказаній. Но тогда, кажется намъ,—авторъ статьи объ „усложненіи жизни“ безпокоился совершенно напрасно: если и теперь такъ легко сказать, чѣмъ *всегда* кончаются подобные конфликты,—то, очевидно, что „усложненіе жизни“ получаетъ свое выраженіе даже до ничтожныхъ нюансовъ...

Впрочемъ, это вопросъ „не направленія, а только „пріема“. Но именно иные „пріемы“ и подаютъ поводы къ недоразумѣніямъ, которыя намъ хотѣлось бы разсѣять. „Крестьянинъ Гончаровъ,—пишетъ, напр., г. Зубковъ далѣе,—пожаловался волостному правленію (какому?), что его жена слишкомъ холодно отвѣчаетъ на его ласки“. За такое „преступленіе“ Гончарова, по приговору стариковъ (а не волостнаго суда?), наказана 30 ударами розогъ. Въ другомъ мѣстѣ членъ клуба (самарскаго) Путиловъ избилъ лакея. И лакей—замѣтьте,—бывшій крѣпостной Путилова, носившій его на рукахъ,—простилъ своего бывшаго барина, сказавъ публично, что онъ его „презираетъ“. Въ первомъ случаѣ—

Digitized by Google

фактъ, разумѣется, печальный, доказывающій грубость нравовъ, во второмъ—до извѣстной степени отрадный, знаменующій чувство собственнаго достоинства даже въ лакеѣ. Во всякомъ случаѣ, оба факта элементарные, не подлежащіе различной оцѣнкѣ. Непосредственно за освобожденіемъ крестьянъ столбцы газетъ и журналовъ были ими переполнены, и еще Добролюбовъ осмѣивалъ превыспреннія общія разсужденія, которыми ихъ порой снабжали авторы. Теперь давно уже наша печать довольствуется въ такихъ случаяхъ точнымъ обозначеніемъ фамиліи и мѣста дѣйствія, потому что назвать дѣяніе, въ родѣ Путиловскаго, и посрамить его—значитъ одно и тоже... Есть даже комедія г. Крылова „Къ мировому", насчитывающая болѣе четверти вѣка, гдѣ, помнится, вся соль заключается въ необходимости „благородному человѣку" стать на одну доску съ хамомъ или хамкой, въ которыхъ именно проснулось сознаніе личнаго достоинства и права. Считать эти факты „новыми явленіями"—значитъ запоздать на цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ, а приписывать ихъ одному „генію"—значитъ быть неблагодарнымъ и къ освобожденію того же лакея отъ рабства, и къ новымъ судамъ, и ко многому еще другому. Но г. Зубковъ, вслѣдствіе страннаго угла зрѣнія, подъ которымъ онъ „обозрѣвалъ" факты повседневной жизни,—впадаетъ въ еще большую ошибку. Справедливо указавъ, что рѣшеніе волостного суда (или „старичковъ?") и поступокъ Путилова—пережитки „патріархальныхъ нравовъ" „Домостроя", онъ тотчасъ же подмѣняетъ эти широкія понятія, уходящія въ глубь татарскаго ига и рабства,—понятіями болѣе узкими: „общинное" и „обычное право". Промышленный геній, по его словамъ, расшатываетъ, а мѣстами совсѣмъ расшаталъ такой укладъ народной жизни... Конечно, подобное вліяніе „генія" наша печать (sic) *квалифицируетъ самымъ различнымъ образомъ*. Нѣкоторые, напр., *видятъ въ фактѣ разрушенія геніемъ общины* и другихъ пережитковъ старины *самое грозное явленіе для будущаго*. И мы вполнѣ понимаемъ эти опасенія, ибо для *желательнаго нашимъ охранителямъ* будущаго это дѣйствительно грозное явленіе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, *не бояться его, какъ не трепетать*, если подъ вліяніемъ „генія" въ „низшихъ слояхъ" пробуждается чувство собственнаго достоинства, т. е. именно то чувство, о которое должны разбиваться всѣ *крѣпостническіе планы нашихъ ретроградовъ* *).

Намъ очень хотѣлось бы думать, что весь этотъ странный эпизодъ есть лишь результатъ неясности стиля и предвзятости нѣкоторыхъ шаблонныхъ пріемовъ. Но намъ кажется, что эти неясности и недоразумѣнія заходятъ уже слишкомъ далеко. Когда это „ретроградная" пресса такъ ужъ ревностно стояла за общину или за обычное право? А если считать защитниковъ „об-

*) Курсивы вездѣ наши.



щины“ союзниками гг. Путиловыхъ, то вѣдь это г. Зубковъ однимъ почеркомъ пера зачисляетъ въ разрядъ крѣпостниковъ всю передовую литературу трехъ десятилѣтій. Это выходитъ, что, напр., извѣстный авторъ статей объ общинѣ „желательное будущее“ то же видѣлъ въ крѣпостничествѣ, и всѣ его многочисленные послѣдователи по этому вопросу должны *трепетать* при видѣ всякаго проявленія человѣческаго достоинства въ „низшихъ слояхъ“...

Я увѣренъ, что оспаривать этотъ изумительный выводъ нѣтъ никакой надобности даже передъ самимъ г. Зубковымъ! Все это выходитъ, очевидно, отъ невѣрности его пріемовъ, отъ ослѣпленія „геніемъ“ и отъ забвенія сложности жизни. Если въ русской жизни одинъ только „промышленный геній“ въ узкомъ смыслѣ произвелъ всѣ освобожденія и весь прогрессъ, то, конечно, всѣ противники описаннаго выше джентльмена будутъ „ретрограды“. Но въ томъ-то и дѣло, что жизнь сложна и ея усложеніе не позволяетъ рисовать все одной краской. Если бы я имѣлъ въ виду оспаривать мнѣніе г. Зубкова по существу и его же пріемами, то—вотъ, къ моимъ услугамъ первый попавшійся фактъ изъ тѣхъ же „нѣдръ Россіи“, надъ которыми оперируетъ и г. Зубковъ. Изъ Висимо-Шайтайскаго *завода* пишутъ въ „Пермскія Губ. Вѣдомости“, что тамъ „въ началѣ іюля къ волостному старшинѣ явилась съ жалобой на сына вдова и просила дать ему розги за то, что онъ не хочетъ разойтись съ своею законною женою и перейти жить къ матери“. Старшина въ присутствіи сторожа, сотскаго и квартиранта Соколовой—долго уговаривалъ Соколова оставить жену. „Когда же тотъ наотрѣзъ отказался, то старшина, съ помощію вышеназванныхъ лицъ, разложилъ Соколова, сѣлъ ему на шею, заворотилъ руки назадъ и приказалъ сотскому и сторожу бить его розгами... Послѣ этого Соколовъ около 3-хъ недѣль пролежалъ въ больницѣ“ *). Вотъ, видите, какъ это все вышло просто и какъ это похоже на случай съ Гончаровой. А вѣдь въ Шайтанскомъ заводѣ, пожалуй, еще со временъ Петра, дымятъ трубы и вертятся маховыя колеса. Очевидно, однако, одной наличности „развитія промышленности“ недостаточно для устраненія „пережитковъ Домостроя“. Мы могли бы изъ приволжскихъ газетъ привести десятки корреспонденцій, рисующихъ отдѣльныя проявленія необыкновенной грубости нравовъ фабричнаго и заводскаго населенія. Этого мало: извѣстно, что въ настоящее время въ глубь сибирскихъ лѣсовъ прорѣзается линія дороги, и свистъ пара оглашаетъ даже пустынную Манчжурію. И вотъ, совсѣмъ уже надняхъ, газеты заимствовали изъ „Владивостока“ извѣстіе о томъ, что на Никольской вѣтви подрядчики наняли нѣсколько тысячъ рабочихъ изъ Китая, которыхъ продовольство-

*) Заимствуемъ изъ „Сам. Газеты“, № 233.


Digitized by Google

шевная жизнь. Онъ всецѣло отданъ службѣ, своимъ полковымъ интересамъ и отношеніямъ. Меня онъ любитъ, цѣнитъ, даже точно гордится мною. Но долгіе мѣсяцы беременности, затѣмъ кормленіе ребенка, наконецъ цѣлый годъ слезъ и горя послѣ смерти дочери отдалили насъ другъ отъ друга; пропала потребность ежеминутнаго участія и сознанія, что есть кто-то, кому дорого знать отъ чего грустно, о чемъ плачешь. Но было ли это когда нибудь?

Вдругъ сейчасъ мнѣ показалось, что этого, въ сущности, никогда не было. Были поцѣлуи, были ласковыя слова, но рядомъ съ этимъ было полное душевное одиночество. И вотъ откуда эта постоянная тоска, точившая меня. Но до сихъ поръ я не отдавала себѣ отчета въ этомъ.

Въ это время появляется на сценѣ нѣкій Львовъ, сорокалѣтній, много пожившій, умный, остроумный, блестящій человѣкъ. Онъ вводитъ Елену Борисовну въ совершенно новый для нея духовный міръ, новый не только содержаніемъ своимъ, но и всѣмъ своимъ строемъ. Все, что Львовъ говоритъ и дѣлаетъ (хотя онъ, собственно говоря, ничего не дѣлаетъ и гордится этимъ) совершенно не похоже ни на то, что Елена Борисовна слышала и слышитъ отъ своей матери и ея кружка, ни на то, чѣмъ живетъ ея мужъ. И она, сначала только заинтересованная этою новизною, находитъ затѣмъ въ своей душѣ отклики на мысли и рѣчи Львова, наконецъ, сходится къ нимъ и уѣзжаетъ отъ мужа. Но не такъ, конечно, скоро и просто все это устраивается. Прежде всего надо отмѣтить тѣ непріязненныя, враждебныя чувства, которыми осложняется любовь Елены Борисовны къ мужу и матери уже въ самомъ началѣ эпизода со Львовымъ.

Заходитъ рѣчь объ одной общей знакомой легкомысленнаго поведенія и Барминъ обзываетъ ее Мессалиной. Львовъ возражаетъ: „Она смѣла и въ этомъ ея большая заслуга. Мы, русскіе, вообще не умѣемъ „смѣть“. А женщины и подавно. Онѣ всегда рабы; рабы родителей, рабы мужа, рабы дѣтей, а больше всего рабы общества, условностей, рукавовъ пузырями, того, что „принято“ и „не принято“ и тому подобныхъ глупостей“.—Барминъ, въ своей простодушной честности и ограниченности, даже понять не можетъ такихъ рѣчей, это для него просто слова безъ смысла. Любящій мужъ, хорошій служака, сжившійся съ извѣстной обстановкой „какъ у всѣхъ“, онъ эти и тому подобные протесты Львова противъ „условностей и мелочей“ считаетъ просто болтовней и съ снисходительнымъ презрѣніемъ относится къ „болтуну“ и „шалопаю“ Львову. Мать Елены Борисовны, старая шестидесятница, въ извѣстномъ смыслѣ согласилась бы съ Львовымъ насчетъ условностей и мелочей, но уже не съ снисходительнымъ презрѣніемъ, а съ яростною ненавистью относится она къ другимъ его идеямъ. Напримѣръ, онъ говоритъ: „Для развитія человѣка гораздо важнѣе быть воспріимчивымъ къ краскамъ и цвѣтамъ, чѣмъ имѣть понятіе о правѣ и безправіи“. Или: „служить ближнему? Отречься отъ себя во имя меньшей братіи? На

Digitized by Google

рить о „нѣдрахъ земли“ въ буквальномъ смыслѣ слова и о спорѣ по этому предмету между екатеринославскими помѣщиками (стоящими за „неотчуждаемость“ нѣдръ) и горнопромышленниками, которые, понятно, стоятъ въ данномъ вопросѣ на противоположной точкѣ зрѣнія. „Мы видимъ въ этомъ инцидентѣ,—говоритъ г. Зубковъ,—наличность групповой борьбы, которая и кончится, какъ всегда кончаются подобные конфликты“. Мы тоже, разумѣется, не можемъ не видѣть здѣсь наличности групповой борьбы, какъ всюду, гдѣ идетъ споръ о непосредственныхъ интересахъ. Въ этомъ опять не можетъ быть спора. Мы только не знаемъ,—„какъ-же всегда кончаются подобные конфликты“, потому что они кончаются чрезвычайно разнообразно,—и даже въ западной Европѣ, гдѣ механизмъ, учитывающій итоги „групповыхъ интересовъ“, спеціально къ этому приспособленъ и дѣйствуетъ у всѣхъ на виду, точно подъ стекляннымъ колпакомъ, исходъ той или другой кампаніи предсказать далеко не такъ легко, какъ рѣшить шахматную задачу съ двумя фигурами или простое тройное правило. И это потому, что и тамъ недостаточно для рѣшенія распредѣлить „интересы“ по группамъ. Нужно еще принять въ соображеніе „сознанность“ даннаго интереса. А когда это данное есть,—нужно посмотрѣть, имѣетъ-ли сознанный интересъ свое представительство и въ какихъ отношеніяхъ онъ находится съ сознанными интересами всего общества, интересами часто гораздо высшаго порядка... и т. д., и т. д. Поэтому, мы сильно сомнѣваемся въ пригодности этого масштаба для тѣхъ или иныхъ предсказаній на нашей почвѣ, хотя, конечно, были-бы рады, если-бы оказалось, что это не такъ и что въ пріемѣ простаго подсчета участвующихъ въ игрѣ „интересовъ“ мы, обозрѣватели русской жизни, и теперь уже имѣемъ могучее орудіе для тѣхъ или иныхъ конкретныхъ предсказаній. Но тогда, кажется намъ,—авторъ статьи объ „усложненіи жизни“ безпокоился совершенно напрасно: если и теперь такъ легко сказать, чѣмъ *всегда* кончаются подобные конфликты,—то, очевидно, что „усложненіе жизни“ получаетъ свое выраженіе даже до ничтожныхъ нюансовъ...

Впрочемъ, это вопросъ „не направленія, а только „пріема“. Но именно иные „пріемы“ и подаютъ поводы къ недоразумѣніямъ, которыя намъ хотѣлось бы разсѣять. „Крестьянинъ Гончаровъ,—пишетъ, напр., г. Зубковъ далѣе,—пожаловался волостному правленію (какому?), что его жена слишкомъ холодно отвѣчаетъ на его ласки“. За такое „преступленіе“ Гончарова, по приговору стариковъ (а не волостнаго суда?), наказана 30 ударами розогъ. Въ другомъ мѣстѣ членъ клуба (самарскаго) Путиловъ избилъ лакея. И лакей—замѣтьте,—бывшій крѣпостной Путилова, носившій его на рукахъ,—простилъ своего бывшаго барина, сказавъ публично, что онъ его „презираетъ“. Въ первомъ случаѣ—

Digitized by Google

фактъ, разумѣется, печальный, доказывающій грубость нравовъ, во второмъ—до извѣстной степени отрадный, знаменующій чувство собственнаго достоинства даже въ лакеѣ. Во всякомъ случаѣ, оба факта элементарные, не подлежащіе различной оцѣнкѣ. Непосредственно за освобожденіемъ крестьянъ столбцы газетъ и журналовъ были ими переполнены, и еще Добролюбовъ осмѣивалъ превыспреннія общія разсужденія, которыми ихъ порой снабжали авторы. Теперь давно уже наша печать довольствуется въ такихъ случаяхъ точнымъ обозначеніемъ фамиліи и мѣста дѣйствія, потому что назвать дѣяніе, въ родѣ Путиловскаго, и посрамить его—значитъ одно и тоже... Есть даже комедія г. Крылова „Къ мировому", насчитывающая болѣе четверти вѣка, гдѣ, помнится, вся соль заключается въ необходимости „благородному человѣку" стать на одну доску съ хамомъ или хамкой, въ которыхъ именно проснулось сознаніе личнаго достоинства и права. Считать эти факты „новыми явленіями"—значитъ запоздать на цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ, а приписывать ихъ одному „генію"—значитъ быть неблагодарнымъ и къ освобожденію того же лакея отъ рабства, и къ новымъ судамъ, и ко многому еще другому. Но г. Зубковъ, вслѣдствіе страннаго угла зрѣнія, подъ которымъ онъ „обозрѣвалъ" факты повседневной жизни,—впадаетъ въ еще большую ошибку. Справедливо указавъ, что рѣшеніе волостного суда (или „старичковъ?") и поступокъ Путилова—пережитки „патріархальныхъ нравовъ" „Домостроя", онъ тотчасъ же подмѣняетъ эти широкія понятія, уходящія въ глубь татарскаго ига и рабства,—понятіями болѣе узкими: „общинное" и „обычное право". Промышленный геній, по его словамъ, расшатываетъ, а мѣстами совсѣмъ расшаталъ такой укладъ народной жизни... Конечно, подобное вліяніе „генія" наша печать (sic) *квалифицируетъ самымъ различнымъ образомъ*. Нѣкоторые, напр., *видятъ въ фактѣ разрушенія геніемъ общины* и другихъ пережитковъ старины *самое грозное явленіе для будущаго*. И мы вполнѣ понимаемъ эти опасенія, ибо для *желательнаго нашимъ охранителямъ* будущаго это дѣйствительно грозное явленіе. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, *не бояться его*, *какъ не трепетать*, если подъ вліяніемъ „генія" въ „низшихъ слояхъ" пробуждается чувство собственнаго достоинства, т. е. именно то чувство, о которое должны разбиваться всѣ *крѣпостническіе планы нашихъ ретроградовъ* *).

Намъ очень хотѣлось бы думать, что весь этотъ странный эпизодъ есть лишь результатъ неясности стиля и предвзятости нѣкоторыхъ шаблонныхъ пріемовъ. Но намъ кажется, что эти неясности и недоразумѣнія заходятъ уже слишкомъ далеко. Когда это „ретроградная" пресса такъ ужъ ревностно стояла за общину или за обычное право? А если считать защитниковъ „об-

---

*) Курсивы вездѣ наши.

Digitized by Google

щины“ союзниками гг. Путиловыхъ, то вѣдь это г. Зубковъ однимъ почеркомъ пера зачисляетъ въ разрядъ крѣпостниковъ всю передовую литературу трехъ десятилѣтій. Это выходитъ, что, напр., извѣстный авторъ статей объ общинѣ „желательное будущее“ то же видѣлъ въ крѣпостничествѣ, и всѣ его многочисленные послѣдователи по этому вопросу должны *трепетать* при видѣ всякаго проявленія человѣческаго достоинства въ „низшихъ слояхъ“...

Я увѣренъ, что оспаривать этотъ изумительный выводъ нѣтъ никакой надобности даже передъ самимъ г. Зубковымъ! Все это выходитъ, очевидно, отъ невѣрности его пріемовъ, отъ ослѣпленія „геніемъ“ и отъ забвенія сложности жизни. Если въ русской жизни одинъ только „промышленный геній“ въ узкомъ смыслѣ произвелъ всѣ освобожденія и весь прогрессъ, то, конечно, всѣ противники описаннаго выше джентльмена будутъ „ретрограды“. Но въ томъ-то и дѣло, что жизнь сложна и ея усложеніе не позволяетъ рисовать все одной краской. Если бы я имѣлъ въ виду оспаривать мнѣніе г. Зубкова по существу и его же пріемами, то—вотъ, къ моимъ услугамъ первый попавшійся фактъ изъ тѣхъ же „нѣдръ Россіи“, надъ которыми оперируетъ и г. Зубковъ. Изъ Висимо-Шайтайскаго *завода* пишутъ въ „Пермскія Губ. Вѣдомости“, что тамъ „въ началѣ іюля къ волостному старшинѣ явилась съ жалобой на сына вдова и просила дать ему розги за то, что онъ не хочетъ разойтись съ своею законною женою и перейти жить къ матери“. Старшина въ присутствіи сторожа, сотскаго и квартиранта Соколовой—долго уговаривалъ Соколова оставить жену. „Когда же тотъ наотрѣзъ отказался, то старшина, съ помощію вышеназванныхъ лицъ, разложилъ Соколова, сѣлъ ему на шею, заворотилъ руки назадъ и приказалъ сотскому и сторожу бить его розгами... Послѣ этого Соколовъ около 3-хъ недѣль пролежалъ въ больницѣ“ *). Вотъ, видите, какъ это все вышло просто и какъ это похоже на случай съ Гончаровой. А вѣдь въ Шайтанскомъ заводѣ, пожалуй, еще со временъ Петра, дымятъ трубы и вертятся маховыя колеса. Очевидно, однако, одной наличности „развитія промышленности“ недостаточно для устраненія „пережитковъ Домостроя“. Мы могли бы изъ приволжскихъ газетъ привести десятки корреспонденцій, рисующихъ отдѣльныя проявленія необыкновенной грубости нравовъ фабричнаго и заводскаго населенія. Этого мало: извѣстно, что въ настоящее время въ глубь сибирскихъ лѣсовъ прорѣзается линія дороги, и свистъ пара оглашаетъ даже пустынную Манчжурію. И вотъ, совсѣмъ уже надняхъ, газеты заимствовали изъ „Владивостока“ извѣстіе о томъ, что на Никольской вѣтви подрядчики наняли нѣсколько тысячъ рабочихъ изъ Китая, которыхъ продовольство-

---

*) Заимствуемъ изъ „Сам. Газеты“, № 233.



вать взялся самъ строитель. Техникъ Ліапинъ въ своемъ докладѣ нарисовалъ ужасающую картину положенія рабочихъ, превосходящую любыя проявленія настоящаго рабства. И вдобавокъ, когда главный инженеръ Юговичъ узналъ о докладѣ г. Ліапина, то послѣдній былъ *выдворенъ* изъ предѣловъ китайско-восточной жел. дороги. Положимъ, и въ этомъ случаѣ, какъ въ случаяхъ Гончаровой и Соколова, дѣло *вѣроятно* кончится вмѣшательствомъ власти,—но всетаки фактъ остается фактомъ: подъ свистъ локомотива пріѣхало на Никольскую линію нѣчто вродѣ рабства и подъ ручку съ нимъ—самый дикій произволъ, вплоть до высылки (!) по распоряженію г-на инженера! А вѣдь изъ подобныхъ фактовъ за самое послѣднее время можно бы составить цѣлый акафистъ. И послѣ каждой строфы,—если бы я хотѣлъ спорить съ г. Зубковымъ по существу,—я могъ бы прибавить припѣвъ: „Такъ вотъ ваше желательное будущее! Промышленное рабство и безграничный произволъ! А! Мы понимаемъ, почему вы трепещете при всякомъ нападеніи на капитализмъ“... И т. д., и т. д.

Но я, разумѣется, не сдѣлаю этого, во 1-хъ, потому, что считаю подобные „массовые выводы изъ единичныхъ наблюденій“ совершенно безплодными, а, во-вторыхъ, еще потому, что отдѣляю понятіе о „промышленномъ геніи“ отъ того джентльмена, который его сопровождаетъ. Я думаю тоже, что á la longue, въ большихъ цифрахъ и большомъ масштабѣ можно доказать, что и желѣзная дорога, и фабрика, и вообще городскіе и промышленные элементы жизни вносятъ, наряду съ отрицательными явленіями „торгашества“, дурной болѣзни, рабочей казармы, фабричнаго кабака—такія ноты, которыя въ общемъ жизненномъ хорѣ необходимы. Но я не считаю ихъ единственными и не смѣшиваю промышленнаго генія съ его очень еще дрянной россійской оболочкой. „Геній“ одно, г. Юговичъ—другое. И главное—я не упускаю изъ виду необыкновенной сложности жизни и не вѣрю въ соціальную алхимію. „Единый двигатель“ сложной жизни, состоящей изъ сложныхъ элементовъ — кажется мнѣ своего рода философскимъ камнемъ, а „единый капитализмъ“, какъ двигатель современнаго прогресса, я считаю философскимъ камнемъ даже вовсе мизернымъ. А между тѣмъ приписывать *всѣ* пріобрѣтенія русской жизни исключительно вторженію капитализма не значитъ ли vice-versa считать послѣдній панацеей... Тогда, подобно извѣстному мольеровскому врачу, съ его purgare et clistirisare—намъ придется отъ всѣхъ бѣдствій современности прописывать одно лѣкарство: порцію капитализма и еще порцію капитализма.

Лѣченіе, несомнѣнно, очень простое, а вѣдь жизнь,—въ этомъ мы согласны всѣ—необыкновенно сложна! И эта сложность такова, что, во имя „человѣка“ и „человѣчности“, во имя даже

Digitized by Google

самаго прогресса, намъ приходится то и дѣло вооружаться всѣмъ, что даетъ намъ печатное слово, чтобы защитить тотъ или другой уголъ жизни отъ излишнихъ притязаній капитала. Прочитайте печатающійся у насъ романъ г. Погорѣлова, и передъ вами встанетъ яркая, выхваченная прямо изъ жизни картина порабощенія „человѣка“ промышленными владыками Урала. Мы видѣли уже, что сибирскій гл. инженеръ г. Юговичъ присвоилъ себѣ право административной высылки по своей линіи. Г. Погорѣловъ рисуетъ систему „заводской тайной полиціи“ и атмосферу „заводской неблагонадежности“ на уральскихъ заводахъ... Мы очень рады, что эти явленія не ускользнули и отъ вниманія новой газеты. Много терпятъ, — пишетъ корреспондентъ „Сѣв. Курьера“ (№ 3) изъ Полевскаго зав., Пермской губ., — жители нашей мѣстности изъ за своей темноты. Невѣжество господствуетъ во всей силѣ... Народъ ничего не читаетъ и какъ-то ничѣмъ не интересуется. Да, правду сказать, за всякой искрой свѣта, за всякимъ стремленіемъ немного выступить изъ обычной колеи *заводоуправленіе зорко слѣдитъ*. Прослышавъ, напр., что такой-то рабочій читаетъ „въ книжку“, не пьетъ, а вмѣсто обычнаго отдыха.. *начинаетъ разсуждать со своими* товарищами хотя бы о своихъ общественныхъ дѣлишкахъ, какъ за нимъ уже начинаютъ „доглядывать“, а при малѣйшемъ предлогѣ отказываютъ отъ работы“. Корреспондентъ прибавляетъ, что явленія, имъ нарисованныя, *типичны* для многихъ уральскихъ заводовъ, а г. Погорѣловъ сводитъ ихъ въ живую и яркую бытовую картину.

Въ томъ же романѣ, а частью въ статьяхъ г. Сигова (въ нашемъ журналѣ) рисуется подкладка этого явленія. Къ заводамъ были приписаны въ свое время крестьяне, которыхъ петровское правительство указывало „къ тѣмъ заводскимъ работамъ всячески принудить“. Время шло, заводы развивались, но жизнь, заправская, настоящая, а не схематическая показала, что заводское дѣло можетъ занять не болѣе $^1/_3$ наличнаго населенія. Остальныя $^2/_3$ ищутъ средствъ въ земледѣліи и кустарномъ промыслѣ. Теперь заводы оспариваютъ законъ 1893 года (которымъ за заводскимъ населеніемъ признано право на землю), а кустарные кузницы преслѣдуются всякими способами. И вотъ жизнь, сильно „усложнившаяся“ на Уралѣ со времени Петра, требуетъ земли и освобожденія кустарнаго труда, а общая схема гласитъ, что *шествіе исторіи* направляется къ обезземеленію массы. Схема чрезвычайно удобна для заводоуправленія: давать работу, какъ благодѣяніе, одной трети населенія и держать ее въ рабствѣ подъ страхомъ отказа, а въ остальныхъ двухъ третяхъ имѣть постоянно рабочій резервъ, по возможности „свободный“ отъ всякихъ средствъ существованія,—это, конечно, то самое, чего только можетъ пожелать любой „капитализмъ“. Но ни развитіе

Digitized by Google

„промышленнаго генія“ страны, ни требованія человѣка нимало съ этими желаніями не совпадають.

Вообще человѣкъ живетъ не для того, чтобы служить матеріаломъ для тѣхъ или другихъ схемъ, и процессъ жизни важенъ не по тѣмъ лишь конечнымъ формуламъ, которыми отмѣчаются тѣ или другіе періоды, а и самъ по себѣ. Дорогъ „человѣкъ“, дорога его свобода, его возможное на землѣ счастіе, развитіе, усложненіе и удовлетвореніе человѣческихъ потребностей... Поэтому, несомнѣнно, важны не одни конечные результаты, а и то, *какъ* они достигаются. Я увѣренъ, что, разъ поставивъ передъ собой вопросъ объ уральскихъ заводахъ такъ, какъ его уже поставила сама жизнь, всѣ мы рѣшимъ его одинаково: пусть *современемъ* земледѣлію суждено на Уралѣ уступить передъ горно-промышленностью. Но мы не хотимъ заранѣе готовить для этого „завершенія процесса“—живой матеріалъ изъ цѣлыхъ поколѣній. Кромѣ того, самая свобода „человѣка“ требуетъ, чтобы въ данное время вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу кустаря и земледѣльца—противъ представителей капитализма. Иначе — мы предоставимъ цѣлыя поколѣнія развращающему вліянію зависимости отъ заводоуправленія, подавляющаго самое стремленіе уральскаго „человѣка“ къ книжкѣ и знанію, къ обсужденію своихъ общественныхъ дѣлъ... Не очевидно ли, что въ данномъ случаѣ требованіе не только „филантропіи“, но и самаго прогресса идутъ совершенно въ разрѣзъ съ требованіями уральскихъ представителей „промышленнаго генія“.

То-же нужно сказать и по одному изъ существенныхъ вопросовъ народной жизни—по вопросу объ общинѣ и ея будущемъ. Вопросъ этотъ теперь—есть вопросъ факта и изслѣдованія. Предшествующія десятилѣтія, съ точки зрѣнія совершенно понятной, находили въ общинѣ черты искомаго будущаго. Послѣднее время преимущественно вскрываетъ въ ней черты пережитаго, подлежащаго сдачѣ въ архивъ. Одно время смотрѣло на общину, такъ сказать, въ идеѣ, другое разсматриваетъ конкретный фактъ со всѣми его историческими наростами. Теперь вопросъ: въ томъ „новомъ“, что несетъ съ собой все „усложняющаяся жизнь“, уцѣлѣютъ-ли существенныя черты общины или она потонетъ? Вынесетъ-ли ее потокъ не вполнѣ еще разложенной и способной принять участіе въ дальнѣйшемъ развитіи,—или балластъ историческихъ пережитковъ потянетъ ее, перегруженную и ветхую ладью, ко дну гораздо раньше?.. Для меня, пишущаго эти строки, это вопросъ еще нерѣшенный, и не могу сказать, чтобы новѣйшія времена внесли для его рѣшенія какія-нибудь существенныя изслѣдованія или строгую аргументацію. Прежнее настроеніе заставляло отчасти идеализировать общину, противополагая ее грядущему капитализму. Но оно, всетаки, дало богатый и всесторонній матеріалъ по ея изученію. Новое—ослѣпляется

Digitized by Google

иногда прогрессивнымъ характеромъ капитализма и обращаетъ апріорныя антипатіи противъ общины... Я лично полагаю, что это всетаки вопросъ нерѣшенный и сравнительно спокойно предоставляю его спеціалистамъ. Община важна для меня не сама по себѣ, а какъ форма обезпеченія „человѣка“. Но человѣкъ мнѣ важенъ не только, какъ конечный результатъ процесса, а и самъ по себѣ, т. е. въ общинѣ, во время перехода изъ нея и послѣ. Я помню еще сравнительно недавнія времена, когда пламенная борьба съ пресловутой 165 статей (разрѣшающей выкупъ и отчужденіе крестьянскихъ участковъ) вызывала бурныя рукоплесканія въ засѣданіяхъ разныхъ обществъ. Теперь нерѣдки рукоплесканія противоположному мнѣнію. Между тѣмъ это именно одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые должны рѣшиться не статьями, не воспрещеніями и уничтоженіями, а по возможности освобожденнымъ отъ регламентаціи процессомъ самой жизни. Я не понимаю, напримѣръ, почему тамбовская администрація воспретила одному крестьянскому обществу переходъ отъ подворнаго владѣнія къ общинному, какъ не понялъ-бы и противоположнаго воспрещенія, если-бы оно было принято такъ-же законно. Человѣкъ, нынѣ живущій въ общинѣ, имѣетъ въ этомъ вопросѣ преимущественное право голоса, и въ этомъ правѣ самоопредѣленія я вижу то существенно-человѣческое, что подлежитъ защитѣ со стороны печати, независимо отъ того или другого отвѣта спеціалистовъ относительно будущаго самой общины, какъ института.

Установленіе этой точки зрѣнія, какъ безспорной, не смотря на кажущуюся ея элементарность, можетъ опять таки способствовать устраненію многихъ недоразумѣній. Въ корреспонденціи изъ Казани (въ первомъ № „Сѣв. Курьера“) приводится постановленіе казанскаго уѣзднаго земства—ходатайствовать о замѣнѣ общиннаго владѣнія подворнымъ. Докладъ въ этомъ смыслѣ кн. Ухтомскаго былъ при этомъ разсмотрѣнъ предварительно гласными отъ крестьянъ, и эти гласные мужички предложили отмѣнить общинное владѣніе, но „чтобы при этомъ земли продавались только тѣмъ, *кто принадлежитъ къ данному сельскому обществу* и ограничить покупку 50 дес. земли“. Новая газета, повидимому, склонна привѣтствовать это постановленіе, но намъ кажется, что тутъ есть тоже доля недоразумѣнія. Это не устраняется и тѣмъ, что это—постановленіе земства, принятое при дѣятельномъ участіи самихъ крестьянъ. Вотъ, напр., одно земство приняло было постановленіе почти равносильное ходатайству объ уничтоженіи самаго земства, а земскіе мужички далеко не представители общихъ или даже преимущественныхъ интересовъ деревни. И когда я узнаю, что они считаютъ нужнымъ „не допущать“ до покупки земли никого изъ стороннихъ, то, признаюсь, начинаю сильно сомнѣваться въ доброкачествен-

Digitized by Google

ности казанскаго рѣшенія. Ибо это очень похоже на стремленіе слопать „человѣка“ своей округи безъ конкуррентовъ и здѣсь явно привходитъ старая мымрецовская закваска („не допущать“!). А ужъ это несомнѣнно голосъ старой, а не новой русской исторіи...

Чувствую, что моя замѣтка разрослась свыше мѣры. А между тѣмъ, пришлось-бы сказать еще много,—опять таки не для спора, а для разрѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній,—по поводу, напримѣръ, задорнаго утвержденія г-на П. М. о томъ, что у такъ называемой передовой русской печати нѣтъ экономической программы. О „программахъ“ и „принципахъ“ мы, можетъ быть, поговоримъ еще въ другой разъ. А пока скажемъ только, что эти два понятія нужно различать очень строго. Упрекъ въ отсутствіи „положительныхъ“ программъ есть упрекъ очень старый, который „передовая русская печать“ слышитъ тоже давно. Это обстоятельство имѣетъ мѣсто всегда, когда „основные принципы“, отстаиваемые тою или другою частію общества, слишкомъ еще удалены отъ тѣхъ теченій, которыя поставляютъ „дѣйственныя“ программы. Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ берлинскій редакторъ (кажется, г. Дорнбургъ) объѣхалъ Россію и потомъ напечаталъ свои разговоры съ нашими выдающимися административными дѣятелями. Одинъ изъ видныхъ провинціальныхъ администраторовъ началъ свою бесѣду съ нѣмецкимъ публицистомъ съ фразы: „Si j'étais le gouvernement... это глупая фраза, но я всетаки употреблю ее. Итакъ,—si j'étais le gouvernement, моя программа была-бы проста“... И администраторъ изложилъ „программу“ дѣйствительно очень простую: закрыть границы отъ всего иностраннаго. Ни ввоза, ни вывоза... Россія, довлѣющая себѣ и обходящаяся собственными средствами... Къ счастію или несчастію,—эта программа не подверглась испытанію дѣйствительности. Но если бы таковое наступило,—мы скоро увидѣли-бы, что это совсѣмъ не программа, а лишь заявленіе принципа. Чтобы стать „программой“, ей пришлось-бы сильно обкарнаться, потерять свою цѣлостность, пріодѣться въ мундиръ данной минуты. Это судьба всякой системы взглядовъ, когда она стремится стать опредѣленной „программой“ въ узкомъ смыслѣ. Мы понимаемъ и цѣнимъ побужденія Мильерана, когда, принимая программу Вальдека-Руссо, онъ сѣлъ на министерской скамьѣ рядомъ съ Галлифе, старымъ своимъ противникомъ. Несомнѣнно также, что онъ сильно сократилъ практическія требованія данной минуты, сравнительно со всѣмъ объемомъ своихъ убѣжденій. И никто его за это не осудитъ, потому что онъ зналъ, для чего это дѣлалъ, и имѣлъ въ виду—ввести въ жизнь, какъ фактъ, хоть часть своихъ desiderata... Русской передовой печати пока еще, какъ извѣстно, не представлялось такихъ искушеній, и вотъ почему она не очень торопилась одѣвать свои принципы въ

Digitized by Google

мундиры программъ. Можетъ быть, дѣйствительно, консервативная пресса легче удовлетворяетъ требованію г-на П. М. Въ первоначальномъ своемъ видѣ эти „программы“ принимали формы болѣе или менѣе широкихъ „проектовъ“, почтительно подаваемыхъ въ тѣ или другія руки и одновременно поддерживаемыхъ въ печати. Потомъ проекты стали появляться и какъ самостоятельныя литературныя произведенія. И совершенно понятно, почему это явленіе появилось прежде и продолжаетъ теперь являться чаще всего на правомъ флангѣ русской печати. Это именно потому, что „принципы“ этого лагеря частію дѣйствительно ближе къ бюрократической дѣйствительности, частію же обладаютъ достаточной гибкостію. Передовая-же часть русской печати вынуждена довольствоваться „руководящими началами“, съ точки зрѣнія которыхъ относится къ дѣйствующимъ „программамъ“ съ критическимъ эклектизмомъ, „отрицая“, въ предѣлахъ возможности, однѣ ихъ стороны и поддерживая другія. Въ этомъ отношеніи ей нельзя, по нашему мнѣнію, сдѣлать серьезнаго упрека. А если г-нъ П. М. дѣлаетъ, то это всетаки недоразумѣніе, истекающее изъ недостаточнаго знакомства съ исторіей предмета. Такъ, напримѣръ, г-нъ П. М. полагаетъ, что когда-то крестьянскій банкъ считался „панацеей“. Этого никогда не было, и русская передовая печать, стоявшая за общину, съ самаго же начала указывала на ограниченное и одностороннее вліяніе этого фактора. И при этомъ она была настолько чужда узкаго доктринерства, что всетаки признавала полезность этого учрежденія, не взирая на то, что „киты“ (по выраженію г-на П. М.), какъ напримѣръ община—ничего въ сущности не выигрывали отъ его дѣятельности. И я смѣю даже думать, что и теперь, даже та самая газета, гдѣ г-нъ П. М. печатаетъ свои задорныя обвиненія по адресу „передовой печати“, не скажетъ ничего другого: не панацея, конечно, но нужно, чтобы крестьянскій банкъ дѣйствовалъ, даже просто въ интересахъ „все усложняющейся жизни“.

Этотъ вопросъ, во всемъ объемѣ, завелъ бы насъ, однако, слишкомъ далеко, и я предпочитаю закончить эти краткія замѣтки еще одной ссылкой. Одинъ изъ сотрудниковъ газеты указываетъ на то, что еврейскій вопросъ при настоящемъ положеніи вещей „неразрѣшимъ“. „Нельзя, говоритъ онъ, разсчитывать на скорое уравненіе въ правахъ всѣхъ гражданъ русской земли: слишкомъ ужъ много могущественныхъ матеріальныхъ интересовъ нарушила бы эта реформа“... „Намъ кажется, продолжаетъ онъ, что... выступленіе на историческую сцену новыхъ классовъ, только теперь создающихъ свое міровоззрѣніе, — можетъ, въ концѣ концовъ, привести къ полному сліянію прежнихъ враговъ въ одно цѣлое“.

Можно было бы сказать, при извѣстной строгости, что съ точки зрѣнія г-на П. М., у газеты нѣтъ „опредѣленной про-

Digitized by Google

граммы“ по еврейскому вопросу, потому что программа, опирающаяся на силу, которой еще нѣтъ и которая только теперь вырабатываетъ свое міровоззрѣніе—не есть программа. И даже отъ самыхъ этихъ строкъ вѣетъ какимъ-то холодомъ схематизма. Но въ тѣхъ-же статьяхъ, не дожидаясь окончательной выработки новыхъ міровоззрѣній и появленія на сцену новыхъ силъ,—авторъ защищаетъ „человѣка“ старыми, но никогда не теряющими силу аргументами. Это значитъ, что руководящія начала газеты въ этомъ вопросѣ совершенно тѣ-же, какъ и въ остальной передовой прессѣ... И это уже не мертво и не схематично, а живо и сильно. Потому опять таки, что важны не „окончательные итоги“, а процессъ жизни. Новое выступаетъ не какъ актеръ, по режиссерской палочкѣ. Оно тихо просачивается въ жизнь и въ сознаніе, какъ весенняя влага изъ оттаивающей почвы. Новое рождается постоянно и ежеминутно, и элементы новаго міровоззрѣнія пробиваются всюду на живой почвѣ, которая остается одна на протяженіи всей сознательной исторіи человѣчества.

И это одно—„человѣчность“, постоянный ростъ человѣческой личности, съ ея усложняющимися потребностями, матеріальными и нематеріальными. Это то самое, что такъ сильно изображено еще въ статьяхъ Н. К. Михайловскаго—„Борьба за индивидуальность“ и что, я увѣренъ, останется всегда *общей* задачей передовой русской печати. Мы увѣрены, что на этой почвѣ всѣ мы союзники. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы статью „Сѣв. Курьера“ въ № 10. Да, несомнѣнно, что въ нашей жизни есть еще очень много такихъ „благъ“, которыя нужны не одному какому нибудь классу или сословію, а русскому „человѣку“ вообще, безъ различія сословій и состояній. Мудрено было бы вносить „классовую“ аргументацію въ вопросъ... ну хоть о народномъ образованіи... А вѣдь есть и другіе вопросы того же рода, которые можно, пожалуй, охватить терминомъ „раскрѣпощеніе русской жизни“, развитіе идеи самоуправленія, и которые еще болѣе важно провести и укрѣпить въ сознаніи русскаго „человѣка“ вообще... „Этого,—говоримъ словами газеты—требуетъ высшій культурный интересъ всего народа, въ которомъ солидарно суммируются и интересы всѣхъ отдѣльныхъ классовъ“. Литература при этомъ является одной изъ важныхъ дѣйствующихъ силъ. Пусть эта сила еще очень небольшая,—но вся она въ служеніи „человѣку“, ищущему своего мѣста среди усложняющейся жизни.

Вл. Кор.

Издатели: **Вл. Г. Короленко.** **Н. К. Михайловскій.**
Редакторы: **П. Быковъ.** **С. Поповъ.**

Digitized by Google

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ.

МАСТЕРСКАЯ

УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.

ОСНОВАНА въ 1873 г.

18 НАГРАДЪ НА ВЫСТАВКАХЪ.

ВСЕРОССІЙСКАЯ ВЫСТАВКА
1896 г.
въ Нижнемъ Новгородѣ—
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

ВЫСТАВКА
Императорскаго
Русскаго Техническаго Общества
1896 г.
въ Москвѣ—**ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.—Троицкая улица, № 9.

Поставщики учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній и Московской Коммиссіи публичныхъ народныхъ чтеній.

Въ мастерской имѣются на складѣ:

Учебныя пособія при обученіи: грамотѣ, естествовѣдѣнію, ариѳметикѣ, географіи, черченію и рисованію.

Школьная обстановка. Школьные столы разныхъ системъ, класныя доски, кафедры и пр.

Гимнастическіе приборы и принадлежности.

Дѣтскія книги.

Образовательныя игры и занятія для дѣтей. Болѣе **200** собственныхъ изданій для дѣтей разныхъ возрастовъ, направленныхъ къ рѣшенію вопроса: „какъ и чѣмъ наполнить досугъ дѣтей, кромѣ игръ, отучая ихъ отъ полной праздности, давая имъ посильную, полезную и привлекательную работу, дающую знаніе и развивающую у нихъ техническіе навыки“.

Волшебные фонари съ керосиновымъ, газовымъ и электрическимъ освѣщеніемъ.

Картины къ фонарямъ, на стеклѣ, фотографированныя и въ краскахъ (болѣе 8000 №№). **Коллекціи картинъ къ народнымъ чтеніямъ.**

Принадлежности для народныхъ аудиторій при чтеніяхъ съ волшебнымъ фонаремъ.

Справочный каталогъ высылается за 14 к. почт. марками.

КАТАЛОГЪ ВОЛШЕБНЫХЪ ФОНАРЕЙ и КАРТИНЪ къ нимъ высылается за 40 коп. почтовыми марками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Троицкая улица, № 9.

А. К. ЕРЖЕМСКІЙ.

САМОУЧИТЕЛЬ ФОТОГРАФІИ

Второе дополненное изданіе.

Съ 250 рисунками, цѣна ТРИ рубля.

Складъ изданія въ С.-Петербургской мастерск. учебныхъ пособій и игръ.

Троицкая улица, № 9.

Вышло ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ книги для дѣтей

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ РАБОТНИКЪ

Жизнь башмачника натуралиста Томаса Эдварда.

Изложилъ по СМАЙЛЬСУ **А. Н. КАНАЕВЪ.**

Съ портретомъ Т. Эдварда и 43 рис. В. С. Шпака и Л. Бакста.

Цѣна **45** к. (съ перес. **60** к.).

Складъ изданія «С.-Петербургская мастерская учебн. пособій и игръ».

9. Троицкая ул. 9.

Digitized by Google

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

(37-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:			На города съ пересылкой:			За границу съ пересылкой:		
на 12 мѣс.	10 р.	— к.	на 12 мѣс.	11 р.	— к.	на 12 мѣс.	18 р.	— к.
„ 6 „	5 „	50 „	„ 6 „	6 „	— „	„ 6 „	9 „	— „
„ 3 „	3 „	— „	„ 3 „	3 „	50 „	„ 3 „	4 „	80 „
„ 1 „	1 „	— „	„ 1 „	1 „	20 „	„ 1 „	1 „	90 „

«Русскія Вѣдомости» будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву въ контору «Русскихъ Вѣдомостей», Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ, земскихъ фельдшерицъ и фельдшеровъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяцъ—85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича и другихъ книжныхъ магазинахъ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Сочиненія А. ЛУГОВОГО.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. СОДЕРЖАНІЕ: Взятка. — Больное мѣсто Сергѣя Сергѣевича.—Часы съ цѣпочкой.—Павла Львовича перевели.—Два бунта.—Тяжелые сны. — Возвратъ. Романъ колеблющихся настроеній.—Письмо. **Цѣна 2 р. 50 к.**

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типогр. **М. М. Стасюлевича**, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, д. 28.

Тамъ же сочиненія А. ЛУГОВОГО:

ТОМЪ I. Повѣсти и разсказы: Не судилъ Богъ!—Однимъ часомъ.—На куриномъ насѣстѣ. — За грозой—вёдро. — Не отъ міра сего.—Ольга Ярославна.—Швейцаръ.—Драматическія произведенія: «За золотымъ руномъ» Сцены изъ похода современныхъ аргонавтовъ, въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—«Озимь». Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Стихотворенія. **Цѣна 2 руб.**

ТОМЪ II. Грани жизни. Романъ въ 5-ти частяхъ. **Цѣна 2 руб.**

ТОМЪ III. Повѣсти и разсказы: Pollice verso (Добей его!).—Нѣсколько поцѣлуевъ.—Тепломъ повѣяло.—Счастливецъ.—Исполнили.—Простая случайность.—Изъ поѣздки къ голодающимъ.—Nocturne.—Нервная ночь.—Музыкантъ въ своемъ родѣ.—Между двухъ смутныхъ идеаловъ.—Алльміроръ!—Стихотворенія. **Цѣна 2 руб.**

Digitized by Google

31-й годъ изд. **1900 г.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на иллюстрированный ЖУРНАЛЪ

„НИВА"

Выходящій еженедѣльно, со многими безплатными приложеніями.

Гг. подписчики «НИВЫ» получатъ въ теченіе 1900 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключающаго въ себѣ въ теченіе года около **1500** столбцовъ текста и **500** гравюръ и рисунковъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ,

весьма значительно **ДОПОЛНЕННОЕ** матеріаломъ, не помѣщеннымъ въ послѣднихъ изданіяхъ его сочиненій.—Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя, съ портретомъ, факсимиле и автографомъ Гоголя, съ нѣсколькими собственноручными его рисунками и съ примѣчаніями редактора,—будетъ приложено къ «Нивѣ» въ теченіе **ОДНОГО 1900 ГОДА**, въ 12 томахъ, отпечатанныхъ на хорошо глазированной бумагѣ, и будетъ выходить, подъ заглавіемъ «*Сборника Нивы*», по одному тому въ началѣ каждаго мѣсяца.

Содержаніе двѣнадцати томовъ слѣдующее:

ТОМЪ I. Біографическій очеркъ. В. И. Шенрока.—Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Повѣсти: Сорочинская ярмарка. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Майская ночь или утопленница. Пропавшая грамота Ночь передъ Рождествомъ. Страшная месть. Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка. Заколдованное мѣсто. **ТОМЪ II.** Миргородъ. Повѣсти: Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба. Вій. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. **ТОМЪ III.** Повѣсти: Носъ. Портретъ. Шинель. Коляска. Римъ.—Комедіи: Ревизоръ. **ТОМЪ IV.** Комедіи: Приложенія къ комедіи «Ревизоръ».—Женитьба.—Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены: Игроки. Утро дѣлового человѣка. Тяжба. Лакейская. Отрывокъ. Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи. **ТОМЪ V.** Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Томъ первый. **ТОМЪ VI.** Приложенія къ первому тому «Мертвыхъ Душъ.—Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Томъ второй. **ТОМЪ VII.** Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. **ТОМЪ VIII.** Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями [продолженіе]. **ТОМЪ IX.** Юношескіе опыты.—Арабески. Часть I. **ТОМЪ X.** Арабески. Часть II. **ТОМЪ XI.** Произведенія, не вошедшія въ первое изданіе «Сочиненій Гоголя» **ТОМЪ XII.** Сочиненія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, изданныя послѣ смерти автора.—Приложенія: Сганарель. Дядька въ затруднительномъ положеніи.

12 КНИГЪ *„ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ"*, выходящихъ при „Нивѣ" въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. современ. авторовъ.

12 №№ **„ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ"**, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ [около **300**] и до **300** чертежей выкорекъ въ натуральную величину, выходящ. ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ" на 1900 годъ, печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми вышеозначенными приложеніями: безъ доставки: 1] въ С.-Петербургѣ — **5 р. 50 к.** 2] въ Москвѣ [въ конт. Н. Н. Печковской, Петровскія линіи]—6 р. 25 к. 3] въ Одессѣ [въ книжн. маг. „Образованіе", Ришельевская, № 12]—6 р. 50 к.—съ доставкой въ С.-Петербургѣ—**6 р. 50 к.**, съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи **7** руб. За границу—**10** руб.

Требованія просятъ адресовать: *въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „НИВА" [А. Ф. МАРКСУ]*, Малая Морская, д. № 22.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„Иллюстрированную Библіотеку Нивы“ на 1900 г.,

въ составъ которой войдетъ роскошно-иллюстрир. изданіе in quarto

„ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ“

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

полная, подробная, въ общедоступномъ изложеніи, составленная

П. Н. ПОЛЕВЫМЪ.

«Исторія Русской Словесности» выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе 1900 г. въ видѣ 12 ежемѣсячныхъ выпусковъ (по одному выпуску въ началѣ каждаго мѣсяца), которые составятъ три большихъ тома in quarto, заключающихъ въ себѣ болѣе 100—120 печатныхъ листовъ, около 1000 гравюръ на деревѣ и автотипій, 20 хромолитографій, отпечатанныхъ многими красками и золотомъ, и около 50 отдѣльныхъ приложеній, исполненныхъ разными способами воспроизведенія.

Цѣль настоящаго изданія нашего—дать русской публикѣ такую «Исторію Русской Словесности», которая, при всемъ своемъ обширномъ объемѣ, при всей подробности изложенія отдѣльныхъ эпохъ и разсмотрѣнія отдѣльныхъ произведеній,—была-бы всѣмъ одинаково доступна, вразумительна и понятна, была бы для всѣхъ одинаково открытою книгою, при посредствѣ которой каждый русскій человѣкъ могъ бы свободно заглянуть въ историческое прошлое русской мысли и чувства.—Подробно изображая исторію русской словесности въ ея постепенномъ и послѣдовательномъ развитіи, авторъ старательно отмѣчаетъ, на всемъ ея длинномъ пути, тѣсную связь, существующую между исторіей русской словесности и исторіей просвѣщенія въ Россіи, а равно и тѣ историческія условія, которыя способствовали или препятствовали успѣхамъ русскаго просвѣщенія и литературы въ ту или другую эпоху. Также въ видахъ всесторонняго выясненія и возможно болѣе нагляднаго представленія предмета, мы въ нашемъ изданіи «Исторія Русской Словесности» украсили ея богатое содержаніе многочисленными художественными иллюстраціями и приложеніями, живо характеризующими тотъ или другой историческій періодъ русской словесности, ея болѣе или менѣе выдающихся дѣятелей и представителей, тѣ или другія замѣчательныя произведенія литературы; такъ въ иллюстраціяхъ этихъ воспроизведены будутъ: портреты русскихъ писателей, поэтовъ и журналистовъ, ихъ письма, автографы, собственноручные рисунки и наброски, снимки съ памятниковъ древней письменности, заставокъ и виньетокъ первопечатныхъ книгъ; фронтисписы, титул. листы и заглавныя страницы книгъ и журналовъ, составляющихъ нынѣ библіографическую рѣдкость, и т. д.

Благодаря богатому содержанію, ясности и простотѣ изложенія, обилію и разнообразію иллюстрацій и роскошной внѣшности въ отношеніи бумаги и шрифта, при весьма умѣренной цѣнѣ и очень льготныхъ условіяхъ разсрочки,—«Исторія Русской Словесности» въ нашемъ изданіи должна занять видное мѣсто въ числѣ любимыхъ настольныхъ книгъ русской семьи, въ которую она можетъ внести такъ много важныхъ и поучительн. свѣдѣній, необходимыхъ для каждаго образованнаго человѣка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, по одному выпуску въ мѣсяцъ: Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ —12 р., 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и въ Одессѣ, въ книжн. магазинѣ «Образованіе» (Ришельевская, № 12)—13 р. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи—14 р. Съ перес. за границу — 16 р. Разсрочка допускается въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

Отдѣльные выпуски «Исторія Русской Словесности» не продаются, и изданіе по подпискѣ, съ наложеннымъ платежомъ и въ переплетѣ не высылается. Только ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ, для ознакомленія съ изданіемъ, ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО за 1 руб. съ пересылкою (можно почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ). Лица, выписавшія первый выпускъ, могутъ подписаться на все изданіе со 2-го выпуска, уплачивая меньше на 1 р.

Иллюстриров. объявленіе о подпискѣ, украшен. мног. гравюрами, съ подр. условіями подписки и разсро[illegible]дается и высыл. безплатно.

Требованія и деньги адресоват[illegible] контору изданій А. Ф. МАРКСА,

въ С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

3558.303 L B 881

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google